

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

А АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1987 ГОД

Основан в 1957 г.

академиком

М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

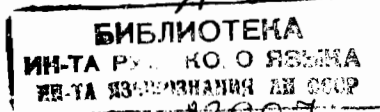
Ответственный редактор
доктор исторических наук,
профессор

С. О. ШМИДТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1988

Редакционная коллегия:

С. О. ШМИДТ (ответственный редактор),
Ю. В. АНДРЮШАЙТИТЕ, Н. А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
В. А. ДЬЯКОВ, М. П. ИРОШНИКОВ, С. М. КАШТАНОВ,
А. А. КУРНОСОВ, Б. Г. ЛИТВАК (заместитель ответственного редактора),
Н. Н. ПОКРОВСКИЙ, А. С. ПРОКОПЕНКО, В. А. ЧЕРНЫХ

Рецензенты:

член-корреспондент АН СССР Ю. А. ПОЛЯКОВ,
доктор исторических наук К. Ф. ШАЦИЛЮ.

А87 Археографический ежегодник за 1987 год.— М.:

Наука, 1988.— 344 с.

ISBN-5-02-009422-6

Ежегодник за 1987 год посвящен в значительной степени историко-революционной тематике в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции. Ряд статей и обзоров содержит новые данные об изучении ленинских «Тетрадей по империализму», о собирании, исследовании и публикации документов по истории Великого Октября. Помещены также статьи по истории археографии и архивного дела, о деятельности выдающихся источниковедов и археографов, многообразная информация о малоизвестных архивных источниках по отечественной истории от средневековья до наших дней.

0503000000—200
А 042(02)—88 18-88-III

ББК 63.2

ISBN-5-02-009422-6

© Издательство «Наука», 1988

І. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

К. Н. Тарновский

«ТЕТРАДИ ПО ИМПЕРИАЛИЗМУ» КАК ЧАСТЬ ЛИЧНОГО НАУЧНОГО АРХИВА В. И. ЛЕНИНА: ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ, СТРУКТУРА, ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ *

Определились четыре основных подхода к изучению ленинских «Тетрадей по империализму». В связи с подготовкой «Тетрадей» к публикации ранее других выявился археографический подход. Сотрудники Института марксизма-ленинизма проделали огромную, неопенимую работу по прочтению ленинской скорописи, переводу его записей с иностранных языков на русский, их комментированию и т. п. Эта работа началась более 50 лет назад, когда «Тетради» впервые увидели свет в составе «Ленинских сборников», а затем вышли отдельной книгой¹, и продолжается до сих пор в связи с их переизданиями в собраниях сочинений В. И. Ленина. Некоторое представление об объеме и характере проделанной археографической работы дают предисловия и вводные статьи к публикациям, а также брошюра Б. М. Таля², осуществлявшего общее руководство по подготовке «Тетрадей» в Ленинских сборниках.

«Тетради по империализму» изучаются далее в историко-тематическом плане. Трудно сейчас назвать исследование по проблемам империализма, в котором не использовались бы их материалы.

Велико значение «Тетрадей» для разработки историографических проблем. Ленинские записи содержат необычайно много положений, связанных с методологией историографии, — приемов выявления структуры авторских концепций, их синтезирования в научные направления и т. д. Наконец, «Тетради по империализму» широко используются и как источник для познания ленинской лаборатории исследования. В этой области много сделано А. Л. Леонтьевым, посвятившим «Тетрадам» специальную работу и обстоятельные разделы в своих монографиях³.

Таковы основные подходы к изучению «Тетрадей по империализму». Опираясь на проделанную к настоящему времени работу и на тексты «Тетрадей», опубликованные в т. 28 (с. 1—710) Полного собрания сочинений В. И. Ленина⁴ (далее в тексте даются ссылки на тома и страницы этого собрания сочинений), попытаемся посмотреть на «Тетради» как на законченную часть личного архива Ленина-исследователя. При этом

* Основные положения исследования были обсуждены на научно-методологическом семинаре ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС 14 мая 1985 г. О заседании в Археографической комиссии 18 декабря 1986 г. см. АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 313; наст. изд. С. 317.

¹ См.: Ленинские сборники XXII, XXVII—XXXI. М., 1933—1938. Тетрадь «дельта» была найдена позднее и впервые опубликована в русском переводе отдельно (ПР. 1938. № 9. С. 171—184); Ленин В. И. Тетради по империализму/Подгот. к печ. Н. А. Подвойской. М., 1939.

² Таль Б. О ленинских «Тетрадах по империализму». М., 1934.

³ Леонтьев Л. А. О ленинских «Тетрадах по империализму»: (К характеристике творческой лаборатории В. И. Ленина). М., 1962; Он же. Ленинское исследование империализма. М., 1964; Он же. Ленинская теория империализма. М., 1969.

⁴ Мы не имели возможности работать с подлинными текстами «Тетрадей». Поэтому предлагаемые ниже решения некоторых вопросов носят предварительный характер.

в центре внимания оказываются вопросы происхождения и структуры «Тетрадей».

Изучаемый комплекс записей представлен 20 тетрадами; 15 обозначены Лениным буквами греческого алфавита от «альфа» до «омикрон»: пять имеют особые заголовки. «Тетради» содержат выписки и конспекты 148 книг и 232 статей из 49 периодических изданий (т. 28, с. VIII).

До сих пор достаточно широко распространено представление о том, что «Тетради» являются подготовительными материалами к книге «Империализм, как высшая стадия капитализма»⁵. Действительно, при работе над своей книгой Ленин опирался на содержащиеся в «Тетрадах» материалы. Это, однако, не значит, что «Тетради» создавались лишь в связи с подготовкой названной книги. Напомним: Ленин дал согласие написать для руководимого М. Горьким издательства «Парус» «популярный очерк» о финансовом капитале в ноябре 1915 г., а 2 июля 1916 г. работа над рукописью была окончена⁶. Если же иметь в виду, что за то же время Лениным написано еще не менее 20 работ, и среди них книга «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии», лишь немного уступающая по объему исследованию об империализме, что в феврале 1916 г. Ленин выезжал в Женеву для чтения рефератов, а в апреле — в Кинталь на Вторую международную социалистическую конференцию⁷, то получится, что для работы над книгой об империализме Ленин располагал в лучшем случае двумя-тремя месяцами. Разумеется, за это время он не мог тщательно изучить полторы сотни книг, законспектированных в «Тетрадах», а затем создать работу, насыщенную огромным фактическим материалом и поражающую красотой и стройностью развитой в ней концепции. Остается заключить, что к моменту получения заказа издательства «Парус» Ленин располагал необходимым фактическим материалом и достаточно далеко продвинулся по пути разработки общей концепции империализма как высшей стадии капитализма.

Что дело обстояло именно так, показано в работах А. Л. Леонтьева. Сопоставив тексты опубликованных ленинских произведений 1915 г. с записями в «Тетрадах», исследователь пришел к выводу, что Ленин «приступил к углубленному изучению империализма задолго до получения предложения о написании книги и независимо от него», во всяком случае, «не позднее первой половины 1915 г.», что 15 пролитерованных тетрадей, а также тетрадь «Брейлсфорд» были составлены Лениным до осени 1915 г.⁸ Вместе с тем анализ произведений Ленина привел Леонтьева к выводу, что окончательное оформление общей концепции империализма приходится на первую половину 1916 г., однако элементы ее содержатся в ранее написанных работах.

Таким образом, ко времени получения предложения издательства «Парус» работа над пролитерованными «Тетрадами по империализму» была практически завершена. Но из этого следует, что по составу заключающихся в них сведений, по тематической структуре «Тетради» не могут (и не должны) совпадать с кругом вопросов, рассмотренных в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», и поэтому для использования «Тетрадей» при написании книги требовалось, по крайней мере, отобрать и сгруппировать по иной программе мобилизованный материал.

В самом деле, издательство «Парус», указывая на подцензурный характер серии «Европа до и во время войны», которую должна была

⁵ Ленинский сборник XXII. С. 4 и др.

⁶ Подробнее см.: *Евзеров Р. Я.* Из истории создания книги В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» // В. И. 1969. № 2; *Он же.* Из истории создания великого труда: (К 60-летию работы В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма») // Мировая экономика и международные отношения. 1976. № 6; Памятные книжные даты. 1986. М., 1986. С. 12–15.

⁷ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 3. 1912–1917. М., 1972. С. 423, 461, 490; Владимир Ильич Ленин. Биография. Т. 1. 1870–1917. М., 1985. С. 287.

⁸ *Леонтьев А. Л.* О ленинских «Тетрадах по империализму»... С. 46.

открыть ленинская книга, предлагало Ленину сосредоточиться на экономическом содержании проблемы, особо выделив вопрос о финансовом капитале и его влиянии на современную жизнь⁹. Но, как свидетельствует Н. К. Крупская, участвовавшая в составлении «Тетрадей по империализму»¹⁰, Ленина в годы мировой войны интересовали «не только экономический уклад, но и те политические формы, которые соответствовали этому укладу, влияние их на массы», а также пути, «по которым пойдет мировая борьба за социализм»¹¹. Далее увидим: отмеченный Крупской круг вопросов отражает тематику ленинских «Тетрадей».

Анализ произведений Ленина, написанных в августе 1914 — мае 1915 г., показывает, что к началу работы над «Тетрадами» он имел достаточно определенное представление о структуре интересовавшей его проблемы. Изучая источники и литературу, Ленин сразу тематически группировал отбираемый им материал и разносил свои записи по разным тетрадам. Именно поэтому выписки из одного источника встречаются в нескольких тетрадах (например, из журнала «Die Bank» в тетрадах «бета» и «ми», «The Economist» — в тетрадах «эпсилон» и «дзета», «Die Neue Zeit» — в тетрадах «йота» и «ни» и т. д.). К такому же заключению приводят и наблюдения за «цюрихским слоem» записей в «Тетрадах»: выписки из различных периодических изданий, вышедших в свет позже января 1916 г. (в конце этого месяца Ленин и Крупская переехали из Берна в Цюрих) обнаруживаются по крайней мере в четырех тетрадах — «альфа», «эпсилон», «дзета» и «ми» (т. 28, с. 22, 259, 562—565, 591 и др.). В результате в каждой из тетрадей преобладает материал по определенному кругу вопросов. Например, основной темой тетради «альфа» является концентрация производства и банковского дела, в тетради «бета» собраны и разработаны данные о деятельности банковских монополий и т. д.¹² Такая особенность заполнения тетрадей позволяет выяснить, какие стороны проблемы прежде всего привлекали внимание Ленина при сборе фактического материала. Оказывается, из 15 тетрадей, обозначенных Лениным буквами греческого алфавита, проблемам концентрации производства посвящена одна тетрадь, концентрации банков — две, финансовому капиталу — одна, вывозу капиталов — три, экономическому и политическому разделу мира — три, вопросам связи империализма и оппортунизма — три, проблеме паразитизма — две. Как видим, Ленина прежде всего интересовали вопросы вывоза капитала и раздела мира (шесть тетрадей) и социально-политические стороны проблемы (пять тетрадей); история финансового капитала как такового (концентрация производства и банков, сращивание банковского капитала с промышленным) на третьем месте (четыре тетради).

Интерес Ленина к указанным проблемам не случаен и объясняется общими представлениями по проблеме, сформировавшимися в предвоенные годы. Характеризуя их во введении к своей книге, Ленин выделил работу английского экономиста Дж. А. Гобсона «Империализм» и в особенности книгу австрийского марксиста Р. Гильфердинга «Финансовый капитал». Вторая работа, как указывал Ленин, «представляет из себя в высшей степени ценный теоретический анализ „новейшей фазы в развитии капитализма“ — так гласит подзаголовок книги Гильфердинга» (т. 27, с. 309). Несомненной заслугой Гильфердинга является характеристика функций коммерческих банков в условиях империализма, разработка вопросов соотношения акционерного и действительного капиталов, цены (курса) акций, учредительской прибыли. Ленин выделил и воспроизвел в своей книге данную Гильфердингом трактовку комбиниро-

⁹ Текст издательского проспекта заказываемой Ленину книги см.: *Евзеров Р.* Из истории создания великого труда... С. 34—35.

¹⁰ Н. К. Крупской принадлежат записи в тетрадах «каппа», «Брейлсфорд», «О марксизме и империализме», «Империализм» (см.: Т. 28, С. 766); *Леонтьев Л. А.* О ленинских «Тетрадах по империализму»... С. 68, 72.

¹¹ *Крупская Н. К.* Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1957. С. 255, 261.

¹² Подробнее см.: *Леонтьев Л. А.* О ленинских «Тетрадах по империализму»... С. 57—74.

вания производства, этой «крайне важной» особенности капитализма, «достигшего высшей ступени развития» (там же, с. 312).

Вместе с тем в своей книге об империализме Ленин отметил и существенные недостатки гильфердинговской концепции. Главные из них — игнорирование раздела мира, а также соотношения финансового капитала с паразитизмом и империализма с оппортунизмом (см.: т. 27, с. 309; т. 28, с. 178). Гельфердинг ограничился анализом некоторых экономических сторон проблемы и только странами высокого развития капитализма. Все это и учитывал Ленин в ходе мобилизации конкретного материала по теме. Тематическая структура «Тетрадей по империализму» показывает, что Ленина интересовали не только страны-метрополии, но и их огромная колониальная и полуколониальная периферия; он стремился установить связь империализма с колониальной политикой и мировой войной; он искал ответы на вопросы о перспективах развития мирового революционного процесса. Что же касается очередности (последовательности) научной разработки указанных проблем, то, установив связь высшей стадии капитализма с характером мировой войны (это главная тема его работ второй половины 1914 г.), Ленин в 1915 г., когда составлялись «Тетради по империализму», специально обратился к рассмотрению вопроса о соотношении империализма с оппортунизмом и о влиянии последнего на рабочее и социал-демократическое движение: обширная статья «Крах II Интернационала» (т. 26; с. 209—265), написанная летом 1915 г., появилась в сентябре того же года в № 1—2 журнала «Коммунист» (Женева).

Таким образом, и с точки зрения очередности разработки конкретных вопросов высшей стадии капитализма экономическая сторона проблемы во второй половине 1915 г. — периода накопления «Тетрадей по империализму» — не стояла на первом плане, не являлась непосредственной исследовательской задачей. Однако с точки зрения последовательности «Тетрадей» в соответствии с нумерацией, проставленной Лениным, картина будет обратной. Известно, что в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» подавляющее количество ссылок приходится на материалы, содержащиеся в первых четырех тетрадах — «альфа» (около 40), «бета» (свыше 110), «гамма» (около 20) и «дельта» (около 40 ссылок)¹³, в то время как в статье «Крах II Интернационала», написанной значительно раньше книги об империализме, использованы данные тетрадей «дельта» (4), «йота» (9), «эта» (7), «кси» (14) и «Брейлсфорд» (см.: т. 28, с. 245, 364—365, 305, 540—542, 617; ср.: т. 26, с. 223—224, 228—229, 231, 233, 245). Как показано выше, нумерация «Тетрадей по империализму» отнюдь не фиксирует порядок их заполнения — Ленин сразу группировал материал по тематическому признаку и поэтому работал одновременно с рядом тетрадей. Теперь выяснилось, что она не отражает также ни преимущественные интересы Ленина к отдельным проблемам империализма, ни последовательности специальной разработки этих проблем. Вопрос о нумерации «Тетрадей по империализму» нуждается, следовательно, в специальном рассмотрении.

Заметим прежде всего, что на каком-то этапе работы с тетрадями они вовсе не имели нумерации, и отсылки на тетради со сходными материалами Ленин делал посредством описания. Так, встретив в VI разделе «Основ социальной экономики» цифровой материал по индустрии и горному делу (выписки из книги содержатся в тетради «альфа»), Ленин для себя заметил: «Некоторые статистические данные о крупной промышленности см. в тетради линованной» (т. 28, с. 44). Как следует из редакционного примечания, «линованная тетрадь» — это тетрадь «ми». Занимая в комплексе двенадцатое место, она была заполнена раньше тетради «альфа» или, во всяком случае, одновременно с ней.

Обратимся к цветному факсимильному воспроизведению 107-й страницы тетради «бета», на которой Ленин записал содержание тетради.

¹³ Ленинский сборник. XXVII. С. 4—5.

Вверху страницы надпись: «тетрадь β». Она сделана фиолетовыми чернилами, тогда как вся страница написана черными. Такими же (черными) чернилами вверху страницы проставлена цифра «XI», опущенная при издании тетради в XXII Ленинском сборнике и в т. 28 (с. 48) ПСС. Совершенно очевидно, что надпись «тетрадь β» сделана позднее, чем остальной текст. Но в таком случае цифра «XI» указывает на предшествующий, более ранний порядковый номер тетради в комплексе изучаемых материалов. Ленин, следовательно, менял расположение своих тетрадей, отбирая нужные и размещая их в порядке, удобном для выполнения очередной работы¹⁴. Другими словами, Ленин работал с тетрадями, как со своего рода картотекой, и по крайней мере дважды закреплял установленную последовательность порядковой нумерацией, римскими цифрами в первом случае и буквами греческого алфавита — во втором. Можно с достаточной степенью достоверности отнести вторую нумерацию к январю 1916 г., т. е. связать ее появление с началом работы над книгой «Империализм, как высшая стадия капитализма»: переход к экономической проблематике сделал целесообразным перенесение соответствующих тетрадей во главу всего комплекса материалов. И тогда одиннадцатая по счету тетрадь стала «тетрадью бета», т. е. оказалась на втором месте, а первые по прежней нумерации тетради получили литеры от «эта» и далее. Не ими ли пользовался Ленин летом 1915 г. при написании статьи «Крах II Интернационала»? Напомним: в ходе работы над ней Ленин чаще других обращался к тетрадям «эта», «йота», «кси», занимающих соответственно 7, 9 и 14-е места в пролитерованном документальном комплексе.

Таким образом, нумерация, а затем литеровка использовались Лениным для выделения материалов, особенно необходимых для очередной работы и в качестве средства организации собранных материалов в документальном комплексе¹⁵.

Перейдем к рассмотрению состава «Тетрадей» по типу (разновидностям) содержащихся в них записей: они отражают некоторые особенности работы Ленина над источниками и литературой, а также складывание и развитие его системы взглядов по проблемам империализма.

«Тетради» включают пять основных типов (разновидностей) записей: 1) сжатое резюме просмотренной книги, 2) выписки в виде прямых цитат или конспективного характера, 3) так называемые «замечания», в которых Ленин формулирует свой взгляд на вопрос (тему), противопоставляя его обычно положениям других авторов, 4) планы и 5) наброски (варианты) текстов будущих работ. Первые два типа записей наиболее обстоятельно охарактеризованы в литературе, посвященной творческой лаборатории Ленина¹⁶. Обратимся поэтому сразу к замечаниям и планам книги «Империализм, как высшая стадия капитализма». Они позволяют, хотя бы отчасти, представить, как шел Ленин к выдающемуся открытию сущности империализма как высшей стадии капитализма — кануна демократических и пролетарских революций XX столетия.

Как говорилось, наибольшее количество материалов для написания книги об империализме содержат тетрадь «бета». И поэтому вряд ли

¹⁴ В XXIX «Ленинском сборнике» помещено черно-белое воспроизведение обложки тетради «омикрон», на которой Ленин записал содержание тетради и в левом верхнем углу поставил соответствующую греческую букву. Римской цифры, указывающей на более ранний порядковый номер тетради, в данном случае нет. Ранняя нумерация по-видимому распространялась не на все тетради. Без обращения к подлинникам «Тетрадей по империализму» данный вопрос не может быть решен окончательно.

¹⁵ Ознакомление с набросками планов статей второй половины 1916 г. показывает, что после окончания работы над книгой об империализме Ленин уже не менял установленную в начале 1916 г. последовательность тетрадей, ссылаясь в своих набросках на литературу и страницу тетради, где имелся нужный материал (см.: Т. 28. С. 730—731).

¹⁶ Помимо указанных работ, см.: Городецкий Е. Н. Ленинская лаборатория исторического исследования. М., 1984.

случайно, что интересующие нас «Замечания» находятся именно в этой тетради. На факсимильном воспроизведении 107-й страницы тетради «бета» видно: в тематическом оглавлении Ленин очертил карандашом и отметил крестиками и значком «нота bene» записи на с. 40, 103 и на обложке тетради. В т. 28 тексты этих записей находятся на с. 91, 171—172, 177—178. Они озаглавлены: «Замечание о К. Каутском versus империализм», «Замечания ((о финансовом капитале вообще))» и «К вопросу об империализме». А. Л. Леонтьев рассматривал «Замечания» как последовательные варианты плана книги «Империализм, как высшая стадия капитализма»¹⁷. Это суждение справедливо лишь по отношению к записи «К вопросу об империализме». Что же касается двух первых, то они не были непосредственно связаны с работой над книгой об империализме и отражают складывание общих представлений Ленина об империализме и империалистической эпохе до получения заказа издательства «Парус»¹⁸.

Рассмотрим заключительные разделы первой записи, содержащие примерные, как отмечает Ленин, определения (дефиниции) империализма. Первое из них:

«Империализм=

- (1) банковый капитал
- (2) монополии (тресты etc.)
- { (3) раздел мира. [Колонии]
- { (4) союз (связь, *слияние*) банкового (финансового) капитала с государственной машиной
- (5) высшая степень концентрации» (т. 28, с. 91).

Уже в «первом приближении» Ленин нащупывает основные черты (признаки) империализма. «Липшим» окажется пункт о слиянии финансового капитала с государственной машиной (эта тема перерастет в более общий вопрос о государственно-монополистическом капитализме; Ленин выделит его в отдельную проблему и специально рассмотрит в работах 1917 г.), а «недостает» пункта о вывозе капитала. И именно с этой темы начинается следующая, отмеченная Лениным, запись. Конец ее содержит такую дефиницию: «..финансовый капитал (монополии, банки, олигархия, подкуп etc.) не случайный нарост на капитализме, а неустранимое продолжение и продукт капитализма... Не только колонии, а также (а) вывоз капитала; (b) монополии; (c) финансовая сеть связей и зависимостей; (d) всеисилие банков; (e) концессии и подкуп etc. etc.» (т. 28, с. 172).

Обратимся к записи «К вопросу об империализме». Ввиду сложности документа и его значения для уяснения процесса разработки системы представлений Ленина об империализме приведем документ полностью.

«К вопросу об империализме.

Темы: (примерно)

5.1 Финансовый капитал.

¹⁷ Леонтьев А. Л. Ленинская теория империализма. С. 168—173.

¹⁸ Есть некоторые основания датировать вторую ленинскую запись самым началом 1915 г. В пользу этого говорит сопоставление текста записи с текстом резолюций заграничных секций РСДРП, написанных Лениным в феврале — не позднее 19 (4 марта) 1915 г. (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 167). В заключительной части «Замечаний» понятие «финансовый капитал» раскрывается следующим образом: «Не только колонии, а также (а) вывоз капитала; (b) монополии; (c) финансовая сеть связей и зависимостей; (d) всеисилие банков; (e) концессии и подкуп etc., etc.» (Т. 28. С. 172). В резолюции содержится следующее определение империалистической эпохи: «Современная война имеет империалистический характер. Эта война создана условиями эпохи, когда капитализм достиг высшей стадии развития; когда наиболее существенное значение имеет уже не только вывоз товаров, но и вывоз капитала; когда картелирование производства и интернационализация хозяйственной жизни достигли значительных размеров; когда колониальная политика привела к разделу почти всего земного шара...» (Т. 26. С. 161—162). Курсивом нами выделены определения, совпадающие с положениями «Замечаний».

- 4.2. Банки.
- 2.3. Картели и тресты.
3. Монополия.
- 1.4. Концентрация и крупное производство.
- 6.5. Вывоз капитала.
- 7.6. Колонии. Их значение.
- 8.7. История колоний.
- 9.8. Раздел мира.

Интернациональные тресты
колонии
Кальвер

- 10.9. Свободная конкуренция versus империализм.
- 11.10. Назад к свободной конкуренции или вперед к преодолению империализма и капитализма?
- 12.11. Ультраимпериализм или интеримпериализм?
12.bis: Неравномерность роста.
- 13.12. Гобсон, Каутский, империализм.
- 14.13. Апологеты и мелкобуржуазные критики империализма.
- 15.14. Паразитизм в империалистских странах... („загнивание“) („государство-рантье“).
- 16.15. Окончательный раскол рабочего движения... [„империализм и оппортунизм“].
- 17.16. Дипломатия и внешняя политика 1871–1914.
- 18.17. Национальный вопрос в эпоху империализма.
- 19.18. *Переплетение versus «обобществление»* (ср. Риссер). Составные части понятия «империализм».

Примерно:

{	1. I монополия, как итог концентрации	
	2. II вывоз капитала (как главное)	
	4. III { раздел мира {	(α) соглашения интернационального капитала
	5. IV {	(β) колонии
	3. V банковый капитал и его «нити»	
	6. VI смена свободной торговли и мирного оборота политикой насилия (пошлины; захваты etc. etc.).	

Недостатки Гильфердинга:

- 1) Теоретическая ошибка относительно денег.
- 2) Игнорирует (почти) раздел мира.
- 3) Игнорирует соотношение финансового капитала с паразитизмом.
- 4) „ „ империализма с оппортунизмом.

„Империализм, как высшая (современная) стадия капитализма“ „

(т. 28, с. 177–178)

Как и предыдущие, запись «К вопросу об империализме» состоит из аналитического и теоретического разделов. Первый содержит пространственный перечень конкретных тем, второй включает дефиницию («составные части») понятия «империализм», критические замечания по содержанию концепции Гильфердинга («недостатки Гильфердинга»), наконец, заголовок будущей работы («Империализм, как высшая (современная) стадия капитализма»). Заключенный в двойную рамку заголовок выглядит как общий итог проделанной работы. Несомненно, таким образом, что запись «К вопросу об империализме» имеет прямое отношение к книге, представляет собой первый набросок конкретного содержания и основных концепционных положений, выраженных как в виде прямого определения изучаемого объекта, его структуры, так и посредством противопоставления полученных результатов системе взглядов Гильфердинга, автора специального исследования о финансовом капитале. Общий характер документа, а также его место в тетради «бета» (на обороте с. 107, где записано содержание тетради) дает прежде всего основание датировать запись «К вопросу об империализме» январем 1916 г: «сядась за работу» над книгой для издательства «Парус», Ленин отобрал нужные

ему тетради, сложил их в определенном порядке, определил перечень подлежащих рассмотрению конкретных тем и свел в определенную систему ранее намеченные признаки новейшего капитализма. В итоге была выработана целостная концепция империализма как высшей стадии капитализма, прямо противостоящая общепризнанной в то время системе представлений Гильфердинга.

Напомним общую структуру книги Гильфердинга «Финансовый капитал»¹⁹. В первом отделе («Деньги и кредит») с особым вниманием рассматривается вопрос о банках и промышленном кредите. Во втором («Мобилизация капитала. Фиктивный капитал») характеризуется эмиссионная деятельность банков и проблема учредительской прибыли. Главный вопрос третьего отдела — образование финансового капитала, и в этой связи Гильфердинг обращается к характеристике картелей и трестов. Проблематика четвертого отдела — финансовый капитал и кризисы, в отделе пятом («Экономическая политика финансового капитала») рассматривается в ряду других проблема экспорта капитала.

Темы в ленинской записи «К вопросу об империализме» имеют двойную нумерацию. Нумерация справа соответствует порядку, в котором они были записаны первоначально. Нетрудно видеть, что первые пять пунктов ленинской записи в их первоначальной последовательности воспроизводят логику изложения Гильфердинга и сущность его понимания финансового капитала как капитала, находящегося в распоряжении банков и применяемого промышленниками. Дальнейшая работа состояла, с одной стороны, в резком расширении трактовки темы — в свою запись Ленин включил вопросы, обойденные или вскользь рассмотренные Гильфердингом (раздел мира, соотношение финансового капитала с паразитизмом и оппортунизмом); в итоге общее количество подлежащих рассмотрению тем возросло с 5 до 18. С другой стороны, Ленин внес принципиальнейшие изменения в данную Гильфердингом трактовку вопроса о финансовом капитале, т. е. в ту область представлений, в которой Гильфердинг считался непрекращаемым авторитетом. Ленин сделал это, переставив первые пять пунктов своей записи и введя дополнительный пункт о монополии (нумерация слева).

Как видим, первый пункт своей записи Ленин переставил на пятое место. Впереди оказались концентрация и крупное производство, затем — картели, тресты, банковские монополии и лишь потом — финансовый капитал. Этой перестановкой Ленин указал на нарушение Гильфердингом важнейшего принципа марксистской экономической теории — положения о преобладающей роли производства среди других взаимосвязанных и взаимодействующих сторон экономической жизни общества. Не банки и банковский кредит привели к принципиальным изменениям в экономической жизни капиталистически развитых стран, а гигантский рост концентрации производства и возникновение на этой основе промышленных монополий. Впоследствии Ленин специально подчеркнет, что данное Гильфердингом определение «неполно постольку, поскольку в нем нет указания на один из самых важных моментов, именно: на рост концентрации производства и капитала в такой сильной степени, когда концентрация приводит и привела к монополии» (т. 27, с. 343). Соответственно свое определение финансового капитала Ленин дает с учетом решающей роли производства среди других факторов развития экономики. В книге сказано: «Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия» (т. 27, с. 344).

Посредством расширения признаков империализма Ленин указал на существенные недостатки содержания (структуры) концепции Гильфер-

¹⁹ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма/Пер. с нем. И. И. Скворцова-Степанова. М., 1959.

динга, а определением (дефиницией) финансового капитала — на ее методологические недостатки.

Обратимся теперь к 15-му пункту записи «К вопросу об империализме». Размышляя над темой о паразитизме в империалистических странах, Ленин отметил как общеупотребительные в экономической литературе того времени термины «загнивание» и «государство-рантье» и широко использовал их в своей книге (т. 27, с. 400—401). Ленин, однако, не просто использовал терминологический аппарат своего времени. Он расширил и обогатил его содержание. Так, приведя данные Гобсона о паразитизме и загнивании в Англии, говоря о «надежности» этого автора как свидетеля, поскольку «его невозможно заподозрить в пристрастии к «марксистскому правотеорию»» (т. 27, с. 400), Ленин напоминает: «Не следует лишь забывать тех противодействующих империализму вообще и оппортунизму в частности сил, которых естественно не видеть социал-либералу Гобсону» (т. 27, с. 402). Рядом с понятиями «паразитизм», «загнивание» и т. д. Ленин ставит понятие «неравномерность роста» и дает следующее итоговое определение: «Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация все большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций — все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют его как паразитический или загнивающий капитализм». Однако: «Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также, в частности, в загнивании самых сильных капиталом стран...» (т. 27, с. 422—423).

Боря у буржуазных исследователей ряд терминов и понятий, Ленин неоднократно и настойчиво предупреждает об опасности их абсолютизации. Объективность Ленина более последовательна и полна, чем объективизм буржуазных авторов, работами которых он пользовался.

В конце записи «К вопросу об империализме» устанавливаются и «Составные части понятия „империализм“». Передаем эту часть документа с учетом сделанной Лениным перенумерации пунктов, опуская другие особенности записи:

1. Монополия, как итог концентрации.
2. Вывоз капитала (как главное).
3. Банковый капитал и его «нити».
4. Раздел мира: соглашения интернационального капитала.
5. Раздел мира: колонии.
6. Смена свободной торговли и мирного оборота политикой насилия (пошлины, захваты и т. д.) (см.: т. 28, с. 177—178).

Итак, материалы «Тетрадей по империализму» показывают, что в результате обзора и анализа данных, собранных к началу 1916 г., была выработана принципиально отличная от имевшейся к тому времени концепция «новейшего капитализма», установлены понятийный аппарат, некоторые особенности и последовательность изложения. В качестве общего итога размышлений над проблемой зафиксировано и название будущей работы.

Между тем издательство «Парус» начинает торопить авторов. Сообщая об этом в марте 1916 г. одному из своих корреспондентов, Ленин назвал предположительный срок завершения работы — май или июнь 1916 г. (см.: т. 49, с. 208).

Судя по всему, к марту 1916 г. и следует отнести разработку Лениным подробного плана книги «Империализм, как высшая стадия капитализма». План занимает несколько разворотов тетради «гамма» (см.: т. 28, с. 207—216). Несомненна его связь с записью «К вопросу об им-

периализме». Намеченные там темы с некоторыми добавлениями и в той же примерно последовательности Ленин записывает на левой стороне тетрадной страницы, сжато раскрывая содержание каждого пункта. Здесь же даются отсылки к тетрадам, в которых содержится нужный материал; сделанные разными чернилами и карандашами, они постепенно заполняют чистые стороны страниц, выносятся на поля. В итоге определилась не только тематическая структура, но и фактическое содержание пробы.

Запись «К вопросу об империализме» содержит 19 пунктов. В плане книги их 25. Увеличение произошло, во-первых, вследствие расширения содержания некоторых тем: например, теме «Банки» в плане книги отведено два пункта вместо одного в январской записи. С особой тщательностью, фактически заново, разработан в плане вопрос о неравномерности развития в эпоху империализма. В записи «К вопросу об империализме» пункт «Неравномерность роста» появился, очевидно, на заключительной стадии работы над документом в виде вставки (12 bis). Теперь, записанный под номером 13, он получает расширительную трактовку («Неравномерность роста и „пердел“ мира») и дополнен пунктом 14-м «Картина соотношений всемирного хозяйства».

Другую группу дополнений составляют заново сформулированные темы. Среди них — «Интернациональные картели. „Раздел мира“ ими» — пункт 5-й вслед за пунктом 4-м («Монополия»). Наконец, еще одна группа дополнений связана с выработкой последовательности изложения материала книги. Таков первый пункт плана («Особая стадия капитализма в наше время. Тема: изучение ее, анализ, выводы»). Его реализация вылилась в небольшое авторское введение к книге. Принципиальное значение имеет пункт 15-й плана «Итоги. Основные экономические (производственные) черты империализма». Он показывает, что Ленин — и это подчеркнуто в тексте книги (см.: т. 27, с. 391) — видел в своей работе две основные части: собственно экономическую, с одной стороны, и социально-политическую (паразитизм, загнивание, критика и историческое место империализма) — с другой.

План книги «Империализм, как высшая стадия капитализма» показывает стремление Ленина к максимально конкретному выражению и обоснованию положений своей концепции.

Затем начался следующий этап работы над планом будущей книги, связанный с поиском строгой логической последовательности и выработкой окончательной структуры изложения. Эта стадия работы началась, по-видимому, с 15-го пункта плана, с окончательного формулирования и расположения «основных экономических (производственных) черт империализма». Пять основных признаков империализма определились сразу же, а их расположение — в результате очередной перестановки местами второго и третьего признаков. Итог:

- 1) Концентрация и монополии.
- 2) Банковский капитал и его «нити».
- 3) Вывоз капитала (главное).
- 4) Раздел мира монополистами производства.
- 5) Idem — колонии

(см.: т. 28, с. 213).

Таким образом, классическая последовательность пяти основных признаков империализма была найдена «с четвертого захода», т. е. потребовала усиленных размышлений.

Установление структуры понятия «империализм» дало возможность определить и структуру будущей книги: Ленин сводит пункты своего плана в главы таким образом, чтобы каждая из них раскрыла содержание соответствующего признака и чтобы итоговое определение империализма непосредственно вытекало из всего изложения. И эта стадия работы нашла свое отражение в плане. От 15-го пункта — к началу: рядом с названием пункта 9-го — «Вывоз капитала» — появляется отметка: «(§ IV)», а правее — помета «„Демпинг“: куда? где? к § VII?..»

(т. 28, с. 210—211). От пункта 15-го — к концу: содержание глав седьмой и девятой определяется прямо в тексте плана посредством сведений вместе нескольких пунктов и их перегруппировки (т. 28, с. 213, 212). Одновременно поля и свободные от записей места первой страницы плана покрываются карандашными пометками — отрабатываются варианты оглавления книги (т. 28, с. 218—220). Затем наименования глав вписываются чернилами прямо под заглавием книги: «Примерно: I. Концентрация производства, монополии, картели. II. Банки и финансовый капитал. III. Вывоз капитала. IV. Раздел мира экономический: интернациональные картели. V. Раздел мира политический: колонии. VI. Общий итог = понятие империализма и его политика. VII. Критика империализма. VIII. Переплетение или обобществление?» (т. 28, с. 218—219).

Заключительная стадия работы над планом связана с определением объема каждой главы. Ленин знал: 5 печатных листов составляет 200 его рукописных страничек. Рядом с названиями глав он проставил сначала число страниц, а затем написал оглавление книги в полном смысле этого слова, т. е. обозначил страницу, с которой глава должна начинаться (т. 28, с. 219—220). В результате была достигнута поразительная слитность структуры книги и логики развития концепции: итоговая характеристика империализма, его знаменитые пять признаков, вместе с тем организуют изложение книги. К признакам (основным чертам империализма) стягивается все. Они образуют центр системы ленинских представлений о высшей стадии капитализма, своего рода формулу всего сделанного.

Изложенные наблюдения за сложным процессом выработки определения империализма помогают полнее уяснить целостность и глобальность этого определения. Предложенное Лениным наиболее сжатое определение империализма гласит: империализм есть монополистическая стадия капитализма. «Такое определение, — поясняет Ленин, — включало бы самое главное, ибо, с одной стороны, финансовый капитал есть банковый капитал монополистически немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников; а с другой стороны, раздел мира есть переход от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на не захваченные ни одной капиталистической державой области, к колониальной политике монопольного обладания территориями земли, поделенной до конца» (т. 27, с. 386). Выделяется, таким образом, двоякого рода монополия как наиболее существенная черта империализма — монополия на обладание производственными и финансовыми мощностями и монополия на территорию земли. И теперь, чтобы показать глобальность итогового определения сущности империализма, обратим внимание на симметричность данной ленинской формулы (т. 27, с. 386—387). Одну из ее сторон составляют первые два признака империализма («концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни»; «слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого „финансового капитала“, финансовой олигархии»), другую — его четвертый и пятый признаки («образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир»; «закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами»). Другими словами, первые два признака империализма характеризуют принципиальные изменения в экономике капиталистических стран Запада, а два последних касаются положения их обширной колониальной и полуколониальной периферии на Востоке. О третьем признаке империализма — «вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение» — можно сказать: отведенное ему Лениным место указывает на характер связи между метрополиями и колониями.

Таким образом, ленинское определение характеризует всемирное капиталистическое хозяйство начала XX в. как целое; выделяет полюсы этого целого, представленные «самым передовым» промышленным и фи-

нансовым капиталом, с одной стороны, и отсталыми колониальными территориями — с другой; конкретизирует закон неравномерности развития капитализма применительно к империалистической эпохе и, следовательно, ее взрывчатость и конфликтность.

Нетрудно видеть принципиальные отличия ленинского понимания империализма от трактовки «новой фазы в развитии капитализма», данной Р. Гильфердингом и К. Каутским. Свое исследование Гильфердинг ограничил рассмотрением изменений, происходивших в развитых капиталистических странах, в странах-метрополиях; Ленин проанализировал всю систему мирового хозяйства накануне первой мировой войны. Процессы концентрации и монополизации производства Гильфердинг охарактеризовал в чистом, так сказать, виде, отвлекаясь от закона неравномерности развития в его применении как к развитым странам, так и к колониальной и полуколониальной периферии.

Ленин показал действие закона неравномерности экономического и политического развития в пределах каждой империалистической страны, между этими странами, а также между метрополией и угнетенными империализмом колониями и полуколониями. Прямым выводом из концепции Гильфердинга была выдвинутая Каутским теория ультраимпериализма, снимавшая проблему конфликтности развития в условиях монополистического капитализма; из ленинской теории империализма, напротив, с неоспоримостью следовал вывод о взрывчатости, скачкообразности, катастрофичности эпохи, в которую вступил мир на рубеже XIX и XX вв. Искусственное ограничение исследования империализма только регионом развитого капитализма и лишь проблемами финансового капитала как такового послужило для лидеров II Интернационала основанием для отказа от курса на социалистическую революцию; итоги изучения империализма как противоречивого целого объединили в стройную систему ленинские суждения о путях развития социалистической революции в условиях новой исторической эпохи и привели в итоге к созданию развернутой теории мирового революционного процесса.

«Тетради по империализму» — последняя по времени составления и самая значительная по объему часть личного архива В. И. Ленина-исследователя. Поэтому в «Тетрадах» с наибольшей полнотой отражены особенности научного поиска Ленина, приведшего к открытиям, которые составили эпоху в развитии марксизма.

«Тетради по империализму» дают необычайно много для уяснения методики ленинского поиска. Поражает целесообразность и четкость его организации на всех этапах, начиная от отбора литературы и порядка (последовательности) работы с первичным материалом и заканчивая приемами синтеза концепции и работы над литературным оформлением результатов исследования. Изучение каждым исследователем разработанной Лениным методики научной работы будет способствовать подъему культуры научного труда, а следовательно, и его результативности.

«Тетради по империализму» дают очень много и для уяснения методологии научного поиска. Прежде всего они показывают, что поиск свой Ленин вел не ради разработки какой-либо одной узкой темы. Его интересовала проблема в целом, ее проявления во всей конкретности и сложности. И поэтому итогом поиска была серия взаимосвязанных исследований. Взятые вместе, они, с одной стороны, дают целостное представление по содержанию проблемы, а с другой, обеспечивают наиболее результативный контроль за ходом поиска по соответствию результатов, полученных на разном материале и разных срезах структурно сложного объекта изучения.

И в этой связи — еще об одной стороне научного поиска Ленина. Безупречно владея марксистским учением о диалектике общественного развития и основанными на нем законами этого развития, Ленин неоднократно подчеркивал, что само по себе знание их недостаточно для получения качественно новых результатов. Установленные в свое время закономерности имеют силу в пределах данного состояния изучаемого объек-

та и должны претерпевать изменения вместе и в результате изменений самого объекта. И поэтому качественно новые закономерности нельзя вывести с помощью логических операций непосредственно из общих положений марксизма. Их следует именно открыть в результате специального исследования самой изменившейся действительности. Этому правилу марксистского анализа Ленин неуклонно следовал с самого начала своей научной деятельности. Результатом явились открытие российской разновидности капиталистической эволюции, учение о новом типе буржуазных революций, путях развития капитализма в сельском хозяйстве и т. д. И этому же требованию марксистской методологии следовал Ленин, изучая высшую стадию капитализма — империализм. Его «Тетради по империализму» — до сих пор поражающее документальное свидетельство огромного труда, вложенного в разработку обширнейшего *первичного* материала, конкретная реализация правила, сформулированного Лениным вскоре после завершения исследования об империализме и в какой-то мере на базе этого исследования: «...необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без *единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится „субъективная“ стряпня для оправдания, может быть, грязного дела» (т. 30, с. 351).

В. В. Цаплин

ВКЛАД ЦГАНХ СССР В РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО АРХИВНОГО ДЕЛА

Научные основы образования ЦГАНХ СССР восходят к ленинскому декрету «О реорганизации и централизации архивного дела» от 1 июня 1918 г., которым в целях обеспечения сохранности и лучшего использования документов ЕГАФ предусматривалась возможность организационного обособления составляющих его документальных комплексов¹. По этому принципу в 1918 г. создаются секции ЕГАФ, а затем складывается сеть центральных государственных архивов СССР.

Практическая целесообразность создания ЦГАНХ СССР осознается вскоре после ликвидации в 1957 г. отраслевых центральных органов управления промышленностью и строительством. Их документы включаются в состав ЦГАОР СССР. Резко возрос объем фондов архива, потребовалась определенная специализация его сотрудников. Кроме того, в конце пятидесятых годов начинается коренная перестройка работы архивных учреждений с ведомствами по экспертизе ценности документов и комплектованию ГАФ².

Сложный состав фондов ЦГАОР СССР, новые задачи по комплектованию ГАФ и ряд других обстоятельств привели в 1961 г. к объединению основных фондов ЦГИА СССР в г. Москве с ЦГАОР СССР и к организационному обособлению части фондов этого архива в специализированный государственный архив — ЦГАНХ СССР³.

Основная направленность деятельности ЦГАНХ СССР определялась теми задачами, которые стояли перед государственной архивной службой. Участвуя в их решении, архив вносил вклад в развитие архивного дела как практическими результатами работы, так и своим влиянием на развитие научно-методических основ архивного дела, на деятельность государственных и ведомственных архивов.

В настоящее время в ЦГАНХ СССР сосредоточено около 3 млн 300 тыс. дел управленческой и научно-технической документации, а также документов личного происхождения. В 12-й пятилетке начнется прием машиночитаемых документов. Фонды архива достаточно полно отражают все основные стороны развития экономики страны за период с ноября 1917 г. до конца 60-х годов, историю рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. В документах отражена руководящая роль В. И. Ленина и Коммунистической партии в становлении и развитии советской экономики, раскрыта реализация ленинских принципов развития народного хозяйства.

Особое значение имеет превращение архива в общесоюзный научно-методический центр по работе с экономической (в том числе машиночитаемой) документацией, так как в этой роли он оказывает наиболее заметное влияние на развитие архивного дела. В настоящей статье рассматривается в основном именно данное направление деятельности ЦГАНХ СССР.

¹ СУ. 1918. № 40. Ст. 514.

² О комплектовании и экспертизе ценности документальных материалов Государственного архивного фонда СССР // ВА. 1960. № 5. С. 27.

³ Постановление Совета Министров СССР от 28 июля 1961 г., № 669 // СП СССР. 1961. № 12. Ст. 98. Библиография о деятельности ЦГАНХ СССР за 1961—1980 гг. приведена в примечаниях к нашей статье «К 20-летию ЦГАНХ СССР: (Основные итоги и перспективы деятельности)». В данной работе она, как правило, не повторяется.

Юридически общесоюзным научно-методическим центром ЦГАНХ СССР становится в соответствии с Положением о Государственном архивном фонде СССР 1984 г.⁴ Но характерные для центра функции начинают проявляться сразу после образования архива, и прежде всего в использовании документов. Именно через использование документов государственные архивы осуществляют свою главную социальную функцию, которая заключается в удовлетворении общественных потребностей в документной информации. Уровень этой работы определяет влияние учреждений государственной архивной службы на решение актуальных социальных и экономических проблем советского общества.

Сосредоточенные в ЦГАНХ СССР документы активно используются для проведения научных исследований по экономическим, социальным и другим проблемам истории советского общества, для разработки прогнозов и планов развития народного хозяйства в целом и его отраслей, для изучения истории учреждений, организаций, предприятий, для разработки проблем совершенствования управления народным хозяйством, для организации музеев трудовой славы, для обеспечения прав и интересов граждан и по другой тематике⁵. Однако работа по использованию документов еще не имеет необходимой теоретической базы.

Основные правила работы государственных архивов СССР обязывают архивные учреждения постоянно изучать потребности общества в ретроспективной документной информации⁶. Без их обобщения и анализа нельзя, по нашему мнению, определить исходные позиции теории использования. ЦГАНХ СССР находится среди тех немногих архивов, которые приступили к исследованию этой проблемы. Оно охватило все применяющиеся архивом формы использования, кроме исполнения запросов социально-правового характера.

Анализ, осуществленный Н. С. Валуевой и А. В. Гапоновой, показал, что в настоящее время основные фонды архива включены в активный научный оборот, сложилась достаточно устойчивая структура общественного спроса и использования документов по целям (направлениям), формам, тематике, отраслевым совокупностям документов, их хронологической принадлежности. Устойчивость показателей, отражающих эту структуру, позволяет, по нашему мнению, рассматривать ее в качестве научной основы организации использования документов и развития научно-справочного аппарата (НСА) в нашем архиве, а ее определение — в качестве шага на пути к разработке теории этой проблемы. В то же время достигнутый уровень использования документов свидетельствует, что через его призму можно судить как о работе архива в целом, так и об ее основных направлениях.

Накопленный нашим архивом опыт позволил Главархиву СССР поручить ЦГАНХ СССР подготовку в 12-й пятилетке отраслевого методического пособия по использованию документов в народнохозяйственных целях, а также аналогичного пособия для стран социалистического сотрудничества.

К ведущим направлениям работы по использованию относится выявление документов В. И. Ленина, а также документов, отражающих его деятельность по руководству государством и народным хозяйством страны. За 1962—1985 гг. в фондах архива обнаружено и передано в ЦПА ИМЛ 336 подлинных документов Ленина, а также копий его документов, подлинники которых еще не выявлены. Это постановления ЦК партии, СНК, СТО, директивные и другие письма и телеграммы Ленина, его записки и ответы на записки, резолюции и надписи на документах, дополнения и исправления документов, расписки в получении документов,

⁴ Утверждено постановлением Совета Министров СССР от 4 апреля 1980 г., № 274 // СП СССР. 1980. № 10. Ст. 71.

⁵ Цаплин В. В. Использование документов ЦГАНХ СССР в народнохозяйственных целях // СА. 1984. № 1.

⁶ Основные правила работы государственных архивов СССР. М., 1984. С. 126.

мандаты и удостоверения, протокольные записи выступлений Ленина, записи его телефонных указаний и т. д.

Обнаруженные в архиве документы В. И. Ленина охватывают различные проявления политической и экономической жизни советской республики. Они, а также документы о деятельности Владимира Ильича стали достоянием широких слоев общественности. В Полном собрании сочинений В. И. Ленина по рукописям из фондов ЦГАНХ СССР впервые опубликовано 46 документов, а в «Ленинских сборниках» — 27 документов. В научной биографической хронике В. И. Ленина приводится информация из 1408 документов архива, характеризующих деятельность вождя по руководству народным хозяйством, а также 217 ранее неизвестных рукописей в виде записок и резолюций на документах с его поручениями в наркоматы и ВСНХ по социально-экономическим вопросам.

Разработанная в ЦГАНХ СССР (в основном С. Т. Беляковым) методика поиска рукописей В. И. Ленина нашла отражение в книге «Фонд документов В. И. Ленина»⁷, а также в рекомендациях ИМЛ и Главархива СССР по выявлению документов В. И. Ленина (утверждены в 1980 г.). Результаты поиска неоднократно освещались в печати⁸. Таким образом, ЦГАНХ СССР внес серьезный вклад как в создание Ленинианы, так и в методику выявления ленинских документов, которой пользуются архивные учреждения страны.

Другим ведущим направлением работы по использованию документов, где архив вышел на отраслевой общесоюзный уровень, является его информационная деятельность. Для этой области до последнего времени было характерно отсутствие у государственных архивов необходимой взаимосвязи. В отдельных случаях роль головной организации брал на себя Главархив СССР, но это не влияло на общую организацию работы. В результате инициативные информации, как правило, ограничивались фондами одного архива и не раскрывали всего комплекса документов по теме.

ЦГАНХ СССР в 1982 г. выступил с инициативой о совместной с архивными учреждениями союзных республик подготовке информации о документах по проблемам развития агропромышленного комплекса. Инициатива была поддержана Главархивом СССР. Желание участвовать в совместной работе выразили 12 республик. Тематику информации ЦГАНХ СССР согласовал с заинтересованными министерствами и ведомствами, а также с ВАСХНИЛ. По тематике координационного плана архивом подготовлено десять информации, которые были направлены заинтересованным учреждениям. Свои информации по этой же тематике составили архивные учреждения шести союзных республик. В целях содействия решению вопросов осуществления Энергетической программы ЦГАНХ приступил к составлению плана подготовки в 1986–1990 гг. информации по проблемам развития топливно-энергетического комплекса. К его выполнению будут привлечены архивные учреждения союзных республик. Таким образом, архив постепенно превращается в общесоюзный информационный центр о документах ГАФ по важнейшим народнохозяйственным проблемам. Методическое и организационное обеспечение этой работы осуществляют Н. М. Хвостенкова, И. А. Рубин, Е. О. Хохлова.

Особым направлением в использовании документов является подготовка их к изданию. Координацию работы по подготовке серийных изданий брал на себя Главархив СССР. Но в 11-й пятилетке эти функции начинают передаваться центральным государственным архивам СССР. ЦГАНХ СССР привлекается к их осуществлению в отношении общесоюзных серийных изданий по истории промышленности, рабочего класса и кооперативно-колхозного строительства. Архивом, в частности, были разработаны методические рекомендации (составитель Н. М. Хвостенко-

⁷ Фонд документов В. И. Ленина. М., 1970.

⁸ Беляков С. Т. Записки, надписи и резолюции В. И. Ленина (1919–1921 гг.) // СА. 1982. № 2; и др.

ва) по подготовке к изданию общесоюзной серии «Промышленность и рабочий класс СССР. 1946—1975 гг.» В полном объеме роль координационного и научно-методического центра возложена на архив по подготовке серии сборников по теме «Осуществление монументальной пропаганды в столицах и других городах союзных и автономных республик» (ответственный исполнитель Е. А. Тюрина). Помощь оказывают искусствоведы из НИИ теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР и искусствоведческих учреждений союзных республик, по основной работа по подготовке серии ложится на архивные учреждения страны.

Как мы видим, и в отношении публикации документов ЦГАНХ СССР совместно с Главархивом СССР ищет новые организационные методы работы, способные обеспечить ускорение в области использования документов.

Отличительной особенностью деятельности ЦГАНХ СССР в области использования документов является то, что значительная часть этой работы осуществляется им за счет спецсредств, т. е. с элементами хозрасчетов. ЦГАНХ СССР — в числе первых государственных архивов, которые перешли на такую организацию работы. Ее методическое обеспечение в отрасли осуществляется нашим архивом. Внедрение элементов хозрасчета отразило рост общественного спроса на документы ЦГАНХ СССР, стало свидетельством достаточно высокого уровня этой работы в архиве. Именно через хозрасчетные отношения между государственным архивом и учреждением достигается наивысшая эффективность использования, так как денег на ветер обычно не бросают. На этой основе ЦГАНХ СССР участвует в исследованиях по важнейшим народнохозяйственным темам. В настоящее время нами выявляются документы, информация которых будет использоваться Вычислительным центром АН СССР для разработки экономико-математической модели развития сельского хозяйства в СССР. Аналогичная работа будет проводиться для разработки экономико-математической модели развития топливно-энергетического комплекса.

Эффективность использования прямо зависит от качества комплектования ГАФ. Поэтому данному вопросу архив уделяет первостепенное внимание. В научно-методической и практической работе ЦГАНХ СССР по комплектованию ГАФ управленческой документацией необходимо выделить следующие направления: разработку ряда исходных позиций информационного метода экспертизы ценности и отбора документов для государственного хранения; отбор на государственное хранение документов подчиненных организаций в фондах их руководящих органов; выборку учреждений; составление перечней документов, подлежащих передаче на государственное хранение.

Длительное время при экспертизе ценности документов особое внимание уделялось их источниковедческому анализу. Он считался основным методом оценки документов⁹. Но с возрастанием ежегодного количества дел, создающихся в ведомствах, с переходом архивных учреждений к отбору документов для государственного хранения непосредственно в ведомствах ведущее место стал занимать метод функционального анализа, являющийся своеобразной (архивной) модификацией источниковедческого подхода к отбору больших комплексов документов. В соответствии с этим методом основным оценочным признаком становятся функция учреждения (его структурной части) и целевое назначение (функция) документов. На этой основе архивисты начали составлять списки учреждений, документы которых подлежат и не подлежат государственному хранению. Функциональный анализ внедрился в работу по составлению

⁹ Митяев К. Г. О принципах и критериях научной ценности документальных материалов и их применении // ИА. 1957. № 3. С. 189; Автократов В. Н. Источниковедческий и информационный подходы в теории экспертизы документов // Материалы науч. конф. по пробл. комплектования докум. источниками гос. арх. СССР. М., 1976. Ч. 1.

типовых и ведомственных перечней документов с указанием сроков их хранения.

Углубленное изучение вопросов отбора документов позволило в начале семидесятых годов поднять вопрос о методике информационного анализа архивоведческой оценки документов¹⁰. Информационный анализ архивоведческой оценки документов опирается на системное представление о структуре управления народным хозяйством, на закономерности движения и преобразования информации в процессе управления. Он применяется в совокупности с другими методами оценки, прежде всего с методом функционального анализа. Важнейшими задачами информационного анализа являются: определение количественных, качественных и видовых характеристик информации, позволяющих выносить суждения о степени общественной ценности документов и их комплексов, об отборе и приеме документации на государственное хранение, об ее фондировании¹¹. Эти характеристики устанавливаются на основе минимальных хронологических, производственных, географических и предметно-вопросных норм концентрации информации, наличие которых в документах позволяет отбирать их для государственного хранения.

В послевоенные годы в работе по экспертизе ценности документов утвердилось мнение о необходимости выделения к уничтожению отчетов и некоторых других документов в фондах руководящих органов, если на их основе были подготовлены сводные или обобщающие документы. Постоянное хранение документов, подвергнутых такой обработке, устанавливалось в фондах учреждений, где они были составлены¹².

ЦГАНХ пошел другим путем. Было решено за основу отбора брать комплекс документов руководящего органа. Это позволило архиву отказаться от создания самостоятельных фондов из документов главных производственно-отраслевых управлений министерств и ведомств, а затем и всесоюзных промышленных объединений. Их документы стали объединяться с делами центрального аппарата министерства (ведомства), в результате чего создается комплекс дел, имеющих повышенную информативность. Такой порядок отбора документов дает возможность максимального устранения их дублетности и в то же время наиболее полно обеспечивает потребности использования.

Отбор документов в составе фонда руководящего органа закрепился во многих ведомственных перечнях документов с указанием сроков их хранения. На этой основе определяются сроки хранения документов в учреждениях первого и второго уровней управления. Кроме того, подобный порядок отбора оказывает определенное влияние на состав организаций — источников комплектования государственных архивов. Он позволил ЦГАНХ отказаться от приема документов тех организаций, деятельность которых достаточно полно отражается в фонде руководящего органа, а также применить метод выборки в отношении некоторых групп учреждений — источников комплектования, что прежде всего касается специализированных строительно-монтажных трестов. Таким же путем пошли архивисты Московской области в отношении аналогичных трестов Главмосблстроя.

Кроме трестов, на выборочной основе ЦГАНХ СССР принимает документы центров по научной организации труда и некоторых других учреждений. Внедрение метода выборки имеет важное значение. До сих пор

¹⁰ Воробьев Г. Г. Информационные критерии оценки документных фондов // СА. 1971. № 2; Автократов В. Н. Указ. соч.; Цаплин В. В. Информационный анализ ценности документов и комплектование ЦГАНХ СССР // Материалы науч. конф. по пробл. комплектования докум. источниками гос. арх. СССР. Ч. 1.

¹¹ Цаплин В. В. Информационный анализ ценности документов и комплектование ЦГАНХ СССР // Вопросы экспертизы ценности документов и комплектование ими ЦГАНХ СССР. М., 1977. С. 19.

¹² Митяев К. Г. Теория и практика архивного дела. М., 1946. С. 127; Перечень типовых документальных материалов, образующихся в деятельности министерств и других учреждений, организаций и предприятий, с указанием сроков хранения материалов. М., 1957.

архивисты пользуются им в редких случаях в отношении низовых учреждений массового характера. Опыт ЦГАНХ СССР свидетельствует, что выборка учреждений как метод комплектования ГАФ заслуживает широкого применения. То же самое можно сказать и о многолетней практике архива по составлению перечней документов, подлежащих передаче на государственное хранение.

Курс на применение таких перечней в работе по комплектованию был взят архивом непосредственно после его образования. В 10-й пятилетке архиву поручается роль головной организации по составлению перечней документов, подлежащих передаче на государственное хранение в архивы различного уровня. Их было решено составить по основным категориям экономической документации: плановой, статистической, финансовой, снабженческой. Первым был подготовлен перечень документов по планированию экономического и социального развития СССР (ответственный составитель А. Г. Черешня)¹³. В нем отражена документация плановых органов (от Госплана до райплана), руководящих органов отраслевых ведомственных систем, а также производственных объединений и предприятий. В настоящее время архив работает над аналогичным перечнем статистической документации.

Активное участие в разработке информационного метода экспертизы, отбор и фондирование документов по руководящему органу, применение выборки при определении состава учреждений — источников комплектования ГАФ, составление перечней документов, подлежащих государственному хранению, являются, по нашему мнению, специфическим вкладом ЦГАНХ СССР в решение проблемы оптимизации состава документов ГАФ. Долгосрочная, до 2000 г., программа решения этой проблемы подготовлена Главархивом СССР.

Постановка задачи оптимизации состава документов ГАФ имеет важное значение, но, чтобы действовать целенаправленно, надо знать хотя бы ориентировочно параметры оптимизации, т. е. показатели, к достижению которых нужно стремиться. Их отсутствие — одна из наиболее слабых сторон упомянутой программы. Оптимизацию нельзя понимать упрощенно как процесс, направленный только на сокращение количества документов, принимаемых в государственные архивы. Опыт работы ЦГАНХ СССР свидетельствует, что потребности использования подсказывают в ряде случаев необходимость не сокращения, а увеличения объема принимаемых документов. Использование документов является дополнительным основанием экспертизы, уточняющей оценку документов по совокупности критериев содержания, происхождения и внешних особенностей, в соответствии с которыми определяется основной состав документов постоянного хранения, независимый от текущих потребностей их использования.

В поисках определителей оптимальности нельзя, по нашему мнению, пройти мимо показателей общественного спроса на документы, рассчитанного в отраслевом разрезе¹⁴. Осуществленное в ЦГАНХ СССР в 1973—1977 и 1981—1984 гг. статистическое наблюдение за интенсивностью использования документов свидетельствует, что между показателями общественного спроса и отраслевой структурой хранящихся документов в большинстве случаев нет резких различий. Мы вряд ли ошибемся, если примем устойчивые показатели отраслевого использования документов за один из критериев оптимальности комплектования ЦГАНХ СССР и будем стремиться к дальнейшему сближению с ними отраслевой

¹³ Черешня А. Г. Об отборе на государственное хранение документов плановых органов // СА. 1982. № 4; Перечень документов по планированию экономического и социального развития, подлежащих приему в государственные архивы СССР. М., 1984.

¹⁴ Под отраслевым использованием документов в ЦГАНХ СССР понимается использование фондов учреждений отрасли для изучения социальных и экономических процессов как ее развития, так и развития народного хозяйства в целом и любой его отрасли.

структуры документов архива, учитывая при этом специфику допуска исследователей к некоторым его фондам.

В научно-методическом обосновании и практическом осуществлении упомянутых вопросов комплектования ЦГАНХ СССР управленческой документацией активное участие принимали А. Г. Федоров, Э. С. Кузьмина, В. А. Прокопович, Г. А. Чистякова, Л. А. Рамонова и другие сотрудники архива.

ЦГАНХ СССР в 1961 г. создал специальное подразделение для разработки научно-методических вопросов комплектования ГАФ документами личного происхождения деятелей народного хозяйства, для практической работы по выявлению, сбору, приему на государственное хранение и приведению в порядок их личных архивов. Это не было касающимся только ЦГАНХ СССР мероприятием, так как в то время вопросы комплектования ГАФ документами деятелей народного хозяйства находились в тени. Архивом была создана методика определения состава деятелей, фонды которых подлежат хранению в союзном архиве, составления их списков, отбора документов. Результаты исследований отражены в отраслевых «Методических рекомендациях по комплектованию государственного архивного фонда СССР документальными материалами личных архивов», изданных Главархивом СССР в 1969 г., а также в многочисленных пособиях по работе с документами личного происхождения, которыми пользовались и пользуются многие государственные архивы.

В работе по комплектованию ГАФ документами личного происхождения ЦГАНХ СССР является сторонником активного, целенаправленного их отбора. Архивом была успешно выполнена целевая программа розыска и приема фондов видных энергетиков, прежде всего тех, кто участвовал в разработке плана электрификации России (ГОЭЛРО)¹⁵. В настоящее время архив приступил к выполнению аналогичной программы по комплектованию ГАФ документами полярников. Мы за строгий отбор. Ведь с созданием личного архивного фонда увековечивается память о человеке, а этого достойны только личности, сыгравшие незаурядную роль (положительную или отрицательную) в общественном развитии. Прием на государственное хранение документов так называемых «рядовых людей» целесообразен на выборочной основе по сочетанию хронологического и тематического признаков (участников Великой Октябрьской социалистической революции, участников Великой Отечественной войны и т. д.). Из таких документов предпочтительнее создавать архивные коллекции.

Ведущую роль в разработке вопросов работы с фондами деятелей народного хозяйства сыграла А. А. Новикова; ей содействовали Е. П. Буцкая, П. Я. Кабак, А. Д. Власов и некоторые другие сотрудники архива.

Постановление Совета Министров СССР о создании ЦГА НТД СССР было принято в 1964 г. Но еще в 1961 г. в ЦГАНХ СССР создали отдел фондов научно-исследовательских, проектных и конструкторских учреждений, упраздненный лишь через семь лет. Архив провел значительную работу по исследованию проблемы отбора научно-технической документации (НТД) на государственное хранение и сделал ряд выводов, о которых заместитель директора Ф. И. Шаронов в 1964 г. доложил на Всесоюзной научной конференции архивистов. Было отмечено, что история науки и техники отражается в комплексе управленческой и научно-технической документации; государственного хранения заслуживает лишь та часть проектной документации, в которой раскрываются принципы «построения объекта», его основные характеристики; главными научно-методическими пособиями по отбору документов на государственное хранение должны стать перечни объектов, по которым НТД принимается в государственные архивы, а также перечни НТД, подлежащей передаче на государственное хранение; в качестве научных основ отбора НТД должны

¹⁵ Новикова А. А. Совместная работа Совета старейших энергетиков и ЦГАНХ СССР по собиранию документов личного происхождения // СА. 1984. № 1.

применяться как общие для экспертизы ценности принципы и критерии, так и критерии специфического характера¹⁶. Именно к этим выводам восходит современная методика комплектования ГАФ научно-технической документацией¹⁷.

В Главархиве СССР и у работников многих государственных архивов долгое время господствовала идея о неприемлемости принципа недробимости фонда в отношении научно-технической документации¹⁸. ЦГАНХ СССР был среди тех архивов, которые настойчиво на практике комплектования и фондирования доказывали ошибочность этого мнения. В итоге принцип недробимости стал ведущим в отношении архивной организации не только управленческой, но и научно-технической документации¹⁹.

В настоящее время ЦГАНХ СССР является единственным в стране архивом, который серьезно занимается проблемами государственного и ведомственного хранения машиночитаемых документов (МЧД), а также комплектования ими ГАФ. В 1983 г. архивом было завершено исследование темы «Научные основы комплектования государственных архивов документами, образующимися в условиях функционирования ОАСУ» (исполнители: И. И. Даниленко, В. В. Цаплин). Результаты изложены в специальном пособии²⁰. Отбор МЧД на государственное хранение рассматривается во взаимосвязи с управленческой и научно-технической документацией вычислительных центров. Основной особенностью отбора МЧД является предпочтение, которое оказывается исходной первичной информации, а не информации итогового характера, отражаемой в человекочитаемых машинограммах²¹.

В 1981 г. по заданию Госкомитета СССР по науке и технике Главархив СССР поручил ЦГАНХ СССР подготовку «Положения о порядке отбора, приема на архивное хранение и выдачи потребителям документов, созданных средствами вычислительной техники». Оно утверждено Главархивом СССР в 1983 г. «Положение» определило порядок архивной работы с машиночитаемыми документами в ведомствах, порядок их отбора в государственные архивы и наметило основные формы их использования в государственных архивах.

ЦГАНХ СССР (В. И. Соснин) принял участие в разработке нормативного документа «Методические указания. Порядок хранения документов на машинных носителях» (головная организация — ВНИИДАД), который в 1984 г. утвержден Госстандартом СССР. «Методические указания» определяют порядок оперативного хранения МЧД до передачи ее в ведомственный архив.

Совместно с Главархивом СССР завершается разработка темы «Научные основы классификации, учета и описания машиночитаемых документов и создания к ним информационно-поисковых систем». Для этого исследования характерна взаимосвязь рассматриваемых вопросов с теорией и практикой классификации, описания и учета управленческой и научно-технической документации. На МЧД распространяется принцип недробимости архивного фонда. Она наряду с управленческой и научно-технической документацией включается в состав фонда, соответствующего вычислительного центра²².

¹⁶ Шаронов Ф. И. О комплектовании государственных архивов научно-технической документацией // Тр. науч. конф. по вопр. архив. дела в СССР. М., 1965. Т. 2. С. 276.

¹⁷ Основные правила работы с научно-технической документацией в государственных архивах СССР. М., 1985. С. 32–33.

¹⁸ Малитиков А. С., Тягунов О. Н., Прокопенко А. С. Научно-техническая документация и государственные архивы // СА. 1971. № 5. С. 40–42.

¹⁹ Основные правила работы с научно-технической документацией в государственных архивах СССР. С. 10–11.

²⁰ Комплектование центральных государственных архивов СССР документами отраслевых автоматизированных систем управления: Метод. рекомендации. М., 1985.

²¹ Даниленко И. И., Цаплин В. В. Об архивном хранении и использовании машиночитаемых документов // СА. 1985. № 3.

²² Танонин В. А., Цаплин В. В. О задачах, методах и концепции описания машино-

Опыт и знания, накопленные при проведении исследований, позволили ЦГАНХ СССР совместно с МГИАИ и Главархивом СССР подготовить учебное пособие по теории и практике архивного дела, охватывающее все основные вопросы работы с МЧД (авторы пособия: К. Б. Гельман-Виноградов, И. И. Даниленко, В. А. Танонин). Научное редактирование осуществил ЦГАНХ СССР (В. В. Цаплин).

Таким образом, ЦГАНХ СССР проводит комплексную разработку всех основных вопросов работы с МЧД. Для этого в нем в 1982 г. было образовано архивохранилище машиночитаемых документов.

В работе по комплектованию ГАФ так же, как и в работе по использованию документов, для ЦГАНХ характерно не только научно-методическое обеспечение, но и поиск новых организационных форм. В этой связи необходимо подчеркнуть внедрение в практику работы архивного ведомства хозрасчетных отношений с учреждениями по подготовке документов к передаче на государственное хранение. ЦГАНХ СССР был первым государственным архивом, в составе которого в сентябре 1962 г. создана хозрасчетная (за счет спецсредств) группа по научно-технической обработке (НТО) документов, в 1964 г. преобразованная в отдел. С первых же дней работы стало ясно, что курс, взятый на развитие хозрасчетных отношений, соответствует потребностям и государственных архивов, и ведомств. Учитывая накопленный ЦГАНХ СССР опыт, Главархив СССР в 1963 г. предложил и другим архивным учреждениям образовать аналогичные структурные подразделения. Впоследствии Главархив СССР неоднократно привлекал ЦГАНХ СССР к созданию нормативно-методического обеспечения работы архивных учреждений по НТО документов.

К ведущим направлениям работы государственных архивов относится обеспечение сохранности документов. Оно охватывает комплекс взаимосвязанных вопросов, среди которых выделяются выявление и учет особо ценных документов (ОЦД), а также создание на них страхового фонда. Действующие правила работы государственных архивов не определяют специальных критериев отнесения документов к составу особо ценных. В пособиях по работе с ОЦД и созданию страхового фонда они также отсутствуют. В ЦГАНХ СССР считается, что отнесение документов к этой категории — логическое продолжение экспертизы их ценности и определяется главным образом по методу информационного анализа, по совокупности критериев содержания и происхождения, но более высокого ранга, чем при обычной экспертизе.

Особую ценность документам придает наличие в них информации межотраслевого значения, отраслевого значения и информации, отражающей основные характеристики (в их совокупности) особо важных объектов и тем.

Для двух первых критериев обязательно, чтобы межотраслевая и отраслевая информация имела не менее чем годовую норму концентрации. К особо важным объектам (темам) мы относим те, о сооружении, изготовлении или изучении которых имеются правительственные решения. По таким объектам особо ценными будут дела, в которых содержится разносторонняя характеристика объекта на стадиях его проектирования, строительства, государственных испытаний, сдачи в эксплуатацию, итоговых результатов исследования. К ним относятся, например, дела по экспертизе проектов и смет, акты прием в эксплуатацию, акты государственных испытаний, заключительные отчеты по темам, разработки, удостоенные Ленинской и государственных премий.

Проблема особо ценных документов приобретает повышенное значение в связи с внедрением в архивоведение представлений о документах — памятниках истории и культуры. Многие архивисты относят к памятникам истории и культуры все документы ГАФ. По сложившемуся в

ЦГАНХ СССР мнению, таковыми являются только ОЦД²³, так как в них отражаются главные итоги деятельности учреждений и важнейшие проявления творческой мысли.

В настоящее время ЦГАНХ СССР разрабатывает примерный перечень ОЦД, образующихся в деятельности министерств и ведомств — источников его комплектования. В соответствии с этим перечнем учреждения будут передавать на государственное хранение особо ценные дела вместе с микрофильмами страхового фонда. Учитывая, что для министерств и ведомств эта работа новая, нами в 1980 г. подготовлена «Временная инструкция о создании и организации страхового фонда особо ценных документов в министерствах и ведомствах профиля ЦГАНХ СССР и порядке передачи его на государственное хранение».

Разработка методики отнесения документов к составу особо ценных, а также методического обеспечения работы по созданию страхового фонда на уровне ведомственного хранения документов (ее осуществили И. А. Рубин, С. Е. Григорьева, М. А. Беклемишева) имеет пока практическое значение только для ЦГАНХ СССР. Однако выход на памятники истории и культуры, а также на работу союзных ведомств придает этой тем отраслевое значение.

Опыт работы ЦГАНХ СССР и результаты его исследований нашли творческое отражение во многих отраслевых нормативных документах и методических пособиях, изданных Главархивом СССР. Они охватывают вопросы экспертизы ценности документов и комплектования ими ГАФ, выявления и учета особо ценных документов, создания страхового фонда, дифференцированного подхода к описанию документов, создания и развития системы научно-справочного аппарата к документам. Ряд из них уже назывался. Перечень остальных займет слишком много места. Поэтому отмечу лишь новые редакции основных правил работы государственных и ведомственных архивов.

В названных правилах нашли закрепление сложившиеся под влиянием ЦГАНХ СССР и других госархивов научные и практические представления: о делении фондов на категории, о критериях отнесения учреждений к источникам комплектования конкретных государственных архивов, о системе критериев экспертизы ценности документов, об учете документов в архивохранилищах, о системе указателей к описям и фондам, о ведении каталогов, об описании документов, о работе с ведомствами по ряду других вопросов.

Изложенный материал позволяет с уверенностью говорить, что за 25 лет архиву удалось внести свой вклад в развитие советского архивного дела. В основе этого вклада — творческая активность трудового коллектива архива, в котором сейчас работает 186 человек, из них 13 трудится с момента создания архива, а еще — 13 — свыше 20 лет. Ускоренных темпов развития требуют от нас решения XXVII съезда КПСС. Необходим постоянный поиск новых организационных форм работы, особенно форм, отражающих роль ЦГАНХ СССР в качестве общесоюзного научно-методического центра. Повышенное внимание по-прежнему будет уделяться научно-исследовательской работе.

²³ Цаплин В. В. К 20-летию ЦГАНХ СССР: (Основные итоги и перспективы деятельности) // СА. 1981. № 6. С. 5.

В. Ю. Афиани

НАЧАЛО ЖУРНАЛЬНОЙ АРХЕОГРАФИИ В РОССИИ В XVIII в.

Становление новой русской культуры в XVIII столетии принесло множество явлений, незнакомых допетровской России. Важные изменения произошли в системе научного знания, в его структуре, на организационном и коммуникационном уровнях. Особое значение имело основание Петербургской Академии наук. Она организовала крупные научные экспедиции, хранилища рукописей и книг, ряд периодических и повременных изданий, постоянно обращавшихся и к исторической тематике. Во второй половине столетия возникли официальные научные общества и неформальные объединения, также выпускавшие различного рода периодические издания.

В сфере исторического познания развивалась, приобретая элементы научного подхода, и археографическая деятельность. Собираение, выявление, описание и публикация исторических источников уже во второй половине XVIII в. становятся «повседневным» и органическим элементом культурной жизни русского общества, захватывая не только небольшой круг лиц, профессионально занимавшихся изучением истории, но и все более расширявшуюся группу «любителей отечественных древностей». Одним из свидетельств этого может служить утверждение документов прошлого на страницах периодики с конца 1760-х — начала 1770-х годов. В целом периодическая печать не стала еще строго избирательной, специализированной; большинство изданий ориентировалось на всю потенциальную читательскую аудиторию. Журнальные публикации источников явились как бы признанием обществом важности оперативного и регулярного приобщения к прошлому не только сквозь призму исторических сочинений, но и через посредство подлинных «остатков» истории. Слияние археографической деятельности с журналистикой и породило такое явление, как журнальная археография. Ее изучение представляет интерес и в плане истории отечественной археографии и исторической мысли. Публикации источников в общественно-политических, научных, литературно-художественных журналах и газетах — одно из проявлений общественного внимания к историческим событиям, историческим личностям¹.

Прежде чем перейти к освещению основных направлений развития журнальной археографии в XVIII в., необходимо пояснить, что вкладывается в это понятие. Она возникла на стыке археографии (археографической деятельности) и журналистики — «общественной деятельности по сбору, обработке и периодическому распространению актуальной социальной информации»². Журнальные публикации источников долгое время рассматривались изолированно, лишь как одна из форм («малая форма») издания документов наряду с серийными публикациями, сборниками и т. п. Исследования последнего времени показали специфику журнальных публикаций, обязательность учета при их изучении общего характера, направления периодических изданий, индивидуальных особенностей работы с текстом редакторов и издателей³. В современном понимании

¹ Шмидт С. О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 273.

² Сов. энцикл. слов. 3-е изд. М., 1984. С. 441.

³ Дмитриев С. С. Источниковедение русской исторической журналистики: (Поста-

публикация источника в журнале предстает как итог, наиболее заметная часть работы, включающей собирание, выявление, описание и подготовку к печати, часто для конкретного органа печати, ведущейся не только публикатором, но и редактором, издателем⁴. В прошлом нередко они совмещались в одном лице. Все это дает, на наш взгляд, достаточно оснований для постановки вопроса об особом разделе археографии как специальной научной исторической дисциплины — журнальной археографии. Но если формирование этого раздела в рамках дисциплинарного знания началось сравнительно недавно, то сама практика издания источников в периодической печати и связанная с ней работа по собиранию источников, а также обсуждение археографических проблем на страницах периодики ведет отсчет с XVIII в.

Первые публикации документов прошлого обнаруживаются в периодических и повременных изданиях России на рубеже 1720—1730-х годов, т. е. почти одновременно с возникновением предшественников будущих журналов. В типологическом отношении многие издания этого века существенно отличаются от периодики последующего времени. Этот вопрос рассматривался С. С. Дмитриевым⁵. Отметим только, что использование термина «журнал» и его синонима того времени «магазин», встречающееся уже во второй половине XVIII в., могло обозначать и сборник-антологию отрывков переводных сочинений, в том числе исторических⁶. Наличие своеобразных разновидностей и переходных типов изданий в этом столетии вызывает противоречивые оценки в научной литературе, о чем будет говориться ниже.

Первые публикации документов прошлого обнаруживаются в «Месячных исторических, генеалогических и географических примечаниях» в «Ведомостях», выходивших при Петербургской Академии наук в 1728—1736, 1738—1742 гг. в качестве приложения к «Санкт-Петербургским ведомостям». Постепенно они приобретали черты самостоятельного научно-популярного издания⁷. В комментариях к сообщениям зарубежной печати об окаменелостях в переводе с французского языка было опубликовано «арабское письмо» конца XVII в., подлинность которого, однако, оспаривалась⁸.

Источники по русской истории впервые начали печататься в другом академическом издании, так же, как и «Примечания», первоначально редактировавшемся Г.-Ф. Миллером. Выход в свет первой части «Собрания всяких до Российской истории принадлежащих кратких описаний и подлинников» предварялся проспектом. В нем сообщалось о намерении выпускать «Собрание» на русском и немецком языках ежемесячно. Со ссылкой на «исторические и дипломатические собрания других государств» Миллер писал, что задачей его является подготовка «материи» «к будущему совершенному историческому сочинению», «ободрение» собирателей исторических рукописей и материалов и сообщение иностранным читателям всего того, что «о российской истории по сие время еще не известно, или в печатных историях не довольно исследовано, или не очень изъяснено»⁹. Первый пункт «рописи» программы предусматривал

повка темы и проблематика) // Источниковедение отечественной истории, 1975. М., 1976. С. 296—297.

⁴ Наиболее обстоятельно эти вопросы изучены применительно к журналу «Русский архив». См.: Зайцев А. Д. «Русский архив» — исторический журнал (1863—1917): История собирания, организации и издания исторических материалов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. С. 15—19.

⁵ Дмитриев С. С. Указ. соч. С. 276—277.

⁶ См.: Исторический магазин, или Собрание различных историй: Пер. с фр. СПб., 1779; Исторический журнал, или Собрание из разных книг, любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов. Тобольск, 1790. Ч. 1.

⁷ Берков П. Н. Первый научно-популярный журнал Академии наук // ВАН. 1945. № 5/6. С. 215—218.

⁸ См.: Примечания в «Ведомостях», 1729. 21 янв. Ч. VI. С. 22—24.

⁹ [Миллер Г.-Ф.] Объявление предложения до исправления Российской истории касающегося, которое может учиниться частным изданием Собрания всяких известий до истории Российского государства принадлежащих. СПб., 1732. С. 2—3.

публикацию «сокращений и переводов из всех исторических рукописных книг и хроников о России, сколько оных теперь имеется или впредь найтись может», из Степенной книги, «Хроника и Синописа киевского», «Варлаама Палицына», «хроников безъимянных»¹⁰. Кроме того, предполагалось напечатать «описание жития славнейших владетелей и владетельниц российских» по рукописным и напечатанным известиям, «старые и новые генеалогические известия» и др. Позднее Миллер вспоминал, что «главное содержание этого сборника... должно было заключаться в извлечениях и переводах из русских летописей и других исторических рукописей»¹¹.

Но в действительности тип издания, его содержание имели существенные отличия от проспекта. «Собрание» выходило только на немецком языке и неперiodически. Называлось оно «Sammlung Russischer Geschichte» (1732–1737, 1758–1763). В первые четыре года появилось только шесть выпусков, составивших 1-й т., вместо предполагавшихся 12 выпусков (частей) ежегодно. Изданию на русском языке, по-видимому, помешало известное противодействие Синода публикации летописей, о чем говорилось в его определении 1734 г.¹² Еще раньше по указу Верховного Тайного совета 1727 г. все исторические работы, подготовленные Академией наук на русском языке, должны были апробироваться в Синоде¹³.

В «Sammlung» был опубликован перевод отрывков Радзивилловской летописи по Кенигсбергскому списку, подготовленный И.-В. Паузе (Паузом)¹⁴. Переводились извлечения из сочинений византийских авторов, дневник путешествия к калмыкам в 1722 г. В приложении к работе Г. З. Байера по истории Азова помещены (в переводе с латинского) письма Петра I и турецкого султана Ахмеда III за 1710–1711 гг.¹⁵

После отъезда Миллера в Сибирь подготовленные им материалы в 1733–1734 гг. издавал А.-В. Крамер, а после его смерти – Байер (первые три выпуска 2-го тома)¹⁶. Возвратившись из экспедиции, Миллер возобновил издание сборника и напечатал «Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний», «выбранное» из «журнала» Ф. И. Соймонова¹⁷. Но план и структура издания изменились. Если в 1730-х годах «Sammlung» больше напоминал журнал, то в последующие годы это сборник, предвосхищающий позднейшие издания научных обществ и Академии наук. В первый период каждый выпуск содержал несколько статей, публикации и современные известия, например сообщения о церемонии приема китайских послов в 1731–1732 гг., о коронации Анны Иоанновны, текст русско-персидского мирного договора 1732 г. В 1750–1760-х годах выпуск целиком или несколько выпусков подряд занимало одно исследование, например «Опыт новой истории России» Миллера¹⁸.

В литературе встречаются определения «Sammlung» как «немецкого

Имя автора указано только в немецком варианте проспекта: «Eröffnung eines Vorschlages zu Verbesserung der Russischen Historie durch den Druck einer Stückweise herauszugebenden Sammlung von allerley zu den Umständen und Begebenheiten dieses Reichs gehörigen Nachrichten». На русском известен только один дефектный экземпляр «Объявления» без конца, хранящийся в ГБЛ. См.: Сводный каталог гражданской печати русской книги XVIII в., 1725–1800. М., 1964. Т. II. С. 245.

¹⁰ [Миллер Г.-Ф.]. Объявление предложения... С. 5.

¹¹ Цит. по: Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 319.

¹² Временник МОИДР. 1856. Кн. 24: Смесь. С. 49–50.

¹³ ПСЗ. Т. VII. № 5175. С. 873–874.

¹⁴ Моисеева Г. Н. Из истории изучения русских летописей в XVIII в.: (Герард Фридрих Миллер) // РЛ. 1967. № 1. С. 130–137.

¹⁵ Sammlung Russischer Geschichte. 1737. Bd. II. St. III. S. 256–276. Далее: SRG. Текст был заимствован из «Lingii Litteris Procerum. Ps. III. P. 1038. Работа вышла отдельным изданием на немецком языке в 1737 г. В «Кратком описании всех случаев, касающихся Азова...» (СПб., 1738) письма отсутствуют.

¹⁶ Пекарский П. П. Указ. соч. С. 318.

¹⁷ SRG. 1762. Bd. VII. St. 3/4. P. 155–342; St. 5/6. P. 343–530.

¹⁸ SRG. 1760–1761. Bd. V. St. 1–4.

исторического журнала», «первого исторического журнала в России» на немецком языке¹⁹. Другие исследователи более справедливо считают его сборником материалов и исследований по русской истории, как его называл и сам Миллер в воспоминаниях²⁰. Назвать «Sammlung» «немецким» изданием было бы неправильно, так как оно выходило в России и ориентировалось не только на зарубежного читателя. Немецкий язык был распространен в XVIII в. «в русском ученом мире»²¹. Не случайно некоторые экземпляры сборника имеют владельческие записи, указывающие на происхождение из русских библиотек. В традициях Академии наук на протяжении двух столетий периодические и повременные издания выходили на иностранных языках, имевших статус международных²². В целом «Sammlung» было серьезным, научным для своего времени изданием. К каждому тому прилагался обширный справочный аппарат — именной, географический и предметный указатель («Register»). С ним связаны первые шаги журнальной археографии в России.

На русском языке первые публикации источников появились в новом периодическом академическом издании — «Ежемесячных сочинениях, к пользе и увеселению служащих» (1755—1764)²³, редактировавшихся Миллером. Оно имело энциклопедический характер, приобрело популярность, расходилось в количестве до 700 и более экземпляров, «с жадностью и удовольствием читалось русской публикой»²⁴. Многие исследователи считают «Ежемесячные сочинения» лучшим журналом XVIII в. Программа их предусматривала ознакомление читателей и с экстрактами из достовернейших Российских летописей, с списками старинных грамот и с архивных дел²⁵. Но и на этот раз она в этом виде не осуществилась.

Самой ранней публикацией можно считать перевод сонетов о Москве, написанных в XVII в., сделанный А. П. Сумароковым²⁶. Она имела не только литературно-исторический характер, но и политический смысл²⁷. Более поздние публикации продолжали уже сложившиеся к тому времени тематические направления журнала: история путешествий и географических открытий, этнографические сведения о народах, населявших Сибирь, Кавказ, Нижнее Поволжье, русско-китайские отношения. Это «известие» о путешествии И. Г. Гербера на Кавказ 1728 г. и «описание» Соймонова, опубликованные в 1760-х годах. В новом переводе по книге, вышедшей в Пекине, напечатаны «Описание путешествий» дипломата Ту Личэня к калмыцкому хану Аюке в 1714 г., ранее изданное в «Sammlung», и «Записка» капитана русской службы И. Х. Шничера, сопровождавшего это посольство. Единственная публикация источника

¹⁹ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М.; Л., 1941. С. 104, 100; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1985. С. 17.

²⁰ Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время, 1725—1740. Л., 1976. С. 76; Дмитриев С. С. Указ. соч. С. 283; Емельянов Ю. Н. Историческая проблематика периодических изданий Академии наук (1725—1917 гг.) // История и историки, 1975. М., 1978. С. 214; Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. Л., 1980. С. 47; и др.

²¹ Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 100.

²² Основные периодические издания Академии наук в XVIII и XIX веках: (Библиографическая справка) // ВАН. 1945. № 5/6. С. 233—235.

²³ С 1758 г. — «Сочинения и переводы...», с 1763 г. — «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах».

²⁴ Болховитинов Е. Словарь русских светских писателей. 2-е изд. М., 1845. Т. 2. С. 67. См. также: Пекарский П. П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 годов // Зап. имп. Акад. наук. Прилож. СПб., 1867; Милютин В. А. Очерки русской журналистики, преимущественно старой // Современник. 1851. Т. 25, № 2. отд. 2. С. 153—172.

²⁵ Ежемесячные сочинения. 1755. Т. 1, № 1. С. 3—12. Далее: ЕС.

²⁶ См.: Павла Флеминга, знатного немецкого стихотворца, который был в Москве в 1634 и 1636 годах при Голштинском посольстве, три сонета по русски переведенные // ЕС. 1755. Т. 1, № 4. С. 354—356; Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981. С. 288.

²⁷ Берков П. Н. Указ. соч. С. 289.

XVII в., отрывка из хронографа «о бунте и злодействе» С. Разина, служила «дополнением» к «журналу» Соймонова.

Приемы издания источников разнообразны. К некоторым из них Миллер подготовил примечания. В «Описании» Соймонова примечания, дополнявшие текст источника, сливались с ним. Соймонов сам предложил Миллеру сделать поправки²⁸. В заголовке указывалось, что этот материал печатается «яко часть истории» Петра Великого. Такое отношение к источнику, особенно к документам «новейшего» времени, нередко в журналистике XVIII в. Двойственность подхода к документу прошлого как к источнику и сочинению связана еще и с тем, что само представление об источнике еще только формировалось²⁹.

Первый период 1730-х — конца 1760-х годов можно назвать «предысторией» журнальной археографии, когда число самих периодических изданий, публикаций источников в них было еще незначительным. Переломными для всей русской культуры стали 1760—1770-е годы³⁰. Но эпоха русского Просвещения была подготовлена изменениями в предшествующие десятилетия³¹. В частности, важные и далеко идущие последствия имели отмена монополии государства в области издания периодической печати и возникновение в конце 1750-х годов частной периодики. Общественная направленность периодической печати усилилась в период недолгого расцвета сатирической журналистики, развернувшей борьбу против бездумного подражания Западной Европе, «французомании». История жизни предков, их обычаи и нравы попадают в центр общественных интересов, приобретают актуальное общественно-политическое и идеологическое звучание. Правительство осознает необходимость ослабления цензурных запретов на издание источников по истории России. Со второй половины 1760-х годов начинают выходить первые научные публикации летописных и юридических памятников. По образному определению М. П. Алексеева, начиналась «русская археографическая „романтика“, эра замечательных открытий в древних русских рукописях, „собирательная горячка“»³².

Периодика в разной форме откликалась на усилившееся внимание общества к прошлому. При общем росте числа периодических и повременных изданий резко возросло и число органов печати, помещавших исторические документы. Во второй половине XVIII в. около 13 периодических изданий журнального типа и 7 повременных и периодических сборников на русском и немецком языках печатали источники. Степень активности была весьма различной. Некоторые из них опубликовали по одному-два источника, что связано и с кратковременностью существования многих изданий. В журналах напечатано около 70 документов. Значительно больше источников увидело свет на страницах специализированных периодических и повременных сборников, например, в «Древней российской вивлиофике».

Продолжало расширяться типологическое разнообразие изданий, публиковавших источники. С 1768 г. начал выходить «Календарь или месяцеслов исторический» (название изменялось). Его можно рассматривать в качестве одного из предшественников исторических альманахов, сложившихся в первой четверти XIX в.³³ Большая часть публикаций заимствовалась в «сокращениях» из предшествующих отдельных изданий. Сре-

²⁸ Шмура Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. Вып. 1. С. 126—127, 132—133. Примеч.

²⁹ Илизаров С. С. О формировании термина «исторический источник» в русской научной литературе XVIII в. // Источниковедение отечественной истории, 1984. М., 1986. С. 207.

³⁰ Краснобаев Б. И. Русская культура второй половины XVII — начала XIX в. М., 1983. С. 167—186.

³¹ Проблема русского просвещения в литературе XVIII в. М.; Л., 1961. С. 15—17.

³² Алексеев М. П. Из истории рукописных собраний // Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний. М.; Л., 1960. С. 32.

³³ В Западной Европе «исторические» календари известны с XVI в. См., например: *Calendarier historial et lunaire...* Genève, 1576. В XVIII в. они вытеснялись «истори-

ди них «Сокращение российского летописца» (1769), извлечение из «Царственной книги» о взятии Казани Иваном IV (1773) с исправлениями по рукописи в имп. библиотеке и добавлениями по «Опыту Казанской истории» П. И. Рычкова. Но впервые был опубликован «Перечень из дневной записки» И. Кобелева, посланного в 1779 г. на Чукотку (1784).

Среди частных изданий первыми к историческим источникам обратились: «Парнаасский щепетильник» (1770) М. Д. Чулкова, «Трудолюбивый муравей» (1771) и «Старина и Новизна» (1772–1773) В. Г. Рубана. В журнале Чулкова был помещен небольшой отрывок описания путешествия В. Григоровича-Барского в 1723–1747 гг. по одному из списков. «Трудолюбивый муравей» напечатал речь Петра I «российским генералам» и похвальное слово ему, произнесенное Фонтенелем в Парижской академии в 1725 г. Более систематический характер имело издание документов в «Старине и Новизне»³⁴. В этом литературно-историческом периодическом издании опубликовано 13 документов, но лишь 8 из них можно отнести к собственно историческим. Другие документы — 1760–1770-х годов. Среди публикаций преобладают источники петровского времени и близкого к нему: духовная Ф. М. Апраксина (1728), «ведомость о начатии греко-латинской Академии в Москве» Ф. Поликарпова. Помещали и источники XVII в. — список грамоты 1677 г. к константинопольскому патриарху о восшествии на престол Федора Алексеевича, чин облачений патриархов и духовных лиц. В «доставлении» документов принимали участие Н. Н. Бантыш-Каменский, П. Н. Трубецкой и П. К. Хлебников.

Наиболее заметным явлением в археографии XVIII в. стали издания Н. И. Новикова. «Древняя российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений...» (СПб., 1773–1775. 10 ч.), ее расширенное переиздание в хронологическом порядке (М., 1788–1791. 20 ч.) — действительно систематическое издание источников. Ряд исследователей считают «Вивлиофику» периодическим изданием, своего рода первым в России научным историко-архивным журналом³⁵, «ежемесячным архивным журналом»³⁶. 1-е издание имеет некоторые журнальные черты, в 1773–1774 гг. выходило ежемесячно, но уже с 1775 г. — раз в два месяца и нерегулярно. Во 2-м, неоконченном переиздании «Вивлиофики» (СПб., 1783. Ч. 1–2) Новиков отказался от ежемесячного выпуска частей, как и в московском издании. По структуре и содержанию «Вивлиофика» отличалась от современных ей журнальных изданий; поэтому больше оснований видеть в ней сборник исторических материалов (первоначально периодический), «специальное историческое повременное издание»³⁷. Но издания Новикова сыграли важную роль в становлении журнальной археографии, в объединении археографических сил в России, в обследовании официальных и частных архивов, собраний, в выработке научных методов.

Почти одновременно основывается еще одно повременное издание, представляющее новый тип в журналистике. Это издание научного общества — «Опыт трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете» (1774–1776, 1778, 1780, 1783. 6 ч.). В нем принимал активное участие Миллер, помещая примечания к публикациям или дополняя по другим спискам. В «Опыте» опубликовано около 20 источников XV–XVIII вв., описание двух старопечатных изданий XVI в. Ф. Скорины из собраний П. А. Алексеева, А. А. Барсова, епископа Ан-

ческими» альманахами: *Almanach historial...* Paris, 1715; *Almanach historique de la Révolution française...* Paris, 1791; и др.

³⁴ Свиденко В. С. Исторические материалы в русском журнале второй половины XVIII в.: («Старина и Новизна» В. Г. Рубана) // *Историогр. сб.* Саратов, 1973. Вып. 1 (4). С. 115.

³⁵ Дербов Л. А. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974. С. 297.

³⁶ Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 115; Энштейн Д. М. История археографии в дореволюционной России: Период феодализма. М., 1977. С. 33.

³⁷ Дмитриев С. С. Указ. соч. С. 283.

тония, И. А. Навроцкого, П. Б. Шереметева, М. М. Щербатова и др. Особый интерес проявлялся к «чинам» и обрядам венчания на царство, свадьбам, посольским документам.

Новиков способствовал и зарождению традиции критического анализа методов публикации источников в периодической печати. В редактировавшихся им «Санкт-Петербургских ученых ведомостях» (1777) в нескольких номерах рецензировалось 1-е издание «Вивлиофики», выдвигались своего рода правила издания исторических документов, направленные на более точную передачу текста, писалось о необходимости подготовки комментария и легенды^{38–39}.

Другая разновидность журнальной критико-библиографической статьи — рецензии — развивалась в «Санкт-Петербургском вестнике» (1778—1781). Он издавался от имени «Общества любителей наук» и редактировался Г. Л. Брайко. О разделе «Известие о новых книгах» положительно отзывался Н. А. Добролюбов⁴⁰. В нем вслед за аннотацией издания, его краткой оценкой перепечатывались отдельные документы или отрывки из рецензируемых книг: «Повествователя древностей российских», «Писем к государю имп. Петру Великому от ... Б. П. Шереметева» (М., 1778—1779. Ч. 2—4) и др. «Предуведомление» к журналу объявляло о планах издания документов «к древней и новой российской истории»⁴¹. В «ученом» отделе была помещена выписка из «поденных записок» епископа Арсения Елассонского о поездке в Москву в 1586 и 1588 гг. Ее перевел из публикации рукописи в Италии И. Г. Бакмейстер на немецкий язык для «SPb. Journal», «выписав сократительно знатнейшие происшествия»⁴². А на основе перевода Бакмейстера была подготовлена публикация на русском языке. В другом разделе — «Анекдоты» — появилась оригинальная публикация письма к Петру I «двух голландских мужиков» (1698). Письмо было извлечено из архива иностранного купца, жившего в Петербурге потомка К. И. Крейса, и напечатано параллельно на голландском и русском языках с подстрочными примечаниями.

«СПб. вестник» имел тесные связи с упоминавшимся журналом на немецком языке, выходившем в 1778—1780 гг. Журналы обменивались материалами⁴³. Редактировал «SPb. Journal» Б. Ф. Арндт, принимавший участие в журнале Брайко. В этом журнале были также перепечатаны некоторые письма к Петру I, Б. П. Шереметеву, записки Арсения Елассонского. Кроме того, публиковались обширные выдержки из «Тетрадей записных всяким письмам...» (СПб., 1774) и из духовного завещания патриарха Иоакима и дневника Г. Гюйсена (Гизена) о Меншикове.

Исторические документы могли появляться и в других журналах, выходивших в России на немецком языке. Они еще полностью не обследованы. Их история и взаимодействие с русской периодикой еще только начинают изучаться⁴⁴.

В 1780-х годах число периодических изданий, помещавших исторические документы, уменьшается. Но именно в это время источники начинают издаваться провинциальным изданием — «Ежемесячными сочинениями» (Ярославль, 1787). Одна публикация письма царицы Прасковьи к В. И. Брюсу (1721) издана в «Зеркале света» (1786—1787). Более широкий круг источников печатался в «Новых ежемесячных сочинениях»

^{38–39} Софинов П. Г. Из истории русской дореволюционной археографии. М., 1957. С. 54—57.

⁴⁰ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1950. Т. 1. С. 11.

⁴¹ СПб. вестн. 1778. Ч. 1, № 1.

⁴² Там же. 1779. Ч. 2, № 9. С. 163—164.

⁴³ См.: Мартынов И. Ф. Журналист, историк и дипломат XVIII века Григорий Леонтьевич Брайко // XVIII век. Сб. 12. А. Н. Радищев и литература его времени. Л., 1977. С. 231; Он же. Русская литература и наука в петербургских немецких журналах эпохи Просвещения («St.-Petersburgisches Journal» X. Г. Арндта и «Journal von Russland» И.-Г. Буссе // Die Welt der Slaven. 1974/1975. Jg. XIX/XX. S. 80—97.

⁴⁴ Данилевский Д. Ю. Немецкие журналы Петербурга в 1770—1810-х гг.: (Характеристика литературных позиций // Русские источники для истории зарубежных литератур: Сб. исслед. и материалов. Л., 1980. С. 62—105.

(СПб., 1786–1796), продолжавших тематику предшествующего издания. Но, исключая «дневные записки» об экспедициях астронома Исленьева, И. Лерха, П. Иванчина 1730–1790-х годов, больше внимания уделялось документам по русской истории до XVIII в. В 1788 г. были помещены выписки из Никоновской летописи о венчании Мануила греческого в 1391 г. и из «Танбовского летописца» о жалованной грамоте 1637 г., присланной в Тамбов. Большая по объему публикация об осаде Чигирина турками в 1677–1678 гг. представляет собой текст дневника П. Гордона, дополненный небольшими пояснениями составителя⁴⁵.

В последнем десятилетии XVIII в. выходил «Российский магазин» (СПб., 1792–1794) Ф. О. Туманского, с большими основаниями, чем какое-либо другое издание, имеющий право называться «первым русским историческим журналом»⁴⁶. Издатель-редактор его обещал помещать исключительно «происшествия российские», «гисторические, географические, топографические и другие разные известия, относящиеся к познанию России»⁴⁷. Не отказывался он «токмо для разнообразности, редко однако же», и от прозы и стихов⁴⁸. Но подавляющее большинство материалов было исторического характера. Учитывая программу издания, его, на наш взгляд, следует все-таки отнести к числу «преимущественно исторических» журналов⁴⁹.

В отдельных публикациях и в составе статей в нем опубликовано около 25 документов XVII–XVIII вв. Среди них — обширные тексты: летописец Малая Россия, дневные записки П. Гордона. Особенностью «Российского магазина» был ярко выраженный интерес к экономической истории. В этой связи печаталась серия делопроизводственных документов конца XVII — начала XVIII в. «Розметная книга» 1700 г., ведомость 1699 г. об отпуске свечей и воска, указы о дворцовых штатах, объединенные общим заголовком «В пример российского прежнего домостроительства», рассматривались как «сведения о древнем соотчичей наших хозяйстве»⁵⁰. Группа документов освещала историю Украины: выписки из записки о выборах в Запорожской Сечи в 1749 г., манифест Б. Хмельницкого, дневник Гордона.

В публикациях заметны попытки следовать уже имевшимся образцам научных методов. Ко многим из них сделаны примечания по тексту. В ряде случаев раскрываются методы подготовки публикаций. Туманский писал в предисловии в дневнику Гордона о сложностях перевода дневника, необходимости исправлять «по соображениям времен и обстоятельств из русских, малороссийских и польских летописцев, из чертежей и проч.» написание имен и названий населенных пунктов⁵¹. Но, несмотря на археографическую активность Туманского, помимо «Российского магазина», выпустившего «Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деятельности государя имп. Петра Великого» (СПб., 1787–1788. 10 т.) и др., его уровень подготовки оценивается не очень высоко⁵².

В журнале ясно обнаруживается стремление к публицистическому истолкованию исторических документов. Публикация о «домостроительстве» рассматривалась Туманским как доказательство «умеренности» предков, «нравоучительной для современников наших, чем далее, тем глубже в ядовитой тине роскоши утопающих»⁵³. Встречаются и намеки

⁴⁵ Шмурло Е. Ф. Указ. соч. С. 138. Примеч.

⁴⁶ Дмитриев С. С. Указ. соч. С. 183; Белозерская Н. А. Исторический журнал XVIII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Ч. 315, № 1, отд. 2. С. 64–84. Далее: ЖМНП.

⁴⁷ Туманский Ф. О. О намерении Российского магазина // Рос. магазин. 1792. Ч. 1. С. 544.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Термин предложен С. С. Дмитриевым для журналов 1820-х годов.

⁵⁰ Рос. магазин. 1792. Ч. 1. С. 89.

⁵¹ Там же. 1793. Ч. 2. С. 389–392.

⁵² См.: Шмурло Е. Ф. Указ. соч. С. 95; Он же. О записках Сильвестра Медведева // ЖМНП. 1889. Ч. 262, № 4. С. 335–369.

⁵³ Рос. магазин. 1792. Ч. 1. С. 89.

на Французскую революцию. В предисловии к выписке о Запорожской Сечи он писал: «Безначалие есть зло... Доказательств сему почто в происшествиях искать чуждых? ... повиновение верховной власти и почтение к законам есть единое средство достигнуть блаженства в сей кратковременной жизни»⁵⁴.

Туманский не только сам вел широкое собрание документальных материалов, но и призывал «любезных соотчичей» искать и спасать от гибели «источники, нужные к познанию России»⁵⁵.

Исключительно публицистический и литературный характер имела публикация писем Д. Фонвизина из-за границы и его автобиографического «Чистосердечного признания» в «Санкт-Петербургском журнале» (1798).

Подводя итоги развитию журнальной археографии в XVIII в., можно сделать вывод о том, что во второй половине столетия уже складывается довольно устойчивая традиция издания источников в периодической печати. Она охватывает широкий круг периодических изданий, разнообразный и в типологическом отношении. Различия в типе издания сказывались на тематике и хронологии публикаций. Издания Новикова и «Продолжение Древней российской вивлиофики», «Опыт трудов» Вольного российского собрания, преимущественно специализировались на публикациях источников допетровского времени. В журналах частных издателей предпочтение отдавалось источникам недавнего прошлого конца XVII—XVIII в., особенно петровской эпохи, а также повествовательным: «запискам», «известиям», «описаниям» путешествий и документам, близким к распространенным в это время литературным жанрам — речам, письмам и т. п. Издания типа сборников теснее связаны с научным изучением истории, что сказывалось и на методах издания источников.

Публикации имели различное функциональное назначение. Далеко не все из них печатались в расчете на использование в исторических исследованиях или как «запас» для их написания. Издание источников связано и с просветительскими задачами журналов, и с идейно-политической борьбой. Публикаторам и редакторам не чуждо было желание использовать документы прошлого для исправления современных нравов, для отклика на политические события, но эти тенденции четче обозначаются уже в следующем столетии.

⁵⁴ Там же. С. 187.

⁵⁵ Там же. С. 545—546.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ ЛАТИНСКИХ ГРАМОТ (часть пятая)

В предыдущих частях настоящей работы¹ были рассмотрены ст. 1–102 Международных правил издания средневековых латинских грамот². К вопросам издания сборника актов в целом «Правила» относят нумерацию документов в томе, порядок их расположения, место в томе подложных актов и упоминания об утраченных актах, видимусов, включенных актов и т. п. Четвертая часть нашего обзора заканчивалась рассмотрением вопроса об упоминаемых актах.

Перейдем теперь к проблеме видимусов. Под видимусом (*vidimus* во Франции, *inspeximus* в Англии) понимается документ, включающий в себя полную копию акта, подлинность которого удостоверяется. Видимус начинается с интитуляции государя, выдающего видимус. Затем следует текст видимируемого документа, после чего — конечный протокол самого видимуса и его удостоверительная часть: подписи видимирующего государя и чинов его канцелярии, формула *vidimus* («мы видели») или *inspeximus* («мы смотрели»), печать. В видимусе описываются внешние признаки видимируемого документа, в особенности его печать и способы ее прикрепления. В так называемом «подтвердительном видимусе» (*un vidimus confirmatif*) власть не только удостоверяет подлинность предыдущего акта, но и заново издает его от своего имени в качестве действующего юридического документа. В период позднего средневековья появилось много вторичных видимусов (видимус видимуса) и последующих (третичных и т. д.) повторений и подтверждений видимуса из документа в документ³.

В «Правилах» справедливо подчеркивается, что видимус и видимируемый акт (*l'acte vidimé*), отраженный в его составе, представляют собой два различных документа. Дипломатист-археограф может либо рассматривать видимус как одну из копий видимируемого акта, либо считать его самостоятельным документом. В первом случае документ публикуется под датой видимируемого акта, а видимус как таковой фигурирует только в легенде наряду с другими копиями. Во втором случае, особенно когда издатель имеет дело с подтвердительным (а не просто удостоверительным) видимусом или когда видимус воспроизводит несколько актов или добавляет к ним новые распоряжения, видимируемый документ и видимус публикуются как отдельные документы, под разными номерами: сначала идет под своей датой видимируемый акт и затем под более поздней датой — видимус, причем от последнего делаются отсылки к первому для совпадающих частей.

В отношении видимусов «Правила» не все разъясняют до конца. Что касается первого случая, то неясно, как поступать, если документ дошел только в составе видимуса: публиковать ли видимус целиком или лишь текст видимируемого акта. Для второго случая не уточнено, повторяет ли

¹ Начало см.: Каштанов С. М. Современные принципы издания латинских грамот. Часть первая // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 37–48; Часть вторая // АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 75–87; Часть третья // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 52–67; Часть четвертая // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 46–58.

² См.: *Normalisation internationale des méthodes de publication des documents latins du Moyen Âge* (Colloque de Barcelone, 2–5 octobre 1974). Roma, 1977; *Folia Caesaraugustana*. Zaragoza, 1984. I. P. 13–64.

³ *Folia Caesaraugustana*. I. P. 121–122. Art. 60–62.

издание видимуса весь текст видимируемого акта или при наличии соответствующих отсылок видимируемые акты вторично не воспроизводятся.

Русской дипломатике была чужда практика выдачи полных копий прежних грамот от лица нового государя, т. е. здесь не возникла традиция составления удостоверительных видимусов. К подтвердительным видимусам в какой-то мере близки подтвердительные жалованные грамоты, ссылающиеся на предшествующую жалованную грамоту, передающие или пересказывающие ее текст полностью или частично, а иногда упоминающие также о подписях и печатях на этой грамоте. Однако даже в тех случаях, когда текст предшествующего документа цитируется более или менее точно и полно, у нас нет уверенности, что это дипломатически аутентичная копия приводимого акта. На Руси не развился обычай представлять нового государя в качестве гаранта дипломатической аутентичности цитируемого в его грамоте текста предшествующей грамоты. Форма видимусов получила применение в канцеляриях Польши и Великого княжества Литовского⁴. Польская канцелярия испытала сильное влияние французского делопроизводства в XIV в. при Анжуйской династии⁵. Проблема издания видимусов имеет значение для археографов, готовящих к печати Литовскую метрику.

Далее в «Правилах» трактуется вопрос о «присоединенных» или «включенных» актах (*actes annexés ou insérés*). Под «присоединенным» понимается акт, либо переписанный вслед за основным, либо (как это имело место в свитках) пришитый к основному документу по его нижнему краю, либо, наконец, вложенный в ту же обложку, что и основной⁶. Присоединение одного акта к другому или включение одного акта в другой могло иметь целью удостоверить подлинность включенного акта (как в случае с видимусами) или, напротив, подкрепить, дополнить включающий акт, придать ему большую юридическую силу. Документы, присоединявшиеся к актам в качестве оправдательных и подкрепляющих материалов, разнообразны: это и доверенности, и полномочия агентов публичной власти, и разрешения действовать с соизволения верховной власти, это также квитанции и удостоверения всякого рода. По мнению авторов «Правил», нет смысла отделять подобные документы от основного акта и публиковать их под отдельными номерами, ибо как исторический источник они органически связаны с тем актом, к которому присоединены материально. Таким образом, включенные и присоединенные акты публикуются каждый на своем месте, в составе или после всего основного текста акта.

Рекомендация публиковать присоединенные акты вместе с основным не вызывает возражений; но думается, что заголовки таких документов было бы полезно давать отдельно, т. е. под отдельным номером и под имеющейся в каждом документе датой или под реконструируемой датой. От заголовка должна делаться отсылка к месту публикации самого текста. Этот метод «Правил» признают для утраченных актов, упоминаемых в подтвердительных панкартах, которые предоставлялись духовным учреждениям на их земли. При указании утраченных актов допускаются цитаты из панкарт, позволяющие точнее передать содержание упоминаемых там актов.

Включенные акты в документах феодальной Руси представляют собой обычно тексты предшествующих актов на земли, являющиеся объектом спора, пожалования или сделки в новом акте. Включенные акты, сохра-

⁴ Ковальский Н. П. Документальные коллекции Радзиминовского и Оссолиньского как источники по истории Волини XV–XVIII вв. // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения: Сб. науч. тр. Днепропетровск, 1978. С. 32; *Он же*. Источники по истории Украины XVI – первой половины XVII в. в Литовской метрике и фондах приказов ЦГАДА: Учеб. пособие. Днепропетровск, 1979. С. 14–15, 21; *Он же*. Источниковедение истории Украины XVI – первой половины XVII в. Днепропетровск, 1979. Ч. 4. С. 57.

⁵ Каштанов С. М. Современные проблемы европейской дипломатики // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 34–35.

⁶ *Folia CaesarAugustana*. I. P. 122. Art. 63.

нившиеся только в тексте нового документа, в АСЭИ публикуются дважды: 1) отдельно под своей датой и под особым номером, 2) в составе включающего акта. В отношении включенных актов следует, как нам кажется, придерживаться следующих правил. Когда документ, помещаемый в том, содержит включенные акты, относящиеся к периоду, более раннему, чем хронологические рамки тома, включенные акты публикуются один раз — только в составе включающего акта. Если эти включенные акты уже издавались ранее в виде отдельных документов, к первому слову каждого включенного акта дается знак примечания и в разделе примечаний указываются предшествующие публикации включенных актов. Если же включенные акты ранее отдельно не публиковались, для них составляются заголовки, которые выносятся в особое приложение к тому. В приложении заголовки располагаются в порядке хронологии всех подобного рода ранних включенных актов, встречающихся в составе документов тома. Вторичное издание их текста (т. е. издание еще и вне текста включающего документа) нецелесообразно. Достаточно, чтобы заголовок в приложении сопровождался ссылкой на номер документа, содержащего включенный акт.

Если включенный акт относится к хронологическим пределам тома и существует только в виде включенного, вторично публиковать его в том месте, которое принадлежит ему в соответствии с его датой, также нет смысла; но необходимо в этом месте под особым номером поместить полный заголовок включенного акта со ссылкой на номер документа, где он содержится. Если включенный акт, относящийся к хронологическим рамкам тома, находится в составе более позднего документа, не входящего в данный том, его надо опубликовать в том как извлечение из позднейшего источника, не публикуя последний целиком.

При издании в том подлинного акта его аутентичные копии, как правило, не публикуются, а лишь упоминаются в легенде. Однако датированная копия или серия копий может иногда представить самостоятельный интерес (например, если их возникновение связано с какими-то важными политическими событиями или серьезными юридическими разногласиями). Указание такой копии или таких копий займет самостоятельное место в сборнике (очевидно, под датой копии и под особым номером?). «Правила» рекомендуют ссылаться при этом на номер, под которым в том опубликован оригинал. Но издается ли сам текст копии?

В «Правилах» подчеркивается необходимость снабжать публикацию сборника грамот, картулярии или каталога указателями, перечнями и таблицами, без которых публикация не может удовлетворять предъявляемым к ней требованиям исследователей. Указатель должен охватывать и введение. Указатели к советским изданиям актов также учитывают это требование. Когда публикация состоит из нескольких томов, в «Правилах» признается идеальным поместить указатель в конце последнего тома для облегчения поисков по всем томам. Однако с практической точки зрения желательно, чтобы каждый том был снабжен своим указателем или сопровожден отдельным выпуском, содержащим указатель к тому. Советские многотомные актовые издания — такие, например, как АСЭИ или АФЗХ, снабжены указателями поточно, серии же в целом сводного указателя не имеют. Сводные указатели (при отсутствии поточных) давались в некоторых дореволюционных многотомных изданиях актов (ААЭ, АИ, ДАИ, АЮБ и др.).

В «Правилах» указывается, что если документы в томе размещаются не в хронологической последовательности, а в порядке расположения актов в картулярии или по какой-либо особой системе (скажем, по номинальному, тематическому, авторскому признаку и т. п.), необходим хронологический перечень документов в соответствии с их датировками в издании и принятым принципом размещения неточно или приблизительно датированных актов. Подобные хронологические указатели актов находим в АФЗХ, ч. 1 и 3, и в АСЭИ, т. 3. В АФЗХ эти перечни содержат полные заголовки документов и отсылки к номерам актов в публи-

кации, причем в ч. 1 перечень относится ко всем опубликованным документам тома, а в ч. 3 — только к документам Записной книги поместных разряд митрополичьим и патриаршим служилым людям. В АСЭИ, т. 3, хронологический указатель составлен по сокращенной схеме: заголовков тут нет, есть только даты и номера документов в томе.

«Правила» предусматривают и другую ситуацию: когда документы в томе расположены по хронологии, но это не соответствует порядку размещения их в картулярии или в архивном досье. В этом случае рекомендуется составить таблицу соответствия между порядком картулярия или досье, с одной стороны, и номерами издания, с другой. Как полагают авторы «Правил», давая такую таблицу, составитель не должен ограничиваться простым списком номеров — следует приводить также и краткие заголовки актов, чтобы дать читателю возможность понять структуру картулярия или старую систему организации материалов в архиве. При издании актов копийной книги Московского Богоявленского монастыря (АММС) В. Д. Назаровым был избран хронологический принцип размещения документов в томе, но при этом структура самого картулярия оказалась забытой: в публикации нет указателя соотношения номеров документов в томе и порядка расположения их в копийной книге.

Согласно «Правилам», именной указатель (*Index nominum*) включает в себя имена и географические названия. Соединение в одном указателе имен и географических названий обосновывается в «Правилах» тем, что имя и название места в средневековых актах часто неразрывно связаны и нет возможности отделить одно от другого. Так, например, лицо может быть определено как *dominus de X* (*X* — название местности) или как *Willelmus de Saviniaco*, и при этом неизвестно, было ли данное лицо (*Willelmus*) сеньором данной местности (*Saviniacum*). В русских актах связь между именем и названием местности также в ряде случаев бывает достаточно тесной: «Ондреевская земля Бутенева» (=земля Андрея Бутенева), «да пожною Бонину Тимохина сына, куликовца» («куликовца» = из с. Куликова), «поп Павел скнятиповской» (=из с. Скнятинова), «Игнат воровьевской» (=из с. Воробьева) и т. п.⁷ Однако в русских актах все же легче, чем в латинских, определить границу между именем и географическим названием. Поэтому в нашей археографической практике наиболее приняты отдельные указатели личных имен и географических названий. Такие отдельные указатели содержатся в ГВНП, ДДГ, АСЭИ, АФЗХ, АРГ и др.

В «Правилах» отмечается сложность отбора личных имен для указателя. Указание лица может даваться либо от имени (крестное имя), либо от фамилии, если есть уверенность, что она стала наследственной. Распространенность прозвищ, имен, данных по профессии или месту рождения (происхождения), определений, закрепившихся за той или иной семьей, — все эти моменты сильно варьировались в зависимости от эпохи, региона и социальной принадлежности лица. Отсюда — невозможность положить в основу словника имен и названий совершенно четкие критерии. В «Правилах» вполне основательно подчеркивается обязательность пересылок в указателе от одной формы записи имени к другой. Например, *Johannes Magnus* дается в указателе и как *Magnus* (*Johannes*), *Johannes de Saviniaco* — еще и как *Saviniaco* (*Johannes de*). Независимо от того, какая форма избирается как основная, от вариантной делается отсылка к основной. Правда, в «Правилах» оговаривается, что эти отсылки могут быть очень краткими. Предлагается концентрировать все варианты формы в одном месте, т. е. помещать во главе статьи одну из форм и приводить тут же варианты к ней. Вместе с тем высказывается мысль, что при указании одной формы, например *Johannes Magnus* или *Johannes de Saviniaco*, можно воздерживаться от ссылки тут же на другую форму по типу: *см. Magnus* (*Johannes*) или *см. Saviniaco* (*Johannes de*). Вместе с тем эта вторая форма приводится в указа-

⁷ Каштанов С. М. Из опыта актовой археографии // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 53.

теле на своем месте, и исследователь должен знать из предисловия к указателю, что если он встречается в нем слова *Johannes Magnus* или *Johannes de Saviniaco*, ему следует искать в том же указателе варианты на *Magnus (Johannes)* и *Saviniaco (Johannes de)*. Вообще принцип пользования указателем надо объяснить в предисловии к нему. В наших указателях при основной форме обычно не делаются отсылки к вариантным, но при вариантных уже не приводятся номера актов или страниц, а дается отсылка к основной форме, где и концентрируются все поисковые данные.

В актах могут встречаться, как известно, различные написания одного и того же имени: *Gillelmus — Guillelmus — Wilhelmus* и т. д., *Hoto — Odo — Otto* и т. д., *Adeodatus — Deodatus — Deusdedit* и т. п. В указателе они должны быть сгруппированы в одном месте и, как показывают приведенные примеры, расположены в алфавитном порядке. От каждой вариантной формы, помещаемой в указателе, делается отсылка к той форме, которая стоит во главе группы вариантов, где и приводятся поисковые данные. Если имя того или иного лица фигурирует в актах как в форме латинского, так и в форме народного языка, необходимо сгруппировать имена в одном месте и давать отсылки к этой группировке от вариантных форм.

«Правила» указывают, что если одно и то же лицо выступает в актах в разных ролях, последовательно исполняя разные функции или занимая разные должности, ссылки на него в указателе должны быть сгруппированы в одном месте. Например, в статье об аббатстве *Муассак (l'abbaye de Moissac)* группируются сведения о лицах, представляющих это аббатство и последовательно выступавших в разных ролях. Скажем, одно и то же лицо, *Hunaldus* или *Unaldus*, упоминается не только с приведением разных форм его имени, но и с дифференцированным указанием случаев его деятельности в той или иной роли: *Hunaldus vicescomes*, *Hunaldus monachus*, *Hunaldus prior Layraci*, *Hunaldus abbas*, *Hunaldus abbas Moysiaci*.

Когда дело касается лиц, относящихся к одной семье, весьма желательны группировки имен и пересылки. Так, от имени жены предлагается делать отсылку к имени мужа и сына. В указателе имя или имена женщины приводятся с упоминанием ее семейного положения и имени мужа: *Adalasia* (или *Adalais — Adalasia*), *uxor quondam Guillelmi Sancii*. Кроме того, эта женщина должна фигурировать еще под именем своего мужа и сына: *Guillelmi Sancii (uxor)* и *Johannes Guillelmi (mater)*. Если можно предположить тождество обеих женщин, упоминающихся в качестве жены и матери, это тем более необходимо отразить в пересылках. В наших указателях жены даются обычно под фамилией мужей (иногда еще с приведением девичьей фамилии), но имя мужа при этом не указывается, не делаются отсылки и к имени сына. Стоило бы подумать в этой связи о расширении системы пересылок в указателях к изданиям русских актов.

В «Правилах» говорится, что если основная статья дается на имя лица, то делается отсылка к названию земли, которой это лицо владеет, или к названию духовного учреждения, которым данное лицо управляет, либо же к названию административного округа или территории государства, где оно осуществляет свои функции. Так, когда вводится статья на *Amadeus V, comes Sabaudiae*, имеется в виду, что в статье *Sabaudia (Савойя)* даны ссылки на всех графов Савойских, упоминающихся в указателе. Аналогичным образом статья *Hunaldus, abbas Moysiaci* предполагает, что в статье *Moysiacum, monasterium* в подрубке *abbates* приводятся имена всех аббатов этого монастыря, встречающиеся в издании. Статья *Guillelmus de Castelletto, ballivus Proveni* предусматривает наличие статьи *Provinum*, в которой среди различных подрубок должна находиться и такая, где собраны имена всех балли этого округа, фигурирующих в разных местах указателя. В наших указателях не принято приводить имена настоятелей под названием монастыря, наместников —

под названием уезда, князей — под названием княжества и т. д., но это связано с раздельным существованием именного и географического указателей.

Как отмечается в «Правилах», названия мест включаются в указатель чаще всего в именительном падеже; однако, если форма именительного падежа неизвестна, можно привести топоним в форме, содержащейся в источнике. т. е. в одном из косвенных падежей (местном, винительном, творительном) с предшествующим предлогом *de*. Названия, дающиеся в форме имени прилагательного, желательно сопоставить с такими формами, в которых прилагательное разделяется на прилагательное и существительное. Например, в определении *Claravallensis abbas* или *Longipontense monasterium* топонимическая часть может быть представлена как *Clara Vallis* и *Longus Pons*. В «Правилах» сказано, что наряду с латинской формой топонима надо указывать его современное название и отождествление с учетом административного деления, принятого в той или иной стране (во Франции, например, департаменты, округа, кантоны и коммуны). Современную идентификацию рекомендуется приводить в конце соответствующей латинской рубрики (т. е. после всех латинских названий места) и от этой рубрики делать отсылку к статье, даваемой на современное название. Например:

Sanctus Carilephus, monasterium, 18, 55, 78.— Saint-Calais.
Saint-Calais (Sarthe, arr. Le Mans, ch.-l, c^{on}), v. **Sanctus Carilephus**.

В наших актовых изданиях отождествление поселений XIV—XVI вв. с современными населенными пунктами практиковалось, хотя и выборочно. С. Б. Веселовским, по не в указателе, а в примечаниях к актам (см. АСЭИ, т. 1). В дальнейшем получило распространение отождествление поселений с пунктами, указанными в погубернских «Списках населенных мест Российской империи» середины XIX в. (СНМ). Обычно отождествления приводятся в примечаниях или комментариях (см. АСЭИ и АРГ), однако в АСЭИ, т. 3, И. А. Голубцов вносил (часто со знаком вопроса) отождествления по СНМ и сведения из них — также в указатель. СНМ являются наиболее полным и систематическим перечнем и указателем местоположения поселений России. Поэтому отождествление пунктов, упомянутых в источниках XIV—XVI вв., с поселениями, попавшими в СНМ, вполне закономерно. Не совсем, правда, ясно, насколько необходимо приводить номера пунктов по СНМ в географическом указателе. Подчас отождествления бывают гипотетическими, и более подробные исследования позволяют в некоторых случаях отождествлять упоминаемые в источниках поселения не с теми, которые фигурируют в СНМ, а с исчезнувшими пунктами, зафиксированными в более ранних источниках⁸. Не всегда и карты генерального межевания XVIII в. дают возможность точно локализовать бывшие поселения XIV—XVI вв.

Для русских актов проблема старого и нового названия населенного пункта не стоит с такой же степенью остроты, как для латинских, где каждое латинское название должно быть сопоставлено с названием на национальном языке. Многие русские населенные пункты сохранили старые названия, иногда с более или менее значительным изменением или искажением прежнего написания, но некоторые пункты переименованы, часть поселений исчезла на протяжении XVI—XX вв. Соотношение старых названий с современными может быть установлено с привлечением новых и новейших картографических материалов, иногда посредством полевого обследования (что практиковалось С. Б. Веселовским). Однако отсутствие современного источника, подобного СНМ, делает такие разыскания достаточно сложными, а их результаты — не вполне надежными (мы не имеем в виду специальные историко-географические и архео-

⁸ См., например: *Каштанов С. М.* Историко-географический комментарий к выписи из писцовых книг Угличского уезда 1536–1537 гг. // *Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР*. Вологда, 1978. С. 24–33. (Сев. археогр. сб.; Вып. 6).

логические исследования, которые приводят, разумеется, к интересным результатам и отождествлениям⁹, однако носят локальный характер, и вся масса поселений, упоминаемых в актах, ими не охвачена).

Не проводится в наших изданиях актов и локализация поселений в пределах современных территориально-административных единиц (областей и районов), что опять-таки в значительной мере связано с отсутствием современных списков населенных мест. В некоторых случаях указывается положение поселения по административному делению XIX в. (губерния, уезд). Это делается выборочно и в связи с отождествлением пункта по СМ. Впрочем, повторим, что все подобные уточнения производятся в наших актовых изданиях обычно не в указателе, а в примечаниях или комментариях к актам (исключение — АСЭИ, т. 3).

В «Правилах» признается полезным наряду с указанием каждого отдельного топонима приводить в конце рубрики, посвященной той или иной коммуне или приходу, перечень всех топонимов, относящихся к территории данной коммуны или прихода. В наших указателях подобные сводные перечни населенных мест по волостям, станам или районам не составляются, хотя это было бы возможно с ориентацией на административное деление XVI в.

Если один и тот же географический объект упоминается более десяти раз, «Правила» считают целесообразным выделить в статье под этим словом подрубрики. Например, при названии города возможно образовывать группы названий, касающихся: А — церковных единиц: 1) диоцеза, 2) кафедрального собора, 3) церквей, 4) капитула и т. д.; Б — топографии города: 1) ворот, 2) площадей, 3) улиц; В — представителей администрации: 1) гражданской, 2) церковной. В наших указателях при названиях городов обычно выделяются только топографические подрубрики.

В «Правилах» говорится о необходимости применения в указателе различных шрифтов. Если *index nominum* содержит одновременно имена лиц и географические названия и если среди последних имеются названия латинские и современные, они набираются разными шрифтами. Так, можно избрать антикву для имен лиц, курсив для латинских названий мест, капитель — для современных географических названий. Если сборник актов составлен из документов, написанных на латыни и написанных на народном (национальном) языке, в указателях с помощью шрифтов должна быть показана принадлежность имени или названия к латинскому или к народному языку. В указателях к публикациям русских актов используются петит и курсив. Петитом набираются имена, названия и понятия, а также номера тех актов, в которых данное слово встречается в самом тексте, курсив же служит для обозначения номеров и страниц, где слово употребляется не в тексте акта, а только в тексте издателей и составителей тома — в комментариях, предисловии и т. д. Нами было предложено выделять полужирным курсивом номера актов, в которых указываемое слово фигурирует не в тексте, а в позднейших пометках¹⁰.

Предметный указатель — *index rerum* — содержит как слова, заимствованные из публикуемых источников, так и современные понятия. В число первых входят термины, характеризующие институты публичного и частного права, религиозную жизнь, экономическую деятельность, материальные предметы. Вторую группу понятий образуют слова-рубрики (*mots-vedettes*), из которых одни обозначают юридическую природу актов, а другие дают обобщенное определение группам слов, взятых из источников. В состав латинских слов, включаемых в указатель, входят наряду с именами существительными (как, например, *burgensis*, *dotalicium*, *infula*, *molendinum*, *pedagium*, *synodus*, *vinea* и т. п.) также гла-

⁹ См., например: Чернов С. З. Воскресенская земля Троице-Сергиева монастыря // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 95–109; Он же. Происхождение вотчин XIV–XV вв. в районе Троице-Сергиева монастыря: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.

¹⁰ Каштанов С. М. Из опыта актовой археографии. С. 72.

голы (abrenuntiare, mancipare и т. д.) и прилагательные (dotalis, servilis и др.). В наших предметных указателях имена прилагательные как самостоятельные понятийные единицы не фигурируют, хотя в целом ряде случаев они образуют подрубрики, детализирующие то или иное общее понятие. Например:

Корм, кормы
волостелин
конский
наместничий
посошный
тиунский.

Что касается глагольных статей, то они применяются в указателях к изданиям русских актов главным образом для передачи некоторых устойчивых актовых формул. Глаголы используются чаще всего в инфинитивной форме, но иногда и в изъявительном наклонении. Примеры инфинитивной статьи: «Коя кормить», «сен моих не косити», «лугов моих не косити». Примеры формул, приводимых в изъявительном наклонении: «Изстарины потягло», «Куда плуг, соха, коса и топор ходили»¹¹. Заметим, однако, что в отличие от указателей латинских терминов русские указатели в соответствии с фразеологией источников начинают глагольную формулу обычно не с глагола, а с имени существительного в косвенном падеже или с наречия.

«Правила» рекомендуют снабжать переводом или толкованием редкие или трудные для понимания слова. Перевод или интерпретацию предлагается давать в скобках. В советской археографической практике в таких случаях скобки не приняты, пояснение дается через запятую. Как в именном указателе при географических названиях, так и в предметном «Правила» советуют избегать большого количества ссылок на документы или страницы при одном слове. При наличии более десяти отсылок желательно найти подрубрики, к которым можно было бы отнести разные случаи употребления термина. Например, под словом *decima* (десятина) можно выделить рубрики: *decimae* (вообще) и конкретные варианты — *decimae annonae*, *decimae agnorum*, *decimae vini* и т. д. Десятину можно классифицировать еще и по географическому признаку (с какой местности взимается) или по конгрегациям, получившим освобождение от нее. В предметных указателях к советским публикациям актов такой подход также распространен. Например:

Крестьяне
великого князя
волостные
монастырские
и т. д.

Как отмечено в «Правилах», слова-рубрики, представленные современными понятиями, сопровождаются ссылкой на номера актов, когда дело касается юридической природы последних, например: *accensement* (соглашение о взятии земли в держание за оброк или ренту), *affranchissement* (освобождение), *amortissement* (амортизация, погашение долгов). Однако чаще от слов-рубрик делаются отсылки к латинским словам, при которых и находятся собственно ссылки на номера. Например:

MESURE voir *emina, giornale, modius, sestariata, sextarius...*
ROUTES voir *calciata, cominus, carrataria, iter, semita, via...*

В наших указателях такие пересылки реже, поскольку принятые составителями понятия («пошлины», «дороги» и т. п.) чаще совпадают с терминами источников.

В «Правилах» предлагается употреблять в разной функции следующие шрифты в предметном указателе: антикву (для латинских слов), курсив (для слов в актах, написанных на народном языке), капитель —

¹¹ АРГ, 1505—1526 гг. М., 1975. С. 408, 410.

для слов-рубрик, объединяющих ряд терминов. Мы уже говорили, что в русских указателях все слова набираются одним шрифтом (петитом), а в обозначении номеров актов и страниц варьируются два шрифта (петит и курсив).

В «Правилах» предусматривается возможность составления из слов-рубрик особого методически-аналитического перечня, предшествующего предметному указателю и дающего как бы схему систематизации понятий, встречающихся в источниках. В этом случае сам предметный, или терминологический, указатель (*index verborum*) будет включать в себя только слова, фигурирующие в тексте документов. Хорошим примером подобной систематизации авторы «Правил» считают схему, разработанную в публикации А. Шедевиля¹²:

[А]. Юридическая природа актов картулярия (названия разповидностей актов и сделок).

[В]. I. Общество:

а) Церковное общество: должности и институты папской курии (*dignités et institutions pontificales*); черное духовенство (*clergé régulier*); белое духовенство (*clergé séculier*) (руководящий состав; сановники; учреждения); приходская жизнь (общие определения церквей; викарии; доходы).

б) Светское общество: руководящий состав; феодальные сообщества; феодальные и сеньориальные права; статус лиц.

с) Право: судьи; объем судебной деятельности; процедура; институты.

II. Экономическая жизнь:

а) Вотчина: держания, природа парцелл; охотничьи леса; воды; животноводство; земледелие (подъем целины; зерновые; мельницы; пекарни; виноградники; прядение и ткачество; разное).

б) Средневековая жизнь: постройки; поселения; меры; деньги (*monnaies*); пути сообщения (*circulation*); война; предметы и инструменты; разное.

В этом указателе в каждой подрубрике приводятся в алфавитном порядке термины, относящиеся к той или иной подтеме рубрики. Термины здесь не сопровождаются номерами актов, которые легко пайти при том же термине в алфавитном (основном) указателе. В советской актовой археографии тематическая систематизация терминов, к сожалению, не практикуется. В «Правилах» рекомендуется учитывать, помимо приведенной, также схему систематизации слов, составленную секцией дипломатики Института изучения и истории текстов (*l'Institut de recherche et d'histoire des textes*) в порядке использования имеющейся там большой картотеки предметного указателя (*index verborum*). Предполагается, что выработка схемы может стать предметом специальных занятий в международном плане и осуществляться в рамках деятельности Международной комиссии по дипломатике. Специальное внимание уделяется в «Правилах» словам народного (национального) языка. По мнению авторов, недостаточно того, что эти слова попадают в общий предметный указатель в соответствии с алфавитом. Признается полезным составление еще особого указателя слов народного языка, встречающихся в латинских текстах, включая сюда имена лиц и географические названия.

Далее в «Правилах» рассматривается вопрос о системе отсылок от слов указателя к опубликованным в сборнике текстам. Отмечается существование двух различных систем отсылок на текст: одни издатели ссылаются на страницу и иногда на номер строки, другие — на номер акта. Как полагают авторы, сама по себе ссылка на страницу имеет свои преимущества, но ее неудобство заключается в том, что нельзя составлять указатель до получения корректуры, т. е. при этой системе составление указателя затягивается, может задерживать выход тома в свет и

¹² *Liber controversiarum Sancti Vincentii Cenomannensis ou second cartulaire de l'abbaye de Saint-Vincent du Mans*/Text éd. avec introd., notes et index par A. Chédeville. P., [1968]. P. 379—382.

вызывать серьезные финансовые осложнения. Кроме того, даже минимальные перестановки текста с одной страницы на другую чреваты изменениями в ссылках, даваемых в указателе. Поэтому авторам «Правил» кажется предпочтительным метод отсылки к номерам актов, при котором указатель может быть составлен сразу после того, как окончательно установлено содержание тома. В наших новейших изданиях актов ссылки на страницу приняты в ГВНП, ДДГ, АФЗХ, ч. 1, 3, АММС, на номера актов — в АСЭИ, т. 1—3, АФЗХ, ч. 2, 4, АРГ. Для большинства актов, говорится в «Правилах», ссылка на номер может считаться достаточной; но когда объем документа слишком велик, нужно употребить более точный метод ссылок. Согласно «Правилам», самое простое в таких случаях — принять, что если текст документа превосходит, например, две страницы, ссылка делается на номер и страницу. Этот способ обычно употребляют, когда количество больших документов в томе невелико, и так бывает чаще всего. Но при наличии в томе значительного числа пространственных документов рекомендуется следовать методу ссылок на страницу и номер строки. Кроме того, есть другой выход: ссылаться на номер строки оригинала или картулярия (если в томе издается картулярий как таковой) или же другого текста, принятого в качестве основного (=публикуемого). Нам думается, что ссылки на номера строк источника могут при обилии числа строк загроздить указателю. Поэтому для указателя к изданиям русских актов мы рекомендуем ссылаться на номер акта и номер листа, когда акт написан на нескольких листах и занимает больше трех машинописных страниц¹³. Этот принцип осуществлен в АФЗХ, ч. 4.

В «Правилах» сказано, что указатель должен предваряться короткой вступительной заметкой, ясно излагающей принципы его составления (выборочный или исчерпывающий, значение используемых типографских шрифтов, характер группировки слов, система отсылок и т. д.). Такого рода предисловия к указателям содержатся в АСЭИ, т. 1—3, и АРГ. Нет их в ГВНП, ДДГ, АФЗХ, ч. 1—4, АММС (в ГВНП отсутствует и предметный указатель). Замечания о принципах составления указателя даются в АФЗХ, ч. 4, в подстрочных примечаниях к названиям указателей. Список сокращений к указателям имеется в ГВНП (после всех указателей), ДДГ и АФЗХ, ч. 1 (в подстрочных ссылках к названиям указателей), АФЗХ, ч. 2 (после заголовка указателя), АФЗХ, ч. 3 (перед всеми указателями), АФЗХ, ч. 4 (как первый раздел общего списка сокращений), АСЭИ, т. 1—3 (после заголовка указателя, как список дополнительных сокращений, составленный специально для указателя), АРГ (в подстрочном примечании к названию указателя, как список дополнительных сокращений, введенных специально для указателя). Никаких пояснений и примечаний к указателям нет в АММС.

Об оглавлении в «Правилах» говорится, что оно помещается в конце или в начале тома (в соответствии с национальными традициями археографии той или иной страны или в соответствии с научными традициями того ли иного учреждения). В советских актовых изданиях оглавление («содержание») публикуется в конце тома. По «Правилам» в оглавлении отражены все основные разделы тома: главы и параграфы введения, части издания, приложения, указатели. К сожалению, в «Правилах» не сказано, включаются ли в указатель заголовки всех актов, как делается в советских актовых изданиях, и что представляется необходимым. В новых томах чешского дипломатического архива оглавление не включает перечень опубликованных актов¹⁴. В «Правилах» отмечается, что если издание содержит карты или иллюстрации, они указываются в отдельном перечне.

«Правила» не говорят о включении в том особого раздела комментариев, систематического перечня разновидностей опубликованных документов и таблиц использования архивных фондов и печатных изданий.

¹³ Каштанов С. М. Из опыта актовых археографий. С. 72.

¹⁴ См.: Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae. Pragaе, 1981. Т. 5, fasc. 2; 1983. Т. 5, fasc. 3.

О ХРОНОЛОГИИ ТРОИЦКИХ АКТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV в.

Данная статья продолжает начатое автором¹ хронологическое исследование актов Северо-Восточной Руси, не упоминающих настоятеля монастыря, в который адресуется земельный вклад, под углом зрения их вероятного составления в период отсутствия в монастыре настоятеля. В ней рассматриваются соответствующие акты второй половины XV в. из архива Троице-Сергиева монастыря. Факторы, которые, помимо отсутствия в монастыре настоятеля, могли привести к неупоминанию игумена (незнание монастырской иерархии некоторыми вкладчиками, владения которых были основательно удалены от ворско-радоужского центра монастыря, возможная оппозиция настоятелю со стороны некоторых старцев, выдача грамоты в период между наречением нового настоятеля, но до официального утверждения его игуменом), подробно рассмотрены мной в статье о троицких актах конца XIV — первой половины XV в. Поэтому сразу перейду к анализу не упоминающих игумена троицких актов второй половины XV — начала XVI в. Для этого промежутка времени соотношение грамот, упоминающих и не упоминающих настоятеля, выглядит следующим образом:

Наблюдаются те же закономерности, что и в троицких актах первой половины XV в. — ярко выраженный перевес грамот, упоминающих настоятеля, по актам, которые оформлялись вкладчиками; причем этот перевес более ощутим по выдаваемым князьями жалованным грамотам, нежели по исходящим от частных лиц данным и духовным — соответственно 142 : 6 и 27 (26+1) : 9 (5+4), и примерное равенство грамот,

Вид грамот	Упомя- нется игумен	Не упоми- нается игумен
Данные	26	5
Духовные	1	4
Жалованные	142	6
Купчие	3	11
Меновные	9	4
Всего грамот	181	30

и упоминающих и не упоминающих настоятеля, по купчим и меновным, которые оформлялись представителями монастырей — 12 (3+9) : 15 (11+4).

В 1447 г. троицким игуменом стал Мартемьян². На его имя адресована грамота Ивана Можайского, датированная 3 марта 1454 г.³ В то же время грамота Василия Темного, выданная Троице-Сергиеву монастырю 16 февраля 1454 г. уже не упоминает игумена⁴. Тут возможно двойное объяснение. Либо Иван Андреевич 3 марта еще не знал, что Мартемьян ушел из монастыря, либо к 16 февраля вопрос об его уходе был предreshен, и великий князь, зная это, не считал нужным называть сдававшего свои дела настоятеля. Так или иначе, уход Мартемьяна из Троице-Сергиева монастыря следует датировать концом февраля — началом марта 1454 г. 22 сентября 1454 г. в монастыре уже новый настоятель — Вассиан⁵. Некоторое время в обители, по-видимому, не было игумена. И тогда туда поступил ряд вкладов.

¹ См.: Семенченко Г. В. О хронологии троицких актов конца XIV — первой половины XV в. // АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 100—110.

² АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 192. С. 137—138.

³ Там же. № 250. С. 178—179.

⁴ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. № 14. С. 366—367.

⁵ Там же. № 15. С. 368—370.

Данная жены одного из серпуховских князей, Семена Владимировича, — Марии «монастырю Святой Троицы в Сергиев» на дмитровское с. Лысцово (№ 231; здесь и далее нумерация та же, что и в первом томе АСЭИ), которая относилась И. А. Голубцовым к 40–50-м годам XV в., могла быть составлена в период между 10 мая 1447 г. и 11 февраля 1462 г.⁶ -

По-видимому, изучаемая грамота составлена в 1447 или в 1454 г.⁷ Второе из указанных междугуменств вероятнее. Сохранилась еще одна грамота Марьи на Лысцово (№ 276), выданная на имя игумена Вассиана (1454–1462 гг.) Однотипность тематики грамот № 231 и 276 и близость состава послухов (при обоих актах послушествовал Д. А. Лыков) делает вероятной хронологическую близость этих данных. Значит, грамота № 231, скорее всего, писалась в период, непосредственно предшествующий игуменству Вассиана.

Духовную грамоту вдовы Семена Кушелева инокини Ефросиньи (№ 251) исследователи датируют 1454 г.⁸ С небольшим уточнением эта датировка может быть принята. Духовная была написана до 17 августа 1454 г. (дата «явки» грамоты митрополиту Ионе). Часть завещаемых Ефросиньей земель — половина с. Желтикова — отказана «к Троице в Сергиев монастырь». Неупоминание игумена позволяет предположить написание духовной в период междугуменства, в конце февраля — августе 1454 г.

По грамоте № 207, Иван Васильевич Галицкий «менял есми с Ларионом келарем Сергеева монастыря и со всею братьею» дмитровские деревни Осташковскую и Васневскую на с. Аврамовское. Аврамовское, попавшее в Троице-Сергиев монастырь в 1444–1446 г., было за ним еще 10 мая 1447 г.⁹ Неупоминание игумена в грамоте № 207, относимой к 1447–1455 гг.¹⁰, делает вероятной гипотезу об ее оформлении в междугуменство 1454 г. Илларион был келарем при Мартемьяне и некоторое время после ухода Мартемьяна из монастыря, а в 1454 г. его сменил на этой должности Логин¹¹.

Данную Ивана Владимировича Кулударя Ирежского на углицкое с. Лбовское (№ 229) датировали XV., 40-ми годами XV в., временем около 1455 г.¹² Учет жалованных грамот на углицкие вотчины Троице-Сергиева монастыря позволяет сделать вывод о составлении данной в период

⁶ В выданной 10 мая 1447 г. жалованной грамоте Василия Ярославича на дмитровские владения Троице-Сергиева монастыря Лысцово среди монастырских вотчин еще не упомянуто (см.: АСЭИ. Т. 1. № 191). Этой вотчиной, как и рядом других земель Берендеевой слободы, обитель владела при Вассиане (см.: АСЭИ. Т. 1. № 274–276). Но к 11 февраля 1462 г. она их снова потеряла: в выданной в этот день жалованной грамоте князя Юрия Васильевича на дмитровские владения Троице-Сергиева монастыря Лысцово уже не упомянуто (см.: *Каштанов С. М. Очерки...* № 18. С. 375–377). Не фигурирует оно среди троицких владений и в последующих актах вплоть до 1544 г., когда снова становится троицкой вотчиной (см.: АСЭИ. Т. 1. С. 612).

⁷ В. Д. Назаров (см.: *Назаров В. Д. Дмитровский удел в конце XIV — первой половине XV в. // Историческая география России, XII — начало XX в. М., 1975. С. 57–58*) высказал предположение, что данные оформлены в период, когда Дмитровом в 1447–1454 гг. управлял племянник покойного мужа вкладчицы князь Василий Ярославич. Но эти данные могли быть оформлены и сразу после потери Дмитрова Василием Ярославичем и иметь целью укрепление связей серпуховских князей с троицкими старцами в условиях наступления на позиции первых со стороны великокняжеской власти.

⁸ *Шумаков С. А. Обзор грамот коллегии экономии. М., 1912. Ч. III. № 119. С. 32–33. Далее: Шумаков. Обзор; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. II. С. 73; АСЭИ. Т. 1. С. 179; Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 322.*

⁹ *Семенченко Г. В. О хронологии троицких актов...* С. 107.

¹⁰ АСЭИ. Т. 1. С. 147.

¹¹ АСЭИ. Т. 1. № 181, 201, 204, 209, 214, 255, 256.

¹² *Мейчик Д. М. Грамоты и акты XIV–XV вв. // Описание документов и бумаг Московского архива министерства юстиции. М., 1882. Кн. IV. № 28. Далее: Мейчик; АСЭИ. Т. 1. С. 163, 608.*

между 1444 г. и 10 марта 1455 г.¹³ Неупоминание в грамоте по имени игумена (она дана «Сергиева монастыря игумену с братиею») делает вероятным предположение об ее написании в период междуигуменства. Скорей всего это было междуигуменство 1454 г. Возможно, Кулударь решил сделать вклад в Троице-Сергиев монастырь, опасаясь за судьбу своих угличских вотчин. Основания для таких опасений у него были: в 1442 г. он изменил великому князю и перешел на службу к Шемяке, а затем — к Ивану Можайскому¹⁴. После бегства последнего в Литву летом 1454 г. Василий Темный мог так или иначе мстить тем, кто был близок к Ивану Андреевичу. В такой ситуации весьма кстати было заручиться поддержкой влиятельного монастыря¹⁵.

Думается, в 1454 г в Троице-Сергиев монастырь поступила еще одна угличская вотчина. По грамоте № 390, которую И. А. Голубцов датирует 1455—1466 гг.¹⁶, троцкий чернец Вениамин купил «в дом живоначальной Троицы» у Степана Савельевича зады Борисовской земли. Из источников следует, что Вениамин был посельским угличских вотчин монастыря при игумене Вассиане¹⁷. Поэтому грамота № 390, в которой не упомянут настоятель, думается, могла быть составлена либо в междуигуменство, бывшее до Вассиана (1454 г.), либо в междуигуменство, бывшее после него (1463—1467 гг.). Выбор между этими двумя возможными датировками позволяет сделать сопоставление грамоты № 390 с грамотой № 324 (купчая чернеца Ульяна «в дом святых Троица Сергиева монастыря» у детей Василия Никитина Филиппа и Александра на угличскую пустошь Токарево). Очевидно, и грамота № 324 также была составлена в междуигуменство, ибо она также не упоминает настоятеля. Эта грамота была написана в ближайшее после Вассиана междуигуменство (1463—1467 гг.)¹⁸.

С одной стороны, грамота № 324 была написана после жалованной грамоты Андрея Угличского игумену Вассиану, в которой фиксируются права монастыря на ранее приобретенную у Филиппа и его братьев д. Татариновскую, но ни слова не говорится о приобретении монастырем у тех же лиц пустоши Токаревой. С другой стороны, при ней послушествовал современник Вассиана кинельский дворский Семен¹⁹.

Раз Венедикт был троцким посельским в Кинеле при Вассиане, значит, Ульян, покупавший землю после Вассиана, стал троцким посельским там после Венедикта. Следовательно, грамота № 390 хронологически предшествует грамоте № 324. Притом грамота № 390 едва ли могла быть написана в междуигуменство 1463—1467 гг. Ведь в момент ее составления кинельским дворским был Еня, а при игумене Вассиане и в первые годы после него — Семен²⁰. Отсюда — вывод о вероятном составлении грамоты № 390 в 1454 г.

Думается, в 1454 г. была составлена и жалованная грамота великого князя Василия Темного на переяславские села Чечевкино и Слотино Кинельского стана Переяславского уезда «в дом живоначальной Троице в Сергиев монастырь» (№ 244). Эти села он дал монастырю «по приказу свои опожи, свое матери, великие княгини Софии», умершей 15 июня 1453 г.²¹

¹³ В 1444 г. Лбовское в числе угличских владений Троице-Сергиева монастыря еще не фигурировало (см.: АСЭИ. Т. 1. № 115; Семенченко Г. В. О хронологии троцких актов... С. 105—106). 10 марта 1455 г. это село уже было монастырской вотчиной (АСЭИ. Т. 1. № 254).

¹⁴ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 253.

¹⁵ После бегства князя Ивана Андреевича в Литву Кулударь стал служить его брату Михаилу Андреевичу.

¹⁶ АСЭИ. Т. 1. С. 283—284.

¹⁷ Там же. Т. 1. № 299. С. 212.

¹⁸ И. А. Голубцов датирует ее 1462—1467 гг. (АСЭИ. Т. 1. С. 233).

¹⁹ АСЭИ. Т. 1. № 299, 323.

²⁰ Там же. Т. 1. № 299, 324.

²¹ Грамоту датировали XV в., 1453 г., 1454—1462 гг. (см.: АИ. СПб., 1841. Т. 1. № 54. С. 103; Лебедев Д. П. Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева. М., 1881. № 7. С. 3; Мейчик. № 111. С. 137; Шумаков. Обзор. М., 1917. Ч. IV. № 845.

Купчая у Андрея Саватыева на землю Саватыевскую Переяславского уезда (№ 259) оформлена на имя келаря Логина. Ее датируют концом 50-х — началом 60-х годов XV в. на основании указания правой грамоты, составленной около 1474—1475 гг., что Саватыевская была куплена «при великом князи при Василье Васильевиче... к тому... лет пятнадцать и боле»²². Неупоминание игумена позволяет считать вероятной датой грамоты конец февраля — сентябрь 1454 г. Логин, по-видимому, стал келарем вместо Иллариона в 1454 г. и временами был им при Вассиане²³.

По купчим грамотам № 267 и 268, которые И. А. Голубцов датировал 1455—1466 гг.²⁴, троицкий посельский старец Арон оформил приобретение радонежской пустоши Борисовской и ворской земли Беседской «в дом живоначальной Троице». Борисовскую в монастырь продали Марья Копнина и ее внук Иван, а Беседскую — Андрей и Михаил Ивановичи Смоляниновы. Грамоты же № 267 и 268, не упоминающие игумена, по-видимому, были оформлены в междуигуменство 1454 г.²⁵ При Мартемьяне (1447—1454 гг.) Арон не был «старцем», а в оформленных в 1455—1456 гг. актах выступает уже как «старец» и троицкий посельский ворско-радонежских вотчин монастыря²⁶, т. е. выполняет те самые функции, которые зафиксированы в грамотах № 267 и 268.

Может быть, 1454 годом следует датировать и грамоту № 223, в соответствии с которой суздальский князь Иван Васильевич менялся землями с пухобальским посельским Прокофием. Эта грамота составлена после 31 августа 1448 г. (в ней фиксируется принадлежность монастырю «земли Микульской», попавшей туда по жалованной Василия Темного, которая датирована «летом 6957»). Прокофий известен как троицкий посельский суздальских вотчин монастыря при Мартемьяне, т. е. в конце 40-х — начале 50-х годов XV в.²⁷ По грамоте № 287 троицкие старцы Настас и Демид приобрели «в дом живоначальной Троице в Сергиев монастырь» пустошь Говядовскую и варничное место у Соли Великой Костромского уезда у михайловского архимандрита Вельямина²⁸. Говядовская попала в монастырь еще при Василии Темном, т. е. до 1452 г.²⁹ Неупоминание в грамоте № 287 игумена позволяет предположить ее написание в междуигуменство. Вероятнее всего, это было междуигуменство 1454 г.: вплоть до 1440-х годов костромскими владениями Троице-Сергиева монастыря распоряжался Ферапонт³⁰.

Грамота № 265 фиксирует приобретение троицким «купчиной» и старцем Макарием «в дом живоначальной Троице Сергиеву монастырю» у

С. 265; ПСЭИ. № 93. С. 71; АСЭИ. Т. 1. С. 171—172, 609). «Приказ» Софьи о передаче этих сел в Троице-Сергиев монастырь — в ее духовной (см.: ДДГ. М.; Л., 1950, С. 57).

²² АСЭИ. Т. 1. С. 188—189, 611; № 430. С. 319.

²³ В ряде троицких актов, выданных на имя игумена Вассиана, упомянут и келарь Логин (см.: АСЭИ. Т. 1. № 277, 293, 306), который позднее известен просто как «старец» (см.: АСЭИ. Т. 1. № 270, 361, 450, 457, 558, 628). Помимо Логина, келарем при Вассиане бывал и Макарий (см.: АСЭИ. Т. 1. № 255, 256, 271).

²⁴ АСЭИ. Т. 1. С. 193—194.

²⁵ Грамота № 267 определенно составлялась после 29 июня 1449 г., когда Иван III выдал жалованную грамоту на имя Марьи и ее сына Федора (см.: АСЭИ. Т. 1. № 224. С. 159—160). В грамоте же № 267 фигурируют Марья и ее внук. Следовательно, сын Марьи Федор к моменту составления купчей уже умер. Уточнение датировки грамоты № 268 позволяет уточнить хронологию тесно связанной с ней грамоты № 252, которую И. А. Голубцов датировал временем около 1454—1460 гг. Это купчая Я. И. Румянцева на землю Беседскую у ряда лиц, в том числе у А. И. и М. И. Смоляниновых. Ясно, что купчая № 252 совершена ранее грамоты № 268 (по которой Беседскую приобрел Троице-Сергиев монастырь), т. е. ранее 1454 г.

²⁶ АСЭИ. Т. 1. № 204, 255, 256.

²⁷ Там же. № 221. С. 156—157.

²⁸ В литературе грамота датировалась временем после 1462 г. или около 1460—1466 гг. (см.: Мейчик. № 131; Шумаков. Обзор. Ч. IV. № 187. С. 87; АСЭИ. Т. 1. С. 205).

²⁹ АСЭИ. Т. 1. № 320. С. 229—230.

³⁰ АСЭИ. Т. 1. № 122, 124, 524, 585, 586, 590, 591; Семенченко Г. В. О хронологии троицких актов... С. 107—108.

И. П. Захарьина костромской пустоши Оглоблинской. Скорее всего, грамота составлена в междуигуменство 1454 г.³¹ Права монастыря на Оглоблинскую фиксирует жалованная, выданная на имя Вассиана³², при котором «купчина» Макарий стал «келарем»³³.

Неупоминание настоятеля в мировых грамотах (оформлявших урегулирование споров о земле) не обязательно говорит об их составлении в период междуигуменства. «Искать», предъявлять иск, как показывает анализ жалованных и правых грамот, можно было не только «на игумене», но и «на его прикащике» (представителе монастырской администрации)³⁴. Значит, с этим «прикащиком» (а не только с игуменом) можно было заключить мировую грамоту. Но в некоторых случаях составление мировых грамот в период междуигуменства можно с большой степенью вероятности предполагать. К числу такого рода актов, мне кажется, следует отнести докладную запись о примирении келаря Иллариона и галицкого соловара чернеца Александра с игуменом Верхней пустоши Ивойлом о соляной варнице у Соли Галицкой (№ 214). От Троице-Сергиева монастыря в ее заключении участвует не только местный поселский, но и келарь. Возможно, упомянуть о нем потребовала другая договаривающаяся сторона: игумен Верхней пустоши, по-видимому, считал более надежным документ, подписанный главой троицкой обители. И в таковом качестве в грамоте № 214 выступает келарь. И. А. Голубцов датирует грамоту № 214 1447–1455 гг., а С. Б. Веселовский — 60–70-ми годами XV в.³⁵ Она написана не ранее 1450 г., ибо доложена великокняжескому писцу Д. А. Лыкову, который мог описывать Галицкой уезд только после изгнания оттуда Дмитрия Шемяки в 1450 г.³⁶ Вероятно ее составление в междуигуменство 1454 г., когда в Троице-Сергиевом монастыре распоряжался келарь Илларион. Сведения о распорядителе галицких вотчин Троице-Сергиева монастыря Александре есть в еще одной не упоминающей игумена грамоте — в относимой И. А. Голубцовым к 1434–1450 гг. меновой Городецкого Авраамиева и Троице-Сергиева монастырей, по которой последний променивает огородец на пожню Белозерку (№ 116). Эта грамота составлена до 22 сентября 1454 г., так как один из послухов при грамоте — троицкий старец Вассиан, ставший к этому дню игуменом³⁷. В грамоте № 116 Александр назван «старцем»³⁸, а в грамоте № 214 — «чернецом». Значит, меновная написана после мировой, хотя ее составление также следует отнести к 1454 г.

На междуигуменство 1454 г. приходится значительно большее количество вкладов, чем на все последующие междуигуменства 2-й половины XV в. В литературе отмечалось (в том числе и автором)³⁹, что росту

³¹ И. А. Голубцов относит эту грамоту к 1455–1466 гг. (см.: АСЭИ. Т. 1. С. 133).

³² Там же. Т. 1. № 321. С. 230. В конце 20-х — начале 30-х годов XV в. Оглоблинская была отказана в Троице-Сергиев монастырь отцом Ивана Павловича (см.: АСЭИ. Т. 1. № 123. С. 96–97; Семенченко Г. В. О хронологии троицких актов... С. 107–108). Но Иван Павлович, по-видимому, выкупил ее.

³³ АСЭИ. Т. 1. № 255, 256. Рассматривая грамоту № 287, мы видели, что распорядителями троицких вотчин в костромских землях в 1454 г. были Настас и Демид, но не Макарий, который оформлял грамоту № 265 «на Москве».

³⁴ С середины XV в. в жалованных грамотах монастыря утверждается статья: «А кто имет искати на игумене имярек или на его прикащике, ино его сужу яз или мой боирин введенный». Практическую реализацию этого постановления можно проследить по правым грамотам XV в., которые обычно открываются сообщением, что на игумене или каком-нибудь монастырском «старце» (ср. с «прикащиком» жалованных грамот) соседи «искали» земли.

³⁵ АСЭИ. Т. 1. С. 149–150; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев XIV–XV вв. М., 1969. С. 459.

³⁶ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 806–807.

³⁷ Еще один послух при меновой — симоновский старец Игнатий, который действовал в 40–50-х годах XV в. (см.: АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 348. С. 344).

³⁸ Старец Александр — «галицкий соловар» — известен еще в 1467–1474 гг. (см.: АСЭИ. Т. 1. № 361. С. 264–265).

³⁹ Семенченко Г. В. О хронологии троицких актов... С. 109.

монастырского землевладения благоприятствовало обострение внутривоспитательской обстановки. 1454 г. был очень беспокойным. В конце 1453 — начале 1454 г. Василий Темный отобрал Дмитров у серпуховского князя Василия Ярославича, что не могло не вызвать известной напряженности в отношениях между этими князьями (хотя открытый разрыв между ними произошел через два года). Затем вспыхнул конфликт между Василием Темным и Иваном Можайским, закончившийся бегством последнего в Литву (летом 1454 г.)⁴⁰. Некоторые из рассмотренных актов, как мы видели, с большой степенью вероятности можно определенно связать именно с обострением внутривоспитательской обстановки на Руси в 1454 г.

Переходный период между игуменствами Вассиана и Спиридония приходится датировать весьма широко — мартом 1463 г. — 1 июня 1467 г.⁴¹ В это время определенно составлены две данные грамоты — грамота Степана, Ивана и Тимофея Александровичей на переславские пустоши Огамино, Подывное, Овинишки (№ 343) и грамота Б. С. Кушелева на дмитровское с. Желтиково (№ 344), которые адресованы «в дом святой и живоначальной Троицы в Сергиев монастырь келарю с братьею». С. Б. Веселовский и И. А. Голубцов логично заключили, что вероятным временем их написания был период между игуменствами Вассиана и Спиридония, когда в монастыре временно распоряжался келарь Макарий⁴². Выше отмечалось, что тем же периодом следует датировать грамоту № 324.

Установить точную хронологию некоторых актов, не упоминающих настоятеля, затруднительно. Грамота Настасьи Саларевой «в дом святой Троице игумену и всей братии» на села Фаустовское и Козловское «на поминок по своем свекре по Окуле да по муже своем по Степане» (№ 127), датируемая И. А. Голубцовым 1435—1449 гг.⁴³, составлена не ранее 1444 г.: Окул был послухом в акте 1444—1446 гг.⁴⁴ В 1493—1495 гг. троичные старцы утверждали, будто Козлово было за монастырем уже 50 (1443—1445 гг.) и даже 60 (1433—1435 гг.) лет⁴⁵. Как мы видим, они преувеличивают давность прав монастыря на Козлово в соответствии с данной Настасьей. Но едва ли это преувеличение было очень большим. Окул и Степан представляли известную купеческую фамилию Саларевых⁴⁶. Слишком откровенная фальсификация даты документа, в котором говорилось и об их смерти, скорее всего, была бы замечена. Вот почему представляется вероятным написание грамоты № 127 (которая, по-видимому, не вступила в силу)⁴⁷ в 40—50-е годы XV в. С учетом неупоминания в ней игумена кажется возможным датировать ее временем междуйгуменств 1444—1446 гг., 1447 г., 1454 г.

Данную инока Антония Муромцева «святей Троице в Сергиев монастырь» на землю Степановскую Ворской волости Московского уезда (№ 235) И. А. Голубцов относит к 1440—1470-м гг.⁴⁸ Она была составлена до 1472/73 г.: к этому времени ее писец «Лазарь чернец» стал уже «старцем»⁴⁹. Монастырь, скорее всего, мог проявить интерес к приобретению «земли Степановской» после того, как в 1447 г. он приобрел родовую вотчину Муромцевых — с. Никольское с «тянущими» к нему

⁴⁰ Черепнин Л. В. Образование... С. 813—814; Назаров В. Д. Дмитровский удел... С. 57—58, 62.

⁴¹ АСЭИ. Т. 1. № 337, 345. Обычно временем окончания игуменства Вассиана считают 1466 г. (см.: АСЭИ. Т. 1. С. 764). Но эта дата условна.

⁴² АСЭИ. Т. 1. С. 251—252, 616.

⁴³ Там же. Т. 1. С. 98.

⁴⁴ Там же. Т. 1. № 111. С. 89; Семенченко Г. В. О хронологии троичных актов... С. 107.

⁴⁵ АСЭИ. Т. 1. С. 490—494; Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 53—54.

⁴⁶ Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М.; Л., 1935. С. 111—115.

⁴⁷ Ни Фаустово, ни Козлово вплоть до середины 90-х годов XV в. за монастырем не числились; Фаустово не числилось за ним и позднее (см.: АСЭИ. Т. 1. № 40, 191, 291, 203, 307, 424, 483; Каштанов С. М. Очерки... № 7. С. 18, 29).

⁴⁸ АСЭИ. Т. 1. С. 165.

⁴⁹ Там же. № 410. С. 300.

землями, среди которых была и часть Степановской⁵⁰. С учетом неупоминания игумена относим грамоту — № 235 к междугуменству 1454 г. или 1463—1467 гг. Сказанное о грамоте № 235, по-видимому, можно повторить и при характеристике, относимой И. А. Голубцовым к 30—40-м годам XV в.⁵¹, данной Левки Племянника «святой Троице» на пустошь Иварисовскую (№ 145). Иварисовская, как и Степановская, «тянула» к с. Никольскому⁵² и, следовательно, едва ли могла быть приобретена монастырем ранее 1447 г. Сам Левка известен по актам конца 40-х — начала 50-х годов XV в.; в конце XV в. — начале XVI в. действуют уже его сыновья⁵³.

По грамоте № 427, датируемой 1474—1475 гг.⁵⁴, посельский переяславского с. Семеновского купил «в дом живоначальной Троице» пустошь Зарецкую Мелничиче. В сентябре — марте 1490 г. князь Василий Иванович (сын Ивана III) на основании этой грамоты присудил пустошь Троице-Сергиеву монастырю. На суде старец Варлаам утверждал, будто Зарецкая была куплена за 30 лет до суда⁵⁵. С учетом приблизительности такого рода показаний считаем наиболее вероятным составление этой купчей в междугуменство 1454 г. или 1463—1467 гг.

Не вполне ясна датировка грамоты № 249 — данной Евдокии Дюповой «в дом святых Троицы в Сергиев монастырь» на переяславские пустоши Пеняевскую и Елизаровскую. И. А. Голубцов на основании весьма общих соображений (упоминание в грамоте «Марьиана стана», которым в 1453—1470 гг. управляла великая княгиня Марья Ярославна), относит эту грамоту к 1453—1470 гг.⁵⁶ Учитывая неупоминание в данной игумена, условно датируем ее 1454 г. или 1463—1467 гг.

На 27 августа 1474 г. приходится наиболее позднее точно датированное упоминание об игуменстве Спиридония; 27 января 1475 г. троицким игуменом был уже Авраамий⁵⁷. В период этого междугуменства (конец 1474 — начало 1475 г.) монастырем временно управлял келарь Сава⁵⁸, на имя которого адресовано несколько грамот. Иван III разрешил Федору и Ивану Афанасьевым выкупить у монастыря их вотчину — землю Афанасьевскую, «что купил был игумен Сергиева монастыря Спиридоний с братией» у их дяди. Заключена эта грамота статьей: «А прочесть грамоту, отдайте Саве келарю Сергиева монастыря, и он ее держит впрок». И. А. Голубцов справедливо заключил, что грамота составлена после ухода с игуменства Спиридония, когда монастырем управлял Сава. Видимо, тогда Сава купил «в дом живоначальной Троице в Сергиев монастырь» у Ф. и И. Афанасьевых «по великого князя грамоте» землю Афанасьевскую (№ 426). Очевидно, келарь ссылался на грамоту Ивана III о праве выкупа Афанасьевской у монастыря, в которой говорилось: «А будет вам (Ивану и Федору.— Г. С.) не до земли, и вам тое земли Афанасьевские мимо монастырь Сергиев, мимо игумена и его братья, ни продати, ни меняти, ни в закуп не дати, ни в холопи ся вам с тою землею не дати»⁵⁹. Видимо, Ивану и Федору было «не до земли», они не воспользовались правом выкупа, и Сава тут же оформил новую куп-

⁵⁰ Там же. № 182. С. 205. Никольское дано Троице-Сергиеву монастырю на имя игумена Досифея. Однако в жалованной грамоте Василия Ярославича Троице-Сергиеву монастырю на ворские владения от 10 мая 1447 г. Никольское не упомянуто (см.: АСЭИ. Т. 1. № 191. С. 136). Следовательно, оно поступило в монастырь при Досифее, но уже после последнего точно датированного известия об его игуменстве, т. е. вскоре после 10 мая 1447 г., в конце весны — начале лета 1447 г.

⁵¹ АСЭИ. Т. 1. С. 110.

⁵² Там же. № 286. С. 204.

⁵³ АСЭИ, Т. 1. № 127, 182, 595, 630.

⁵⁴ Там же. Т. 1. С. 315.

⁵⁵ Каштанов С. М. Социально-политическая история... С. 57—58.

⁵⁶ АСЭИ. Т. 1. С. 178.

⁵⁷ Там же. № 424, 451.

⁵⁸ Сава был келарем при Спиридонии, Авраамии (1474—1478 гг.) и Паисии (1478—1481/82 гг.), при Макарии (1484—1488 гг.) он был казначеем, а в начале 90-х годов XV в. — соборным старцем (см.: АСЭИ. Т. 1. № 370, 457, 466, 511, 550).

⁵⁹ АСЭИ. Т. 1. № 423. С. 313.

чую на Афанасьевскую. В конце 1474 — начале 1475 г., несомненно, была написана и духовная троицкого чернеца Вассиана Уварова, «явленная» митрополиту Геронтию 12 января 1475 г. (№ 450). Завещатель отказал свою вотчину «в дом живоначалные Троицы в Сергиев монастырь», а сына Юрия приказал «своему господину келарю Сергиева монастыря... Саве».

19 апреля 1478 г. — дата позднейшего упоминания об игумене Авраамии. 24 ноября 1478 г. троицким настоятелем уже был Паисий Ярославов⁶⁰. Был ли в 1478 г. в Троице-Сергиевом монастыре период междуигуменства, мы точно не знаем. Акт, которые определенно датировались бы этим временем, нет. Игуменство Паисия Ярославова И. А. Голубцов относит к 1478—1482 гг.⁶¹ Наиболее поздняя грамота (жалованная Ивана III), упоминающая его (№ 495), датирована «летом девятидесятым», т. е. примерно сентябрем 1481 — августом 1482 г. Выданные Иваном III 8 января 1482 г. жалованные грамоты (№ 497, 498) адресованы «троецкого Сергеева монастыря игумену с братьею». «Игумен» не назван тут по имени и, скорее всего, следовательно, к 8 января 1482 г. Паисий уже оставил игуменство (это значит, что грамота № 495 писалась до 8 января 1482 г.). После ухода Паисия междуигуменство, вероятно, было длительным. Первое точно датированное известие о следующем игумене Иакиме относится к 1 сентября 1483 г.⁶² Вероятно, острые конфликты, бывшие в монастыре при Паисии⁶³, заставляли монастырскую братию проявлять большую осторожность при выборе нового настоятеля. Не упоминают игумена не только выданные в начале января 1482 г. жалованные грамоты, но и завещания монастырского инока Ионы Плещеева и И. И. Салтыка-Травина. Духовная Ионы (№ 499), «явленная» 22 августа 1482 г. на утверждение митрополиту Геронтию, отказывает с. Караулово «в дом живоначалной Троице в Сергиев монастырь». Духовная И. И. Салтыка-Травина (№ 501), предусматривающая отказ в случае гибели завещателя в монастырь с. Спасского-на-Водозе «к Троице», написана «идучи на вогуличи», т. е. около 25 апреля 1483 г.⁶⁴

1 сентября 1483 г. троицким игуменом был Иаким, не позже 1 января 1485 г. им стал Макарий (он был игуменом по крайней мере до 3 марта 1488 г.). В феврале и октябре 1490 г. упоминается игумен Афанасий. С января 1491 г. до 1495 г. троицким настоятелем был Симон⁶⁵. Междуигуменства в монастыре, следовательно, могли приходиться на конец 1483 — начало 1484 г., 1488—1489 гг., конец 1490 г. Грамот, которые можно было бы определенно датировать одним из этих периодов, нет. Но несколько актов могли быть составлены в каждый из них.

По грамоте № 442, которую датировали XV в. и 1474—1478 гг.⁶⁶, бежецкий землевладелец К. М. Головкин дал «в дом живоначалной Троице в Сергиевъ монастырь» деревни Чаянково и Надеево. Указанные земли, очевидно, поступили в монастырь в междуигуменство, бывшее до Симона (т. е. до 1490 г.): в выданной на его имя в июле 1492 г. жалованной грамоте Чаянково и Надеево фигурируют как монастырские земли, «тянущие» к Люботичам. Вряд ли Чаянково и Надеево могли попасть в монастырь прежде, чем туда попало с. Люботичи. А оно в монастырь попало при Авраамии⁶⁷. Следовательно, грамота № 442, скорее всего, написана в одно из междуигуменств конца 70–80-х годов XV в.⁶⁸

⁶⁰ Там же. № 455, 458.

⁶¹ Там же. С. 764–765.

⁶² Там же. № 502.

⁶³ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 236.

⁶⁴ ПСРЛ. М., 1959. Т. 26. С. 275–276.

⁶⁵ АСЭИ. Т. 1. № 502, 512, 535, 548, 548а, 561, 575. С. 764–765.

⁶⁶ Мейчик. № 13. С. 128; Шумаков. Обзор. М., 1897. Ч. 1. № 3. С. 2; АСЭИ. Т. 1. С. 329–330.

⁶⁷ АСЭИ. Т. 1. № 435, 443, 568.

⁶⁸ В это время жил и писец грамоты № 442 Гридя Подгубок (см.: АСЭИ. Т. 1. № 426, 441, 457, 466, 508, 509).

Грамота № 510, датированная И. А. Голубцовым 1484—1488 гг.⁶⁹, — докладная мировая запись И. В. Львова с троицким келарем Вельямином. Последний заключает договор «во всех братьи место старцев Сергиева монастыря». Очевидно, грамота написана в междугуменство: в противном случае настоятель, конечно, был бы выделен из «всей братьи». Вельямин келарствовал при Макарии (1484—1488 гг.)⁷⁰. Отсюда конец 1483 — начало 1484 г. или 1488—1489 гг. — вероятные даты написания грамоты.

Как отмечалось, упоминание игумена характерно для жалованных грамот князей Северо-Восточной Руси. Иной, возможно, была дипломатическая традиция на юге Руси: жалованная грамота киевской княгини Анастасии на малоярославецкие волости Почап и Передол адресована «в дом святыи Троицы к монастырю Сергиеву» (№ 279). Грамота датирована «летом 6967», т. е. сентябрем 1458 г. — августом 1459 г. (время игуменства Вассиана).

Купчие и меновые, не упоминающие игумена, но не содержащие характерной для актов, в которых фиксировалось отчуждение земли в монастырь, формулы о приобретении земли для корпорации («Святой Троице в дом» и т. д.), могли фиксировать приобретение земли тем или иным монастырским старцем для себя, а не для корпорации⁷¹. Не исключено, что именно с этим мы сталкиваемся в грамоте № 452, по которой «Иевъ, старецъ троицкий Сергиева монастыря» приобретает у Хорьки Петровича Горчарова три наволока на р. Костроме у Соли Галицкой. Грамота датирована «летом 84» (1475/76 г.), т. е. временем игуменства Авраамия. В данном случае Иев мог приобретать наволоки для себя, хотя после его смерти они, судя по наличию этой грамоты в троицкой копийной книге 30-х годов XVI в., стали собственностью монастыря. Очевидно, к 70-м годам XV в. тяготеет еще одна грамота, упоминающая «старца троицкого Сергиева монастыря» Иева — его меновная с Фалалеем Елагиным на пожни у Соли Галицкой (№ 126), которую И. А. Голубцов датировал 1435—1440 гг.⁷² В этой грамоте также нет статьи о приобретении земли в монастырь. Возможно, Иев и в данном случае действовал как частное лицо. Возможно, и грамота № 480 (конец XV в.)⁷³, по которой прилуцкий посельский — Троице-Сергиева монастыря чернец Гавриил покупает углицкую деревню Минино у Аксины (жены Василия) Ногина и ее детей Бориса, Матвея и Измаила, также фиксирует приобретение земли не в корпорацию, а в личное пользование (до смерти, с последующей передачей земли в монастырь).

Данная Н. С. Стогова «в дом живоначальной Троице в Сергиев монастырь» на землю в Переяславском уезде (№ 620) датирована «летом 7000 седмым», т. е. сентябрем 1498 г. — августом 1499 г. После ухода из Троице-Сергиева монастыря Симона в 1495 г. место настоятеля до 1497 г., по-видимому, было вакантным⁷⁴. В 1497 г. троицким игуменом стал Серапион. Но в течение довольно долгого времени его могли официально не возводить на игуменство.

Удельный вес актов, не упоминающих настоятеля, в архиве Троице-Сергиева монастыря выше, чем в архивах других монастырей Северо-Восточной Руси. В них акты, не упоминающие настоятеля, — значительно более редкое явление. Но это тема особого исследования.

⁶⁹ АСЭИ. Т. 1. С. 387.

⁷⁰ Там же. № 509. С. 386—387.

⁷¹ Семенченко Г. В. О хронологии троицких актов... С. 102. Ср.: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в.: Сб. документов. М., 1986. Вып. I. С. 136. Ротапр.

⁷² АСЭИ. Т. 1. С. 98.

⁷³ Там же. № 628, 632, 636, 639, 640, 656.

⁷⁴ Началом игуменства Серапиона принято считать 1495 г. (см.: АСЭИ. Т. 1. С. 794—795). Но первое точно датированное известие о нем приходится на «лето 7005» (1496/97 г.) (см.: Розов Н. Н. Книга в России в XV в. Л., 1981. С. 129). Летом и осенью 1496 г. игумена в Троице-Сергиевом монастыре, по-видимому, не было (см.: АСЭИ. Т. 1. № 603, 604).

**НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ СОБИРАНИЯ
ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ В РОССИИ
В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.**

К концу XVIII в. в России был накоплен значительный опыт выявления и собирания источников. Известные указы Петра I, деятельность В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, Н. И. Новикова, других ученых, Академии наук и ее библиотеки привели к организации корпуса летописных, законодательных материалов, актовых источников, которые были изъяты из среды их бытования, выявлены в архивах центральных и ряда местных учреждений и сосредоточены в оригиналах и копиях в специализированных хранилищах (Библиотека Академии наук, Московский архив Коллегии иностранных дел, Разрядно-Сенатский архив, Архив старых дел и др.), а также опубликованы в целом ряде изданий. В конце XVIII — первой четверти XIX в. положительные тенденции в разыскании и сборе источников, зародившиеся еще в начале XVIII в., получили дальнейшее развитие.

Конец XVIII — первая четверть XIX в. отличаются от предшествующего времени не только целым рядом уникальных открытий источников (Троицкая летопись, Слово о полку Игореве, Сборник Кириши Данилова и др.), но и существенным расширением масштабов работы по выявлению и собиранию источников, которая не только все больше становилась делом отдельных энтузиастов, но и приобретала общественное звучание, включалась в число задач государственных учреждений, общественных организаций, в том числе специально созданных для их разрешения. Можно сказать, что в исследуемый период начинается массовое движение за сохранение источников, ставшее одним из существенных элементов общественного сознания. Попытки упорядочения этого движения нашли отражение в разработке первых в отечественной общественной мысли проектов выявления, сбора и сохранения источников. По нашим подсчетам в конце XVIII — первой четверти XIX в. таких проектов, отличавшихся разнообразием предложений по организации собирания источников, их хронологической, географической, тематической нацеленностью, было создано не менее 30. Традиционный интерес к письменным источникам по истории России до XVIII в. в наибольшей степени отразил известный проект археографического обследования русских хранилищ П. М. Строева (1823), вобравший в себя не только личный опыт ученого, но и опыт его отечественных и зарубежных предшественников. Проекты С. Н. Глинки (1808), К. Ф. Калайдовича (1811), Х. Д. Френа (1825) предусматривали сбор не только письменных, но и археологических и этнографических источников. И. Г. Спасский (1824) призвал к сбору этнографических памятников Сибири. Проекты И. Н. Лобойко (1817), Б. Вихмана (1817), З. Ходаковского (1818), Н. П. Румянцева (1818), К. И. Апа (1819), Ф. П. Аделунга (1821), М. П. Погодина (1822) ставили задачу выявления, копирования или приобретения не только письменных и этнографических источников, но и археологических памятников, а также материалов устного народного творчества. Проекты Н. П. Румянцева (1820), П. И. Кеппена (1824) обращали внимание на документы зарубежных архивов и частных собраний. Наконец, все чаще звучали призывы к сохранению и собиранию источников по истории XVIII в. и современности. К сбору материалов по русской истории XVIII в. предлагали приступить И. И. Голиков (1798), П. Л. Яковлев

(1810), В. Н. Каразин (1818), В. Н. Берх (1822). Проекты декабристов Н. М. Муравьева и Ф. Н. Глинки, чиновника Я. И. Бардовского (1813), П. М. Волконского (1815), Я. И. Говорова (1818) и других предусматривали соби́рание источников по самой яркой странице современной истории России — Отечественной войне 1812 г.

Одной из особенностей большинства таких проектов была идея централизации сбора всевозможных древностей и концентрации их хранения. Так, проект архивной реформы Г. А. Розенкампа (1820) предлагал объединить московские и петербургские архивы центральных правительственных учреждений (исключая Московский архив Коллегии иностранных дел) и подчинить их главному управлению архивов¹. Малоизвестный в нашей литературе проект П. П. Дубровского предусматривал концентрацию письменных источников по русской истории при «Депе манускриптов» Публичной библиотеки². С идеей создания «государственного хранилища древностей» в 1808 г. выступил журнал «Русский вестник»: предлагалось создать такое хранилище в Кремле или на базе двух крупнейших московских частных коллекций — А. И. Мусина-Пушкина и Ф. Г. Баузе. По замыслу неизвестного автора проекта это должен был быть музей, концентрирующий не только письменные источники, но и «произведения художеств», орудия земледелия, предметы быта, монеты и т. д.³ С проектами создания всероссийского музея древностей, своеобразного культурно-просветительного учреждения, пропагандирующего исторические знания в патриотических целях, в начале XIX в. выступили сотрудники Н. П. Румянцева — Б. Вихман и Ф. П. Аделунг⁴.

Названные и другие проекты отразили не только глубокую озабоченность общественности страны сохранением всевозможных древностей, но и интересы и замыслы представителей различных общественных сил, все более отчетливо осознававших роль источников в политической и идеологической борьбе тех лет. Поэтому почти единодушное признание важности соби́рания источников отнюдь не означало совпадения мотивов, определявших всю работу по соби́ранию.

Идея значения соби́рания и сохранения источников для решения задач патриотического воспитания и просвещения в исследуемое время проникла в самые широкие слои русского общества. О важности источников в воспитании гражданственности, патриотизма не раз писали И. Н. Болтин, А. И. Мусин-Пушкин, И. П. Елагин, Ф. Н. Глинка, члены Румянцева кружка. В начале XIX в. эту идею ярко высказал П. П. Дубровский. Говоря о соби́рании древних рукописей, он подчеркивал, что оно не должно «основываться на одном любопытстве или удовольствии тщетном. Охота к соби́ранию эстампов, минералов, медалей не равняется с нею — соби́рание рукописей древних есть государственная необходимость образования народа». С их помощью, продолжал П. П. Дубровский, «надобно возродить охладевающее внимание ко всему своему, отечественному, сколько-нибудь возвысить древность нашего народа, придать благородство его родоначалию (генеалогии) и отдать больше справедливости прошедшему его просвещению»⁵.

В исследуемый период все чаще призывы к разысканию источников обосновывались и научно-познавательными задачами. С одной стороны, историческая мысль в своем обращении к прошлому остро осознавала общий дефицит источниковой базы. Современники признавали его даже по отношению к русской истории до XVIII в., не говоря уже об истории XVIII в. и современности. Так, И. Н. Болтин в своем выступлении против Леклерка, не соглашаясь с утверждением французского истори-

¹ Макаров А. Н. Проект архивной реформы барона Г. А. Розенкампа (1820 г.) // ИА. 1919. Кн. 1. С. 104–137.

² Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 3. С. 590.

³ [Неизвестный]. Мысль о книгохранилище отечественном // Рус. вестн. 1808. Ч. 2. № 4. С. 51–56.

⁴ Козлов В. П. Колумбы российских древностей. 2-е изд. М., 1985. С. 49.

⁵ Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 3. С. 592–593.

ка о том, что в России после Ярослава Мудрого и вплоть до Ивана Грозного не было письменных законов, был вынужден с сожалением сделать предположение об их утрате⁶. В 1823 г. П. М. Строев, развивая дальше эту мысль Болтина, заметил, что без систематического собирания источников вообще невозможно «привести в ясность Российскую историю»⁷.

Наряду с общей осознававшейся потребностью преодоления «неведения» в русской истории с помощью гарантированного корпуса источников, движущими мотивами разысканий источников являлись и причины чисто историографические. Критика дворянских концепций исторического процесса, новая проблематика исторических исследований, с которыми все чаще выступали в конце XVIII — первой четверти XIX в. представители нарождающейся отечественной буржуазной историографии, как показал еще С. Н. Валк⁸, ставили задачу источниковой обеспеченности трудов, пронизанных новыми методологическими подходами к изучению прошлого. Создание таких трудов уже не мыслилось на традиционной источниковой базе; были необходимы новые виды источников, которые оставались вне внимания дворянской историографии. «Потрудитесь,— писал, например, в 1792 г. Ф. Туманский,— ко благодарности современников и потомства извлечь из тьмы, а может быть, и от гибели сохранить, многие бумаги, относящиеся к истории церковной, гражданской, естественной, к географии, к повестям, нравоучениям, хозяйству, домостроительству, воинским бывшим образцам, обрядам, памятникам, редкостям произведений торговли, художества, ремесла»⁹. Этот перечень тем (которые активно разрабатывали с привлечением частных актов такие исследователи, как М. Д. Чулков, В. В. Крестинин, И. Фомин), предложенный Ф. Туманским, весьма показателен, т. к. отражает интерес к истории «домостроительства», хозяйства, торговли.

Постановка в конце XVIII — первой четверти XIX в. задач собирания источников была связана и с дальнейшим осмыслением источника как свидетельства или совокупности свидетельств о событиях прошлого. Анализ источника уже не мыслился вне попыток определения его взаимосвязи с другими источниками, а также вне рассмотрения истории текста источника. Отсюда, в частности, следовало осознание необходимости сбора по возможности максимального числа списков источника. В проекте П. М. Строева это соображение являлось одним из важнейших аргументов необходимости широких разысканий. Касаясь работы Общества истории и древностей российских по подготовке критического издания «Летописи Нестора», он прямо отмечал ее нереальность, пока не будет собран необходимый текстологический материал. «При нынешнем познании русских летописей и небольшом числе их, доселе известных,— говорил Строев,— заниматься критическим обработыванием — значит начинать с конца, а не с начала или заботиться об украшении здания, не имея материалов к его основе»¹⁰. Любое издание летописей, продолжал далее он, осуществленное по случайным спискам, будет напрасной тратой сил, средств и времени до тех пор, пока не будут собраны все или максимальное число списков.

Постановка и обсуждение проблем собирания источников в условиях российской действительности исследуемого времени далеко не укладывалась только в рамки рассмотренных мотивов. Для представителей реакционного и консервативного кругов русского общества патристические призывы к собиранию источников, как показал А. Г. Тартаков-

⁶ Болтин И. Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. 1. С. 52—53.

⁷ Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 67.

⁸ Валк С. Н. Исторический источник в русской историографии XVIII в. // Пробл. истории докапиталист. обществ. 1934. № 7/8. С. 55.

⁹ Рос. магазин. 1791. Ч. 1. С. 545—546.

¹⁰ Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 66.

ский, подчас являлись всего лишь прикрытием патриархальных крепостнических и монархических идей¹¹. Так, И. П. Елагин, справедливо возмущаясь «небрежением» к древностям представителей русского дворянства, заботу об их разыскании и сохранении противопоставил порицаемому им увлечению книгами французских просветителей. «Мне достоверно случилось слышать, — писал он, — что единый из парижелюбцев наших бесценные в рукописях сокровища отцом и предками его от древности сбереженные, променял некоему английскому путешественнику на Вольтеровы и других новых мудрецов ядовитые писания, разврат, бунт и безначалие проповедующие»¹². С консервативных позиций идею разыскания и собирания источников пропагандировал «Русский вестник». «Почтение к старине» соотечественников здесь прямо приравнивалось к таким «добродетелям» русского народа, как религиозность и монархизм. На страницах журнала проводилась мысль о том, что люди, собирающие древности, являются носителями не только патриотизма, но и патриархальных устоев. Именно так здесь был представлен знаменитый московский букинист и коллекционер И. Ф. Ферапонтов.

Консервативная трактовка задач собирания источников была склонна относить определенные успехи в этом деле, достигнутые в исследуемый период, на счет «наития попечительного правительства». С. Н. Глинка объявил Александра I «первым», т. е. наиболее известным и заинтересованным, «любителем отечественных древностей». Естественно, что такой подход нацеливал и на собирание определенных источников. Так, Ф. В. Булгарин, тонко понимавший политическую конъюнктуру, в 1822 г. призывал к сбору «писем и разных записок» русских самодержцев, правда только «отличавшихся величием души и блестящими подвигами». Проект российского музея древностей, опубликованный в «Русском вестнике», предусматривал в первую очередь организацию в нем специального отделения, которое должно было показывать «великолепие двора по векам» и прославлять уклад жизни и деятельность русских самодержцев.

К сказанному следует добавить, что реализация широких замыслов разыскания и собирания источников встречала препятствия в охранительном лагере, представители которого понимали опасность для господствующего класса потери контроля над введением в общественный оборот источников, особенно сосредоточенных в официальных хранилищах. В одном из проектов собирания источников начала XIX в., приписываемом А. И. Мусину-Пушкину, автор, обозревая свои изыскания, с горечью констатировал: «Но как у нас всякий любопытный вопрос, хотя бы он единственно и до наук касался, почитается преступлением и всякое домогательство к исследованиям редких вещей... покажется покушением на похищение оных или на обнародование какой-то тайны, то я, не имея особого повеления, принужденным нашелся остановиться в своем предприятии»¹³. Доступ к хранилищам источников независимо от древности последних в конце XVIII — первой четверти XIX в. в значительной степени предопределял характер и результаты разысканий. Даже указ Екатерины II 1791 г. о присылке в Синод рукописей исторического содержания из учреждений церковного ведомства встретил противодействие в среде духовенства. Показателен в этом смысле и эпизод, произошедший в 1815 г. В январе этого года Цензурный комитет Московского университета получил секретное отношение из Московского архива Коллегии иностранных дел, предлагавшее «извещать архив о таких книгах и статьях, которые заимствованы из означенного государственного хранилища или ссылаются на бумаги в оном находящиеся». Чиновники Цензурного комитета разумно решили, что это не входит в их обязанности, полагая, что архив «сам должен наблю-

¹¹ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 172–173.

¹² Елагин И. П. Опыт повествования о России. М., 1803. Ч. I. С. 130–131.

¹³ План предполагавшегося издания русской истории // ЧОИДР. 1847. Кн. 2. С. 32.

дать, дабы дела оного не были выписываемы»¹⁴. Архив, а вернее, министерство иностранных дел, в ведении которого он находился, являлся единственной инстанцией, разрешавшей доступ к документам. Подобная ситуация, когда существовала своеобразная «ведомственная собственность» на пользование документами, являлась не исключением, а правилом, что не могло не отражаться на результатах разыскания источников.

Поэтому понятна та живая заинтересованность прогрессивной общест-венности, с которой ее представители отстаивали право на разыскание источников, идеи их централизованного сбора и хранения как одного из путей не только упорядочения всей работы по организации корпуса источников, но и преодоления межведомственной разобщенности в решении вопросов о доступе к ним. Так, например, ставил вопрос П. П. Дубровский, когда призывал к тому, чтобы «правительство само взяло на себя сию обязанность и поручило на своем иждивении отыскивать наши древности»¹⁵. Тот же Дубровский, апеллируя к «правительству», пытался найти в нем надежную опору в реализации своей идеи секуляризации церковных древностей. «Мнения переменялись,— писал он,— и светские писатели заняли место духовных с большим успехом; следовательно, сии писатели и вправе требовать себе таких пособий, которыми те не пользуются. При том же хранение рукописей по разным местам задерживает успехи в истории»¹⁶.

Как известно, не только в конце XVIII — первой четверти XIX в., но и позже централизации собирания и концентрации хранения источников в России достигнуто не было. Их разыскание на официальной, правительственной основе осуществлялось в четырех формах: указной, распорядительной, уставной и экспедиционной различными учреждениями и отдельными лицами.

С точки зрения возможностей указная форма, т. е. выявление и копирование, а подчас и сбор источников по императорским указам, представлялась исследователям конца XVIII — первой четверти XIX в. наиболее предпочтительной. Эта форма широко практиковалась еще в XVII — начале XVIII в. В исследуемое время она сохраняла важное значение. По указам Екатерины II осуществляли разыскания М. М. Щербатов (в Московском архиве Коллегии иностранных дел, Синодальной и Типографской библиотеках), Н. И. Новиков (в Московском архиве Коллегии иностранных дел), кружок А. И. Мусина-Пушкина (в более чем 40 хранилищах учреждений церковного ведомства). В указной форме для самой императрицы занимались поиском и копированием документов Г. Ф. Миллер, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, Л. И. Максимович, А. А. Барсов, Х. И. Чеботарев, Г. А. Афанасьев (в Московском архиве Коллегии иностранных дел, Синодальной, Типографской библиотеках, библиотеке Троице-Сергиевой лавры и других хранилищах). В 1791 г. по указу Екатерины II был допущен к работе с документами Московского архива Коллегии иностранных дел для подготовки труда по русской истории французский эмигрант Сенак де Мельян. В начале XIX в. указом Александра I широкие возможности «невозбранно пользоваться» документами всех хранилищ Российской империи были предоставлены Н. М. Карамзину. Указная форма разыскания и копирования источников была использована А. Жомини при подготовке сочинения о военных кампаниях 1812—1815 гг., Я. И. Бардовским — для описания пребывания французских войск в Москве, И. Гамелем — при создании труда по истории тульской промышленности. Ее упорно пытался добиться через вдовствующую императрицу Марию Федоровну Карамзин, задумавший после 1812 г. написать труд по истории наполеоновских войн.

¹⁴ ЦГИА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 1. Д. 468. Л. 1—3.

¹⁵ Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 3. С. 598.

¹⁶ Там же. С. 591.

Распорядительная форма разысканий источников, т. е. их выявление, копирование и собирание по ходатайствам частных лиц или правительственных и общественных организаций с разрешения соответствующих ведомств, давала возможность доступа только к материалам ведомственных хранилищ. Распорядительную форму разысканий пытался использовать еще В. Н. Татищев. В конце XVIII — первой четверти XIX в. наиболее широко она практиковалась в системе «отраслевых историографов» (лиц, выполнявших официальные поручения конкретных ведомств по написанию исторических трудов тематического или отраслевого характера). Распорядительная форма разысканий была использована, например, Д. И. Ахшарумовым при описании военных действий Первой армии в Отечественной войне 1812 г., Н. А. Бестужевым — в процессе сбора материалов для исследования по истории русского флота, А. О. Корниловичем — в сборе источников для работы Д. П. Бутурлина «История походов россиян в XVIII столетии», В. Н. Берхом — при изучении истории русских географических открытий, А. М. Теряевым и С. С. Джунковским — при подготовке труда по истории медицины в России, Г. И. Спасским и П. А. Словцовым — в ходе инспектирования деятельности местных сибирских учреждений и др.

Указная и распорядительная формы разысканий источников открывали широкие возможности доступа к хранилищам различных ведомств, стимулируя, как, например, в Московском архиве Коллегии иностранных дел, и саму организацию хранения источников, и их описание. Вместе с тем эти формы разысканий, нося официальный характер, были в наибольшей мере подчинены политическим и идеологическим задачам российского самодержавия. Они ограничивали поиск, выявление и особенно введение источников в общественный оборот интересами господствующего класса. «Я, конечно, могла бы снабдить самыми правдивыми записками, основанными на фактах,— писала в 1790 г. Екатерина II, имея в виду замысел Сенака де Мельяна,— но необходимо... чтобы автор или редактор подчинился тем стеснительным правилам, которым необходимо будет следовать, потому что история или записки, могущие служить материалом истории России, предпринятой с моего одобрения и согласия, могут принять только такую внешнюю форму и направление, которые бы проистекали из наибольшей славы государства и служили бы потомству как предметом соревнования и поучения»¹⁷. Использование указной и уставной форм разысканий во многих случаях исключало из сферы поиска значительный комплекс источников, находившихся непосредственно в среде их бытования. К тому же, если указная форма обеспечивала преодоление межведомственных барьеров в получении доступа к документам, то распорядительная форма в большинстве случаев ограничивала разыскания только хранилищами соответствующих ведомств.

Конец XVIII — первая четверть XIX в. примечательны возникновением уставной формы разысканий источников, т. е. закреплением в уставах ряда правительственных учреждений и общественных организаций специальной задачи сбора или копирования источников, на реализацию которой в бюджетах таких учреждений и организаций выделялись особые средства. Устав Комиссии составления законов предполагал собирание и «историческое объяснение древнейшего и новейшего российского законодательства»¹⁸. В процессе реализации этого пункта в Комиссии было сосредоточено (в оригиналах и копиях) почти 12 тыс. актов 1649—1796 гг. В положении о Мастерской и Оружейной палате (1806 г.) сказано, что ей «позволяется по обычаю, несколько веков в России и повсюду существующему, принимать и от частных людей добровольные подношения, состоящие в манускриптах, доставляющих нужные

¹⁷ Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 42. С. 115.

¹⁸ ЧОИДР. 1859. Кн. 3. С. 6.

сведения, в вещах, достойных уважения или древностью или искусством»¹⁹. Устав Публичной библиотеки (1810 г.) разрешал ее руководству «для приращения в библиотеке важных рукописей» «требовать верных списков со всех рукописей, до отечественной истории относящихся и хранящихся в разных архивах, также в духовных и гражданских заведениях»²⁰. Согласно уставу Топографического депо, все архивы по отношению военного министра были обязаны доставлять в него «хранящиеся в них дела и записки, к предмету депо принадлежащие и не подлежащие особенной тайне на определенное время, из числа коих нужные по военной части с высочайшего утверждения передаются навсегда в архив депо»²¹.

Задача сбора источников была закреплена в качестве одной из важнейших в уставе созданного в 1804 г. при Московском университете Общества истории и древностей российских. Общество, говорилось в уставе, «постарается собирать древние рукописи, медали, монеты и другие памятники, служащие к объяснению разных происшествий в русской истории, для чего войдет в переписку с разными особами, в разных местах России живущими, которые могут доставлять ему вещи или сведения такого рода»²². Кроме того, Общество получило право «собирать из всех архивов, какие есть в государстве, нужные... сведения; также из монастырей и казенных библиотек требовать будет книг или рукописей под расписку» с возвращением их затем в прежние места хранения²³.

В конце XVIII — первой четверти XIX в. устав Общества истории и древностей российских наиболее последовательно и широко ставил вопрос о централизации разысканий и собирания источников специальной общественной организацией. Однако практическая реализация положений об этом устава Общества, так же как и уставов других учреждений, не получила в исследуемое время должного эффекта. Разыскания и собирание источников в уставной форме, за редким исключением, носили пассивный характер, встречали ведомственные рогатки, ориентируясь в основном на предложения, и, как правило, не предусматривали поиска источников в среде бытования. Пополнение таких хранилищ, как Библиотека Академии наук, Публичная библиотека, собраний Московского архива Коллегии иностранных дел, Общества истории и древностей российских в конце XVIII — первой четверти XIX в., осуществлялось в основном за счет добровольных пожертвований и очень редко — за счет бюджетных средств. Основу «Депо манускриптов» Публичной библиотеки составили пожертвованные или приобретенные частные коллекции П. П. Дубровского и П. К. Фролова. Рукописное собрание Московского архива Коллегии иностранных дел традиционно комплектовалось поступлениями частных коллекций руководителей архива — Г. Ф. Миллера, Н. Н. Бантыша-Каменского, А. Ф. Малиновского и близких к ним лиц. С призывами дарить всевозможные древности не раз в исследуемое время обращалось к соотечественникам Общество истории и древностей российских. Его рукописная и археологическая коллекции почти целиком сложились из пожертвований почетных, действительных членов и соревнователей. Однако в 1823 г. П. М. Строев, подводя итоги почти двадцатилетней собирательской деятельности Общества, был вынужден констатировать, что она не соответствовала не только задачам исторической науки, но и положениям, сформулированным в уставе²⁴.

Недостатки рассмотренных форм разысканий тот же Строев в 1823 г. полагал возможным преодолеть путем выявления и сбора источников

¹⁹ ПСЗ-I. Т. 28. С. 118.

²⁰ Там же. Т. 30. С. 14.

²¹ Там же. Т. 32. С. 38.

²² Там же. Т. 31. С. 519—520.

²³ Там же. С. 520.

²⁴ Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 72.

в экспедиционной форме — организацией серии мобильных экспедиций специалистов, которые могли бы осуществлять разыскания источников в масштабах всей страны. Экспедиционная форма разысканий в России была известна еще в XVIII в. Однако долгое время поиск источников в этой форме являлся всего лишь одной из задач экономико-статистических, географических, геологических и других экспедиций. В исследуемое время мы обнаруживаем организацию первых специальных археологических, археологических, этнографических обследований, осуществлявших полевые разыскания, в том числе выявлявшие источники не только в официальных хранилищах, но и непосредственно в среде бытования. В ряде случаев такие экспедиции представляли собой крупные научно-организационные предприятия, охватывавшие целые регионы страны, подключавшие десятки людей, продолжавшиеся в течение нескольких лет. В их числе — экспедиции Севергина в западные районы России (1802—1803 гг.), Ю. Клапрота в Сибирь (1805—1806 гг.) и на Кавказ (1807—1808 гг.), «учено-археологическое путешествие» К. М. Бороздина и А. И. Ермолаева (1809—1811 гг.), обследования Крыма Е. Е. Келлером и Ф. Паскалем (1820—1822 гг.), «археологическое путешествие» по России З. Я. Ходаковского (1819—1822 гг.), серия экспедиций, предпринятых профессорами Виленского, Дерптского, Харьковского, Московского и Казанского университетов по подчиненным учебным округам и др. Экспедиционную форму разысканий источников широко использовали члены Румянцевского кружка.

Экспедиционная форма разысканий способствовала включению в общественный оборот значительного корпуса материалов, сосредоточенных в местных хранилищах и в разнообразной по социальному составу среде бытования источников. Эта форма обеспечивала проникновение в демократические слои русского общества, владевшие значительным комплексом источников неофициального происхождения — личными архивами, рукописными книгами. Это была наиболее гибкая и эффективная форма разысканий, соединившая разыскания на официальной основе и частное собирательство, являясь своеобразным переходным звеном между ними.

В конце XVIII — первой четверти XIX в. разыскания источников на неофициальной, частной основе — частное коллекционирование все более приобретало характер общественно значимого явления. Захватив широкие слои грамотного населения, частное коллекционирование в определенном отношении противостояло собиранию источников на официальной основе. Сохраняя свободу в интересах к подбору источников, оно в меньшей степени оказалось связанным с политическими и идеологическими интересами российского самодержавия, отразило широкий спектр помыслов и убеждений различных кругов русского общества исследуемого времени.

По нашим подсчетам, в конце XVIII — первой четверти XIX в. в России существовало не менее 160 частных коллекций, каждая из которых насчитывала не менее десяти номеров оригинальных рукописей, т. е. рукописей, создание которых не было связано с жизнью и деятельностью их владельцев. Часть таких коллекций сложилась в предшествующее время, другие были созданы в конце XVIII — первой четверти XIX в.

Среди владельцев коллекций и их собирателей мы встречаем представителей различных сословий и профессий. Известны коллекции рукописных источников, собранные крупными государственными деятелями (Д. П. Бутурлина, М. С. Воронцова, М. П. Голицына, П. Г. Демидова, Г. Г. Кушелева, А. И. Мусина-Пушкина, Н. П. Румянцева, А. М. Нагаева, В. С. Попова, Ф. А. Толстого, П. К. Сухтелена, А. А. Аракчеева, П. С. Валуева, С. К. Вязмитинова, А. Г. Головина, Г. А. и П. А. Строгановых, П. К. Фролова, Н. П. Хлебникова и др.). Большой популярностью коллекционирование пользовалось в среде общественных деятелей, издателей, журналистов, ученых, преподавателей университе-

тов и других учебных заведений (коллекции Н. Н. и Д. Н. Бантышей-Каменских, Ф. Г. Баузе, П. П. Бекетова, И. Х. Броде, З. А. Горюшкина, К. Ф. Калайдовича, П. М. Строева, Ф. В. Каржавина, В. Н. Каразина, Н. М. Карамзина, В. М. Котельницкого, М. Н. Макарова, А. Ф. Малиновского, С. Д. Нечаева, В. М. Рихтера, С. Г. Саларева, Н. Н. Сандунова, П. П. Свинына, А. П. Степанова, Р. Ф. Тимковского, Ф. П. Аделунга, В. Г. Анастасевича, К. И. Арсеньева, К. М. Бороздина, Ф. В. Булгарина, П. Г. Буткова, В. Н. Берха, Н. Я. Бичурина, Б. Вихмана, А. Х. Востокова, Евгения Болховитинова, И. Х. Гамеля, Ф. Н. Глинки, И. И. Григоровича, Д. И. Дмитриевского, А. И. Ермолаева, А. С. Кайсарова, П. И. Кешпена, А. О. Корниловича, Ф. И. Круга, А. Х. Лерберга, П. А. Муханова, Г. И. Спасского, Х. Д. Френа, А. И. Тургенева и др.).

Значительное число коллекций было собрано духовенством (П. А. Алексеевым, Евгением Болховитиновым, Евгением Булгарисом, Антонием Знаменским, Димитрием Воздвиженским, Афанасием Любимовым, И. И. Григоровичем, Мефодием Смирновым, Н. И. Мурзакевичем, Арсением Верещагиным и др.). Обширный слой собирателей и владельцев коллекций составили представители купечества (К. И. Аверин, И. Александров, А. П. Бардин, И. П. Вязмитинов, А. Д. Грачев, С. Ф. Карташов, С. Д. Крупенников, Н. А. Мильгунов, Д. В. Пискарев, А. И. Сулакадзев, И. Ф. Ферапонтов, А. С. Шульгин, И. Б. Борисов, Т. Ф. Большаков, И. П. Лаптев, М. Н. Мясников и др.). Известны также коллекции, владельцы и собиратели которых являлись мелкими и средними служащими различных учреждений и не были примечательны ничем, кроме увлечения собирательством, причем это увлечение в ряде случаев воплощалось в значительных для того времени результатах (коллекции П. Я. Актова, А. А. и Г. Г. Волковых, А. С. Власова, П. Ф. Горенкина, А. П. Курбатова, Н. Н. Матрунина и др.).

В содержательном отношении для крупных коллекций (с числом рукописей свыше 50 номеров) был характерен универсальный подбор материалов. В таких коллекциях наряду с повествовательными источниками широко представлены произведения светской, духовной литературы, «раритеты» (например, пергаменные рукописи), памятники естественнонаучного содержания и т. д. Среди таких универсальных коллекций мы видим собрания П. Я. Актова, Ф. Г. Баузе, Ф. А. Толстого, Н. П. Румянцева.

Коллекциям с числом рукописей менее 50 номеров, которые в исследуемое время преобладали, была присуща большая специализация. Среди них встречались собрания, материалы которых касались преимущественно какой-либо проблемы: русско-японских и русско-китайских связей (И. О. Селифонтова), истории горного дела и промышленности в России (И. Х. Гамеля), истории церкви, религии (С. Ф. Карташова, Н. А. Мильгунова, П. А. Алексеева, С. Д. Крупенникова), истории медицины в России (В. М. Рихтера, Я. И. Говорова), истории русского мореплавания и географических открытий (В. Н. Берха, А. М. Нагаева). Ряд коллекций включал преимущественно источники по региональной истории: Костромы (Т. Воздвиженского), Пскова (М. И. Ильинского), Новгорода, Пскова, Вологды (Евгения Болховитинова), Сибири (Г. И. Спасского, П. И. Слоцова), Украины (Д. Н. Бантыш-Каменского), Риги (И. Х. Броде), Кавказа (П. Г. Буткова), Армении и Грузии (М. П. Баратаева), Ваги и Шенкурска (М. Н. Мясникова) и т. д. Внимание собирателей все чаще стали привлекать источники по истории западноевропейских стран (коллекции П. П. Дубровского, М. П. Голицына, П. В. Головина, П. А. Строганова, П. К. Сухтелена, Д. П. Бутурлина, А. С. Власова, М. С. Воронцова, П. Я. Актова), Китая (Н. Я. Бичурина), народов Востока (С. К. Вязмитинова, Ф. И. Круга, братьев Зосим) и др.

В частных коллекциях исследуемого времени все большее место стали занимать источники по истории XVIII в. и современности. Имелись

собрания, включавшие материалы по истории царствования Петра I (И. И. Голикова, В. Н. Каразина, М. Д. Чулкова, П. Г. Буткова, Б. Вихмана, А. М. Нагаева, П. А. Алексеева, П. П. Свинына, К. И. Арсеньева, В. Н. Берха, М. Ю. Виельгорского, А. О. Корниловича, Ф. Н. Глинки), восстания Е. И. Пугачева (Н. Н. Бантыш-Каменского, А. А. Вяземского, А. М. Лунина, И. Ф. Яковкина), Отечественной войны 1812 г. (А. И. Михайловского-Данилевского, Ф. Н. Глинки), по истории движения декабристов (В. Н. Каразина, А. А. Ивановского, А. И. Карасевского). П. П. Свинын, В. С. Попов, А. И. Вороздин, Н. В. Сушков, М. С. Воронцов, П. А. Муханов, А. И. Тургенев, П. А. Вяземский, Г. В. Орлов, А. И. Мусин-Пушкин и другие много усилий затрачивали на собирание автографов выдающихся деятелей, а также материалов современников.

Совершенно ясно, что существовали разные мотивы собирательства в каждом конкретном случае. Но три из них очевидны.

Во-первых, обращает на себя внимание то обстоятельство, что подавляющая часть собирателей в подборе источников преследовала личные интересы, рассматривая свои коллекции как 'важное подспорье в научных, литературных и других занятиях. Не случайно, например, значительная часть коллекций в это время была создана лицами, в той или иной степени имевшими отношение к историческим упражнениям. В условиях ограничения доступа к документам официальных хранилищ частные коллекции заполняли имевшийся по этой причине «источниковый вакуум». Ими широко пользовались не только сами владельцы, но и другие лица. Уже Н. И. Новиков в своих публикациях широко использовал материалы из коллекций Н. Н. Бантыш-Каменского, М. П. Шереметева, П. К. Хлебникова, С. Д. Кантемира, П. Н. Трубецкого, П. А. Алексеева, А. Г. и В. А. Левшиних, П. М. Волконского и др. На источники своих коллекций широко ссылались М. М. Щербаков, П. И. Рычков, П. А. Алексеев, Ф. И. Туманский, М. Д. Чулков, В. И. Крестинин, И. Н. Болтин, И. П. Елагин, А. И. Мусин-Пушкин, Н. М. Карамзин, И. Г. Стриттер и многие другие исследователи. Собраниями Ф. А. Толстого, Н. П. Румянцева пользовались П. М. Строев, К. Ф. Калайдович, А. Х. Востоков, П. И. Кенпен, И. И. Григорович и др.

Во-вторых, в мотивах собирательства в конце XVIII — первой четверти XIX в. отчетливо прослеживаются своеобразные библиофильские интересы, подход коллекционеров к источнику как к «раритету». Наличие редкостей (например, автографов выдающихся деятелей, рукописей, примечательных древностей, внешними особенностями) независимо от их содержания рассматривалось как одно из достоинств той или иной коллекции. Погони за приобретением «раритетов» не избежало большинство коллекционеров. Особенно это характерно для таких собирателей, как П. П. Свинын, А. И. Сулакадзе, Ф. А. Толстой.

В-третьих, многими коллекционерами руководил интерес к тайной политической истории, особенно XVIII в., остававшейся малоизвестной. Если, например, для такого собирателя, как А. И. Сулакадзе, этот интерес не выходил за рамки простого любопытства к всевозможным криминальным с точки зрения общественного сознания конца XVIII — первой четверти XIX в. событиям недавнего прошлого, то для таких коллекционеров, как Ф. Н. Глинка, А. О. Корпилович, Н. М. Карамзин, В. Н. Каразин, собирание материалов по истории XVIII в. являлось необходимым подспорьем в серьезном изучении истории этого времени.

Если попытаться представить процессы, связанные с частным коллекционированием в исследуемое время, то получится своеобразное «дерево». Его «ствол» составят крупные частные собрания с числом рукописей свыше 50 номеров, а также хранилища научных, учебных учреждений и общественных организаций. И те и другие постепенно концентрируют в своем составе более мелкие частные коллекции, являв-

шиеся «ветвями» «дерева». Так, например, в Публичную библиотеку поступят коллекции С. К. Вязмитинова, П. П. Дубровского, П. К. Фролова, в библиотеку Московского университета — коллекции А. Д. Грачева, П. Г. Демидова, в библиотеку Общества истории и древностей российских — коллекции Н. Н. Матрунина, части коллекций И. Ф. Ферапонтова, П. П. Бекетова, П. Ф. Горенкина, К. Ф. Калайдовича, С. Д. Крупенникова, М. Н. Макарова, С. Д. Нечаева, И. С. Орлая, С. Г. Саларева, П. С. Валуева, М. Н. Мясникова, Х. А. Шлепера, братьев Зосим, в библиотеку Московского архива Коллегии иностранных дел — коллекции Н. Н. Бантыш-Каменского, А. Ф. Малиновского, П. И. Евреинова, А. А. Волкова, П. В. Головина, в собрание Н. П. Румянцева — коллекции (или части их) И. П. Вязмитинова, С. Ф. Карташова, С. Д. Крупенникова, Н. А. Мильгунова, Д. В. Пискарева и других, в собрание Ф. А. Толстого — коллекции (или части их) Г. Г. Волкова, С. Д. Крупенникова, Д. В. Пискарева, П. М. Строева, князей Голицыных и др.

Наконец, «листьями» этого гипотетического «дерева» станут многочисленные владельцы отдельных источников, прежде всего рукописных книг. Исследования книговедов, владельческие записи говорят о том, что в исследуемое время рукописи древней традиции были еще в значительной части «погружены» в низших и средних слоях русского общества провинциальных районов страны. В условиях, когда печатные книги начали успешно конкурировать с рукописными, коллекционирование более, чем какая-либо другая форма разысканий, способствовало высвобождению рукописных материалов из среды их бытования. Частное собирательство, таким образом, способствовало не только разысканию, но и концентрации письменных источников. Тенденция поглощения крупными частными собраниями более мелких, высвобождения рукописных материалов из среды их бытования, с одной стороны, и включение ряда частных собраний в состав официальных хранилищ, с другой, в конце XVIII — первой четверти XIX в. наметилась вполне отчетливо. Процесс концентрации источников в частных собраниях отразил не только интерес к ним. Он отвечал и общественной потребности. Правда, события 1812 г. нанесли частным коллекциям невосполнимый урон. В московском пожаре погибло не менее 13 частных коллекций, только в трех из которых (П. Г. Демидова, Ф. Г. Баузе, Д. П. Бутурлина) находилось свыше 600 номеров рукописей. Это поставило под вопрос авторитет частного собирательства, что хорошо видно на примере реакции общественности на гибель коллекции А. И. Мусина-Пушкина: не раз после 1812 г. его обвиняли в нежелании своевременно передать коллекцию в Московский архив Коллегии иностранных дел.

Н. И. Миронец

ПУБЛИКАЦИЯ СБОРНИКОВ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕСЕН В 1917—1922 гг.

В период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, в годы гражданской войны боевые, призывные песни широко использовались большевиками как эффективное средство агитации и пропаганды. Революционные песни, созданные в этот период, — важные источники для изучения самосознания, общественной психологии творцов и защитников Октября, для более глубокого проникновения в атмосферу эпохи. Между тем они не стали еще объектом самостоятельного историко-источниковедческого изучения, хотя фольклористами и историками отмечена роль песен как исторических источников¹. Например, С. О. Шмидт называет «песни о подвигах и героях» в ряду тех источников информации о прошлом, которые «были созданы специально с целью сохранения в будущем памяти о чем-то или о ком-то», и считает такие источники свидетельством отбора современниками того, что следует, по их мнению, знать и помнить. Вместе с тем они ценностная категория, характеризующая общественное сознание и уровень культуры эпохи создания памятника².

Условием более активного изучения песен в источниковедческом аспекте, использования в исторических исследованиях содержащейся в них информации является выявление и учет песен, созданных и бытовавших в данный период. Наряду с газетами, журналами, листовками сборники были одним из важнейших способов распространения песен в массах. Но они стали библиографической редкостью, поиск их затруднен из-за отсутствия специального указателя. Указатель В. М. Сидельникова³ учитывает лишь 50 изданий 1917—1922 гг., которые по названию можно отнести к сборникам революционных песен.

По данным ГБЛ, ГПБ, ГПИБ и других библиотек, архивных и литературных источников, мы располагаем сведениями о публикации в 1917—1922 гг. около 175 сборников революционных песен на русском языке. Материалы этих сборников частично использованы нами⁴.

¹ Крулянская В. Ю., Минц С. И. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. М., 1953; Соколова В. К. Фольклор как историко-этнографический источник // Сов. этнография. 1960. № 4. С. 11—16; Гусев В. Е. Фольклор как источник изучения социальной психологии // Проблемы общественной психологии. М., 1965. С. 374—401; Пушкарев Л. Н. Солдатская песня — источник по истории военного быта регулярной армии XVIII — первой половины XIX в. // Вопросы военной истории России, XVIII — первая половина XIX в. М., 1969. С. 422—432; Полищук Н. Отражение самосознания рабочих в их песенном репертуаре // Российский пролетариат: Облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 164—180; Она же. Рабочий фольклор как источник изучения условий труда и быта русских рабочих // Русский фольклор. Л., 1975. Вып. 15. С. 177—185; Кузьмина Л. П. Народное поэтическое творчество рабочих Сибири: (Рабочий фольклор как исторический источник). Улан-Удэ, 1977; и др.

² Шмидт С. О. Источниковедение в кругу других научных дисциплин и вопросы классификации источников: (Постановка вопроса) // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. IV Всесоюз. конф. Днепропетровск, 31 окт. — 2 нояб. 1983 г. М., 1983. С. 5. См. также: ВИД. Л., 1985. Т. 16.

³ Русская народная песня: Библиогр. указ., 1735—1945 гг./Сост. В. М. Сидельников. М., 1962. 170 с.

⁴ Миронец Н. И. Песня в комсомольском строю. М., 1985; Она же. Комсомольско-молодежные песни как исторический источник (1918—1925 гг.) // Позывные истории. М., 1985. Вып. 8; Она же. Стихи и песни красноармейцев и партизан в годы гражданской войны как исторический источник // История СССР. 1985. № 5.

Издание в сложных условиях революции и гражданской войны такого большого количества песенников (а выявлены далеко не все) свидетельствует о том, какое важное значение в те годы придавалось воплощению в жизнь мысли В. И. Ленина о необходимости пропаганды социализма посредством песни, высказанной им еще в 1913 г. в статьях «Евгений Потье (К 25-летию его смерти)» и «Развитие рабочих хоров в Германии»⁵. Об этом же говорят и предисловия к сборникам. Так, В. Д. Бонч-Бруевич писал, что сборник «Песни революции» составила В. М. Бонч-Бруевич (Величкина) в самом начале Февральской революции и просила тотчас же передать в типографию. Сборник был отпечатан большим тиражом и стал распространяться с невероятной быстротой⁶.

Песни, ранее известные лишь в среде революционеров, исполнявшиеся «в тюремных камерах-одиночках, в поселках далекой сибирской тайги, в страшных казематах Шлиссельбургской крепости, еще не так давно в рудниках под землею»⁷, теперь становились достоянием широчайших масс. Издание песенников должно было способствовать этому. В одном из сборников в обращении к читателям, датированном «3-й месяц революции», написано: «Новое время — новые люди, новые люди — новые песни. Наряду со старинными шедеврами народного творчества должны проложить себе дорогу и песни революции. Много таких песен далеко еще не стало достоянием народа, много мотивов неизвестно не только любителям музыки, но даже музыкантам-профессионалам.

Чтобы восполнить этот пробел, чтобы облегчить возможность распространения новых мелодий оркестрам, певческим хорам, любителям музыки и деятелям народной школы, мы издаем настоящий сборник». Здесь же сообщается, что ввиду загруженности петроградских и московских типографий сборник печатается в Сибири более дорогим литографским способом и «вследствие крайней дороговизны работ и материалов не было возможности назначить цену книги ниже 2 руб., хотя издательством приняты все меры к удешевлению сборника»⁸. Этим, видимо, объясняется и то, что песни экономно напечатаны «в строку».

Можно представить, какое огромное значение придавалось распространению революционных песен, если издавались они в тяжелейших условиях революции и гражданской войны, на серой бумаге (бумаги не хватало даже для выпуска газет, а печатание книг в России в годы гражданской войны, по данным Государственного книжного фонда, «почти приостановилось»⁹). Выпускались песенники зачастую в фронтовых условиях, в спешке; поэтому в них встречаются ошибки, иногда не указано место, год издания и т. п. Нередко в сборники включались песни, бытовавшие устно, переписывавшиеся от руки в альбомы, дневники, в созданные «для себя» рукописные песенники. Некоторые из этих песен публиковались на страницах газет, откуда неперечатывались в сборники.

Песенники издавались по всей территории страны — от Петрограда и Москвы до Иркутска и Владивостока, от крупных промышленных центров до уездных городов. Разными были тиражи изданий в зависимости от места и обстоятельства издания. В большинстве публикаций песенников 1917—1922 гг. тиражи не указаны. Отдельные данные свидетельствуют, что они были довольно большими для того времени. Например, «Сборник революционных песен и стихотворений» издан тиражом 20 тыс. экз., «Песни молодой гвардии» — 10 тыс. экз., сборник сатирических стихов и песен «Красноармейский смех» — 3 тыс. экз.¹⁰ Но ана-

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 273—274, 275—276.

⁶ Песни революции/Сост. В. М. Бонч-Бруевич (Величкина); С предисл. и примеч. В. Бонч-Бруевича. 2-е изд. М., 1919. С. 3—5.

⁷ Под знаменем красным: Новый народный песенник. М., 1917. С. 3.

⁸ Песни Великой Российской Революции: Сб., состоящий из 50 самых попул. рев. песен с нотами. Иркутск, 1917. С. 1.

⁹ История библиотечного дела в СССР: Документы и материалы, 1918—1920. М., 1975. С. 97.

¹⁰ Сборник революционных песен и стихотворений. Харьков, 1922. 32 с. На рус. ш

лиз песенников, издававшихся в последующие годы, свидетельствует о том, что колебания тиражей были очень большими — от 50 экз. до 300 тыс. экз.⁴¹

Продолжая традицию социал-демократических изданий, сложившуюся еще в начале XX в., выпускали сборники двух типов. Одни из них условно можно назвать песенниками. Это маленькие брошюры (от 6 до 30—40 с.), полностью или наполовину состоящие из песен, в большинстве уже известных со времен революции 1905 г. Иногда тексты сопровождались нотами или указанием, на какую мелодию они исполняются. К этому типу относится большинство из многочисленных сборников под названием «Песни революции», «Песни свободы», «Сборник революционных песен» и т. п.⁴² Другой тип — это, по сути, антологии, наряду с песенными текстами включавшие преимущественно стихотворения. Они, как правило, больше по объему: от 30 до 100 страниц и более.⁴³

Содержание песенников было различным. Зависело оно от того, на кого песенники были рассчитаны, от времени издания и от издателей, их партийной принадлежности. Уже в первые дни после свержения самодержавия издательство РСДРП «Прибой» издало новый сборник песен.⁴⁴ Это небольшая по формату и объему книжка с известными революционными гимнами: «Интернационал», «Первое мая», «Рабочая Марсельеза», «Красное знамя», «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу», «Народовольческий гимн», «Час настал», «Владыки стран, чей властный жребий» и «Похоронный марш».

Перечисленные песни вошли и в упомянутый сборник «Песни революции», составленный В. М. Бонч-Бруевич, кроме песни «Первое мая» и варианта текста под названием «Час настал». Кроме того, в сборник были включены: «Дубинушка», «Машинушка», «Кончается царство постылой зимы», «Не скорбным, бессильным, остывшим борцам», «Вечная память погибшим со славой», «Не плачьте над трупами павших борцов».

Эти песни чаще всего встречаются в песенниках изучаемого периода. В некоторых более обширных сборниках, вышедших между Февралем и Октябрем 1917 г., были помещены и другие песни и стихи, как правило, заимствованные из песенников 1905—1907 гг. Злободневно звучали в новых условиях те слова, что в годы первой российской революции выражали веру в грядущую победу, ее предвосхищение. Теперь они воспринимались как отклик на свершившиеся события:

Здравствуй, Свободы вольное слово,
Сердца могучее пламя!
Шествуй, отчизна, сбросив оковы,
Смело под новое знамя!⁴⁵

Иногда к ранее известным песням давались подзаголовки, которые должны были указать на якобы существующую связь песни с недавно происшедшими событиями. Например, известная по дореволюционным изданиям песня «Час настал» («На баррикады!») в изданный

укр. яз.; Песни молодой гвардии. М., 1922. 23 с. (Б-ка красной молодежи. Сер. «Юнош. движение»; № 19); Красноармейский смех. Харьков, 1920. 15 с.

⁴¹ Миронец Н. И. Песня в комсомольском строю. С. 40.

⁴² Выявлено 37 сборников, вышедших в 1917—1922 гг. в разных городах страны под названием «Песни революции», 15 — под названием «Сборник революционных песен», 13 — под названием «Песни свободы». См. также, например: Вперед: Сб. рев. песен. Б. м., 1917. 14 с.; Красному воину ко дню 23 февраля: Сб. песен: (Годовщина Красной Армии). Самара, 1919. 8 с.; Песни рабочей революции: (Память о 1-м Мая 1918 г.). М., 1918. 8 с. Под красным знаменем: Сб. рев. песен. Красноярск, 1917. 16 с.; Революционные песни: (Для хора разных составов без сопровождения). Пг., 1920. 15 с.

⁴³ См., например: Крылья свободы: Сов. песенник и декламатор. Иваново-Вознесенск, 1919. 100 с.; Марсельеза: Песни революции: Лит.-худож. сб. рев. песен и стихотворений для декламации/Сост. М. Кириченко. 2-е изд., доп. и испр. Владикавказ, 1917. 160 с.

⁴⁴ Песни борьбы. Пг., 1917. 15 с.

⁴⁵ Песни революции и свободы/Предисл. И. В. Владиславлева; ст. В. Л. Львова-Рогачевского. М., 1917. Вып. 1. С. 34.

в 1917 г. в Иркутске песенник (см. сноску 8) вошла с подзаголовком «27 февраля 1917 г.». Печатались и песни, ставшие откликом на свержение самодержавия, на завоеванные политические свободы: «Революция 1917 г.»¹⁶, «Марсельеза» («Воля свершилась народная в грозный 17-й год...»), «27 февраля 1917 г.», в которой говорится о свержении самодержавия как о свершившемся факте («Народ... сокрушил твой подлый трон»)¹⁷. Песня «Свободный солдат» начиналась словами: «Пали цари и царицы»¹⁸, а в «Народной Марсельезе» пелось о том, что «свергли корону и трон»¹⁹. Этот же факт воспет и в «Народной песне», где говорится, что до сих пор в Петропавловскую крепость возили «мертвых лишь царей».

Но дождались перемены,
Дожили до дней иных:
В Петропавловские стены
Повезли царей живых²⁰.

Эта песня была, по-видимому, откликом на решение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 8 марта 1917 г. арестовать семью Николая Романова, а его самого заключить в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, решение, которое, однако, не было выполнено Временным правительством. Николай II и его семья были отправлены сначала в Царское Село, а в августе 1917 г. — в Тобольск²¹.

В некоторых созданных ранее песнях время действия переводилось из настоящего в прошедшее, чем придавалось им еще более злободневное звучание. Например, строка из популярной революционной песни Л. Радина «Смело, товарищи, в ногу»: «Все, чем держатся их троны...» передавалась иногда так: «Все, чем держались троны» или даже в такой редакции: «Все, чем держались тираны...»²².

Сопоставление сборников, изданных в 1917 г. РСДРП(б), с изданиями партии социалистов-революционеров и частных издательств, показывает, что хотя гимны, пришедшие из революционного подполья, включались, как правило, во все песенники, в отборе остальных текстов заметны существенные различия. Первые отличаются более строгим отбором, в них или включались только традиционные революционные гимны или добавлялось несколько стихотворений, созданных с четких классовых позиций пролетариата. Для вторых характерна большая пестрота: в них включались и произведения, отображающие незрелость сознания мелкобуржуазных слоев общества, которые в то время «проснулись и потянулись к политике»²³.

Особенно явно прослеживается разная позиция составителей сборников в отборе песен, обращенных к солдатам. Если в сборник, изданный Казанским комитетом РСДРП, включена «Солдатская песня», через которую лейтмотивом проходят слова: «И рабочих бить не станем, не враги они для нас»²⁴, то в сборник «Песни свободной России» и в некоторые другие песенники²⁵ включены песни «В ногу, солдаты, идите», «Солдатская песня» Ф. Майорова, «К солдатам» и другие, в которых проводится идея «революционного оборончества» и звучит призыв к войне до победного конца.

В некоторые сборники 1917 г. включались стихотворения В. Я. Брю-

¹⁶ Песни Великой Российской Революции. С. 38.

¹⁷ Песни борцов за свободу. Пг., 1917. С. 3, 8.

¹⁸ Под знаменем красным. С. 5.

¹⁹ Песни свободы. Самара, 1917. С. 19.

²⁰ Песни свободы: Сб. рев. песен и стихотворений. Орел, 1917. С. 29.

²¹ История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. М., 1968. Т. 6. С. 655.

²² Песни и гимны свободной России. М., 1917. С. 15; Песни свободной России. М., Б. г. С. 10.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 156.

²⁴ Песни революции. Казань, 1917. С. 14—15.

²⁵ Песни свободной России. М., 1917. С. 5—6, 8; Сборник революционных песен. Феодосия, 1917. С. 1, 27—28; Песни и гимны свободной России. С. 12; Песни борьбы и свободы: На рус., пол. и евр. яз. М., 1917. С. 12; Революционные песни свободной России. 4-е изд., испр. и доп. Елисаветград, 1917. С. 13, 15.

сова, К. Д. Бальмонта, «Новый национальный гимн», написанный Ф. И. Шаляпиным²⁶, и некоторые другие, отображавшие иллюзию наступления всеобщего благоденствия, переживаемую в первый момент после победы Февральской революции неискушенными в политике массами.

В 1918—1920 гг. в разных городах страны были изданы песенники под аналогичными названиями: «Боевые песни коммунистов»²⁷ или «Боевые песни коммунаров»²⁸. Большинство песенников состояло из традиционных революционных гимнов. Из новых, как правило, включались песни Д. Бедного «Коммунистическая Марсельеза», «Красноармейская звезда» и «Путеводная звезда: боевая песня».

В годы гражданской войны издавались преимущественно сборники песен, предназначенные для красноармейцев, — пропаганде с помощью песни в Красной Армии уделялось большое внимание. В резолюции «О клубной работе» I Всероссийского съезда политпросветработников Красной Армии, состоявшегося 11—15 декабря 1919 г., отмечалось: «Принимая во внимание организующее и воодушевляющее значение музыки, съезд предлагает: 1) обратить, в первую очередь на местах, внимание на организацию хоров для изучения народных и революционных песен»²⁹.

Чтобы облегчить эту задачу, издавали сборники революционных песен политотделы фронтов и армий, политуправления военных комиссариатов и другие армейские организации, Центральное управление всеобщего военного обучения, агитпоезда³⁰. Адресовались красноармейцам и сборники, издававшиеся Всероссийской Центральной Комиссией по ликвидации безграмотности, Государственным музыкальным издательством и другими организациями³¹.

О характере подобных изданий дает представление выпущенный ко второй годовщине Красной Армии сборник «Гимны и песни Красной Армии»³². На первой странице обложки лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», изображение красноармейской звезды с молотом и плугом. На последней странице обложки напечатано: «Для достижения единства в исполнении Полит.-просвет. управление Петроградского военного округа и Агит. отд. П. К. рекомендует всем военным, рабочим и другим хорам исполнять Интернационал и остальные хоровые произведения в помещенной аранжировке». В сборнике опубликованы ноты и под ними — тексты популярнейших песен с указанием, для какого исполнения они аранжированы («Интернационал» — четырех голосов, «Красноармейский марш» на слова П. Арского — для трех голосов, «Смело, вперед, коммунары» на слова П. Арского — для четырех голосов и т. п.).

Сборники революционных песен нередко вручались красноармейцам в качестве подарков, иногда и издавались специально с такой целью, о чем свидетельствуют надписи на титульных листах, подзаголовки. Например, на титульном листе «Сборника революционных песен» — гектографированная надпись: «От Народного комиссара по военным делам Н. Подвой-

²⁶ Песни Великой Революции. М., 1917. Вып. 1. С. 1, 5; Песни и гимны свободной России. С. 12—13.

²⁷ Выявлено 11 таких сборников, изданных в 1918—1920 гг.: Боевые песни коммунистов. М., 1918. 20 с.; М., 1919. 16 с.; Киев, 1919. 20 с.; Харьков, 1919. 14 с.; Харьков, 1919. 20 с.; Б. м., 1919. 20 с.; Тула, 1919. 8 с.; Б. м., 1920. 16 с.; и др.

²⁸ Боевые песни коммунаров: Для смеш. хора (без сопровождения). Юбил. изд. Сызрань, 1919. 10 с.

²⁹ Всеармейские совещания политработников, 1918—1940: (Резолюции). М., 1984. 19 с.

³⁰ Гимны революции. М., 1919. 12 с.; Пролетарские песни. Одесса, 1919. 8 с.; Песни красных воинов. М., 1919. 32 с.; Песни революции. Красноярск, 1920. 8 с.

³¹ Тебя помнит тыл: Подарок красноармейцу от Всероссийской Центральной Комиссии по ликвидации безграмотности. М., 1920. Вып. 1. 35 с.; Музыкальный сборник для Красной Армии и Флота. М., 1922. 57 с.

³² Гимны и песни Красной Армии: Ко второй годовщине (1918—1920) Красной Армии. Б. м., 1920. Вып. 2. 23 с.

ского. Курск. 19 июля 1918 года»³³. Экземпляр этой книги с надписью «Председателю Совнаркома т. Ленину» был в личной библиотеке В. И. Ленина в Кремле³⁴. А на одном из песенников значится: «В праздник годовщины 1-й Конной Красной Армии честному воину, красному кавалеристу этой армии от политического отдела»³⁵.

Как дорогие реликвии хранились песенники тех лет в семьях красноармейцев и партизан. Передавая один из них в ГБЛ, ее владелец А. К. Бондарев писал, что книгу эту приобрел его отец К. П. Бондарев в 1918 г. в районе Красноярска, будучи в партизанском отряде³⁶.

В сборники, издававшиеся для красноармейцев, наряду с революционными гимнами, песнями и стихами Д. Бедного, П. Арского, И. Ионова, В. Князева, В. Кумача и некоторых других поэтов, включались и стихи самодельных авторов. Например, сборник «Песни красных воинов» открывался таким обращением к читателям: «Товарищи рабочие и крестьяне. Предлагаемая нами книга написана не поэтами и писателями, а вашими же родными братьями, которые, сидя в окопах, защищают своей кровью вашу свободу и счастье. Эти светлые и честные бойцы глубоко верят в торжество великой идеи социализма, и эта вера дает им силы и вдохновляет их на песни. В этих песнях говорится о будущем счастье и мире, слышится радостная удаля идущих в бой, тихая грусть о погибших братьях и снова призывы вперед.

Товарищи, берегите эту книгу.
Эти песни понятны вам.
Это ваши родные песни»³⁷.

В сборнике указано, из каких газет перепечатаны тексты, но без даты их издания.

Полностью из произведений самодельных авторов составлен и сборник «Песни красных стрелков»³⁸. Источники публикаций в сборнике не указаны, но знакомство с газетой «Красный стрелок», органом политотдела военно-революционного Совета 5-й армии, дает основание сделать вывод, что многие стихотворные тексты этого сборника, как и сборника «Красные песни и стихи»³⁹, ранее были опубликованы в этой газете.

Наиболее удачные песни самодельных авторов из этих сборников включались и в песенники более поздних изданий. Например, Л. Шулгин, составитель сборника «Песни Красной Армии», отмечал, что литературная его часть «(за весьма малым исключением) является творчеством самих красноармейцев»⁴⁰. В сборник вошла, в частности, «Песня красных стрелков» из сборника «Красные песни и стихи».

Издавались также песенники специально для молодежи. Готовясь к проведению революционных праздников, ЦК РКСМ ставил перед комсомольскими ячейками задачу организовать разучивание революционных песен, считая, что они приблизят молодежь к пониманию задач строительства новой жизни⁴¹. Песенники должны были сыграть большую роль в распространении новых песен. Их выпуск предусматривался издательством ЦК РКСМ «Молодая гвардия» с первых лет его существования. Уже в 1922 г., в год своего создания, издательство выпустило сборник «Песни молодой гвардии» (см. сноску 10).

³³ Сборник революционных песен. Курск, 1918. 15 с. Экземпляр хранится в ГБЛ, в Музее книги.

³⁴ Библиотека В. И. Ленина в Кремле: Каталог. М., 1961. С. 503; Эвентов И. Пробуждение новых сил: В. И. Ленин о поэзии. Л., 1977. С. 139.

³⁵ Цит. по: Золототрубов А. Буденный. М., 1983. С. 96.

³⁶ Письмо хранится в Музее книги ГБЛ вместе с книгой «Песни борцов за свободу» (2-е изд. Благовещенск, 1917. Вып. 1. 15 с.).

³⁷ Песни красных воинов. С. 3.

³⁸ Песни красных стрелков. Владивосток, 1920. 30 с.

³⁹ Красные песни и стихи. Б. м., Б. г. 79 с.

⁴⁰ Песни Красной Армии: (26 песен). М.; Пг., 1924. С. 19.

⁴¹ Центр. арх. ВЛКСМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 185, 232; Д. 15. Л. 215; Оп. 4. Д. 10. Л. 57.

Но сборники песен для молодежи издавались и ранее. Один из первых известных нам молодежных песенников — «Песни красной молодежи» — издан в 1920 г. тиражом 5 тыс. экз. На титульном листе напечатано: «Российский Коммунистический Союз Молодежи» и лозунг: «Юные пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Песенник открывала статья В. Докукина, в которой подчеркивалась мобилизующая роль новых молодежных песен: «Пусть боевые, бодрые песни красной молодежи железным звоном революционного набата будят классовое сознание юных рабочих и крестьян... Пусть теснее и крепче объединяются они под красные знамена своей родной организации — Коммунистического Союза Молодежи»⁴².

В песенник вошли наряду с известными революционными гимнами «Коммунистическая Марсельеза» Д. Бедного, «Интернационал молодежи», «Юношеская Марсельеза» А. Безыменского. Большинство остальных текстов — стихотворения, перепечатанные из разных газет. В публикации указывались названия газет, но без места и времени издания. Некоторые тексты сопровождались примечанием, на какой мотив их предлагалось исполнять. Например, «Юношеская Марсельеза» — на мотив Марсельезы «Отречемся от старого мира», «Под красное знамя союза» — на мотив «Смело, товарищи, в ногу». Подписи под текстами дают некоторое представление о характере песнетворчества молодежи, а привлечение других источников позволяет установить круг авторов первых комсомольских песен. Так, без подписи опубликован «Интернационал молодежи», автором которого, как свидетельствует ветеран комсомола А. Мильчаков, была приехавшая в 1919 г. в Вятку пермская комсомолка Агния Видунова. Новый молодежный гимн быстро облетел городские и сельские ячейки Вятского края, Прикамья и Урала. «Мы, — пишет А. Мильчаков, — печатали его на „Страничках юного коммунара“, губернских и уездных газет и распевали на наших собраниях после партийного гимна „Интернационал“»⁴³.

Среди авторов вошедших в сборник песен были известные в то время комсомольские работники, журналисты, поэты. Например, текст «Под красное знамя союза» подписан: «Александр-рабочий», а «К солнцу, к солнцу огневому» — А. Рабочий. Это псевдонимы поэта П. А. Щелканова, редактора выходившего в 1920 г. в Вятке молодежного журнала «Зарево»⁴⁴. Под текстом «Мы — молодежь» стоит подпись «О. Скар» — псевдоним секретаря ЦК РКСМ Оскара Рывкина⁴⁵. Некоторые песни явились результатом коллективного творчества, о чем свидетельствует подпись «Коллектив» под стихотворением «Да здравствует красная молодежь коммуны».

Но и песни, имевшие одного автора, в песенниках чаще печатались как безымянные: в те годы вопросу об авторстве не придавалось большого значения, наоборот, подчеркивалось, что песни «не носят имени автора: нам мало дела до того, кто первый их спел. Для нас они дороги, как песни молодой гвардии»⁴⁶.

Однако анализ других песенников, сборников стихотворений юных поэтов, публикаций песен и стихов в газетах, листовках позволяет установить имена авторов некоторых популярных молодежных песен. Ими нередко были молодые поэты, начинавшие свой жизненный путь на комсомольской работе. «Юношеская Марсельеза» — первая получившая известность песня секретаря Владимирского губкома РКСМ А. Безыменского. В 1922 г. по заданию ЦК комсомола им была создана популярнейшая песня комсомольцев двадцатых годов «Молодая гвардия». Такая

⁴² Песни красной молодежи/Со ст. Вл. Докукина. Тамбов, 1920. С. III–IV.

⁴³ Мильчаков А. Далекое — близкое: (Из воспоминаний) // В вихре революции: (Говорят бойцы Октября, ветераны Ленинского комсомола, гражданской войны, участники социалистического строительства). М., 1977. С. 103–104.

⁴⁴ Дмитриев В. Г. Скрывшие свое имя: (Из истории анонимов и псевдонимов). 2-е изд., доп. М., 1977. С. 118; Комсомольское племя. М., 1960. С. 183.

⁴⁵ Усанов П. Райком всегда открыт. Л., 1978. С. 53.

⁴⁶ Песни молодой гвардии. М., 1922. С. 3.

же судьба у «Марша пионеров» («Взвейтесь кострами»), автор которого, А. Жаров, в 1919–1920 гг. являлся секретарем Можайского уездного комитета РКСМ, членом Московского губкома комсомола, делегатом III съезда РКСМ. Одной из любимых молодежных песен была «Красная молодежь» на стихи Г. Фейгина — секретаря Иваново-Вознесенского губкома РКСМ и члена губкома РКП(б), делегата X съезда партии, жизнь которого оборвалась при ликвидации кронштадтского мятежа⁴⁷.

Нами проанализированы сборники, выявленные лишь в трех крупнейших библиотеках страны. Известны публикации, которые пока разыскать не удалось. Чрезвычайно важен дальнейший поиск сборников революционных песен 1917–1922 гг., издание библиографического указателя или каталога с указанием мест хранения. Это позволило бы получить более точную и полную информацию о действенности большевистской агитации посредством песни в годы гражданской войны, облегчило бы работу исследователям.

⁴⁷ Миронец Н. И. Песня в комсомольском строю. С. 46–48.

М. Ф. Шумейко

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСПАРТА ЦК КП(б) БЕЛОРУССИИ ПО СОЗДАНИЮ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ИСТОРИКО-ПАРТИЙНОЙ НАУКИ В 1920-е ГОДЫ

О роли Истпарта (Комиссии по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии) и его местных бюро в деле собирания документов Октября, создания партийных и государственных архивов, в том числе и в Белорусской ССР, сложилась значительная литература¹. Однако при общей широкой изученности вопроса нередко даже в специальной литературе «истпартами» ошибочно называют институты истории партии². Это говорит о недостаточном внимании к истории собственно комиссий, на базе которых в конце 1920-х годов были созданы научно-исследовательские институты истории партии.

В настоящей статье исследуются первые шаги Истпарта ЦК КП(б) Белоруссии (до 1924 г. — ЦБ КП(б)Б) по собиранию и сохранению историко-партийных источников в республике, как слабо освещенные в исторической литературе³.

Менее чем через год после освобождения республики от войск буржуазно-помещичьей Польши Центральное Бюро КП(б) Белоруссии на своем заседании 10 июня 1921 г. рассмотрело вопрос об организации Истпарта и поручило секретарю ЦБ КП(б)Б В. Г. Кнорину составить список комиссии⁴. Эту дату и принято считать днем основания белорусского Истпарта⁵.

До 1924 г. Истпарт ЦБ КП(б)Б распространял свою деятельность на территорию шести уездов (Бобруйского, Борисовского, Игуменского (Червенского), Минского, Мозырского, Слуцкого), составлявших в то время БССР. С укрупнением территории Белоруссии в 1924—1926 гг. действовавшие с 1921—1922 гг. при Гомельском и Витебском губкомах РКП(б) местные бюро Истпарта ЦК РКП(б) были ликвидированы, а их функции переданы уполномоченным Истпарта ЦК КП(б)Б по Гомельскому и Витебскому округам.

Первейшей задачей созданной комиссии, как и других аналогичных комиссий в стране, стало выявление, собирание и сохранение документальных материалов по истории партии, истории революционного движения, на которое ориентировали обращения и инструкции Истпарта ЦК РКП(б)⁶. Анализ делопроизводственных документов, отложившихся

¹ Мигунок Ё. М. Гістпарт Беларусі: Асноўныя напрамкі дзейнасці // Весті АН БССР. Сер. грам. навук. 1983. № 6. С. 68—72; *Он же*. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919—1941 гг.). Минск, 1985; *Пересветов В. А.* Работа Истпарта по собиранию документов по истории Октябрьской революции в 1920—1923 гг. // АЕ за 1969 год. М., 1971. С. 146—149; *Почанин С. З.* Партийные архивы Белоруссии — документальная база истории КПБ // Вопр. архивоведения и источниковедения в БССР: Материалы науч. конф. архивистов и историков, посвящ. 50-летию архив. стр-ва в СССР. Минск, 1971. С. 17—32; и др.

² Об этом см.: Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975. С. 472.

³ Публикаторская и пропагандистская работа республиканского Истпарта обстоятельно охарактеризована В. Н. Михнюком (см. сноску 1).

⁴ ПА ИИП при ЦК КПБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 158. Л. 77.

⁵ В некоторых работах начало деятельности Истпарта Белоруссии ошибочно относят к 1922 г. или даже к 1924 г. (см., например: История и историки. М., 1965. С. 109; История исторической науки в СССР: Советский период. Октябрь 1917—1967 г.: Библиография. М., 1980. С. 600). В других работах уже в 1927 г. Истпарт называют Институтом истории партии (см.: *Азаров А. И., Каменская Н. В.* Государственные архивы и историческая наука в Белоруссии // СА. 1968. № 6. С. 30).

⁶ Ко всем членам партии. М., 1920; Бюл. Истпарта. 1921. № 1. С. 14—16.

в фонде белорусского Истпарта, показывает, что вся его деятельность строилась на основе и с учетом методических рекомендаций центрального Истпарта.

В июне 1922 г. Истпарт направил в ЦК комсомола Белоруссии, Совет профессиональных союзов республики письма с просьбой прислать материалы, отражающие историю создания и деятельности этих органов. В письме от 22 июня 1922 г. в исполнительный комитет Минского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Истпарт обращал внимание руководства исполкома на необходимость принятия всех мер к сохранению и пополнению архива Совета как ценного документального собрания для истории революционного движения в Белоруссии⁷.

В разосланном 1 июля 1922 г. Истпартом ЦБ КП(б)Б во все шесть укомов партии циркулярном письме говорилось: «История революционного движения в Белоруссии насчитывает уже десятки лет своего существования. Смена различных форм легальной и подпольной работы сделала прошлое нашей партии и революционного движения интересным и богатым. А между тем ценнейшие источники нашего прошлого не только не сохранены, но и уничтожены. Истпарт обращает ваше внимание на огромное значение для нас собирания материалов из прошлого. Ведь на нашем прошлом будут учиться будущие поколения. Каждый штрих, каждое воспоминание или слово, имеющее значение как исторический материал, не должно пропасть»⁸.

Истпарт предложил всем укомам партии для собирания материалов выделить по одному человеку, который бы поддерживал тесную связь с Истпартом и регулярно информировал его. С целью создания дополнительных источников рекомендовалось устраивать вечера воспоминаний; старым партийцам предлагалось подготовить воспоминания о своей революционной деятельности. Особое внимание обращалось на необходимость приведения в порядок архивов партийных организаций.

Содержание ответов на неоднократные циркулярные и методические письма Истпарта ЦБ КП(б)Б свидетельствует о понимании на местах важности организуемой работы. Во всех укомх партии республики были выделены ответственные за истпартовскую работу. Вскоре в адрес республиканского Истпарта начали поступать, хотя и немногочисленные, документы и материалы по истории партии и революционного движения.

В отчете Истпарта, составленном не ранее марта 1923 г., написано: «За отчетный период собраны архивы как организаций, расположенных в Советской Белоруссии, так и эвакуированных в свое время на территории, находящейся теперь за кордоном, а именно: 1) Архив областного комитета партии, находившегося в Смоленске, за 1918 г.; 2) Часть архива Облискомзапа [Областного исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта.— *М. III*]; 3) Мингубревкома; 4) Центрального Бюро КП(б)Б по 1922 г. вкл[ючительно]. Из закордонных: части архивов Барановичской, Лидской, Дисненской, Новогрудской, Несвижской, Вилейской и др[угих] организаций за период 1919—1920 годов за время отсутствия белополяков; 5) Архив Минского городского Совета. Предпринимаются шаги к дальнейшему изысканию архивов»⁹.

К сожалению, частая смена руководства, отсутствие опыта подобной работы не позволили Истпарту Белоруссии в 1922—1923 гг. развернуть активную собирательскую деятельность. Более того, часть собранных материалов из-за отсутствия надлежащих условий хранения оказалась под угрозой уничтожения. Поэтому секретарь Истпарта в докладной записке на имя секретаря ЦБ КП(б)Б В. А. Богудкого 5 октября 1923 г. в со-

⁷ ПА ИИП при ЦК КПБ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 50.

⁹ Там же. Д. 2. Л. 60.

ответствии с «Инструкцией для местных бюро Истпарта» поставил вопрос о передаче всех собранных материалов в Москву¹⁰.

В отчете Истпарту ЦК РКП(б), составленном в конце октября 1923 г., отмечалось замедление работы по собиранию материалов как в центре, так и на местах вследствие отсутствия специально выделенных работников.

С ноября 1923 г. начинается новый этап в деятельности Истпарта ЦБ КП(б)Б. 8 ноября 1923 г. председателем коллегии был избран заведующий Центрархивом БССР, известный белорусский писатель Д. Ф. Жилунович (Тишка Гартный). Вопрос о положении Истпарта был рассмотрен на заседании Центрального Бюро КП(б)Б 19 ноября 1923 г. Выступивший на нем Жилунович отметил ряд объективных причин, мешавших Истпарту широко развернуть свою деятельность, подчеркнул огромное значение его работы для освещения событий Октябрьской революции, истории Компартии республики, истории революционного движения. В числе стоящих перед Истпартом задач он отметил необходимость организации историко-революционных отделений при Госархиве и его отделениях, систематизации архивных фондов, налаживания архивного дела в партийных организациях и учреждениях, розыск и сдачу в историко-революционные отделения архивов особо ценных материалов бывших жандармских и сыскных отделений, полицейских учреждений, канцелярий губернаторов и исправников, фабричных инспекторов, документов местных организаций всех существовавших в Белоруссии до Октября 1917 г. рабочих, крестьянских и других партий. Центральное Бюро КП(б)Б согласилось с основными предложениями и утвердило разработанный и обоснованный на заседании коллегии план работы Истпарта.

Работа Истпарта заметно оживилась с избранием Д. Ф. Жилуновича председателем коллегии. На ее заседаниях обсуждаются вопросы о методах выявления и собирания материалов, организации их хранения и использования. В истпартовскую деятельность вовлекаются широкие круги общественности. 21 ноября 1923 г. в газете «Звезда» — органе Центрального Бюро КП(б)Б, — выходящей в Минске, была опубликована заметка о положении дел с собиранием и изучением материалов по истории партии и Октябрьской революции, подготовленная секретарем Истпарта. Она призвала всех членов партии, широкие трудящиеся массы собирать и доставлять в комиссию исторические материалы (листки, воззвания, газеты, журналы, брошюры, фотографии т. д.), которые иллюстрировали бы те или иные периоды революционной борьбы. «Каждое слово какого-либо исторического документа, — отмечалось в ней, — каждое свидетельское показание независимо от того, был ли сам свидетель участником или только простым зрителем революционного движения, должно быть сохранено, записано как материал для будущего историка».

¹⁰ Это не было осуществлено. Фонд Истпарта (ф. 60) хранится в ПА ИИП при ЦК КПБ. Среди его документов — листочки и воззвания Полесского, Северо-Западного комитетов РСДРП(б) за 1904—1907 гг., копии документов губернских жандармских управлений за 1884—1915 гг., документы о победе Октября в Белоруссии, образовании БССР и создании Компартии республики, борьбе трудящихся Белоруссии против оккупантов и внутренней контрреволюции в годы гражданской войны. Наряду с копиями важнейших партийных и государственных документов в фонде хранится и ряд подлинников. Среди них — Манифест Временного рабоче-крестьянского правительства Советской Социалистической Республики Белоруссии от 1 января 1919 г., провозгласивший образование БССР, Декларация о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии 31 июля 1920 г. и др.

Особый интерес представляют воспоминания революционеров, партийных, государственных работников, командиров и политработников Красной Армии, участвовавших в освобождении Белоруссии от оккупантов. Среди авторов воспоминаний — бывшие пародники: С. Ф. Ковалик и А. О. Бонч-Осмоловский, делегат I съезда РСДРП Н. А. Вигдорчик, хозяин квартиры, где проходил съезд, П. В. Румянцев, активные участники Октябрьской революции в Белоруссии: И. Я. Алибегов, И. Г. Дмитриев, В. В. Каменщиков, Н. И. Кривошеин, И. Е. Любимов, А. Ф. Мясников, В. И. Яркий и др., участники гражданской войны: В. А. Богущкий, С. Л. Вилюга, Г. Д. Гай, В. П. Даубе, А. М. Криницкий, Я. Я. Лацис и др.

6 декабря 1923 г. Истпарт ЦК РКП(б) направил всем истпартотделам, в том числе и белорусскому, письмо с напоминанием о необходимости приняться за собирание и обработку материалов по истории первой российской революции 1905—1907 гг.¹¹ В нем содержались методические рекомендации по проведению данной работы. В первую очередь предлагалось просмотреть архивы канцелярии губернатора, жандармские, полицейские и судебные архивы, а также старые публичные библиотеки; выявить сохранившиеся большевистские и меньшевистские издания за период 1905—1906 гг. Центральный Истпарт предлагал начать немедленную подготовку к организации выставки, посвященной событиям 1905—1907 гг.

В соответствии с этими рекомендациями Истпарт ЦБ КП(б)Б составил и разослал в конце декабря 1923 г. всем улкам партии и комсомола аналогичное письмо. Одновременно и также с учетом рекомендаций центрального Истпарта была начата подготовка к изданию сборников статей, воспоминаний, документов. Благодаря этому в 1925 г. вышли в свет носивший справочный характер сборник некрологов и кратких биографических сведений — «Памятник борцам, погибшим за освобождение Белоруссии», сборник статей и воспоминаний «1905 год в Белоруссии» и др.

Непреходящее научное и политическое значение имело собирание документов и материалов, связанных с именем В. И. Ленина. 8 июля 1923 г. в «Правде» было напечатано обращение ЦК РКП(б) ко всем организациям, учреждениям, членам партии и беспартийным о передаче в создаваемый Институт Ленина рукописей, писем и других документов и материалов Владимира Ильича.

Как и повсюду, в Белоруссии развернулась работа по выявлению ленинских документов. Возглавил ее Истпарт. В ней приняли участие широкие слои трудящихся республики. В результате в Институт Ленина был передан ряд ленинских документов и документов о нем. Среди них — записка В. И. Ленина С. П. Середке и Н. П. Брюханову, написанная 19 июля 1918 г.¹², фотография Ленина с группой товарищей¹³.

Наряду с ныне широко известными воспоминаниями В. Д. Бонч-Бруевича, М. Н. Лядова, Д. М. Лещенко о В. И. Ленине, печатавшимися после января 1924 г. в республиканских газетах «Звезда», «Рабочий», здесь был опубликован и ряд воспоминаний о Ленине уроженцев и жителей Белоруссии. Среди них — основанный на личных воспоминаниях рассказ С. Х. Агурского о Ленине в период Октябрьской революции¹⁴. 2 августа 1928 г. руководитель Истпарта представил в ЦК КП(б)Б записку «Где надо поставить памятник Ленину в Минске»¹⁵, в которой с учетом революционных событий 1905—1917 гг. обосновал выбор места сооружения памятника вождю революции. Там он и был поставлен.

Повышение эффективности работы Истпарта требовало привлечения к его деятельности постоянных сотрудников. 16 июня 1924 г. ЦК КП(б)Б утвердил штат Истпарта в составе двух человек¹⁶. С этого времени начинается планомерная работа по собиранию, хранению и использованию документов по истории партии, истории Октябрьской революции и гражданской войны.

Несмотря на то что в это время истпартовская работа строилась не на пустом месте, сотрудникам белорусской комиссии пришлось столкнуться со многими трудностями, о которых упоминал в 1928 г. руководитель Истпарта С. Х. Агурский. «В 1924 году, — писал он, — когда Истпарт при-

¹¹ ПА ИИП при ЦК КПБ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 124.

¹³ ПА ИИП при ЦК КПБ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 85. Нам, к сожалению, не удалось установить, что это была за фотография.

¹⁴ Звезда. 1924. 7 февр.

¹⁵ ПА ИИП при ЦК КПБ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 33. Л. 18—21.

¹⁶ Там же. Д. 3. Л. 101.

ступил к своей работе¹⁷, прежде всего он натолкнулся на отсутствие какого-либо архива, вот почему он поставил себе первой основной задачей создание архива. Деятельность Истпарта затрудняется тем обстоятельством, что в окружках КП(б)Б не ведется никакой истпартовской работы. Штатных работников по Истпарту в окружках не имеется... Отсутствие истпартовской работы на местах привело и приводит к тому, что партийные архивы плохо сохраняются, а в некоторых местах не сохраняются вовсе; так, например, в некоторых окружках совершенно не имеется архивов за 1918, 1919, 1920 и 1921 гг.»¹⁸.

Оккупация Белоруссии войсками кайзеровской Германии в годы первой мировой войны, нашествие войск буржуазно-помещичьей Польши в 1919—1920 гг. привели к уничтожению многих ценных для истории партии, революционного движения документов и материалов¹⁹. Немало документов было уничтожено жандармами и полицией в первые дни Февральской революции с целью замести следы; большой ущерб был нанесен архивам во время бумажного голода. На это, в частности, указывали работники Истпарта Бобруйского окружка партии в мае 1926 г.: «Условия для работы по Истпарту в Бобруйском округе оказались довольно трудными. Архивы, по которым легко было бы восстановить историю революционного движения в Бобруйском округе, почти все пропали. Жандармский архив был сожжен ими же в начале революции 1917 г. Полицейские архивы были использованы учреждениями для бумаги в 1919 г. во время бумажного голода. Тюремный — крепостной — архив за 50 лет по непониманию всей важности его был сожжен уже в 1922 г., остался маленький полицейский архив позднейших лет, не представляющий особой ценности. Касаясь материалов последующих лет революции (1917 и т. д.), имеется почти такая же картина. Из-за разных оккупаций и небрежного отношения к архивам и документам часть из них увезена в РСФСР и неизвестно кому передана, а часть была уничтожена на месте»²⁰.

В 1924 г. Истпарту стало известно об уничтожении в дни Февральской революции в Витебске большинства документов местного охранного отделения, содержащих сведения о деятельности революционных и различных оппозиционных организаций и групп. Имелись факты переработки на бумагу архивов Минского охранного отделения и губернского правления²¹. Поистине трагична судьба архива последнего. Вывезенный в Шклов для переработки на бумажной фабрике архив благодаря усилиям научной общественности города, руководства Наркомпроса республики в начале 1919 г. был возвращен в Минск и размещен в здании Святодуховского монастыря, откуда в 1921 г. отправлен на Борисовскую писчебумажную фабрику²². Подобные негативные явления, хотя и относив-

¹⁷ В данном случае Агурский, очевидно, связывает начало работы Истпарта ЦК КП(б)Б с утверждением постоянного штата его сотрудников. Использованные нами выше документы свидетельствуют о том, что истпартовская работа велась и ранее.

¹⁸ ПР. 1928. № 5(76). С. 218—219.

¹⁹ На неоккупированной части Белоруссии, временно входившей в состав Западной области, работа по собиранию и сохранению архивных материалов с целью «предоставить возможность и облегчить будущим исследователям и историкам ознакомление с развитием и ходом революции в Западной области» развернулась вскоре после издания известного декрета о реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР от 1 июня 1918 г. В постановлении президиума Западного облисполкома от 16 июня 1918 г. о сборе архивных материалов по истории революции в Западной области всем Советам области предлагалось регулярно высылать в адрес библиотек Смоленской и Витебской ученых архивных комиссий по одному экземпляру всех выходивших с первых дней революции газет, журналов, брошюр, сборников (см.: Установление и упрочение Советской власти в Смоленской губернии в 1917—1918 гг.: Сб. документов. Смоленск, 1957. С. 262—263). Аналогичное постановление было принято президиумом 1 июля 1918 г. (см.: Архивное дело в БССР (1918—1968): Сб. законодательных и руководящих документов. Минск, 1972. С. 11).

²⁰ ПА ИИП при ЦК КПБ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 17. Л. 16.

²¹ Там же. Д. 3. Л. 121; Звезда. 1924. 17 июля.

²² ПА ИИП при ЦК КПБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 25. Л. 16, 26, 32, 54.

шиеся к «доистпартовскому» периоду, должны были активизировать пропагандистскую работу Истпарта и его местных отделов.

В феврале 1925 г. Секретариат ЦК КП(б)Б предложил всем окружным комитетам партии выделить уполномоченных Истпарта по округам. Одновременно сотрудники Истпарта, члены его коллегии активизировали работу по выявлению и собиранию документов, относящихся к истории революционного движения в республике, в архивах Москвы, Ленинграда, Смоленска, Гомеля и других городов. «Из Бобруйска и Витебска, — информировал заведующий Истпартом членов коллегии, — я привез около 15 пудов жандармских дел, фотографий, печатных материалов и проч. Поездка в Москву и Ленинград дала много... В Ленинградском архиве имеются все материалы из истории революционного движения Белоруссии; все, что ценно и необходимо для нас, я заказал перепечатать»²³.

В декабре 1924 г. руководство Истпартом письменно обратилось к А. Ф. Мясникову с просьбой передать в комиссию комплект всех газет, издававшихся в 1917 г. в Минске, а также и другие материалы по истории революционного движения в Белоруссии, которые, по сведениям В. Г. Кнорина, имелись у Мясникова. К сожалению, адресат не успел исполнить эту просьбу. Вскоре после его смерти ЦК КП(б)Б поручил Истпарту связаться с Закавказским бюро ЦК РКП(б), с тем чтобы получить копии документов, относящихся к деятельности Мясникова в Белоруссии. 6 июля 1925 г. заведующий Истпартом обратился в Тифлис с просьбой выслать из архива Мясникова материалы, связанные с его работой в Белоруссии. Предполагалось издать сборник памяти Мясникова²⁴. Изучение делопроизводственных документов Истпарта и Института истории партии и революционного движения при ЦК КП(б)Б показывает, что лишь в 1932 г. часть копий документов из архива Мясникова, выявленных и снятых сотрудником института А. М. Криницким (Бампи), была передана на хранение в Партийный архив института²⁵.

Письма-просьбы о высылке в адрес Истпарта материалов рассылались В. Г. Кнорину, А. Г. Червякову, другим партийным и государственным деятелям. Не обходилось и без ошибок. Так, получив в конце декабря 1924 г. из Минского окружкома комсомола пачку фотографий товарищей, погибших на фронтах гражданской войны, с приложенной к ним запиской Кнорина в адрес Истпарта, заведующий Истпартом обратился к их владельцу с просьбой прояснить историю и цель присылки фото. В ответе 1 января 1925 г. Кнорин выразил недоумение по поводу того, почему направленные им в Истпарт материалы оказались в окружкоме комсомола, и попросил вернуть их. Наряду с фотографиями он просил вернуть и личную переписку с Мясниковым по вопросу об образовании БССР, в свое время также переданную им в Истпарт.

Ответ руководства Истпарта Кнорину свидетельствует как о заинтересованности в сохранении уже накопленных документальных источников, так и о совершенствовании комиссией собирательской деятельности. «Энергично собирая по разным учреждениям и городам необходимые нам материалы, — говорилось в письме от 15 января 1925 г., — мы только недели три тому назад, и к нашему удивлению, получили от комсомола те клише и фотографии, о которых говорится в нашем письме к Вам... По поводу Вашего письма считаем необходимым также указать, что в настоя-

²³ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.

²⁴ Вопрос об издании сборника памяти Мясникова неоднократно стоял в повестке дня работы коллегии Истпарта. Сборник был включен в издательский план уже Института истории партии на 1929–1930 гг. Однако по неустановленным причинам издать его в то время не удалось. В Партийном архиве хранится макет сборника, состоящий из следующих разделов: 1) жизненный путь, 2) творчество, 3) сообщения о смерти, некрологи, 4) воспоминания товарищей, 5) документы. Кроме того, к нему приложена выправленная стенограмма совещания работников бывшего Западного фронта, состоявшегося 4–5 апреля 1925 г. в Москве и посвященного памяти Мясникова и других погибших с ним товарищей. См.: ПА ИИП при ЦК КПБ. Ф. 4. Оп. 23. Д. 5197.

²⁵ ПА ИИП при ЦК КПБ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 229. Л. 1; Д. 68.

щее время Истпарт знает уже, как нужно собирать, сохранять и использовать различного рода исторические документы. Правильность этого может подтвердить то огромное количество экспонатов, которые мы за короткий сравнительно период времени сумели собрать и привести в порядок. Мы надеемся, что, ознакомившись с действительным положением вещей, Вы не будете настаивать на возвращении имеющихся у нас Ваших материалов, тем более, что нами они будут при первой возможности использованы для печати»²⁶.

Наряду с собственно истпартовской работой комиссия уделяла большое (даже преимущественное) внимание организации Музея революции республики, открывшего свои двери для посетителей 2 мая 1926 г.²⁷ Это подтверждается и одним из замечаний центрального Истпарта по отчету Истпарта Белоруссии, в котором указывалось, что 3/4 отчета посвящено музею и лишь одна страница — собственно истпартовской работе. «...Истпарт,— подчеркивалось в письме,— должен только заложить фундамент в организации Музея революции, а затем передать его политпросветительным органам, оставив за собой лишь идейное руководство. Вы же большую часть истпартовского времени затрачиваете на хозяйственную и всякую другую работу по музею»²⁸. В ответ руководитель Истпарта пояснил, что создание Музея революции было поручено Истпарту Центральным Комитетом КП(б)Б и ЦИК БССР и что по окончании организации музея он будет передан в ведение соответствующей организации²⁹.

Изучение Истпартом положения с архивным делом в партийных и комсомольских комитетах республики давало основание считать это положение не соответствующим требованиям времени. Отсутствие специально выделенных сотрудников, ответственных за состояние архивов в окружках и даже в Центральном Комитете КП(б)Б, было причиной неупорядоченности хранения, а отсюда невозможности оперативного поиска и использования тех или иных документов. Аналогичная ситуация имела место не только в Белоруссии.

Поэтому 24 марта 1925 г. в газете «Правда» была опубликована статья заместителя заведующего Истпартом ЦК РКП(б) В. В. Максакова «Нужно создать архив партии», в которой высказывалось предложение об организации специальной системы партийных архивов. «В срочном порядке,— говорилось в статье,— необходимо создать при губкомах постоянные архивы, куда должны поступать дела и документы всех отделов губкома, утратившие значение для практической работы. В архивы губкомов должны быть сданы также все уцелевшие архивные материалы укомов и ячеек за первые годы революции».

На одном из заседаний Секретариата ЦК КП(б)Б в августе 1926 г. рассматривался вопрос об архиве Центрального Комитета. Заведующему Истпартом было поручено внести на одно из ближайших заседаний Секретариата предложение об упорядочении архивов ЦК КП(б) Белоруссии и окружкомов партии³⁰.

В докладной записке в Секретариат ЦК КП(б)Б 3 сентября 1926 г. заведующий Истпартом С. Х. Агурский отметил недостатки в хранении и использовании партийных и особенно комсомольских документов. Для устранения этих недостатков он предложил выработать инструкцию о порядке хранения и содержания партийного архива, возложить на окружкомы ответственность за хранение и собирание партийных архивов. В трех наиболее крупных округах — Витебском, Могилевском, Бобруй-

²⁶ Там же. Д. 8. Л. 77.

²⁷ Музей просуществовал до 1941 г. Вначале он располагался на ул. Урицкого, 6, а в июне 1939 г. был переведен в новое здание АН БССР (ул. Пушкина, 56). В годы Великой Отечественной войны его разграбили немецко-фашистские захватчики (см. Минск: Энцикл. справ. Минск, 1980. С. 257; ПА ИИП при ЦК КПБ. Ф. 4. Оп. 27. Д. 252. Л. 16).

²⁸ ПА ИИП при ЦК КПБ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 9. Л. 26.

²⁹ Там же. Л. 27 об.

³⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 8. Д. 6. Л. 59.

ском — предлагалось создать штат уполномоченных и возложить на них обязанность по ведению истпартовской работы, собиранию и сохранению партархивов; во всех остальных округах выделить для этой работы из сотрудников окружкомов по одному человеку. Документы окружных партийных архивов, не имеющие текущего характера, намечалось передать в архив ЦК КП(б) Белоруссии. Автор записки считал целесообразным ввести в ЦК ЛКСМБ штатную должность архивариуса, которому поручить ведение архивной работы как в ЦК комсомола, так и по округам.

Рассмотрев вопрос о сохранности партархивов, Секретариат ЦК КП(б)Б поручил заведующему Истпартом разработать инструкцию о порядке хранения партархивов на местах. На окружкомы партии возлагалась ответственность за хранение и собирание партархивов. ЦК ЛКСМБ поручалось обсудить вопрос об упорядочении архива комсомола ³¹.

В процессе собирательской деятельности укреплялись деловые связи Истпарта с архивными и другими учреждениями и организациями республики. В работе 2-й Всебелорусской конференции архивных работников, состоявшейся в январе 1927 г., участвовали и ответственные работники Истпарта. Резолюция по докладу заместителя заведующего Центрархивом БССР М. В. Мелешко была направлена на обеспечение более тесных связей архивных учреждений республики с Истпартом ЦК КП(б)Б ³². На заседании коллегии Истпарта 26 мая 1928 г. был заслушан доклад руководителя белорусского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев С. Я. Зипгермана о работе отделения. В постановлении отмечалось, что необходимо помочь отделению, предоставив ему средства для стенографирования воспоминаний членов Общества, опубликовать их в сборниках Истпарта ³³.

Со временем перед Истпартом и его уполномоченными на местах возникают новые проблемы. В инструктивном письме центрального Истпарта всем истпартотделам 23 января 1928 г. содержались рекомендации прислушаться в 1928 г. к изучению истории гражданской войны. «По этому периоду, — указывалось в письме, — чрезвычайно богатому событиями, как правило, сохранилось очень мало документов; архивы погибли, многое не записывалось, еще больше уничтожалось. Поскольку еще живы участники событий этого периода и у многих на руках сохранились документы и материалы, местным истпартам необходимо привлекать этих участников событий к выявлению исторических фактов и серьезно поставить вопрос собирания документов» ³⁴.

Собирание документов и материалов по истории гражданской войны, помимо большого политического и научного, имело и практическое значение. Постановлением ЦИК и СНК СССР ко дню десятилетия создания Рабоче-Крестьянской Красной Армии устанавливались льготы для красных партизан и красногвардейцев ³⁵. Необходимо было документально подтвердить участие тех или иных граждан в борьбе против захватчиков на оккупированной территории Белоруссии. «В Минском округе, — отмечал в записке в ЦК КП(б)Б заведующий Истпартом, — вопрос этот стоит еще не так остро, так как при помощи собранных Музеем революции и Истпартом документов удалось установить ряд участников этой борьбы и пострадавших. Совершенно иначе обстоит дело в других округах (Мозырском, Слуцком и т. д.). Там партизаны вовсе не имеют никаких документов, но действительно участвовавшие в партизанском движении не имеют никакой возможности доказать свое участие, а также отсюда и пользоваться теми льготами, которые установлены для партизан. С другой стороны, имеются случаи, когда участие в партизанском движении того или иного лица ограничивалось рядом очень мизерных обязанностей в условиях партизанской борьбы, но последние разными путями добываются

³¹ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 12. Л. 41.

³² Там же. Д. 32. Л. 53.

³³ Там же. Д. 38. Л. 4.

³⁴ Там же. Д. 32. Л. 36.

³⁵ Известия. 1928. 23 февр.

разных льгот, между тем как действительные участники партизанской борьбы, проявившие героизм в этой борьбе, остаются незамеченными; большинство таких партизан находилось на конспиративной работе и вовсе не имело документов, по причине же конспирации их никто не знает»³⁶.

Чтобы установить действительное участие тех или иных граждан в партизанской борьбе, Истпарт считал необходимым командировать в районы бывших партизанских действий товарищей, которые познакомились бы с людьми, заявлявшими о своей принадлежности к партизанам, собрали о них свидетельские показания, а также документы и материалы, характеризующие партизанское движение в том или ином районе Белоруссии. ЦК КП(б)Б согласился с предложениями Истпарта, разрешив ему командировать своих сотрудников. Это способствовало поступлению в Истпарт ценных документов по истории партизанского движения и подполья в Белоруссии периода гражданской войны.

Накопление в текущем архиве ЦК КП(б)Б материалов привело к необходимости передачи их части в Истпарт. В мае 1928 г. было принято решение о передаче в Истпарт для вывоза в Могилев архива ЦК КП(б)Б, ненужного для текущей работы. Осенью этого же года архив был размещен в здании Могилевского исторического музея. Так было положено начало концентрированному, обособленному хранению архива ЦК КП(б)Б. Представление о структуре, составе и состоянии партийных архивов Белоруссии накануне создания Единого партийного архива даст содержание ответа Истпарта ЦК КП(б)Б на письмо Института Ленина от 11 апреля 1929 г.: «...состояние архива ЦК КП(б) Белоруссии (1918—1925 гг.) таково: весь архив состоит приблизительно из 13 тыс. дел в 130 пачках весом около 5 тыс. кг. Дела сшиты в папках, разбиты по годам и отделам, и составлена только внешняя опись... Из окружных архивов (8 округов) всего два округа привели в порядок свои архивы, а архивы остальных шести округов находятся в хаотическом состоянии»³⁷.

Как известно, 28 июня 1929 г. Секретариат ЦК ВКП(б) утвердил «Положение о Едином партийном архиве ВКП(б)»³⁸. В соответствии с ним был учрежден и партархив Истпарта ЦК КП(б)Б как Белорусское отделение Единого партийного архива ВКП(б) — Белпартархив. Он образовался на базе архива ЦК КП(б)Б, находившегося в Могилеве, и собственно архива Истпарта, созданного в процессе деятельности последнего. С реорганизацией к 1 октября 1929 г. Истпарта ЦК КП(б)Б в Институт истории партии и революционного движения при ЦК КП(б)Б партархив стал структурной частью последнего.

Таким образом, благодаря собирательской деятельности, с одной стороны, методической работе по организации архива ЦК КП(б)Б — с другой, образовался Партийный архив института, выросший к настоящему времени в крупнейшее хранилище документов Компартии республики. Продолжавшаяся в течение семи лет под руководством ЦК КП(б)Б и центрального Истпарта работа республиканского Истпарта имела большое значение как для подготовки кадров историков-марксистов, правильного освещения истории республиканской партийной организации, революционного движения, так и для организации широкой источниковой базы для будущих поколений историков. Опыт собирательской деятельности был широко использован в работе Комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б. К нему обращаются и сегодня.

³⁶ ПА ИИП при ЦК КПБ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 13. Л. 50. Поводом для этой записки и обсуждения ее на Секретариате ЦК КП(б)Б могло послужить заявление бывшего подпольщика И. И. Лапето в ЦК КП(б)Б. В нем он писал о своей подпольной работе в г. Петрикове в 1919—1920 гг., не нашедшей отражения в официальных документах. Достоверность фактов была подтверждена первым секретарем ЦК КП(б)Б В. Г. Кнориным, лично знавшим Лапето как подпольщика (см.: ПА ИИП при ЦК КПБ. Ф. 60. Оп. 4. Д. 302. Л. 1—22).

³⁷ ПА ИИП при ЦК КПБ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 32. Л. 139.

³⁸ Починин С. З. Указ. соч. С. 20.

В. А. Кондратьев

О ВЫЯВЛЕНИИ И ПУБЛИКАЦИИ ПИСЕМ БОРЦОВ ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ И ПОБЕДУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

(на примере сборника «Письма славы и бессмертия»)

Вот уже почти четверть века я собираю в архивах, музеях, семейных коллекциях письма пролетарских борцов. Интерес к такому поиску зародился еще на студенческой скамье МГИИ, где посчастливилось обучаться под руководством замечательной плеяды наставников, в том числе А. А. Новосельского, В. В. Максакова, В. К. Яцунского и др. Потом была многолетняя работа в Главархиве СССР.

Первым значительным результатом поисков стал сборник «Письма славы и бессмертия»¹. В нем 50 писем революционеров, погибших от рук классовых врагов в 1905—1920 гг. «Это всего лишь небольшая частица из того, что писалось борцами революции,— отмечал в предисловии член партии с 1896 г. Ф. Н. Петров.— История немного сохранила таких глубоко волнующих документов. Объясняется это не только давностью событий, но главным образом тем, что массовые расправы с борцами происходили без суда и следствия, прямо на улицах восставших городов, в селах и деревнях, на кораблях и в гарнизонах. У бойцов революции для прощальных писем не оставалось порой самой последней, драгоценной минуты»².

В 1983 г. вышло третье издание сборника, в котором было уже свыше 125 писем³.

Задачи статьи — привлечь внимание исследователей, в том числе археографов-публикаторов, к такому ценнейшему и уникальному историческому источнику, как письма погибших революционеров 1905—1922 гг., изложить некоторые выводы и наблюдения, основанные на опыте выявления, собирания и публикации этих источников, с целью повышения археографического уровня подобных публикаций.

Как известно, документальные источники, создаваемые в лагере революции, обширны и разнообразны по составу, авторству и содержанию: протоколы, решения, листовки, прокламации и другие виды документации революционных организаций, документы отдельных представителей революционного движения, в том числе произведения таких выдающихся деятелей, как В. И. Ленин, его соратников и единомышленников, дневники, воспоминания и целый ряд нелегальных и легальных изданий. Особое место в этом богатейшем комплексе документации заняли эпистолярные источники. «Письма — больше, чем воспоминания, на них запеклась кровь событий, это — само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное»⁴.

Материалы в сборнике «Письма славы и бессмертия» объединены общностью происхождения: их авторы — пролетарские революционеры-большевики разного возраста, времени вступления в партию, разных на-

¹ См.: Письма славы и бессмертия, 1905—1920 гг./Сост. В. А. Кондратьев. М., 1964. 192 с. Несколько писем было опубликовано ранее. См.: ВА. 1963. № 2.

² Петров Ф. Н. Коммунисты, борцы, герои... // Письма славы и бессмертия. С. 5.

³ Письма славы и бессмертия: Письма революционеров, павших в борьбе за пролетарскую революцию и победу Советской власти в России, 1905—1922 гг./Сост. В. А. Кондратьев. 3-е изд. М., 1983. 286 с.

⁴ Герцен А. И. Соч.: В 30 т. Т. 8. Былое и думы. М., 1956. С. 290.

циональностей, различных специальностей. Принцип авторской принадлежности писем лицам, связавшим судьбу с большевистской партией, как самой передовой силой народной борьбы за победу социалистической революции, явился, таким образом, главным в поиске источников. Хронологические рамки выявления ограничены периодом трех русских революций и защиты Советской власти в годы гражданской войны.

Другим важным критерием отбора избраны экстремальные условия создания писем. Предсмертное письмо — не просто душевно-откровенное слово, предназначенное скрасить последние минуты бытия, а лаконичный итог жизни и борьбы, результат высшего напряжения морального духа и физических сил несломленного борца.

Сочетание таких критериев в подходе к эпистолярному наследию определило всю практическую работу по выявлению и отбору писем для публикации.

В составе первого издания сборника — письма видного большевика А. И. Попова, расстрелянного карательной экспедицией в Сибири в январе 1906 г.; большевика-правдиста с 1912 г. П. Г. Полторацкого, расстрелянного белогвардейцами в июле 1918 г. в Средней Азии; коллективное письмо членов подпольного Сибирского областного комитета РКП(б) А. А. Масленникова, П. А. Вавилова и М. М. Рабиновича — узников Омской тюрьмы, расстрелянных колчаковцами 17 апреля 1919 г.; первого руководителя Дагестанского военно-революционного комитета Уллубия Буйнакского и др.

Почти все эти письма содержат и уникальные данные по истории революционных событий. Например, письмо матроса-большевика А. М. Петрова, входившего в руководящее ядро восстания на Черном море, дает историкам важные сведения о наличии у восставших тщательно разработанного плана вооруженного выступления с единовременным охватом широкого района действий от Одессы до Кавказа с Новороссийском и других южных портово-промышленных городов. Письмо, переданное жене Петрова, являвшейся сестрой большевика А. М. Стопани, оказалось в надежных руках. Это подтвердила и недавняя находка. В апреле 1963 г. в Севастополе при разборе старой каменной стены бывшей военной севастопольской тюрьмы рабочие обнаружили в дверной коробке одной из камер сверток с отпечатанными на стеклографе листовками «Письмо казненного матроса Петрова». Приведенный пример показывает, что у каждого письма была своя волнующая судьба.

Для всех предсмертных писем характерно то, что факт их создания совершался в условиях непримиримого противоборства классовых противников. Авторы писем, попав в руки жестокого врага, хотели сообщить о себе родным и близким, товарищам по борьбе. С другой стороны, представители контрреволюции — сначала царская охранка, а после Октября 1917 г. белогвардейцы и интервенты — стремились не дать вырваться этому слову на волю, чтобы и следа не осталось от имен и дел погибших революционеров.

В. И. Ленин в некрологе «Иван Васильевич Бабушкин», опубликованном в конце 1910 г., через пять лет после гибели славного революционера и его пяти товарищей, писал: «Мы живем в проклятых условиях, когда возможна такая вещь: крупный партийный работник, гордость партии, товарищ, всю жизнь беззаветно отдавший рабочему делу, пропадает без вести. И самые близкие люди, как жена и мать, самые близкие товарищи годами не знают, что случилось с ним: мается ли он где на каторге, погиб ли в какой тюрьме или умер геройской смертью в схватке с врагом. Так было с Иваном Васильевичем Бабушкиным, расстрелянным Ранненкампом. Узнали мы об этом лишь совсем недавно»⁵. Далее Ленин сообщает: только из рассказов солдат-очевидцев и железнодорожников стало известно, что «все шестеро, безо всякого суда, были немед-

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 79.

ленно же расстреляны на краю вырытой на скорую руку общей могилы»⁶.

Чтобы сохранить в народной памяти имя и дела этого героя-революционера⁷, восстановить его жизненный путь, особенно на последнем этапе, Ленин через орган ЦК РСДРП — «Рабочую газету» обратился «с просьбой к товарищам рабочим собирать и присылать нам воспоминания о тогдашней борьбе и дополнительные сведения о Бабушкине, а также о других социал-демократических рабочих, павших в 1905 г.» Он писал: «Мы намерены издать брошюру с жизнеописанием таких рабочих... Такая брошюра будет лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут учиться по ней, как надо жить и действовать каждому сознательному рабочему»⁸.

Трагический случай с Бабушкиным и его боевыми товарищами — их имена, к сожалению, не установлены — один из ярких примеров того, как казненным революционерам не удавалось оставить о себе прощальную весточку. Вместе с тем еще раз подтверждается, что большевики (прежде всего В. И. Ленин и члены ЦК партии) проявляли заботу о сохранении для истории документации революционного лагеря. Известно немало подобных фактов. Так, выявлены многие случаи, когда в редактировавшихся Лениным центральных большевистских газетах публиковались письма революционеров, в том числе уникальные документы. Например, документальная подборка о Севастопольском восстании 1905 г. была помещена 30 ноября 1905 г. в ленинской газете «Новая жизнь», выходившей легально в Петербурге. Тексты публикуемых писем снабжались редакционными примечаниями и такими, в частности, пояснениями: «Подлинник отправлен Шмидтом с матросом с „Очакова“, «Подлинник имеется в архиве Севастопольского комитета РСДРП».

В редактируемой В. И. Лениным газете ЦК РСДРП «Социал-демократ» (1909. Париж. № 2) под рубрикой «Из тюрьмы» было опубликовано «Письмо участника Екатеринославского процесса» за подписью «Рабочий». Оно раскрывало жестокие условия содержания арестованных революционеров в тюремных казематах, систему полицейских издевательств и провокаций, предательство части арестованных из числа интеллигентов-меньшевиков, подписавших петицию царю о раскаянии и с просьбой о помиловании. Публикуя список стойких борцов, редакция газеты снабдила его знаменательным примечанием: «Вот имена тех, в чьих руках не дрогнуло знамя революции и перед лицом казни». Нами расшифрован автор письма: им был рабочий-большевик Григорий Федорович Ткаченко-Петренко (1882 — 3 сентября 1909) — один из руководителей Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. рабочих Донбасса⁹. Публикация в газете «Социал-демократ» как бы дополняет предсмертное письмо Ткаченко-Петренко, впервые изданное в редактировавшейся Лениным газете «Пролетарий» (1909. Выборг. № 3(16))¹⁰.

Указанные и другие подобные публикации осуществлялись под непосредственным руководством В. И. Ленина и участия его ближайших соратников — А. В. Луначарского, В. В. Воровского, В. Д. Бонч-Бруевича и др.

Примеру центральных большевистских газет, редактировавшихся Лениным, следовали многие другие большевистские издания 1905—1907 гг. Так, в печатном органе большевистских военных организаций «Казарма» в сентябре 1906 г. были опубликованы предсмертные письма активных участников флотских восстаний в Свеаборге и Кронштадте.

⁶ Там же. С. 81.

⁷ Отметим, что по настоянию В. И. Ленина Бабушкин, находясь в ссылке, написал воспоминания, ставшие одним из лучших памятников пролетарской мемуарной литературы (см.: Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина, 1893—1900 гг. М., 1951). Наш поиск документов о жизни и деятельности, обстоятельствах гибели этого выдающегося рабочего-революционера не увенчался успехом.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 83.

⁹ См.: Письма славы и бессмертия. 3-е изд. С. 60—65.

¹⁰ Там же. С. 63. Фотокопия публикации письма.

Тогда же групповое письмо осужденных на казнь моряков и солдат было отпечатано Центральной группой военных организаций РСДРП в Финляндии типографским способом в виде листовки и широко распространялось на Балтийском флоте и в Петербурге¹¹. Интересен факт объявления в «Казарме» о подготовке сборника судебных речей и писем осужденных участников флотских восстаний на Балтике в 1905–1906 гг. с призывом собирать денежные средства на оплату типографской базы для такого сборника¹².

Ленинские газеты «Новая жизнь», «Социал-демократ», «Пролетарий», а также другие большевистские издания тех лет стали первоисточником для составительской работы над сборником «Письма славы и бессмертия».

Отмечая постоянное внимание большевиков-ленинцев к документации революционного лагеря, в том числе к эпистолярному наследию, следует напомнить об основании в январе 1904 г. в Женева по инициативе В. И. Ленина Библиотеки и архива ЦК РСДРП¹³. Это богатейшее собрание, находящееся в настоящее время в ЦПА ИМЛ, — ценнейшая источниковая база для публикаций партийной переписки¹⁴. Эпистолярные источники собрания остаются арсеналом для новых поисков по нашей теме.

Из сказанного следует вывод: периодическая печать, прежде всего большевистская, мемуарная литература того времени, особенно написанная участниками революционного движения, — все это в первую очередь должно изучаться исследователем-археографом, ведущим поиск эпистолярных источников.

Но основной фронт выявления писем революционеров, в том числе предсмертных писем, по-прежнему проходит через комплексы первоисточников, хранящихся в архивах, в историко-революционных и мемориально-краеведческих музеях. Поскольку интересующие нас письма могут отложиться в разных фондах разных архивохранилищ, требуется определенная очередность и система поиска с точным учетом персоналий и поисковых данных.

Чтобы уяснить особенности писем революционеров как исторических источников и трудности их выявления, остановимся на обстоятельствах создания и хранения писем. Старейший деятель большевистской партии, ее публицист и историк М. С. Ольминский оставил такое свидетельство: «Во время подполья, — писал он в предисловии к публикации трех писем: Я. М. Свердлова, Г. И. Петровского и В. П. Антонова-Саратовского, — мы беспощадно уничтожали письма». Речь шла о ликвидации писем по соображениям конспирации, чтобы не дать полиции улики и вещественных доказательств. Далее Ольминский отмечал, что «тем большую ценность получают те письма, которые не были уничтожены», и призывал членов партии «порыться у себя в старых бумагах» в поисках писем, без которых «для нового поколения коммунистов, изучающих историю партии», многие ее страницы могут оказаться «недостаточно освещенными»¹⁵.

В дооктябрьские годы действовали особые правила революционной конспирации. Нам удалось выявить листовку Московского окружного комитета «О конспирации», которая распространялась в 1905 г. среди партийных организаторов Москвы и Подмосковья и требовала немедленного уничтожения черновиков и рукописей писем, ведения переписки только тайнописью с особой зашифровкой фамилий, дат, паролей и адресов:

¹¹ Там же. С. 46–49 и др.

¹² Лишь в 1986 г. удалось разыскать в фондах Центрального музея Военно-Морского Флота в Ленинграде сборник «Казнь кронштадтских моряков» (Кронштадт: Тип. «Кронштадтского вестника», 1917).

¹³ См.: Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями, 1905–1907 гг.: В 5 т. М., 1979. Т. 1, кн. 2. С. 34 и др.

¹⁴ В 1969–1984 гг. усилиями публикаторов ИМЛ и ЦГАОР СССР уже подготовлено девять томов (в 12 книгах) «Переписки», ведется работа над томами с документами за 1908–1916 гг.

¹⁵ Ольминский М. С. Три письма // ПР. 1922. № 4. С. 275–277.

ни в коем случае не писать подлинных фамилий, в случае необходимости записи делать на папиросной бумаге, чтобы «быстрее разжевать и проглотить написанное»¹⁶.

Важнейшее значение для нашей темы имеют фонды ЦГАОР СССР. Прежде всего были изучены дела Департамента полиции, Московского охранного отделения, Главного тюремного управления, Министерства юстиции, Московской судебной палаты, из личного фонда Д. Ф. Трепова и др. Очень интересной и насыщенной письмами оказалась коллекция вещественных доказательств, сформированная из документов и материалов, изымаемых полицией при обысках и арестах.

Параллельно поиск эпистолярных источников производился по фондам ЦПА ИМЛ: ЦК РСДРП (№ 17), В. И. Ленина (№ 2), Всесоюзного общества старых большевиков, редакций журналов «Пролетарская революция» и «Каторга и ссылка», личным фондам Я. М. Свердлова, М. С. Ольминского, В. П. Ногина, Е. М. Ярославского и др.

Плодотворными оказались поиски в ЦГАСА и ЦГВИА, особенно для установления биографических данных на лиц, проходивших службу в царской армии или в первых формированиях Красной Армии. В ЦГАСА для 3-го издания сборника отобрано около десяти писем и много сведений для комментирования других публикуемых писем. Особый интерес представляет обнаруженная в одном из дел с директивами командования Красной Армии за 1921 г. секретная телеграмма В. И. Ленину от коммунистов, оказавшихся перед лицом смерти в схватке с антисоветскими мятежниками в районе Обдорска (ныне Салехард): «Коммунисты Тобольского севера, истекая кровью, шлют пламенный прощальный привет непобедимой РКП, дорогим товарищам и нашему вождю Ленину. Погибая здесь, мы выполняем свой долг перед партией и Республикой с твердой верой в конечное наше торжество»¹⁷.

На телеграмме имеется резолюция Ленина об оказании немедленной военной помощи героическим защитникам Советской власти со стороны ближайших частей Красной Армии¹⁸. Антисоветский мятеж, в ходе которого погибло много местных советских работников, в основном коммунистов и комсомольцев, был подавлен¹⁹. Телеграмма с ленинским автографом передана в ЦПА ИМЛ.

Велись поиски писем в ЦМР, в ОПИ ГИМ, ряде других музеев Москвы, а также в архивах и музеях Ленинграда, Иркутска, Казани, Кишинева, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Симферополя.

Незаменимыми в выявлении писем оказались такие журналы, как «Пролетарская революция» — орган Истпарта, «Красный архив» — орган Центрархива, «Красная новь» (ленинградский Истпарт), «Летопись революции» (Харьков), «Памятник борцам революции» (Якутск) и другие издания республиканских и губернских (областных) бюро Истпарта. Особо следует выделить «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг.», основанный на широком круге редких изданий — «главным образом, губкомов и разных бюро Истпарта»²⁰.

Поиск и выявление писем революционеров 1905—1922 гг. — исследовательский процесс, постоянно связанный с историографией, многими архивами, периодическими изданиями²¹.

Итогом многолетнего научного поиска стала публикация в последующих изданиях сборника новых документов. Это предсмертные стихи-завещание пролетарского поэта А. М. Гмырева, погибшего в царской

¹⁶ Листовка МОК РСДРП «О конспирации» // ЦПА ИМЛ. Ф. № 7905. Типогр. экз.

¹⁷ Письма славы и бессмертия. 3-е изд. С. 269—270.

¹⁸ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1979. Т. 10. С. 246.

¹⁹ Очерки истории партийной организации Тюменской области. Свердловск, 1965. С. 85, 92, 94 и др.

²⁰ Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1922 гг. 3-е изд. М., 1925. С. V; Источники указаны на с. VI—VII.

²¹ В последнем случае особенно полезен алфавитный указатель «Русские газеты периода 1917—1922 гг. в фондах Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина». М., 1982.

тюрьме в сентябре 1911 г.; последнее письмо солдата-большевика Е. Н. Сапунова отцу, написанное за несколько часов до гибели в схватке с белогвардейцами на Красной площади 27 октября 1917 г.; письмо и прощальная записка славного большевика-ленинца И. В. Присягина, расстрелянного белогвардейцами в сентябре 1918 г. вместе с другими пленниками барнаульской тюрьмы; группа писем советских патриотов из белогвардейских застенков Оренбурга и др.

Именной указатель к 3-му изданию сборника включает более 400 имен и помогает читателю быстрее ориентироваться в составе и содержании книги.

Характеризуя пополнение сборника, надо пояснить одно важное нововведение. Предсмертные письма, несмотря на различия времени и оттенков их написания, всегда остаются естественным выражением сложившегося нравственного облика их авторов, концентрированным выражением моральной готовности борца-революционера к последнему подвигу во имя революции. Поэтому, думается, вполне оправдан такой прием, как включение в сборник некоторых выступлений, писем и записок, предшествующих предсмертному письму или гибели героя. При этом как бы продлевается диалог погибшего революционера с людьми на воле, а в их лице и с грядущим поколением, с сегодняшним читателем. Вместе с тем приводятся дополнительные подлинные слова и мысли павшего борца, характеризующие черты его светлого облика.

Обстоятельства гибели революционера, как мы знаем, далеко не всегда позволяли передать последнюю весточку. Легче бывало бросить в лицо палачам последнее слово. Поэтому в тех случаях, когда последнее слово обреченного на смерть революционера оказывается официально записанным в материалах суда или сохранено достоверной устной традицией, такие высказывания включались для публикации. Так, в 3-м издании сборника (с. 257) воспроизводится последнее выступление С. Г. Лазо на заседании Владивостокского Совета 3 апреля 1920 г., опубликованное в «Известиях» Совета незадолго до входа японских отрядов в город и провокационного ареста С. Г. Лазо и других видных большевиков.

Можно было бы опубликовать и последнее слово армянского коммуниста Баграта Гарибджаняна, попавшего в руки контрреволюции во время подавления вооруженного восстания за власть Советов в Армении в мае 1920 г. Над руководителями неудавшегося восстания был устроен судебный фарс. Воспользовавшись правом последнего слова, Гарибджанян превратил свое выступление в обвинительную речь против антинародного дашнакского правительства. Вот что он говорил: «Вы предаете меня смертной казни. Пусть будет так. Это насильственное отнятие жизни — нередкое явление в наше время революционных бурь. Я счастлив, что иду по пути лучших сынов народа, по пути Шаумяна и 26 комиссаров во главе с Шаумяном»²². На этом выступление большевика было прервано председателем суда, и запись чиновника обрывается. Но и то, что сохранилось в протоколе суда, является ценным свидетельством мужества и исключительной стойкости этого видного деятеля революционного движения в Закавказье, члена большевистской партии с 1917 г. Публикация такого текста станет естественным, логичным дополнением предсмертного обращения к товарищам — соратникам по борьбе, с которыми выступили три руководителя майского восстания 1920 г. — коммунисты С. К. Алавердян, Б. Б. Гарибджанян и С. Г. Мусаелян, расстрелянные 14 августа 1920 г. (см. 3-е изд., с. 263—264).

На активизацию и расширение поисковой работы прямое влияние оказало и то, что с конца 50-х — начала 60-х годов в научный оборот вошла богатейшая научная историко-партийная литература, в том числе многотомная история КПСС, мемуарная и биографическая Лениниана, многие очерки и труды по истории республиканских, областных, город-

²² ЦГА АрмССР. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1. Л. 106.

ских организаций КПСС. Эти издания подсказывали новые адреса и персоналии, содержали ценный фактический материал по наиболее важным историческим событиям 1905—1922 гг.

Особое значение для дальнейшей работы имели читательские отклики и отзывы-рецензии²³. Поступило более 200 читательских писем, которые помогли внести существенные дополнения в сборник, в частности в публикацию писем известного революционера, члена ВЦИК А. Ф. Иванова. В первом издании была только одна его записка — жене из томского белогвардейского застенка. После того как ветераны революции отметили 100-летие со дня рождения погибшего большевика-ленинца, удалось выявить у них еще три текста его тюремных писем (см. с. 152 в 3-м издании сборника), полностью его предсмертное письмо от 23 октября 1918 г.; фактический материал других писем дополнил комментарий об этом замечательном человеке (с. 152—155).

Группа читателей из Грозного, где героически погиб в белогвардейском плену красный командир коммунист А. Д. Февралев-Савельев, провела самостоятельный поиск материалов в местных архивах и музеях и сообщила их составителю. Новый дополнительный материал с благодарностью был использован в 3-м издании (с. 250—251).

Обстоятельный отклик прислал составителю крупнейший советский историк академик П. М. Дружинин. «Знакомясь с книгой „Письма славы и бессмертия“, — писал он, — я обратил особенное внимание на письмо и биографию Ольги Александровны Дилевской. В годы юности я хорошо знал ее и ее семью; поэтому на основании своих личных воспоминаний хочу внести некоторые поправки в транскрипцию письма и в Ваши комментарии.

С Ольгой и Наталией Дилевскими, а затем с другими членами семьи (матерью Ольгой Николаевной, старшей сестрой Маргаритой) я познакомился весной 1902 г. на нелегальном собрании гимназической организации Москвы. Оно происходило в помещении женской гимназии Л. А. Воскресенской в Успенском переулке (между Малой Дмитровкой и Каретным рядом). В течение 1902—1904 годов я часто бывал в этой революционной семье; здесь мы читали вслух нелегальную литературу, обменивались мнениями, формировали свои политические взгляды. Мы были сверстниками с Ольгой и Наталией: в 1903—1904 учебном году одинаково учились в 8-м, последнем классе. Нас сближали общие интересы и революционные планы.

Вы совершенно правильно охарактеризовали Ольгу Александровну: уже тогда она была сильной, цельной натурой с определившимися революционными стремлениями.

Не знаю, встречались ли Вы с ее ближайшими родственниками (в советское время ее сестры Наталия и Вера, так же, как дочь Ирина²⁴, жили в Москве на улице Грановского, где проживал в 20-х годах после возвращения из Сибири муж Ольги Александровны Н. Н. Авдеев). По-видимому, основными источниками служили для Вас донесения полиции, опросы жандармов и сводки прокуратуры». Далее историк уточняет как очевидец обстоятельства ареста О. А. Дилевской²⁵, исправляет неточность в тексте письма: следует читать не «Котоцкая», как в сборнике, а «Потоцкая», ибо «после революции 1905 г. гимназия Л. А. Воскресенской, активной участницы большевистской организации, возглавлялась

²³ См.: Парт. жизнь. 1964. № 21; Красная звезда. 1964. 4 нояб.; Моск. правда. 1964. 15 окт., 20 дек.; Амур. правда. 1964. 30 дек.; Челябинский рабочий. 1964. 25 нояб.; Южная правда. 1974. 15 авг.; Наука и религия. 1975. № 2; Комс. правда. 1983. 9 июня; Известия. 1983. 30 июля; Воспитание школьников. 1984. № 1; СА. 1983. № 4; Коммунист. 1984. № 1; и др.

²⁴ Ирина — малолетняя дочь, о которой с материнской заботой писала О. А. Дилевская в своем предсмертном письме (см.: Письма славы и бессмертия. 3-е изд. С. 185—188).

²⁵ Вскоре был арестован и Н. М. Дружинин (см.: Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. М., 1967. С. 13).

Варварой Васильевной Потоцкой, впоследствии, в 1930-х годах, преподававшей французский язык студентам исторического факультета МГУ»²⁶.

Читательские замечания и пожелания будут по возможности учтены в новом издании книги. Здесь ответим на вопрос С. И. Кузьмина о том, почему в третье издание сборника не включена предсмертная записка Георгия Микеладзе²⁷ (см. 2-е изд., с. 140–141).

Г. А. Микеладзе (23 июня 1900 — март 1919), большевик с 1918 г., действительно сыграл активную роль в борьбе с контрреволюцией в Сибири. Он стал одним из организаторов Красной гвардии в Томске, возглавлял боевой отряд защитников Томска от белочешских мятежников, был захвачен в плен и погиб вместе с другими узниками-большевиками в Екатеринбургской губернской тюрьме в марте 1919 г.

После разгрома колчаковцев и восстановления Советской власти газета Томского губернского ревкома «Знамя революции» 13 февраля 1920 г. поведала о зверствах белых под командованием генерала Анненкова над заключенными этой тюрьмы, в том числе Микеладзе, напечатав текст записки, переданной им перед расстрелом сидевшей в соседней камере знакомой по Томскому Совету Ф. Н. Жарковой: «Фея, дорогая, будьте мужественны, как всегда... Привет всем от всех».

Отсутствие подписи, точной даты, отрывочность записки, тщетность предпринятых попыток по расшифровке имеющегося многоточия, некоторые неточности свидетельств об этой записке самой Жарковой, избежавшей по счастливой случайности расстрела и рассказавшей в указанной газете о гибели товарищей,— все это побудило продолжить поиски, а пока воздержаться от повторения публикации. Были изучены материалы об узниках Екатеринбургской тюрьмы весны 1919 г. Проведенное нами исследование подтвердило написанное о Микеладзе во втором издании сборника. В ходе поиска обнаружены интересные материалы о соседе Микеладзе по застенку — Исае Леонтьевиче Нахановиче, большевике с 1907 г. Наханович был делегатом II Всероссийского съезда Советов, неоднократно встречался с В. И. Лениным, возглавлял Военно-революционный штаб в Томске.

В Партийном архиве Томского обкома КПСС (ф. 4204) обнаружены две записки Нахановича из тюрьмы жене.

Первая: «Принеси мне, пожалуйста, книгу „Государство и революция“ Ленина. Она была у нас, и если ее не „конфисковали“, то я надеюсь, что скоро получу ее».

И вторая — прощальная: «Жива будет революция — будем живы и мы». Эти записки после изучения сути дела могут занять свое место в новом издании сборника «Письма славы и бессмертия».

Выясняя обстоятельства создания записок Микеладзе и Нахановича, удалось попутно узнать о судьбе еще одного замечательного большевика — Владимира Николаевича Чепалова, погибшего в Екатеринбургской тюрьме в феврале 1920 г. Фамилия его уже упоминалась в опубликованном письме А. Ф. Иванова, но писалась иначе: «Чекалов» (3-е изд., с. 151) по причине неправильного прочтения оригинала письма Иванова.

Как установлено, Чепалов родился 13 июля 1887 г. в Якутске в семье ссыльнопоселенцев. Юношей участвовал в революционном кружке местной учащейся молодежи, выступив организатором социал-демократической организации «Маяк». Вскоре вынужден был перейти на нелегальное положение и уехать учиться в Варшаву, где поступил на медицинский факультет университета. С начала мировой войны перевелся в Томский университет, по окончании которого был назначен главным врачом Томска.

Будучи большевиком, принимал участие в Томске в свержении органов царского самодержавия и выборах в городской и губернский Советы рабочих депутатов. Его избирали в исполком Томского Совета, поручив

²⁶ Письмо Н. М. Дружинина (машинопись на четырех листах с правкой и подписью-автографом от 16 октября 1975 г.) хранится у автора статьи.

²⁷ Кузьмин С. И. // СА. 1983. № 4. С. 82.

руководство комиссариатом труда. В мае 1918 г., возглавив отряд революционных рабочих и солдат, он организовывал подавление местных контрреволюционных сил, действовавших заодно с белочешскими мятежниками. Под напором превосходящих сил мятежников отряд отступил на Урал. Чепалов через некоторое время возвратился в Томск, чтобы включиться в нелегальное партийное подполье. Здесь он был арестован и заключен в белогвардейский застенок. Диктатор-временщик атаман Пепеляев, надеясь обезопасить себя от возмездия за кровавые злодеяния, решил отобрать среди арестованных большевиков группу заложников и отправить ее в Екатеринбург, подальше в тыл. В числе заложников оказались А. Ф. Иванов, Г. А. Микеладзе, Ф. Н. Жаркова, И. Л. Нахапович, В. Д. Вегман, В. Н. Чепалов и др. Их разместили в 1-й Екатеринбургской губернской тюрьме, славившейся особо строгим режимом и тем, что в ней свирепствовали эпидемии, особенно сыпного тифа, от которого гибли массы заключенных. Чепалова поместили в тифозный барак, в котором отважный революционер, рискуя заразиться, занялся лечением больных. По свидетельству Жарковой и газетным сообщениям, Чепалов погиб в тюрьме в январе или феврале 1920 г. Уже тяжело больной, ослабленный голодом и холодом, он оставил соседям по бараку прощальное письмо с просьбой переправить его товарищам по Томску или в родной Якутск.

Потребовалось больше года для поиска предсмертного послания Чепалова. Есть такой редкий сборник «Памятник борцам революции в Якутии» (Якутск, 1923), микрофильм которого хранится в ГБЛ. Лента читается с трудом, но в разделе под буквой «Ч» (материалы сборника расположены по алфавиту) можно разобрать последнее письмо ныне знаменитого уроженца Якутска: «Дорогие товарищи! Мы переживаем великий и страшный момент в жизни человеческой, когда ломаются основы экономической жизни и создается фундамент для будущего блага человечества, для будущей счастливой жизни...

Может быть, нам не придется наблюдать и пользоваться благами этого строительства; возможно, что мы сгорим в огне, переходя разрушения и созидательные начала, но зато идущие за нами поколения не будут знать той безумной социальной несправедливости и неравенства, которое уродовало нашу жизнь. И для блага будущего не жалко сгореть и погибнуть в момент социалистической революции и своим трудом подвинуть ближе к жизненной цели угнетенное человечество.

Остаюсь Ваш Владимир Чепалов».

Дата письма читается нечетко: месяц указан не словом, а единицей, повторенной дважды, т. е. февралем 1920 г. Повторно с такой же датой письмо было опубликовано в газете «Автономная Якутия» от 3 апреля 1929 г.

Из новых текстов приведем еще коротенькое письмо Якова Федоровича Дубровинского (1882 — 25 октября 1918), большевика с июля 1917 г., расстрелянного вместе с большевиками И. И. Белопольским, В. Н. Яковлевым и другими в Красноярске белогвардейцами. Фотокопию письма передал составителю сын большевика В. Я. Дубровинский, в 1950—1960-е годы работавший в издательстве «Московский рабочий» и собиравший историко-революционную литературу.

Вот текст этого письма жене, датированного 24 октября 1918 г.: «Дорогие мои, родные и ненаглядные, после вчерашнего свидания у меня все изменилось к худшему: отобрали переданную тобой еду, даже хлеб забрали, отобрали наши часы, заявив, что они больше нам не потребуются. Жду не дождусь, когда кто-нибудь придет с воли. Пишу тебе, родная, на всякий случай. Хочу, пока есть возможность, спокойно еще раз сказать: что бы ни случилось — знай и передай детям — я никого не предал, ничего плохого никому не сделал, все помыслы мои были только о счастье людям. Пишу и чувствую, как успокаиваюсь, словно посидел с вами рядом. Целуй и береги детей. Жду вас. Пока. До встречи. Ваш Яков. 24-X-18. Ровно год прошел, как на нашей Планете началась новая

жизнь, и ее уже никто и никогда не остановит. Еще раз крепко целую. Яков».

Найденные материалы расширяют возможности выявления новых писем революционеров.

Во время работы были установлены многочисленные случаи перепечаток текстов предсмертных писем, особенно в журналах и газетах, приуроченные к юбилейным революционным датам. Часто перепечатка производится с извлечениями текста, с нарушением датировки писем и т. д.; имеет место воспроизведение одного и того же письма в разной редакции. Так случилось, например, с одним из писем С. М. Цвиллинга (ср.: Гражданская война в Оренбуржье. Оренбург, 1958. С. 21–22; Солдаты революции. Челябинск, 1957; Письма славы и бессмертия. 3-е изд. С. 101, 102).

Для любого документального издания, а особенно для источников эпистолярного характера, и тем более для предсмертных писем революционеров важнейшим требованием остается точность воспроизведения текстов. Недопустимо даже малейшее вмешательство в текст источника. В данном случае особенно важно передавать тексты писем в полном виде с сохранением своеобразия правописания, стиля и других индивидуальных особенностей письма вплоть до сохранения прописных букв, сокращений и даже запятых. Если же что-то надо расшифровать, уточнить, пояснить, следует использовать комментарии. Благодаря выявлению ряда подлинных текстов, более достоверных и наиболее полных и ранних публикаций внесены некоторые уточнения текстологического характера в 3-е издание. Так, полнее и точнее воспроизведены тексты писем А. М. Петрова, Л. А. Лисиновой, М. В. Кривошлыкова, А. Ф. Иванова и др.

Комментарии в сборнике «Письма славы и бессмертия» (а они занимают две трети всего объема книги), несомненно, являются его отличительной особенностью. Здесь применены очерки-комментарии, сочетающие научно-исследовательское содержание с публицистичной формой подачи материала²⁸. В них даны ссылки на источники, место хранения оригинала и раннюю публикацию.

Как представляется, еще далеко не все письма разысканы. В поиск включаются историки, журналисты, общественники. Поиск продолжается²⁹.

²⁸ Методика такого комментирования подробнее изложена в нашей статье «О повышении информационной емкости документальных публикаций» (СА. 1986. № 5).

²⁹ Когда статья находилась в производстве, вышло под тем же названием 4-е издание книги (М., 1987), приуроченное к 70-летию Великого Октября. См. рец.: Новоплянский Д. Письма бессмертных: По страницам необыкновенной книги // Правда. 1987. 1 июня; Быков Н. Мертвые нас не оставят // Огонек. 1987. № 22. С. 26; Белостоцкая Е. Память и напутствие // Труд. 1987. 10 июня; и др.

Е. М. Добрушкин

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ И ИСТОРИИ АРХЕОГРАФИИ

В последние годы не раз поднимался вопрос о необходимости упорядочения археографической терминологии. Очевидно, что трудности, испытываемые археографией, в известной степени обусловлены перешептыванием кардинальных вопросов ее теории, в задачу которой входит и разработка терминологических проблем. Необходимость «упорядочить понятийный аппарат в археографии» называют сейчас первой среди основных научных проблем археографии, «от исследования которых зависит развитие ее как научной дисциплины и совершенствование практики издания исторических документов»¹. В данной статье мы коснемся лишь одной из сторон этой многогранной и важной проблемы. Речь пойдет о термине «археография» и некоторых производных от него терминах в связи с изучением истории дореволюционной археографии. Второй, историографический аспект приобретает в наше время актуальность в связи с настоятельными призывами к «созданию академического типа работ по истории археографии и по истории архивного дела в нашей стране»². Отметим только одно существенное ограничение: термин «археография» будет применяться нами лишь по отношению к той части предмета, которая сейчас, кажется, бесспорно принимается всеми, а именно по отношению к проблемам публикации.

Более четверти века назад С. Н. Валк посвятил термину «археография» специальную статью. В ней, остановившись на этимологическом значении термина, истории его возникновения и первоначального употребления, Валк показал, что только в России в середине прошлого столетия «археография» совершенно «случайно и некстати» была применена к публикаторской работе; именно это необоснованное употребление термина и привело в дальнейшем к его многозначности³. Заканчивая эту статью, Валк призывал перестать «изощряться во всяких определениях „археографии“» и возвратиться «к давнему, но забытому общепонятному точному названию производимых нами разного рода „археографически“ загадочных работ» — к «простому выражению» «издание документов»⁴. Примерно в это же время о необходимости изменения археографической терминологии высказался и В. А. Кондратьев. В рецензии на учебную программу МГИИИ по курсу археографии, также ссылаясь на этимологическое значение термина («наука о древних

¹ Литвак Б. Г., Козлов О. Ф. Проблемы развития современной археографии // Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы совершенствования архивного дела в условиях развитого социалистического общества». М., 1985. Вып. 2. С. 90. См. также: Шмидт С. О. Некоторые вопросы развития советской археографии // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 134.

² Шмидт С. О. Историческая наука и архивы // Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы совершенствования...». С. 55.

³ Валк С. Н. Судьбы «археографии» // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 453–465. Обзоры мнений о термине «археография» см.: Селезнев М. С. Предмет и вопросы методологии советской археографии. М., 1959; Фарсоби В. В. К определению предмета источниковедения: (Историографические заметки) // Источниковедение истории советского общества. М., 1968. Вып. 2. С. 434–440; Он же. Источниковедение и его метод: Опыт анализа понятий и терминологии. М., 1983. С. 167–187; Козлов О. Ф. К вопросу об определении предмета советской археографии // СА. 1976. № 2. С. 32–37; Чирков С. В. О применении термина «археография» в начале XX в. // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 24–25; и др.

⁴ Валк С. Н. Судьбы «археографии». С. 464–465.

письменах»), он предложил под «археографией» впредь понимать только работы «по собиранию и описанию архивных материалов», «а для издания исторических источников... найти другое определение вроде „публикации исторических источников“»⁵.

Однако эти призывы заменить термин вызвали возражения. Фактически не оспаривая «архаичности» термина «археография» и известную случайность в применении его к работе по публикации документов, М. С. Селезнев расценил предложение о его замене как необоснованное, поскольку термин «археография» давно и прочно вошел в названия специальных дореволюционных и советских учреждений, а также «получил широкое распространение в специальной литературе». Кроме того, сама «архаичность» термина «не может служить основанием для его замены» (как и архаичность других используемых сегодня терминов). «Различия в толковании термина», отмечал Селезнев, не обязательно должны вести к его замене: они «указывают лишь на слабость научной разработки вопросов терминологии. Единство терминологического толкования может и должно быть достигнуто на путях углубленной кропотливой научной работы»⁶. В. В. Фарсоби́н хоть и согласился с С. Н. Валком в том, что термин «археография» не подходит для «наименования предмета, занимающегося изучением подготовки текстов к изданию», однако высказался за его сохранение из-за широкого распространения, которое термин уже получил, но только «при условии четкого определения предмета археографии»⁷. В. А. Кондратьев и В. М. Хевролина, возражая С. Н. Валку, отметили, что «проблема заключается не столько в замене термина... сколько в выработке и употреблении правильного, отвечающего действительности представления о его содержании». По их мнению, «искусственная замена исторически сложившихся терминов — дело всегда длительное и часто не приносящее желаемых результатов»; кроме того, «предлагаемый С. Н. Валком термин „издание документов“ ни в коей мере не отвечал бы назначению, ибо сам является многозначным»⁸.

Таким образом, только благодаря учету «внедренности термина» (что в терминоведении рассматривается как «смягчающее обстоятельство» при решении судьбы устаревших терминов⁹) термин «археография» при фактически единодушном признании его мало соответствующим сути работы по публикации документов продолжает существовать. Более того, в последние годы употребление «археографии» именно по отношению к публикации документов принимается всеми — и сторонниками «узкого», и сторонниками «широкого» понимания предмета археографии¹⁰. Как справедливо отмечалось в редакционной статье журнала «Советские архивы» по поводу прошедшей на его страницах дискуссии, при отсутствии единства мнений по другим вопросам «все авторы, участвовавшие в дискуссии, согласны с тем, что определение научной дис-

⁵ Кондратьев В. А. Новая учебная программа по археографии // ВА. 1961. № 3. С. 116. В термин «археография» автор вкладывал значение, предложенное в свое время Н. Ф. Бельчиковым (см.: Бельчиков Н. Ф. Теория археографии. М.; Л., 1929. С. 18).

⁶ Селезнев М. С. По поводу термина «археография» // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 217.

⁷ Фарсоби́н В. В. К определению предмета источниковедения. С. 440. В более поздней работе Фарсоби́н, также отмечая равнозначность, по его мнению, терминов «подготовка к изданию документов», «эдиционная техника» и «археография», главным считает не столько выбор термина, сколько соблюдение правила: «один термин — одно понятие» (Фарсоби́н В. В. Источниковедение и его метод. С. 186—187).

⁸ Кондратьев В. А., Хевролина В. М. Некоторые вопросы терминологии советской археографии // ТМГИАИ. 1972. Т. 29. С. 148—149.

⁹ Хакнира Э. И. Архивоведческое терминоведение: объект и предмет // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 44.

¹⁰ Шмидт С. О. Некоторые вопросы развития советской археографии. С. 135—136; Литвак Б. Г., Козлов О. Ф. Указ. соч. С. 81.

циплины „археографии“ должно включать задачу изучения теории и практики публикации документов»¹¹.

Однако нам хотелось бы обратить внимание на своеобразное явление, которое наблюдается как бы параллельно процессу укрепления термином «археография» своих позиций в качестве обозначения работы по публикации документов: с этим термином начинают серьезно соперничать сравнительно новые термины, образованные с его же участием. Речь идет о следующем. Незадолго до выхода в свет названной выше статьи о термине «археография» С. Н. Валк, возражая П. Г. Софинову относительно характера «Истории Российской» В. Н. Татищева, заметил, что так называемый татищевский летописный свод (как иногда в литературе называют основное татищевское историческое произведение) — «это уже не археографическая „публикация“ имеющегося свода»¹². Соответственно и в более поздней работе Валк по тому же поводу писал: задача собирания летописного свода — «конечно, задача не археографического, а исторического труда»¹³. Как можно видеть, в первом случае Валк не считал возможным ограничиться только термином «публикация», а добавил к нему слово «археографическая»; во втором случае в противоположность труду «историческому» им выставляется не «издательский» или же «публикаторский» труд, а именно «археографический». Еще более отчетливо видно своеобразное употребление термина «археография» у Ю. С. Воробьевой и В. П. Козлова, когда они, говоря об известной работе А.-Л. Шлецера над русскими летописями, пытаются различать издания летописей, имеющие «археографический смысл» («археографическое издание летописей») и «источниковедческие» публикации¹⁴. Укажем также на получившее распространение словосочетание «археографическое издание», употребляемое в качестве синонима термину «публикация документов» или «документальная публикация»¹⁵. И наконец, в этом же ряду явлений, на наш взгляд, использование таких терминов, как «эдиционная археография», «эдиционный раздел археографии», понимаемых именно как издание исторических источников (при одновременном именовании и самой дисциплины, и практической работы по публикации документов «археографией») ¹⁶.

Как видим, используя термин «археография» в традиционном смысле по отношению к публикаторским сюжетам, его одновременно употребляют в таком значении, которое, казалось бы, должно исключать это традиционное понимание «археографии». В противном случае приведенные выше словосочетания звучали бы очевидной тавтологией (что легко было бы замечено теми, кто вводит их в употребление). Нам кажется, что выяснение причины появления названных терминов и их смысла представляет определенный интерес. Во-первых, с терминологической точки зрения это важно потому, что снова обращает внимание на содержательную сторону исходного термина «археография». Во-вторых, эта проблема самым тесным образом связана, на наш взгляд, с актуаль-

¹¹ Современные проблемы советской археографии: (К итогам дискуссии в журнале «Советские архивы») // СА. 1979. № 6. С. 5.

¹² Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII — начала XIX века // АЕ за 1958 год. М., 1960. С. 128—129.

¹³ Валк С. Н. «История Российской» В. Н. Татищева в советской историографии // Татищев В. Н. История Российская. Л., 1968. Т. VII. С. 15.

¹⁴ Воробьева Ю. С., Козлов В. П. [Рецензия] // СА. 1979. № 2. С. 79.— Рец. на кн.: Эпштейн Д. М. История археографии в дореволюционной России: Период феодализма. М., 1977.

¹⁵ См., например: Лещенко Н. Н., Олейник Л. В. Археографическое издание о гайдамацком движении на Украине в XVIII веке // СА. 1971. № 5. С. 104; Шорохов Е. Ф. Археографическая деятельность научных учреждений Белорусской ССР: (К историографии вопроса) // Вопросы археографии в БССР: Материалы науч. конф. архив. учреждений республики. Минск, 1980. С. 68, 75; и др.

¹⁶ Шмидт С. О. Некоторые вопросы развития советской археографии. С. 136; Литвак Б. Г. Вопросы публикации источников на страницах «Археографического ежегодника» // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 255; и др.; Чирков С. В. Некоторые проблемы развития русской археографии в начале XX века // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 21; и др.

ной и сегодня проблемой теории — с пониманием сущности, предмета и объекта археографии, с необходимостью установить не только то, «что есть археография», но и отделить от нее то, что «археография не есть»¹⁷. Этот вопрос, в свою очередь, связан с другим (как правило, не рассматриваемым в силу его как бы самоочевидности) вопросом: что такое публикация (издание) документов с точки зрения археографии? В-третьих, от решения названных вопросов зависит и решение существенной для изучения истории археографии проблемы (особенно для начального этапа археографии в России): что считать «археографическим фактом», т. е. какие публикации документов, в частности, следует включать в круг источников по истории археографии, а какие — не включать¹⁸. В подтверждение актуальности постановки последнего вопроса можно сослаться хотя бы на не получившую до сих пор положительного решения проблему включения «Истории Российской» В. Н. Татищева в сферу истории отечественной археографии первой половины XVIII столетия¹⁹.

Не претендуя, естественно, на решение всех указанных проблем, заметим, что некоторые из них были частично затронуты в ходе уже упоминавшейся дискуссии о предмете, объекте, методах и задачах археографии, прошедшей на страницах журнала «Советские архивы» несколько лет назад²⁰. Один из участников дискуссии, Е. Ф. Шорохов, обратил внимание на то, что «почти во всех работах по архивоведению и археографии в первую очередь говорится не о публикации документов, а о публикации исторических источников, допускается взаимозаменяемость этих понятий, хотя, как известно, это не одно и то же»²¹. Сам же Шорохов настаивал на том, что в сферу археографии входит публикация документов как носителей социальной информации; издание же источников является лишь частью документальных изданий²². Заметим прежде всего, что Шорохов здесь не совсем точен. Действительно, если исследователи при рассмотрении дефиниций и выяснении предмета, объекта и задач археографии зачастую показывают известное «равнодушие» к вопросу о соотношении терминов «документ» и «исторический источник», допуская их «взаимозаменяемость», в отношении самого предмета публикации разброс мнений выходит за рамки, обозначенные Шороховым: писалось и пишется о «научном издании текстов», «документальных текстов»²³, о публикации «письменных исторических источников»²⁴, «письменных памятников», просто «памятников»²⁵. А что касается использования терминов «публикация документов» или «исторических документов», то известно, что в архивоведческой и археографической литературе они распространены не менее широко, чем термин «публикация источников»²⁶; например, все издававшиеся в совет-

¹⁷ Современные проблемы советской археографии. С. 9.

¹⁸ Добрушкин Е. М. Об изучении археографической мысли в России XVIII века: (К постановке вопроса) // М. В. Ломоносов и русская культура: Тез. докл. конф., посвящ. 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. Тарту, 1986. С. 100–101.

¹⁹ Подробнее см.: Добрушкин Е. М. О судьбе «Истории Российской» В. Н. Татищева в истории археографии // ВИД. 1987. Т. 19. С. 144–151.

²⁰ Библиографию см. в названной редакционной статье: СА. 1979. № 6. С. 3.

²¹ Шорохов Е. Ф. О некоторых вопросах теории советской археографии // СА. 1976. № 4. С. 50.

²² Там же. С. 51–53, 55–56.

²³ Андреев А. И. О правилах издания исторических текстов // АД. 1926. Вып. 5/6. С. 91, 94; Сергеев А. А. Методология и техника публикации документов // АД. 1932. Вып. 1/2 (30/31). С. 70; Фарсоби В. В. К определению предмета источниковедения. С. 440.

²⁴ Селезнев М. С. Первый опыт систематического освещения истории русской дореволюционной археографии // Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР. М., 1957. С. 66; СИЭ. М., 1962. Т. 1. Стб. 810.

²⁵ Софинов П. Г. Из истории русской дореволюционной археографии: Краткий очерк. М., 1957. С. 7; Пушкарёв Л. Н. О предмете, методе и задачах археографии // СА. 1976. № 1. С. 76; и др.

²⁶ См., например: Бельчиков Н. Ф. Теория археографии. С. 72; Сергеев А. А. Указ. соч.; Попов А. К вопросу о наших публикациях исторических документов // АД.

ское время нормативно-методические документы-правила (начиная с известных «Правил издания документов» 1919 г., кончая действующими в настоящее время правилами 1969 г.), даже своими названиями говорят не об исторических источниках, а именно об издании документов. Возражая Е. Ф. Шорохову по существу, В. А. Черных предложил «документальные публикации, не преследующие научные цели (в частности, обнародования современных документов в периодической печати, в собраниях законов и постановлений и т. д.)... не включать в сферу археографии» (эту работу Черных также называет «публикационной деятельностью»). Свое мнение он обосновывал тем, что при осуществлении таких публикаций, «как правило, не приходится решать присущих археографии научных вопросов, связанных с разысканием документов, установлением их текста, авторства, датировкой и т. п., которые неизбежно появляются при публикации документов, возникновение которых отделено от их издания сколько-нибудь значительным промежуток времени»²⁷. Эта точка зрения получила поддержку в упомянутой заключительной редакционной статье журнала «Советские архивы», в которой, в частности, отмечалось, что «издавать документы в „не-научных“ публикациях гораздо проще именно с точки зрения археографии»²⁸.

Констатируя отсутствие единства взглядов в вопросе о том, любые ли публикации, издания документов включаются в сферу археографии, отметим еще раз, что такие термины, как «издание документов», «публикация документов», которые С. Н. Валк считал простыми и всем понятными, также оказываются многозначными. И дело не столько в том, что они обозначают одновременно «как сам процесс подготовки документов к печати, так и его результат — изданные документы»²⁹ (хотя это, безусловно, также затрудняет терминологическую работу), сколько в обозначении ими *разных процессов и разных результатов*. Неудовлетворенность этими терминами видна и в стремлении заменить их иногда словом «эдиция» (что, впрочем, ничего не может изменить по сути, поскольку это иностранное слово полностью соответствует русскому «издание» и иностранному «публикация»), а также применять для разных действий разные формы одного и того же слова. Так, «публикация» применяется к «научному изданию», а «опубликование» используется для того, чтобы выделить «неархеографическое действие»³⁰. Неспособность самих по себе слов «издание», «публикация» точно указать на «археографическое действие» (и его результат) и заставляет, на наш взгляд, прибегать к образованию новых терминов — таких, на первый взгляд, странных, как «археографическая публикация», «археографическое издание» и т. п. По всей видимости, смысл введения и использования этих терминов и заключается в том, чтобы достаточно

1935. № 3 (36); *Максаков В. В., Селезнев М. С.* О публикации документальных материалов в СССР // ВИ. 1953. № 2. С. 103; Хрестоматия по археографии. М., 1955; и др.

²⁷ *Черных В. А.* О предмете археографии и ее месте в кругу смежных научных дисциплин // СА. 1976. № 6. С. 52. Заметим, что сначала Черных говорит о *целях* публикации, а затем — о *методах*. В археографической литературе принято подчеркивать, что «любая публикация независимо от типа, вида и формы должна отвечать всем научным требованиям» (Правила издания исторических документов в СССР. М., 1969. С. 3).

²⁸ Современные проблемы советской археографии. С. 6.

²⁹ *Кондратьев В. А., Хевролина В. М.* Указ. соч. С. 150—151.

³⁰ *Литвак Б. Г.* Вопросы публикации источников... С. 259. Составители «Словаря современной архивной терминологии социалистических стран» (М., 1982. Вып. 1) попытались закрепить это словоупотребление: «опубликованием документа» они считают «доведение содержания документов до сведения общественности посредством печати, радио, телевидения или другим способом» (С. 160. П. 255), а «публикационной деятельностью» — «совокупность работ по подготовке документальной публикации, состоящую из выявления и отбора документов, выбора и передачи текстов документов и составления к ним научно-справочного аппарата» (С. 193. П. 306). Нельзя не отметить, что здесь упущена важнейшая операция — составление заголовков и легенд к публикуемым документам.

определенно провести границу между неодинаковыми по сути и целенаправленности действиями с предметами публикации: в приведенных выше примерах в одном случае добавлением слова «археографический» разграничивается работа историка по интерпретации источника непосредственно для исторических построений и работа собственно по изданию документа, исторического источника для дальнейшего использования его широким кругом заинтересованных лиц (С. Н. Валк, Ю. С. Воробьева и В. П. Козлов)³¹; в другом случае делается попытка разграничить разные по характеру «публикации» (использованием термина «археографическое издание» в качестве синонима термина «документальная публикация»).

Не углубляясь в сложный самостоятельный вопрос о различном подходе к документу ученого-историка и публикатора, отметим, что для различения неодинаковых по сути «публикаций», схожесть которых чисто внешняя и заключается лишь в использовании технических средств, позволяющих размножать, тиражировать (т. е. выпускать печатную продукцию), надо, видимо, исходить не только из целей издания. В. А. Черных, наверное, более прав, обращая внимание на обязательность решения определенных «научных вопросов» при подготовке изданий документов (исторических источников, письменных памятников³²), входящих в сферу археографии. Но только указания на «научные методы», видимо, недостаточно (и, конечно, довольно наивно связывать решение этих вопросов с тем, в каких «публикациях» «проще» или «сложнее» издавать документы)³³. Важным нам представляется замечание Черных о том, что археограф имеет дело с «публикацией документов, возникновение которых отделено от их издания сколько-нибудь значительным промежутком времени»³⁴. Названный временной фактор сам по себе может быть и не совсем точен (хотя бы уже потому, что слишком неопределенно звучит, а также потому, что и достаточно старый документ может быть издан таким образом, что его публикация не будет отнесена к «археографическим»). Однако подход к вопросу нам кажется плодотворным, так как обращает внимание на отношение публикатора к самому предмету публикации. Заметим, что Черных в своей дефиниции археографии в качестве предмета публикации указывает не «документ», а «письменный памятник»³⁵. Именно в том, что архео-

³¹ Ср. также характерное высказывание В. И. Буганова: «...задачей летописной археографии является введение в научный оборот летописных памятников как единого целого; их же источниковедческое, текстологическое исследование, разложение на составные части — задача не археографа, а исследователя — источниковеда, текстолога» (*Буганов В. И. Об издании русских летописей* // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 21). На необходимость, но и сложность разграничения разных видов работ с источником указывает и чрезвычайно интересная полемика между А. А. Зиминим и Д. С. Лихачевым по вопросу о публикации реконструкций текстов исторических источников (см.: *Зимин А. А. О приемах научной реконструкции исторических источников X—XVII вв.* // ИА. 1956. № 6. С. 133—143; *Лихачев Д. С. К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов* // ИА. 1957. № 6. С. 154—166). Здесь же хотелось бы отметить, что другим не менее важным аспектом теории (и истории) археографии, подлежащим разработке, является вопрос о месте, которое историки отводят (и отводили) этому виду работы с источником — его публикации — в общем процессе исторического исследования. Частично этот вопрос затронут в работе С. В. Рождественского (см.: *Рождественский С. Историк-археограф-архивист* // АД. 1923. Вып. 1).

³² Заметим, что отсутствие ясности в соотношении этих терминов затрудняет и решение терминологических проблем археографии.

³³ Ссылка на «определенные научные методы» при подготовке «документальных изданий» (например, при попытке очертить сферу археографии) оказывается малоэффективной: из текста «Словаря современной архивной терминологии социалистических стран» (С. 60. П. 92) все же не ясно, входят ли в круг археографии «нормативно-справочные документальные публикации» (с. 149. П. 237).

³⁴ *Черных В. А. Указ. соч.* С. 52.

³⁵ Там же. С. 53. Конечно, само по себе это не решает сложного вопроса о соотношении таких понятий, как архивный документ, исторический источник и документальный памятник (памятник истории, письменный памятник). См.: *Добрушкин Е. М., Морозов Б. М. К вопросу об определении понятия «документальный памятник истории и культуры»*: (Депоп. во ВНИИДАД. М., 1983. № 7990); *Пли-*

граф рассматривает публикуемый документ как исторический источник, как исторический памятник, наверное, можно видеть в первую очередь принципиальное отличие публикаций, входящих в сферу археографии, от любых других изданий документов. Публикатор-археограф независимо от его специальности (историк, филолог, этнограф и т. д.) подходит к публикуемому им документу всегда как к памятнику истории, документальному памятнику³⁶, т. е. рассматривает содержащуюся в нем информацию прежде всего как ретроспективную, выделяет мемориальную сторону документа как «остатка прошлого»³⁷. В этом контексте уже по-иному звучит указание на необходимость применения научных приемов (с точки зрения, конечно, исторической науки) для осуществления документальной публикации, входящей в сферу археографии. Выделяя в документе его мемориальную сторону, археограф подходит к нему как к историческому источнику, одновременно исходя из того, что публикуемый им документ будет рассматриваться (или, что еще важнее, сможет рассматриваться) также как исторический источник. Не случайно пишут о таком виде научной работы, как «археографическое исследование»³⁸, имея в виду как раз совокупность специальных научных действий археографа по подготовке документальной публикации. Именно в этой связи отметим, что в самой дефиниции археографии, говоря о публикации документов, наверное, уместно указывать на предъявляемые к такой публикации научные требования.

Возвращаясь к исходному термину «археография», отметим, что указанное использование производного от него прилагательного в сочетании со словами «публикация», «издание» и т. д. как раз и может помочь разграничить публикации документов, входящие и не входящие в сферу археографии. И это использование прилагательного «археографический» нам кажется не только уместным, но и терминологически содержательным. Говоря об «археографической публикации», «археографическом издании» документов (с целью отделить их от других видов печатной продукции), мы указываем на то, что речь идет об издании на основе научных принципов (выдвигаемых исторической наукой) исторических источников, памятников. «Археографическая публикация» («археографическое издание») — словосочетание, не несущее в себе тавтологии, поскольку этимологическое значение первого слова, как известно, не содержит в себе значения, тождественного словам «публикация», «издание». Привлекательность термина «археографический», на наш взгляд, в том, что он содержит в себе два элемента, непосредственно связанные со своим этимологическим значением, которые одновременно довольно определенно ориентируют именно на деятельность ученого-публикатора. Первая его часть — производная от прилагательного «архаиос» — как бы указывает на тот факт, что публикуется «старый», «устаревший», уже «бывший в употреблении»³⁹ документ,

заров Б. С. Актуальные теоретические и методологические проблемы советского архивоведения: Учеб. пособие. М., 1984. С. 88–89; и др. Поэтому здесь все эти термины мы условно используем как равнозначные.

³⁶ Несколько иначе рассматривает этот вопрос Б. С. Илизаров, считающий, что документ «становится» «документальным памятником» тогда, когда он «высвечен общественным вниманием и, как любой другой памятник, становится общим публичным достоянием» (Илизаров Б. С. Актуальные теоретические и методологические проблемы... С. 100–101; *Он же*. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания: (В свете представлений о социальной памяти) // ВФ 1985. № 8. С. 68–69). Представляется, что здесь нет особого противоречия нашей точке зрения, поскольку Илизаров рассматривает работу публикатора-археографа как «актуализацию ретроспективной социальной информации» (Илизаров Б. С. Роль ретроспективной социальной информации... С. 68–69).

³⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. III. С. 14.

³⁸ Козлов О. Ф. Теоретические основы отбора исторических документов для публикаций научного типа // Материалы Всесоюз. науч. конф. «Архивы СССР периода развитого социалистического общества». М., 1979. Ч. 2. С. 492; и др.

³⁹ Такое, не совсем распространенное, значение слова (обычно ограничиваются «древностью», «дряхлостью») в числе других привел еще в свое время Н. Ф. Бель-

т. е. подчеркивается направленность не на оперативные функции документа; очень важно, что здесь почти буквально указывается на подход к публикуемому источнику с точки зрения мемориальной. Вторая часть термина, на наш взгляд, также имеет принципиальное значение: как известно, глагол «графо» означает «пишу», «описываю». А ведь именно научное описание публикуемого исторического источника и составляет важнейшую, непеременимую часть (наряду с воспроизведением текста документа) работы публикатора-археографа (думаем, что по высказанным выше соображениям уместен и такой термин). На наш взгляд, «археографическую публикацию» и отличает от «неархеографической» то, что первая не только «тиражирует», воспроизводит текст публикуемого документа (на научных основаниях), но обязательно содержит в себе информацию о самом документе и о методах его публикации, что делает возможным изучение не только содержания, но и всего документа в целом (как известно, это существенно для включения исторического источника в научные построения). Научным описанием документа при его публикации в первую очередь являются такие ставшие обязательными элементы археографического издания, как заголовок и легенда⁴⁰, обозначаемые в совокупности, кстати, специальным термином «археографическое оформление»⁴¹. Наряду с этим элементы научного описания документов при публикации могут содержаться в так называемой археографической части предисловия, в комментариях и т. д. (мы имеем в виду обширный круг вопросов, связанных с информацией о самом документе). Научным такое описание является не только потому, что служит научным целям, но и потому, что оно уже есть результат научной, источниковедческой работы археографа над источником в процессе подготовки документальной публикации. Важность существующих ныне требований именно к описанию документа при его научной публикации, постепенно вырабатывавшихся в отечественной археографии еще со времен В. Н. Татищева, Г.-Ф. Миллера, Н. И. Новикова, подчеркивается «жестким» закреплением их в нормативно-методических документах (правилах) наравне с требованиями к воспроизведению текста источника. По качеству выполнения этих требований сегодня оценивают археографическую публикацию⁴². Как уже подметил Б. Г. Литвак, особенно наглядна, в частности, дифференцирующая роль легенды при осуществлении факсимильного издания, которое «исключает вмешательство публикатора в текст документа»; «без этого важного и лапидарного итога источниковедческой работы публикатора он превратился бы (при этой форме издания) в фотографа, в оператора множительной машины, что требует, конечно, навыка, но к науке отношения не имеет»⁴³.

чиков со ссылкой на греческо-русские словари первой половины XIX в. (см.: Бельчиков Н. Ф. Теория археографии. С. 18).

⁴⁰ Естественно, мы не сводим функции археографического заголовка, а тем более легенды только к научному описанию документа. См.: Валк С. Н. Археографическая «легенда» // АЕ за 1971 год. М., 1972.

⁴¹ Подробнее об этом см.: Добрушкин Е. М. Теоретико-исторические аспекты изучения «археографического оформления» публикуемых исторических источников // Актуальные вопросы теории, методики и истории публикации исторических документов: Межвуз. сб. М., 1988.

⁴² Вот характерный пример того, как оцениваются археографические публикации: «Характерной чертой публикаций в этом издании является большая предварительная исследовательская работа над издаваемым источником, результаты которой довольно полно отражаются и в легенде к публикации, и в других формах (реальный комментарий к тексту и пр.). Это облегчает введение новых памятников в науку, поскольку одновременно сообщаются сведения и о месте источника среди других, восстанавливается история создания текста, определяются автор и условия появления анонимного сочинения» (Павлюченко Э. А., Шапов Я. Н. «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина» как археографическое издание // АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 328). Кстати, название процитированной статьи показывает, что словосочетание «археографическое издание» также может иметь двойкий смысл. Поэтому для обозначения изданий исторических источников, входящих в круг археографии, лучше ограничиться термином «археографическая публикация».

⁴³ Литвак Б. Г. Вопросы публикации источников... См. также: Лихачев Д. С. Тексто-

Таким образом, рассматривая научное описание исторического источника как важную составную часть его научной публикации (а не только как самостоятельную работу по введению исторических источников в научный оборот, издавна предшествующую или же сопутствующую публикации и безусловно связанную с изданием источников⁴⁴), можно сделать вывод о том, что полезный потенциал «археографии» и производных терминов по отношению к научной публикации исторических источников, видимо, не исчерпан. Учитывая же и наличие в нем одновременно очень важного указания на подход к предмету публикации как «устаревшему» документу, можно, пожалуй, признать этот термин скорее приемлемым и даже удачным для обозначения научного издания исторических источников, нежели неподходящим, случайным. Если сами по себе термины «археография» и «публикация документов» являются недостаточно ориентирующими, то образованный из них термин «археографическая публикация» следует признать термином, верно ориентирующим⁴⁵. Поэтому-то он и может выступать, на наш взгляд, в качестве необходимого терминологического дифференцирующего элемента. Если принять предлагаемое понимание «археографически» загадочных (по выражению С. Н. Валка) работ, т. е. связывать археографию не с любым изданием документов вообще, а только с работой по научному воспроизведению текстов исторических источников в совокупности с обязательным их описанием (а также информированием пользователя о приемах, методах осуществления издания), то, по нашему мнению, исчезнет известное неудобство от наличия в одной терминологической системе одновременно двух терминов — «археография» и «археографическая публикация»⁴⁶. Таким образом, в целях совершенствования терминологии совсем необязательно идти по пути устранения одного из названных терминов; многое будет зависеть от того, что же в конечном счете понимать под термином «археография» и как его употреблять (в данном случае безразлично — в «широком» или «узком» смысле).

Что же касается вопросов истории археографии, то представляется, что дифференциация документальных изданий в зависимости от подхода публикатора к издаваемому им документу (отсюда и наличия решения им специальных научных проблем) поможет внести некоторую ясность прежде всего в вопрос о том, включать ли в круг «археографических источников» по истории археографии так называемые публикации документов «в практических целях». Ни в упоминавшейся книге П. Г. Софинова, ни в коллективном учебном пособии МГИАИ 1969 г. публикации документов «в практических целях» не рассматриваются в качестве «археографического факта»⁴⁷. Это вызвало критику со стороны некоторых рецензентов, считавших необходимым при изложении истории отечественной археографии отражать и «большую работу по изданию в дореволюционной России источников для практических нужд, например законодательных»⁴⁸. Думается, что здесь имеется очевидное

логия: На материале русской литературы X—XVII вв. 2-е изд. Л., 1983. С. 495; и др.

⁴⁴ При «широком» понимании «археографии» описание «документальных памятников» предлагается считать «отдельной сферой археографической деятельности» — «описательной или камеральной археографией» (*Шмидт С. О.* Некоторые итоги и перспективы развития археографии отечественной истории // *Археография и источниковедение*. Сыктывкар, 1977. С. 19; и др.). О взаимосвязи работ по публикации источников и их описанию см.: *Чирков С. В.* Некоторые проблемы развития русской археографии... С. 17—21.

⁴⁵ Ср.: *Ханнира Э. И.* Указ. соч. С. 43—44.

⁴⁶ Видимо, это неудобство в свое время ощутил и С. Н. Валк, почему и заключил все-таки в кавычки второе слово в словосочетании «неархеографическая „публикация“».

⁴⁷ *Софинов П. Г.* Из истории русской дореволюционной археографии; *Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М.* История археографии в дореволюционной России: Учеб. пособие. М., 1969.

⁴⁸ *Хевролина В. М.* [Рецензия] // *СА*. 1971. № 1. С. 118.— Рец. на кн.: Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М. История археографии в дореволюционной России: Учеб. пособие. М., 1969. См. также: *Селезнев М. С.* Первый опыт... С. 66; *Копы-*

смещение понятий (разве что под «практическими» иметь в виду нужды исторической науки): опубликование документов ради выполнения ими своих оперативных функций вряд ли можно рассматривать (и не рассматривается, конечно, самими издателями) как публикацию исторических источников. И как раз наиболее ярким примером таких изданий является, на наш взгляд, именно обнародование посредством тиражирования (публикации) актов действующего законодательства, а также вводимого (скажем, Свода законов Российской империи, издававшегося только на протяжении первой половины прошлого столетия трижды). Насколько такая работа далека от сюжетов археографии, видно, например, из специальной литературы, посвященной изданию законодательных актов⁴⁹. Отмечая отсутствующую до сих пор ясность в этом вопросе, Б. Г. Литвак справедливо, на наш взгляд, подчеркнул, что существует «принципиальное качественное различие между опубликованием законодательного акта как «продуктом государственной законодательной деятельности», «как частью, приемом, формой государственной деятельности» и «публикацией, изданием законодательного акта как археографическим действием»⁵⁰.

Из сказанного также логически вытекает, что фактами истории археографии должны быть (если речь вести в данном случае именно об осуществленных в прошлом изданиях документов) археографические публикации. Хотя следует отметить, что для этапа зарождения и становления археографии в России зачастую будет не так просто провести четкую грань между археографическими и неархеографическими изданиями документов. Для всего XVIII столетия (а в особенности для его первой половины), например, наверно особым образом будет стоять вопрос о том, с какой целью и на каких основаниях осуществлялось то или иное издание документов. Здесь мы имеем в виду уже не столько издания документов «в практических целях», сколько вообще любые документальные публикации, осуществлявшиеся с заведомо ненаучными целями. В частности, пока в литературе не все ясно в вопросе о так называемых изданиях документов «в политических целях». Фактически во всех работах по истории отечественной археографии, затрагивающих первую половину XVIII в., обязательно хотя бы упоминаются издания документов «в политических целях», однако с разным отношением к этим публикациям. Так, П. Г. Софинов в разделе «Первые публикации документов» (главы «Зарождение русской археографии»), упоминая об известных изданиях документов в начале XVIII в. (грамоты Максимилиана 1514 г. и другие «аналогичные документы»), указывает, что эти публикации осуществлялись «исключительно в политических целях», и по сути дела не признает их фактами истории русской археографии. Отмечая, что «все эти публикации отдельных исторических документов, производившиеся исключительно в политических целях, в ограниченном количестве... не могли выработать научных методов издания источников», Софинов считал, что «издание письменных исторических памятни-

лов В. Р. Состояние и перспективы разработки теории и методики археографии // Роль научных исследований в совершенствовании работы архивных учреждений в свете решений XXV съезда КПСС. М., 1977. С. 50. Ротапр.

⁴⁹ См., например: Рыбаков Ю. Я. Своды законов Российской империи первой половины XIX в.: (К источниковедческой характеристике) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: Статьи и материалы. М., 1984. С. 61–68. Здесь, скорее всего, можно говорить о воспроизведении текста документов, а не о публикации документов в целом. Не углубляясь далее в самостоятельный вопрос о разнице между публикацией текста документа и публикацией самого документа, еще раз лишь отметим: если археографическая публикация не может обойтись без научного воспроизведения текста источника, то одно только его воспроизведение (тиражирование) — пусть даже очень старого документа, извлеченного из архива, — не может составить, видимо, археографической публикации (к тому же без научного описания публикуемого документа и соответствующей информации о приемах издания). Употребление же таких понятий, как «элементы археографии», «своеобразная публикация» и т. п. отнюдь не способствует, на наш взгляд, решению обсуждаемых проблем.

⁵⁰ Литвак Б. Г. Вопросы публикации источников... С. 259.

ков в России началось во второй половине XVIII века»⁵¹. Напротив, в упоминавшемся коллективном пособии 1969 г. по истории дореволюционной археографии дается специальный раздел «Публикация документов в политических целях в начале XVIII в.», где говорится об издании в первой четверти XVIII в. «Книги Марсовой», документов в приложении к книге П. Шафирова — «Объявления розыскного дела и суда», «Воинского устава», «Генерального регламента» и т. д. без каких-либо оговорок как о полноценных археографических фактах; причем в самом тексте раздела не делается различия между изданиями «в политических» целях и публикациями «в практических целях»⁵². Также и в другом учебном пособии хоть и отмечается, что публикации петровского времени «не преследовали научные цели» (причем, как указывает автор, «среди них мало было собственно исторических документов, большая их часть являлась современными»), однако эти документальные издания выделяются в особый раздел, аналогичный имеющемуся в предшествующем пособии, и разбираются в качестве археографических публикаций документов⁵³. Основанием для такого отношения к этим документальным публикациям, видимо, служит то, что «эти публикации содействовали развитию определенных археографических навыков»⁵⁴. Все же, как нам представляется, и сам термин «археографические навыки», довольно широко распространенный в литературе по истории отечественной археографии раннего времени, нуждается в дополнительном рассмотрении и обосновании (тем более что с этим термином оказывается связанным вопрос о времени зарождения археографии в России). Впрочем, и все перечисленные вопросы истории археографии требуют, на наш взгляд, специального рассмотрения. Дальнейшее изучение необходимо и для решения затронутых в данной статье важных терминологических проблем археографии.

⁵¹ Софинов П. Г. Из истории русской дореволюционной археографии. С. 12–15.

⁵² Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М. История археографии в дореволюционной России. С. 13–17. Кстати, наличие одновременно двух терминов — «издание документов в политических целях» и «издание документов в практических целях» — предполагает их несовпадение, что не может быть, видимо, принято бесспорно.

⁵³ Такое «уравнение в правах» публикаций документов в «научных целях» и публикаций, осуществленных в «ненаучных целях», не вызвало возражений и рецензентов этих пособий (см.: Хевролина В. М. Указ. рец. С. 118; Воробьева Ю. С., Козлов В. П. Указ. рец. С. 78).

⁵⁴ Эпштейн Д. М. История археографии в дореволюционной России: Период феодализма. М., 1977. С. 12–16. Такой взгляд был присущ еще составителям «Хрестоматии по археографии» 1955 г.; причем в ней «публикация юридических памятников и актового материала» «для политических и практических нужд», «производившаяся еще в середине XVII и начале XVIII вв.», отождествлялась с «научным изданием актового материала» (Хрестоматия по археографии. С. 21, 24).

Э. И. Ханпира

АРХИВОВЕДЧЕСКОЕ ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ: ИЗ ОПЫТА СЛОВАРНОЙ РАБОТЫ

Цель статьи — привлечь внимание к случаям, почерпнутым автором из опыта участия в коллективной работе над толковым нормативным «Словарем современной архивной терминологии социалистических стран» (как над 1-м его выпуском (М., 1982), так и над 2-м)¹ и ГОСТом 16487-83 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения»². Разумеется, это только часть компонентов современной архивной терминологии, либо вызывающих разное понимание, а следовательно, полемику, либо требующих разъяснений, обоснований или уточнений.

Термины *варианты документа, редакции документа*

Нередко составителям Словаря (вып. 1) задают вопрос: почему в Словаре нет терминов *варианты документа* и *редакции документа*?

В упорядоченной терминологии действует правило: термин и в качестве терминологического элемента³ должен сохранять то свое значение (или одно из тех своих значений, если он многозначен), которое он имеет как термин, которое за ним как за термином признает терминологическая норма. Иначе говоря, в границах данной терминологии и в данное время термин не меняет своего значения, становясь терминологическим элементом.

Терминологическая норма — вид языковой нормы. Есть языковая норма как объективно существующее явление и есть языковая норма как отражение (с разной степенью точности) этого явления в сознании пишущих о языке. Различение языковой нормы объективной и субъективной (писаной) давно известно языкознанию. Терминологическая норма тоже выступает и как объективно существующая, и как отражение этой объективной реальности в сознании и работах терминоведов. Объективная терминологическая норма — это существующая в данное время в данной сфере практической деятельности и (или) научной дисциплине общепринятая совокупность терминов, а также словообразовательных и словосочетательных моделей, по которым образованы и могут быть созданы знаковые стороны терминов. Субъективная (писаная) терминологическая норма есть отражение объективной нормы, основанное на изучении терминопотребления авторитетных носителей терминологии и выраженное в виде рекомендаций, предписаний, правил, прямых и косвенных запретов, а также дефиниций понятий, заключенных в терминах.

В объективной норме современной советской архивной терминологии термин *документ* имеет одно значение. Это понимание документа с той или иной степенью точности отражали и «Краткий словарь архивной терминологии» (М.; Л., 1968), и ГОСТ 16487-70 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» (М., 1971. Далее: ГОСТ 16487-70) и Словарь (вып. 1). В ГОСТе 16487-83 термин *документ* имеет такую де-

¹ Далее: Словарь (с указанием при необходимости номера выпуска).

² М., 1984. Далее: ГОСТ 16487-83.

³ Терминологическими элементами называют каждое из полнозначных слов неомногословного термина и каждую из основ сложного слова, являющегося термином, т. е. терминологические элементы — это составные части знаковой стороны термина, имеющие лексическое значение, например: *архивный документ, архивохранилище*.

финицию: «Материальный объект с информацией, закрепленной созданным человеком способом для ее передачи во времени и пространстве»⁴.

В устной речи и в архивоведческой литературе бытуют термины *варианты документа*, *редакции документа*. В их составе два терминоэлемента: *варианты* и *документ*, *редакции* и *документ*. Соответствует ли современной норме архивной терминологии то значение, в котором употреблен здесь терминоэлемент *документ*? Нет, не соответствует. Ведь в том понимании, которое считается ныне нормативным в архивной терминологии, документ не может иметь вариантов. В самом деле, если перед нами два (или более) листа бумаги с двумя (или более) вариантами либо редакциями текста — это два (или более) материальных объекта или один и тот же? Конечно, два (или более). Но как же тогда с утверждением, что все это варианты (или редакции) одного и того же документа? Два и более материальных объекта, а документ один? Это логически противоречит принятому определению документа. Здесь документ как единство материального объекта с закрепленной на нем информацией явно отождествляется с самой этой информацией (в приведенном примере — с произведением речевой деятельности, с его, произведения, вариантами или редакциями), т. е. происходит подмена понятия: понятие «документ» подменяется понятием «информация». В нестрогой профессиональной (а тем более непрофессиональной) речи (например, делопроизводственной) сплошь и рядом *документ* употребляется фактически в значении «произведение, сочинение, текст». Терминологический словарь позволить себе такую вольность обращения с уже определенным на его странице термином не может. Нельзя допускать, чтобы термин, употребленный в качестве терминоположения, получил иное, дополнительное значение, не отмеченное, не признанное за ним как термином.

В учебнике «Теория и практика архивного дела в СССР» находим: «Существует еще одна форма повторяемости информации — вариантность. В практике нередки случаи составления двух и более текстов *одного и того же документа*. Такие тексты могут различаться деталями, не изменяющими смыслового содержания документа. Вариантность отражает этапность в создании документа. Но может быть и другой случай повторяемости информации, когда внесенные в текст документа изменения существенно повлияют на его содержание, и они будут фиксировать различные пути решения одного и того же вопроса. Например, проекты плановой документации, представленные на обсуждение, могут существенно отличаться друг от друга и от утвержденного плана. В данном случае проекты планов можно рассматривать *разными редакциями одного документа*»⁵.

Текстологи говорят и пишут *вариант текста*, *редакция текста*. Но то, что ясно текстологам, не всегда ясно архивоведам и документоведам. Во всяком случае, не без труда в 1-й выпуск Словаря вошли термины *варианты текста документа* и *редакции текста документа* вместо предлагавшихся *варианты документа* и *редакции документа*.

Текст — это продукт речевой деятельности. Он может быть закреплен на каком-либо носителе, а может и не быть зафиксирован, как например, поэтический экспромт, выступление в научной дискуссии и т. д. Закрепление текста на каком-либо носителе есть акт документообразования. Всякое изменение произведения речи (по содержанию и (или) по смыслу) автором, редактором или переписчиком создает новый вариант или новую редакцию этого произведения. Если вариант или редакция выполнены не на том же самом носителе, то мы имеем одно и то же

⁴ Оговорка о способе, созданном человеком, сделана для того, чтобы не считать, например, ген документом: генетическая информация закреплена способом, созданным природой, а не человеком.

⁵ Теория и практика архивного дела в СССР. М., 1980. С. 78 (выделено мной. — Э. Х.). Далее в тексте ссылки на это издание учебника.

В рецензии Н. И. Стяжкина на книгу Р. К. Луканина «„Органон“ Аристотеля» читаем: «...тщательный текстологический анализ источников, сопоставление различных вариантов одних и тех же документов...» (ВФ 1985. № 6. С. 170).

произведение (в разных редакциях или вариантах), но несколько документов (например, рукописей).

История с *вариантом* повторилась, когда началась работа над словариком 2-го выпуска Словаря: один из его составителей предложил включить термин *варианты фотодокумента*. Предложение отклонили, и в словник включен термин *варианты фотоизображения*. Оно и понятно. Не может быть одного фотодокумента при наличии двух (или более) негативов: ведь каждый из негативов — материальный объект с закрепленной на нем информацией (в этом случае изобразительной). Информация (изобразительная, речевая, звуковая) может варьироваться, закрепляясь всякий раз на другом носителе. Но данный носитель не может в одно и то же время быть в двух или более вариантах.

Если допустить, что для применяющих термин *варианты документа* (*редакции документа*) терминологический элемент *документ* равен по смыслу термину *документ* в его отвечающем терминологической норме понимании, тогда термины *варианты документа* (*редакции документа*) обозначают нулевой денотат, пустой класс предметов, как говорят логики, т. е. ничего не обозначают. Это все равно, что сказать *круглый квадрат*. Если же принять, что термин *документ* и соответствующий терминологический элемент не равны по значению, тогда нарушается правило, обеспечивающее единообразие понимания термина в данной терминотерминологической системе. Следовательно, перед нами или обозначающее без обозначаемого, или нарушение требования нормы. Термины *варианты документа*, *редакции документа* «не вписываются» в современную архивную терминологическую систему. Вот почему их нет в Словаре.

Термин *личный архив*

Этот термин широко употребляется как в публицистике, так и в работах историков, литературоведов. Встречается он и у архивистов, например в учебнике «Теория и практика архивного дела в СССР», в учебном пособии «Актуальные теоретические и методологические проблемы советского архивоведения» (М., 1984) Б. С. Илизарова. Отвечает ли данный термин норме современной архивной терминологии? Нет, не отвечает. В предисловии к Словарю (вып. 1, с. 5) сказано: «Следует оговорить понимание в Словаре одного из базовых терминов — термина *архив*. Этот термин многозначен. *Архив* — это и учреждение, специально занятое хранением, систематизацией и описанием документов, и совокупность документов организации или лица (например, „архив Иоганна В. Гете“), и название специальных книг, периодических сборников и изданий, в которых публикуются исторические документы (например, „Архив К. Маркса и Ф. Энгельса“). *Архив* употребляется иногда еще и в значении „здание, помещение, где находятся, хранятся документы“, т. е. в значении, присущем слову *архивохранилище*. В употреблении архивистами данного термина наблюдается движение к моносемичности (однозначности), т. е. к устранению у него всех других значений (неглавных, неактуальных), кроме одного. Исходя из установки Словаря на отражение современной архивной терминологии, а также используя свое право на нормализаторский подход, т. е. допущение одних терминов и значений и недопущение других терминов и значений, и руководствуясь стремлением избавлять по возможности термины от многозначности, от семантических перегрузок, составители Словаря признают за термином *архив* лишь первое из приведенных значений» (с. 5). ГОСТ 16487-83 так определяет значение термина *архив*: «Организация или ее структурное подразделение, осуществляющие прием и хранение документов с целью использования ретроспективной документной информации».

Итак, согласно нормативным словарям, в современной советской архивной терминологии *архив* — однозначный термин. Вдумаемся теперь в термин *личный архив*. Здесь слово *архив* выступает в роли терминологического элемента и означает «совокупность, собрание документов». Но такого значения норма за термином *архив* не признает. Стало быть, нарушается

то требование советской терминоведческой школы к упорядоченной терминологии, о котором уже говорилось, когда речь шла о *варианте документа* и *редакции документа*. Вот почему термин *личный архив* отсутствует в Словаре, а терминологический стандарт прямо запрещает его употребление. Конечно, в публицистике, в нестрогой речи термин *личный архив* имеет право на жизнь. Но в терминологически строгой речи архивистов и архивоведов следует вместо этого термина употреблять термин *документальный фонд*, который так определен в ГОСТе 16487-83: «Совокупность документов, образовавшихся в деятельности организации либо лица»⁶. Кстати, это хорошо согласуется с наличием термина *фондообразователь* (который в терминологическом стандарте пояснен так: «Организация или лицо, в деятельности которых образуется документальный фонд») и отсутствием термина *архивообразователь*.

Термин *архивный документ*

Термин *архивный документ* — один из составляющих ядро архивной терминологии. Поставим два вопроса: нуждается ли он в определении? Если да, то как его определить? В определениях нуждаются все термины, кроме дефинитивных (т. е. таких, знаковая сторона которых служит им определением). Следовательно, наш первый вопрос можно трансформировать так: дефинитивен ли *архивный документ*?

Составители «Краткого словаря архивной терминологии» косвенно признали термин недефинитивным, дав определение его синониму — термину *архивные материалы* (тоже имеющему ясную внутреннюю форму знаковой стороны): «документальные материалы, хранящиеся в архиве». Словарь (вып. 1) уже прямо определяет термин *архивный документ*⁷: «документ, хранящийся в архиве». Когда пересматривался ГОСТ 16487-70, дефиниция термина *архивный документ*, перенесенная в проект нового стандарта из Словаря, была признана тавтологичной, а сам термин — дефинитивным и вместо определений был поставлен прочерк. В самом деле, стандарт однозначно понимает термин *архив*. В этих условиях предложенная дефиниция термина *архивный документ* тавтологична, а сам термин вполне допустимо признать дефинитивным⁸. Однако все это становится не столь очевидным, если мы обратимся к некоторым из зарубежных архивных терминологий. Здесь зыбко значение и термина *архив*⁹, и термина *архивный документ*. Дефинитивность последнего тут крайне сомнительна. Во время подготовки Словаря (вып. 1) в одном из вариантов его текста по предложению одной из стран-участниц термин *архивный документ* был признан синонимом термина *ценный документ* т. е. любой архивный документ предлагалось считать ценным, а любой ценный — архивным независимо от того, когда он создан (сегодня или 100 лет назад), где находится (еще в организации, в ее до-

⁶ В учебнике «Теория и практика архивного дела в СССР»: «Вся совокупность документов (независимо от их ценности и местонахождения), возникших в процессе деятельности какого-либо фондообразователя, называется документальным фондом» (с. 30).

⁷ Этот словарь, будучи нормативным, не включил в словник термин *архивные материалы*, считая его устаревшим.

⁸ Дефинитивность термина *архивный документ* вызывается языковым сознанием, прочно связывающим закономерной словообразовательной и смысловой связью *архив* и *архивный*. Этот факт массового языкового сознания отражен в толковых словарях. Например, в «Словаре русского языка» (в 4-х т.) читаем: «*Архивный*... Прил. к *архив*» (М., 1981. Т. 1). Попытка разорвать эту связь вызывает сопротивление языкового сознания, представляется актом насилия над ним.

⁹ Даже термин *государственный архив* не имеет общепризнанного значения. Ср. следующее сообщение: «Наибольшие споры возникли вокруг определения государственных архивов... многие выступавшие отмечали, что... вряд ли такая задача, даже если бы она была поставлена, могла бы быть реализована в силу большого разнообразия в теории и практике архивного дела в разных странах» (Цыбуков В. В. О правопреемстве государств в отношении архивов: (К итогам Венской конференции ООН 1983 г.) // СА. 1983. № 5. С. 71).

кументообороте или дома у какого-нибудь лица, либо уже в архиве)¹⁰. После обсуждения такое понимание было отвергнуто. Во-первых, существуют ведомственные архивы. В них, кроме ценных документов, есть и неценные — документы с ограниченным сроком хранения. По предлагавшемуся определению, это не архивные документы. Но если их все же вопреки определению продолжать считать архивными, тогда термин *архивный документ* становится двусмысленным (что никак не способствует терминологической точности): кроме ценностного (аксиологического) понятия ему приписывается еще и другое, отражающее, в частности, такой признак, как перемещение документа в архив. А двусмысленность требует не одного, а двух определений в словаре (по числу значений). Во-вторых, статус архивных получили бы документы, еще находящиеся в регулярном пользовании и использовании, на том основании, что ввиду их ценности они подлежат государственному (постоянному, т. е. бессрочному) хранению в архивах, т. е. их перемещение в будущем на постоянное хранение в архив считается достаточным основанием для зачисления их в архивные уже сейчас. Такое стирание различия между актуальным и потенциальным некорректно с логической и правовой точек зрения. Статус архивных получили бы и ценные документы, находящиеся в личной собственности. Но даже те, кто употребляет термин *личный архив*, не являющийся нормативным в современной отечественной архивной терминологии, даже они под *архивными документами* не имеют в виду документы, находящиеся на дому у какого-нибудь лица на праве личной собственности. Итак, с одной стороны, объем понятия «архивный документ» сужается (исключаются из него неценные документы ведомственных архивов), а с другой стороны, он расширяется (включаются документы, находящиеся в регулярном пользовании и использовании, а также являющиеся личной собственностью граждан и пребывающие в их руках). Кроме того, принятие предлагавшегося определения термина *архивный документ* привело бы к пересмотру отношений между понятиями, заключенными в терминах *архивный документ* и *ценный документ*. Если ранее это были пересекающиеся понятия («некоторые архивные документы суть ценные документы» и «некоторые ценные документы суть архивные документы»), то теперь между этими понятиями устанавливались бы отношения тождества, т. е. термины, заключающие их в себе, следовало бы рассматривать как синонимы.

Размывание функциональных границ и четких границ местопребывания архивных документов, перевод архивных документов в «другое измерение» — аксиологическое — не могли бы не привести и к пересмотру значения термина *архив*, к его переозначиванию, как говорят языковеды. Цепная реакция переозначивания затронула бы многие термины. А если термин *архив* продолжали бы понимать по-прежнему, тогда термин *архивный документ* в его новом значении сразу же стал бы ложно ориентирующим термином: знаковая сторона совершенно не отвечала бы понятийной, не соответствовала бы ей, ориентировала бы на другую¹¹. «Выход» из такого положения пришлось бы искать либо в установлении двусмысленности термина *архивный документ* (см. выше), либо в установлении двусмысленности термина *архив* (что еще хуже: совокупность цепных документов, находящаяся в регулярном пользовании и использовании, стала бы именоваться архивом и получил бы «вид на жительство» термин *личный архив*: им бы стали называть собрание документов — правда, уже не всякое, хранящееся на праве личной собственности у какого-нибудь

¹⁰ Кстати, дефиниция термина *ценный документ* в ГОСТе 16487-83, повторяющая суть соответствующего определения Словаря, требует, видимо, уточнения. Вспомним дефиницию: «Документ, имеющий политическое, народнохозяйственное, научное, социально-культурное значение и на этом основании подлежащий государственному учету и приему на государственное хранение». Однако, наверное, всякий документ имеет то или иное из перечисленных значений. В отличие от обычного документа ценный имеет постоянное политическое и прочие значения.

¹¹ О ложно ориентирующих терминах см.: Ханнира Э. И. Архивоведческое терминоведение: объект и предмет // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 43–49.

лица, а только собрание ценных документов). Таким образом, следование за существующим в ряде государств пониманием «архивности» как ценности ни к чему, кроме путаницы в нашем архивном деле, не привело бы.

Не все зарубежные архивисты считают термин *архивный* документ синонимом термина *ценный документ*. Правда, и тут не обходится без неточностей. Например, в проекте международного стандарта ИСО/ДИС 5127/4 «Документация и информация. Словарь. Часть 4: Архивные документы»¹² из дефиниции термина *архивный документ* следует, что это документ любой формы и любой физической характеристики, созданный или полученный и хранимый индивидом (физическим лицом) или юридическим лицом в силу их функций или рода деятельности. Здесь признаком «архивности» документа служит не его ценность, а самый факт его хранения. Ясно, что такое понимание архивного документа (понимание его как хранимого документа) не может не затронуть и понимания термина *архив*. Если нормой в советской терминологии, а также в архивной терминологии других стран социалистического содружества является понимание архива как организации или структурного подразделения, осуществляющих прием и хранение документов с целью использования ретроспективной документной информации, то предлагаемая проектом дефиниция термина *архивный документ* допускает понимание термина *архив* как в значении, принятом в странах социалистического содружества, так и в значении «где-либо хранящееся собрание, совокупность документов». Таким образом, признак «архивности», отождествляемый с признаком «хранимости», ведет к многозначности термина *архив*, к признанию, в частности, отброшенного нормой современной советской архивной терминологии термина *личный архив*.

В. В. Цыбуков отмечает, что «в одних странах документы считаются архивными спустя несколько дней после их создания, а в других — через десятилетия»¹³. Однако признаком «архивности» документа не может быть время, прошедшее с момента его возникновения: документ, созданный 100 лет назад и находящийся на праве личной собственности в документальном фонде какого-либо лица, не является архивным, если под архивом разуметь то, что разумеем мы. Терминоэлемент *архивный* не синоним слов *древний* или *старый*. А в тех странах, в которых, как пишет В. В. Цыбуков, архивными признаются документы через несколько дней после их появления, там явно действует не временной признак «архивности», а либо ценностный (о чем уже говорилось), либо признак «хранимости» (о чем тоже уже сказано), либо признак перемещенности в архив (и тут все зависит от того, что понимают под термином *архив*).

Остановимся еще на некоторых попытках дать дефиницию интересующего нас термина. Вот как определяет *архивный материал* «Rjesnik arhivske terminologije Jugoslavije» (Zagreb, 1972): «1) Подлинный (оригинальный) и воспроизведенный (писанный, печатный, фотографический...) документальный материал, возникший в течение деятельности создателя архивного материала, имеющий постоянную общественную, в частности научную и культурную ценность; 2) это такой архивный материал, который в основном утратил практическое значение и прошел отбор; 3) в широком смысле: архивный материал, являющийся таковым без учета места хранения, времени возникновения и ценности». Бросается в глаза логическая некорректность дефиниции (тавтология, *idem*

¹² Projet de norme internationale ISO/DIS 5127/4 // Documentation et information: Vocabulaire. S. I., 1984. Pt 4: Documents d'archives: (Organisation internationale de normalisation).

¹³ Цыбуков В. В. Указ. соч. С. 71. В статье И. Ф. Попова «Новый закон об архивах Франции» (СА. 1980. № 3. С. 67) цитируется статья 1-я этого закона: «Архивы — это комплекс документов, независимо от даты происхождения, формы и материального носителя, созданные или полученные любым физическим или юридическим лицом и любым государственным или частным учреждением или организацией при исполнении своих функций». Здесь нет даже признака «хранимости».

per idem — «то же через то же»). Здесь, в сущности, так и остается неизвестным, что же такое архивный материал. Он выступает тут как неопределяемый родовой термин в дефинициях видовых терминов. При этом в значении, установленном первой из трех дефиниций, ясно виден ценностный подход, ценностное понимание «архивности» архивного материала.

Термин *архив* в этом словаре показан как двузначный: «1) учреждение; 2) здание или помещение (склад, хранилище, где хранится архивный материал)». Здесь составители проявили непоследовательность: если признаком «архивности» архивного материала полагают его постоянную ценность, то у термина *архив* должно быть еще одно значение, которое могло бы быть показано так: «То же, что архивный материал (в 1-м знач.)». Это при условии, что словосочетание *архивный материал* имеет в виду некоторое множество документов, т. е. употреблено в собирательном смысле. Если имеется в виду единичный документ, тогда одно из значений термина *архив* составители могли показать так: «Совокупность, собрание архивных материалов (в 1-м знач.)». Но в любом случае «архивность» документа, понимаемая как постоянная его ценность, ведет к появлению у термина *архив* дополнительного значения.

В «Толковом словаре для архивистов, хранителей рукописей и управляющих документацией»¹⁴ нет статьи, посвященной термину *архивный документ*. В статье «Архивы» находим: «1. Не находящиеся в обращении документы (The noncurrent records) (организации или учреждения), сохранные в силу их постоянной ценности; называемые также в этом смысле архивными материалами (archival materials) или архивными фондами (archival holdings). 2. Учреждение, несущее ответственность за отбор, хранение и предоставление архивных материалов; называемое также архивным учреждением (archival agency). 3. Здание или часть здания, в котором хранятся подобного рода материалы; называемое также архивным хранилищем».

Итак, архивные документы, согласно смыслу всего процитированного, это постоянной ценности документы юридических лиц, хранящиеся архивным учреждением. Значит, документы, не имеющие постоянной ценности, а также документы личного происхождения ни при каких обстоятельствах не могут быть названы архивными. Не вызывает одобрения и многозначность термина *архив*. Она, как показал советский опыт, вовсе не является неизбежным злом.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, дефинитивность термина *архивный документ* оказывается мнимой, если учесть паличие дефиниций этого термина в разных странах и отсутствие при этом единообразия его понимания. Во-вторых, существующие зарубежные дефиниции эквивалентов этого термина представляются неудовлетворительными с точки зрения сложившегося в советском архивоведении понимания архивного документа.

Переводя за рубежом нашу архивоведческую литературу, термин *архивный документ* заменяют таким же по структуре знаковой стороны термином, но при этом неизбежно понимают его по-своему. Значит, эквивалентность терминов в данном случае далеко не полная. Перед лицом такого разнобоя в понимании термина следует, наверное, попытаться дать его явное определение, отражающее понимание архивного документа советскими архивистами.

Автор предлагает вниманию читателя свою дефиницию этого термина: «документ, утративший регулярность пользования и использования в деятельности фондообразователя и сохраняющий после этого свое значение в течение определенного срока или бессрочно и на этом основании принятый на хранение в ведомственный или государственный архив». Тут указаны три необходимых и достаточных признака архивного доку-

¹⁴ A basic glossary for archivists, manuscripts curators and records managers // The Amer. arc. Washington, 1974. Vol. 37, N 3.

мента: 1) отсутствие регулярности пользования и использования, 2) сохранение значения и 3) факт приема на хранение в архив.

Анализ терминов *архивный документ*, *государственный архив* помогает обнаружить в терминологии интересное явление, которое назовем относительной дефинитивностью терминов. В случае с двумя названными терминами их относительная дефинитивность есть результат различия общественно-экономических формаций и (или) национально-государственных традиций, т. е. это дефинитивность в одном обществе или регионе и недефинитивность в другом (других) в одно и то же время.

Термин *Государственный архивный фонд СССР*

В ГОСТе 16487-83 *Государственный архивный фонд СССР* определен так: «Совокупность ценных архивных документов, являющихся собственностью Советского государства». Из процитированного вытекает, что, во-первых, не все ценные документы суть архивные, во-вторых, не все архивные документы суть ценные. В самом деле, ценные документы, не принятые на хранение в государственный или ведомственный архив, не могут считаться архивными документами. Статус архивных они получают лишь тогда, когда произойдет факт приема. С другой стороны, архивные документы с ограниченными сроками хранения, будучи архивными, не являясь ценными (по определению). Далее, из содержащегося в ГОСТе определения следует, что не все ценные документы входят в **ГАФ СССР**, а только те, которые являются собственностью Советского государства. Итак, согласно ГОСТу, документы **ГАФ СССР** — это, во-первых, ценные, во-вторых, архивные и, в-третьих, находящиеся в собственности Советского государства документы. Вот их три необходимых и вместе достаточных признака.

Однако, как показал опыт внедрения ГОСТа 16487-83 (лекции и доклады в государственных архивах Москвы, Ленинграда, Таллина, на факультете повышения квалификации при МГИАИ, на занятиях Института повышения квалификации информационных работников (Государственный комитет по науке и технике при Совете Министров СССР)), такое понимание **ГАФ СССР** разделяется не всеми. Некоторые архивисты считают, что **ГАФ** образуют не только ценные архивные документы, являющиеся государственной собственностью, но и принадлежащие государству ценные документы, которые еще не стали архивными. Если принять это понимание, тогда определение должно выглядеть так: «Совокупность ценных документов, являющихся собственностью Советского государства»¹⁵. Закономерны вопросы: но почему в таком случае Государственный архивный фонд? Почему *архивный*? Не точнее ли было бы тогда говорить: Государственный документальный фонд? Есть архивисты, которые полагают, что ни название фонда менять не надо, ни определение: ценные документы, являющиеся собственностью государства и еще не принятые на постоянное хранение в государственные или ведомственные архивы, потенциально архивные, а поэтому их можно считать и называть архив-

¹⁵ В «Положении о Государственном архивном фонде СССР» (М., 1980) сказано: «Государственный архивный фонд СССР представляет собой совокупность принадлежащих Советскому государству документов, имеющих политическое, народнохозяйственное, научное, социально-культурное или историческое значение» (пункт 1). Отличие этого определения от того, которое в ГОСТе, только в отсутствии слова *архивный*: ведь перечисленные значения документов — это те, которые делают их ценными (ГОСТ лаконичнее — он их называет ценными, не перечисляя признаков ценности). Отсутствие слова *архивный* компенсируется следующим далее указанием, что **ГАФ СССР** состоит в ведении Главархива СССР: поскольку в ведении последнего могут находиться лишь документы, вышедшие за пределы регулярного оперативного пользования и использования и находящиеся в архивах, постольку фактически в «Положении...» говорится не о документах вообще, а об архивных документах. Итак, **ГАФ СССР**, согласно «Положению...», есть совокупность ценных архивных документов, принадлежащих Советскому государству. Иначе говоря, понимание **ГАФ СССР** ГОСТом и «Положением...» совпадает.

ными. Значит, факт, который совершится в будущем, предлагают считать уже совершившимся, потенциальное предлагают принять за актуальное. С теоретико-информационной точки зрения это некорректно потому, что отождествляются оперативная и ретроспективная документные информации. С правовой же точки зрения это некорректно потому, что право регулирует и регламентирует существующее, закрепляет достигнутое. Таким образом, одни фактически против слова *архивные* в определении ГАФ СССР, другие не возражают против этого слова в дефиниции, но понимают его расширительно. Однако в обоих случаях в состав ГАФ СССР полагают включенными все ценные документы, находящиеся в государственной собственности.

Третья группа высказываний отличается от двух первых тем, что полагает входящими в состав ГАФ СССР еще и те ценные документы, которые находятся в личной собственности граждан СССР. При этом на возражение, что документы ГАФ — государственная собственность, как видно уже из знаковой стороны термина, сторонники упомянутого взгляда выдвигают два довода. Первый: право распоряжения ценными документами, находящимися в личной собственности, закон ограничивает определенными рамками. Действительно, например, Гражданской кодекс РСФСР (М., 1972. Далее ГК РСФСР) в статье 142 («Бесхозяйственное содержание культурных ценностей») свидетельствует: «Если гражданин бесхозяйственно обращается с принадлежащим ему имуществом, имеющим значительную историческую, художественную или иную ценность для общества, государственные организации, в задачи которых входит охрана такого рода имущества, делают собственнику предупреждение о прекращении бесхозяйственного обращения с имуществом. Если собственник не выполнит этого требования, то по иску соответствующей организации суд может изъять это имущество, которое переходит в собственность государства. Гражданину возмещается стоимость изъятых имущества в размере, установленном соглашением, а в случае спора — судом. В случае неотложной необходимости иск об изъятии может быть предъявлен без предварительного предупреждения». Однако из факта ограничения, налагаемого законом на право распоряжения такого рода имуществом, вовсе не следует вывода об упразднении вообще права личной собственности на имущество, «имеющее значительную историческую, художественную или иную ценность для общества». Лишение права на такое имущество может быть осуществлено только по суду. Следовательно, до суда и без суда объявлять все ценные документы, находящиеся в личной собственности граждан, перешедшими в собственность государства, противозаконно.

Второй довод оппонентов: все равно когда-нибудь ценные документы, находящиеся ныне в личной собственности, будут переданы и приняты на государственное хранение¹⁶. Рассмотрим это соображение. Во-первых, когда это произойдет? «Личная собственность граждан и право ее наследования охраняются государством»¹⁷. Передача может произойти через 50 и через 100 лет. Во-вторых, гражданин может подарить или продать ценные документы не только государственному архиву, музею, государственной библиотеке, но и архиву общественной организации; в последнем случае эти документы станут не государственной собственностью, а собственностью общественной организации (ГК РСФСР, с. 135, 136, 256, 257). Объявлять государственной собственностью ценные документы, находящиеся сегодня в личной собственности и могущие стать государственной собственностью в неопределенном будущем, противоравно.

Есть и четвертая группа высказываний. Ее отличает забвение струк-

¹⁶ ГОСТ 16487-83 определяет *государственное хранение* так: «Постоянное хранение архивных документов, осуществляемое государственными архивами, а также некоторыми другими организациями, имеющими на это право». Постоянное — это бессрочное.

¹⁷ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1985. Ст. 13.

туры социалистической собственности, неверное понимание содержания права собственности и его объектов, а также момента возникновения данного права. Все это выражается в отнесении архивных документов, являющихся собственностью общественных организаций (например, профсоюзов, творческих союзов), к государственной собственности. Но документы, хранящиеся в архивах общественных организаций, становятся государственной собственностью лишь после их передачи в государственные архивы. Вспомним Конституцию СССР: «Основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и кооперативно-колхозной собственности. Социалистической собственностью является также имущество профсоюзных и иных общественных организаций, необходимое им для осуществления уставных задач. Государство охраняет социалистическую собственность и создает условия для ее преумножения» (ст. 10).

Отношения собственности в нашем государстве регулируются Основами гражданского законодательства СССР, на базе которых в каждой союзной республике созданы гражданские кодексы. Гражданский кодекс РСФСР в ст. 92-й («Правомочия собственника») устанавливает: «Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения имуществом в пределах, установленных законом». Этими правомочиями собственника обладает не только государство¹⁸. Ими обладают и «колхозы, иные кооперативные организации, их объединения» и «профсоюзные и иные общественные организации»¹⁹. Объектами их права собственности могут быть предприятия, здания, сооружения и «иное соответствующее целям деятельности этих организаций имущество». Документы, образовавшиеся и отложившиеся в деятельности этих организаций в соответствии с целями последних, составляют часть их имущества. Вот почему документы, хранящиеся в архивах профсоюзных и иных общественных организаций суть собственность общественных организаций. Но тут порой приходится слышать уже знакомый «аргумент»: хотя в настоящем ценные документы, хранящиеся в архивах общественных организаций, действительно являются собственностью данных организаций, но в будущем при передаче их в государственные архивы станут государственной собственностью, а потому можно уже сегодня считать эти документы государственной собственностью. Такая правовая пассивность, такая попытка ущемить правомочия собственника не выдерживает критики.

Таким образом, архивные документы в СССР — неотъемлемая часть социалистической собственности и, как таковые, находятся под охраной государства. ГАФ СССР составляют лишь ценные архивные документы, являющиеся государственной (общенародной) собственностью.

Термин *государственное хранение*

Во время обсуждения 1-й редакции проекта нового терминологического стандарта «Делопроизводство и архивное дело» (1983 г.) нас, составителей ГОСТа, спрашивали (разумеется, не архивисты) о знаковой стороне термина *ведомственный архив* (точнее, о терминологическом элементе *ведомственный*) в сопоставлении с термином *государственный архив*: почему ведомственный? Ведь он тоже государственный? Конечно, ведомственный архив — в большинстве случаев государственное учреждение (или подразделение государственного учреждения, предприятия), и документы, хранящиеся в нем во всех этих случаях, — государственная собственность²⁰. Терминологический элемент *государственный* в составе терминов *государст-*

¹⁸ ГК РСФСР. Ст. 94.

¹⁹ ГК РСФСР. Ст. 102.

²⁰ Попутно заметим, что определение термина *ведомственный архив* (по ГОСТу 16487-83, *ведомственный архив* — это «архив, находящийся в непосредственном подчинении соответствующей организации, не входящей в систему государственной архивной службы, либо являющийся структурным подразделением органи-

венный архив, государственное хранение есть сигнал типа архива и типа хранения. Ср. отсутствие слова *государственный* в названиях районных, городских, областных библиотек и его присутствие в названиях: *Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина*, *Государственная публичная историческая библиотека РСФСР* и т. п.

К сожалению, ни один из наших словарей не регистрирует появление у слова *государственный* новых смыслов. Может быть, это произошло в силу узкоспециальной сферы употребления данного слова в необычных значениях. *Государственный* как терминологический элемент в составе термина *государственный архив* означает, видимо, «находящийся в непосредственном подчинении какого-либо органа управления архивным делом или исполкома районного (городского) Совета депутатов». Можно предположить, что это значение не прямое номинативное, а фразеологически связанное.

Государственное хранение — название типа хранения. Ему противопоставлен в современной советской архивной терминологии другой тип хранения, который называется *ведомственное хранение документов*. *Государственное хранение*, согласно ГОСТу 16487-83, — «постоянное хранение архивных документов, осуществляемое государственными архивами, а также некоторыми другими организациями, имеющими на это право». *Ведомственное хранение* — «хранение архивных документов какой-либо организацией в течение установленных сроков». Терминологический элемент *государственный* имеет в составе термина *государственное хранение* фразеологически связанное значение — «постоянное, т. е. бессрочное». Терминологический элемент *ведомственное* имеет в составе термина *ведомственное хранение* фразеологически связанное значение — «временное, т. е. ограниченное определенными сроками, срочное». Поэтому *государственное хранение* — синоним термина *постоянное хранение*, а *ведомственное хранение* — синоним термина *временное хранение*. Эти две пары синонимов падают между собой в антонимичных отношениях.

В действующем Положении о ГАФ СССР нет определения термина *государственное хранение*. Там есть выражение *постоянное государственное хранение* (раздел 1, п. 3). При этом запятая между словами *постоянное* и *государственное* отсутствует. И это не опечатка. Наличие запятой означало бы пояснение (терминологический элемент *государственное* поясняясь бы другой: *постоянное*). Но пояснения нет, а значит, как бы подразумевается существование временного государственного хранения. Некоторые архивисты считают, что временное государственное хранение действительно есть и его осуществляют, например, районные архивы. Это представляется необоснованным.

Тип хранения касается в первую голову документа. Это прежде всего его статус: это его будут хранить бессрочно или срочно. Именно хранить, а не перевозить, передавать, перемещать. Неважно, в каком архиве начнет он свою архивную жизнь, а важно, в каком качестве, в статусе какого документа он в нее вступает: в качестве бессрочно хранимого или хранимого срочно (определенный срок). Недолгое пребывание документов государственного хранения в районных архивах не лишает эти документы их статуса. В Положении о ГАФ СССР сказано: «Государственное хранение документов Государственного архивного фонда СССР осуществляется временно государственными районными и городскими архивами с

зации») позволяет отнести к числу ведомственных архивы общественных организаций (например, Центральный архив ВЦСПС, архивы творческих союзов) и архивы кооперативно-колхозных организаций. Если учесть, что ни общественные, ни кооперативно-колхозные организации, ни государственные производственные предприятия не являются ведомствами, то станет ясно: терминологический элемент *ведомственный* в составе термина *ведомственный архив* достаточно условен. Впрочем, значение этого терминологического элемента можно трактовать как фразеологически связанное, т. е. рассматривать данное значение как такое, которое реализуется в ограниченном числе (в одном или нескольких) устойчивых словосочетаний. О фразеологически связанном значении слова см.: *Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слов // Вопр. языкознания. 1953. № 5.*

переменным составом документов» (раздел III, п. 11). Статус документа не меняется от того, что он находится какое-то время в одном архиве, а потом будет доставлен в другой. Право архива на государственное хранение есть прежде всего право на размещение у себя документов, обладающих статусом бессрочно хранимых.

Отстаивать наличие постоянного государственного хранения — это значит не только предполагать присутствие временного государственного хранения, но вместе с тем и допускать существование *государственного хранения* как родового термина, выражающего родовое понятие. Иначе говоря, это значит полагать постоянное государственное хранение и временное государственное хранение двумя видами государственного хранения. Такое допущение должно выдерживать проверку субституцией (подстановкой). Понятие и его определение должны совпадать по объему, быть равнообъемными. Недаром их связывает слово *есть*. Понятие (выраженное знаковой стороной термина) и его определение должны быть взаимозаменяемы. Можно сказать *прямая линия*, а можно — *кратчайшее расстояние между двумя точками*. Эти два выражения (термин и его определение) равнообъемны.

Теперь возьмем выражение *постоянное государственное хранение*. Вместо словосочетания *государственное хранение* подставим его определение из ГОСТа (которое совпадает по смыслу с пониманием в Словаре) в выражение. Получится: постоянное постоянное хранение архивных документов, осуществляемое и т. д. Итак, *постоянное постоянное...* Вот уж, действительно, *масло масляное*. Приступим к выражению *временное государственное хранение*. Произведем субституцию: временное постоянное хранение архивных документов... *Временное постоянное*. Это уже логическое противоречие. Почему же так получается? Потому что не существует видов государственного хранения, а есть его формы, способы осуществления. Первый способ — хранение документов в государственных и ведомственных архивах, не перемещающих документов в другие архивы (так называемые *архивы с постоянным составом документов*, если воспользоваться существующим, но ложно ориентирующим термином). Второй способ — хранение документов в государственных районных и городских архивах (так называемые *архивы с переменным составом документов*).

Опираясь на понимание государственного хранения как хранения бессрочного, самая бессрочность которого есть производное от установленной ценности, значимости документов, следует признать, что ценные документы выступают не только объектом такого хранения, но и носителями, обладателями статуса бессрочно хранимых и что именно благодаря этому своему статусу они и являются объектами такого хранения.

Презумпция ценности документов

Автор данной статьи предложил ввести во 2-й выпуск Словаря термин *презумпция ценности документов*. Не без возражений предложение было принято. Вот дефиниция этого термина в первой редакции 2-го выпуска Словаря: «принцип, согласно которому никакой документ, находящийся в государственной собственности, не может быть признан неценным иначе как в порядке, установленном государственной архивной службой».

Знаковая сторона термина возникла под влиянием знаковой стороны юридического термина *презумпция невиновности*. Остановимся кратко на его понимании. *Презумпцией невиновности* назван один из принципов уголовно-процессуального права. Этот принцип так сформулирован в статье 160-й Конституции СССР: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом». Опираясь на эту формулировку, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 16 июня 1978 г. указал: «Обвиняемый (подсудимый) считается

невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором»²¹. Из презумпции невиновности, как ее понимают Конституция СССР и наше уголовно-процессуальное право, вытекают правило, устанавливающее, до какого момента гражданин не может быть признан виновным, и следующие два положения: «По содержанию и духу советского закона не обвиняемый обязан доказывать свою невиновность, а органы обвинения обязаны доказать правильность предъявленного обвинения»²² и «Все сомнения, которые не представляется возможным устранить, должны толковаться в пользу обвиняемого (подсудимого)»²³.

А теперь обратимся к текстам, относящимся к архивному делу. В «Протоколе особой комиссии для рассмотрения ныне действующих в министерствах правил о порядке хранения и уничтожения дел» (от 4 марта 1875 г.) записано: «Отнесение дел и документов к разряду подлежащих уничтожению или временному хранению (что в сущности равносильно уничтожению) должно быть по возможности обставлено такими условиями, которые вполне устраняли бы проявление всякого произвола со стороны архивариусов или делопроизводителей; поэтому ни распределение дела на разряды, ни в особенности уничтожение их не должно быть предоставляемо усмотрению одних архивариусов или делопроизводителей, но зависеть от соглашения архивариусов с начальством того ведомства, дела которого разбираются, и в случае разногласия между ними решать вопрос в пользу того мнения, которое клонится к сохранению дела»²⁴. Другая цитата из учебного пособия А. П. Воронова: «Можно пожелать, чтобы при уничтожении дел соблюдались следующие условия: 1) чтобы решение вопроса зависело от людей компетентных; 2) чтобы назначение дел к уничтожению совершалось не на основании только описей, но после тщательного пересмотра каждого дела; 3) чтобы инициатива уничтожения исходила от начальника архива; 4) чтобы описи уничтоженных дел сохранялись; 5) чтобы при всяком сомнении о степени важности какой-либо бумаги, относили ее к числу подлежащих хранению; 6) чтобы лица, решающие вопрос, ознакомились также с книгой для записи справок из данного архива»²⁵.

Как видим, и комиссия и автор пособия полагали необходимым при решении судьбы документов провести обсуждение (судить о «важности», т. е. ценности, значимости, документа должно не одно лицо и не одна сторона), а всякое сомнение в ценности документа считали основанием для спасения от уничтожения. Разве не ясно, что здесь фактически предполагается ценность любого документа до тех пор, пока компетентными лицами после обсуждения не будет установлена его неценность? Здесь неосознанно или, во всяком случае, неназванно проявляет себя презумпция ценности документа.

Когда пишущий эти строки внес предложение включить в Словарь (выпуск 2) термин *презумпция ценности документов* и представил его дефиницию, он обосновывал предложение тем, что тут мы сталкиваемся со случаем терминологической недостаточности²⁶. Предлагалось создать термин, заключив терминологическую конвенцию. Это встретило возражения. Во-первых, возражали против слова *принцип* в дефиниции термина. Во-вторых, утверждали, что от выявления принципа лучше не ста-

²¹ Цит. по: Ларин А. М. Презумпция невиновности. М., 1982. С. 33.

²² Постановление Пленума Верховного Суда СССР. Цит. по: Ларин А. М. Указ. соч. С. 37.

²³ Там же. С. 85.

²⁴ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1917. Т. II. С. 405.

²⁵ Воронов А. П. Архивоведение. СПб., 1904. С. 45.

²⁶ Терминологической недостаточностью автор называет такую ситуацию, когда понятие уже сформировалось, но еще не имеет постоянного словесного выражения. См. об этом: Резников Л. О. Понятие и слово. Л., 1958. С. 13; Войшвилло Е. К. Понятие. М., 1967. С. 103, 107.

нет, от ошибок не спасет. В-третьих, и это было главным возражением, мы, мол, и так знаем, какие документы ценные, а какие нет, документ еще не появился, а нам уже известно, ценный он или нет: существуют две группы перечней, и этим все решается. Эти возражения представляются типичными, а потому достойными рассмотрения. Начнем с последнего. Послушать оппонентов, так и экспертиза ценности документов уже не нужна. Заглянем, однако, в учебник «Теория и практика архивного дела в СССР»: «Под экспертизой ценности документов понимается изучение документов на основании критериев их ценности в целях определения сроков хранения документов и отбора их на государственное хранение» (с. 60). Заметим: в определении цели экспертизы уже просвечивает презумпция ценности документов — нет ни слова об уничтожении. Обратим внимание и на слова *изучение документов на основании критериев их ценности*. Читаем дальше: «Установить, какие документы несут ценную информацию, и отобрать их для передачи в государственные архивы — первая и основная задача экспертизы» (с. 61). Оказывается, и при «наличии перечней сохраняется основное правило экспертизы — изучение дел, подлежащих сдаче на государственное хранение, и дел, выделяемых к уничтожению, особенно тех из них, в составе которых могут быть ценные документы» (с. 64). В. Н. Автократов пишет: «Выделим два рода потерь информации. Первые — невосполнимые, безусловные, борьба с которыми прежде всего выражается в форме экспертизы ценности документов. Смысл задачи — в сохранении исторически важных документов, в том, чтобы не дать им погибнуть в общей массе уничтожаемых документов»²⁷.

О возражении против слова *принцип* в дефиниции термина *презумпция ценности документов*. Принцип — это основополагающее правило. Но разве не лежит в основе экспертизы ценности документов основополагающее правило — не дать погибнуть важным документам? Разве не на это работает вся система критериев ценности? Конечно, назвав фактически давно уже действующий принцип и дав ему имя, мы не гарантируем от ошибок. Но мы, во-первых, произносим слово, а еще Эпикур сказал: «Каждый предмет получает благодаря впервые ему присвоенному названию свою ясность, очевидность, отчетливость»²⁸. Это важно психологически. Во-вторых, это важно и теоретически.

Однако дефиниция презумпции ценности документов нуждалась в уточнении. В самом деле, принцип чего? В каком из процессов или этапов работы с документами он действует? Ясно, что он должен действовать там, где идет, по словам В. Н. Автократова, борьба с «невосполнимыми, безусловными потерями информации», — в экспертизе ценности документов, когда решается судьба документов. Следует прямо сказать, что это принцип экспертизы ценности документов. Далее. В дефиниции имеются в виду только документы, находящиеся в государственной собственности. А при приеме в государственные архивы документов, находящихся в собственности общественных организаций или в личной собственности, этот принцип не работает? Или при приеме документов граждан в архивы общественных организаций? Надо было сплести указание, ограничивающее действие презумпции ценности документами, находящимися в собственности государства. С учетом сказанного мною была предложена такая дефиниция: презумпция ценности документов есть принцип экспертизы ценности документов, согласно которому никакой документ не может быть признан неценным иначе как на основании применения всего комплекса критериев ценности документов и по установлению или решению компетентного органа.

На совещании экспертов соцстран в Будапеште (май 1985 г.) это предложение было принято.

²⁷ Автократов В. Н. К проблеме повышения эффективности использования информационных ресурсов ГАФ СССР // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 23.

²⁸ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 264.

Слово *документирование* — производное от *документировать*. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1935. Т. 1) был первым русским словарем, зарегистрировавшим *документировать*. Это слово — русифицированный немецкий глагол *dokumentieren*. Рассматривая слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени, Н. С. Авилова включает в их число и *документировать*, толкуя его как «обосновать документом»²⁹. Словарь Д. Н. Ушакова так разъясняет *документировать*: «Обосновать (обосновывать) документами», снабдив примером словоупотребления: «Это дело необходимо тщательно и полнее документировать». *Документирование* отсутствует в Словаре Д. Н. Ушакова. Но там есть *документация*. Это слово истолковано как «действие по глаголу документировать». И приведен пример: «Подробная документация». Видимо, составители словаря были настолько уверены в однозначности слова и общепринятости понимания, что не только не дали примера из литературы, но и в приведенном примере не сняли возможности инотолкования.

«Словарь современного русского литературного языка» (М.; Л., 1954. Т. 3) толкует *документировать* как «доказывать, подтверждать что-либо соответствующими документами». В этом словаре *документирование* признается синонимом слова *документация*: «Обоснование, подтверждение чего-либо соответствующими документами». И пример: «Научная документация». Как мы видим, он тоже вполне допускает (и даже провоцирует) иное толкование слова — понимание его не в значении действия, а в результативном, предметном, значении. Складывается впечатление, что составителям данного словаря совершенно неизвестно было такое значение этого слова. Иначе они привели бы пример, исключающий двусмысленность. «Словарь русского языка» (в 4-х т.) в обоих изданиях (1957—1961 и 1981—1984) констатирует, что *документировать* — «обосновать (обосновывать) документами», а *документирование* — «действие по значению глагола документировать». И в обоих изданиях *документация* уже не только «обоснование чего-либо при помощи документов» (это признается первым значением), но и: «2. сбор. Документы...»

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова (и в самых последних изданиях) не дает слова *документирование*. В качестве существительного, соотносительного с глаголом *документировать*, Словарь С. И. Ожегова приводит слово *документация*. Понимание *документировать* такое же, как в Словаре Д. Н. Ушакова, а толкование слова *документация* отличается от того, которое есть в четырехтомном «Словаре русского языка», тем, что документы (во 2-м значении слова *документация*) понимаются не любые, а только «деловые бумаги, подтверждающие какой-нибудь факт или право на что-нибудь», т. е. официальные документы определенных видов.

Мы рассмотрели общеязыковые, т. е. нетерминологические, значения слов *документировать*, *документирование*, *документация* в словарях общего языка. Терминологические словари, исходя из того, что термином преимущественно выступают существительные, а также из того, что между глаголом и произведенным от него существительным (так называемым отглагольным существительным) нет смыслового различия (а лишь грамматическое и словообразовательное), не приводят термина *документировать*, ограничиваясь термином *документирование*.

Первым его зарегистрировал «Краткий словарь архивной терминологии» 1968 г. Согласно этому словарю, *документирование* — термин однозначный: «процесс создания документов». Как видим, терминологическое значение этого слова отличается от его нетерминологического значения. Внутренняя форма знаковой стороны термина позволяет понимать его и

²⁹ Авилова Н. С. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени. М., 1967. С. 203.

так: ср.: консервирование, копирование, травмирование. ГОСТ 16487-70 содержит термин *документирование* и так его определяет: «создание документов». Терминологические ГОСТы — это терминологические нормативные словари. Но при этом они, кроме своего статуса стандарта, имеют ряд особенностей, отличающих их от других видов терминологических нормативных словарей. Среди их особенностей — запрет на многозначность терминов, даже если это многозначность — реально существующая нормативная. Терминологические стандарты соблюдают принцип идеальной терминологии: каждому значению (понятию) — одно знаковое выражение и каждому знаковому выражению — одно значение.

В Словаре (выпуск 1) есть термины *документирование* и *документация*. У первого Словарь устанавливает два значения: «1) создание документов и 2) подтверждение (обоснование) документами чего-либо». *Документация* — «совокупность документов».

Стоило усилий с фактами в руках (т. е. с примерами терминопотреблений) убедить, что не только в общем языке, но и в терминологии *документировать* имеет не одно значение. Реально их три. Словарь показал лишь два. Третье значение: «отражение какого-либо факта, события, явления в документе (документах)». Вот лишь несколько примеров терминопотребления, подтверждающих вывод о трех значениях термина *документирование*. «Выяснение закономерностей документирования, т. е. закономерностей создания документов и отражения в них фактов...», «Уверенность многих историков в том, что вся деятельность учреждений, все их функции отражаются в создаваемых ими документах... ни на чем не основана... Однако ясности в вопросе о том, каковы же закономерности документирования процессов управления и других процессов жизни человеческого общества, до настоящего времени нет»³⁰. «После первоначального документирования события, часто много лет спустя, о нем могут создаваться новые документы...», «...сущность подвергнутых документированию событий»³¹. «Объемы документопотоков зависят как от количества документируемых действий, решений, так и от количества адресатов этих действий»³². «...Памятники древней письменности... документируют бытование рассматриваемых слов в течение ряда столетий»³³. «Для создания большого и тщательно документированного толкового словаря накопление картотеки продолжается 50–80, а то и 100 лет»³⁴.

Таким образом, Словарь (вып. 1) сделал шаг вперед в осознании многозначности термина *документирование*, но проявлена непоследовательность при отказе термину в реально существующем и нормативном третьем его значении. Возможно, для того, чтобы хотя бы отчасти ликвидировать семантическую перегрузку этого термина, следовало бы употреблять термин *документообразование*. Он взял бы на себя значение «создание документов», оставив *документированию* два других.

Мы рассмотрели лишь несколько фактов архивной терминологии из тех, что настоятельно требуют понимания и (или) обсуждения. Терминология и понятийный аппарат научной дисциплины и (или) специальной отрасли деятельности не существуют порознь: терминология — материализованный понятийный аппарат; поэтому описание либо упорядочение ее есть в то же время его описание либо упорядочение и наоборот.

³⁰ Теория и практика экспертизы ценности документов и комплектования государственных архивов СССР // ТВНИИДАД. М., 1974. Т. 4, ч. 2. С. 531, 532.

³¹ Там же. Ч. 1. С. 168, 169.

³² Сокова А. Н. Пути сокращения документооборота // СА. 1983. С. 3.

³³ Котков С. И. Современные русские художественные тексты и история языка // Исследования по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 14.

³⁴ Денисов П. Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. М., 1974. С. 212.

Т. М. Горяева, Е. Л. Луначарский

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФОНД
СОВЕТСКОЙ РАДИОЖУРНАЛИСТИКИ**

Основы строительства советского радиовещания были заложены декретом СНК «О централизации радиотехнического дела Советской республики» от 19 июля 1918 г.¹ 23 ноября 1924 г., в день выхода первого номера «Радиогазеты РОСТА»², началось регулярное радиовещание, включающее как общественно-политические, так и художественно-образовательные передачи. К октябрю 1928 г. в стране было уже 65 широко-вещательных радиостанций³. Сегодня практически все население СССР имеет возможность принимать программы Всесоюзного радио. Действуют около 200 радиокомитетов, более 5000 редакций местного радиовещания. Общий объем радиовещания ежедневно составляет свыше 1500 час. Телевещание ведется на 45 языках народов СССР, радиовещание — на 75 языках народов мира. В 1986 г. в адрес Центрального телевидения и Всесоюзного радио пришло более 2 000 000 писем, от зарубежных радиослушателей — около 200 000 писем из 167 стран⁴.

В советской науке разработана периодизация истории советской радиожурналистики, основанием для которой является анализ развития технических возможностей радио, его политические, организационные и творческие задачи: 1917—1924; 1924—1928; 1928—1932; 1932—1941; 1941—1945; 1945—1956; 1956—1970; 1970—1986⁵.

По мнению специалистов, сложившаяся к середине 30-х годов структура видов советского радиовещания в своей основе доказала свою жизненную силу и продолжает действовать сегодня в соответствии с реальными задачами общественной практики⁶.

Эволюция форм и методов массового вещания в СССР, в основе которой лежит стабильность функций в условиях конкретных пропагандистских задач, способствовала формированию организационной структуры вещания. Исторически сложилось деление редакционных подразделений по направлениям вещания (отражающим уровни познания действительности средствами радио) и по адресу аудитории: главные редакции информации, пропаганды, литературно-драматического, музыкального, детского, молодежного вещания.

В силу своей природы радио тяготеет к эмоционально-образному общению со слушателем, воздействуя на аудиторию комплексом выразительных средств, свойственных звуковому отражению действительности (речь, музыка, шумы и др.)⁷. Это определяет своеобразие текстов ра-

¹ ДСВ. М., 1964. Т. III. С. 59.

² Правда. 1924. 23 нояб. Опубликована программа радиопередач на 23 ноября (воскресенье): «15 час. 45 мин. — 16 час. 30 мин. — доклад А. В. Луначарского „Культура СССР и значение радио“; 18 час. 30 мин. — 19 час. 15 мин. — концерт (квартет духовых инструментов под управлением артиста Республики проф. Табакова М. И.; 19 час. 15 мин. — 20 час. — Радиогазета; 22 час. 15 мин. — 23 час. — Радиоанонсы и концерт». С этого дня «Правда» ежедневно помещала программы радиопередач.

³ Очерки истории советского радиовещания и телевидения. М., 1972. Ч. I. С. 105.

⁴ День радио. М., 1987. С. 75, 78, 86.

⁵ Основы радиожурналистики. М., 1984. С. 7—9.

⁶ Там же. С. 83.

⁷ Об этом см. подробно: Ярошенко В. Н. Информационные жанры радиожурналистики. М., 1976; Дубровин В. Б. Об эволюции газетных форм работы и жанров на радио (1922—1932 гг.) // Журналистика: Наука. Образование. Практика. Л., 1974. С. 114—132; Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовых информацион-

диопередач. Тексты хранятся в микрофонных папках и полностью отражают ту информацию, которая была передана в эфир. Они содержат заранее подготовленные дикторские тексты с окончательной редакторской правкой и «расшифровки» документальных звукозаписей; имеются обозначения об особенностях акустического фона (речь, музыка, шумы), использовании музыкальных и художественных произведений. В состав реквизита микрофонной папки включены следующие данные: жанр, название и автор радиопередачи, участники и исполнители, наименование редакции и отдела, планируемое и фактическое время выхода в эфир, фамилия дежурного выпускающего редактора, дикторов и уполномоченного Главлита, объем радиопередачи и отметки о прохождении ее в эфир. (например: «Передача прошла целиком и в срок»).

Звуковые документы советской радиожурналистики представлены наиболее ценными фрагментами («вымонтировками») из радиопередач с точки зрения критериев важности события или авторства и с учетом технических возможностей обеспечения их сохранности.

Источники радиожурналистики (письменные и звуковые) относятся к наиболее информативным, так как в момент создания они запрограммированы на осуществление коммуникативных функций⁸.

Отличительные особенности творческих материалов радиожурналистики — сочетание многотемности с разножанровостью, динамика, т. е. ежедневная фиксация актуальных событий всесоюзного и международного значения, — наделяют источники радиожурналистики уникальным свойством «зеркала». Безусловно, это «зеркало» нельзя считать эквивалентом реальности. Ее преломление дает важную информацию, которая несет в себе черты авторской индивидуальности. В этом смысле материалы журналистики, как, впрочем, и произведения литературы и искусства, следует оценивать, опираясь на то положение, что «все виды источников могут быть и достоверными и недостоверными, все виды источников имеют определенную источниковедческую ценность»⁹ и в некоторых случаях сама недостоверность, а подчас и тенденциозность изображения «каких-то явлений прошлой жизни предстает в высшей степени достоверной информацией об условиях его возникновения (о целях создания, намерениях автора и т. д.)»¹⁰.

Для исследователя, работающего с источниками средств массовой информации и пропаганды (СМИП), важно учитывать их ярко выраженный целенаправленный характер и максимально точно определить задачу журналиста в момент написания материала. Даже информация, в которой нет оценок сообщаемых фактов, несет в себе идеологический заряд, так как подбор, верстка и правка материалов для выпуска осуществляется «с учетом определенных идеологических, пропагандистских установок (в информационной заметке и репортаже эти установки не выступают на поверхность так отчетливо, как в пропагандистской статье)»¹¹.

В условиях всеобщей унификации документов, а также резкого сокращения некоторых видов документов личного происхождения (письма, дневники, записные книжки и др.), несущих важнейшую информацию о социально-психологической атмосфере времени, источники СМИП, фиксирующие живую человеческую речь, все интонационные и стилистические особенности говорящего, приобретают огромное значение. И если

ных процессов. М., 1973; Прохоров Е. П. Публицист и действительность. М., 1973; Гуревич П., Ружников В. Советское радиовещание: Страницы истории. М., 1976; Звучащий мир: Книга о звуковой документалистике. М., 1979; Методологические проблемы изучения средств массовой коммуникации. М., 1985; Михалкович В. И. Изобразительный язык средств массовой коммуникации. М., 1986; и др.

⁸ Медушевская О. М. Источниковедение на современном этапе // СА. 1979. № 2. С. 5.

⁹ Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 229.

¹⁰ Тартаковский А. Г. Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении // История СССР. 1973. № 6. С. 76.

¹¹ Дубровин В. Б. Указ. соч. С. 118.

«звуковая летопись истории Советов» 30-х годов запечатлевала наиболее крупные исторические события¹², то сегодня, кроме этого, звуковая документалистика отражает и повседневную жизнь рядовых участников социалистического строительства.

Документальный фонд советской радиожурналистики состоит, помимо специфической его части — оригинальных творческих микрофонных текстов и звукозаписей вещательных отделов и редакций, — из следующих видов управленческой документации: организационно-распорядительной, плановой, отчетной, писем¹³.

Такой комплекс документов обеспечивает определенную репрезентативность, позволяющую охарактеризовать основные этапы развития массового вещания в СССР, роль и заботу партии о развитии радио, особенности функционирования радиовещания в различных исторических условиях, многообразие и развитие жанрово-тематической структуры радиопрограмм. Кроме того, указанный комплекс документов дает возможность проследить полностью весь процесс подготовки, передачи материалов в эфир и получения обратной связи (цепь: план, программа, микрофонная папка с текстом радиопередачи, рецензии, отклики радиослушателей и отчет, в котором заключен анализ этих откликов и предложения по улучшению работы).

Документальный фонд советской радиожурналистики, помимо своей основной части — документов Всесоюзного радио, включает документы радиовещания союзных республик и областей. Наиболее значительными по своему объему, составу и хронологическому охвату (с середины 1930-х годов) являются фонды государственных комитетов по телевидению и радиовещанию Казахской ССР, Армянской ССР, Латвийской ССР, Абхазской АССР и Аджарской АССР, Ярославской, Горьковской и других областей¹⁴.

Полноценная источниковая база истории советской радиожурналистики может быть создана только путем реконструкции утраченной части документального фонда периода становления и развития регулярного вещания, а также дальнейшего совершенствования научных принципов и критериев экспертизы современных письменных и звуковых документов в условиях обеспечения их полной сохранности на стадии ведомственного хранения.

Долгое время создание документальной истории советской радиожурналистики считалось невозможным: исследования осуществлялись на основе отчетной документации и на материалах ведомственной периодики; историки и археографы не предпринимали попыток планомерного поиска, анализа и использования источников. Утвердившаяся точка зрения имела под собой определенные основания.

Попытки создать документальную историю советского радиовещания были предприняты еще в 1930-х годах: организованные в 1933 г., а затем в 1940 г.¹⁵ специальные комиссии по сбору документов ограничились приобретением некоторых архивов на выделенные для этой цели Радиокomiteетом средства. Сохранившиеся отчеты комиссий свидетельствуют о сложностях поиска творческих материалов радиовещания, в первую очередь периода так называемого нефиксированного, «живого» вещания (1924—1928 гг.), когда многие радиопередачи шли в эфир без предварительно написанного текста. Это касается в основном художественного ве-

¹² Митинг миллионов. М., 1931. № 1. С. 20.

¹³ Письма радиослушателей и телезрителей имеют самостоятельное значение не только как источник анализа обратной связи с аудиторией, но и как источник для проведения социологических и исторических исследований. В 1983 г. в структуре Гостелерадио СССР создана Главная редакция писем и социологических исследований.

¹⁴ ЦГА Казахской ССР. Ф. 1489; ЦГАОР Армянской ССР. Ф. 191; ЦГАОР Латвийской ССР. Ф. 1184; ЦГА Абхазской АССР. Ф. 444; ЦГА Аджарской АССР. Ф. 433; Госархив Ярославской обл. Ф. 2973; Госархив Горьковской обл. Ф. 3630; и др.

¹⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 6903 (Гостелерадио СССР). Оп. 1. Д. 2. Л. 195—198; Оп. 3. Д. 1527, 1528.

щения¹⁶. Передачи общественно-политического характера имели заранее подготовленные тексты. С 1927 г. тексты радиопередач стали проходить через аппарат Главлита¹⁷ и храниться в ведомственном архиве¹⁸. Это явилось началом планомерного комплектования творческого архива радиовещания. Сегодня только по некоторым документам и свидетельствам можно представить объем и ценность материалов 20–30-х годов, собранных в архиве Радиокomiteта к началу войны.

О количественном составе ведомственного архива Всесоюзного радиокomiteта при СНК СССР по состоянию на 27 января 1941 г. свидетельствует таблица, подготовленная заведующей архивом А. Н. Лучниковой.

Табл. 1 показывает увеличение количества микрофонных материалов в зависимости от развития организационных основ радиодола в стране и объема вещания.

Таблица 1

№ п/п	Название образователя	Название ведомства	Крайние даты	Кол-во ед. хр.		
				описанных дел и документов	описанных микрофонных материалов	всего
1.	Акционерное общество «Радиопередача»	—	С XII 1924 г. по 15.VII 1928 г.	1370	181	1551
2.	Московский радиокентр	При Наркомпочтеле РСФСР	С 15.VII 1928 г. по XII 1928 г.	5	166	1722
3.	Радиокентр	При Наркомсвязи РСФСР	С 1.II 1929 г. по 3.II 1930 г.	91	243	2056
4.	Радиокуправление	При Наркомсвязи СССР	С 4.II 1930 г. по 10.IX 1931 г.	34	404	2494
5.	Всесоюзный Комитет по радиовещанию (ВКР)	»	С 10.IX 1931 г. по 30.IV 1933 г.	106	645	3245
6.	Всесоюзный Комитет по радиовещанию и радиофикации (ВКР)	При Совваркоме СССР	С 20.IV 1933 г. по 20.I 1941 г.	9829	5297	18 265 *

* Так в документе (ЦГАОР СССР.Ф.5325.Оп.10.Д.903.Л.209).

В первые дни войны Управлением государственными архивами (УГА) НКВД СССР были проведены необходимые мероприятия по подготовке к эвакуации документов государственных и ведомственных архивов. Указанием УГА НКВД СССР от 2 июля 1941 г. в ряде ведомств, находящихся на территории, объявленной на военном положении, создавались экспертные комиссии по выделению и уничтожению архивных документов, «не подлежащих дальнейшему хранению»^{19–20}. 3 июля 1941 г. в Радиокomiteте была образована комиссия для проверки, отбора и уничтожения архивных материалов по 1941 г. включительно²¹.

Вот что вспоминает А. А. Садовский²², который в 1941 г., готовя

¹⁶ Поляновский Г. А. 70 лет в мире музыки. М., 1981. С. 66.

¹⁷ О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. М., 1972. С. 511.

¹⁸ Архив Гостелерадио СССР. Оп. 1л/с. Д. 7. Л. 38–38 об.

^{19–20} ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 900. Л. 41–42. Подробнее см.: Богданова О. Э. Архивы наркоматов и центральных учреждений в годы Великой Отечественной войны // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 154–163.

²¹ Архив Гостелерадио СССР. Оп. 1 л/с. Д. 143. Л. 119.

²² А. А. Садовский — начальник Московского радиокентра (1928–1929 гг.), ответственный редактор «Рабочей радиогазеты», радиожурналов и печатного органа Радиокomiteта — журнала «Радиослушатель».

очередной том Полного собрания сочинений В. В. Маяковского, изучал документы в архиве Радиокomitета: «Работа продолжалась около двух месяцев и оборвалась неожиданно — в связи с началом эвакуации: были получены указания уничтожить все лишнее, ненужное для организации текущих радиопередач»²³. В тяжелые дни октября 1941 г. во время массовой эвакуации государственных учреждений из Москвы большая часть архива Радиокomitета, состоявшая из творческих материалов и некоторых видов делопроизводственной документации, по свидетельствам очевидцев, была сожжена. Удалось эвакуировать только документы организационно-распорядительного характера. В этом большая заслуга Лучниковой, которая организовала вывоз документов из Москвы в личном багаже сотрудников Радиокomitета.

В 1942 г. организационно-методическим отделом УГА НКВД СССР отмечалось, что наряду с большой работой, проведенной в наркоматах и центральных учреждениях по организации «отбора и эвакуации из Москвы наиболее ценных материалов», имеющих научно-историческое и практическое значение, в ряде архивов «было допущено массовое огульное уничтожение документальных материалов, недопустимо организовано оформление выделенных к уничтожению материалов»²⁴. В дальнейшем предприняли ряд мер по ликвидации этих недостатков и улучшению деятельности ведомственных архивов, в том числе и архива Радиокomitета. Неудачи комиссий 30-х годов по сбору документов, а также события осени 1941 г. послужили причиной утвердившегося среди специалистов мнения о полной утрате документов радиовещания и невозможности их реконструкции²⁵.

Микрофонные тексты и фонодокументы — две взаимосвязанные части документального фонда советской радиожурналистики. Тем не менее исторически сложились две самостоятельные и не зависящие друг от друга системы комплектования и организации хранения письменных и звуковых документов радиовещания (в ведомствах и в государственных архивах). Остановимся на истории формирования звукового фонда.

Появление и развитие электромагнитной записи на рубеже 20-х и 30-х годов и широкое ее применение в радиовещании, организация фабрики «Радиофильм» и бурный успех ее первых работ (радиофильмы: «В шеренгу гигантов» — об открытии завода АМО, режиссер В. С. Гейман; «Москва в годовщину Октября» — о параде на Красной площади 7 ноября 1931 г., режиссер А. Г. Разумный; «Великий день» — о праздновании 1 Мая 1932 г., режиссер В. С. Гейман; и др.) обусловили создание в 1932 г. Центрального государственного архива звуковых записей²⁶. Причем впервые перед государственным архивом ставились задачи не только по собиранию, обеспечению сохранности, систематизации и научного описания фонодокументов (восковые валики, матрицы, грампластинки, звукозапись на пленке) но и созданию недостающих материалов. Отмечалось, что радиовещание с появлением звукового архива приобретает мощный союзника: архив дает ему материал для передач, документирующих нашу эпоху, радиовещание предоставляет архиву возможность реализовать звуковые документы, сделав их достоянием широких масс²⁷.

В структуре Радиокomitета 29 сентября 1933 г. был образован сектор звукозаписи и телевидения, в задачу которого входила «организация во всесоюзном масштабе звукозаписи с использованием всех достижений

²³ Государственный музей В. В. Маяковского. Рукописно-документальный фонд № 13657.

²⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 900. Л. 41.

²⁵ Гуревич П. С. Характеристика архивных источников по истории советского радиовещания (1917–1941 гг.) // Вестн. МГУ. Сер. 7 филол., журналист. 1965. № 3. С. 46–54.

²⁶ Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 г. — июнь 1941 г.). М., 1961. С. 82.

²⁷ Бернштейн С. И. Центральный государственный фоноархив // Говорит СССР. 1932. № 34. С. 7.

современной советской и заграничной техники (запись на пленку, грам- диск, бумагу, металл и др.) и привлечением к делу звукозаписи лучших специалистов и исполнителей». С развитием радиовещания расширялась тематика звукозаписи, повышался исполнительский уровень, чему способствовала деятельность Художественного совета, выделение из структуры фабрики звукозаписи цеха «Шоринофон»²⁸ и т. д.

К сожалению, отсутствие необходимых технических средств для обеспечения полной сохранности фонодокументов, а также необоснованное уничтожение ряда документов²⁹ привело к гибели ценнейших звукозаписей общественно-политического и художественного характера 30—40-х годов.

В частности, в мае 1941 г. были отобраны и в дальнейшем уничтожены следующие фонодокументы, записанные на шоринофон: выступление В. А. Антонова-Овсеенко из Брюсселя, разговор по телефону Е. Виноградовой, встреча депутатов Верховного Совета, запись испанских детей, выступления Ибаррури, С. М. Эйзенштейна, запись съемки фильма «Ленин», радиопрограммы с борта самолета «Москва», записи с Красной площади, концерта из Китая, радиофильмы «День в казачьей части», «Полет стратостата „Кремль“»³⁰ и многие другие. Всего было уничтожено более 400 ед. хр. Без необходимого обоснования большинство записей, относящихся к 1937—1940 гг., «были признаны не имеющими художественной ценности»³¹.

Таким образом, ряд причин — распыленность или отсутствие микрофонных текстов в условиях «живого вещания» начального периода, неудовлетворительное состояние ведомственного хранения текстовых и звуковых документов, уничтожение большинства звукозаписей, гибель части архива во время эвакуации Радиокomiteта в октябре 1941 г. и др. — привели к тому, что в фонде Гостелерадио СССР за 1933—1970 гг., насчитывающем более 23 000 дел, полностью отсутствуют творческие материалы 30-х годов, а фонодокументы этого периода, сохранившиеся в ЦГАЗ СССР, исчисляются несколькими десятками единиц хранения.

Отсутствие за указанный период необходимого комплекса типов и видов источников для освещения истории советского радиовещания и развития радиожурналистики потребовало применения общей и выработанной специфической методики реконструкции архивной лакуны³².

Реконструкция источниковой базы проводилась в двух направлениях. Первое, традиционное, заключалось в просмотре фондов тех учреждений, которые в различные периоды осуществляли идеологическое и организационное руководство радиовещанием. Вторым, методика которого специально была разработана для данного вида источников, являлось создание макета эфира в виде описи программ радиопередач. Полистный просмотр ряда фондов позволил выявить следующие комплексы документов: в фонде РОСТА при ВЦИК³³ документы самого раннего периода истории советского радиовещания 1918—1924 гг.; радиотелеграфные сводки и радиовестники, краткие информации всех отделов РОСТА (официальный, иностранный, литературный и театральный, московский и др.) о действиях и распоряжениях Советского правительства, о ходе гражданской войны, о международном и внутреннем положении Советской страны; несколько выпусков, в том числе первый, «Радиогазеты РОСТА»;

²⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 6903. Оп. 1. Д. 2. Л. 153—154; Оп. 9. Д. 2. Т. III. Л. 165—167; Ф. 5508. Оп. 1. Д. 2073. Л. 43—44.

²⁹ Приказ № 415 по Всесоюзному комитету по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР от 22 сентября 1939 г. о создании комиссии «для проверки имеющегося фонда тояфильм и очистки его от негодных в идеологическом и художественном отношении фильм» (Архив Гостелерадио СССР. Оп. 1 л/с. Д. 74. Л. 45).

³⁰ Так в документе (ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 988. Л. 357—374).

³¹ Там же. Л. 356.

³² Методика выявления документов общего делопроизводства, микрофонных материалов, документов личного происхождения описана в пособии: Издание документов по истории советской радиожурналистики/Под ред. О. М. Медушевской. Сост. Т. М. Горяева. М., 1986.

³³ ЦГАОР СССР. Ф. 391. Оп. 6.

по описи секретариата председателя в деле о выплате гонораров найдены тексты устной газеты РОСТА за 1922 г.³⁴; в фонде ТАСС — комплект выпусков радиогазеты за 1924—1928 гг., куда входят сотый, тысячный номера «Радиогазеты РОСТА», первые номера «Утренней» и «Рабочей» радиогазет, являющихся этапными в развитии радиогазеты — основной формы радиопропаганды начального периода регулярного радиовещания (1924—1932 гг.)³⁵; в фонде ЦК профсоюзов работников искусств наряду с резолюциями, планами и отчетами Акционерного общества «Радиопередача», Радиосовета и Радиокomisсии Агитпропа ЦК ВКП(б) — тексты радиовечера и радиопереклички 1930 г.³⁶; в фонде Наркомпроса РСФСР вместе с многочисленной делопроизводственной документацией (положения, уставы, протоколы, переписка и др.) — тексты статей и бесед, подготовленные специально для радио³⁷.

Были просмотрены фонды органов управления отраслями промышленности и сельского хозяйства, имеющих культурно-просветительные отделы для пропаганды передового опыта в печати и на радио. Обнаружены тексты радиопередач, планы издательств, сценарии художественных и научно-популярных кинофильмов профилирующей тематики, которые присылались в соответствующее ведомство на визу. Так, в фонде Колхозцентра (ЦГАНХ СССР. Ф. 7446. Оп. 6) выявлены тексты радиобесед, докладов, радиоперекличек, документы об организации радиопоходов и др. Самые ценные находки — стенограммы всесоюзных радиоперекличек по ликвидации безграмотности и по вопросу размещения «Займа второй пятилетки» в деревне за 1933 г. в культмассовом отделе фонда ВЦСПС (ЦГАОР СССР. Ф. 5451. Оп. 17).

Учитывая специфику создания документов, представляющих историю художественного, в частности литературного вещания, мы обратились к источникам, хранящимся в ЦГАЛИ СССР. Копия выступления у микрофона, рассказа или очерка, написанных по заказу радио, иногда оставалась в личном архиве автора. Были просмотрены личные фонды писателей, актеров, режиссеров и других деятелей, сотрудничавших в 20—30-х годах на радио. Этому предшествовала большая подготовительная работа по определению списка личных фондов — изучение литературы, периодики, а главное «Радиопрограмм». Выявление в личных фондах и частных архивах дало наибольшие результаты по розыску творческих материалов, главным образом 30-х годов.

Самые ценные сведения о деятельности Радиокomiteта как государственного учреждения содержатся в организационно-распорядительной документации, которая отложилась в подлинниках и копиях в ведомственном архиве Гостелерадио СССР с 1924 по 1985 г. Эти материалы важны не только тем, что дают четкое представление о структуре и деятельности Радиокomiteта, но и тем, что содержат сведения об организации новых программ и передач, авторском и редакторском составе отделов и редакций, участии известных режиссеров, музыкантов и актеров. Кроме того, приказы о поощрении лучших радиопередач, содержащие сведения об их авторах и участниках, являются основой для дальнейшего поиска материалов в других архивах или изданиях.

В силу специфики деятельности Главной редакции писем и социологических исследований и ее предшественников — научно-методического кабинета и отдела, Цетра научного программирования — в них отложились подлинники и копияные документы по истории советского радиове-

³⁴ Там же. Оп. 1. Д. 35. Л. 5—6, 8—12.

³⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 4459. Оп. 7. Имеются в виду различные адресно-тематические модификации радиогазеты («Радиогазета», «Утренняя радиогазета», «Рабочая радиогазета» и др.), появившиеся в результате дифференциации радиовещания (по возрастному и социальному признакам). 31 марта 1925 г. в эфир вышли две новые радиогазеты — «Радиоопионер» и «Радиооктябрьенок», весной 1926 г. «Радиогазета» разделилась на «Крестьянскую радиогазету» и «Рабочую радиогазету».

³⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 5508. Оп. 1.

³⁷ ЦГА РСФСР. Ф. 2306. Оп. 1, 69.

пания с 1918 г. Особую ценность представляют стенограммы заседаний руководящего состава Радиокomiteта, его актива, художественно-музыкального совета, содержащие интересные сведения о развитии радиожурналистики, о зарождении новых методов и форм агитации и пропаганды на радио, создании звукового фонда художественного радиовещания; планы и отчеты, программы передач, материалы научно-методического отдела, вырезки из газет и журналов, ряд микрофонных текстов и др.³⁸

Если реконструкция творческих материалов с 1917 по 1930 г. шла за счет выявления в фондах центральных государственных архивов СССР, которые, как известно, были на время войны эвакуированы и тем самым спасены, то документы периода 30-х годов, как уже отмечалось, были уничтожены в ведомственном архиве Радиокomiteта. Фонодокументы ЦГАЗ СССР и Телерадиофонда Гостелерадио СССР³⁹ — основных хранилищ фонодокументов — ни по количественным, ни по качественным характеристикам не дают представления о развитии радиожурналистики 30-х годов. Сохранились в основном звукозаписи трансляций важнейших исторических событий, радиорепортажи, выступления митингового характера. Отсутствуют материалы аналитических и художественно-публицистических жанров (статьи, комментарии, радиоочерки, радиорассказы, радиокомпозиции, радиопьесы и др.).

Для реконструкции этого пробела была выработана специальная методика, которая заключается в создании макета эфира на основании программ радиопередач⁴⁰. Программы радиопередач издавались Радиокomiteтом сначала в качестве приложения к журналу «Говорит СССР», а с 1 января 1934 г. — в виде самостоятельного издания «Радиогазеты». С 6 июня 1935 г. по 22 июня 1941 г. оно выходило под названием «Радиопрограммы», возобновлено 15 мая 1947 г.

Нами проанализированы ежедневные программы радиопередач за 1934 г. — 22 июня 1941 г. Цель исследования — создание описи радиопрограмм (фактически единственного достоверного источника по данному периоду), с одной стороны, определяющей структуру и содержание радиовещания 30-х годов, с другой стороны, являющейся своеобразным путеводителем в поиске микрофонных текстов. Основные критерии отбора радиопередач для описи: общественно-политическая значимость в отражении периода; место материала в истории радиожурналистики (учитывалась популярность передач, их жанровое своеобразие, новые приемы в организации материала, технические новшества, премьеры, получившие большой отклик); вероятность обнаружить текст радиопередачи в фондах личного происхождения или в опубликованных изданиях; авторская принадлежность (не только автор текста, но и режиссер, участники или исполнители).

Анализ проводился с помощью специальной таблицы (табл. 2).

«Радиогазета» и «Радиопрограммы» 30-х годов содержат огромный фактический материал по истории радиовещания.

Уникальную информацию о несохранившихся радиопередачах несут в себе отклики радиослушателей, статьи радиожурналистов — создателей

³⁸ Эти документы длительное время находились в ведомственном хранении на том основании, что необходимо их постоянно использовать в практической работе. К сожалению, должный учет и условия их хранения не были обеспечены, в результате часть документов утрачена. В настоящее время документы этого подразделения обработаны, материалы, заслуживающие постоянного хранения, переданы в ЦГАОР СССР.

³⁹ Всесоюзный фонд телевизионных и радиопрограмм Гостелерадио СССР (Телерадиофонд) был создан 28 января 1974 г. как самостоятельная производственная организация. Его задачи: обеспечение главных редакций Центрального телевидения и радиовещания всеми видами телевизионных программ на пленке, киноматериалов, видео- и магнитных записей, фото- и изобразительных материалов; комплектование фондов телекинофонофотоматериалами временного и длительного хранения, их учет, хранение, восстановление и реставрация; оперативная информация редакций, служб и организаций Гостелерадио о наличии, состоянии и движении фондовых материалов.

⁴⁰ Методика вырабатывалась при участии канд. филол. наук А. А. Шереля.

Таблица 2

№	Группа передач				Характеристика передач				Справочный материал						
	Дата эфира	Направление вещания	Редакция (отдел)	Тематика	Жанр (форма)	Время эфира (объем вещания)	Форма фиксации	Название	Автор	Участники, режиссер, исполнители	Аннотация содержания	Сопутствующий материал	Место хранения или публикации	Источник информации	Примечания

радиопередач, рецензии и обзоры. 30 ноября 1934 г. радио впервые организовало репортаж со дна Черного моря о работе водолазов. Серьезный анализ этой передачи («Радио из черноморских глубин») с подробным ее описанием, частичными цитатами содержится в двух больших статьях А. Ксандера и С. Третьякова: «Актуальникам надо расти». Корреспондент «Последних известий» В. Ардаматский писал о прямой трансляции из Испании митинга трудящихся в связи с гибелью советского теплохода «Комсомол», концерта-митинга в театре Мадрида «Кальдерон», о выступлении делегации бойцов Народного фронта Испании и др.

Особый интерес представляют материалы по истории звукозаписи, с помощью которых было проведено выявление наиболее значительных звукозаписей тонфильмов и фоноваликов, утраченных впоследствии по различным причинам. Информация о дате звукозаписи, ее точном названии, авторах и создателях не только имеет самостоятельную ценность, но и помогает в их разыскании. Приведем пример. 17 апреля 1935 г. в 20 час. 30 мин. (объем вещания 1 час) состоялась премьера радиоспектакля «Каменный гость» А. С. Пушкина в постановке В. Э. Мейерхольда. Музыка В. Я. Шебалина, исполнители — З. Райх, М. Царев, Н. Зайчиков и другие в сопровождении концертного ансамбля под управлением Е. Сенкевич⁴¹. На премьеру в студию приехали Ю. Олеша, С. Прокофьев, известные писатели, музыканты, ученые-пушкинисты. Радиоспектакль получил большой резонанс. По «Радиопрограммам» установлено, что с апреля 1935 г. по июнь 1936 г. «Каменный гость» звучал в эфире в живом исполнении девять раз.

В исследованиях жизни и творчества Мейерхольда отмечается, что ни одна из его радиопостановок не была записана с помощью звукозаписывающей аппаратуры⁴². Но в издании «Радиопрограммы» от 11 июня 1936 г. говорится о подготовке к записи на тонфильм нескольких опер и спектаклей, в том числе и «Каменного гостя»⁴³, а 6 августа в 16 час. его запись прозвучала в эфире. По значению установление факта звукозаписи не может быть приравнено нахождению самого источника, но может послужить основой для его поиска⁴⁴.

Исходя из данных аналитической таблицы, составили поисковую таб-

⁴¹ Радиопрограммы. 1935. 5 апр. С. 3.

⁴² Февральский А. Московские встречи. М., 1982. С. 124.

⁴³ Радиопрограммы. 1936. 11 июня. С. 8. Подробнее см.: Проблемы выявления, отбора и публикации документов по истории советской радиожурналистики // Совр. вопр. историографии сов. археографии. М., 1985. С. 41–42.

⁴⁴ До сих пор местонахождение тонфильмов с записями «Каменного гостя», «Русалки» и других радиопостановок Мейерхольда не установлено.

лицу, в которой указывались предполагаемые места хранения, а также список писателей, актеров, режиссеров, сотрудничавших в этот период на радио. Только после этого, имея все необходимые данные для поиска, мы обратились в ЦГАЛИ СССР. Так в личном фонде А. В. Луначарского была выявлена его радиолекция «Культура СССР и значение радио»⁴⁵; в фонде режиссера В. Д. Маркова — радиокомпозиция «Гармонь», радиочерк «Из окна вагона», радиобуффонада «Корона», план радиопереклички «Лагерный сбор социалистической обороны» и др.; в фонде артиста Д. Н. Орлова — радиочерк С. П. Злобина «Сказка про Московское метро»; в фонде В. Э. Мейерхольда — режиссерские экземпляры (с режиссерскими экспликациями) радиопостановок «Каменного гостя» и «Русалки», интервью для радиопередачи о спектакле «Свадьба Кречинского»; в фонде Э. П. Гарина — 15 радиокомпозиций, поставленных и исполненных им в 30-е годы: «15 раундов», «Цусима», «Война и мир», «Огни на реке» и др.

Руководствуясь поисковой таблицей, мы обратились в рукописные отделы музеев и библиотек, в частности Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, Государственного музея В. В. Маяковского, ГЛМ, ГБЛ. Так были обнаружены неизвестные ранее и неиздававшиеся мемуарные источники, тексты радиопередач и другие материалы. Особую ценность представляют воспоминания А. А. Садовского «Поэт у микрофона» (В. В. Маяковский на радио), письма Р. Роллана в Радиокomiteт и Д. Б. Кабалеvскому в связи с подготовкой радиопиcценировки «Кола Брюньон» в исполнении О. Н. Абдулова и многие другие.

Плодотворной была работа с ныне здравствующими ветеранами радио, писателями или их наследниками, к которым мы обратились с просьбой поделиться воспоминаниями или предоставить во временное пользование сохранившиеся у них творческие материалы. Такие встречи состоялись с В. П. Катаевым, А. В. Февральским, М. Б. Храпченко, В. И. Ардамаcким, Л. С. Лещем, Е. А. Благининой, К. Б. Минцем, Ю. Б. Левитаном, О. С. Высоцкой, наследниками А. А. Суркова, В. И. Инбер, Г. А. Поляповского. Посещались заседания совета ветеранов работников радио. К сожалению, война, эвакуация, а также другие жизненные обстоятельства не позволили им сохранить свои творческие архивы, и предоставленные материалы относятся в основном к военным и послевоенным годам.

Даже детально разработанная археографом методика выявления источников не исключает неожиданных находок. Именно к таким находкам можно отнести ротированные микрофонные материалы Радиокomiteта, хранящиеся в ГБЛ. Причины, по которым они оказались в библиотеке и несмотря на очевидную доступность не были введены в научный оборот, требуют объяснения. Для организации централизованного обеспечения местных радиокomiteтов микрофонными материалами постановлением № 17 Всесоюзного радиокomiteта от 7 февраля 1936 г. была образована Главная редакция микрофонных материалов, в обязанность которой входили подготовка, издание и рассылка текстов литературного, музыкального, детского вещания, редакции «В помощь самообразования»⁴⁶. Издаваемые для служебного пользования эти материалы тиражом более 100 экземпляров по правилам издания в СССР отсылались в ГБЛ. Случайно попавшаяся в алфавитном каталоге библиографическая карточка с обозначением «Микрофонные материалы ВРК. Для сектора детского вещания» явилась поводом для организации поиска. В результате были выявлены около 800 такого рода материалов практически всех отделов и редакций Радиокomiteта (1938—1941 гг.), а также не

⁴⁵ А. В. Луначарский выступил с ней перед выходом первой «Радиогазеты» 23 ноября 1924 г., тем самым как бы открывая начало регулярного радиовещания в СССР.

⁴⁶ О радиофикации и радиовещании: Сб. постановлений. М., 1936. С. 37.

использованные ранее в исследованиях сборники творческих материалов⁴⁷.

Таким образом, только применяя различные методы выявления документов, обращаясь ко всем возможным источникам их хранения, опираясь на воссозданный «макет эфира», был собран массив различных типов и видов источников за период с 1917 по 1970 г.

В процессе восстановления утраченной части источниковой базы советского радиовещания и ее анализа были определены основные принципы и критерии экспертизы ценности микрофонных текстов радиопередач, которые позволили критически осмыслить существующую практику проведения экспертизы этих источников. Первыми специальными методическими разработками явились созданные отделом микрофонных материалов Гостелерадио СССР совместно с ЦГАОР СССР в 1972 г. «Методическое пособие по проведению экспертизы ценности текстов телевизионных передач Главных редакций Центрального телевидения», а в 1980 г. — «Методические рекомендации по проведению экспертизы ценности текстов радиопередач Главных редакций Центрального внутрисююзного радиовещания» и «Методические указания по проведению экспертизы ценности текстов радиопередач Главных редакций Центрального радиовещания на зарубежные страны». В этих документах на основе изучения текстов передач и общих архивоведческих принципов и критериев экспертизы ценности документов впервые была сделана попытка проанализировать эти источники, поставить определенный заслон на пути известной стихийности и субъективизма, царивших до этого времени в их оценке и отборе на государственное хранение. Следует отметить, что решение всего комплекса проблем экспертизы микрофонных текстов на этом этапе не входило в задачу авторов методических разработок. В настоящее время рядом специалистов ведется работа над новыми документами, в которых найдут отражение последние достижения в области теории и практики экспертизы и источниковедения документов СМИП (письменные, кинофотофонодокументы и видеофонограммы).

Одним из основных вопросов экспертизы микрофонных текстов является, по нашему мнению, необходимость выработки комплексного подхода при оценке письменных, звуковых и изобразительных источников с учетом их органической содержательной и художественно-эстетической целостности как единого авторского произведения. Рассмотрение этих источников в отрыве один от другого приводит в ряде случаев к частичной или полной утрате информации. Например, в Главной редакции информации и Главной редакции музыкального вещания Центрального телевидения и Всесоюзного радио микрофонные папки содержат только дикторские тексты, так называемые объявления с указанием номера магнитофонной записи без текстовой расшифровки. И в том случае, если фонодокумент не был отобран на хранение в Телерадиофонде, он безвозвратно потерян. В этой связи следует отметить, что наряду с массовыми источниками временного срока хранения были выделены к уничтожению и отдельные оригинальные информационные и художественно-публицистические материалы 1950–1960-х годов: в описи Главной редакции информации Всесоюзного радио в результате целевых экспертиз оставлены на постоянное хранение только специальные выпуски «Последних известий» и программы «Маяк».

Новые методические документы по экспертизе микрофонных текстов радио- и телепередач должны содержать указания на взаимосвязь с экспертизой кинофотофонодокументов и видеофонограммы в Телерадиофонде Гостелерадио СССР⁴⁸, что послужит основой на пути к созданию единого нормативного документа. По нему, преодолев устоявшиеся

⁴⁷ Детское вещание: Сб. творческих материалов/Ред. М. Гезенцвей. М., 1934. № 29–34, 44–60; Радиовещание для детей/Ред. В. А. Гопчаров. М., 1940. Вып. 2.

⁴⁸ Теоретико-методические основы экспертизы ценности кинофотофонодокументов // Сост. В. М. Магидов, Л. А. Кобелькова. М., 1983.

структурно-организационные барьеры⁴⁹, экспертиза всех творческих материалов радиовещания и телевидения будет осуществляться комплексно с учетом их специфики как исторических источников⁵⁰.

В новом документе, несомненно, должен быть учтен накопленный опыт реконструкции архива радио, всестороннего источниковедческого, литературоведческого, искусствоведческого анализа, а также опыт работы по проведению экспертизы этих документов.

К общим критериям, которыми необходимо руководствоваться при оценке творческих материалов⁵¹, в том числе и микрофонных материалов радиовещания и телевидения, должны быть отнесены: значение учреждения-фондообразователя (этот критерий применяется при оценке материалов местного радиовещания); содержание произведения, его идейная и научная значимость, художественные достоинства, информационная ценность (важность и достоверность изложенных фактов и явлений, актуальность проблемы и др.); историко-культурное значение автора произведения; время и общественно-исторические условия создания произведения; степень повторяемости информации (опубликованность, вариантность, поглощенность, дублетность); внешние признаки документа (автографичность).

К специфическим критериям оценки микрофонных материалов, разработанным на основе изучения практики функционирования радиовещания и телевидения, творческого и технического процессов подготовки и выпуска в эфир радио- и телепрограмм, следует отнести: степень отражения основных функций радиовещания и телевидения (информационная, агитации и пропаганды, организаторская, просветительная, эстетическая, развлекательная, воспитательная и др.); виды радиовещания и телевидения (информационное, пропагандистское, радиовещание и телевидение для детей, молодежное, литературно-драматическое и музыкальное); жанры радио- и телепередач (в соответствии с общепринятой жанровой классификацией); наличие и характер авторской или редакторской правки.

Перечисленные общие и специфические критерии оценки микрофонных материалов должны применяться в совокупности, взаимно дополняя и обуславливая друг друга. Сочетание критериев и их значимость могут меняться в зависимости от каждого конкретного случая. Передачи (их текстовые варианты), освещающие работу съездов, пленумов, сессий и других форумов высших партийных, государственных и общественных органов страны, а также предвыборных кампаний, следует оставлять на постоянное хранение только в том случае, если они не представляют собой дословный повтор текстов, опубликованных в печати. Так же следует поступать и с текстами трансляций, если они сохраняются в звуке или на видеопленке.

Выборочный метод отбора массовых, периодических радио- и телепередач необходимо проводить только после анализа и оценки каждой из них в соответствии с общими и специфическими критериями. При

⁴⁹ В Гостелерадио СССР микрофонные тексты отбирает и хранит отдел микрофонных материалов (ведомственный архив), а кинофотофонодокументы — Всесоюзный фонд телевизионных и радиопрограмм (Телерадиофонд), после чего они поступают на государственное хранение соответственно в фонд Гостелерадио СССР в ЦГАОР СССР и ЦГАЗ СССР.

⁵⁰ «Перечень документальных материалов, образующихся в деятельности Главного управления радиотелевизионной информации Министерства культуры СССР (ГУРИ МК СССР) и подведомственных ему учреждений и предприятий с указанием сроков хранения материалов» (М., 1953) объединял в себе документы общего делопроизводства и тексты радиопередач со звукозаписями. Раздел VI «Радиовещание и звукозапись» состоит из перечисления видов и жанров радиопередач с указанием в специальной графе их разновидностей («текстовые материалы» или «подлинные тексты» и «звукозапись») и взаимообусловленных сроков хранения. Такое построение с учетом современного содержания и структуры радиовещания и телевидения должно быть положено в основу будущей методики.

⁵¹ Экспертиза ценности рукописей в издательствах, редакциях журналов и газет М., 1986.

экспертизе ценности передач по заявкам слушателей и телезрителей, очевидно, следует учитывать возможность использования этой информации в дальнейшем при проведении социологических исследований. Думается, что для передач, не вышедших в эфир по разным причинам, кроме их низкого художественного качества, следует установить тот же срок хранения, что и для авторских неопубликованных работ.

Несомненно, что основная и наиболее ответственная часть работы по экспертизе ценности творческих материалов должна осуществляться на уровне редакционно-художественных советов с привлечением наиболее квалифицированных и опытных журналистов, режиссеров, сотрудников отдела микрофонных материалов и Телерадиофонда, а также представителей государственных архивов. Большую роль в этом деле должна играть Центральная экспертная комиссия Гостелерадио СССР. Необходимо более активно и целенаправленно проводить работу с видными журналистами и другими творческими работниками радио и телевидения о значении их личных творческих архивов, их сохранении и своевременной передаче на государственное хранение. Совету ветеранов и активу создающегося музея Гостелерадио СССР нужно проявить большую заинтересованность в сборе документов и воспоминаний пионеров радио и тележурналистики, шире привлекать к этой работе творческую молодежь и сотрудников госархивов⁵². Все эти меры в целом, несомненно, обеспечат полноту и сохранность всего комплекса источников, образующихся в деятельности Гостелерадио СССР, и будут способствовать дальнейшей оптимизации состава ГАФ СССР.

⁵² В последние годы в ЦГАОР СССР поступили архивы известных советских радиожурналистов М. С. Шалашникова и Ю. М. Козловского, в ЦГАЗ СССР — военные радиорепортажи Л. Е. Маграчева.

Л. И. Шохин

Н. В. КАЛАЧОВ ВО ГЛАВЕ МОСКОВСКОГО АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ

(по неопубликованным документам)

Русская буржуазная историческая наука с середины XIX в. переживала подъем, показателем чего являлся не только количественный рост исследований, в том числе основанных на архивных документах, но и главным образом повышение их качественного уровня, осознание задачи широкого изучения документальных источников как необходимого условия дальнейшего научного прогресса. Вследствие этого исторические архивы в России, как и в других странах Европы, приобретали черты научно-исследовательских учреждений, зачастую руководимых крупными учеными, способными развернуть работу по описанию фондов, публикации описей, обзоров, путеводителей. Свидетельством достигнутых успехов является работа Николая Васильевича Калачова в МАМЮ в 1865—1885 гг. и основанное им фундаментальное «Описание документов и бумаг МАМЮ» (ОДиБ)¹.

В историографии истории архивного дела Калачову уделялось немало внимания. Сразу же после его смерти в созданном им Петербургском археологическом институте начали готовить сборник статей о нем². В МАМЮ также стремились почтить память своего руководителя. А. А. Востоков написал очерк о его деятельности с приложением списка научных трудов, «перерыв всю Румянцевскую и Чертковскую библиотеки». Оттиски статьи очень хотели иметь все служащие архива³. Вышедшая к 50-летию МАМЮ книга Д. Я. Самоквасова «Архивное дело в России» (Кн. 1. М., 1902) отмечена следами полемики и скоропреходящей злобы дня⁴, сказавшейся на освещении преобразований Калачова. Н. Н. Оглоблин в неопубликованной статье «Ответ недобросовестному критику» писал, что Самоквасов «в чисто карикатурном виде изображает архивную деятельность своего знаменитого предшественника по управлению архивом Калачова и делает это только для того, чтобы возвеличить самого себя»⁵. Изучение истории учреждения, руководимого Калачовым, работы его сотрудников раскрывает и его личную деятельность, ибо все это, как выразился Оглоблин, — «аксессуары, окружавшие Калачова», поэтому Оглоблин отказался переделывать свои воспоминания об Археологическом институте в «Воспоминания о Калачове»⁶. К 50-летию Московского археологического общества И. Я. Стеллецкий по поручению Д. В. Цветаева написал биографическую статью о Калачове, предназначенную для неизданной брошюры «Управляющие МАМЮ с основания

¹ *Маяковский И. Л.* Н. В. Калачов как историк-архивист // ТМГИАИ. М., 1948. Т. 4. С. 161—177; *Старостин Е. В.* Развитие международного архивного сотрудничества до второй мировой войны. М., 1983. С. 9; *Автокротова М. И., Самошенко В. Н.* Лекция С. К. Богоявленского о Н. В. Калачове // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 246—250.

² Чтения памяти Н. В. Калачова 3 декабря 1885 г. // Вестн. Археол. ин-та. СПб., 1886. Вып. 5.

³ *Востоков А. А.* Литературная деятельность Н. В. Калачова // Ист. вестн. 1886. № 5. С. 401—414; ОР ГПБ. Ф. 874 (С. Н. Шубинский). № 36. Л. 94, 96 (письмо Востокова).

⁴ *Маяковский И. Л.* Исторический очерк архивного дела в России. Пг., 1920. С. 37.

⁵ ЛО ААН. Ф. 246 (Н. П. Лихачев). Оп. 3. Ед. хр. 284. Л. 4.

⁶ *Оглоблин Н. Н.* Из воспоминаний слушателя Археологического института 1-го выпуска (1878—1880 гг.) // Вестн. археологии и истории. СПб., 1903. Вып. 15. С. 371—432; ОР ГПБ. Ф. 874. № 86. Л. 33 (письмо Оглоблина).

до настоящего времени». Авторский замысел состоял в том, чтобы показать жизнь архива, которая «при разных управляющих носит неоднородный характер в смысле задач, направления и содержания архивных работ»⁷.

Кроме юбилейных изданий, о Калачове говорится и в обобщающих трудах по архивоведению, но анализ литературы приводит к выводу, что и дореволюционные и современные авторы недостаточно обращались к архивным документам о его деятельности⁸, хотя такая потребность ощущалась давно. Еще в 1910 г. Н. Н. Ардашев поставил вопрос в Московском археологическом институте о проведении торжественного заседания в день 25-летия смерти Калачова; прочитать доклады о нем взялись Ардашев, А. И. Успенский, И. Ф. Колесников⁹.

Судя по подготовительным выпискам Ардашева, наряду с использованием опубликованных материалов, он впервые начал выявлять документы о Калачове, отложившиеся в МАМЮ (отчеты, приказы, административная переписка)¹⁰.

Подход к проблемам истории архивного дела определяется прежде всего наличием источниковой базы для их изучения. И. Л. Маяковский в отзыве на диссертацию М. Н. Шобухова «Системы и методы описания документальных материалов в России XIX — начала XX в.» (МГИАИ, 1951) признал весьма удачным произведенный им анализ некоторых томов ОДиБ, выпущенных при Калачове и Самоквасове, по сами руководители архива «...сливаются в один образ или даже скорее в схему, нежели образ». В этом смысле лучшими страницами диссертации В. К. Бондаренко «Проекты архивной реформы в России в 60—70-х годах XIX века» (МГИАИ, 1952), по мнению Маяковского, являются те, где говорится о взглядах и деятельности Калачова в широком смысле, а не только о его известных выступлениях на археологических съездах. Привлечение архивных материалов о нем дало возможность существенно дополнить литературу. Маяковский считал необходимой более последовательную критику своих работ о Калачове¹¹.

Источники о деятельности Калачова представляют собой рассеянный по различным местам хранения и весьма разнородный по составу комплекс делопроизводственной документации и материалов личного происхождения. Их следует искать не только в фонде канцелярии МАМЮ (ЦГАДА, ф. 337) и личном фонде Калачова (ЦГИА СССР, ф. 950)¹², но и во многих других архивах и рукописных собраниях, где отложились документы современников Калачова, особенно письма. Его 20-летнее управление архивом отражается в них на фоне активной научной и общественной деятельности. Калачов приобрел опыт черновой работы над историческими источниками в Археографической комиссии. В процессе переписки грамот и летописей попадались уникальные документы, которые он научился ценить. Калачов подробно писал об этом своему учителю М. П. Погодину¹³. В речи памяти Калачова Н. А. Попов, его помощник и преемник в МАМЮ, относил Калачова к числу ученых, стремившихся искать новые источники, а не разрабатывать исторические концепции в отличие от «научного направления, возглавлявшегося С. М. Соловьевым и К. Д. Кавелиным», внесшего вклад в основном в теоретическое осмысление исторического развития. Отсюда у Калачова

⁷ ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 801. Л. 9—10.

⁸ Автокротова М. И., Самошенко В. Н. Н. В. Калачов и развитие архивного дела в России во второй половине XIX в. // СА. 1985. № 5. С. 28.

⁹ ЦГИА г. Москвы. Ф. 376 (Московский археологический институт). Оп. 3. Д. 14. Л. 93, 118; Колесников И. Ф. Н. В. Калачов как архивовед. М., 1911. С. 8.

¹⁰ ЦГАДА. Ф. 1628 (Московское археологическое общество). Оп. 1. Д. 62. Л. 1—13.

¹¹ Лаборатория кафедры теории и практики архивного дела МГИАИ. Ф. И. Л. Маяковского. Оп. 1. Ед. хр. 287. Л. 5; ЦГАОР г. Москвы. Ф. Р-535. Он. 1. Д. 725. Л. 12—13. Стенограмма.

¹² Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде: Путеводитель. Л., 1956. С. 383—384.

¹³ ОР ГБЛ. Ф. 231/11 (М. П. Погодин). К. 14. Ед. хр. 53. Л. 1—106.

глубокая и осознанная любовь к архивному делу и энергичные усилия к его реорганизации¹⁴.

Действительно, с точки зрения Калачова именно в открытии новых источников заключалась главная задача исторической науки и потому, по его мнению, С. М. Соловьев поспешил с изданием «Истории России», когда недостаточно еще разработаны основные источники: грамоты и акты, писцовые и приходо-расходные книги и т. д.¹⁵ В неопубликованном письме Погодину Калачов еще более резко обвинил Соловьева в неуважении к «публике, для которой он пишет свою „Историю“»¹⁶. В свою очередь, Соловьев не понимал Калачова, считал, что у него «образцово темная голова», и не откликнулся на его предложение участвовать в обсуждении состояния архивов на 2-м археологическом съезде¹⁷.

Обосновывая назначение Калачова в МАМЮ, министр юстиции Д. Н. Замятнин отмечал, что архив надо «доверить лицу, обладающему археографическими, историческими и юридическими сведениями, которое посвятит бы себя разбору и описанию материалов». По его ходатайству Калачов «впредь до окончательного преобразования МАМЮ, которое может последовать лишь по закрытии московских департаментов Сената», уравнивался в правах с обер-прокурором, т. е. становился управляющим архивом и подчинялся только Министерству юстиции в отличие от его предшественника — директора П. И. Иванова. Уже в 1867 г. Калачов представил проект нового штата МАМЮ и в дальнейшем постоянно старался провести его в жизнь. Когда в 1869 г. врачи настоятельно рекомендовали Калачову ехать лечиться за границу, он просил министра ввиду того, что «поездка за границу без всякого дела... немыслима», командировать его для осмотра иностранных архивов, намереваясь использовать собранные сведения при переустройстве МАМЮ¹⁸.

Впоследствии директор архива Синода А. Н. Львов назвал Калачовскую комиссию по выработке проекта архивной реформы примером неосуществимого предприятия, так как дело еще недостаточно созрело. «Ведь сколько бы мы теперь ни жаловались и ни возмущались, что департаментские или Сенатский архивы затрудняют пользование ими, до изменения существующего законодательства и строя, не признающего пока за архивами исторического научного значения, решительно ничего не выйдет», — писал он М. В. Довнар-Запольскому перед 11-м археологическим съездом в Киеве, на котором должен был выступать Самоквасов¹⁹. Однако деятельность Калачова в МАМЮ показывает обратное. В 1871 г., как и намечалось, Московский сенатский архив присоединили к МАМЮ, но проект нового штата не утвердили. Фактически же Калачов добился осуществления многих из своих основных положений, хотя и не в форме законодательных актов, а главным образом приказами по Министерству юстиции. В частности, уменьшили количество служащих, чтобы распределить жалованье между оставшимися и повысить их содержание; архиву предоставили отдельное здание на Старой Басманной и дали право допускать исследователей к занятиям без санкции министерства; а самое главное — научная работа по описанию и изданию документов была возведена в ранг постоянного и основного направления деятельности архива. Видимо, причина формального неутверждения нового Положения в 1871 г. заключалась в том, что по штату 1852 г.

¹⁴ Там же. Ф. 203 (МОИДР). Кн. 24. Л. 498 об. (Протокол 20.12.1885).

¹⁵ Калачов Н. В. [Рецензия] // Моск. ведомости. 1852. № 30. С. 309; № 35. С. 359. Рец. на кн.: Соловьев С. М. История России. Т. 1. М., 1851.

¹⁶ ОР ГБЛ. Ф. 234/II. К. 14. Ед. хр. 53. Л. 16.

¹⁷ Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Избр. труды, записки. М., 1983. С. 270, 293, 334; ЦГИА СССР. Ф. 950. Оп. 1. Ед. хр. 264. Л. 3 об. (Отпуск письма Калачова «Сергею Михайловичу»); ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 373. Л. 48–48 об. (список рассылки брошюры Калачова «Архивы», в том числе С. М. Соловьеву).

¹⁸ ЦГИА СССР. Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 86. Д. 5993. Л. 13, 38–39.

¹⁹ ЦГАДА. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 28. Л. 1 об., 4–4 об.

архиву ассигновали 18 тыс. руб. в год, а проект Калачова предусматривал 36 тыс. руб.²⁰ Калачов писал Н. А. Попову: «...увеличения архивного бюджета я просить просто не могу, ибо знаю, что не только откажут, но и ничего не утвердят из опасения будущего»²¹.

В «Записке по поводу предпринимаемого описания архива Министерства юстиции»²² Калачов обратился не столько к опыту описания Московских сенатских архивов при Иванове, а прежде всего к описанию архивов Государственного совета и Комитета министров, где он недавно работал по поручению правительства. За 1-й т. «Описания архива Государственного совета» Калачова наградили в 1869 г. орденом Белого Орла, за 2-й т. в 1882 г. — алмазными знаками к полученному ранее ордену Александра Невского²³. Вместе с тем следует отметить, что в 1-м т. ОДиБ Калачов собирался поместить, помимо архивных описей и обзоров, очерк деятельности Иванова с указанием на его научные работы. С этой целью он запросил из Министерства юстиции копию формулярного списка своего предшественника. Поэтому вызывает возражение замечание И. Л. Маяковского о том, что Калачов сразу же увидел в сделанном Ивановым скорее ущерб, чем благо для архива²⁴.

Калачов не игнорировал значение документов МАМЮ для выдачи справок. Однако в отчете архива за 1865 г. подтверждена на основании приведенных подсчетов тенденция уменьшения количества запросов, касавшихся преимущественно сословных прав и владения крепостными. Приобретенное архивистами в ходе справочной работы знание состава и содержания документов нашло применение в последующих научных трудах, задуманных Калачовым, когда он сам еще недостаточно знал фонды МАМЮ. Возможность рассмотреть их на месте появилась в период отпусков в Сенате летом 1865 г. В это время он писал А. Ф. Бычкову: «Я понемногу занимаюсь в своем архиве, но он так обширен, что в нем не скоро все узнаешь»²⁵.

Поняв, что описать в МАМЮ фонды всех приказов, коллегий, контор — значит «обозреть всю официальную деятельность России XVI—XVII вв.», Калачов приступал к этому постепенно и был озабочен также усовершенствованием системы алфавитов к документам, изготовленных при Иванове. Заметив, что они сделаны к каждой книге отдельно, он велел соединить их по группам документов однородного содержания, проводить составление общего алфавита писцовых книг. Образцом в этом отношении служил архив, «малоизвестный, но стоящий выше всех, это — архив Межевой, — говорил Калачов на лекции в Археологическом институте. — Самое важное в том, что все документы так расположены, что в 1 минуту можно найти любой документ. Стоит назвать малейшую пустошь, и о ней найдется сведение»²⁶.

Но из-за ограниченного количества сотрудников Калачов едва ли мог привести свой архив в такое состояние. В. Г. Дружинин вспоминал заведующего читальным залом МАМЮ, который одновременно с исполнением основных обязанностей «составлял к чему-то алфавиты на листах бумаги, а потом разрезал их на узкие ленты с отдельными фамилиями и складывал эти ленты в пачки в алфавитном порядке по буквам... Складывал он листки медленно, нередко ронял пачки на пол, они рассыпались, надо было их вновь подбирать. Это было похоже на Сизифову

²⁰ Там же. Ф. 1624 (Н. И. Тихомиров). Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 2–7, 10, 12 (копия проекта нового штата МАМЮ).

²¹ ОР ГБЛ. Ф. 239 (Н. А. Попов). К. 10. Ед. хр. 3. Л. 35 об. — 36.

²² Журн. м-ва юстиции. 1866. № 4. С. 5, 8.

²³ ЦГИА СССР. Ф. 1405. Оп. 86. Д. 5993. Л. 115 об., 119 (формулярный список Калачова).

²⁴ Там же. Оп. 62. Д. 6261. Л. 39–39 об.; *Маяковский И. Л.* Историко-археографический обзор фондов главнейших русских архивов. Пг., 1922. С. 33.

²⁵ ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 278. Л. 5–6, 35–35 об.; ЛО ААН. Ф. 764. Оп. 2. Ед. хр. 329. Л. 123 об.

²⁶ ЦГИА СССР. Ф. 950. Оп. 1. Ед. хр. 280. Л. 78 об.; ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 279. Л. 5–5 об. (Отчет архива).

работу. Делал он это так безжизненно, что наводил уныние на занимающихся». Тем не менее кое-какие результаты налицо уже в 1866 г. Алфавитные указатели спискам 585 писцовых и межевых книг вместе с описанием дел с «известным титулом» подходили к концу и готовились к печати ²⁷.

По мнению В. В. Шереметевского, Калачов собирался включить в ОДиБ материалы исторические и юридические: «акты исторические» и «акты юридические». «Документ» относится к области юридической, служит для доказательства прав, а «бумага» имеет повествовательный, чисто исторический характер. Вероятно, опыт издания «исторических» и «юридических» источников имел значение для Калачова, хотя он сначала предлагал другие названия: «Сборник МАМЮ», «Описание материалов, хранящихся в МАМЮ» ²⁸.

Дела с «известным титулом» обратили на себя внимание в первую очередь, поскольку они предназначались к уничтожению. По наблюдениям Калачова, их опись отличалась «самым небрежным разбором, так что значительная часть бумаг вовсе пропущена, и самые бумаги разбиты на связки не по содержанию их, а как они были сложены прежде», поэтому документы необходимо переописывать. Выяснилось, что они «представляют в высшей степени драгоценный материал для изучения России за 1740—1741 гг. по всем частям ее быта, относящимся к верховному управлению, суду и разным отраслям администрации... в них рассеяны и такие данные, которые знакомят и с неофициальными сторонами народного быта» (по экономике, культуре и т. п.) ²⁹. Методика описания этих дел заключалась в том, что документы систематизировали по учреждениям, откуда они поступили в Сенат. Затем по каждому ведомству составляли частную нумерацию дел по хронологии. В подробном печатном описании считалось необходимым указывать и побочные, второстепенные сведения в том или ином деле, если они имели историко-юридическое значение ³⁰.

Задержка в подготовке обозрения дел с «известным титулом» из-за присылки в 1866 г. аналогичных материалов Петербургского Сенатского архива привела к тому, что оно не вошло в 1-й том ОДиБ, а вышло отдельным изданием — «Внутренний быт Российского государства с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г.» (М., 1880—1884. Т. 1—2). Предписав начальникам всех отделений архива выявлять в разных фондах документы того же содержания, Калачов построил его по тематическому признаку, оптимальный тип обозрений находился в стадии становления. «Можно многого ожидать от Ваших трудов по описанию Синодального архива, — писал Калачов Бычкову. — Мне очень хотелось бы узнать способ, как Вы делаете это описание. Известный мне способ для описания документов АМЮ тем неудобен, что он чрезвычайно завлекает занимающихся переходить из области составления указателя в область исследования. Это самое замедляет и теперь описание дел с „известным титулом“» ³¹.

Еще при Иванове производились выписки из писцовых книг, которых «составилось по 123 городам и уездам до 7 тыс. листов», представляющих «богатый материал для руководства и соображения при обозрении писцовых книг и вообще при ученых изысканиях». Об этом было мало известно даже среди архивистов. Ардашев, обнаружив в 1920 г. подгото-

²⁷ Там же. Д. 300. Л. 8 об.; ЦГАЛИ СССР. Ф. 167 (В. Г. Дружинин). Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 86 об.

²⁸ ЦГАОР СССР. Ф. Р-5325 (ГАУ СССР). Оп. 9. Д. 931. Л. 123 (примечание на проект архивной терминологии, не вошедшее в статью Шереметевского «Несколько замечаний по поводу ленинградского проекта архивной терминологии» // АД. 1925. № 2. С. 52—59); ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 275. Л. 65; Д. 280. Л. 3 об.

²⁹ Там же. Д. 275. Л. 46—50 (рапорт Калачова министру юстиции); [Калачов Н. В.]. Издание систематического описания дел, присланных в Сенат вследствие указов его от 1741 по 1748 год // Журн. М-ва юстиции. 1866. № 2. С. 401—403.

³⁰ ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 319. Л. 2 (отчет архива); Д. 672. Л. 1 об. — 2 (докладная записка А. С. Пестова).

³¹ Там же. Д. 275. Л. 82—82 об.; Д. 3497. Л. 1; ЛО ААН. Ф. 764. Оп. 2. Ед. хр. 329. Л. 126—126 об.

вительные материалы среди архивной россыпи, предполагал, что они остались со времен Калачова³². Опись писцовых книг в 1–2-м томах ОДИБ имела большое научное значение. О ней высоко отзывался Н. В. Устюгов в отзыве на диссертацию М. Н. Шобухова: «Какое еще нужно раскрытие содержания этих материалов, если даю время, место, характер книги (писцовая, межевая и т. д.) и имена и фамилии писцов, дозорщиков, переписчиков, межевщиков? В этом описании есть все, что нужно для точной и сжатой характеристики описываемых материалов... Очень удобно алфавитное расположение книг в описи по городам не только для справок, как говорит М. Н. Шобухов, но и для научного исследования». Географический указатель перерос значение указателя к писцовым книгам: к нему постоянно обращались и обращаются историки как к списку важнейших населенных пунктов Российского государства XVI–XVII вв.³³

В отчете архива за 1865 г. говорится, что шесть выпускников университета, принятых Калачовым на службу, и некоторые прежние чиновники приступили к описанию документов по составленной им программе; но через полгода часть работников перешли в местные судебные учреждения или в Сенат, другие также не собирались долго оставаться в архиве (кроме А. С. Пестова и В. Ю. Скалона). Это заставило Калачова поручить продолжение начатых работ тем старым архивистам, которые оказались наиболее способными, возложив на одного из них — П. П. Скопина — главную редакцию³⁴. Поскольку управляющий не в состоянии лично проверять все работы, Калачов считал необходимым введение в архиве должности редактора научных изданий (предусмотренной в штате 1887 г.)³⁵. Калачов использовал сочетание опыта архивистов-практиков и знаний молодых сотрудников с высшим образованием. Примером такого сотрудничества является обозрение писцовых, межевых и т. п. книг, поступивших из упраздненных судебных учреждений, подготовленное В. Ю. Скалоном и начальником Поместно-вотчинного отделения архива В. И. Холмогоровым в дополнение к перечню в 1-м томе ОДИБ, над которым работали, кроме Скопина и Холмогорова, и другие старые архивисты — И. Н. Николаев и И. И. Игнатьев³⁶.

По мнению Калачова, для науки недостаточно произвести хотя бы и усидчивый, но поверхностный набор и группировку выписок из массы архивных документов. Опыт работы в МАМЮ и МГАМИД привел его к убеждению, что не только хранение, но и разработка архивного материала целесообразны в том порядке, «в каком они перешли в новейшие хранилища из погибших древних архивов»³⁷. Калачов допускал создание в МАМЮ нескольких архивных коллекций однородных документов, но лишь по отношению к тем, какие утратили признаки фондовой принадлежности.

В духе своего времени Калачов не проводил резкой грани между археографией и архивоведением, рассматривая публикацию источников и издание описей целых архивных фондов не только как взаимодополняющий, но и как практически единый процесс. В его плане изучения документов МАМЮ, относящихся к царствованию Петра I, предусматривалось целиком опубликовать те из них, которые им написаны, правлены или подписаны. Прочие документы петровской эпохи, по мысли Калачова, достаточно обстоятельно описать с небольшими выборками, наглядно характеризующими правление Петра I. План получил одобрение Академии наук, началось осуществление второй его части, главным образом усилиями архивариуса И. Н. Николаева, в виде многотомного издания

³² ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 150. Л. 22–23; Д. 146. Л. 9–9 об.; Д. 160. Л. 8; ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 179. Л. 125–126.

³³ ЦГАОР г. Москвы. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 579. Л. 26–27.

³⁴ ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 281. Л. 4 об.; Д. 1102. Л. 32–33.

³⁵ Калачов Н. В. Архивы. М., 1871. С. 21.

³⁶ ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1307. Л. 2–4; Д. 6646. Л. 2 об. Дела о награждении.

³⁷ ЦГИА СССР. Ф. 950. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1 (записка о Боярской думе).

«Доклады и приговоры Сената». Одновременно к 200-летию со дня рождения Петра I Калачов при помощи правителя дел канцелярии МАМЮ П. П. Скопина готовился исполнить и вторую часть плана — подготовить сборник «Царствование императора Петра Великого по документам МАМЮ»³⁸.

Выполнение подобных работ создало имя в науке сотрудникам архива, ранее известным лишь по тому содействию, которое они оказывали исследователям. С. К. Богоявленский ошибочно называл Холмогорова учеником Калачова, принятым им на службу³⁹. На самом деле Холмогоров принадлежал к предшествовавшему поколению, но при Калачове стал начальником отделения. А. Е. Викторov писал о нем А. Ф. Бычкову: «Как Холмогоров, так и товарищ его, другой архивариус, Николаев — люди очень серьезные и знающие свое дело, хоть и скромные, даже немножко забытые по причине скудости получаемых ими благ мирских»⁴⁰. Старые сотрудники в известном смысле были живыми справочниками. Г. И. Перетяткович вспоминал, что «если бы рядом с этими плохими описями не находились в архиве такие знающие, опытные и любящие свое дело люди, как Николаев и Холмогоров, то занятия нашего брата должны были бы продолжаться гораздо более для того, чтобы достигнуть тех скромных результатов, какие достигнуты при их посредстве и указании в этом непроходимом лесу актов, столбцов и документов всяких»⁴¹. В рапорте о представлении к награждению А. Н. Зерцалова Калачов упоминал среди его заслуг то, что он охотно делился своими знаниями с исследователями, принося этим пользу науке⁴². Недаром В. О. Ключевский назвал его «чистым носителем и выразителем того архивистского духа, который давно возгнездился в МАМЮ и доселе в нем пребывает»⁴³ (хотя не все управляющие архивом приветствовали это: Самоквасов считал «нарушением служебной деятельности» представление архивистами исследователям данных о документах сверх того, что содержалось в описях⁴⁴).

В. Г. Дружинин оставил воспоминания о том, как он вместе с В. Н. Латкиным в 1885 г. собирал в МАМЮ материалы для магистерской диссертации. Здание архива на Старой Басманной оказалось ветхое, «полы были некрашенные и ходили под ногами. Вокруг архива был запущенный сад. Читальный зал был очень прост, не наряден. Это был длинный, не очень широкий зал. Посредине его стоял именитый очень большой стол, ничем не покрытый, а вокруг него стулья для занимающихся». Заведующий читальным залом, одетый в черный поношенный сюртук и белые полотняные брюки, не производил впечатление образованного человека, «он всегда был плохо обрит, вообще же он был очень любезен» в противоположность чопорным чиновникам МГАМИД, от внешнего блеска которых веяло холодком на приезжих. Некоторые сотрудники МАМЮ носили коричневые летние пальто, «совершенно выцветшие от древности, и походили на архивных крыс... Получая в архиве гроши, все они работали на сторону, выбирая документы и, где возможно, печатая их». Зерцалов по своему обыкновению приглашал по воскресеньям к обеду молодых ученых. «Мы были приняты ласково, — вспоминал Дружинин, — так что нельзя не помянуть добрым словом этих добрых людей... Таковы были нравы старого архива, при старом составе на Басманной, при директоре Калачове»⁴⁵.

³⁸ ЛО ААН. Ф. 2. Оп. 1. 1870 г. Д. 8 (об академическом издании «Докладов и приговоров Сената»). Л. 23–24, 27, 101; ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1102. Л. 53–60 (личное дело П. П. Скопина).

³⁹ ААН. Ф. 553 (С. К. Богоявленский). Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 37 (лекция).

⁴⁰ ОР ГПБ. Ф. 120 (А. Ф. Бычков). № 475. Л. 10.

⁴¹ ОР ГБЛ. Ф. 239. К. 15. Ед. хр. 46. Л. 38.

⁴² ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 504. Л. 10 об.

⁴³ Ключевский В. О. Речь после похорон А. Н. Зерцалова 29 ноября 1897 г. // Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 138.

⁴⁴ Самоквасов Д. Я. Современное состояние научной разработки древних архивных материалов // Тр. XIII археол. съезда. Отд. 2. М., 1908. Т. 2. С. 161.

⁴⁵ ЦГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 2–2 об., 64, 86–87 об.

И. Е. Забелин в речи памяти Калачова подчеркнул, что он придал архиву значение «научной библиотеки», до того присущее только МГАМИД; открыв «полнейший доступ» в свой архив, Калачов способствовал тому, что и МГАМИД при новом директоре Ф. А. Бюлере стал более открытым⁴⁶. Препятствие заключалось не столько в прямых отказах, сколько в бюрократической волоките в столичных учреждениях, о чем Н. Д. Чечулин писал Дружинину: «Кто-то, кажется, Вас. Ник. [Латкин], уверил меня, что в МАМЮ пускают без всякого разрешения... но недавно, когда заговорил об этом с Егором Егоровичем [Замысловским], он мне сказал, что нужно-таки разрешение, теперь вот и пошло мое прошение через разные мытарства!»⁴⁷. Появление читального зала в МАМЮ в 1866 г. привело к увеличению количества исследователей с нескольких человек в год до 26, к концу управления Калачова — вдвое больше. Как говорил Ю. В. Готье, МАМЮ стал местом «паломничества» ученых из Петербурга и других городов. Если раньше на МАМЮ смотрели главным образом как на учреждение справочное, то впоследствии размах описательных работ придал архиву преимущественно научное значение⁴⁸.

Архивные издания МАМЮ были для своего времени образцовыми. Трудом «весьма полезным, которому следовало бы подражать и в других ведомствах», назвал «Памятную книжку МАМЮ» Дружинин. «Впрочем, с Архива [Министерства] юстиции пример следует брать вообще во многом», — писал он Попову. Ему вторил В. А. Бильбасов: «У Вас, очевидно, дело ведется на широкую ногу, совсем по-европейски — не то, что у нас в Петербурге, где иные архивы боятся как огня изданий». ОДиБ и «Памятная книжка» казались настолько новым и необычным явлением, что в какой-то мере опередили свою эпоху. Несмотря на рассылку довольно широкому кругу ученых, не все о них знали. По словам Бильбасова, ему никто не говорил об архивных справочниках ни в Публичной библиотеке, ни в Академии наук, ни в Русском историческом обществе: «Стоят себе книги на полках... я уже раза два ломился в открытую дверь — добывал сведения, давно уже разработанные»⁴⁹.

Калачов поощрял научное сотрудничество архива с посторонними учеными. В лекции, прочитанной в Археологическом институте, он привел пример Н. П. Загоскина, оказавшего помощь МАМЮ в изучении Разряда. Ученики Калачова по институту могли потягаться с другими в учености. Так, Д. М. Мейчик, разбирая речь Загоскина об Уложении, сообщал Калачову, что «внимательное рассмотрение Указной книги Поместного приказа и некоторые другие данные позволяют мне по некоторым пунктам не только поспорить с Загоскиным, но и внести кое-что положительное, что по непонятным причинам ускользало от внимания прежних исследователей»⁵⁰. Обычно в качестве примера диссертаций, помещенных Калачовым в архивном издании, ссылаются на работы С. А. Петровского и П. Н. Мрочек-Дроздовского в 3-м т. ОДиБ; но и обзор «Грамот Коллегии экономии» XIV—XV вв., составленное Мейчиком и вошедшее в 4-й т. ОДиБ, тоже предназначалось к защите в качестве диссертации по истории права. При обсуждении в Московском юридическом обществе выводы Мейчика своей новизной и основательностью произвели впечатление. В свою очередь, и для него при окончательной редакции «обозрения» не прошли бесследно полученные замечания⁵¹.

Заинтересованность Калачова в улучшении положения архивного

⁴⁶ Протоколы заседаний МОИДР 1885 г. М., 1886. С. 17—19.

⁴⁷ ЦГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 530. Л. 57.

⁴⁸ ЦГАОР СССР. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 56. Л. 156, 160, 161 (лекции, прочитанные на Московских архивных курсах); ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 300. Л. 9 об. (Отчет архива).

⁴⁹ ОР ГБЛ. Ф. 239. К. 23. Ед. хр. 35. Л. 1; К. 5. Ед. хр. 13. Л. 41—43.

⁵⁰ ЦГИА СССР. Ф. 950. Оп. 1. Ед. хр. 280. Л. 56—57; Ед. хр. 288. Л. 23 об.

⁵¹ ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 9425. Л. 1—2 (письмо Мейчика Калачову).

дела на местах во многом объясняется поступлением в МАМЮ фондов упраздненных судебных учреждений. Чтобы успешно произвести передачу документов Арзамасского уездного суда, в 1870 г. пришлось послать туда двух служащих МАМЮ, но для осуществления такой работы постоянно архив не имел средств⁵². По словам Калачова, в МАМЮ «пыль стоит столбом. Со всех концов России ежедневно привозят тучи документов из упраздняемых судебной реформой [уездных] судов и [губернских] палат, в т. ч. есть столбцы и много писцовых книг. Когда все это будет прислано, то одни эти документы составят драгоценнейший архив»⁵³. Материалы такого рода начали поступать задолго до судебной реформы 1864 г. Еще в 1850 г. прислали 1209 столбцов Верхотурского уездного суда, предварительно разобранные и описанные по распоряжению Иванова⁵⁴, но лишь Калачов придал комплектованию всероссийский масштаб и подлинно научный характер. В ноябре 1884 г. он просил министра юстиции приостановить высылку в МАМЮ документов из тех губерний, где архивные комиссии еще не созданы. По его предположению, разбор ими местных архивов должен был облегчить работу МАМЮ, чтобы не загружать его излишним балластом. При переезде в новое здание на Девичьем поле Калачов собирался произвести экспертизу ценности и выделить к уничтожению не менее 1/4 дел, освободив место для новых поступлений⁵⁵.

Калачов поддерживал инициативу на местах по созданию исторических обществ и архивов. В 1880 г. он советовал А. А. Скальковскому брать пример с МАМЮ⁵⁶. Побывав в Москве, Скальковский в проекте создания Одесской архивной комиссии отметил: «Что касается до будущего устройства одесских архивов, то из всех виденных мною готовых образцов такого учреждения я считаю наиболее подходящим МАМЮ. Несмотря на плачевное положение здания, в котором он помещается, его отличное устройство, скромность материальных обстановок и расположение дает нам указание, по которому мы должны следовать в нашей задаче»⁵⁷.

Характерной особенностью Калачова как организатора научной работы являлось то, что, ставя задачи своим сотрудникам, он предоставлял им самим искать оптимальные пути решения, не регламентируя все детали. Об этом говорил Н. Н. Оглоблин, касаясь изучения им исторической географии в Археологическом институте, продолженное в «Обзрении историко-географических материалов XVII—XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного приказа» (4-й т. ОДИБ). Взгляды Калачова отражаются и в его письме А. Ф. Кистяковскому о рассмотрении И. П. Новицким предназначенных к уничтожению дел Киевской палаты государственных имуществ. «Что касается до инструкции ему для этой цели,— писал Калачов,— то думаю, что как ученый, занимающийся изданием исторических материалов, он не затруднится и без всякого указания назначить, что может иметь значение для истории, статистики, географии, права и обычаев»⁵⁸. Н. А. Попову Калачов стремился создать условия работы в архиве на тех же основаниях, каких ранее добился сам с помощью Д. Н. Замятина. «Необходимо нам лично обо всем условиться и поставить Вас в такое положение, чтобы Вам не зависеть ни от кого, кроме меня»,— писал он своему помощнику⁵⁹.

Калачов считал сотрудников равноправными коллегами по работе, даже важнейшие вопросы решал не единолично, а вместе с ними, о чем

⁵² Там же. Д. 351. Л. 6—8, 31—36 (рапорт Калачова в министерство).

⁵³ ЛО ААН. Ф. 764. Оп. 2. Ед. хр. 329. Л. 129 об. (Письмо Калачова Бычкову).

⁵⁴ ЦГАДА. Ф. 336 (Канцелярия П. И. Иванова). Оп. 1. Д. 203. Л. 20—20 об.

⁵⁵ ЦГИА СССР. Ф. 950. Оп. 1. Ед. хр. 310. Л. 2—3, 7; ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 9737. Л. 14 (протокол совещания, состоявшегося в архиве 14 августа 1882 г., на котором присутствовал также Н. А. Попов).

⁵⁶ ИРЛИ. № 7457. Л. 2 об.— 3 (письмо Калачова Скальковскому).

⁵⁷ ЛОИИ. Ф. 200 (А. А. Скальковский). Оп. 2. Ед. хр. 210. Л. 4.

⁵⁸ ОР ЦНБ АН УССР. № III. 68483. Л. 15 об.— 16.

⁵⁹ ОР ГБЛ. Ф. 239. К. 10. Ед. хр. 3. Л. 29.

свидетельствует его записка Попову в октябре 1885 г. с приглашением на чашку чая: «Нашими архивными деятелями решено... собраться в старом архиве... и, помянув древнее, потолковать о будущем архиве и Археологическом институте и занятиях на 1886 г.»⁶⁰. Когда архив размещался в здании бывшей Сенатской типографии в Охотном ряду, у Калачова не было отдельного кабинета. Один большой зал занял под канцелярию, и здесь же поставили стол для него. «В этой общей комнате заниматься удобно», — писал Калачов. В здании на Девичьем поле он предусмотрел отдельный кабинет управляющего (но не квартиру, занятую его преемниками в помещении, предназначенном Археологическому институту), и то лишь для того, чтобы иметь возможность заниматься во внеслужебное время, когда в архиве не положено было зажигать огонь⁶¹. В 1878 г. П. П. Скопину приказом министра поручили наблюдение за научными работами, А. А. Орлову — проверку справок и вообще формальную сторону управления архивом. Некоторые посетители даже принимали Орлова за «начальника» МАМЮ, не зная, что был еще Калачов, занятый делами новоучрежденного Петербургского археологического института⁶². Вместе с тем высокий авторитет Калачова признавался всеми сотрудниками; при нем в архиве не было внутренней борьбы, пагубно влиявшей на работу в последующие времена. Н. И. Тихомиров изобразил это в шутиливой форме, но достоверно в «Стародавнем сказании о давно минувшем времени»: «Ни один раз, хоть были временщики у нас: Орлов иль, например, Скопин, но партий не было „орловцев“ и „скопинцев“, а дружно шли все за одним вождем, который всему ученому миру на диво высоко поднял знамя архива»⁶³.

Стремясь установить традицию ставить во главе МАМЮ ученых, Калачов, по свидетельству близких к нему людей, не хотел видеть своим преемником бывшего офицера Межевого ведомства Орлова, хотя и выхлопотал ему чины и ордена. Вдова ученого, Л. А. Калачова, писала К. П. Победоносцеву о последней воле покойного — назначить Попова управляющим, на что тот ответил, что посодействует через Министерство юстиции⁶⁴.

В последние годы Калачов жаловался на «суматошную жизнь» из-за необходимости ездить в Москву хлопотать о месте под постройку нового здания МАМЮ, еженедельно отрываясь от лекций в Археологическом институте, издания «Сборника» трудов института и своих сенатских дел. Это «канительное сооружение» отвлекало от ученых занятий, но, как говорил Калачов, если «удастся совершить его в том виде, как я мечтаю, то мне можно будет умереть спокойно». В 1882 г. он намеревался поручить другим свои обязанности в Петербурге, а самому переехать в Москву и искать постоянную квартиру близ Девичьего поля, считая завершение строительства важнейшей задачей своей жизни⁶⁵.

Калачов нашел для архива место, безопасное от огня и удаленное от городского шума. Значение хранимых в нем документов и его статус всероссийского научного центра следовало подчеркнуть, придав зданию монументальный характер, чтобы оно могло «по своему плану и фасаду составить одно из лучших украшений Москвы в архитектурном отношении»⁶⁶. Такое впечатление оно произвело на приехавшего из Петербурга А. С. Лаппо-Данилевского. «Здание красивое, жаль

⁶⁰ Там же. Л. 39.

⁶¹ ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1496. Л. 65—65 об.; Д. 542. Л. 8—8 об.

⁶² Там же. Д. 1044. Л. 50 (личное дело А. А. Орлова); Ф. 1239 (Русское генеалогическое общество). Оп. 1. Д. 4. Л. 179—179 об.

⁶³ Там же. Ф. 337. Оп. 1. Д. 6289. Л. 110—110 об.

⁶⁴ ОР ГБЛ. Ф. 239. К. 10. Ед. хр. 4. Л. 1, 6—6 об. (Письма Л. А. Калачовой); К. 20. Ед. хр. 12. Л. 9 (письмо А. Н. Труворова).

⁶⁵ ОР ЦНБ АН УССР. № 111. 68485. Л. 18 (письмо Калачова А. Ф. Кистяковскому); ОР ГПБ. Ф. 386 (А. А. Котляревский). № 43. Л. 2 об.—3 (письмо Калачова); ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 9425. Л. 3 об.—4.

⁶⁶ ЦГИА СССР. Ф. 950. Оп. 1. Ед. хр. 295. Л. 7—8.

только, что далеко», — писал он В. Г. Дружинину⁶⁷. После завершения строительства архива стали поступать просьбы о проведении в нем экскурсий как в одной из достопримечательностей города; Н. В. Склифосовский ходатайствовал о допущении к осмотру здания делегатов съезда Общества русских врачей⁶⁸. В новом здании были устранены недостатки прежнего, на Старой Басманной, где административные помещения и хранилища находились в разных корпусах, довольно далеко отстоящих друг от друга. По мнению Калачова, сообщение из рабочих комнат «со всеми залами, занятыми документами, должно быть самое удобное и прямое»⁶⁹.

Строительство осуществлялось непросто даже после того, как Калачову удалось договориться о предоставлении участка земли и выделении сметы. Архитектор А. И. Тихобразов рассказывал Попову уже после смерти Калачова, что проект «немилосердно подвергался самым ожесточенным, самым злым и несправедливым гонениям и насмешкам... со стороны администрации появлялись разные затруднения и задержки относительно ассигновки суммы на его постройку»; а это затянуло сооружение здания с трех лет до пяти. Лишь благодаря Калачову удалось выйти из чрезвычайно затруднительного положения и довести дело до конца. Он установил связи с людьми, готовыми предоставить денежные пожертвования, вкладывая и свои личные средства, хотя его имения были обременены долгами. По словам его жены, он, «отдавшись вполне служебному делу и науке, забывал себя и свои интересы и рассчитывал, устроив новый архив и передав его своему преемнику, заняться устройством собственных дел»⁷⁰.

«Надеюсь, что мы заживем с Вами дружно на пользу науке», — писал Калачов Попову, — и я даже не буду завидовать Вам, что Вы заткнете за пояс мой Петербургский институт — ведь так и должно быть, Вы подвижнее и учение меня, да еще будете работать в Москве, где грешно и молодому поколению не заниматься древностями»⁷¹. Создавая Археологический институт, Калачов прямо указывал, что он должен находиться при архиве; но обстоятельства заставили разместить его в петербургском доме, где он был в большой мере оторван от МАМЮ. Калачов писал: «Это заведение может получить надлежащее значение лишь тогда, когда оно подготовит себе профессоров из числа своих слушателей. Вот почему мне особенно дороги нынешние воспитанники института, уже приступившие к самостоятельным работам, и, конечно, понимание ими моей цели и забот еще более удваивает мое внимание»⁷². Будущность архива также обеспокоивалась только в том случае, если на смену стареющим сотрудникам приходили молодые силы, поэтому Калачов торопился открыть при МАМЮ новый Археологический институт уже с октября 1885 г.⁷³

Выношенные Калачовым идеи частично осуществились, хотя и не так скоро, как он предполагал. «Москву надо поздравить с Археологическим институтом! — писал в 1907 г. Н. Н. Оглоблин С. А. Белокурову. — Не знаю, будет ли толк, особенно если институт повиснет в воздухе, не пристроившись к какому-либо архиву... 80 руб. со слушателей! Помилуйте! В нашем, Калачовском, институте еще нам, слушателям, платили стипендии за „честь“, которую мы оказывали институту. Как времена меняются!»⁷⁴. Из Московского археологического институ-

⁶⁷ ЦГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 41.

⁶⁸ ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 553. Л. 44.

⁶⁹ Там же. Д. 487. Л. 6—7; Калачов Н. В. Архивы, их государственное значение, состав и устройство. СПб., 1877. С. 26.

⁷⁰ ОР ГБЛ. Ф. 239. К. 19. Ед. хр. 45. Л. 4, 6, 11, 44; ЦГИА СССР. Ф. 1405. Оп. 86. Д. 2726. Л. 1—1 об.

⁷¹ ОР ГБЛ. Ф. 239. К. 10. Ед. хр. 3. Л. 22 об.

⁷² Калачов Н. В. Архивы, их государственное значение... С. 25; ИРЛИ. № 24822. Л. 5 об. — 6 (письмо Калачова К. Н. Бестужеву-Рюмину).

⁷³ ЦГИА СССР. Ф. 950. Оп. 1. Ед. хр. 295. Л. 20—21.

⁷⁴ ЦГАДА. Ф. 184 (С. А. Белокуров). Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 106—106 об.

та вышел ряд научных сотрудников МАМЮ (Н. Г. Бережков, Н. Г. Высоцкий, В. К. Клейн, А. А. Соколова, И. Я. Стеллецкий), в дальнейшем игравших активную роль в советской исторической науке.

Достигнутый к настоящему времени прогресс в изучении истории архивного дела на основании привлечения широкого круга источников позволяет провести более углубленное по сравнению с предшествующей литературой исследование существенно важных проблем, к числу которых относится архивная деятельность Калачова. В ней воплотились достижения архивоведения в России второй половины XIX в. Истоки архивных предприятий Калачова заключались в сочетании опыта отечественных архивистов, особенно в практике работы МАМЮ, с передовыми для своего времени идеями русской исторической науки. Постановка архивного дела в Западной Европе не оказывала решающего влияния на предложенные и отчасти осуществленные Калачовым меры по улучшению положения русских архивов. Конечно, не все из намеченного Калачовым для «благоустроенного архива» сразу осуществлялось в полном объеме: например, поставленная им задача разобрать и описать каждое дело в отдельности, упразднив неудобный способ их хранения в связках⁷⁵, проводилась в жизнь многими последующими поколениями архивистов. Но Калачов делал все, что мог, не щадя себя: «Состояние моего здоровья, действительно, таково, что доктора требуют, чтобы я месяца на два отправился за границу или в Крым отдохнуть,— писал Калачов А. К. Жизневскому 25 мая 1885 г.,— но не знаю, как при моих текущих занятиях привести это в исполнение»⁷⁶. Детальное изучение истории МАМЮ под управлением Калачова обогащает представления о его научном наследии и выдающихся заслугах как историка-архивиста, талантливого ученого и организатора.

⁷⁵ Там же. Ф. 337. Оп. 1. Д. 3513. Л. 2.

⁷⁶ Гос. арх. Калинин. обл. Ф. 103 (Тверская ученая архивная комиссия). Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

Н. И. Приймак

РАЗРАБОТКА С. Н. ВАЛКОМ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ЛЕНИНСКОГО НАСЛЕДИЯ В 20—30-е ГОДЫ

История становления и развития источниковедения произведений и документов В. И. Ленина неразрывно связана с научной деятельностью Сигизмунда Натановича Валка как архивиста, археографа, источниковеда.

Работа по собиранию и изданию ленинских рукописей и материалов, начатая Комиссией по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпартом) в 1920 г., была продолжена с 1923 г. Институтом Ленина, первоочередными задачами которого стали организация фонда документов В. И. Ленина и издание его сочинений. Особое внимание было уделено публикации ленинских документов и на основе этого подготовке нового, второго издания Сочинений В. И. Ленина. В связи с этим сотрудники Института Ленина познакомились с известными в то время методами археографии и архивного дела. В 1924 г. институтом был приглашен С. Н. Валк для работы в качестве научного консультанта «в области издания полного собрания Соч[инений] Владимира Ильича Ленина по части археографии» и как «русский специалист архивного дела»¹. С этого времени и до конца жизни Валк участвовал в работе Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС². В процессе этой работы определилась специальная область советского источниковедения — источниковедческое исследование произведений и документов В. И. Ленина³.

В октябре — декабре 1924 г. в Институте Ленина состоялись научно-методические совещания, на которых были обсуждены результаты первоначальной работы по организации архива Ленина. На совещаниях 13—14 ноября и 6 декабря 1924 г., кроме работников архива и составителей издания Сочинений В. И. Ленина, присутствовали С. Н. Валк от Ленинградского отделения Центрархива и профессор Г. П. Георгиевский — заведующий отделом рукописей Всероссийской библиотеки им. Ленина (ныне ГБЛ)⁴. На этих совещаниях были определены основные принципы учета, описания, хранения и использования ленинских документов. В частности, были обсуждены вопросы о книге поступлений документов В. И. Ленина («тип» книги было поручено определить Валку), о составлении каталога рукописей В. И. Ленина, содержании и правилах заполнения каталожной карточки («инструкцию заполнения карточек» также должен был написать Валк)⁵. В соответствии с разработанной Валком к концу декабря 1924 г. «Инструкцией по составлению каталога рукописей Института Ленина» на каталожную карточку стали записывать данные, позволявшие всесторонне охарактеризовать каждый ленинский документ. На карточке назывались особенности документа («внешнее описание рукописи»); все элементы содержания («внутреннее описание рукописи») и справочные данные об источни-

¹ Каталог рукописей В. И. Ульянова (Ленина). М., 1924. Вып. 1. С. 7; С. Н. Валк и издание ленинских документов: *Азапкин Ю. А.* [Доклад на совместном заседании археографической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященном памяти С. Н. Валка] // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 296.

² Фонд документов В. И. Ленина. 2-е изд. М., 1984. С. 184.

³ АЕ за 1976 год. С. 283.

⁴ ЦПА ИМЛ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 9. Л. 59.

⁵ Фонд документов В. И. Ленина. С. 185—187; *Азапкин Ю. А.* Указ. соч. С. 297.

ках, по которым были установлены авторство, дата и место создания документа, раскрыты псевдонимы. Каталогные карточки явились основой для справочных каталогов пяти видов: инвентарного, авторского, хронологического, адресного, предметного и каталога фондовых поступлений⁶. К концу 1925 г. в книге поступлений были записаны 8000 документов В. И. Ленина. На основе их описания и изучения дана характеристика ленинских материалов советского периода по видам и отраженным в них темам. В соответствии с этим было выделено 27 групп, в том числе ленинские статьи, брошюры, тезисы и проекты резолюций, письма и записки, телеграммы и телефонограммы, заметки для себя, бумаги и газеты с пометками В. И. Ленина, декреты, постановления, протоколы и мандаты за его подписью, записи секретарей под диктовку В. И. Ленина, заполненные им анкеты, стенограммы речей с ленинской правкой и без нее, корректуры статей и брошюр В. И. Ленина с его правкой и печатные экземпляры работ с его пометками и т.⁷

В отчете Института Ленина XV съезду партии подведены итоги научно-технической обработки материалов архива Ленина: на каталожных карточках были описаны все документы дооктябрьского периода и свыше 12 000 документов советского времени⁸.

Важно отметить, что с этой работой связывалась возможность «точного *научного* описания документов»⁹. В отчете Института Ленина XV съезду партии в связи с этим указывалось: «Каталог, составленный по особой инструкции, специально разработанной для этой цели научным консультантом т. Валком, дает полное представление о всех документах архива и позволяет разбить их по различным видам, темам и периодам»¹⁰. Все каталожные карточки редактировались С. Н. Валком и Г. А. Тихомирновым, назначенным весной 1925 г. заведующим архивом Ленина. Проверялась правильность передачи содержания документа, обоснования даты и соответствия в целом описания правилам инструкции¹¹. В отчете института XVI съезду партии сообщалось о завершении работы «по инвентаризации, каталогизированию и фотографированию» ленинских документов¹².

При описании выполнялась также чрезвычайно сложная работа по расшифровке ленинских рукописей. Основная цель состояла в том, чтобы воссоздать во всех деталях процесс работы В. И. Ленина над текстом: выявить все известные и сохранившиеся варианты рукописи, редакции каждой фразы в ней, провести сравнительный анализ этих текстов; выявить разночтения, установить логическую связь между отдельными фразами и частями и определить основной текст; раскрыть в итоге лабораторию работы В. И. Ленина над каждым отдельным текстом¹³. Археографические приемы этой работы были описаны в разработанном Валком «Проекте правил издания трудов В. И. Ленина» (М.; Л., 1926), а также нашли отражение в его статье 1925 г.¹⁴ Расшифровка рукописи требовала изучения истории создания ленинского документа (времени, места, повода для написания и т. д.), а также исследования его источниковой базы. Поэтому в «Проекте правил издания трудов В. И. Ленина» Валк рассматривал задачи и методы подготовки документов к изданию в связи с вопросами источниковедческого анализа. «Проект правил» сыграл большую роль в 20-е годы, поскольку в нем рассматривались вопросы методологии и методики публикации

⁶ Ленинский сборник. Т. 1. С. 200; Институт Ленина при ЦК РКП(б). Отчет XIV партийному съезду. М., 1925. С. 9.

⁷ Институт Ленина при ЦК РКП(б). Отчет XIV партийному съезду. С. 32–35.

⁸ Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Отчет XV партийному съезду. М., 1927. С. 8.

⁹ Институт Ленина при ЦК РКП(б). Отчет XIV партийному съезду. С. 10.

¹⁰ Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Отчет XV партийному съезду. С. 8.

¹¹ Фонд документов В. И. Ленина. С. 190, 199.

¹² Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Отчет XVI партийному съезду. М., 1930. С. 20.

¹³ Ахапкин Ю. А. Указ. соч. С. 299.

¹⁴ Валк С. Н. О приемах издания историко-революционных документов // АД. 1925. Вып. 3/4. С. 61, 63.

документов в соответствии с требованиями советской исторической науки¹⁵. Принципы научного издания Сочинений В. И. Ленина отражались и в других научно-методических документах, участником разработки и автором большинства которых был Валк¹⁶. Это «Проект инструкции по подготовке к печати «Ленинских сборников» (1926 г.), «Инструкция по работе над материалами к научной биографии Ленина» и, в частности, по подготовке биографической хроники (1928 г.). Отражавшие различные аспекты работы с текстами ленинских произведений названные правила и инструкции были связаны единой целью подготовить подлинно научное издание ленинского наследия.

Научно-методические документы, разработанные Валком, представляют особый интерес для изучения истории становления советского источниковедения ленинских документов, поскольку показывают, как утверждались в научно-исследовательской работе в 20-х — начале 30-х годов важнейшие методологические принципы советского источниковедения: о необходимости полноты источниковой базы и всестороннего анализа истории создания источника и его текста. Следуя этим принципам, в Сочинения В. И. Ленина, указывалось в «Проекте правил издания трудов В. И. Ленина», необходимо было включить все известное ленинское наследие «как в виде документов литературно-политических, так и имеющих одно лишь биографическое значение (как-то, например, личную переписку)». В издание должны были войти не только «автографы» и «восходящие к автографам документы, но также и современные записи устных выступлений» В. И. Ленина. В Сочинениях должны были быть опубликованы «документы, авторски целиком принадлежащие В[ладимиру] И[льичу]»; «дополнения, правки, заметки» В. И. Ленина к «документам, исходившим от других лиц»; «документы, лишь подписанные В[ладимиром] И[льичем], однако принадлежность содержания которых В[ладимиру] И[льичу] является установленной»; «коллективные документы», имеющие среди других ленинскую подпись и являющиеся результатом творчества группы авторов¹⁷.

В научном издании Сочинений В. И. Ленина, по мнению Валка, следовало дать «критически установленный текст трудов В[ладимира] И[льича]»¹⁸. В связи с этим в одной из своих работ Валк заметил, что не может быть признано научным издание, воспроизводящее фотографически точно текст документа, и потому необходима «редакционная обработка текста с точки зрения определенных научных требований»¹⁹.

В «Проекте правил издания трудов В. И. Ленина» Валк подробно охарактеризовал основные этапы и приемы археографической подготовки ленинских документов к изданию; приемы передачи текста законченных и незаконченных, неавторизованных документов; правила составления заголовков; назначение легенды; состав и характер научно-вспомогательного аппарата издания; внешний вид издания. Все эти правила и приемы были наглядно отражены в приложениях к «Проекту правил», где приведены примеры подготовки к изданию ряда текстов ленинских произведений. Кроме того, все изложенные выше выводы были сделаны в процессе источниковедческого анализа ряда ленинских произведений и явились итогом большой предварительной работы по изучению многих отдельных видов ленинских документов²⁰. Обоснован вывод Б. Г. Литвака о том, что Валк «относился к публикаторской деятельности как к особому роду научной работы, в которой любая деталь должна отражать и концепционные вопросы»²¹.

¹⁵ *Максаков В. В.* История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М., 1969. С. 276.

¹⁶ *Ахалкин Ю. А.* Указ. соч. С. 297.

¹⁷ Проект правил издания трудов В. И. Ленина/Сост. С. Н. Валк. М.; Л., 1926. С. 8.

¹⁸ Там же. С. 10.

¹⁹ *Валк С. Н.* О приемах издания историко-революционных документов. С. 61–63.

²⁰ *Ахалкин Ю. А.* Указ. соч. С. 296–297.

²¹ Совместное заседание археографической комиссии АН СССР и Центрального пар-

«Проект правил издания трудов В. И. Ленина» подтверждал взаимосвязь и единство решения задач источниковедческой и археографической работы с документами, что являлось характерной особенностью исследовательской позиции историков 20-х годов, в частности Валка²². Данная особенность представляет интерес и в связи с современной тенденцией сближения археографии с источниковедением²³.

Методологические принципы, правила и приемы научной обработки документов В. И. Ленина, разработанные Валком, были применены в работе по научной организации архива Ленина, в археографической подготовке ленинских документов ко второму изданию Сочинений и особенно при подготовке «Ленинских сборников».

Основной отличительной чертой второго — третьего изданий Сочинений В. И. Ленина по сравнению с первым Валк считал стремление его составителей к установлению подлинного текста ленинских произведений²⁴. При подготовке данного издания ставилась задача «сделать доступным читателю все литературно-политическое наследие Ленина, поскольку оно в той или другой форме, но достаточно достоверно записано»²⁵; дать «возможно более точный, неискаженный, тщательно выверенный текст»²⁶; установить «проверенный», «подлинный ленинский текст и для этого провести его „критику“»²⁷. В связи с этим перед составителями Сочинений возникла проблема определения основного текста публикуемых произведений Ленина. В «Проекте правил» в качестве источников, по которым устанавливался текст публикуемых ленинских документов, были выделены: рукописи; первые издания произведений, подготовленные В. И. Лениным; последующие издания, просмотренные или отредактированные им; тексты статей, опубликованные за его подписью в различных изданиях; отчеты в газетах; копии документов²⁸. На основе примеров сравнительного изучения различных текстов Валк оговорил варианты решения вопроса об основном тексте публикуемых ленинских документов²⁹.

Сверка текста с его источниками позволяла выявить варианты, отражающие историю создания ленинских произведений. В «Проекте правил издания трудов В. И. Ленина» были разработаны приемы передачи вариантов, в том числе «в сносках к соответственным местам текста»³⁰. Частично этот прием был использован при подготовке томов второго — третьего изданий Сочинений В. И. Ленина³¹, в основном же при издании «Ленинских сборников».

В «Проекте правил издания трудов В. И. Ленина» Валк определил приемы передачи текста незаконченных документов, в основе которых лежал принцип возможно более точного «зрительного отображения автографа»³². Аналогичным образом определялись принципы публикации текста документов и в «Проекте инструкции по подготовке к печати Ленинских сборников»: произведения Ленина следовало воспроизвести так, чтобы сделать очевидной «всю ту работу над данными произведениями, которая зафиксировалась на рукописи»³³.

тийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященное памяти С. Н. Валка // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 280.

²² Шмидт С. О. К 80-летию профессора С. Н. Валка // История СССР. 1968. № 2. С. 221.

²³ Шмидт С. О. Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины // Развитие советской исторической науки. 1970–1974. М., 1975. С. 341.

²⁴ Валк С. Н. Советская археография. М.: Л., 1948. С. 14.

²⁵ Ленин В. И. Соч. 3-е изд. Т. 1. С. VII. (предисловие ко второму изданию).

²⁶ Институт Ленина при ЦК РКП(б). Отчет XIV партийному съезду. С. 71.

²⁷ Кривцов Ст. Литературное наследство В. И. Ленина // Красная печать. 1927. № 21. С. 15–16.

²⁸ Проект правил издания трудов В. И. Ленина. С. 12, 30.

²⁹ Там же. С. 14–20.

³⁰ Там же. С. 16.

³¹ См.: Ленин В. И. Соч. 3-е изд. Т. III, V, VI, XIX, XXV.

³² Проект правил издания трудов В. И. Ленина. С. 28.

³³ ЦПА ИМЛ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 38. Л. 4.

По-другому, чем во втором — третьем изданиях Сочинений В. И. Ленина, решался вопрос о выборе источника текста, публикуемого в Ленинских сборниках. Необходимо было не только выявить, но и опубликовать все сохранившиеся редакции документа, все известные издания и имеющиеся варианты текста.

В соответствии с этим, а также в связи с особенностями большинства документов, печатавшихся в «Ленинских сборниках» (в основном это были подготовительные материалы к произведениям Ленина, переписки), задача этого издания состояла в том, чтобы раскрыть творческую лабораторию Ленина: изучить историю создания его произведений и документов, всплкнуть в замысел, проследить развитие ленинской мысли и ее воплощение в законченном документе или же получить представление о творческих замыслах, оставшихся незавершенными, когда о задуманной работе свидетельствовали лишь планы и заметки. В ходе такого изучения материалов к ленинским произведениям могли быть решены задачи источниковедческого анализа, особенно по истории создания ленинских произведений и их текстологическому анализу.

Вместе с тем в «Проекте инструкции по подготовке к печати „Ленинских сборников“» было сказано, что в целом подобным изданием институт стремится опубликовать ленинские документы «в таком виде, чтобы в наибольшей степени облегчить в будущем эту работу над подготовкой того же материала к академическому изданию»³⁴.

«Ленинские сборники» отличались не только приемами публикации текстов документов, но и тщательностью в подготовке предисловий, легенд, примечаний.

В «Проекте правил издания трудов В. И. Ленина» впервые дано значительно расширенное определение легенды, которая в силу своего традиционного назначения должна была содержать сведения о публикуемых документах, на основании чего можно было проверить работу с документами при подготовке их к изданию, а также использовать эти сведения для изучения истории создания документа и его содержания³⁵.

По мнению Валка, легенда должна исполнять функцию «контрольно-редакционного аппарата» и поэтому «сообщить археографические сведения о документе, обосновать редакционную обработку его, а также дать основные сведения об истории его печатного текста»³⁶. Поэтому в легенде должен был быть указан оригинал, описан его внешний вид, приведены данные о месте хранения, о датировке, описаны результаты текстологического анализа документа на основе изучения истории текста публикуемого документа, а также дано обоснование результатов этого³⁷.

Тут же отмечалось, что легенда должна быть помещена за текстом публикуемого документа³⁸, а в «Проекте инструкции по подготовке к печати „Ленинских сборников“» место легенде отводилось перед текстом документа³⁹. Впоследствии Валк укажет на желательность помещения легенды именно впереди публикуемого документа, чтобы исследователь мог предварительно познакомиться с данными, необходимыми для изучения документа⁴⁰.

В «Ленинских сборниках» легенда помещалась впереди публикуемого текста без заглавия или под заголовками «Архивная справка», «От редакции» и др. К публикуемым документам печатались примечания справочного характера, поясняющие факты, события, имена, отдельные части текста; в конце томов помещался именной указатель, содер-

³⁴ Там же. Л. 3.

³⁵ Валк С. Н. Советская археография. С. 106—107.

³⁶ Проект правил издания трудов В. И. Ленина. С. 36.

³⁷ Там же. С. 36, 38, 40.

³⁸ Там же. С. 40.

³⁹ ЦПА ИМЛ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 38. Л. 8.

⁴⁰ Валк С. Н. Советская археография. С. 109—110.

жавший биографические справки⁴¹. Не все элементы научно-справочного аппарата в «Ленинских сборниках» были достаточно хорошо отработаны, но в целом оформление документов в них давалось на уровне развития археографии того времени⁴². Главное же, опубликованные в «Ленинских сборниках» легенды и примечания были, по существу, первыми историко-исследовательскими исследованиями отдельных ленинских произведений, в которых отразились вопросы о методах обоснования датировки, изучения причин и обстоятельств создания документа, его источниковой базы, значения и связи каждого отдельного ленинского документа с другими, близкими по теме и времени. Обращая внимание на необходимость конкретно-исторической оценки ленинских документов, составители «Ленинских сборников» печатали в томах наряду с ленинскими и другие документы, которые могли позволить достаточно полно изучить историю написания, издания и назначения ленинских материалов.

Все эти особенности «Ленинских сборников» были высоко оценены в литературе 20-х годов. С. Н. Валк, М. Н. Покровский, В. В. Адоратский, А. И. Ульянова-Елизарова, И. Волковичер отмечали строго научный характер издания рукописей в «Ленинских сборниках» и, в частности, опыт публикации оригиналов с точным воспроизведением бумаги рукописи, ее цвета, сохранности и всех остальных внешних особенностей документа⁴³.

Методы публикации документов В. И. Ленина в «Ленинских сборниках» определялись и совершенствовались в процессе тщательной работы в институте с рукописями ленинских произведений. Об этом свидетельствует сообщение Н. А. Подвойской 11 мая 1928 г. «Как ведется работа над текстом документов, публикуемых в Ленинских сборниках» (машинопись хранится в фонде Института Ленина в ЦПА ИМЛ). Подвойская подробно изложила, как готовилась к публикации рукопись ленинской статьи «Аграрная программа русской социал-демократии» (1902 г.). Изучение истории создания этой статьи и особенностей ее рукописи позволило установить, что Ленин вынужден был внести изменения в текст в процессе обсуждения статьи в редакции «Искры» под влиянием возникших при этом разногласий⁴⁴. Решили опубликовать первоначальный вариант статьи, так как именно этот текст «наиболее полно и правильно» отражал позицию Ленина по аграрному вопросу в 1902 г. и позволял дать принципиальную оценку позиции В. И. Ленина и других членов редакции «Искры». Эти мотивы, по замечанию Подвойской, были «применимы при воспроизведении первоначального текста всех рукописей политических работ Ленина»⁴⁵. В процессе работы с данной ленинской рукописью было определено понятие «первоначального текста» как текста, «который не подвергался критике извне или критике самого автора под давлением внешних (=не логических) обстоятельств» и который мог иметь «различные редакции отдельных слов, фраз, абзацев», отмечаемых определенными приемами. Выявление этого текста составляло первую стадию подготовительной работы к изданию; вторая стадия заключалась в том, чтобы выявить все последующие изменения («правки»), произведенные другим лицом или самим автором под влиянием внешних обстоятельств; третья стадия работы с рукописью состояла в определении приемов передачи текста при печата-

⁴¹ Проект правил издания трудов В. И. Ленина. С. 40, 42, 44.

⁴² История советской археографии. М., 1966. Вып. 2. С. 25.

⁴³ Валк С. Н. Обзор документальных публикаций (октябрь 1927 — июнь 1928 г.) // АД. 1929. Вып. 1(18). С. 126; Покровский М. О научной работе коммунистов в области общественных наук // Ком. революция. 1927. № 5. С. 23; Елизарова А. Ленинский сборник № 2 // ПР. 1925. № 1. С. 244; Адоратский В. Ленинский сборник. I // Вестн. Комкадемии. 1924. Кн. 9. С. 334.

⁴⁴ Об обсуждении статьи В. И. Ленина в редакции «Искры» см.: Приймак Н. И. Советское источниковедение ленинского наследия. Л., 1981. С. 121–131.

⁴⁵ ЦПА ИМЛ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 38. Л. 11, 13.

нии⁴⁶. В связи с этим Подвойская заметила: «...мы сохраняем особенности, но не слепо воспроизводим в печати рукопись»⁴⁷. Таким образом, работа с рукописью статьи В. И. Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии» полно отразила задачи и методы текстологического апализа, определенные в «Проекте правил издания трудов В. И. Ленина». Можно предположить также, что работа над рукописью ленинской статьи как пример археографической обработки документа обсуждалась в курсе лекций по археографии, который в 1927—1928 гг. Валк читал для сотрудников Института Ленина, о чем упоминает Подвойская⁴⁸. В целом же сложность археографической работы с текстами ленинских произведений, тщательность подготовки их к изданию в «Ленинских сборниках» неоднократно отмечались Валком и другими историками в обзорах публикаций и рецензиях на отдельные тома этого издания⁴⁹.

Вопросы источниковедения ленинских документов отразились не только в археографической работе Института Ленина, но и в научной литературе 20—30-х годов. В этом отношении особое значение представлял труды Валка.

Интерес к приемам работы В. И. Ленина как исследователя побудил историков 20-х годов обратить внимание на подготовительные материалы к произведениям Ленина. Обобщающая характеристика ленинских подготовительных материалов была сделана в работах Валка. Он отметил их разновидности, позволяющие изучить все стадии исследовательской работы Ленина⁵⁰. Отличая разнообразие этих материалов по форме и степени их завершенности, Валк определил принцип их отбора в зависимости от целей и задач работы при обязательном изучении истории создания каждого анализируемого документа⁵¹.

С. Н. Валк и другие историки в 20-е годы обратили внимание на необходимость анализа связей отдельных ленинских произведений по их тематике и назначению с тенденциями, проявлявшимися в политической жизни России и определенными задачами революционной борьбы пролетариата и марксистской партии в тот или иной период⁵².

Интересны исследования С. Н. Валка и Г. А. Тихомирнова, в которых при решении практических задач подготовки ленинского наследия к изданию и организации работы по созданию научной биографии В. И. Ленина были поставлены и вопросы классификации ленинских материалов. Особое внимание в решении этого вопроса Валк и Тихомирнов уделяли важному методологическому положению марксистской исторической науки о связи исторического источника с реальной действительностью, обусловившей его появление⁵³. Статьи этих историков свидетельствуют также о том, что они выделяли видовой принцип классификации источников. Общее замечание Валка о необходимости внимания к форме источника⁵⁴ получило конкретное выражение в описании ленинских документов. Из ленинского наследия Валк и Тихомирнов выделили «литературно-политические» документы, отметив их отдельные разновидности, а также переписку⁵⁵. Интересна и мысль Валка о раз-

⁴⁶ Там же. Л. 14—15.

⁴⁷ Там же. Л. 16.

⁴⁸ Там же. Л. 17; *Аханкин Ю. А.* Указ. соч. С. 298.

⁴⁹ *Валк С. Н.* Обзор документальных публикаций (июль — декабрь 1926 г.) // АД. 1927. Вып. 11/12. С. 172; *Он же.* Обзор документальных публикаций (октябрь 1927 — июнь 1928 г.). С. 125—126.

⁵⁰ *Валк С. Н.* Обзор документальных публикаций (июль—декабрь 1926 г.). С. 172.

⁵¹ *Валк С. Н.* О приемах издания историко-революционных документов. С. 63—66.

⁵² Там же. С. 66.

⁵³ *Валк С. Н.* Архивные обзоры // АД. 1923. Вып. 1; *Он же.* О приемах издания историко-революционных документов; Проект правил издания трудов В. И. Ленина; *Тихомирнов Г.* К вопросу о методах работы над источниками по научной биографии Ленина // ПР. 1930. № 4.

⁵⁴ *Валк С. Н.* Архивные обзоры. С. 56.

⁵⁵ Проект правил издания трудов В. И. Ленина. С. 8; *Тихомирнов Г.* Указ. соч. С. 44, 48.

личии форм отдельных видов ленинских документов — «литературной либо делопроизводственной (план, речь, мандат, декрет)»⁵⁶. В «Проекте правил издания трудов В. И. Ленина» содержится типологическая классификация ленинских материалов⁵⁷.

В фонде Института Ленина в ЦПА ИМЛ хранится документ с авторской подписью «С. Валк. 12.IV.1928 г.», который свидетельствует об участии ученого в подготовке биографической хроники В. И. Ленина. По мнению Валка, хроника должна была дать «совокупность критически установленных данных к биографии В[ладимира] И[льича]»; «круг источников, привлекаемых к составлению биографической хроники, должен быть возможно шире»; вместе с тем «фон этой биографии может быть основан и на готовых данных литературного изучения»; «желательно, чтобы каждому отделу хроники предшествовал обзор источников данного периода с общей характеристикой каждого из них и оценкой значения каждого в отдельности для биографии Вл[адимира] И[льича]»; составитель хроники должен «сопровождать все свои указания точными ссылками на источники, а в тех случаях, когда источники разноречат или возбуждают сомнение в достоверности своих показаний, дать разбор всей совокупности данных источников в отношении к излагаемому факту»⁵⁸. Эти же принципы разработки биографии В. И. Ленина были изложены в «Инструкции по работе над материалами к научной биографии Ленина». Значение этих документов несомненно для изучения истории становления советского источниковедения в 20–30-е годы.

Впоследствии при издании 12-томной «Биографической хроники» В. И. Ленина, начавшей выходить с 1970 г., ИМЛ при ЦК КПСС посылал Валку все ее тома. Каждый том Валк внимательно читал, высказывал советы и замечания, большинство которых учитывалось⁵⁹.

К началу 30-х годов относится и чрезвычайно интересный документ «План сектора научной биографии и издания работ Ленина на 1932 год»⁶⁰, в котором был выделен раздел «1. Академическое издание» и указаны для разработки: «1. Программа издания. 2. Инструкция по учету документов. 3. Инструкция по изданию. 4. Учет Ленинских материалов до II съезда. 5. Начать подготовку 1 тома. 6. Сборник декретов (от октября до Учр. Собр.)». К этим видам работ названы некоторые исполнители: по 1-му пункту — Сорин; по 3-му и 6-му — Валк. Рядом с фамилией Валка по 3-му пункту приписано карандашом «есть». Имелся в виду «Проект правил издания трудов В. И. Ленина». Кроме того, в фонде Валка в Архиве ЛОИИ АН СССР имеется машинописная редакция «Проекта правил издания трудов В. И. Ленина», подготовленного в 1932 г. к переизданию⁶¹.

По указанному плану был выполнен и 6-й пункт — о сборнике декретов. В 1933 г. под грифом ИМЛ при ЦК ВКП(б) вышел первый и единственный том «Декретов Октябрьской революции», подготовленный Валком. На основе разработанных им научных принципов публикации документов и в результате огромной подготовительной работы по изучению архива Института Ленина Валком были выявлены законодательные документы Октябрьской революции, изучена история их создания. Закономерным итогом этой работы явилась возможность реконструкции Валком утраченных подлинников ряда декретов, в частности Декрета о земле. Для сборника «Декреты Октябрьской революции» он предложил иную по сравнению с первым и вторым — третьим изданиями Сочинений В. И. Ленина редакцию текста Декрета о земле. Данная редакция стала общепринятой⁶². Впоследствии Валк отметил основные особенности и

⁵⁶ Проект правил издания трудов В. И. Ленина. С. 34.

⁵⁷ Там же. С. 8.

⁵⁸ ЦПА ИМЛ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 37. Л. 2–3.

⁵⁹ Ахалкин Ю. А. Указ. соч. С. 299.

⁶⁰ ЦПА ИМЛ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 100. Л. 18.

⁶¹ Иванова В. И. Фонд С. Н. Валка в Архиве ЛОИИ АН СССР // ВИД. Л., 1976. Т. 8. С. 316.

⁶² ДСВ. М., 1957. Т. 1. С. 17–20; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 24–26.

цели данного сборника: «В состав этого издания должны были войти все опубликованные в свое время акты Совета Народных Комиссаров. К этому изданию были привлечены не только известные в печати тексты этих актов, но и сохранившиеся их рукописи. Издание ставило себе задачей дать не только окончательный официальный текст акта, но и отразить историю составления по возможности каждого акта»⁶³. Научные принципы и методы издания ленинского наследия, разработанные Валком и отразившиеся в той или иной степени в публикациях 20—30-х годов, были рассчитаны на подготовку в будущем необходимого для науки академического издания Сочинений В. И. Ленина.

Таким образом, с позиций источниковедения и археографии работы Валка 20—30-х годов представляются особенно ценными, так как в них впервые были определены принципы и приемы научной обработки, издания и изучения ленинских документов. Вместе с тем эти работы являются образцами источниковедческого анализа произведений В. И. Ленина, к которым постоянно обращаются историки⁶⁴. Именно по инициативе Валка было возрождено внимание к вопросам источниковедения и археографии ленинского наследия в конце 50-х — начале 60-х годов. Об этом свидетельствует и издание «Декретов Советской власти»⁶⁵, и внимание к вопросам обоснования датировки и текстологии в подготовке пятого издания Сочинений В. И. Ленина, и основанный Валком ежегодник «Вспомогательные исторические дисциплины», в котором особое внимание при его жизни уделялось источниковедению ленинских документов и первых советских декретов. Для многих историков это издание явилось пионером, в которой постигались основополагающие научные и прав-
ственные ценности.

⁶³ Валк С. Н. Советская археография. С. 269.

⁶⁴ Медушевская О. М. Развитие теории советского источниковедения // ТМГИАИ. Т. 24; Семенова Л. Н., Соболев Г. Л., Цамутали А. Н. Сигизмунд Натанович Валк // ИЗ. Т. 76.

⁶⁵ О научном руководстве Валка этим изданием см.: Ахалкин Ю. А. Указ. соч. С. 301; Ахалкин Ю. А., Покровский А. С. Научное издание законодательных актов Советской власти: (Из опыта работы) // АЕ за 1972 год. М., 1974.

А. Я. ГРУНТ — ИСТОРИК ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Видный советский историк, автор семи книг и нескольких десятков статей, доктор исторических наук Александр Янович Грунт (1915—1986 гг.) родился 5 августа 1915 г. в семье профессиональных революционеров-большевиков в Москве. Его отец, Ян Янович Грунт, освобожденный из царской тюрьмы Февральской революцией, стал одним из руководителей борьбы за Советскую власть в Московской губернии. Если учесть, что Грунт-младший снискал непоколебимый авторитет прежде всего как историк «Московского Октября», то нетрудно выявить героическую семейную традицию.

Путь Александра Яновича к научному осмыслению событий громадного исторического значения, активными творцами которых были его родители, начался с крутого поворота в его личной судьбе. Будущий историк собирался проявить себя на совершенно ином поприще — и это куда более отвечало духу времени, а может быть, и невольно выработавшейся семейной привычке к «перемене мест» — он хотел стать геологом. Несчастный случай перечеркнул юношеские планы: в 17 лет Александр Янович лишился обеих ног. Занятие историей стало для него формой возвращения к полноценной жизни и уже потом бескомпромиссной реализацией всех природных дарований, энергии сердца и ума.

Семейное предание гласит, что «встать на ноги» будущему историку помог Мате Залка — воин и поэт мировой революции. Александр Янович считал своей нравственной обязанностью не допускать по отношению к себе никаких скидок. Перед наукой все равны — этого принципа он придерживался неукоснительно.

Дорогу в университет Александру Яновичу, как и многим в его время, открыл рабфак. В 1940 г. он окончил исторический факультет МГУ, в том же году стал коммунистом. Затем последовали учеба в аспирантуре, успешная защита диссертации. Грунт вышел из научной школы А. Я. Сидорова и никогда не забывал об этом. Он высоко чтит учителя; считал, что обязан его школе многими удачами, прежде всего вкусом к работе с источниками, источниковедению.

Показательна тема его кандидатской диссертации — «Прогрессивный блок». Налицо стремление узнать о революции больше самих ее непосредственных творцов, понять ее неотвратимость, изучая деятельность тех, кто наиболее активно пытался ее избежать. Это был первый шаг к осмыслению событий Октября во всей их полноте и многообразии как гигантского противоборства сил революции и контрреволюции, положившего начало перевороту всемирно-исторического значения.

Путь историка-профессионала Грунт продолжил в 1944 г. в Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР». Труд исследователя он успешно сочетал с преподавательской деятельностью в Институте международных отношений МИД СССР, куда перешел на работу в 1948 г. До сих пор его ученики, племена многих из которых стали широко известны в стране, с любовью вспоминают его как глубокого знатока предмета, темпераментного, остроумного и обаятельного лектора.

«Практикум по истории СССР (1900—1917)» (М., 1957) и два тома лекций «Россия в эпоху империализма» (М., 1959, 1960) свидетельствуют о том, что он последовательно и неуклонно шел к основной своей теме — истории Октябрьской революции. В начале 60-х годов вышли в свет две его новые книги. Одна из них — «Заговор обреченных»

(М., 1962) — посвящена разгрому корниловщины, другая — «Победа Октябрьской революции в Москве» (М., 1961) — событиям 1917 г. Обе книги в полной мере отразили общий плодотворный сдвиг в исторической науке, происшедший после XX съезда КПСС. Характерно и другое: Александр Янович вновь обнаружил намерение изучать революцию как реальное противоборство классовых сил, выбирая для этого наиболее сложные исследовательские сюжеты и не уходя от «неудобных» тем.

С 1963 г. и до конца жизни Грунт работал в Институте истории СССР АН СССР: сначала в секторе многоотомной «Всемирной истории», затем — в секторе методологии истории, наконец, с 1969 г. — в секторе истории Октябрьской революции и гражданской войны. К углубленному изучению проблематики Великого Октября он пришел не как узкий специалист (что чаще всего случается), а как исследователь, овладевавший методом исторического анализа на широком и многообразном источниковом материале. Несомненно, что только на такой основе возможно создание качественно новых трудов по истории Октября, достойных его революционного величия. За годы работы в Институте истории СССР научное дарование Александра Яновича раскрылось со всей яркостью и в полной мере, выработался его неповторимый творческий почерк.

Высокое профессиональное мастерство, умение работать с полной отдачей сил делают Александра Яновича желанным участником коллективных обобщающих трудов. Среди них многоотомная «История Коммунистической партии Советского Союза» (М., 1966. Т. 2), «Источниковедение истории Великого Октября» (М., 1977), «Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России» (М., 1986), «Великий Октябрь и защита его завоеваний» (М., 1987. Т. 1), энциклопедия и атлас карт «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1968, 1977, 1987) — едва ли не все крупные, ключевые работы двух последних десятилетий о роли большевистской партии в трех российских революциях, их историческом опыте и значении. Кроме того, он написал разделы в т. X «Всемирной истории» (М., 1965), в работах «Краткая история рабочего класса. 1917—1967» (М., 1968), «Советский рабочий класс: Краткий исторический очерк (1917—1973)» (М., 1975). Грунт всегда стремился к тому, чтобы влить в них струю исследовательского новаторства, а не отделяться скучной канонизацией «общепризнанного» в исторической науке.

Участие в написании обобщающих трудов Александр Янович сочетал с разработкой оригинальных исследовательских сюжетов, вопросов методологии, источниковедения, историографии. Этим отмечена целая серия его статей в различных сборниках, периодических изданиях. Проблемы революционной ситуации, общего и особенного в классовой борьбе, соотношения стихийного и сознательного в революционном творчестве масс находились в центре его внимания в последние годы жизни. Особый интерес Грунт проявлял к вопросу о соотношении форм и методов революционной борьбы в 1905—1907 гг. и в 1917 г., справедливо полагая, что без его выяснения постижение сути и духа революции невозможно.

Александр Янович известен как страстный полемист, боец против «бескрылых» авторов, стремящихся всплыть за счет мнимой методологической непорочности. Его работы вызывали весьма неоднозначные оценки, но это не только не смущало его, но и напротив — вызывало искреннее удовлетворение. Такая позиция может показаться крайней; однако нельзя не признать, что именно она соответствует природе научного творчества, является противоядием против схематизма и догматизации, особенно нетерпимых в истории революции.

Многие из статей Грунта, увидевших свет в 60—70-е годы, посвящены изучению хода борьбы за власть Советов в Москве. Каждая из них означала этап в овладении темой, которой он отдал многие годы скрупулезного источниковедческого труда, опыт исследователя и страсть партийного публициста. К примеру, в статье «Московский пролетариат в:

1917 г.» (ИЗ. 1970. Т. 85) на основе скрупулезно собранных отрывочных сведений он подробно проанализировал численность, состав и размещение рабочего класса «второй столицы», отбросив все легенды и домыслы в этой области. Это была своеобразная подготовка почвы для создания крупного исследования. Видимо, по-другому и не создаются книги, подобные его монографии «Москва, 1917-й. Революция и контрреволюция» (М., 1976). В ней особенно полно выявились все сильные стороны его дарования, она стала образцом новаторского и в то же время фундаментального исследования на большой и сложной источниковой базе противоречивых событий пролетарской революции в одном из ее решающих центров.

Примечателен прежде всего подход Грунта к источниковой базе исследования. Он показал, что многие слабости существовавшей литературы о «Московском Октябре» происходили не от бедности документального материала, а от неумения правильно его использовать. Господство в историографии так называемого иллюстративного метода при некритическом подходе к разнородным источникам способно увести от научного знания в область мифотворчества — решительно утверждал он. Восполнив пробелы в источниковой базе за счет архивных материалов и периодической печати, строго систематизировав документы по степени их достоверности и значительности, А. Я. Грунт шаг за шагом восстановил реальную картину противоборства сил революции и контрреволюции в Москве.

Характерен и другой момент: первую главу своей книги Александр Янович посвятил выявлению социального облика московского населения в 1917 г. Пришлось решать задачу колоссального объема и сложности: общих переписей населения в канун Октябрьской революции не производилось; между тем в городе, как и в стране в целом, происходили сложные социально-демографические процессы, непосредственно сказавшиеся на ходе развития революции. Собрав целый ряд самых различных сведений за разные годы и экстраполировав их на рассматриваемый период, обобщив и проанализировав косвенные данные, Грунт впервые дал цельное и всестороннее историко-статистическое описание города, его территории, административного деления, экономики, предложил полную характеристику всех слоев коренного и пришлого населения в каждом из его районов. Многочисленные карты, схемы, таблицы, диаграммы сложились в своего рода важнейший реконструированный источник по истории революционной Москвы.

Далеко не все сразу оценили значение проделанной работы; некоторые сочли ее «излишней». Александр Янович, напротив, со свойственным ему максимализмом не раз оценивал ее как «единственное» свое научное достижение. Сомнений быть не может: именно исчерпывающий анализ социально-демографических данных о Москве позволил показать революционный процесс в его реальном классовом содержании, помог обрести ему историческую плоть и кровь. Только на такой базе стал возможен качественно новый подход к освещению событий революции, только с учетом проделанной Грунтом работы возможно дальнейшее продвижение вперед.

Книга «Москва, 1917-й. Революция и контрреволюция» поучительна не только этим. Грунт одним из первых раскрыл содержание революционного процесса через анализ непосредственного противоборства сил революции и контрреволюции, не допуская «перекосов», чреватых его выхолащиванием. Это позволило ему по-новому подойти к освещению революционного творчества масс — с учетом не только его силы, но и слабостей.

По глубине критического анализа документального материала эта книга до сих пор заметно выделяется на общем фоне работ об Октябрьской революции. Ныне исследовательский метод Грунта широко признан в нашей стране и за рубежом. Александр Янович собирался продолжить работу над «Московским Октябрем» в новой, историографической книге. Несомненно, что сочетание двух этих разноплановых

исследований дало бы образец качественно нового подхода ко всей сложнейшей проблематике Великого Октября.

Своеобразным развитием творческих замыслов Грунта стала популярная книга «Петроград — Москва, июль — ноябрь 1917» (М., 1984), написанная совместно с ленинградским историком В. И. Старцевым. Это не просто работа «облегченного» жанра; налицо стремление донести до читательской аудитории реальное представление о сложности, многообразии, противоречивости, порой непредсказуемости развития революционных событий. Авторы стремились передать дух великой эпохи через самые прозаические ее детали, избегая ложного пафоса и парадности, отменяя попутно элементы мифологизаторства, вросшие в историографию Октябрьской революции. Эта книга большого объема, выпущенная 200-тысячным тиражом, не случайно сразу же нашла широкую и благодарную читательскую аудиторию, была высоко оценена научной общественностью.

Уже после смерти Александра Яновича увидела свет его статья «Историческое творчество народных масс в трех российских революциях» (История СССР. 1987. № 1). Социальная природа и психология исторического творчества, энергия революционного взрыва и его направленность — вот вопросы, которые больше всего занимали автора и которые являются важнейшими для понимания сути событий Великого Октября.

Отличительной чертой Грунта-исследователя было умение по-новому взглянуть на, казалось бы, хрестоматийные истины на основе вполне общеизвестных источников. Эта особенность творческого видения вполне соответствовала природе того материала, к которому он обращался, — документам революции, этого самого яркого и динамичного явления в человеческой истории. Изучение источников революционной эпохи, по его мнению, требовало не только обычных исследовательских навыков, но и таланта воображения, умения удержаться на исторической высоте описываемого времени. В последние годы жизни Александр Янович часто говорил о необходимости «подняться над фактом», имея в виду не вольную его интерпретацию, а отказ от унылой фактологии, нанизывания якобы однородной массы «фактиков» на те или иные псевдотеоретические схемы, порожденные условиями совсем иной исторической среды.

История «Московского Октября» стала для Грунта своеобразной лабораторией осмысления общероссийского революционного процесса в целом, прежде всего — проблемы пазревания революционной ситуации. Этому было посвящено повое его крупное монографическое исследование «Между двумя революциями. 1917 год», завершенное еще в 1983 г. Широко используя и критически проанализировав громадный массив источников, исходящих из различных классовых лагерей, дав блестящую историографическую оценку написанного предшественниками, он смог показать, что революционный процесс намного богаче по содержанию, чем представлялось ранее, и что соответственно опыт борьбы за власть Советов в громадной многонациональной и многоукладной стране используется еще недостаточно. У этой рукописи, как у большинства работ Грунта, оказалась нелегкая судьба: отдельные ее выводы, а может быть, просто нетрадиционный стиль вызвали возражения некоторых специалистов, что не замедлило сказаться на вопросе о ее публикации.

Отрицательные отзывы не смутили Александра Яновича: он всегда отвергал мысль о возможности «бесконфликтного» развития науки. Будущим историографам еще предстоит разобраться в подлинной ценности этой глубокой и вместе с тем яркой работы, а заодно и в том, насколько основательными были возражения в ее адрес.

Личность историка измеряется не только количеством и даже качеством написанного. Подлинный научный талант создает вокруг себя особую атмосферу, способствующую интенсивному развитию научного знания. Способность генерировать идеи была отличительной чертой Грунта-

исследователя. Творческое изучение истории революции по плечу только «революционерам мысли» — таков главный урок всего его творчества.

Ученый с огромным опытом и авторитетом, Александр Янович в течение многих лет являлся членом редколлегии журнала «История СССР», редактировал крупные коллективные труды. Он охотно брался за рецензирование рукописей, в первую очередь — начинающих историков. Его советы, замечания, предложения, критика, подчас суровая, даже резкая, но всегда конструктивная, способствовали рождению новых книг, статей, появлению новых имен в науке. Александр Янович не терпел облегченного отношения к делу, не мирился с серостью и узостью мысли, тем более с исследовательской недобросовестностью.

А. Я. Грунт вошел в историографию как один из крупнейших специалистов по истории Октябрьской революции. Он в равной мере был силен в области теоретического обобщения, историографии, источниковедения. Эти черты его творчества признаны научной общественностью. Будущим историографам предстоит оценить и другое: дух подлинного новаторства его трудов.

Н. Н. Болховитинов

АКАДЕМИК А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ПУБЛИКАТОР АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

(К 80-летию со дня рождения)

Алексей Леонтьевич
НАРОЧНИЦКИЙ

Систематическая работа в архивах, изучение и публикация рукописных источников всегда занимали центральное место в научной деятельности Алексея Леонтьевича Нарочницкого. Еще будучи студентом, А. Л. Нарочницкий на основе документов Черниговского архива подготовил (в 1926 г.) и затем опубликовал в «Научных записках» историко-филологического отдела АН УССР (1928, кн. 17, с. 243—276) экономико-статистический анализ «дел о плодородии земель Новгород-Северского паместничества за 1786—1796 гг.». Эта ранняя работа стала своеобразным предвестником будущих архивных изысканий ученого. Ее значение увеличивается в связи с тем, что в годы Великой Отечественной войны многие документы Черниговского архива, включая использованные Нарочницким, были уничтожены фашистскими оккупантами, и обобщенный им материал приобрел уникальный характер.

Во всем блеске мастерство анализа архивных источников Нарочницкий проявил уже после Отечественной вой-

ны, когда его внимание сосредоточилось на изучении дальневосточной политики капиталистических держав Европы и США. Многолетнее тщательное и скрупулезное изучение архивных документов, в первую очередь материалов АВПР, ЦГВИА, ЦГАВМФ, ЦГИА СССР, завершилось подготовкой фундаментальной докторской диссертации и опубликованием в 1956 г. выдающегося монографического исследования о политике капиталистических держав на Дальнем Востоке во второй половине XIX в.¹

Наряду с архивными документами автор изучил колоссальный комплекс опубликованных источников — парламентские отчеты, дипломатическую переписку и статистические материалы великих европейских держав и США, бумаги из личных архивов, мемуары и дневники, труды путешественников и другие работы современников изучаемых событий. Не оставил без внимания исследователь и многочисленные ведомственные издания, опубликованные в России во второй половине XIX — начале XX в.

Эта капитальная диссертация отличается глубиной анализа и, что особенно характерно для Нарочницкого, необычайной широтой охвата до-

¹ Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860—1895. М., 1956. 899 с.

кументальных и прежде всего архивных материалов. С полным основанием можно сказать, что она открыла новую страницу в изучении всей системы международных отношений на Дальнем Востоке. Принципиальное значение имели, в частности, выход автора за пределы исследования собственно дипломатической истории и раскрытие классовой сущности колониальной политики великих держав, показ ее обусловленности общими закономерностями капитализма и особенностями его развития в отдельных странах (Англия, США, Франция, Россия, Япония, Германия).

Нарочницкий обстоятельно прослеживает влияние народных движений в странах Востока на развитие международных отношений, приводит обширный материал, показывающий агрессивную и реакционную сущность колониализма, вводит в научный оборот новые данные о положении в Средней Азии в связи с восстанием в Кульдже и проникновением Англии в Кашгар. На основе широкого круга источников анализирует те существенные изменения, которые произошли во внешней политике России на Дальнем Востоке с середины 1890-х годов, когда страна переживала переход к империализму.

В полной мере учитывая агрессивность царизма и в то же время относительную военную слабость и экономическую отсталость России по сравнению с развитыми капиталистическими державами, Нарочницкий вскрывает объективные мотивы, заставлявшие царских сановников в переговорах с Китаем проявлять в ряде случаев определенную сдержанность. Большой вклад автор внес в анализ и точное толкование текстов русско-китайских договоров, начиная с Нерчинского (1689 г.) и кончая Петербургским (1881 г.). Это позволило аргументированно опровергнуть домыслы некоторых китайских и японских авторов, которые пытаются оспаривать территориальное разграничение в Азии.²

Как убедительно показал Нарочницкий, расширение территории России в Азии происходило не за счет земель, заселенных китайцами или ранее принадлежавших Китаю. Заселение и освоение этих территорий русскими вело к тому, что там действовали не только военные власти и чиновники царского правительства, не только помещики, купцы и капиталисты, но также представители трудового народа — казаки, крестьяне, ремесленники и рабочие.

Появление фундаментальной монографии Нарочницкого в решающий период борьбы народов Востока за уничтожение колониальной системы имело не только важное научное, но и политическое значение. Книга явилась вкладом в борьбу против получивших распространение на Западе неоколониалистских концепций и нанесла удар по попыткам извратить сущность дальневосточной политики СССР³.

Разработанная Нарочницким концепция международных отношений на Дальнем Востоке получила широкое признание и отражена в авторитетных обобщающих трудах по истории внешней политики и дипломатии («История дипломатии», «Международные отношения на Дальнем Востоке» и др.). Отметим, в частности, что в первом томе «Истории дипломатии» (2-е изд. М., 1959) Нарочницкий написал серию глав о дипломатии на Среднем и Дальнем Востоке, в Индии и Китае. «В противоположность западной историографии, — указывала рецензия в газете „Правда“, — обычно представляющей страны Востока только как пассивный объект европейской политики, в „Истории дипломатии“ вскрываются особенности развития дипломатии стран Азии, ее активная роль, национальная специфика и вклад в общую историю человечества»³.

Перу Нарочницкого принадлежит и большая часть первой книги коллективного труда по истории международных отношений на Дальнем

² Подробнее см. рецензии в журналах: Мировая экономика и международные отношения (1957. № 1. С. 140—141 (Д. Юрьев)); ННИ 1957. № 5. С. 130—134 (Л. Н. Кузнецов); ВИ. 1958. № 1. С. 193—202 (А. М. Дубинский) и др.

³ Правда. 1960. 29 июня.

ложением страны,— подчеркивал А. Л. Нарочницкий,— надо изучать и публиковать подготовительные материалы и секретные инструкции, решения высших правительственных органов, в которых нередко весьма ясно выражены побудительные мотивы тех или иных внешнеполитических акций, раскрывается, как и почему вырабатывается определенный курс внешней политики. Часто при этом сталкиваются различные мнения, выявляются разногласия в правительственных кругах. Россия была огромной империей. Местные интересы помещиков и буржуазии различных окраин в делах внешней политики часто существенно расходились»⁸.

Безусловным достижением новой публикации в методологическом отношении является то, что она вывела исследование внешней политики из традиционного для русских дореволюционных и зарубежных буржуазных публикаций европоцентризма и показала значение дипломатических и торговых связей России со странами Азии и Америки. Уже документы, включенные в первые тома публикации, дали представление о политике правительств Китая и Японии, которая была направлена на изоляцию этих стран от внешнего мира, и показали усилия России по нормализации русско-японских и русско-китайских отношений (миссии Н. П. Резанова, Ю. А. Головкина и др.). Всестороннее освещение получила политика России на Дальнем Востоке, деятельность Российско-американской компании, становление и развитие отношений с Соединенными Штатами, а также позиция Петербурга в отношении борьбы Латинской Америки за независимость (1810—1826 гг.).

В самом начале работы перед составителями и редакторами публикации встал вопрос о том, как быть с ранее издававшимися документами. По инициативе Нарочницкого было принято решение вновь печатать только самые важные из них, прежде всего договорные акты (Тильзитский договор 1807 г., Бухарестский договор 1811 г. и др.), а на другие документы, имеющие принципиальное значение, давать аннотированные отсылки. Эта методика позволила включить в публикацию ценные сведения о многочисленных документальных материалах, изданных как в нашей стране, так и за рубежом. Кроме того, читатель получил возможность составить представление о соотношении и ценности уже изданных и вновь публикуемых документов.

Неоспоримым достоинством «Внешней политики России» является публикация документов как на языке подлинника (в большинстве случаев французском), так и в русском переводе. Особо следует отметить высокое качество переводов, которые в каждом случае легко могут быть проверены по оригиналу. В тех случаях, когда использовались старые переводы (в частности, при публикации договорных актов, которые давались по известному «Собранию» Ф. Ф. Мартенса) всегда проводилась тщательная сверка с подлинником и в необходимых случаях вносились соответствующие уточнения и исправления.

В соответствии с современными археографическими требованиями русские документы печатаются с сохранением особенностей тогдашней орфографии. Смысловые неточности остаются без изменения и оговариваются в текстуальных примечаниях. Особую ценность представляют обширные комментарии и примечания в конце каждого тома. Как правило, они являются результатом большой исследовательской работы и основаны на тщательном анализе архивных и опубликованных документов.

Без преувеличения можно сказать, что именно благодаря инициативе и настойчивости Алексея Леонтьевича примечания и комментарии заняли в публикации столь значительное место и приобрели самостоятельное научное значение. Многие из них стали основой для написания специальных исследовательских статей и заметок, примером чего может слу-

⁸ Нарочницкий А. Л. О некоторых методологических аспектах публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века» // Проблемы методологии и историко-коведения истории внешней политики России. М., 1986. С. 123.

жить оригинальная публикация И. В. Евстигнеева о целях внешней политики России во время подготовки и создания третьей антинаполеоновской коалиции в 1804—1805 гг., которая явилась результатом кропотливого текстологического анализа «Записки об устройстве европейских дел в случае удачного окончания войны» А. А. Чарторыйского⁹.

В литературе (особенно западной) распространено мнение, что главным содержанием исторического процесса после 1815 г. была реакция, контрреволюционные конгрессы Священного союза и временные успехи абсолютизма. Между тем и в эти годы магистральным направлением мировой истории являлось дальнейшее развитие капитализма, целый ряд стран и регионов был охвачен буржуазными революциями и национально-освободительными движениями. Отражая консервативный и вредный для национальных интересов России характер многих актов царизма во время конгрессов Священного союза, документы второй серии «Внешней политики России» (т. IX—XIV) показывают, что некоторые русские дипломаты и государственные деятели (И. А. Каподистрия, Н. С. Мордвинов, П. И. Полетика, М. Н. Булгари, Г. А. Строганов и др.) не одобряли политику безоговорочной реакции и понимали необходимость умеренно-либеральных реформ и уступок. В XIV т., охватывающем 1825—1826 гг., особенно обстоятельно отражены оппозиционные взгляды на внешнюю политику декабристов и лиц, которые в той или иной мере им сочувствовали. В целом «Внешняя политика России» впервые достаточно полно отразила влияние на дипломатию классовых противоречий эпохи буржуазных революций, национально-освободительных движений и войн, разноголосия внутри правящего лагеря и борьбу мнений при определении политического курса внешней политики Петербурга.

Неудивительно поэтому, что, по оценке авторитетных советских и зарубежных специалистов, «Внешняя политика России» вошла в число основных собраний источников по международным отношениям первой трети XIX в. Рецензенты особо отмечали «высокий источниковедческий уровень» этого издания, «археографическую точность» публикации документов (из них $\frac{2}{3}$ по-французски с последующим переводом на русский), «сдержанную фактологичность примечаний и научную точность комментариев (иногданосящих характер небольших исследований), а также богатый научно-справочный аппарат (предметный, именной и географический указатели, библиографию — список ранее вышедших русских и зарубежных публикаций)»¹⁰. Ведущий журнал США по истории «American Historical Review», посвятивший подробному разбору вышедших томов «Внешней политики России» несколько специальных рецензий, признал это издание образцовым¹¹. И советские, и зарубежные исследователи единодушно отмечали, что публикация отвечает самым строгим научным требованиям¹². Касаясь личного вклада руководителя издания, Н. С. Киняпина и В. А. Георгиев писали: «Академик А. Л. Нарочницкий как ответственный редактор издания сумел привлечь к работе квалифицированных и авторитетных ученых, совместно с которыми были определены характер издания, его научная периодизация, хронологические

⁹ Евстигнеев И. В. К вопросу о целях внешней политики России в 1804—1805 годах // ВИ. 1962. № 5. С. 203—210. Автор статьи пришел к выводу, что «Записка» не могла быть написана ранее осени 1806 г., а Чарторыйский ушел в отставку с поста управляющего МИД России в июле 1806 г. «Следовательно, его „Записка“ не имеет официального характера и составлялась Чарторыйским как частным лицом». Между тем издатели мемуаров Чарторыйского произвольно датировали ее 1804 г., а многие западные историки на ее основе утверждали, что Россия в 1804—1805 гг. стремилась овладеть Константинополем и Черноморскими проливами. В дальнейшем был обнаружен архивный экземпляр записки, что позволило установить и точное время ее написания — весна 1807 г. (Внешняя политика России XIX и начала XX в. М., 1964. Т. III. Примеч. 79).

¹⁰ ВИ. 1976. № 7. С. 146—147.

¹¹ См.: Amer. Hist. Rev. 1962. Vol. 67; 1963. Vol. 68; 1964. Vol. 69; 1967. Vol. 72 etc.

¹² Rivista Storica Italiana. 1962. F. 1. P. 194; Deutsche Literatur zeitung. 1963. Hf. 5/6. S. 466 etc.

рубежи, общая и конкретная проблематика, наиболее актуальные вопросы в каждом из разделов публикации»¹³.

С начала 80-х годов работа Нарочницкого как публикатора архивных источников приняла еще больший размах. Под его руководством совместно с югославскими историками и архивистами готовятся важные документальные публикации о развитии связей Российского государства с югославянскими народами в XVIII—XIX вв. В 1984 г. вышла в свет совместная советско-югославская публикация «Политические и культурные отношения России с югославскими землями в XVIII в.» Готовится к изданию второй том, охватывающий период с конца XVIII в. до 1833 г. Перу А. Л. Нарочницкого принадлежит также серия исследовательских статей о проблемах политики России на Балканах в годы наполеоновских войн, греческого национально-освободительного движения 1821—1829 гг., статей, основанных на изучении архивных материалов и в первую очередь документов АВПР. Эти исследования Нарочницкого получили международное признание и послужили основанием для избрания его иностранным членом Сербской академии наук и искусств (1981 г.).

С конца 70-х годов под руководством и при непосредственном участии А. Л. Нарочницкого развернулась работа над многотомной документальной серией «Исследования русских на Тихом океане в XVIII — первой половине XIX в.», в основу которой положены материалы ЦГА ВМФ СССР, а также документы ЦГАДА, АВПР, ЦГИА СССР и других архивов Москвы и Ленинграда. Первый том, посвященный экспедициям В. Беринга и А. Чирикова (1725—1741 гг.), уже вышел в свет¹⁴, а второй том, посвященный русским плаваниям на Тихоокеанском севере во второй половине XVIII в., утвержден к печати Ученым советом Института истории СССР АН СССР. Большинство документов этого издания публикуются впервые и имеют важное научное и политическое значение, так как показывают неоспоримый приоритет России в исследовании и освоении обширных пространств Восточной Сибири, Дальнего Востока и всего Тихоокеанского севера, включая Курильские и Алеутские острова, берега Северной Америки, о-в Сахалин и т. д.

Завершая по необходимости краткий анализ деятельности А. Л. Нарочницкого — исследователя и публикатора архивных источников, нельзя не сказать о его неизменном внимании к написанию серьезных и оригинальных научных статей, которые неизменно привлекали внимание советской и зарубежной научной общественности¹⁵.

Не часто можно встретить иного маститого историка в читальном зале архива или рукописном отделе библиотеки. Академик А. Л. Нарочницкий на протяжении почти полувека систематически работает над рукописными источниками, и в первую очередь в читальном зале Архива внешней политики России, где мне приходилось регулярно общаться с ним, начиная с середины 50-х годов. Свое 80-летие ученый также встретил в работе над подготовкой очередных документальных публикаций и новых исследовательских работ, основанных на изучении архивных документов.

¹³ ННИ. 1977. № 1. С. 144.

¹⁴ Русская экспедиция по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в./Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М., 1984. 320 с.

¹⁵ Нарочницкий А. Л. Две тенденции в развитии отношений между СССР и Францией // ННИ. 1966. № 5. С. 3—21; То же // Rev. hist. 1967. Т. 237. № 1. Р. 99—124; Он же. Советская Россия и западные державы во время Компьенского перемирия // ННИ. 1969. № 2. С. 33—38; То же // Rev. d'hist. modern et contemporaine. 1969. Т. 16. N 1. Р. 29—36.

А. С. Покровский

**Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ КАК АРХЕОГРАФ
И ИСТОЧНИКОВЕД ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ
(К 80-летию со дня рождения)**

Творчество историков Великой Октябрьской социалистической революции тесно взаимосвязано с развитием исторической науки о советском обществе, ее достижениями и противоречиями.

Ефим Наумович Городецкий — один из крупнейших специалистов по истории Октября раздела историографии, «наиболее концентрированно» отражающего «характерные черты марксистской науки истории советского общества, состояние ее кадров, ведущих научных учреждений, методы работы над источниками, состояние археографии и научной библиографии» (59, с. 7) ¹. В многочисленных трудах Городецкого, сочетающих элементы историографии, исторического построения, источниковедения и археографии, прослеживается динамика развития, взаимовлияние указанных элементов.

Городецкий выступил последовательным сторонником положения, выдвинутого еще в 1922 г. молодым тогда историком М. В. Нечкиной о предмете историографии как комплексной дисциплины ². «Поле приложения сил историографа,— писал он в 1974 г.,— является сама историческая наука, формы и пути ее развития, ее проблематика, рождение и развитие концепций, их *документальная основа*» (курсив мой.— А. П.) (62, с. 96), т. е. источниковедение и археография, обнаруживающие тесную связь и взаимозависимость особенно в проблематике по истории Великого Октября (81, с. 226). Продуктивной представляется мысль о том, что ученого, изучающего историю исторической науки лишь как цепь горных вершин, изучающего лишь творцов этих вершин, «подстерегает опасность упустить исследование самого процесса развития науки, в котором важную роль играют постепенное накопление знаний, поиск истины, а также заблуждения, иллюзии, ошибки на пути этого поиска. Вычеркнуть все это из истории науки — значит лишить самый процесс содержания, лишить себя многих возможностей, в том числе выяснить причины, по которым концепции, отвергнутые в свое время наукой и социальной практикой, неожиданно вновь возникают или даже получают большое распространение» (62, с. 106). Тут же Городецкий указывает и другую крайность исследования, которая чревата опасностью описательности, фактографии, эмпиризма.

В 1975 г. М. В. Нечкина и Е. Н. Городецкий отметили, что впервые в истории нашей науки историографические проблемы стали решаться на материалах не только истории России и СССР, но и других, смежных, наук, в том числе специальных (вспомогательных) дисциплин. Среди компонентов предмета истории исторической науки были названы: история введения в научный оборот неизвестных источников, развитие методов исторического исследования, совершенствование техники анализа исторических источников. Ядром историографического исследования является история концепций, но она «только тогда получает научное

¹ К статье прилагается список трудов Е. Н. Городецкого по данной теме. Здесь и далее в тексте ссылки даны на порядковые номера трудов в списке и соответствующие страницы.

² О вкладе академика М. В. Нечкиной в разработку методологических и методических вопросов историографического исследования см. в статье Е. Н. Городецкого и Е. Л. Рудницкой (68, с. 145—146).

объяснение, когда изучается в связи со всеми другими компонентами научного процесса» (64, с. 82, 85, 86)³. С предметом историографии, его компонентами непосредственно связан и другой поставленный Городецким вопрос — о характере историографического введения (или историографического элемента) в научном исследовании. Оно «должно включать и историю публикаций источников, и характеристику методов, которыми пользовались предшественники автора в работе над источниками», ибо в истории науки часто бывало, что один и тот же источник изучался разными авторами с различных позиций, а порой они приходили к разным и даже противоположным выводам (75, с. 57). Историограф, по глубокому убеждению Городецкого, даже если он ограничивает свое исследование частной проблемой, не должен превращаться в «обзорograфа», он — историк науки в целом, всех ее компонентов (62, с. 115—116). Особое значение приобретает в этой связи анализ и оценка источниковедческой части буржуазной историографии истории Октября (3, с. 17; 80, с. 112).

Городецкий один из первых встал на трудный путь объединения различных сторон научного процесса в историографии Октябрьской революции. Он не только поставил вопрос о необходимости монографического изучения связи процесса накопления исторических знаний, структуры проблематики и ее изменения с проблемами археографии и источниковедения истории Октября, т. е. «о соединении историографического, источниковедческого и науковедческого аспектов исследования» (77, с. 17—18, 31), но и в значительной степени реализовал его в двух своих монографиях 1981—1982 гг. (80, 84). Истоки такого универсального подхода следуют искать в путях развития науки истории советского общества, а также в особенностях научного творчества Городецкого, значительная часть которого посвящена Лениниане, публикациям, источниковедческому анализу документов.

Крупным вкладом в историческую науку является труд Городецкого «Ленин — основоположник советской исторической науки. История советского общества в трудах В. И. Ленина» (1970), подводящий итог многолетней (около 30 лет) работы автора в области Ленинианы (1—13). Монография получила высокую оценку. Было справедливо отмечено, что это первый труд, содержащий целостное исследование ленинской концепции истории советского общества, что в нем показано совершенство владения В. И. Лениным всем арсеналом средств современного исторического познания, что на примере анализа исторического творчества Ленина полностью опровергается проскальзывающее подчас скептическое отношение к созданию исследований по истории современности⁴. Большое внимание было обращено на отражение в книге основных вопросов ленинской методологии исторического исследования (соотношение теории развития исторического процесса и методологии его исследования; соотношение истории и современности; принципы историзма, партийности, классового подхода при изучении исторических явлений; сравнительно-исторический метод)⁵. Хотелось бы отметить и некоторые другие вопросы ленинской методологии, получившие в книге Городецкого яркое отражение: о необходимости развития метода вместе с развитием исторического процесса; о правомерности исследования возможных вариантов в прошлом (борьба В. И. Ленина против «исторического фатализма»). Рассматривая проблемы соотношения истории и современности, трактовки ленинского принципа партийности, следует подчеркнуть положения Городецкого о борьбе В. И. Ленина как против исторического нигилизма, отрицания опыта прошлого, так и против фетишизации этого опыта;

³ Основные положения этой статьи варьированы в 1978 г. Новой явилась постановка проблемы качества историографического исследования. Среди критериев качества отмечены: объем и характер новых источников, обоснованность и новизна выводов (73, с. 277—280, 295).

⁴ Маслов К. П. // История СССР. 1970. № 3.

⁵ Селунская В. М. // ВИ КПСС. 1971. № 9.

о недопустимости вульгаризации принципа партийности, ведущей к субъективизму и волюнтаризму.

Большое внимание в книге уделено ленинской методике исследования исторических явлений. Автор раскрывает систему источников в ленинской лаборатории (поиск источников, стремление к полноте библиографии, отношение Ленина к первоисточникам, к источникам, исходящим из различных общественно-политических лагерей, в том числе — к меньшевистской литературе). На конкретных примерах прослеживается реализация Лениным провозглашенного им принципа выявления всей совокупности фактов, отбора важнейших; раскрыто соотношение понятий «основное звено» и «основной факт» («основные факты»); обращено внимание на статистический инструментарий Ленина, использование им косвенных показателей (вынужденная выборка). В книге показана роль технико-стилистических приемов, применяемых Лениным при сборе, систематизации, изложении и обобщении собранного материала (анкетирование, графики, диаграммы, художественные образы), и, наконец, работа Ленина над своими рукописями, над протоколами, его отношение к работе со стенографом, к стенографическим записям своих выступлений.

Значительное место Городецкий уделяет вопросу об отношении В. И. Ленина к архивам, сбору материалов (например, прессы всех направлений, документов мелкобуржуазных партий), к публикации источников (переписки К. Маркса и Ф. Энгельса, документов по истории русского и международного рабочего движения, внешней политики, в том числе — изданию тайных договоров; отчетов народных комиссариатов и др.), об отношении Ленина к полноте публикаций, работе Истпарта, изданию хроник революции и т. д.

Городецкий показывает значение ряда ленинских работ как источников по истории советского общества. Нельзя не согласиться с тем, что требование Ленина (выдвинутое в работе «О значении воинствующего материализма») систематически публиковать образцы диалектического анализа материалов новейшей истории⁶ «носит программный характер для советской исторической науки» (7, с. 131).

Работы Городецкого в области Ленинианы нацеливают не только на научное использование исторических источников вообще (на примере того, как их применял Ленин), но и на научный подход к такому сложнейшему источнику, каким является весь комплекс ленинских произведений. Пронизанные духом ленинской методологии и методики исторического исследования, они прокладывают путь к научному, объективному толкованию трудов В. И. Ленина.

Всестороннее, творческое изучение Городецким трудов Ленина как историка (ставшее возможным лишь после XX съезда КПСС) было тем трамплином, который сделал естественным переход к постановке вопроса в середине 70-х годов об историографии Октября как синтезе различных компонентов научного процесса.

Наряду с трудами, посвященными историографии Октябрьской революции и Лениниане, значительное место в творчестве Городецкого занимает изучение археографии и источниковедения истории Великого Октября. Данной проблематике посвящены в значительной своей части его монографии: «Советская историография Великого Октября. 1917 — середина 30-х годов. Очерки» (М., 1981) и «Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. 1930—1960-е гг. Очерки» (М., 1982). Нельзя не согласиться с общей высокой оценкой указанных работ⁷, особенно в той ее части, где подчеркивается фронтальный под-

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 30.

⁷ Рец. см.: Грунт А. Я. // Новый мир. 1982. № 4; Он же // Новый мир. 1983. № 4; Знаменский О. Н. // ВИ. 1983. № 11; Ирошников М. П. // История СССР. 1984. № 5; Маслов Н. Н. // ВИ КПСС. 1982. № 10; Он же. // ВИ КПСС. 1983. № 7; Поликарпов В. Д. // Информ. бюл. проблемной комиссии многостороннего сотрудничества академий наук соц. стран: История Великого Октября и последующих социалисти-

ход к освещению основных этапов развития проблемной историографии Октября, включая ее теоретико-методологический фундамент и источниковую базу, что позволило Городецкому показать органическую связь историографии, источниковедения и археографии по важнейшей проблеме советской исторической науки.

Создание этих трудов вполне естественно: автор многие годы участвовал как составитель и редактор в издании сборников документов и воспоминаний, журнальных публикаций, сыгравших заметную роль в развитии советской археографии и исторической науки об Октябре, проявил себя тонким аналитиком в ряде конкретных источниковедческих работ, знатоком источников при характеристике источниковой базы исторических трудов многих авторов (в специальных рецензиях и историографических статьях), был редактором библиографий публикаций по истории Октябрьской революции и гражданской войны, литературы о В. И. Ленине как историке.

Городецкий прослеживает развитие археографии, источниковедения и источниковедческих аспектов исторических трудов, посвященных Октябрьской революции, почти за весь период истории советского общества (1917 г. — середина 70-х годов), захватывая и предысторию — создание и деятельность партийных архивов и библиотек до революции в Женеве и Париже. История археографии и источниковедения проходит в соответствии с историографией советского периода три основных этапа: 1) 1917 г. — начало 30-х годов; 2) середина 30-х — начало 50-х годов; 3) вторая половина 50-х — середина 70-х годов. В пределах каждого этапа ученый характеризует общественно-политические условия и организационные формы развития исторической науки об Октябре, и в этих «экологических нишах» особенно ясно проступают свойственные каждому периоду специфические черты развития археографии и источниковедения. Городецкий дает как общие оценки состояния указанных дисциплин по периодам, их влияния на историографию Октября, так и подробный критический разбор публикаций всех видов — серийных и отдельных, центральных и местных, тематических, видовых, пофондовых; публикаций мемуаров, хроник революции, биографических справочников, библиографий. При этом учитывается не только масштаб издания. Городецкий подчеркивает значимость и отдельных, пусть небольших групп документов, вносящих новое в освещение истории Октября, иногда незаслуженно забытых⁸.

В пределах статьи нет возможности показать все богатство замечаний и наблюдений Городецкого по различным вопросам археографии и источниковедения истории Октябрьской революции. Отметим лишь некоторые из них. Городецкий в целом положительно характеризует общие итоги публикаторской деятельности первого периода (1917 г. — начало 1930-х годов), отмечая недооценку ее в последующие годы: «Историографу не к лицу становиться в позу судьи, оценивающего труды историков первых лет революции с позиций состояния теперешнего, современного ему уровня науки, состояния источниковой базы, современного опыта и методов исследования» (80, с. 169; см. также 57, с. 89). Он показал, что использование всего комплекса достижений археографии и источниковедения начального периода оказало положительное влияние на труды по экономической истории 1917—1918 гг., созданные в конце 1930-х — 1950-х годах. «Нам представляется, — отмечал он, — что воздействие на исследования оказывали не только сами публикации с их достижениями

ческих революций. М., 1982. № 17; Селуцкая В. М. // История СССР. 1983. № 1; Спиринов Л. М. // ВИ. 1982. № 9.

⁸ Так, своеобразная публикация Б. А. Бреслава (секретаря съезда Советов Северной области) — воспроизведение протоколов съезда по черновым записям, отчетам газет и памяти в его книге «Канун Октября 1917 года. Съезд Советов Северной области, 11—13 октября 1917 г.» (М., 1934) — позволила Городецкому сделать важный вывод, относящийся к истории создания Петроградского ВРК: «...12 октября Петроградский ВРК был уже живым примером, а не просто пунктом резолюции» (81, с. 44).

и недостатками, но и в значительной степени квалифицированный археографический и источниковедческий анализ этих публикаций» (81, с. 58).

Констатируя определенные достижения в археографии следующего периода (середина 1930-х — начало 1950-х годов), Городецкий отмечает отрицательное воздействие культа личности Сталина на развитие исторической науки, выразившееся, в частности, в резком сокращении публикаций документальных источников и мемуаров, в ограничении доступа исследователей ко многим важным источникам, особенно в центральных архивах, и, как следствие, — в распространении цитатничества, иллюстративного метода, «декретного метода» исследования, в почти полном отсутствии анализа; в целом — в низком уровне научной критики источников (50, с. 5, 18, 19; 56, с. 10; 58, с. 331, 332; 80, с. 10; 84, с. 395).

Новый период в изучении истории Великого Октября, начавшийся с середины 1950-х годов, отмечен такими чертами, как «стремление к преодолению иллюстративного метода, столь распространенного в 30–40-е годы», невиданным размахом археографической деятельности, увеличением удельного веса специальных источниковедческих исследований, в том числе — диссертаций (50, с. 24; 58, с. 338; 81, с. 11, 104, 120, 201–233), все большим насыщением исторических работ источниковедческими элементами. Обстоятельный критический анализ всех достижений и недостатков в публикации источников, источниковедческих проблем мы находим в главе 6 («Археография и источниковедение истории Октября») монографии 1982 г. Характеризуя роль обзоров и рецензий на публикации документов, Городецкий замечает, что они дают основание для вывода о том, что «научный уровень археографической критики был значительно выше практики публикации документов», однако ею «не был выработан более или менее точный критерий полноты публикаций источников по Октябрьской революции» (81, с. 216, 217).

При освещении каждого из периодов развития историографии Октября Городецкий отмечает несоответствие темпов публикаторской деятельности, источниковедческого анализа документов, их усвоения в исторической литературе и в целом в историографии. В работах 1980–1981 гг. он констатирует наличие «определенной объективной дистанции» — «между публикацией или выявлением комплекса источников и их научной, концепционной обработкой, т. е. включением источников в систему построений и выводов». «Задача заключается в том, — замечает ученый, — чтобы эта дистанция была как можно короче; уничтожить же ее совсем невозможно» (77, с. 22; см. также 80, с. 26, 32–33). Ошибки в работах ряда первых советских историков Октябрьской революции Городецкий связывает с тем, что они не в полной мере усвоили ленинскую концепцию истории революции. В отношении характера и темпов усвоения ленинского наследия Городецкий полагает, что неправильно было бы требовать от историков первых лет Советской власти «такого уровня и такой полноты понимания ленинских трудов, какие достигнуты в настоящее время. Безграничная широта и богатство ленинских идей познавались постепенно, их познание и дальнейшее раскрытие продолжалось на последующих этапах и будет продолжаться еще многими грядущими поколениями историков» (80, с. 170). Хотелось бы отметить в этой связи, что усвоение ленинского наследия, особенно в области методологии и методики исторического исследования, не всегда зависит только от объема использованных исследователем трудов В. И. Ленина. Это усвоение — практическая необходимость профессионального образования историков советского общества, которые не должны, не имеют права постигать Ленина не полностью, выборочно, в угоду конъюнктуре (что не раз уже бывало в прошлом), как не позволял этого сам В. И. Ленин в отношении богатейшего наследия К. Маркса и Ф. Энгельса.

В монографии 1982 г. Городецкий вновь возвращается к вопросу о медленных темпах проникновения в науку добываемых знаний, объяс-

няя это явление известным консерватизмом и инерцией некоторых исследователей, которые «предпочитают установленные и, казалось бы, проверенные данные и с недоверием относятся к новой информации, особенно если она существенно расходится с общепринятыми до сих пор оценками» (81, с. 60–61). Думается, однако, что субъективные факторы (консерватизм и инерция исследователя) — скорее следствие, нежели причина, и работы Городецкого косвенно подтверждают это. Дело, по-видимому, в характерном для определенного периода развития науки о советском обществе разрыве между историографией, историческими построениями, источниковедением и археографией.

Городецкий не только историк археографии Октября. В разделе втором списка его трудов указаны публикации документов и воспоминаний, в которых он принимал непосредственное участие как составитель или редактор. Начало творческой биографии ученого (середина 1930-х годов) связано с работой в Секретариате Главной редакции «Истории гражданской войны» (далее: ИГВ), определившей его неуывающий интерес к проблемам Октябрьской революции и Ленинианы, археографии и источниковедения.

Первой публикацией Городецкого был сборник документов «Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов)» (1936). Это издание, послужившее в известной степени ядром последующих публикаций на ту же тему (также с участием Городецкого) (23, 24), имело большое значение для разоблачения грабительских планов германского империализма и оказало значительное влияние на исторические исследования. Одним из таких исследований стала работа самого Городецкого «Восточный фронт в 1918 году», вывод которой («Необходимость продолжать войну на два фронта, на Западе и Востоке, решила судьбу вильгельмовской империи») (44, с. 82) в определенной мере основан на данной публикации. Трудно представить себе правильность восприятия мемуаров бывшего военного министра Временного правительства А. И. Верховского без предисловия Городецкого (26). Он сопоставляет мемуары Верховского (1937 г.) с его дневником за 1914–1917 гг., изданным в 1918 г. под названием «Россия на Голгофе». Думается, что именно так, раскрытием эволюции взглядов и высказываний мемуаристов необходимо комментировать воспоминания. Большой интерес как исторический источник представляет опубликованная Городецким значительная часть стенограммы лекции «О государственном устройстве и Конституции», прочитанной Я. М. Свердловым 22 октября 1918 г. в школе агитаторов и инструкторов ВЦИК (34)⁹. В лекции указано время начала работы Комиссии по подготовке Конституции (февраль 1918 г.); тем самым опровергается сложившееся мнение, что к ней приступили только после IV съезда Советов. Анализируя текст лекции, Городецкий приходит к выводу о значительном влиянии на Свердлова работы В. И. Ленина «Государство и революция».

Публикаторская работа Городецкого органично сочетается с его теоретическими воззрениями в области археографии. Так, им отмечены опасности, таившиеся в попытке создания особых правил для публикации документов советского периода. Научные правила издания исторических источников, полагает ученый, должны быть едиными: нельзя отрывать советскую археографию от положительного опыта, накопленного археографической практикой и теорией археографии на публикациях документов эпохи феодализма и капитализма (81, с. 220). Городецкий выступает против ограничительного понимания задач включения в публикации материалов из враждебного лагеря: «Известное методологическое требование В. И. Ленина об изучении всех классов, всех политических партий в их совокупности накладывает особые обязательства на археографа и источниковеда. Как для публикации источников, так и для их анализа

⁹ Хранится в ЦПА ИМЛ. Полностью опубликовать ее было трудно ввиду несовершенства стенографической записи.

необходима полнота документов различного классового и партийного происхождения. Только по такой совокупности источников исследователь может охватить исторические события в их противоречиях, в столкновениях противоположных классовых сил. При этом историк, конечно, сам становится на позиции определенного класса, пролетариата, и именно в этом выражается его партийность, не вступающая в противоречие с объективностью» (81, с. 227–228).

Важным моментом в деятельности Городецкого-археографа является постановка им ряда нерешенных проблем в этой области (например, обоснование необходимости создания корпуса документальных памятников по истории Великого Октября, факсимильного издания «Правды», местных большевистских газет за 1917 г. и др.) (60, с. 9; 81, с. 205, 230, 231).

Для раскрытия источниковедческой стороны научного творчества Городецкого интересные и важные наблюдения содержатся как в его конкретно-источниковедческих работах (31–39), так и в значительной части его общен исторических трудов. Отметим лишь некоторые.

Заметным вкладом в источниковедческую Лениниану является анализ письма В. И. Ленина от 24 октября 1917 г. Городецкий обосновал вывод о том, что письмо было адресовано Петербургскому и районным комитетам РСДРП(б), что «оно не запоздало и оказало огромное влияние на события» (33, с. 480, 481). Изучение ленинских анкет по вопросу о демобилизации армии (от 17 декабря 1917 г. и 3 января 1918 г.) и других материалов позволило ученому установить источники п. 14 и 15 ленинских «Тезисов по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира»¹⁰ (7 января 1918 г.) (49, с. 21; 50, с. 424). Серьезным вкладом в историческую науку является анализ комплекса документов, связанных с историей создания ленинского «Наброска плана научно-технических работ», уточнение его датировки (между 18 и 25 апреля 1918 г.) (31, с. 227; 50, с. 262–282)¹¹. Городецкий обоснованно уточняет датировку заметок В. И. Ленина об организации аппарата управления (в Ленинском сборнике XXI (с. 91–92) они датируются «не позднее 26 октября 1917 г.»), предлагая отнести этот документ к 25 октября 1917 г. (50, с. 150).

Заслуживает внимания предложение Городецкого датировать ленинскую схему исторической карты по истории гражданской войны не августом 1920 г. («Ленинский сборник», XX, с. 319), а концом 1920 г. (13, с. 469). Представляется обоснованным предположение о датировке статьи В. И. Ленина «Люди с того света»¹² моментом заседания Учредительного собрания (13, с. 117). Городецкий обращает внимание на источники, послужившие основанием для характеристики Лениным опыта канавинских рабочих, событий в Пензенской губернии в 1917 г., на источники для написания статьи Ленина «Исчезло ли двоевластие?»¹³; сопоставляет тексты стенограммы и брошюры «Очередные задачи Советской власти»; выясняет обстоятельства, ускорившие появление труда Ленина «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», условия создания работы Ленина «О продовольственном налоге»¹⁴ (13, с. 37, 46, 50, 129, 281–283, 329–330).

Городецкий обнаруживает директиву СНК (в виде передовой статьи «Известий» от 15 ноября 1917 г.), не включенную в 1-й том «Декретов Советской власти» (46, с. 29; 50, с. 457); новые материалы — в ЦГАОР, позволившие сделать важные выводы, относящиеся к реформе высшей школы в 1918 г. (45, с. 123–135); в ОР ГБЛ, в фонде В. Д. Бонч-Бруевича, связанные с организацией обороны Петрограда в феврале 1918 г. (35, с. 360). Совместно с сотрудниками ИГВ он участвует в по-

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 243–252.

¹¹ Эта датировка вошла в 36-й т. Полн. собр. соч. В. И. Ленина, в 5-й т. «Биохроники» В. И. Ленина.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 229–231.

¹³ Там же. Т. 32. С. 127–130.

¹⁴ Там же. Т. 36. С. 165–208; Т. 40. С. 1–24; Т. 43. С. 205–245.

вторной разработке материалов об итогах выборов в Учредительное собрание (которая в отличие от известной разработки Н. В. Святицкого проводилась по значительно большему количеству избирательных округов) (50, с. 436—442). Ценно замечание Городецкого о необходимости осторожного подхода к общим сводкам о создании Советов на местах после Октября, «где зачастую просто говорится „организован Совет“ или „организован ревком“ без указания на характер и происхождение этих органов. Иногда за вывеской „Совет“ пряталась кадетская контрреволюция» (43, с. 102; 50, с. 465).

Среди нерешенных источниковедческих проблем, поставленных Городецким, назовем некоторые: о необходимости расшифровать отдельные места из протоколов ЦК РСДРП(б) за 7, 10, 16 октября 1917 г.; уточнить время (по часам) включенных в 1-й том сборника документов «Петроградский ВРК» (М., 1966) 45 документов за 24 октября ввиду важности событий, происходивших в этот день в Петрограде; подвергнуть анализу телеграммы Петроградского телеграфного агентства о событиях октября 1917 г. в Петрограде, опубликованные в австрийской газете «Neue freie Presse» (69, с. 58—59; 72, с. 52—54; 78, с. 20—21; 81, с. 139—140); уточнить датировку статей В. И. Ленина «Как обеспечить успех Учредительного собрания», «Русская революция и гражданская война», «Задачи революции»¹⁵ (13, с. 84—85); полностью перепроверить данные Н. В. Святицкого о результатах выборов в Учредительное собрание по всем избирательным округам (50, с. 34; 58, с. 355; 81, с. 153); источниковедчески изучить упомянутую выше публикацию Б. А. Бреслава (81, с. 43) и целый ряд других тем.

Особо отметим важный момент в творчестве Городецкого-историографа — его характеристики источниковедческих аспектов в трудах, посвященных вопросам подготовки и проведения Октябрьской революции. Причем более подробно он останавливается на работах, пронизанных источниковедческим началом, дающих материал для размышлений над источниками. При этом непременно раскрываются сущность и значение методики автора, введение им в научный оборот новых групп источников, новый подход к уже известным источникам независимо от степеней и рангов исследователя. Интересны, в частности, его характеристика и оценка отношения к историческим источникам М. Н. Покровского (76, с. 263—264; 80, с. 177—178).

У Городецкого много учеников, среди них немало трудятся на ниве источниковедения. В этой связи уместно отметить изложенное им однажды кредо исследователя, призванное оказать известное педагогическое воздействие на молодых ученых: «Часто говорят, что успеха в работе добивается лишь тот автор, который при работе над книгой постоянно „видит“ своего читателя. Это, бесспорно, верное положение. Но, по нашему мнению, главное в научном исследовании — это поиск истины. Если автор находится в таком поиске, если он хочет ответить на выдвинутые жизнью и наукой вопросы и сумеет „донести“ на страницах книги до читателя результаты этого поиска, то такая книга найдет своего читателя»¹⁶. Нельзя не согласиться с этим мнением, тем более, что всем историкам приходится иногда бывать на распутье — между истиной и читателем (воображаемым и реальным).

В ряде историографических работ Городецкого фигурирует в разных вариантах ценное наблюдение о «недостающих звеньях» — «пустующих клетках» в реальном научном познании, которые «отнюдь не инертны, они воздействуют на остальные звенья самим фактом своей „незаполненности“». Кроме того, каждая клетка системы знаний имеет различный уровень. Низкий уровень одного звена в известной мере снижает уровень всего комплекса» (70, с. 108; см. также: 71, с. 233; 72, с. 10; 74, с. 63—

¹⁵ Там же. Т. 34. С. 208—213, 214—228, 229—238.

¹⁶ *Городецкий Е. Н.* // ВАН. 1982. № 3. С. 126. Рец. на кп.: Иванова Л. В. Формирование советской научной интеллигенции (1917—1927). М., Наука, 1980.

64; 81, с. 295). Е. Н. Городецкий — наследник лучших традиций отечественной школы профессиональных историков, неутомимый исследователь, не только внесший и вносящий большой вклад в заполнение «пустующих клеток» советской исторической науки об Октябрьской революции, но и побуждающий своими трудами к размышлениям, к усилению по-настоящему творческих поисков.

СПИСОК ТРУДОВ Е. Н. ГОРОДЕЦКОГО ПО ДАННОЙ ТЕМЕ¹

Лениниана

1. Как Ленин работал над книгой «Государство и революция» // *Большевик*. 1941. № 1. С. 65–72.
2. Новые ленинские материалы // *Правда*. 1945. 1 июня; Сов. кн. 1946. № 1. С. 55–62.
3. Вопросы методологии исторического исследования в послеоктябрьских трудах В. И. Ленина // *ВИ*. 1963. № 6. С. 16–34.
4. В. И. Ленин и создание центров историко-партийной науки // *ВИ КПСС*. 1964. № 8. С. 17–28.
5. Первые труды В. И. Ленина по истории Октябрьской революции // *История и историки: Историография истории СССР: Сб. ст.* М., 1965. С. 47–65.
6. В. И. Ленин — историк Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1966. 48 с.
7. В. И. Ленин — основоположник советской исторической науки // *Очерки истории исторической науки в СССР*. М., 1966. Т. IV. (§ 1, 3–5 в гл. 1. С. 23–46, 72–137).
8. Ленинская лаборатория исследования истории советского общества // *ВИ*. 1969. № 12. С. 3–24.
9. Революция и ее историческое познание в трудах В. И. Ленина (февраль — октябрь 1917 г.) // *ИЗ*. 1969. Т. 84. С. 3–62.
10. Питання історіографічного дослідження у працях В. І. Леніна 1917–1923 рр. // *Український історичний журнал*. Київ, 1970. № 2. С. 27–38.
11. Zu einigen Problemen der historiografischen Untersuchung in der Werken W. Lenin in der Jahren 1917–1920 // *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas*. В. 1970. Bd. 14/1. S. 71–90.
12. Проблемы истории советского общества в трудах В. И. Ленина: (Вопросы методологии. Научная лаборатория). М., 1970. 112 с.
13. Ленин — основоположник советской исторической науки: История советского общества в трудах В. И. Ленина. М., 1970. 550 с.
14. *Рец. на кн.*: Ирошников М. П. Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин): Очерки государственной деятельности в 1917–1918 гг. Л., 1974. 448 с. // *История СССР*. 1976. № 1. С. 184–187.
15. Ленинская лаборатория исторического исследования // *ВИ*. 1982. № 4. С. 3–25.
16. *Рец. на кн.*: Савицкая Р. М. Задачи победившего пролетариата: О работе В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти». М., 1981. 253 с. // *История СССР*. 1983. № 4. С. 139–142.
17. Ленинская лаборатория исторического исследования. М., 1984. 63 с.

¹ Изданных библиографий трудов Е. Н. Городецкого нет. В публикуемом списке из общего количества работ (свыше 150 наименований) отмечены все, связанные с темой статьи.

Публикации

18. *Подгот. публ.*: Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов) / Под ред. М. Горького, И. Минца, Р. Эйдемана. [М.], 1936. 206 с. Предисловие. С. 5—16.
19. *То же* на нем. яз.: Die deutsche Okkupation der Ukraine. Geheimdokumente. Strasbourg, 1937. 247 с.
20. *Ред., сост.*: В дни великой пролетарской революции: Эпизоды борьбы в Петрограде в 1917 году. [Сб. восп.]. [М.], 1937. 227 с.
21. *Сост.*: Документы великой пролетарской революции. Т. 1. Из протоколов и переписки Военно-революционного комитета Петроградского Совета 1917 года / Под ред. И. И. Минца. [М.], 1938. 372 с. Совм. с И. М. Разгоном. Предисловие. С. 1—12.
22. *Ред., сост.*: Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. 1. Первый этап гражданской войны. М., 1940. 544 с. Совм. с И. Минцем.
23. *Ред.*: Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году. М., 1942. 239 с. Совм. с И. И. Минцем.
24. *Сост.*: Разгром немецких захватчиков в 1918 году: Сб. материалов и док. М., 1943. 336 с. Совм. с Э. Б. Генкиной, Р. И. Голубевой, Ф. Л. Еловцан, И. М. Разгоном, С. Б. Сутоцким, Н. С. Трусовой, А. И. Федяевой, О. А. Шекун.
25. *Подгот. публ.*: Документы революционной борьбы 1917 г.: (Из личного архива А. Д. Садовского) // История СССР. 1957. № 4. С. 155—161; Предисловие. С. 155—156.
26. *Предисловие* // Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 3—16.
27. *Подгот. публ.*: Из истории военного строительства Советской республики в первые месяцы после Октября // ИА. 1962. № 1. С. 83—93; *Предисловие*. С. 83—84. Совм. с С. М. Гляцкиным.
28. *Чл. редкол.*: Петроградский военно-революционный комитет: Документы и материалы: В 3 т. М., 1966—1967. 584 с., 558 с., 743 с. Совм. с Д. А. Чугаевым (отв. ред.) и др.
29. *Подгот. публ.*: О записках Н. М. Потапова // ВИЖ. 1968. № 1. С. 58—68; *Предисловие*. С. 58—61.
30. *Подгот. публ.*: Из истории первых шагов деятельности Комиссии по истории партии и Октябрьской революции (Истпарт) // История и историки. Историографический ежегодник. 1973. М., 1975. С. 258—261; *Предисловие*. С. 258—259.

Источниковедение

31. К истории ленинского плана научно-технических работ // Из истории революционной и государственной деятельности В. И. Ленина: Сб. ст. М., 1960. С. 191—232.
32. В. И. Ленин в Петроградском военпо-революционном комитете // Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Материалы Всесоюз. науч. сес., сост. 13—16 нояб. 1962 г. в Ленинграде. М., 1964. С. 144—166.
33. [О письме В. И. Ленина от 24 октября 1917 г.—сообщение на совещании, посвященном обсуждению некоторых вопросов Октябрьского вооруженного восстания, состоявшемся в Москве 7 июня 1963 г.] // Там же. С. 478—483.
34. Неизвестная лекция Я. М. Свердлова о Советской Конституции // Проблемы истории общественного движения и историографии: К 70-летию акад. М. В. Нечкиной. М., 1971. С. 216—236.
35. Страницы истории обороны Петрограда в феврале 1918 г. // Исторический опыт Великого Октября: К 80-летию лауреата Ленинской премии акад. И. И. Минца. М., 1975. С. 359—368.
36. Переписка Секретариата Центрального Комитета РСДРП(б). Март — октябрь 1917 г. // Источниковедение истории Великого Октября: Сб. ст. М., 1977. С. 54—100.

37. Первая серийная публикация источников по истории Великого Октября // ИЗ. 1977. Т. 100. С. 197—249.
38. Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) как источник по истории Октябрьской революции в национальных районах (март — октябрь 1917) // Установление Советской власти в национальных районах России: Анализ советской историографии и критика буржуазной литературы. Кишинев, 1979. С. 37—50.
39. *Чл. редкол.*: Генкина Э. Б. Протоколы Совнаркома РСФСР как исторический источник для изучения государственной деятельности В. И. Ленина. М., 1982. 192 с. Совм. с Ю. А. Поляковым (отв. ред.) и В. П. Дмитренко.

Общенсторические работы

40. Организация Советской власти // Большевик. 1940. № 19—20. С. 23—42.
41. Третий съезд Советов (январь 1918 г.) // Историк-марксист. 1941. № 3. С. 11—35.
42. История гражданской войны в СССР. Т. 2. Великая пролетарская революция (октябрь—ноябрь 1917 г.) / Под ред. Г. Ф. Александрова, И. И. Минца, П. Н. Поспелова, Ем. Ярославского. М., 1942. Гл. IX. С. 297—329.
43. Октябрьская революция и старые органы самоуправления // Вестн. МГУ. 1947. № 11. С. 95—103.
44. Восточный фронт в 1918 году // ВИ. 1947. № 9. С. 58—82.
45. Восточная реформа высшей школы 1918 года и Московский университет // Вестн. МГУ. Сер. обществ. наук. М., 1954. Вып. 1. С. 121—135.
46. Борьба народных масс за создание советских государственных органов (1917—1918 гг.) // ВИ. 1955. № 8. С. 26—39.
47. Из истории Петроградского Военно-революционного комитета // Из истории Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. ст. М., 1957. С. 6—54.
48. Из истории Октябрьского вооруженного восстания и II Всероссийского съезда Советов // ВИ. 1957. № 10. С. 23—48.
49. Демобилизация армии в 1917—1918 гг. // История СССР. 1958. № 1. С. 3—31.
50. Рождение Советского государства. 1917—1918 гг. М., 1965. 531 с., 2-е изд. 1987. 350 с.
51. Russia, October — December 1917 // History of the 20th century. London, 1967. P. 762—773.
52. Die Lösung der Hauptfrage der Revolution im Oktober 1917 in Russland // Jahrbuch für Geschichte... В. 1967. Bd. II. S. 156—192.
53. Национально-государственное строительство в период с октября 1917 по июль 1918 г. // История национально-государственного строительства в СССР: Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917—1936 гг.). М., 1968. Гл. 1. С. 38—135.
54. Съезд, основавший Советское государство // Строительство Советского государства: Сб. ст. к 70-летию д-ра ист. наук, проф. Э. Б. Генкиной. М., 1972. С. 11—35.
55. La formazione dello Stato Sovietico. Roma, 1972. 374 с.

Историография

56. О научной разработке истории Великой Октябрьской социалистической революции [Передовая] // ВИ. 1953. № 11. С. 3—11. Совм. с М. Е. Найденовым.
57. К характеристике историографии Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1934) // История СССР. 1960. № 6. С. 85—98.
58. Октябрьская революция и создание социалистического государства

- в освещении советской исторической литературы // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. Ч. 1. История СССР: Сб. ст. М., 1962. С. 331–372.
59. Некоторые черты современной советской историографии Октябрьской революции // История СССР. 1967. № 5. С. 7–28.
 60. Новое в изучении истории Великого Октября. М., 1968. 64 с.
 61. Новое исследование по истории советской науки // История СССР. 1970. № 1. С. 156–158. — Рец. на кн.: Иванова Л. В. У истоков советской исторической науки: Подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг. М., 1968. 197 с.
 62. Историография как специальная отрасль исторической науки // История СССР. 1974. № 4. С. 96–116.
 63. Современное состояние историографии как специальной отрасли исторического знания // Вопросы историографии в высшей школе (Все-союз. конф. преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории ун-тов и педагог. ин-тов. Смоленск. 31 янв. — 3 февр. 1973 г.). Смоленск, 1975. С. 29–41.
 64. Историографические исследования в СССР // Развитие советской исторической науки. 1970–1974. М., 1975. С. 79–100. Совм. с М. В. Нечкиной.
 65. Etudes historiographiques // Sciences sociales. 1975. N 2. С. 73–86.
 66. То же на англ. яз // Soc. sci. 1975. N 2. С. 70–82.
 67. То же на исп. яз. // Cien. soc. 1975. N 2. С. 76–89.
 68. 75-летие академика М. В. Нечкиной // ВИ. 1976. № 2. С. 145–151. Совм. с Е. Л. Рудницкой.
 69. Новейшая советская историография Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде // ВИ КПСС. 1977. № 9. С. 48–59.
 70. Современная советская литература о Великом Октябре // История СССР. 1977. № 6. С. 104–127.
 71. Новейшая советская историография Великого Октября // Исторический опыт Великого Октября и его международное значение. Тбилиси. 1977. С. 228–240.
 72. Новые страницы истории Великого Октября. М., 1978. 64 с.
 73. Развитие советской историографии истории СССР // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. 1. Сов. период. М., 1978. С. 273–296. Совм. с М. В. Нечкиной.
 74. Новейшая советская историография Октября // ВАН 1978. № 1. С. 59–69. Совм. с Ю. А. Поляковым.
 75. Историографическое введение к работе по отечественной истории // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Ч. I. Калинин, 1978. С. 46–58.
 76. М. Н. Покровский и проблемы истории Октября // История и историки: Историографический ежегодник. 1976. М., 1979. С. 262–283.
 77. Историографические исследования истории Великого Октября в современной литературе // Великий Октябрь в советской и зарубежной исторической литературе. Тбилиси, 1980. С. 8–32.
 78. Современная советская историография Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сб. ст. М., 1980. С. 7–21.
 79. The Present-Day Historiography of Soviet Society // Historical science in socialist countries. (Problems of Historiography). М., 1980. С. 26–32.
 80. Советская историография Великого Октября. 1917 — середина 30-х годов: Очерки. М., 1981. 367 с.
 81. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. 1930–1960-е годы: Очерки. М., 1982. 384 с.
 82. Историография Великой Октябрьской социалистической революции // Историография истории СССР. Эпоха социализма: М., 1982. [Учебник для вузов] (гл. 8. § 1. С. 173–177).
 83. Современная историография истории советского общества // История

- и историки: Историографический ежегодник. 1979. М., 1982. С. 252—257.
84. Изучение истории Великого Октября // Очерки истории исторической науки в СССР. V. М., 1985. С. 394—420.
85. Историографическое введение к историко-партийному исследованию // ВИ КПСС. 1985. № 1. С. 115—126.
86. Научный совет по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» // Исторический опыт Великого Октября: (К 90-летию акад. И. И. Минца): Сб. ст. М., 1986. С. 272—290.

Библиографии

87. *Ред.*: Великая Октябрьская социалистическая революция: Библиогр. указатель докум. публикаций. М., 1961. 372 с.
88. *Ред.* Советская страна в период гражданской войны 1918—1920: Библиогр. указатель докум. публикаций. М., 1961. 576 с.
89. *Ред.*: Проблемы истории в трудах В. И. Ленина: Материалы к указателю советской исторической литературы о В. И. Ленине как историке [Ротапр. Ин-т истории СССР АН СССР]. Изд. I—III (1968, 1969, 1973). 118 с., 167 с., 188 с.

Л. А. Молчанов

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е. А. ЛУЦКОГО
В ОБЛАСТИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И АРХЕОГРАФИИ
ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

(К 80-летию со дня рождения) ¹

8 декабря 1987 г. исполнилось 80 лет со дня рождения видного советского историка, крупного специалиста в области вспомогательных исторических дисциплин, члена партии с 50-летним стажем, талантливого педагога, прекрасного человека Е. А. Луцкого.

Сын известного революционера, активного борца за Советскую власть в Сибири и на Дальнем Востоке А. Н. Луцкого, Евгений Алексеевич посвятил свою жизнь исторической науке, источниковедению истории советского общества, разработке методики источниковедческого анализа.

Научной деятельностью Луцкий занимается 55 лет. Еще на студенческой скамье, в семинарах профессора А. В. Шестакова, у него зародился прочный интерес к истории Октябрьской революции. После окончания историко-экономического отделения МГПИ Евгений Алексеевич в аспирантуре Музея революции СССР под руководством Шестакова подготовил и в 1940 г. защитил диссертацию о крестьянском восстании в Тамбовской губернии в сентябре 1917 г., которое было особо выделено В. И. Лениным среди других крестьянских восстаний осени 1917 г.

По окончании аспирантуры Луцкий занимался научно-организационной, педагогической и партийной работой. С 1947 г. по настоящее время работает в МГИАИ, в котором с 1960 по 1976 г. возглавлял кафедру вспомогательных исторических дисциплин.

Луцким опубликовано более 170 печатных работ. Среди них — пять учебных пособий и более 160 статей и рецензий. Основной сферой научно-исследовательской деятельности Евгения Алексеевича стало широкое и обстоятельное изучение аграрного вопроса в Октябрьской революции. Ключевая тема исследований — декрет «О земле». Ученый дал всеобъемлющий, глубокий анализ декрета и показал, что в нем нашла отражение ленинская концепция перехода советского крестьянства к социализму в конкретных социально-экономических условиях России того времени. В своих статьях, докладах и особенно в докторской диссертации «Источники Ленинского декрета „О земле“», защищенной в 1970 г., Луцкий проанализировал источники декрета, доказав, что в его основе лежат аграрная политика большевиков, разработанная В. И. Лениным, документы крестьянского правотворчества — крестьянские наказания, отразившие представления многомиллионного российского крестьянства о новых справедливых принципах землеустройства и формах землепользования, а также резолюции и постановления большевистской партии и Советов накануне Октябрьской революции.

Изучив источники декрета «О земле», Луцкий восстановил историю его подготовки и утверждения, начиная с этапа работы Ленина над проектом декрета в сентябре 1917 г. и кончая оформлением и редактиро-

¹ Биография ученого достаточно подробно изложена в статье Ю. Я. Рыбакова «К 60-летию Е. А. Луцкого» (АЕ за 1967 год. М., 1969). Мы, в основном остановившись на роли и вкладе Е. А. Луцкого в развитие советской исторической науки, источниковедения, археографии.

ванием Владимиром Ильичем текста документа после его обсуждения на заседаниях ЦК РСДРП(б) и фракции большевиков II Всероссийского съезда Советов. Ученый показал, что в основе декрета, принятого этим съездом, лежит проект, составленный Лениным.

Анализируя декрет «О земле», Луцкий проявил себя крупным специалистом в области текстологии. Изучение осложнялось тем, что автограф, черновой вариант и официальная копия декрета не сохранились, а поэтому научное воспроизведение его текста было сильно затруднено. В первых публикациях декрета встречались тексты с большими разночтениями. Луцкий, используя методику профессора С. Н. Валка, продолжил работу над декретом. Он сгруппировал все известные публикации декрета, сопоставил их между собой и с данными по истории подготовки этого документа, а также с его источниками и после тщательного изучения доказал, какие именно публикации и в какой мере воспроизводят текст ленинского декрета. Им была убедительно подтверждена точка зрения Валка о том, что публикации газет «Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» и «Рабочий и солдат» наиболее точно воспроизводят подлинный текст декрета. Благодаря плодотворной работе Валка и Луцкого в 5-м, Полном собрании сочинений В. И. Ленина (в отличие от предыдущих) был опубликован полный текст декрета, не нарушающий структуру протографа².

Луцкий провел также политический, социально-экономический и юридический анализ содержания декрета «О земле». Он показал, что отмена частной собственности на землю, переход земли в распоряжение волостных земельных комитетов и Советов крестьянских депутатов, передача конфискованных земель крестьянству, установление нового положения пользования земельными угодиями, основанного на принципах уравнительности, создавало такой порядок землепользования, который был наиболее гибким для перехода к социализму.

Вместе с изучением декрета «О земле» Луцкий исследовал другие аспекты аграрной революции в России, которые, в свою очередь, оказывали плодотворное влияние на изучение самого декрета. Евгений Алексеевич ввел в научный оборот новые источники по истории аграрного вопроса Советской России (анкетные обследования Наркомзема и губземотделов 1918 г., акты и описи приема имений и др.) и разработал методику их изучения. На основе анализа этих и других документов он статистически доказал, что осуществление декрета «О земле» революционным крестьянством происходило организованно, под руководством партии коммунистов, а не путем стихийного разгрома помещичьих имений, как об этом еще до сих пор пишут буржуазные историки.

Луцким изучались другие законодательные и нормативные документы, касающиеся разрешения аграрного вопроса в Советской России. Разбор и анализ инструкции о волостных земельных комитетах от 31 октября 1917 г., положения о земельных комитетах, утвержденного не позднее 12 декабря 1917 г., основного закона о социализации земли от 27 января 1918 г., инструкции для проведения в жизнь закона о социализации земли от 11 апреля 1918 г. и других постановлений, инструкций и циркуляров СНК и Наркомзема помогали более обстоятельно понять содержание декрета «О земле» и проясняли, как формы аграрного правотворчества крестьянства, выработанные в ходе буржуазно-демократической революции, в условиях социалистических преобразований наполнялись новым содержанием.

Большой вклад внес Луцкий в развитие Ленинианы. Евгений Алексеевич всегда считал, что подлинно научное изучение трудов Ленина возможно только в результате их последовательного источниковедческого анализа. Проведенное им исследование ленинских произведений 1917 г.,

² Впервые текст декрета в этой редакции был опубликован Валком (Декреты Октябрьской революции. М., 1933. Т. 1; ДСВ. М., 1957. Т. 1.

которые предшествовали созданию декрета «О земле», выяснение вопросов их происхождения и содержания, определение тематической структуры и круга используемых источников вскрыли значение этих работ Ленина для изучения разработки им аграрно-крестьянского вопроса, подготовки декрета «О земле».

Собрав, систематизировав и обобщив все высказывания Ленина об аграрных преобразованиях в Советской России, Луцкий впервые в советской историографии показал роль В. И. Ленина как первого историка декрета «О земле», советского аграрного законодательства, аграрной революции в России. В работах Луцкого труды Ленина были разбиты на три группы. К первой отнесены ленинские произведения, представляющие собой, в сущности, источники по истории аграрной революции и советского аграрного законодательства. Ко второй группе — произведения историко-исследовательского характера с обобщениями и выводами по данным вопросам. В третью группу выделены работы и произведения Ленина, разбирающие и критикующие точки зрения по этим проблемам идейных и политических противников Ленина, т. е. историографические работы.

Разбирая произведения Ленина в хронологическом порядке, Луцкий проследил последовательность изменения тематики ленинских высказываний и замечаний по истории аграрной революции и советского аграрного законодательства, углубление его обобщений и выводов по данной теме, наметил периодизацию изучения этих вопросов вождем революции, предложил методические рекомендации по источниковедческому анализу произведений Ленина, касающихся данной проблематики.

Труды Луцкого представляют собой образцы источниковедческого анализа самых разных по характеру и виду документов. На них молодые ученые-источниковеды учатся всесторонне исследовать письменные источники, проникая в самую их суть. В работах, посвященных исследованию крестьянских наказов о земле как одного из источников ленинского декрета «О земле», Луцкий определил основные приемы изучения наказов. Опираясь на указания В. И. Ленина, он провел систематизацию основных требований, содержащихся в наказах, и показал, какое отражение эти требования нашли в опубликованном 19 августа 1917 г. на страницах эсеровской газеты «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов» Примерном наказе, второй раздел которого полностью вошел в текст декрета «О земле». Для этого Луцким были проведены сравнительное изучение и анализ содержания 66 наказов, помещенных в указанной газете летом 1917 г., и 151 наказа, опубликованного в советское время, а также крестьянских наказов о земле и земельных законопроектов трудовиков и эсеров первой русской революции, которые оказали большое влияние на указы крестьян 1917 г.

Анализ ленинского литературного наследия, источниковедческое изучение крестьянских наказов, текстологический разбор декрета «О земле» и других законодательных и нормативных актов советского аграрного права позволили Луцкому обосновать ответы на вопросы о соотношении декрета «О земле» и аграрной программы большевиков, о сущности национализации земли в Советской России, о значении декрета для перехода крестьян к социалистическим формам хозяйствования. Глубокое понимание ленинской методологии, в частности указаний В. И. Ленина о необходимости отличать форму изложения от экономической подкладки, от объективного содержания аграрных программ позволило исследователю раскрыть кажущееся внешнее противоречие выводов Ленина о том, что, с одной стороны, большевики против социализации земли, за которую ратовали эсеры, а с другой, что проведение уравнительного перераспределения земли не противоречит программным установкам большевиков.

Луцкий доказал, что, хотя лозунг уравнительного землепользования не отвечал конечным целям коммунистов в преобразовании аграрных отношений, В. И. Ленин считал возможным осуществить его не только

потому, что такова была воля большинства крестьянства России, но и потому, что уравнильное землепользование не могло помешать развитию социализма в деревне и являлось «одной из переходных мер»³ к социалистическим формам хозяйствования, в результате осуществления которой создавалась экономическая основа для политического союза рабочего класса, стоящего во главе Советского государства, и крестьянства, самого многочисленного класса России того времени.

Целям более глубокого изучения ленинского литературного наследия было подчинено у Луцкого исследование им воспоминаний о жизни и деятельности В. И. Ленина. В статьях, посвященных мемуарным источникам о заседании ЦК РСДРП(б) 24–25 октября 1917 г. и воспоминаниям Г. К. Орджоникидзе о последнем подполье Ленина в июле 1917 г., он провел анализ происхождения и содержания этих материалов и показал их значение как исторического источника о руководстве Ленина партией в период подготовки и проведения Октябрьской революции.

Значительный вклад внес Луцкий в историографию советской археологии. Помимо всестороннего изучения истории публикации декрета «О земле», он исследовал вопросы подготовки к изданию, состав и содержание первого советского сборника документов, первого советского тематического сборника произведений В. И. Ленина и первых публикаций документов крестьянских организаций периода Великой Октябрьской социалистической революции. Он показал, что первым советским сборником документов следует считать изданную в ноябре 1917 г. брошюру В. И. Ленина «Как обманули народ социалисты-революционеры и что дало народу новое правительство большевиков», в которую были включены статья Ленина «Новый обман крестьян партией эсеров», декрет «О земле» и законопроект эсеровского министра Маслова о земле.

Луцкий известен научной общественности и как историограф и библиограф. Для программы курса лекций по историографии истории СССР, который готовился в МГИАИ в конце 50-х — начале 60-х годов, им был написан раздел о советской историографии: Позднее для учебника по историографии, подготовленного в том же институте, он написал пять глав, охватывающих развитие советской историографии с 1917 по 1945 г. Наряду с разработкой историографических проблем Луцкий подготовил новый лекционный курс по исторической библиографии. Им было издано три учебных пособия о библиографическом аппарате в историческом исследовании и о библиографии произведений В. И. Ленина и литературе о В. И. Ленине.

Луцкого, ученого и человека, всегда отличают научная добросовестность, принципиальная честность и высокое чувство ответственности к самому себе, своему труду. Он справедливо считает, что издание скороспелых работ недопустимо, так как отрицательно сказывается на развитии советской исторической науки. Эта требовательность проявилась и при подготовке докторской диссертации Евгения Алексеевича, которая прошла несколько этапов. На каждом этапе тематика работы сужалась, а глубина и фундаментальность исследования увеличивались. Он сузил рамки своей работы от изучения всего аграрного законодательства Октябрьской революции до анализа одного декрета. И на защиту было представлено капитальное исследование, многоплановость, оригинальность и новизна которого вызвали многочисленные положительные отзывы историков.

Научно-исследовательская работа Луцкого всегда была самым тесным образом связана с научно-педагогической. С 1942 г. по настоящее время под его руководством подготовлено и защищено 50 диссертаций, из них 16 — по источниковедению. Ученики Евгения Алексеевича могут смело сказать, что годы подготовки диссертации стали для них временем подлинного научного роста. Консультации и беседы с ним, работа по обсуждению и доработке диссертации навсегда останутся в памяти его уче-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 103.

ников как примеры подлинно научного обсуждения проблем, как уроки профессионального мастерства. Луцкий прививает своим подопечным любовь к труду историка-источниковеда, учит широко осмысливать и глубоко исследовать избранную ими тему, усваивать навыки историко-ведческого анализа, щедро делится своим богатым опытом.

Многие из бывших диссертантов Луцкого успешно ведут научную и педагогическую деятельность в самых разных уголках нашей страны. Восемь из них защитили докторские диссертации, стали видными советскими историками-аграрниками, источниковедами: В. Ф. Антонов, А. А. Говорков, И. А. Залесский, В. Р. Копылов, В. И. Кострикин, А. Д. Малявский, Д. В. Ознобишин, Б. А. Томап. Лучшая награда учителю — успешная работа учеников, которые продолжают его дело, разрабатывают новые темы, вносят достойный вклад в развитие советской исторической науки.

К своему 80-летию Луцкий подошел, полный обширных научных замыслов и исследовательских планов. Он является членом Бюро и редколлегии Дальневосточной секции историко-литературного объединения старых большевиков, членом Бюро Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», а также членом Археографической комиссии АН СССР.

Кроме изучения советского декрета «О земле», Луцкий в последнее время уделяет много внимания исследованию проекта закона о земле Учредительного собрания. В изданных статьях он основательно разобрал вопросы о ходе подготовки проекта, критически проанализировал его содержание и доказал, что указанный проект представляет собой план буржуазно-радикальной реформы. Неосуществимый план, так как в России после победы Октябрьской революции не было общественно-политических сил, которые могли бы воплотить его в жизнь. Сельская буржуазия, выразителем интересов которой были эсеры, не имела возможностей реализовать свою реформу, так как промышленная, торгово-финансовая буржуазия и помещики были против отмены частной собственности на землю и ликвидации крупного землевладения, а широкие массы беднейшего и среднего крестьянства выступали против земельного проекта закона Учредительного собрания: он не давал им всей земли с инвентарем и срывал уравнительный передел, ограждая от него кулацкие земли.

Луцкий продолжает исследования Ленинианы. Он работает над историко-ведческим анализом ленинских произведений периода подготовки и осуществления Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Еще одним направлением работы является история революции и гражданской войны на Дальнем Востоке. Он исследует историю борьбы большевиков Приморья и Восточной Сибири с белогвардейцами и интервентами и участия в ней своего отца. Евгений Алексеевич готовит для издания книгу об А. Н. Луцком.

Каждый день Е. А. Луцкого наполнен упорным трудом. Занятия историей составляют внутреннюю потребность, являются делом его жизни, придают ей смысл и цель.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Е. А. ЛУЦКОГО ¹

Анализ источников Декрета о земле // Источниковедение истории Великого Октября. М., 1977. С. 123–145.

Поражение эсеров в аграрной революции 1917–1918 гг. // Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917–1922 гг. М., 1977. Ч. 2. С. 55–65.

Документы А. В. Шестакова по работе большевиков среди крестьянства в 1905 г. // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 115–121.

¹ Список трудов Е. А. Луцкого по 1977 г. включительно был опубликован к 70-летию ученого (АЕ за 1977 год. М., 1978). Мы укажем работы 1977 г., не учтенные в этом списке, а также работы, опубликованные с 1978 по 1986 г.

К критике русской буржуазной историографии истории аграрных преобразований Октябрьской революции // Великий Октябрь и революционное движение в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1978. С. 20–26.

Ред.: Программа по историографии истории СССР. М., 1978. 43 с. (совм. с В. Е. Иллерицким).

Крестьянство и аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции. Развитие проблемы в советской историографии // Из истории крестьянства Европейского Севера, Верхнего Поволжья и Урала в период Великой Октябрьской социалистической революции и победы социализма в СССР (1917–1977 гг.). Киров, 1979. С. 3–11.

Публикации воспоминаний А. В. Шотмана о последнем подполье В. И. Ленина // СА. 1979. № 3. С. 29–34.

Чл. редкол.: Ленинский Декрет о земле в действии: Сб. ст./Отв. ред. академик И. И. Минц. М., 1979. 311 с.

Ленинский Декрет о земле. Там же. С. 11–47.

Историография истории СССР в годы Великой Отечественной войны. История СССР. 1980. № 3. С. 104–119 (совм. с В. А. Муравьевым).

Мемуарные источники о заседании ЦК РСДРП(б) 24–25 октября 1917 г. // СА. 1980. № 4. С. 26–31.

Современная советская историография истории аграрных преобразований Великого Октября // Великий Октябрь в советской и зарубежной исторической литературе. Тбилиси, 1980. С. 106–117.

Член Военного Совета (А. Н. Луцкий) // За советский Дальний Восток. Владивосток, 1982. Кн. 2. С. 140–150.

Раздел I. Историография отечественной истории в годы борьбы за построение социалистического общества в СССР (1917 г. — середина 30-х годов); раздел II. Советская историография истории СССР в годы упрочения и развития социалистического общества (середина 30-х — конец 50-х годов). Гл. 4, 5 (Совм. с В. А. Муравьевым) // Историография истории СССР: Эпоха социализма. Учебник. М., 1982. С. 23–133.

Проект закона о земле Всероссийского Учредительного собрания (1917–1918 гг.) // ВИД. 1982. № 13. С. 90–108.

Рец. на кн.: Малявский А. Д. Крестьянское движение в России в 1917 г., март–октябрь (М., 1981. 400 с.) // ВИ. 1983. № 7. С. 138–140.

Источники об аграрной политике партии эсеров во время созыва Учредительного собрания (1918 г.) // Теория и методы источниковедения и вспомогательных дисциплин: Межвуз. сб. М., 1985. С. 175–184.

Чл. редкол.: Актуальные проблемы историографии строительства социализма в СССР: Межвуз. сб. науч. трудов. Иваново, 1985. 116 с.

Русская буржуазная литература о характере Октябрьской революции (1917–1920-е годы) // Там же. С. 25–35.

Рец. на кн.: Орлов В. С., Султанова Е. А. Съезд восставшего и победившего народа (Л., 1982. 206 с.) // ВИ КПСС. 1985. № 3. С. 137–139.

Заседание ЦК РСДРП(б) ночью 24–25 октября 1917 г. // ВИ КПСС. 1986. № 11. С. 81–90.

Тихомировские чтения 1987 года

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

Традиционные Тихомировские чтения, ежегодно проводимые Археографической комиссией АН СССР, на этот раз были посвящены проблемам изучения истории Великого Октября. Заседание открыл председатель комиссии *С. О. Шмидт*, отметивший, что М. Н. Тихомиров придавал большое значение работе исследователей с архивными материалами, вопросам археографии и смежных научных дисциплин, и свое отношение он завещал нам.

Естественно, что в год 70-летнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции темой Тихомировских чтений стали проблемы, связанные с изучением Октября.

Затем был заслушан доклад *Е. Н. Городецкого* (Институт истории СССР АН СССР) «Актуальные вопросы историографии и источниковедения Великого Октября». Макроклимат 1985–1987 гг. создал совершенно новые условия для исследовательской работы по истории Октября. Но мы начинаем не с «нуля». За последние два десятилетия созданы крупные монографии и коллективные обобщающие труды по важнейшим проблемам истории Октябрьской революции, опубликованы многие документы. Успешно разрабатывалась история классов и политических партий в трех российских революциях. Создана крупная серия коллективных трудов по истории Октября в важнейших регионах СССР. Сформировались направления по изучению истории Советов, защиты завоеваний революции. Впервые была предпринята пофондовая публикация протоколов и документов по истории Петроградского ВРК, публикации протоколов районных Советов Петрограда, многочисленные местные публикации во всех республиках и почти во всех областях страны. Созданы источниковедческие труды по истории Октября, изучены протоколы Совнаркома, Президиума ВЦИК и др.

Однако надо признать, что микроклимат в исторической науке меняется медленно. Существует определенная недооценка объема и глубины демократических задач, разрешенных Великим Октябрем. Такая недооценка снижает народный характер социалистической революции. С этим связано и слабое исследование таких проблем, как сочетание пролетарской революции с крестьянской войной, роль городских средних слоев в революции, додекретное творчество народных масс в таких областях государственной жизни, как строительство вооруженных сил, суд, формирование Советской Конституции, т. е. творчество, проходившее не в кабинетах, а в недрах самих масс. Необходимо шире использовать сравнительно-исторический метод при исследовании Великого Октября и последующих революций в Европе, Азии, Латинской Америке. История революции не может быть обезличенной. Дело не только в том, чтобы вернуть истории незаслуженно вычеркнутые имена, но и в том, чтобы восстановить связанные с этими именами события. Необходимо освободиться от теории «чистой пролетарской революции», без стихийных взрывов, без привлечения различных попутчиков, без поисков, ошибок и их преодолений на пути первопроходцев, строивших новое социалистическое общество. История непролетарских политических партий изучалась несколько односторонне — не как процесс их возникновения и развития, а с точки зрения конечного результата — их политического краха. Существует ошибочный взгляд, что все источники по истории Октября уже

собраны и учтены в государственных и партийных архивах. В действительности имеются еще огромные возможности для поисков личных архивов участников революции. До сих пор не решен вопрос о публикации корпуса источников по истории Октября. Не изданы протоколы Ленинского Совнаркома (обязательно с приложениями), протоколы Коллегии ВСНХ, Наркомпроса, других наркоматов. Важная задача — фототипическое издание большевистских и советских газет за 1917 г., протоколов ВЦИК II—V созывов, II—V Съездов Советов.

В докладе *Р. М. Савицкой* (ИМЛ) «Произведения В. И. Ленина периода подготовки Октября (март — октябрь 1917 г.)». Вопросы археографии и источниковедения» сообщалось, что после завершения 5-го издания Сочинений В. И. Ленина в 1965 г. Институт впервые опубликовал еще 31 ленинский документ периода весны — осени 1917 г.: выписки из иностранных газет о событиях в России и о Петроградском Совете рабочих депутатов, три письма В. И. Ленина И. Ф. Арманд; полностью опубликована записка издателю книги «Государство и революция». В Биографической хронике В. И. Ленина введено в научный оборот восемь новых фактов из жизни В. И. Ленина в подполье в июле-августе 1917 г. Источником для введения новых и уточнения старых фактов послужила копия хранящегося в Стокгольме дневника финского социал-демократа К. Вийка. В Биографической хронике нашли отражение все документы В. И. Ленина периода подготовки Октября, в том числе и те 60, которые не вошли в Сочинения (некоторые из них публиковались ранее в Ленинских сборниках). Должна быть продолжена работа по археографическому и источниковедческому изучению тех ленинских произведений, которые еще не подвергались такому исследованию. Нуждаются в специальном источниковедческом анализе также протоколы Петроградской общегородской, VII (Апрельской) Всероссийской конференций и ЦК РСДРП(б), содержащие выступления В. И. Ленина. Почти не изучена с источниковедческой точки зрения также большевистская печать периода февраля — октября 1917 г.

Доклад *Б. И. Каптелова* (ЦГАОР СССР) ознакомил присутствующих с большой работой по составлению каталога опубликованных источников по истории Октября. Справочник учитывает все существующие публикации по материалам центральных и местных государственных архивов СССР (в том числе и в периодических и популярных изданиях), имеющие ссылки на место хранения документов. Этими сведениями, заложенными в память счетно-вычислительной машины, могут пользоваться исследователи.

Выступивший в прениях *К. Ф. Шацлло* (Институт истории СССР АН СССР) подчеркнул, что все предшествующие перестройки в исторической науке были неосновательны и недолговременны, так как проводились под влиянием решений сверху. Сейчас идет перестройка глубокая, но в исторической науке она только еще начинается. Для того, чтобы избавиться от ошибок, надо прежде всего открыть доступ к источникам; установить срок секретности документов (разный для каждого архива).

В качестве примера неоправданной засекреченности был приведен «Правский архив» — ценнейший источник по истории революционного движения, кооптреволуции, по периоду империализма. Перестройка исторической науки возможна только путем изучения архивных материалов; историк не может создавать исследований, не видя документов, в этом ему должны содействовать архивные работники. С ним согласилась *Ю. В. Андрияштитте* (АК), отметившая, что в современных условиях у работников архивов должен изживаться стереотип страха по отношению к документам, которые совершенно не опасны. Это наша общая проблема, которую надо продвигать совместными усилиями. Больше внимания надо уделять розыску новых материалов по истории Октября и их публикации. *В. А. Черных* (АК) высказал мнение о необходимости совместными усилиями ИМЛ, ЦГАОР и Академии наук создания «Советского

«биографического словаря», который бы мог объективно отразить данные обо всех участниках революции. Сейчас один из основных недостатков истории Октября и советского периода — безымянность. *А. А. Курнос-вым* (АК) было выдвинуто предложение скооперироваться ГАУ, МГИАИ, Археографической комиссии, музеям для сбора у населения и публикации источников по новейшему времени.

Подводя итоги заседания, *С. О. Шмидт* выразил удовлетворение, что предложение об установлении определенного срока давности документов находит поддержку и у архивных работников (в частности, у *Б. И. Каптелова*). Ведь речь идет не о военных и государственных тайнах, а о политических документах, изучение которых особенно необходимо в условиях перестройки и гласности. Необходимо больше привлекать ученых к работе над открытием архивов, популяризировать архивные материалы.

Н. А. Охотина

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

С. О. Вялова

ГЛАГОЛИЧЕСКИЕ РУКОПИСИ XI—XVI вв. В ХРАНИЛИЩАХ СССР

В хранилищах Ленинграда, Москвы, Киева и Одессы находятся ценнейшие памятники славянской письменности — глаголические рукописи. Попали они сюда в составе собраний ученых XIX в., занимавшихся коллекционированием и изучением древнего славянского рукописного наследия.

Усиленному собиранию памятников славянской письменности, приведшему к важным находкам целого ряда глаголических рукописей, способствовали все возрастающий в XIX в. интерес к истории славянской культуры, изучению двух славянских алфавитов (кириллицы и глаголицы) и вызванные этим поездки ученых в славянские земли.

В числе первых можно назвать одного из основателей русского славяноведения — П. И. Прейса (1810—1846), изучавшего глаголические памятники во время заграничной командировки 1839—1842 гг. Недавно в его архиве были обнаружены три пергаменных листа Бrevиария XIV в., написанного хорватской (угловатой) глаголицей. Их описание в настоящее время подготавливается к публикации автором предлагаемого обзора.

Отметим особо собрание профессора казанского и новороссийского университетов В. И. Григоровича (1815—1876), которого И. В. Ягич называет «смелым и счастливым путешественником»¹. В бытность свою в 1844—1847 гг. в славянских землях он собрал превосходную коллекцию славянских памятников, в том числе и глаголических. И. И. Срезневский писал, что «по его рукописям я почти что начал заниматься глаголической письменностью и при этом пользовался его указаниями и объяснениями... Он был предан глаголице как религиозной святыне, готов был всякого вводить в ее таинства»².

Основная коллекция Григоровича после его смерти была приобретена Румянцевским музеем и хранится теперь в ОР ГБЛ (ф. 87). В ее составе находится знаменитое «Мариинское евангелие» тетр начала XI в., 171 л. (Григ. 6/М. 1689), обнаруженное Григоровичем в скиту св. Богородицы на Афоне в 1845 г.³ Часть рукописей своего собрания (61) он передал в дар Новороссийскому (ныне — Одесскому) университету в мае 1865 г. в дни его открытия. В их числе были и отрывки «Охридского евангелия» апракос, или «Охридские глаголические листки» XI в. (2 л.), найденные им в Охриде в том же 1845 г. Теперь они находятся в Одесской государственной научной библиотеке (ОГНБ, 1/2 (532))⁴.

¹ Ягич И. В. Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1911. Вып. 3. С. 60.

² Срезневский И. И. На память об О. М. Бодянском, В. И. Григоровиче и П. И. Прейсе // Сб. ОРЯС. СПб., 1878. Т. XVIII. Вып. 6. С. 20.

³ Описание см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. № 14. (Далее: СК). Отрывок (2 л.) этой рукописи, известный под названием «Листки Михановича» (или «Листки Миклошича»), находится в венской Национальной библиотеке (Cod. slav., 146).

⁴ СК. № 13.

Еще раньше Григорович дарит Срезневскому (1812–1880) из своего собрания несколько глаголических отрывков: Паренесис Ефрема Сирина («Македонский глаголический листок») XI в., 1 л. (БАН, 24.4.15 /Срезн. 62), найденный им в Рыльском монастыре в Болгарии в 1845 г.⁵, и отрывок Поучения с молитвой о прощении грехов («Григоровичев листок») XI–XII вв., 1 л. (БАН, 24.4.17 /Срезн. 64)⁶. В 1910 г. они с рядом других глаголических рукописей уже в составе собрания Срезневского попадают в Библиотеку Академии наук в Петербурге. Это собрание содержит также: отрывок «Синайского служебника» XI в., 1 л. (БАН, 24.4.8 /Срезн. 55)⁷, привезенный в 1853 г. из монастыря св. Екатерины студентом Петербургской семинарии Николаем Крыловым (впоследствии протоиерей Н. П. Крылов, 1828–1905), сопровождавшим архимандрита Порфирия (Успенского) в его поездке на Синай (к Срезневскому он попал уже от статского советника Н. М. Михайловского, 1815–1877); так называемые «Листки глаголические», точнее — остатки их на деревянном переплете, XI в., 2 л. (БАН, 24.4.37 /Срезн. 84)⁸ и католический Бревиарий, написанный хорватской (угловатой) глаголицей, XIV–XV вв., 3 л., пергамен (БАН, 24.4.14 /Срезн. 61)⁹. Кроме того, в составе приобретенной Академией наук в 1839 г. библиотеки югославянского просветителя Вука Караджича (1787–1864) хранится и Сборник поучений Блаженного Иеронима, написанный также хорватской глаголицей, XV в., 73 л., пергамен (БАН, 16.17.35 /Акад.)¹⁰.

Семь знаменитых листков Миссала X–XI вв., получивших известность под названием «Киевских глаголических листков», передал в 1872 г. в Киевскую духовную академию знаток славянских памятников архимандрит Антонин (Капустин) (1817–1894). Получил он их в монастыре св. Екатерины на Синае, в библиотеке которого описывал славянские рукописи. Теперь Миссал хранится в ЦНБ АН УССР в Киеве (ДНБ, ДА/П. 328)¹¹.

Знакомству с одним из важнейших памятников глаголической письменности «Зографским евангелием» тетр, XI в., 304 л., ученые России обязаны П. И. Севастьянову (1811–1867) — собирателю памятников славянской и византийской письменности и искусства. Во время своей поездки на Афон 1857–1858 гг. он сделал фотокопии рукописи¹², а позже получил и сам памятник от монахов Зографского монастыря в дар Александру II, передавшему его в 1861 г. в Публичную библиотеку в Петербурге (ГПБ, Глаг. 1)¹³. В собрании Севастьянова, хранящемся в ОР ГБЛ (ф. 270), находится и Бревиарий 1443 г. («Московский Бревиарий»), написанный крупной угловатой (хорватской) глаголицей в двух переплетах (245 л. и 250 л.), пергамен (ГБЛ, ф. 270, П, № 51. 1–2/М. 1481. 1–2)¹⁴.

С собранием епископа Порфирия (Успенского) (1804–1885), одним из самых разнообразных и богатых собраний рукописных книг, значительно пополненным при описании им рукописей монастырей на Афоне и Синае в период 1847–1854 гг., Публичная библиотека в 1883 г. приобрела отрывок глаголического «Синайского служебника» XI в., 2 л.

⁵ СК № 25.

⁶ СК № 44.

⁷ СК № 34.

⁸ СК № 19.

⁹ Пергаменные рукописи БАН СССР. Описание русских и славянских рукописей XI–XVI в. Л., 1976. С. 185–186.

¹⁰ Там же. С. 204.

¹¹ СК № 1. Факсимильное издание: *Німчук В. В.* Київські глаголичні листки. Найдавніша пам'ятка слов'янської писемності. Київ, 1983.

¹² О его коллекции и мастерстве изготовления фотокопий рукописей см.: *Довгало Г. И.* Петр Иванович Севастьянов. 1811–1867 // Рус. речь. 1983. № 1. С. 106–110.

¹³ СК № 15.

¹⁴ *Викторов А. Е.* Собрание рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881. С. 75–77; см. также: *Ягич П. В.* Глаголическое письмо. С. 160.

(ГПБ, Глаг. 2) ¹⁵. Обнаруженный на Синае отрывок (1 л.) глаголического требника — «Синайский евхологий» XI в. — был передан в дар Публичной библиотеке в 1985 г. профессором казанского университета Н. П. Кондаковым (1844—1925) (ГПБ, Глаг. 3) ¹⁶.

Пять отрывков глаголических кодексов XIII—XIV вв. из собрания председателя Общества любителей древней письменности П. П. Вяземского (1820—1888) поступили в Публичную библиотеку в 1932 г. вместе с фондом этого общества. Это отрывки XIII в. хорватского (угловатого) глаголического письма (по одному листу каждый): Псалтири (псалом 67, стих 6 и след.), Послания апостола Павла к римлянам, Бrevиария ¹⁷ и отрывок не определенного из-за незначительной величины текста (ГПБ, ОЛДП, F. 166 (2000)) ¹⁸. Пятый отрывок — один лист Бrevиария XIV в., также написан хорватской (угловатой) глаголицей (ГПБ, ОЛДП, F. 168 (2003)) ¹⁹.

В 1874 г. Публичной библиотекой была приобретена одна из крупнейших коллекций рукописных и старопечатных глаголических памятников далматинского слависта Ивана Берчича (1824—1870), собранная им в середине прошлого века для изучения глаголического письма и написанного глаголицей славянского перевода Библии. Рукописную ее часть составляют пять кодексов: Обрядник 1509 г., 33 л., пергамен (ГПБ, Берч. 2) и Обрядник 1514 г., 72 л., пергамен (ГПБ, Берч. 1), переписанные Шимуном Климантовичем; рукопись 1556 г., включающая проповедь «О почитании святого воскресения» работы писца Петра Милутинича (последние ее листы представляют собой проповедь о жизни Иисуса, написанную поздним глаголическим курсивом), 34 л., бумага (ГПБ, Берч. 3); Обрядник ордена францисканцев, переписанный монахом Андреем Чучковичем в 1529 г., 6 л., пергамен (ГПБ, Берч. 4) и сборник текстов «традиционного содержания» XV в., 7 л., пергамен (ГПБ, Берч. 5) ²⁰. Кроме того, два тома пергаменных фрагментов, главным образом Миссалов и Бrevиариев (около 200, из них один — бумага) XIII—XVI вв. (ГПБ, Берч. 1 и 2) ²¹, и 53 рукописи XV—XVIII вв., написанных глаголическим курсивом (завещания, акты о продаже земли, проповеди и др.) ²². Весь этот комплекс материалов хорватского происхождения и написан угловатой глаголицей. Уже одно перечисление памятников свидетельствует о том, что находящиеся в собраниях ОР ГПБ глаголические рукописи составляют одну из лучших такого рода коллекций не только советских, но и европейских хранилищ. Среди известных к настоящему времени коллекций, включающих глаголические рукописи, надо назвать еще превосходное собрание А. Д. Черткова (1789—1858) — президента ОРЯС, историка, слависта, археолога — собрание, в составе которого в ГИМ хранится католический Миссал XVI в., написанный хорватской (угловатой) глаголицей, 17 л., пергамен (ГИМ, Чертк. 387) ²³. Таким образом, благодаря собирательской деятельности ученых, эти глаголические памятники сохранены для исследователей и обрели в нау-

¹⁵ СК. № 35.

¹⁶ СК. № 36.

¹⁷ Х. М. Лопарев употребляет термин «Часослов» (Лопарев Х. М. Описание рукописей имп. Общества любителей древней письменности. СПб., 1892. Ч. 1. С. 318).

¹⁸ СК. № 319.

¹⁹ Лопарев Х. М. Указ. соч. С. 318; см. также: Вялова С. О. Глаголические материалы Отдела рукописей и редких книг ГПБ // ВИД. М., 1983. Т. XIV. С. 272—273.

²⁰ Трофимкина О. И. Иван Берчич и его собрание глаголических рукописных и старопечатных книг, хранящихся в ГПБ // Книги. Архивы. Автографы. М., 1973. С. 130—135; Вялова С. О. Глаголические материалы. С. 274—275.

²¹ СК. № 318.

²² Вялова С. О. Неизвестные глаголические и кириллические памятники собрания Ивана Берчича в ОРЯС ГПБ // Сов. славяноведение. 1980. № 2. С. 63—74; Она же. Рукописи собрания Ивана Берчича. Каталог. М., 1982. Вып. 1. С. 3—37 (ротапр.).

²³ Щепкина М. В., Протасьева Т. Н. Сокровища древней письменности и старой печати. Обзор рукописей русских, славянских, греческих, а также книг старой печати Гос. исторического музея. М., 1958. С. 65.

ке вторую жизнь; они служат изучению славянской письменности, языка и литературы ²⁴.

Данный обзор не может претендовать на полноту сведений о находящихся в хранилищах СССР глаголических рукописях. Не исключена возможность выявления еще неописанных и неучтенных памятников.

²⁴ Кроме памятников, целиком написанных глаголицей, известны кириллические рукописи, в которых употреблено глаголическое письмо. Они являются темой самостоятельного обзора.

П. Гофман

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. Н. РАДИЩЕВА В КОММЕРЦ-КОЛЛЕГИИ (Обзор материалов) *

До сих пор биография Радищева исследована в статьях, посвященных его жизни, неравномерно. Пожалуй, лучше всего известны его студенческие годы в Лейпциге, а также время процесса и ссылки в Сибирь ¹. Несколько меньше мы знаем о его деятельности на государственной службе. После возвращения из Лейпцига Радищев был назначен в Сенат 9 декабря 1771 г.; в мае 1773 г. он перешел по собственному желанию на военную службу в качестве обер-аудитора (военного прокурора) ². Весной 1775 г. Радищев ушел в отставку с государственной службы, как значится в официальных документах, «за домашними нуждами» ³. Уже 1 сентября 1776 г. он просил вновь определить его на службу. Однако прошло более года, прежде чем он был назначен в Коммерц-коллегию указом от 22 декабря 1777 г. ⁴ Два года — 1778 и 1779 — Радищев был членом этой коллегии и уже занимался прежде всего таможенными делами. При реорганизации губернских правлений многие задачи, до сих пор лежащие в компетенции центральных инстанций, были переданы новым управлениям. Радищев перешел в казенную палату Петербургской губернии, которой подчинялись все областные таможенные учреждения. Здесь он стал заместителем, а позже преемником советника таможенных дел Петербургской губернии Германа Юрьевича Даля. Восемь документов, опубликованных в собрании сочинений Радищева ⁵, уже дают о его деятельности там впечатляющую картину, дополненную затем в сочинении Старцева ⁶. Мы знаем, что Радищев принимал активное участие в реформе таможенного законодательства и в разработке новых таможенных тарифов.

Предлагаемый здесь материал за 1778 и 1779 гг. доказывает, что Радищев приступил к работе в таможене всесторонне подготовленным. До сих пор как раз об этих двух годах в биографии Радищева было очень мало известно. В наиболее подробной на сегодня биографии Радищева, написанной Г. П. Макогоненко, этот период лишь упомянут ⁷. Деятельность Радищева в Коммерц-коллегии впервые обстоятельно исследовал Старцев. В своей монографии «Радищев в годы „Путешествия“» он пришел к следующему выводу: «Этот важнейший в биографическом отноше-

* Пер. Н. А. Долдобановой.

¹ Ср.: Hoffmann P. Stand und Aufgaben der Radiščevforschung // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR. Berlin, 1961. Bd. 5. S. 376, 378; Тарарунцев А. Г. А. Н. Радищев в Лейпциге: К 225-летию со дня рождения // Zeitschrift für Slawistik. 1974. Bd. XIX. Heft 5. S. 629—649.

² Старцев А. И. Радищев в годы «Путешествия». М., 1960. С. 9, 13 (там же указание на старую литературу). Здесь и далее даты даются по старому стилю.

³ Там же. С. 37.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. М.; Л. 1952. Т. 3. С. 51 и след. Комментар. С. 582 и след.

⁶ Старцев А. И. Указ. соч. С. 54 и след.

⁷ Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956. С. 211.

нии период в жизни Радищева освещен в радищевской литературе наименее подробно»⁸. Почти одновременно мною было высказано аналогичное заключение: «К сожалению, деятельность Радищева в Коммерц-коллегии ... как и прежде, наименее изучена»⁹. Таким образом, представленный здесь материал ликвидирует пробел в наших знаниях. Одновременно он помогает исправить распространенные в литературе неточные или ложные представления, которые, между прочим, встречаются в последней работе об этом периоде жизни Радищева — монографии Л. И. Кулаковой, Е. Г. Салиты, В. А. Западова «Радищев в Петербурге». Из просмотренных мною материалов, отдельные сведения которых относятся и к более поздним годам, следует, что Радищев не был «начальником» Петербургской таможни¹⁰. В соответствующих документах, когда утверждается влияние Радищева, говорится, например: «Сего числа, будучи в присутствии таможни, коллежский советник и кавалер Александр Николаевич Радищев словесно таможене рекомендовал»¹¹. Итак, Радищев дает таможене не распоряжения, как положено было бы делать начальнику, а рекомендации; в задачу советника таможенных дел входило координировать и контролировать работу, а не руководить ею непосредственно. Неверно также отождествление петербургской купеческой фамилии Радищевский, встречающейся в документах Петербургской таможни, с именем А. Н. Радищева¹². Авторов в данном случае должно было бы предостеречь то обстоятельство, что фамилия следовала без указания ранга и титула — совершенно невозможная в то время форма официального написания фамилии, что было бы равнозначно оскорблению¹³.

Чтобы оценить значение представляемых здесь впервые материалов, необходимо вкратце подвести итоги исследованию А. И. Старцева. Он изучил фонд Коммерц-коллегии в ЦГАДА и обнаружил различные ценные сведения. Так как этот фонд имеет пробелы, картина все же получается незавершенной¹⁴. В журнале коллегии регистрировалось, между прочим, и присутствие или причина отсутствия членов коллегии, заносились вопросы, подлежащие рассмотрению, и записывались принятые по ним решения. Протокол подписывался присутствующими членами коллегии. Документы могут не давать никаких сведений об участии отдельных членов Коллегии в обсуждении решения, так как оно проводилось устно. Но все были обязаны, согласно правилам, ознакомиться перед заседанием Коллегии с разбираемыми материалами. Старцев, основываясь на содержании журналов Коммерц-коллегии, доказывает, что Радищеву в 1778 и 1779 гг. давались различные задания: он бывал по поручению Коммерц-коллегии неоднократно в Сенате, Петербургском магистрате и в других коллегиях. Старцев подробно сообщает о зафиксированном в протоколах слушании дела против пяти браковщиков, не выполнивших своих обязанностей. Бракеровка была контролем за качеством товаров, идущих на экспорт, проводимым под государственным надзором экспертами, принявшими присягу. Она имела особое значение для торговли пенькой, смолой, дегтем и некоторыми другими товарами. Характерно, что протокол о слушании дела против пяти браковщиков не был подписан Радищевым, хотя другие протоколы за этот же день имеют его подпись¹⁵. Исходя из материалов источников, Старцев доказывает, что Радищев с декабря 1778 г. по март 1779 г. находился в длительном отпуске. Этим

⁸ Старцев А. И. Указ. соч. С. 40.

⁹ Hoffmann P. Stand und Aufgaben... S. 377.

¹⁰ Кулакова Л. И., Салита Е. Г., Западов В. А. Радищев в Петербурге. Л., 1976. С. 109. Ср.: Макогоненко Г. П. Радищев и его время. С. 212.

¹¹ ЦГИА СССР. Ф. 138. Оп. 6. Д. 534. Л. 177 об. (Запись от 14 апр. 1790 г.).

¹² Кулакова Л. И., Салита Е. Г., Западов В. А. Указ. соч. С. 119.

¹³ Шепелев Л. Е. Отмененные историей чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977. С. 6, 15 и др.

¹⁴ Старцев А. И. Указ. соч. С. 45 и след.

¹⁵ Там же. С. 49.

также объясняется отсутствие в фонде Петербургской таможни материалов за это время с подписью Радищева.

Старцев собрал интересный материал за 1778 и 1779 гг., но жалеет при этом, что «протоколы Коммерц-коллегии не отражают участия Радищева в документах инструктивного характера, исходивших из коллегии»¹⁶. Как раз этот пробел, существовавший до сих пор в наших знаниях о деятельности Радищева, ликвидируют документы Петербургской портовой таможни.

Обнаружилось, что деятельность Радищева в Коммерц-коллегии была значительно разнообразнее, чем принято считать до сих пор, что сообщение его сына Николая также неполностью охватило эту деятельность. Сын Радищева писал: «Целый год он занимался единственно чтением журналов и определений Коммерц-коллегии, чтоб вникнуть в существо и образ течения дел ее»¹⁷. Верно, что Радищев интенсивно старался охватить все стороны деятельности Коммерц-коллегии, но этот учебный процесс был тесно связан с активной деятельностью при решении непосредственных заданий. В первом полугодии 1778 г. он подписал 40 указов. Передача таможенных пошлин различным государственным институтам, работы по ремонту зданий таможни, пакгауза и гостиного двора, вопросы экспорта поташа, бракеровка пеньки и льна, изготовление штампов и печатей для различных отделений таможни, контрабанда и мошенничество, опротестование векселей и т. п. — все это лишь в общих чертах обрисовывает те проблемы, которые контролировал и за которые отвечал Радищев.

За вторую половину 1778 г. документы портовой таможни отсутствуют. Активная деятельность Радищева в 1779 г. началась с 20-го марта. За оставшиеся девять месяцев этого года сохранилось еще 48 подписанных Радищевым указов, которые охватывают в основном один круг вопросов. Некоторые вопросы во взаимоотношениях Коммерц-коллегии и портовой таможни оставались, очевидно, вне ведения Радищева. К ним относится пересылка отпечатанных указов. Сопроводительные документы как раз того времени, когда большинство направляемых в портовую таможню указов было подписано Радищевым, чаще всего подписывает Хр. Фербер. Различные 1779 г. указы, направленные Радищевым из Коммерц-коллегии, связаны с подробно описанной А. И. Старцевым аферой Кокса¹⁸. Агент английских купцов Кокс подделал таможенные документы и тем самым присвоил 2000 руб. таможенных сборов. Расследование показало, что большинство работников таможни также замешано в этой афере, в связи с чем были открыты и другие нарушения в деятельности таможни. В ходе расследования Коммерц-коллегия затребовала складские книги (1779, № 426) и журнал обер-цольнера (1779, № 887). Показательно, что возглавляемая Эрнстом фон Минихом Главная над таможенными сборами канцелярия явно пыталась покрыть сотрудников таможни, чтобы умалить значение всей аферы. В конечном итоге расследование привело к усилению влияния Коммерц-коллегии на таможенное ведомство.

Фонд Петербургской портовой таможни¹⁹, как и фонд Коммерц-коллегии в ЦГАДА, для XVIII в. сохранился неполностью. Наиболее ранние материалы содержит «Собрание указов», в котором находятся подписанные Радищевым документы. «Собрание» начинается 1722 г., но за многие месяцы и целые годы документация отсутствует, как, например, за 1755—1764 гг. За 70-е годы имеются следующие материалы: июль 1773 — июнь 1774 (№ 40, 41); июль 1775 — июнь 1776 (№ 42, 43);

¹⁶ Там же. С. 51.

¹⁷ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, издана Д. С. Бабкиным (М.; Л., 1959. С. 41. Ср. Примеч. С. 114).

¹⁸ Старцев А. И. Указ. соч. С. 65 и след.

¹⁹ ЦГИА СССР. Ф. 138. Оп. 6. Д. 1 и след.

январь — июнь 1777 (№ 44); январь — июнь 1778 (№ 45); январь — декабрь 1779 (№ 46).

Петербургская портовая таможня получала указы от многих вышестоящих учреждений, в первую очередь от Коммерц-коллегии и Главной над таможенными сборами канцелярии, а также от других коллегий, от канцелярии Академии наук и других ведомств. Подчинение и руководство таможенным делом представляют пример нечеткой структуры русского административного правления на местах в XVIII в. С учреждением коллегий было создано лишь одно четкое управление: центральное. В практической деятельности субординация отдельных сфер управления осталась неотрегулирована; многократное подчинение было, очевидно, частым явлением. Ясно, что историю учреждений, изложенную Э. Амбургером²⁰, нельзя переносить на управление на местах. Коммерц-коллегия, например, никогда не лишалась права управлять таможней, но последняя в своей многогранной деятельности подчинялась не только ей одной, а и другим учреждениям и ведомствам.

Порядковые номера получали все поступающие в Петербургскую портовую таможню бумаги, указы вышестоящих учреждений составляли лишь часть их. В «Собрание указов» не входили петиции и другие материалы, поэтому в нумерации имеются пробелы. Сведения о выработке и принятии решений по поступившим указам находятся в Журнале заседаний присутствия таможни²¹. Первый, от 1783 г., представлен не полностью. За 80-е годы имеются в наличии следующие: 1783 г. (№ 527, 528), январь — апрель 1785 (№ 529), 1786 (№ 530—532), январь — апрель 1789 (№ 533). В этом Журнале есть сведения о присутствии или обоснование отсутствия цольнеров, вкратце излагаются обсуждаемые вопросы и сообщаются принятые решения. Но этот материал больше касается не времени службы Радищева в Коммерц-коллегии, а его деятельности в качестве советника таможенных дел. В этих материалах находятся только редкие упоминания о Радищеве.

Указы, направленные в 70-е годы из Коммерц-коллегии в портовую таможню, как правило, подписывались Христианом Фебером, которого Старцев характеризует как «старейшего работника коллегии»²². За 1778 и 1779 гг. имеются, как уже сообщалось, 88 указов с подписью А. Н. Радищева. В одном случае (1778 г., № 158) указ скрепил своей подписью как секретарь Михайло Чулков. Это достойно внимания, так как подпись Чулкова встречается редко; с 1777 г. его главной задачей было составление «Коммерческого экстракта»²³ — первой ступени «Исторического описания российской коммерции». Об отношении Чулкова и Радищева до сих пор очень мало известно²⁴. Поэтому представляет ценность всякая дополнительная информация.

Следует указать также на то, что в 1779 и 1780 гг. многие присланные в Петербургскую портовую таможню указы из Главной над таможенными сборами канцелярии были подписаны историком Иваном Болтиным, который позже стал руководить таможенным делом на Украине. О его деятельности в Главной над таможенными сборами канцелярии ничего не известно, так же как мы ничего не знаем о знакомстве Болтина с Радищевым. Имеющийся здесь материал доказывает, что они были знакомы, по меньшей мере являлись сотрудниками по службе²⁵.

²⁰ *Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation Rußlands von Peter dem Großen bis 1917. Leiden, 1966. S. 230 [Studien zur Geschichte Osteuropas. X].*

²¹ ЦГИА СССР. Ф. 138. Оп. 6. Д. 527 и след.

²² Старцев А. И. Указ. соч. С. 46. Примеч. 2.

²³ Бондарева Е. А. Творческий путь и просветительская деятельность М. Д. Чулкова // Из. 1984. Т. 111. С. 219; Чулков М. Историческое описание российской коммерции: В 7 т. Пб., 1781—1800. Ср.: Сводный каталог русской книги XVIII века. 1725—1800. М., 1966. Т. 3. С. 364 (№ 8177).

²⁴ Бондарева Е. А. Указ. ст. С. 214, 217.

²⁵ ЦГИА СССР. Ф. 138. Оп. 6. Д. 46 (1779 г. — 11 указов за сентябрь — декабрь). Д. 47 (1780 г. — семь указов за июль — ноябрь). О биографии Болтина имеющиеся справочники дают очень скудные сведения. См.: Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М., 1957. С. 236; История исторической нау-

Указы, подписанные Радищевым в 1778 и 1779 гг., освещают одну из сторон деятельности Петербургской портовой таможни и связанную с ней руководящую роль Коммерц-коллегии. Настоящая публикация может также способствовать более обстоятельному исследованию истории государственной администрации того времени. До сих пор не написано ни истории коллегий как административно-управленческой инстанции русского абсолютистского государства в XVIII в., ни специального исследования по истории Коммерц-коллегии. Имеющиеся труды по истории других коллегий большей частью недостаточно охватывают внутреннюю структуру, практику управления и связь той или иной коллегии как с центральным, так и региональным правлением. В работе Н. И. Ерошкина деятельность коллегий представлена лишь очень суммарно и мало дифференцированно, центральное управление и управление на местах излагаются в разных главах, не затрагиваются вопросы их совместной деятельности, подчинения и т. д. Более обстоятельно Ерошкин останавливается лишь на деятельности государственного аппарата подавления (суд, тайная канцелярия и т. д.)²⁶. Э. Амбургер ограничился чисто формальным аспектом — перечислением начальников центральных ведомств, в том числе и коллегий, и изменений в структуре государственного аппарата. Административная практика осталась вне его поля зрения²⁷.

Представленный здесь материал позволяет показать, как сильно делопроизводство в XVIII в. определялось устаревшей практикой. Еще существовало чисто хронологическое ведение дел, при котором объединялся совершенно неоднородный материал, еще не произошло разделение специальностей. Часто некоторые ведомства исполняли обязанности, которые не соответствовали непосредственно их сфере деятельности. В Финансовом ведомстве все еще господствовал давно устаревший и часто уже мешающий работе принцип связывать каждый расход с определенным приходом.

В делах Петербургской портовой таможни погодные тома открываются реестрами, составленными, очевидно, параллельно с делами. Реестры, как правило, дают краткое содержание документов, лишь в немногих случаях сведения реестров недостаточны. Ниже я привожу дословный текст реестров указов Коммерц-коллегии, подписанных Радищевым и адресованных в Петербургскую таможню. Отступления от текста заключены в скобки, пропуски отмечаются отточиями в скобках. Необходимые комментарии даются в виде примечаний. Орфография современная, своеобразие различного написания, как, например, «солдат» — «салдат» и «Петербургский» — «Петербургский» — оставляются без внимания. Собственные имена даются буквально, на разночтения в реестрах и документах указывается в примечаниях.

Перечень начинается с регистрационного номера указа, данного ему при поступлении в таможню, затем следуют номер листа реестра и дата поступления документа в таможню. Наконец, после точного текста реестра приводятся лист собственно документа и дата его составления в Коммерц-коллегии.

Вместо формулировок, начинающих реестр: «Указ из Коммерц-коллегии», или для указов, следующих друг за другом: «Указ из оной же Коллегии», ставятся три точки в скобках, ссылка на особое употребление этих двух формулировок не делается.

ки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965. С. 194 и след. (№ 3108—3119). Д. И. Шанский в книге «Из истории русской исторической мысли: И. И. Болтин» (М., 1983) не касается биографии Болтина.

²⁶ Ерошкин Н. И. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 96 и след., 114 и след.

²⁷ Amburger E. Op. cit. S. 225.

РЕЕСТРЫ УКАЗОВ КОММЕРЦ-КОЛЛЕГИИ,
ПОДПИСАННЫХ А. Н. РАДИЦЕВЫМ

1778 г.

73. Л. 2 об. (25.1) ...при котором прислан обратно досмотрщик Иван Семивской, посылаемой для отправления на сей 1778 год со штемпелями в Оренбург (Л. 61; 24.1).

94. Л. 3 (3.2) ...об отпуске в разные присутственные места за минувшей декабрь месяц ефимочной и денежной казны ¹ (Л. 66—66 об.; 31.1).

156. Л. 4 (27.2) ...о репортовании в комиссию о похищенных в Главном Крикс-камисариате и в артиллерийской канторе денгам о принадлежащих до Главного Крикс-камисариата с 1767 по 1776 год доходах, также в Коммерц-коллегию, с приложением ведомостей (Л. 80—81; 26.2).

157. Л. 4 (28.2) ...о выдаче подрядчику Калине Афонасьеву за зделание при бирже берега забора денег 500 р. (Л. 83; 27.2).

158. Л. 4 (28.2) ...о даче знания, что за проданной купцу Обросимову для отпуска в Швецию на пробу поташа 1 бочку получено с него денег по 2 р. по 50 коп. за пуд, всего за 30 пуд 17 фунтов ² (Л. 84; 28.2).

160. Л. 4 (1.3) ...об отпуске в разные присутственные места за минувшей генварь месяц сего 1778 года (денег) (Л. 85—85 об.; 28.2).

161. Л. 4 об. (1.3) ...об отпуске в комиссию Академии наук за зделание для клеймения ластовых судов герба денег 51 р. и по отсылке репортывать ³ (Л. 86; 28.2).

162. Л. 4 об. (1.3) ...об отпуске во оную коллегию за зделание на сей 1778 год штемпелей денег 993 р. 12 коп. из таможенных доходов (Л. 87; 28.2).

178. Л. 4 об. (6.3) ...о выдаче подрядчику Якову Вутигову ^{2*} за исправление кришек также и при каменной кухне повреждений 5 части денег 299 р. и о прочем (Л. 92; 5.3).

189. Л. 5 (7.3) ...о дозволении санктпетербургскому купцу Мануилову подмоклой пенки и льна на ево заводах и о переделке вновь таку ж и впредь в привозимой пенки и льна обракованной в будущую сего 1778 года ярманку на тех же ево заводах ⁴ (Л. 94—94 об.; 5.3).

192. Л. 5 (7.3) ...о записке в книгу, когда староста Антоновской из магистрата прислан будет вновь зделанных ластовых судов и о взносе оной на основании прежних указов в помянутую коллегию для свидетельства ⁵ (Л. 95—97; 6.3).

243. Л. 6 об. (21.3) ...о смотреии впредь, чтоб на бирже и на земляной площади железа кладено не было, и о прочем ⁶ (Л. 125—125 об.; 11.3).

276. Л. 7 об. (29.3) ...об отпуске в разные присутственные места ефимочной и денежной казны за минувшей февраль месяц сего 1778 года (Л. 141—142; 28.3).

277. Л. 7 об. (29.3) ...об отпуске в число положенной на малороссийской войсковой скари суммы 4319 р. 58 коп. под росписку посланному от его сиятельства князь Александр Михайловича Голицына пехотного полку капитану Матвею Данскому (Л. 143; 28.3).

303. Л. 8 (16.4) ...о присылке во оную [Коллегию] сведения, коликое число в последних трех годах из-за моря было в привозе к здешнему порту на щет шипорской галанских сельдей, разных вин, шеколаду и прочаго (Л. 148; 16.4).

336. Л. 9 (28.4) ...о пропуске за границу графу Ифану Александровичу Голицыну собственного ево серебра разных столовых вещей семнатцать фунтов ⁷ (Л. 167; 27.4).

* За проверку текста реестров приношу благодарность Д. И. Раскину.

^{2*} В документе: Титову.

340. Л. 9 (30.4) ...об отпуске в комиссию Академии Наук за зделание при оной 3 сталных печатей: двух для Таханрогской таможни и одной для Петровской заставы денег тритцать шесть рублей (Л. 168; 27.4).
358. Л. 9 (3.5) ...и при том послан в здешнюю таможню взысканые с архитектора Паулсена денги и о прочем⁸ (Л. 169—170 об.; 27.4).
360. Л. 9 (3.5) ...об отпуске в разныя присудственные места ефимочной и денежной казны за минувшей март месяц сего 1778 году (Л. 171—171 об.; 3.5).
361. Л. 9 об. (3.5) ...об отпуске господину фельтмаршалу и разных орденов ковалеру графу Кириле Григорьевичу Разумовскому пенсион 20 000 р. и об отдаче економу Алексею Евдокимову⁹ (Л. 172; 3.5).
381. Л. 10 (7.5) ...о пропуске при отъезжающем отсюда в Швецию чрез Выборх абате бароне Гранкуре для дорожного употребления серебряной ево посуды всего весом 9 фунтов за границу без задержания (Л. 182; 7.5).
382. Л. 10 (4.5) ...о скорейшем решении по делу калуского купца и печного браковщика Семена Сысоева [с] тулским купцом Михайлою Пастуховым о волосе и свиной пуци и о прочем¹⁰ (Л. 183; 27.4).
396. Л. 10 (8.5) ...о запрещении гоф-маклерам и маклерам, чтоб они ни под каким видом, ни на свои, ниже по полученным коммисиям, на чужей счет, торго отнюдь не производили¹¹ (Л. 187—189; 8.5).
397. Л. 10 об. (8.5) ...о истребовании от капитана Мещенинова известие, сколко в конфискованных глазетах весу, и о взятъе со онаго пошлин¹² (Л. 192—192 об.; 8.5).
400. Л. 10 об. (10.5) ...о определении санктпетербургского купца Леонтья Алексеева сына Горбылева к браку отпускаемому в чужи край табаку браковщиком и о прочем (Л. 196—196 об.; 3.5).
451. Л. 11 об. (18.5) ...о пропуске при возвращающемся отсюда в Монбеллар вартемберском камергере бароне [Борке] имеющуюся при нем серебряную его посуду весом 10 фу[нтов] за границу без задержания (Л. 211; 18.5).
466. Л. 11 об. (21.5) ...об отпуске в разныя присудственные места ефимочной и денежной казны за минувшей апрель месич сего 1[7]78 года.
467. Л. 11 об. (21.5) ...об отдаче удержанного компанейскую канторую [рому] в 3-х бочках и двух полуанкерках отрэнского^{3*} карабле «Юнити» шкипора Робинсона или кому адресован со взятъем с рому пошлин¹³ (Л. 217—220 об.; 18.5).
481. Л. 12 (23.5) ...и при нем прислано дело по доношению гоф-маклера Андрея Фола к серпуховским купцам Семеном Плотниковым а запродаже без ведома ево Плотникова тулскому купцу Пастухову табаку 20 000 пуд и о взятых в закладе денег 4000 р. и о прочем (Л. 224—225; 23.5).
524. Л. 12 (31.5) ...о репортовании и о возвращении в казну денег з бывшего кассира Киселникова и за тем всех денег в казну не возвращено¹⁴ (Л. 234—234 об.; 31.5).
540. Л. 12 об. (1.6) ...о невыпуске за море господина генерала майора Бороздина мачтовых дерев всякого лесу¹⁵ (Л. 235—236; 1.6).
541. Л. 12 об. (1.6) ...о присылке известие об отправленных в 1775 году на российском корабле С. Пепере^{4*} от олонецкого купца Михайлы Кононова работных людях (4 человека), [которые] при отходе из Кроншта-та в море все на том корабле находились, да и в данном пашпорте показанным и при отпуске того карабля за море, о даставлении работников сюда обратно бы[?] взята какой предосторожности и о прочем¹⁶ (Л. 237—238 об.; 1.6).
600. Л. 14 (15.6) ...о выдаче крестьянину Николаю Зыкову с товарищи

^{3*} В документе: английского.

^{4*} В документе: Св. Петре.

9 человек за околку лда последней половины 109 [р.] 56 коп. (Л. 253; 14.6).

601. Л. 14 (15.6) ...о выдаче подрядчику санктпетербургскому купцу Калине Афонасьеву за исправление около всей биржи и пакгаузов [забора и укрепление берега] на покупку материалов денег трех сот рублей (Л. 254; 15.6).

602. Л. 14 (15.6) ...о выпуске законтрактованного и проданного лейб-гвардии подпоручиком графом Матвеем Апраксиным лна аглинским купцам Ливину 1-го сорту 5000 пу, Глену 6150 пу, 2-го 600 пу, Грот и Штамерману 1-го сорту 1500, 2-го 200 пу для погрузки в карабли (Л. 255; 15.6).

603. Л. 14 (15.6) ...о выдаче за зделание балансов и за исправление гирь и о продчем слесарному мастеру Тенштрему^{5*} денег и употреблении самой таможне из 3000 суммы 20 р. (Л. 256; 15.6).

645. Л. 14 об. (22.6) ...об отпуске в разныя присудственные места ефимочной и денежной [казны] за минувшей май месяц сего 1778 году (Л. 271—271 об.; 22.6).

646. Л. 15 (22.6) ...о бытии галанскому купцу Семену Фондершафу табашным браковщиком (Л. 272; 22.6).

663. Л. 15 (25.6) ...коим велено привезенныя на российском карабле «Иоанны Коант» вина, как уже оныя из корабля выгружены в таможенной погреб, а свидетелствовав, сколько оных по екеровке явится, коллегию репортовать, и при том послано от находящихся в Елагноре^{6*} ¹⁷ российского консула Гафмана^{7*} с репортования¹⁸ (Л. 272; 22.6).

665. Л. 15 (25.6) ...об отпуске в Адмиралтейскую коллегию первоотпущенным двум стам тысячам рубля еще 100 000 р. и по отпуске коллегию репортовать и в Адмиралтейство уведомить (Л. 279; 25.6).

1779 г.

232. Л. 7 об. (20.3)....об отпуске в разныя присудственные [места] за минувшей февраль месяц ефимочной и денежной казны (Л. 127—128; 20.3).

233. Л. 7 об. (20.3) ...о нечинении исполнения по учиненном в сей таможне определению о выдаче шведскому шипору [Ериху] Викстрему за провоз греческого купца Анастасия Баласараги товаров денег 1000 р.¹⁹ (Л. 129; 20.3).

234. Л. 7 об. (20.3) ...о выдаче за исправление балансов и гирь и протчаго денег из 3000 [руб.] суммы^{8*} (Л. 130; 20.3).

292. Л. 8 (16.4) ...о выдаче за починку находящихся при сей таможне неверных гир из положенной на строения трех тысяч рублевой суммы денег (Л. 140; 12.4).

295. Л. 8 об. (16.4) ...о взносе кассирской настоящей приходной книге с надлежащею описью без малейшаго чищения во оную коллегию²⁰ (Л. 143; 19.4).

309. Л. 9 (23.4) ...о бытии на место умершаго селдянаго браковщика Бока маклеру Кремпину и здешнему купцу Дитрих Флею браковщиками (Л. 149; 19.4).

423. Л. 11 (13.5) ...о бытии во оную таможенным присутствующим и другим служителям по повескам поутру в 7-м часу к допросам²¹ (Л. 218—218 об.; 13.5).

426. Л. 11 (15.5) ...о взносе во оную [коллегию] прошлого 1776 года всех пакгаузных книг (Л. 221; 15.5).

427. Л. 11 (15.5) ...о выдаче его сиятельству господину генерал-фелтмаршалу сенатору и ковалеру графу Кириле Григорьевичу Разумовскому за

^{5*} В документе: Генштрему.

^{6*} В документе: Ельнлизере.

^{7*} В документе: Гофмана.

^{8*} В документе добавлено: на строение и починки таможен.

март и апрель месяцы десяти тысяч рублей и об отдаче служителю его Федору Грамацкому с роспискою в книге (Л. 222; 15.5).

428. Л. 11 об. (15.5) ...о пропуске за море проданного от коллегии казенного подмоклого потапа аглинским купцам Шарп, Моуд^{9*} и компании и о поступании сей таможне по силе указов (Л. 223; 15.5).

444. Л. 11 об. (17.5) ...об отпуске в разные присутственные места ефимочной и денежной казны за минувшей апрель месяц (Л. 226; 17.5).

446. Л. 11 об. (17.5) ...о нечинении никакого препятствия табашным браковщикам по получении им за брак денег по копейки с пуда, российским у российских, иностранным [у] иностранных купцов (Л. 228—228 об.; 17.5).

473. Л. 12 об. (23.5) ...о учнении следствия гишпанскому матрозу в обиде и побоях им на бирже для смотра корчемств салдату Игнатью Жеготову и о поступании со оным матрозом по законам²² (Л. 239—239 об.; 23.5).

479. Л. 12 об. (24.5) ...коим велено о скорейшем решении дела и о поступлении по законам по представлению компанейской канторы о причиненной гишпанскаго карабля матрозом определенному от компанейской канторы солдату обиде²³ (Л. 241; 24.5).

488. Л. 13 (25.5) ...и при нем один экземпляр о браке при Санкт-Петербургском порте пакли пенковой и льняной инструкции²⁴ (Л. 247; 24.5).

494. Л. 13 (27.5) ...об отпуске в Адмиралтейскую коллегию двусот тысяч рублей из первовступаемо[го] пошлинного збора (Л. 251; 27.5).

562. Л. 14 (5.6) ...о выпуске за море аглинским купцам Сутерланду и компании казенного ревеня 9-ти пуд. (Л. 265; 5.6).

628. Л. 15 об. (17.6) ...о подтверждении здешней и кронштатской таможням дабы, как государственная Комерц-коллегия в случае пожарного времени с своей стороны прилагает крайнее старание, равным образом по силе прежде посланных указов, дабы они неослабное употребляли смотрение о неимении на стоящих по Неве реке судах огня и о прочем (Л. 291—291 об.; 14.6).

712. Л. 16 об. (4.7) ...о взыскании с кого следует недопущенных в 1779 году кассиром Киселниковым в Статс-кантору 4326 р. 88 3/4 ко. да найденных при ревизии недописанных в приход 2925 р. 80 ко. и о прочем (Л. 305—305 об.; 1.7).

811. Л. 19 (16.7) ...при котором прислан обер-полнерской настольной журнал для восстановления на объявленных номеров за скрепою и печатью оной коллегии (Л. 345; 16.7).

814. Л. 19 (17.7) ...о рассмотрении и решении по законам по челобитью Лва Мануилова жены о непринимании англичана[ми] Шарп, Моут^{10*} и компаниею пакли льняной, также и о неотдаче за оную достальных денег (Л. 346—346 об.; 17.7).

827. Л. 20 (19.7) ...об отпуске в Адмиралтейскую коллегию из збору нынешняго июля месяца огневые денги всего десять тысяч сем сот один рубль четырнадцать копеек с четвертью (Л. 349; 18.7).

828. Л. 20 (19.7) ...о построение Гарельской заставы под смотрешием сей таможни и архитектора Патона и на то строение и починки суммы денег четыреста сорок сем рублей пездесят копеек^{11*} (Л. 350; 19.7).

850. Л. 20 об. (24.7) ...при котором прислана с доношением копия здешнего купца Мануилова жены его Зиновьи Григорьевой дочери и о присылке известия, что гоф-маклером Фоком о худобе Мануиловой лна говорено было и о прочем²⁵ (Л. 357; 23.7).

^{9*} В документе: Маад.

^{10*} В документе: Моде.

^{11*} В документе: Горельской заставы. За этим следует на л. 351 подборка необходимых материалов.

870. Л. 21 (25.7) ...о выпуске за море аглинским купцам Шарп, Моут и компании казенного ревеня в 2-х ящиках весом 9 п., и взяв с цены с 30 ко ефимок по тарифу пошлины (Л. 373; 25.7).
883. Л. 21 об. (26.7) ...о скорейшей подаче во оную коллегия за прошедшей 1778 год ефимочной и денежной казне годового репорта (Л. 375; 26.7).
887. Л. 21 об. (29.7) ...при котором прислан на сей 1779 год настольной обер-цолнерской журнал за скрепою и печатью оной коллегии (Л. 376; 25.7).
896. Л. 20 об. (30.7) ...о выпуске за море аглинским купцам Рыттер, Тор[н]тон и Келию казенного ревеня в четырех ящиках весом 17 пу[д] 21 фу[нт] со взятием по тарифу пошлин (Л. 378; 30.7).
898. Л. 20 об. (30.7) ...о бытии санктпетербургскому купцу [Павлу Никифорова сына] Посникову и мастеру [Максиму Ефимова сына] Шеблову при санктпетербургском порте табашными браковщиками (Л. 380—380 об.; 30.7).
911. Л. 22 (2.8) ...о выпуске за море со взятием по тарифу пошлин купцам Шарп, Моут и компании казенного ревеня в двух ящиках весом восьми пуд 33-х фунтов (Л. 382; 1.8).
930. Л. 22 об. (5.8) ...для ведома о бытии при здешнем порте иностранному купцу Георгу Русту маклером (Л. 330; 30.7).
1034. Л. 23 об. (24.8) ...при котором прислана възнесенная во оную [коллегия] прошлого 1777 году книга для записки в расход ефимочного серебра и российских денег за шнуром и печатью оной коллегии²⁶ (Л. 407; 13.8).
1091. Л. 24 об. (9.9) ...о пропуске при возвращающемся отсюда римского императорском полномочном министре графе Каунице Рытберге ко двору его серебра, состоящего в разных посуде, всего весом около 30-ти фунтов за границу без одержания (Л. 421; 9.9).
1131. Л. 25 (13.9) ...и при нем челобитная санктпетербургскаго купца Лва Мануилова жены ево Зиновьи Григорьевой о принуждении аглинскаго купца Сутерланда к платежу за купленной им лен и сало свешное достальных денег 681 р. 32 ко.²⁷ (Л. 431; 6.9).
1204. Л. 26 об. (4.10) ...об отпуске Статс-канторы ста тысяч рублей из збору пошлин сентября месяца сего 1779 года (Л. 451; 4.10).
1205. Л. 26 об. (4.10) ...о починке при здешней таможне малых поправок, то есть окон, дверей, печей и протчаго²⁸ (Л. 452—452 об.; 4.10).
1210. Л. 26 об. (5.10) ...при котором прислано дело, взнесенное во оную коллегия в прошлом 1778-м году сентября 6-го дня о запроданном гофмаклером Фоком на щет серпуховскаго купца Семена Плотникова тулскому купцу Михайле Пастухове табаке²⁹ (Л. 455; 4.10).
1260. Л. 27 об. (11.10) ...о выпуске пример-маиора Михаила Фалеева от здешняго порта за море на собственных ево кораблях товаров и о взятые со оных пошлин (Л. 466—466 об.; 10.10).
1276. Л. 27 об. (16.10) ...об отпуске в разныя присудственные места ефимочной и денежной казны за минувшей сентябрь месяц сего 1779 года (Л. 474; 16.10).
1300. Л. 28 (23.10) ...при котором прислано дело обратно взнесенное прошлого 1778-го году октября 15 дня из сей таможни октября 9-го числа в неплатеже аглинским купцом Джаксоном санктпетербургскому купцу Анисиму Заикину за отданныя под грус галиоты простойных денег³⁰ (Л. 478—478 об.; 23.10).
1350. Л. 29 (7.11) ...об отпуске его сиятельству графу Кириле Григорьевичу Разумовскому за минувшия сентябрь и октябрь месяцы денег девяти тысяч девяти сот рублей и об отдаче служителю ево Фоме Кузнецову с роспискою (Л. 490; 6.11).

1435. Л. 31 об. (10.12) ...о выдаче на исправление Ораниенбомской заставы капитану Мирону Азарову денег 30 р. (Л. 527; 10.12).

1465. Л. 32 (19.12) ...о выдаче подрядчику санктпетербургскому купцу Ке[а]лине Афанасьеву 199 р. 56 ко.³¹ (Л. 532—532 об.; 18.12).

1466. Л. 32 (19.12) ...о выдаче оному ж Афанасьеву заработных денег 214 р. 40 ко.³² (Л. 553; 18.12).

1481. Л. 32 (23.12) ...при котором присланы на 1780 год в сию таможенную стемпели по прописанным в том указе знакам и с надписью с тем, чтоб в клеймение товаров начала употреблять настоящего 1780 года генваря с 1-го, и тогда о взносе 1779 года стемпеля кроме станков для заклеивания во оную [коллегию] при репорте³³ (Л. 536; 20.12).

1484. Л. 32 об. (23.12) ...об отпуске в разные присудственные места [ефимочной и денежной] казны за минувшей ноябрь месяц сего 1779 года (Л. 539; 23.12).

1488. 32 об. (23.12) ...при котором присланы внесенные из сей таможенной книги, сделанные на 1780 году, запечатанные и скрепленные по листам (Л. 541; 23.12).

1492. Л. 32 об. (30.12) ...о бытии при здешнем порте у браку пакли пенковой и лняной браковщику калужскому купцу Даниле Лебедеву (Л. 543—543 об.; 23.12).

ЦГИА СССР. Ф. 138. Оп. 6. Д. 45, 46.

ПРИМЕЧАНИЯ К РЕЕСТРАМ

¹ Счета систематизировались по характеру поступлений, так как определенные поступления направлялись в определенные учреждения. Деньги переводились среди прочих в Штатс-контору, Адмиралтейскую и Военную коллегии, Петербургский магистрат, госпиталь. Иностранные купцы должны были платить часть своей пошлины в иностранной серебряной валюте, в ефимках. Это иностранное серебро направлялось в Штатс-контору для переплавки на русские монеты (ср.: 1778, № 160, 276, 360, 466, 645; 1779, № 232, 444, 1276, 1484).

² Этот документ скрепил своей подписью как секретарь М. Чулков.

³ С 40-х годов XVIII в. в мастерских Академии наук ежегодно изготовлялись штемпели, печати, паспорта и т. п. для таможен Европейской России. См.: Гофман П. Ломоносов и Петербургская портовая таможенная // М. В. Ломоносов: Сб. ст. и материалов. Л., 1987. Т. IX (ср.: 1778, № 340).

⁴ Во время наводнения 10 сентября 1777 г. упомянутые товары намокли, почему и было дано специальное разрешение на их дальнейшую переработку и продажу. Н. А. Нежировский («Река Невы и Невская губа». Л., 1981. С. 106) отмечает, что уровень воды 21 сентября 1777 г. поднялся на 3,1 м выше ординара. Хотя нигде на это не указывается, тем не менее Нежировский приводит эту дату, очевидно, по новому тогда в России не употреблявшемуся стилю.

⁵ Лихтеры, курсирующие между Кронштадтом и Петербургом, должны были регистрироваться в таможене. Ответственный за эту регистрацию староста Плетников по возрасту не мог больше выполнять ее надлежащим образом. Его преемником Гильдией купцов был назначен Антоновский (и утвержден Магистратом).

⁶ Поводом к этому распоряжению послужило то, что Никита Никитин сын Демидов и Иван Лазарев положили железо непосредственно перед Гостиным двором в таком количестве, «что земля отнизла». Из-за этого было нанесено повреждение столбам и сводам Гостиного двора.

⁷ И. А. Голицын ехал в Голландию в сопровождении титулярного советника Вейдемейера. Вывоз серебра из России в XVIII в. был запрещен. Дипломаты получали специальные разрешения на ввоз и вывоз своей личной серебряной посуды. В прежние времена, как правило, при соответствующем указе находилась копия списка этой посуды. В 80-е годы такого списка, очевидно, больше не требовалось (ср.: 1778, № 381, 451; 1779, № 1091).

⁸ В 1765 г. приговоренные к смертной казни за подделку таможенной печати швейцарские купцы Эршли и Трумпе были помилованы и высланы. За этим последовало опротестование векселей. Когда векселедатели швейцарцы Христиан Попп и Бернгард Яган не были обнаружены в Петербурге, материал, пакепец, после многих напоминаний был передан в 1775 г. в Главный магистрат. Многие русские купцы, замешанные в этой афере, умерли. Теперь с архитектора Паульсена было удержано 9,25 руб., которые он был должен швейцарцам. А кредиторы «останутся без удовольствия», как сказано в заключении по этому процессу.

⁹ К. Г. Разумовский получал регулярно назначенный ему Екатериной II пенсией с таможенных сборов.

¹⁰ Портовая таможенная оставляла без внимания эту жалобу год и пять месяцев, за-

- тем приняла решение без заслушивания компаньонов. Против такого решения был выдвинут протест. Коммерц-коллегия потребовала быстрого и правильного решения вопроса.
- ¹¹ Здесь напоминаются права и обязанности маклеров ссылкой на соответствующий текст закона. Маклер мог по поручению купца — не как лайщик — торговать, составлять договоры, завозить и отправлять товар и т. д. Он не имел права вести торговые сделки за чужой счет. Браковщики не могли торговать товарами, за которые они принимали присягу, как браковщики. Маклеры и браковщики получали за свою деятельность специальное вознаграждение.
 - ¹² Капитан Мищенко — так написано имя в указе — конфисковал глазет у купца Грелинга, который собирался провезти его контрабандой. По законам того времени после уплаты пошлины и небольшого налога он получал конфискованный товар. Так как пошлина с парчи исчислялась по весу, а не по длине, не было необходимым запрос.
 - ¹³ Ром был конфискован; протест владельца привел к тому, что Коммерц-коллегия распорядилась освободить его от уплаты пошлины.
 - ¹⁴ Кисельников не внес в Штатс-контору в октябре 1769 г. 4426 руб. 88³/₄ коп., не зарегистрировал приход в сумме 2925 руб. 80 коп. Главный магистрат, который должен взыскивать эти деньги, до сих пор не ответил на запросы.
 - ¹⁵ Бороздин ходатайствовал о разрешении вывозить в течение пяти лет по 200 штук мачтовых деревьев ежегодно, ему было разрешено со ссылкой на бывшие ранее прецеденты по 100 штук.
 - ¹⁶ Олонецкий купец Михаил Кононов был под арестом «за неплатеж по векселям знатной суммы денег». Четверо работных людей из числа тех, что находились на его корабле, не вернулись из Амстердама. Розыски показали, что один, вероятно, покинул корабль уже в Кронштадте. Дальнейшие розыски было приказано продолжать.
 - ¹⁷ Имеется в виду Хельсингер.
 - ¹⁸ В качестве приложения (л. 277) имеется копия донесения консула Гофмана, в котором идет речь о поставке испорченного вина из Бордо.
 - ¹⁹ Греческий купец Балласараги возбудил протест против решения Коммерц-коллегии, который, однако, был отклонен, так как срок подачи протеста истек.
 - ²⁰ См. сноску 18.
 - ²¹ Там же.
 - ²² Испанский матрос хотел пронести мимо часового бутылку. Когда он был задержан, то разбил ее о голову солдата.
 - ²³ Потребовалось срочное решение, так как испанский корабль готовился к отплытию.
 - ²⁴ Следует инструкция Коммерц-коллегии, опубликованная 7 марта 1799 г. (л. 248—250 об.). См.: ПСЗ-1. Т. XX. № 14850. Т. 796 и след.
 - ²⁵ Л. 358—358 об. содержит копию заявления в Коммерц-коллегию против гофмаклера Фока, на которое требовалось заключение таможенного ведомства.
 - ²⁶ Книга была отдана в Коммерц-коллегию, потому что «шнуры перервавшись и печати повредились».
 - ²⁷ Следует (л. 432—432 об.) оригинал прошения З. Г. Мануиловой с пометами: «подана августа 14 дня 1779 г.» и «слушана 20 августа 1779 г.».
 - ²⁸ Следует (л. 453—454) «примерная смета, колико числа материалов и за работу потребно», в общей сложности 199 руб. 50 коп.
 - ²⁹ Так как срок апелляции истек, этот указ был послан для «исполнения» в портовую таможню.
 - ³⁰ Так как срок апелляции уже год как истек, склад Джаксона (так написана фамилия в документе) был опечатан.
 - ³¹ Деньги предназначались для ремонта зданий портовой таможни.
 - ³² Деньги предназначались для ремонта биржи и пакгаузов.
 - ³³ Штемпели были изготовлены в мастерских Академии наук (см. сноску 3).

В. Г. Бухерт

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОДЛОЖНЫХ УКАЗОВ СРЕДИ СТАРООБРЯДЦЕВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Подложные указы, составленные от имени верховной власти или правительственных учреждений, входят в комплекс источников по истории общественного сознания крестьян дореволюционной России. В них отражены надежды и стремления различных категорий крестьян, находившихся под влиянием традиционного наивного монархизма, присущего и крестьянам-старообрядцам, верившим в готовность власти удовлетворить их чаяния. Эта вера проявлялась не только в составлении подложных указов, но и в признании подлинных указов, идущих вразрез с иллюзия-

ми наивного монархизма, подложными, а также в истолковании крестьянами-старообрядцами изданных указов в своих интересах. Н. Н. Покровский, исследовавший законодательство XVIII в. о расколе, отмечает, что многие законодательные акты этого времени были «вольны или невольны сформулированы таким образом, что допускали весьма широкий диапазон толкований»¹. Аналогичные акты первой половины XIX в. также не исключали возможности их различного толкования. Об этом свидетельствует П. И. Мельников, непосредственно участвовавший в качестве чиновника особых поручений МВД в мероприятиях правительства по борьбе с расколом². К тому же распоряжения правительства о старообрядцах в первой половине XIX в. являлись секретными и были известны на местах лишь определенному кругу лиц из администрации, что не могло не содействовать авторам подложных указов в стремлении выдать их за подлинные. Тексты двух подложных указов, распространявшихся старообрядцами в первой половине XIX в., обнаружены в ЦГАДА при описании документов фонда 1431 «Дела местных судебных учреждений о старообрядцах и сектантах».

В декабре 1836 г. у крестьянина д. Нюзим Чердынского уезда Пермской губернии Е. В. Мисюрева власти изъяли копию подложного именного указа, датированного январем 1831 г. Аналогичная копия была обнаружена и в д. Верхний Нюзим в доме крестьянина Е. Д. Чагина. Оба они оказались старообрядцами поморского согласия. Хотя ни тот, ни другой в составлении указа не сознались, однако Мисюрев признался, что копию он списал у крестьянина д. Белошельская Мезенского уезда Архангельской губернии Г. Д. Кирилова. В 1835 г. Кирилов со своим товарищем отправился в Сибирь для сбора денег и закупки хлеба на нужды Великопожженского скита и останавливался в д. Нюзим. Винодность Кирилова в составлении подложного указа на следствии не доказана.

Положения указа 1831 г., разрешавшего старообрядцам строить часовни и молитвенные дома, держать священников и старопечатные книги, а также жаловаться в случае необходимости властям губернии на действия органов местной полиции — земских судов — полностью противоречили реально проводившейся политике по отношению к старообрядцам, которая в этот период имела тенденцию к ужесточению. Обнаруженный документ³ не соответствовал действовавшему законодательству не только по содержанию, но и по форме. Он мало похож на образцы официальных документов, и его подложность нетрудно установить. Иным по форме был подложный указ Сената 1859 г., появившийся в новой общественной обстановке.

В первой половине 50-х годов XIX в. царское правительство приступило к пересмотру действовавшего законодательства о расколе. В 1853–1855 гг. «Особый секретный комитет для пересмотра постановлений о раскольниках» под руководством главноуправляющего 2-го отделения Собственной е. и. в. канцелярии графа Д. Н. Блудова разработал ряд предложений, некоторые из которых утверждены Александром II, а другие предполагалось осуществить постепенно⁴.

Своеобразным ответом на усиление законодательной активности правительства в вопросе о расколе стало появление подложного указа Сената, дающего представление о том, что именно часть старообрядцев ожидала от правительства накануне буржуазных реформ.

Публикуемая копия подложного указа Сената обнаружена в деле Владимирской палаты уголовного суда о мещанине г. Гороховца А. М. Луковенкове, обвинявшемся в распространении этого указа в апреле 1860 г. в приходе с. Кромы Гороховецкого уезда Владимирской губернии. На следствии он показал, что копию указа списал в удельной д. Большие

¹ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 28.

² Мельников П. И. Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т. 7. С. 180–181.

³ ЦГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3161. Л. 15–16, 26–26 об.

⁴ Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 488.

Вахутки Кинешемского уезда Костромской губернии, где находился в начале 1860 г. у старообрядца Г. Максимова, который якобы получил ее из Никитинского удельного приказа. Однако Г. Максимов в хранении копии указа не сознался и не был в этом уличен⁵.

К концу 1861 г. относятся сведения о появлении указа на Урале и в Сибири. В его распространении в декабре 1861 г. обвинили временно-обязанных крестьян Бисертского завода Красноуфимского уезда Пермской губернии К. П. Сисина и М. Г. Хоробрых. В деле Екатеринбургского уездного суда об этих крестьянах также имеется копия указа, в основном не отличающаяся от той, что обнаружена в деле Владимирской палаты уголовного суда⁶.

В апреле 1862 г. копия подложного указа Сепата обнаружена у крестьянина д. Космаково Тюменского округа Тобольской губернии И. Е. Бухарова. Он списал ее у мещанина из Тюмени И. П. Нефедова; тот же в свою очередь признался, что списал копию у тюменского купца И. А. Решетникова в ноябре 1861 г. Установить, каким образом подложный указ оказался у Решетникова, не удалось; он умер еще до начала следствия⁷. В деле о Бухарове текст указа отсутствует, однако приводятся его дата и регистрационный номер, который якобы имел этот документ. В тексте указа, имеющемся в делах о Луковенкове, Сисине и Хоробрых, названный номер отсутствует.

Год «издания», обозначенный на публикуемом указе, очевидно, соответствует времени его появления. Это подтверждают показания удельного крестьянина д. Шалгуново Старорусского уезда Новгородской губернии М. Тимофеева, арестованного в апреле 1864 г. за то, что в беседе с приходским священником он заявил, будто имел копию «высочайшего указа о льготах старообрядцам». Впоследствии он пояснил, что слышал, как ее читал в д. Великое Село старорусский мещанин Г. В. Солвухин «лет пять назад»⁸, т. е. в 1859 г.

Неизвестно, кто именно являлся автором данного указа, но несомненно: он хорошо знаком с образцами подобных документов. Не случайно Владимирская палата уголовного суда, рассматривавшая дело А. М. Луковенкова, признавала изъятую у него копию «близко находящейся по соблюдению в ней всех форм к тону высших правительственных бумаг»⁹. Стиль документа, его конкретная датировка, а также регистрационный номер должны были придать указу достоверность. Примечательно в этой связи, что обвиненный в распространении указа Бухаров на следствии заявил, что «признавал до сего времени изложенное в нем распоряжение действительным, почему и не имел надобности скрывать таковой от начальства»¹⁰.

Документ адресован «управляющему Астраханской губернией»; однако из текста указа следует, что его действие распространялось на территорию всей России, а не одной губернии. Избрание автором указа в качестве адресата главы администрации Астраханской губернии, возможно, указывает на место составления документа. Содержание указа позволяет предположить, что он появился и распространялся среди старообрядцев-беспоповцев. К тому же, по крайней мере, двое подсудимых, обвиняемых в распространении указа, относились к поморскому беспоповскому согласию (Луковенков, Бухаров). Принадлежность других к определенному согласию в судебно-следственных делах не отмечена. Для публикации отобрана копия подложного указа из дела о Луковенкове как наиболее близкая к стилю и языку официальных документов.

В соответствии с указом все старообрядцы освобождались от преследований со стороны правительства по религиозным мотивам. Прекраща-

⁵ ЦГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 511. Л. 38 об.

⁶ Там же. Д. 2884. Л. 4–5 об.

⁷ Там же. Д. 3715. Л. 44 об.

⁸ Там же. Д. 1836. Л. 4.

⁹ Там же. Д. 511. Л. 203.

¹⁰ Там же. Д. 3715. Л. 5.

лось судебное преследование тех из них, которых власти считали православными, а впоследствии обвинили в отступлении от православия и предали суду. «Начальникам» губернии предписывалось впредь об отступивших от православия докладывать непосредственно Сенату, а судебным учреждениям подобные дела не рассматривать. Общине старообрядцев, насчитывавшей не менее 500 человек, предоставлялось право сооружения молитвенных зданий и выбора настоятеля общины с функциями священнослужителя, который мог подбирать себе помощников, также наделенных правом совершать богослужения и требы. На настоятеля и его помощников власти возложили обязанность вести учет вступивших в брак и умерших и каждые полгода предоставлять эти сведения местной полиции. Указ должен был вступить в силу, как следует из его заключительной части, не ранее мая 1860 г. Нельзя не обратить внимания на то, что копии подложного указа оказались в весьма удаленных друг от друга районах страны, что, по-видимому, свидетельствует о его широком распространении в среде старообрядцев. Большинство лиц, причастных к распространению указа, являлись крестьянами различных категорий; но среди них были также мещане, даже один купец. Можно предположить, что именно в среде горожан как наиболее образованной части старообрядчества и был составлен указ.

Изучение документа, истории его возникновения и распространения будет содействовать конкретизации представлений о развитии общественного сознания в предреформенной России. Отметим, что права старообрядцев свободно совершать богослужения и образовывать общины, права, признанные за ними подложным указом Сената 1859 г., в действительности, были признаны правительством лишь спустя почти полвека в связи с изданием закона от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Секретно

№ 1189

По высочайшему повелению

Указ его императорского величества из Правительствующего Сената
г. управляющему Астраханской губернией

Правительствующий Сенат в общем собрании слушали положение Комитета министров относительно исповедания старообрядческой веры, издревне содержимой их потомками; а также и вновь ежегодно размножающимися ^{1*} последователями этой веры, как это усмотрено из ведомостей, доставляемых Правительствующему Сенату.

А потому Комитет гг. министров, рассмотрев догматы, относящиеся до обрядов старообрядческой веры, и сообразив с законами его императорского величества, нашел, что как старого, так и нового завета последователи от писателей ко внушению св. духа, то и последователи их, если же они так крепко соблюдают и почитают завет свой, что, несмотря на все предпринимаемые меры к искоренению ^{2*} старообрядцев и обращению к единоверию, т. е. к православной кафолической вере, остаются неудобоприклонными, то должны быть ограждены законами его императорского величества, в чем и составлен план старообрядческой веры, который был на рассмотрении его императорского величества, рукою которого подписано: «Быть по сему».

А положение Комитета г. г. министров следующее:

- 1) Всех последователей старообрядческой веры, содержащих таковое до издания сего положения, оставить их свободными от всех притязаний со стороны правительства относительно исповедания их веры.
- 2) Тех, которые хотя издревле содержали эту веру, если же отпавшие от православия и правительством преданы суду, учинить свободным[и].
- 3) В губерниях, а также в городах и уездах, где будет последователей

^{1*} В рукописи ошибочно: разножелающие.

^{2*} В рукописи ошибочно: ускорению.

этой веры не менее 500 душ^{3*}, дать полную свободу в отправлении по их обрядам богослужения, для чего, по усмотрению г.г. начальников губерний, отвести им место соответственно, как последователям Христа спасителя, на котором бы они могли построить молитвенные дома, где нет таковых. А чтоб, как на новых, так и на старых их моленных были бы отличия, как, например, крестное сложение по их обряду.

- 4) Вменить в обязанность старообрядцам, чтоб они из среды своего общества избрали одно лицо, которое бы во всех бумагах и делах подписывалось как настоятелем старообрядческой общины, и те, которые находятся в губерниях, обращались с своими всеми требами, до таинств ко их обрядам относящимся, к сему одному; и все требы, до богослужения относящиеся, должны быть отправляемы в устроенных для сего моленных домах. Для тех же, которые в уездах или городах, то это на обязанности этого паставника по усмотрению своему назначить в том городе и уезде, где находятся старообрядцы, такое лицо, которое бы могло исполнять требы и все таинства.

А также как настоятелю, так и назначенным от него в городах или уездах лицам вменить в обязанность, чтоб они о всех, находящихся под их пастырством^{4*}, единоверцах имели бы ведомость браком сочетавшимся и умерших, через каждые полгода доводили бы до сведения местной полиции.

- 5) Над теми, кои окажутся отпавшими от православия после сего положения, по произведении следствия и, не делая никаким судебным местам приговора, прямо следствие представлять от лица г. начальника губернии в Правительствующий Сенат.

И, таким образом, изложив все вышеозначенное, Правительствующий Сенат предписывает всем начальникам губернии и Вам, управляющему Астраханской губернией означенное положение Комитета г.г. министров провести в исполнение на ранее, как по получении его через год, впредь до особого указа Правительствующего Сената. .

ЦГАДА. Ф. 1431 «Дела местных судебных учреждений о старообрядцах и сектантах». Оп. 1. Д. 511. Л. 75 об.— 77 об.

^{3*} В копии указа, имеющейся в деле Екатеринбургского уездного суда, приводится другая цифра — 50 душ (ЦГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 2884. Л. 4).

^{4*} В рукописи ошибочно: павством.

Я. А. Ярославцев

ДОКУМЕНТЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА О ЖИЗНИ И БЫТЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.

Созданное в 1859 г. «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (Литературный фонд) было интересным и своеобразным явлением литературно-общественной жизни России второй половины XIX — начала XX в. Возникшее в знаменательные годы первой революционной ситуации в стране и явившееся первым объединением русских писателей в общероссийском масштабе, оно, несомненно, заслуживает внимания исследователей. Документы, отложившиеся в архиве Литературного фонда, позволяют, в частности, существенно дополнить и расширить наши сведения о жизни и быте многих русских писателей, литераторов, обращавшихся в Общество с просьбами о помощи.

Архив Литературного фонда находится в настоящее время в трех советских архивохранилищах: ОР ГПБ (ф. 438), РО ИРЛИ (ф. 155) и ЦГАЛИ (ф. 591). Он состоит прежде всего из журналов заседаний Комитета и Общих собраний Литературного фонда. (Комитет собирался два

раза в месяц. Общие собрания — один или несколько раз в год; журналы заседаний велись секретарем Комитета.) Второй, немаловажной частью архива являются письма в Общество связанных с ним лиц, освещающие различные аспекты текущей деятельности организации, прошения о пособиях от нуждающихся литераторов, акты обследований и записи тех членов Литературного фонда, которым поручалось навести справки о материальном положении и жилищно-бытовых условиях просителей; наконец, официальная переписка Комитета Литературного фонда с Министерством народного просвещения и другими правительственными учреждениями, письменные указания председателя Литературного фонда казначею о выдаче пособий и расписки в их получении. Изредка в бумагах Литературного фонда попадаются материалы, характеризующие его общественную деятельность: афиши и программы литературных вечеров и публичных чтений, подготовительные документы к ним, сметы доходов и расходов от этих мероприятий, переписка с петербургскими типографиями по поводу напечатания афиш, билетов и программ, а также изданий, подготовленных Литературным фондом, переписка с книжными лавками Петербурга и Москвы и т. п. Архив Литературного фонда сохранился в целом очень хорошо и в совокупности составляет многие сотни листов журналов заседаний, писем и других сопутствующих документов¹.

В создании Литфонда, в последующей деятельности его Комитета принимали участие многие выдающиеся русские писатели, в том числе Н. Г. Чернышевский, И. С. Тургенев, А. В. Дружинин, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, В. Г. Короленко и другие; рядовыми же членами Литературного фонда являлись, по-видимому, большинство известных литераторов дореволюционной России, а также многие издатели, книгопродавцы, общественные деятели².

В Уставе Литературного фонда указывалось: «Общество... имеет целью: вспомоществовать нуждающимся осиротелым семействам литераторов и ученых и самим литераторам и ученым, которые... находятся в невозможности содержать себя собственными трудами»³. Имена лиц, которым Литературный фонд оказывал помощь, оглашению в публиковавшихся отчетах Общества не подлежали, заменяясь там словами: «помощь одному писателю», «пособие одному литератору» и т. п.

Создание Литературного фонда имело широкий общественный резонанс: отовсюду приходили приветствия, пожелания, различные предложения «по усилению средств Общества». Отложившиеся в архиве Литературного фонда документы говорят о широкой поддержке новой организации самыми разными слоями населения: есть письма от учащихся гимназий, студентов, чиновников, купцов, актеров, членов различных обществ, крестьян. В журнале заседаний Комитета Литературного фонда от 3 марта 1860 г., в частности, говорилось: «Ординатор 2-го Военного сухопутного госпиталя... Иностранцев предложил безвозмездное лечение литераторов и ученых, особливо по хирургической части, как его специальности»⁴. Актер Леонидов писал в Литературный фонд 2 февраля 1860 г.: «Практически сознавая, что театр есть литература в действии и что каждый пишущий — ближайший собрат действующему актеру... я

¹ Материалы Литературного фонда, хранящиеся в ОР ГПБ, описаны и проаннотированы в соответствии с требованиями, предъявляемыми к современным архивам (См.: Описание архива Литературного фонда. Аннот. каталог. Вып. 1, 2/Сост. Р. Б. Заборова и В. Н. Сажин. Л., 1978). Подобных описаний материалов Литфонда, хранящихся в ИРЛИ и ЦГАЛИ, пока, к сожалению, не существует. Заметим, впрочем, что содержимое ф. 591 ЦГАЛИ представляет собой весьма малую часть общего архива Литературного фонда.

² Членом Литературного фонда мог стать любой человек, признававший Устав, уплачивавший членские взносы и имевший рекомендацию представителя этого Общества. Прием в члены Литературного фонда осуществлялся на его общих собраниях.

³ Устав Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1859. С. 3.

⁴ ОР ГПБ. Ф. 438. Д. 1. Л. 47.

осмеливаюсь... предложить: после каждого драматического сочинения бессмертного Шекспира, в котором мне пришлось бы представлять одну из его творческих личностей... с поспектакльной платы принять по одной копейке с рубля»⁵. Не менее колоритное письмо поступило в Литературный фонд от крестьянина И. И. Иванова. 9 февраля 1860 г. Иванов писал: «Прилагаемые при сем деньги *четыре* рубля серебром... покорнейше просим принять на пособие бедным литераторам и ученым. И впредь желающие быть членишками (так.— *Я. Я.*) вашего общества — Крестьянин И. И. Иванов». В заключение письма Иванова следовало длинное и трогательное стихотворение, воспевающее Общество⁶.

В качестве характерного образчика писем, поступавших в Литературный фонд от людей, не слишком знакомых со статусом (и даже названием) Общества, можно привести такой документ: «В С[анкт] П[етер]б[ургское] Общество для пособия семействам Бедных Литераторов (так.— *Я. Я.*). Как сын своей родины, желая свободы слова... прилагаю 25 руб[лей] сереб[ром], которые обязываюсь вносить ежегодно в течение пяти лет и вместе прошу о принятии меня в члены Общества. 8 декабря 1859 г. С[анкт] П[етер]бург. Прошу прислать мне устав сего Общества»⁷.

За годы своего существования Литературный фонд оказал помощь многим известным деятелям русской литературы и общественного движения. Среди лиц, получавших пособия, мы встречаем имена Ф. М. Достоевского, Г. И. Успенского, В. А. Слепцова, А. И. Эртеля, А. И. Левитова, И. И. Лажечникова, А. М. Горького, А. С. Серафимовича, К. Н. Леонтьева, Н. Я. Николадзе, Г. В. Плеханова, Н. А. Морозова, А. С. Грина, С. А. Венгерова, С. Я. Надсона и многих других⁸. Рассмотрим несколько характерных примеров, содержащих зафиксированную в бумагах Общества характеристику материального положения просителя. На заседании Комитета Литературного фонда от 23 декабря 1859 г., как следует из журнала заседания, было «читано письмо... г. Серно-Соловьевича, предлагающего... Комитету обратить внимание на барона В. И. Штейнгеля, автора сочинений „Опыт времяисчисления“ и др. ... Будучи 77 лет от роду, он лишен всяких средств существовать». В результате бывшему декабристу Штейнгелю было выдано пособие⁹. Интересно отметить, что, помогая деятелям общественного движения, Литературный фонд в соответствии с Уставом формально был вынужден представлять это как помощь *литераторам*, обязательно перечисляя опубликованные книги и статьи просителей¹⁰.

30 апреля 1860 г. в Литературный фонд обратился за помощью литературный критик и поэт А. Григорьев. В длинном письме, пронизанном чувством гордости и отчасти уязвленного самолюбия (что вообще было

⁵ РО ИРЛИ. Ф. 155 (бумаги Литературного фонда за 1859–1860 гг.). Л. 289.

⁶ Там же. Л. 516, 517.

⁷ Там же. Л. 146.

⁸ Деятельность Литературного фонда по оказанию помощи нуждающимся литераторам за 1859–1865 гг. глубоко и подробно исследована В. Н. Сажиним. См.: *Сажин В. Н.* Русские писатели и Литературный фонд. 1859–1865 гг.: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979; *Он же.* Братство писателей. Н. А. Некрасов в Литфонде // *Звезда*. 1971. № 10; *Он же.* Литературный фонд в годы революционной ситуации // *Эпоха Чернышевского*. М., 1978. С. 138–157; *Он же.* Н. Г. Чернышевский в Литературном фонде // *РЛ*. 1975. № 3. С. 154–158. См., кроме того: *Алексеев И. А.* Литературный фонд и Горький // *Из истории русских литературных отношений XVIII–XX в. М.; Л.*, 1959. С. 412–423; *Он же.* М. Е. Салтыков-Щедрин как деятель Литературного фонда // *РЛ*. 1976. № 1; *Заборова Р. Б.* Новые материалы о М. В. Белинской // *Лит. наследство*. М., 1951. Т. 57. С. 357–374; *Она же.* Из архивных разысканий о Н. А. Некрасове // 1973. № 4.

⁹ ОР ГПБ. Ф. 438. Д. 1. Л. 17 об. См. также: *Сажин В. Н.* Русские писатели и Литературный фонд. С. 56.

¹⁰ XXV лет. 1859–1884. Сборник, изданный Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884. С. 5. О большом значении упомянутого сочинения В. И. Штейнгеля см.: *Майстров Л. Е.* Новаторский труд В. И. Штейнгеля по времяисчислению и астрономии // *Декабристы и русская культура*. Л., 1975. С. 341–348.

характерно для посланий, адресованных в Общество известными писателями), Григорьев заявлял: «Я не инвалид — у меня есть и голова и руки, но именно потому, что у меня есть голова и руки, я смело обращаюсь с просьбою к литературным собратиям ... Литературный фонд — не трибунал совести, перед которым я должен был бы объяснять, насколько я сам... виною запутанности моих дел»¹¹. Литературный фонд выдал Григорьеву, действительно очень нуждавшемуся в то время, 300 руб.¹²

В журнале заседаний Комитета Литературного фонда от 14 марта 1860 г. записано: «Читано письмо Елабужского земского исправника г. Терентьева о крайнем положении г-жи Дуровой, известной в нашей литературе под именем „Девуцы-Кавалерист“, записки которой изданы были А. С. Пушкиным... Г-жа Дурова, находясь уже в преклонных летах, живет с сестрой своей в Елабуге, где они нанимают квартиру за два руб[ля] сер[ебром] в месяц. Здоровье ее расстроено; средств к существованию нет почти никаких. Определено... послать на первый раз г-же Дуровой... единовременное пособие в 150 руб[лей] сер[ебром]»¹³. 30 мая того же года на заседании Комитета «читано отношение г. начальника Вятской губернии... содержащее в себе полученные им сведения о положении Кавалерист-девуцы Надежды Александровны Дуровой: она живет... под именем отставного штаб-ротмистра Александра Александровича Александрова, получает пенсии всего 283 рубля, на что содержит себя и живущую при ней сестру; ей теперь уже около 80 лет, и она так слаба, что едва может выходить из своей тесной и бедной квартиры»¹⁴. Комитет назначил «отставному штаб-ротмистру А. А. Александрову постоянное пособие в 240 р[ублей] в год»¹⁵.

В конце 1860-х годов Литературный фонд несколько раз оказывал помощь В. А. Манассеину, бедному лекарю. В знак благодарности тот «изъявил готовность служить бесплатно Обществу в случае, если бы ему понадобилась медицинская помощь»¹⁶. Интересно, что впоследствии Манассеин, уважаемый редактор газеты «Врач», стал председателем Литературного фонда.

Многие писатели вынуждены были обращаться за пособием повторно. Так, получивший помощь от Литературного фонда в 1864 г. А. И. Левитов в июне 1865 г. писал А. Н. Пыпину: «Благодарный фонду за это пособие, я, тем не менее, не мог им... одолеть и устранить те расстройства, которые внесли в мою жизнь пять месяцев неработы и болезни... Я терпел до последней возможности, так что мне теперь уже более решительно нечего ни продать, ни заложить»¹⁷. А. П. Шапов, которому Общество помогало неоднократно, писал в Комитет Литературного фонда 9 июля 1865 г.: «...в настоящее время я не только не могу помочь матери, сиротам и сестрам, но и сам тяжелейшим долгом задолжал на 125 р[ублей]. Все это сильно расстраивает нервы и волнует мысли так некстати, в такое время, когда во мне стала было снова закипать энергия к работам... Прошу единовременного пособия из фонда, между прочим и на книги, на источники, без которых... невозможна... жизнь умственная»¹⁸.

В деятельности Литературного фонда по оказанию помощи литераторам было и немало затруднений: определенной части просителей приходилось (особенно в конце XIX — начале XX в.) отказывать; кроме того, средняя величина пособий, как показывает анализ архивных документов, неуклонно уменьшалась с течением времени. 25—50—75 рублей — таковы были в конце XIX — начале XX в. рамки обыкновенно просимых и выдаваемых сумм.

¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 155 (бумаги Литературного фонда за 1859—1861 гг.). Л. 541.

¹² ОР ГПБ. Ф. 438. Д. 1. Л. 71 об.

¹³ Там же. Л. 49—49 об.

¹⁴ Там же. Л. 84—84 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ОР ГПБ. Ф. 438. Д. 12. Л. 135, 136.

¹⁷ Звенья. М.; Л., 1933. Т. 2. С. 673.

¹⁸ ОР ГПБ. Ф. 438. Д. 12. Л. 135, 136

Были и заведомо неверные сведения, сообщавшиеся в Литературный фонд. Чтобы предотвратить недоразумения, Общество в соответствии с положениями своего Устава проводило систематические проверки материального положения просителей, обследования их на дому¹⁹. Такие проверки были тем более необходимы, что значительное большинство лиц, которым помогал Литературный фонд, составляли, по выражению тех лет, «литературные поденщики», «второстепенные труженики», почти никому не известные даже при жизни²⁰. Их жалобные письма в Литературный фонд и акты обследований, проводившихся его членами, рисуют удручающие картины лишений и бедствий. «Те, которым громкая литературная известность дает возможность более чем безбедного существования, не могут себе представить, в каком положении находится меньшая их братия, эти труженики второстепенных и мелких журналов, и с какими усилиями зарабатывается ими скудная плата! — писал первый председатель Литературного фонда Е. П. Ковалевский. — Мы видели между ними нищету потрясающую... Один из наших почтенных сочленов, которому пришлось посетить просившего о вспомоществовании, нашел его помещающегося с женою и семилетнею дочерью в чулане на лестнице, где прежде складывались дрова»²¹. Историк М. И. Семевский писал Комитету 28 декабря 1883 г.: «Во исполнение возложенного на меня Литературным фондом поручения, 27 декабря... я посетил Спиридона Дмитриевича Дрожжина в 5 ч[асов] пополудни. Он живет в 5-м этаже грязного дома Яковл[ева] на Вознесенском, д. 30, в каморке небольшой, спит на диване без одеяла, бедность кругом, платит 8 рублей в месяц за эту квартиру... Видимо, очень нуждается, — занятий, кроме литературных, — никаких. Заработок в „Игрушечке“ оч[ень] мизерен. Человек он трезвый и производит впечатление благоприятное». И это писалось о достаточно известном в ту пору поэте!²²

Такие обследования проводили многие известные русские писатели, близкие к Литературному фонду, в том числе Некрасов²³, Салтыков-Щедрин²⁴, Достоевский²⁵.

Письма в Литературный фонд, отложившиеся в его архиве, позволяют проследить и пути, которыми нуждавшиеся писатели «приходили» в Общество. В этом плане интерес представляют письма литератора В. М. Андерсона. Их автор, видимо, наученный горьким опытом многих литераторов, обращавшихся за помощью в Литературный фонд и получивших отказ, обратился не непосредственно в Общество, но к одному из наиболее авторитетных, «маститых» писателей-современников — Д. В. Григоровичу. 26 января 1881 г. Андерсон писал ему: «Адреса Об[щест]ва

¹⁹ В Уставе Общества указывалось, что о «действительной потребности в пособии... Комитет должен иметь предварительные сведения» (Устав Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1859. С. 7).

²⁰ Чтобы установить точный адрес просителя, Комитету иногда приходилось обращаться в петербургский адресный стол. В архиве Литературного фонда встречаются эффектные «Справки адресного стола», выданные по запросам Комитета. См., например: РО ИРЛИ. Ф. 155 (Бумаги Литературного фонда за 1884 г. Т. 1). Л. 224—226.

²¹ Годовое собрание Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым 2-го февраля 1861 г. СПб., 1861. С. 3.

²² РО ИРЛИ. Ф. 155 (бумаги Литературного фонда за 1884 г., Т. 1). Л. 16. Ср. с автобиографией Дрожжина: «С 5 февраля 1871 г., оставшись без места... я в одном из подвалов дома в Кузнечном переулке паникую себе за 1 р. 25 к. угол и устраиваюсь вместо кровати на гнилых досках, положенных на ящике... В этом темном и душном помещении по стенам текли потоки сырости, а у печки ползали прусаки... Тогда же, чтобы не умереть с голоду, я должен был продать свои любимые книги и даже подушку» (Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. Собрал Ф. Ф. Фидлер. М., 1911. С. 156). Заметим, что на титульном листе этой книги имелась надпись: «Чистый доход с этой книги поступает в пользу Литературного фонда».

²³ ОР ГПБ. Ф. 438. Д. 3. Л. 30 об., 32 (Журналы заседаний Комитета Литературного фонда от 13 и 27 декабря 1865 г.).

²⁴ Там же. Д. 1. Л. 179 (Журнал заседания Комитета Литературного фонда от 6 ноября 1861 г.).

²⁵ Там же. Д. 2. Л. 19 об.—20, 21 об. (Журналы заседаний Комитета Литературного фонда от 18 мая и 1 июня 1864 г.).

д[ля] п[особия] н[уждающимся] л[итераторам] и у[ченым] я не знаю и потому прошу Вас как член Общества, прочитав предварительно прилагаемое письмо, запечатать его и переслать в фонд. Нужда гнетет меня безысходная. Прибегать к общественной благотворительности крайне грустно, да что же поделаешь. Будьте добрым человеком — замолвите словечко в Комитете. Честное слово, вторую неделю сижу без гроша, платья, лишенный всякой возможности работать... Ежели можете, отплатите мне рубля 2—3, чтобы я мог перебиться до пособия из Фонда»²⁶. В письме, которое Григорович, согласно просьбе Андерсона, переслал в Литературный фонд, говорилось: «Только безвыходно-тягостные обстоятельства вынуждают меня прибегнуть к вам с просьбой о помощи. С сентября 1877 года я не пользовался пособиями от фонда. С тех пор прошло 3 года — а что я пережил за это время, один Бог знает. В настоящую минуту я раздет, в неоплаченной комнате, без гроша денег и без всякой возможности окончить давно начатый серьезный литературный труд: „Словарь русских писателей настоящего пятидесятилетия“... Во имя гуманности прошу Фонд выручить меня из беды и дать мне возможность зарабатывать кусок хлеба и избавить меня от голодной смерти»²⁷. Анализируя данные послания, нетрудно сделать вывод, что Андерсон, конечно, лукавил, говоря, что, мол, не знает адреса Литфонда; его пособиями он уже пользовался. Кроме того, этого адреса знать было, в сущности, и не нужно. В архиве Литературного фонда хранится немало писем, на конверте которых значится: «Санкт-Петербург. Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым».

Такие письма столичный почтамт по договоренности с Литературным фондом пересылал непосредственно в Комитет фонда. Дело, видимо, состояло в том, что проситель нащупал более надежный, «верный» путь получения помощи: сделать так, чтобы в Комитет его прошение представил известный и уважаемый писатель, которому, скорее всего, не откажут.

Подобный «канал» обращения в Литературный фонд к концу XIX в. стал использоваться весьма часто. Заметим, кстати, что упомянутый Андерсон оказался в итоге одним из сравнительно немногих «литературных плебеев», которым помощь Литфонда действительно помогла выбиться в люди. В начале XX в. Андерсон был уже ведущим сотрудником журнала «Русский библиофил», автором работ «Плюшар и его типография», «Аракчеев и его издания» и др.

Оценивая достоверность сведений, содержащихся в документах из архива, следует подчеркнуть, что наиболее точные сведения о жизни и быте просителей были, конечно же, в актах обследований и других документах, составленных «третьими лицами». Именно на основании таких свидетельств Комитет принимал в конечном счете решения о необходимости пособий и их конкретных размерах. Но и слезные жалобы на нужду и лишения, которые мы встречаем в собственноручных письмах просителей (даже если в них и имелись вполне объяснимые преувеличения), представляются глубоко симптоматичными и в целом верно отражающими тот крайний уровень нужды рядовых русских писателей второй половины XIX — начала XX в., осознание которого прогрессивной общественностью и послужило, собственно говоря, толчком для создания «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым». Письма в Литературный фонд, содержащие немало интересных сведений о материальном положении «тружеников пера» дореволюционной России, являются, таким образом, ценным источником для характеристики литературной и общественной жизни страны указанного периода. Тщательное и всестороннее изучение всего комплекса этих документов откроет, несомненно, не одну неизвестную страницу истории отечественной литературы, науки, культуры.

²⁶ РО ИРЛИ. Ф. 155 (Бумаги Литературного фонда за 1881 г. Январь — июнь). Л. 97—98.

²⁷ Там же. Л. 100—101 об.

ДНЕВНИК В. А. БИЛЬБАСОВА

(Из архива издателя и редактора)

В Отделе рукописей и редких книг ГПБ находится фонд В. А. Бильбасова — А. А. Краевского. В нем объединены архивы двух людей, чьи имена неразрывно связаны с историей общественного движения и историей литературы — известного издателя А. А. Краевского и его ближайшего помощника и родственника В. А. Бильбасова. В этом архиве собраны документы и материалы, связанные с разнообразной деятельностью Бильбасова и Краевского. Среди них особое внимание привлекает дневник Бильбасова¹.

Василий Алексеевич Бильбасов (1837—1904) родился в Полтаве в дворянской семье. В 1857 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1863 г. защитил магистерскую диссертацию по всеобщей истории «Крестовый поход императора Фридриха II»², а в 1867 г. — докторскую на тему «Поповский король Генрих IV Распе». До 1868 г. Бильбасов читал лекции в Петербургском университете, а с 1868 по 1871 г. занимал должность профессора Киевского университета. В 1871 г. прервал свою научную карьеру и, вернувшись в Петербург, занял пост фактического редактора издаваемой отцом его жены А. А. Краевским крупной столичной газеты «Голос». На этом посту Бильбасов оставался до 1883 г. вплоть до закрытия газеты правительством в период наступления реакции. По мнению С. А. Венгерова, именно Бильбасову принадлежит заслуга превращения этой газеты в один из самых популярных и влиятельных органов умеренно-либеральных кругов 70 — начала 80-х годов XIX в.³

После закрытия газеты Бильбасов вновь вернулся к научной деятельности и в 80—90-е годы создал многотомную «Историю Екатерины II» и вел работу по редактированию и составлению примечаний к изданию «Архив графов Мордвиновых». Однако в эти же годы Бильбасов продолжал интересоваться общественной жизнью страны. Приобретенные за время работы в «Голосе» обширные политические связи позволили ему быть постоянно в курсе многих событий в высших кругах государственной бюрократии. В то же самое время он был тесно связан с либеральной интеллигенцией столицы⁴. Все это придает его дневнику особую значительность.

Термин «дневник» в данном случае может быть дан лишь условно. Хотя бы только потому, что именно так называл его сам Бильбасов. Дневник представляет собой хронологически расположенные по отдельным конвертам не имеющие сквозной авторской пагинации заметки, неопубликованные статьи самого Бильбасова, подборки документов и нелегальных материалов, записи бесед с государственными и общественными деятелями и прочие материалы, охватывающие различные стороны общественно-политической и культурной жизни России 70—90-х годов XIX в.

Сам Бильбасов разделил свой дневник на две части: первая — его собственные записи, вторая — выделенные в специальные «Приложения» дополнительно собранные им документы. В основном это материалы,

¹ ОР ГПБ. Ф. 73. (В. А. Бильбасов — А. А. Краевский). Д. 1—43.

² Защита В. А. Бильбасовым магистерской диссертации была отмечена А. В. Никитенко как заметное явление в научной жизни Петербурга тех лет (Никитенко А. В. Дневники. М., 1955. Т. 2. С. 333).

³ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1892. Т. 3. С. 274—283.

⁴ Л. Ф. Пантелеев, известный общественный деятель 1860—1880-х годов вспоминал о том, что в 80-е годы В. А. Бильбасов пытался издавать русскую газету за границей при участии П. Л. Лаврова (Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 555).

нелегально распространявшиеся в близкой к Бильбасову среде петербургской интеллигенции, бывшей в известной степени оппозиционно настроенной по отношению к высшей царской администрации в период второй революционной ситуации конца 70 — начала 80-х годов XIX в.

Первой записью этого цикла были сделанные в 1878 г. заметки под названием «Военный политический кризис»⁵: «Ужасное, невыносимое положение! Состояние духа отвратительное. Не только писать, даже думать ни о чем нельзя — перед глазами, как привидение, все мерещится Сан-Стефано»⁶, — так начинается Бильбасов свои размышления об итогах русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Подписание мирного договора в Сан-Стефано и сложившаяся в связи с этим международная обстановка расценены им как национальная катастрофа. Россия была вынуждена под давлением ряда европейских держав пойти на крупные уступки Турции, что, по мнению Бильбасова, в значительной степени умалило результаты ее военной победы. Это привело Бильбасова к решению обратиться с письмом к Александру II. Копию этого письма он приводит в своем дневнике. «Военный и политический кризис, переживаемый Россией, становится хроническим... Для такого особенного положения требуются и особенные меры; выжидание делает кризис только более острым. Необходимо энергичное решение, способное не только вывести русскую армию из Санстефанской засады и возвратить русской политике ее прежний простор, но и обеспечить России в ближайшем, по крайней мере, будущем преобладающее положение в советах Европы»⁷.

В послании он анализирует международную ситуацию и связывает ее с внутренним положением в стране: «Воевать мы не желаем, даже, быть может, не можем; уступки требованиям Англии и Австрии встречаются русскими людьми с таким раздражением, которое должно быть принято **во внимание**, и вместе с тем выжидательное бездействие только усложняет кризис»⁸.

Выход из кризиса Бильбасов видит в проведении ряда военных и дипломатических акций: в выводе русских войск за Прут, объявлении о том, что цель войны — освобождение болгарского народа от османского ига — достигнута и в выдвижении предложения европейским державам до заключения окончательного мира между Россией и Турцией взять на себя контроль за соблюдением Турцией обязательств по отношению к балканским народам. Это, по мнению Бильбасова, должно было привести к тому, что «враждебные Санстефанскому договору державы потеряют возможность объявить себя против освобождения христиан и, во всяком случае, будут поставлены в необходимость воевать с Турцией, не с Россией, угрожающе своей армией»⁹. Такова была точка зрения на международное положение России в 1878 г. одного из видных представителей либеральной части общества.

Кризисная ситуация, сложившаяся в конце 70-х годов, отразилась и в части дневниковых записей Бильбасова, рассказывающих о реакции правящих кругов на следующие одно за другим покушения на Александра II. Описывая различные охранительные мероприятия правительства, последовавшие после покушения в апреле 1879 г., Бильбасов отмечает, что, какие бы репрессивные меры ни предпринимались правительством в борьбе с революционным движением, все они окажутся не эффективными до тех пор, пока не будут изменены многие отжившие, по его мнению, свой век социально-экономические положения, сковавшие «живые силы общества».

При этом Бильбасов готов поддержать репрессии правительства, направленные против революционного движения. Однако он считает, что проведение необходимых реформ будет более действенным оружием в

⁵ ОР ГПБ. Ф. 73. Д. 6. Л. 1—10.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ Там же.

этой борьбе. Бильбасов резко полемизирует и с революционными народниками: «Общество желает широких экономических реформ, но не хочет отобрания всех земель у владельцев, — пишет он в своем дневнике, — оно хочет преобразования фабричного законодательства, но не желает конфискации всех фабрик; оно желает религиозной свободы, но не декретирует уничтожения церкви; оно желает общественной свободы, но не стремится к разрушению государств во всем мире; оно желает обеспечить личности, но не примет никаких улучшений из рук тайных и явных убийц; оно уважает народ, желает для него всех условий экономического и умственного развития, но ему противно разнуздание чернорабочей черни и возбуждение анархии. Русское общество любит русский народ, но под народом оно разумеет не только часть его, хотя бы и большую, но все организованное целое, начинающееся царем и кончающееся крестьянином; оно хочет преобразований, но преобразований мирных, сверху вниз»¹⁰.

Кроме выяснения собственной точки зрения Бильбасова, эта часть дневника важна еще и содержащимися в ней фактическими данными о действиях администрации в создавшейся кризисной обстановке. Так, большой интерес вызывает подробное описание состоявшегося 4 апреля 1879 г. собрания редакторов бесцензурных изданий, созванного министром внутренних дел Л. С. Маковым. Бильбасов дает изложение речи Макова, подчеркивая неприемлемость его позиции по отношению к «общественному мнению». Цитируя речь Макова, он выделяет его слова, обращенные к редакторам столичных газет: «...теперь, кто не за нас, тот против нас... не время кокетничать с печатью. Что вы делаете? Чего вы хотите? Ведь вы, одни более, другие менее, одни между строк, другие намеками, подрываете правительство, представляете в темном свете ту или другую сторону управления. Прочтите сами свои издания: и то дурно, и другое дурно, и третье дурно — нигде ничего хорошего нет!». Отвергая всякое право печати критиковать те или иные распоряжения правительства или действия администрации, министр поучал редакторов: «Печать обязана помогать правительству — да, это ее обязанность, если это печать патриотическая. Она должна быть такою, и я вам ручаюсь, что она такою будет или ее не будет!»¹¹. Далее Маков остановился на характеристике наиболее, по его мнению, вредных изданий: «Недели», «Русского мира», «Русской правды», «Голоса». Особенно подробно Бильбасов излагает часть речи министра, направленную непосредственно против редактируемой им газеты. В отношении к «Голосу» Бильбасов видит как бы символ ошибочного, на его взгляд, курса правительства на подавление либеральных устремлений.

Умный, высокообразованный человек, Бильбасов понимал, что, обрушивая репрессии на либеральную прессу, ставя ее в один ряд с революционной печатью, правительство тем самым сужает социальную базу самодержавия, делает себя еще более непопулярным в широких слоях общественности. Особенно ярко точка зрения Бильбасова выражена в его записях, озаглавленных «Положение русского общества»¹². Эти записи он сделал после нового покушения на Александра II, произведенного народовольцами в ноябре 1879 г. Анализируя административно-полицейские меры, принятые правительством после предыдущего, апрельского покушения, Бильбасов отмечает «тщету административных мероприятий, измышленных против крамольников», причину которой, в первую очередь, усматривает в том, что правительство не пользуется поддержкой «общества». Далее он пытается объяснить причины апатии, охватившей «общество», под которым имел в виду интеллигенцию и некоторые категории чиновничества. Бильбасов пришел к выводу о том, что в основе подобного положения лежит «...отчужденность общества от обществен-

¹⁰ Там же. Д. 8. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Там же. Д. 9.

ных интересов и отсутствие общественной жизни»¹³. Для того, чтобы правительство могло действительно бороться с революционным движением, оно, по замыслу Бильбасова, должно помочь «здоровым силам общества ... создать общественную жизнь, с ее радостями и печалью, с заботой общества об общественных интересах, с сознанием, что, кроме личного долга, есть долг общественный, кроме личного блага, есть благо общественное»¹⁴.

Однако Бильбасов с возмущением отмечает, что репрессивный курс правительства «подорвал и продолжает подрывать престиж самодержавной власти»¹⁵. Все это, пишет он в дневнике, «привело не только к апатии, к пассивной борьбе против общественного порядка, но и к озлоблению, способному выразиться в активной пропаганде против государственного строя»¹⁶. И в заключение Бильбасов, оценивая внутриполитическую ситуацию конца 1879 г., с горечью констатирует: «Правительство в настоящее время ничего не слышит, ничего не читает; русское общество боится говорить и не смеет печатать. До правительства доносится только глухой шум от шепота миллионов, и общество читает только подпольные издания, питается вместо здоровой, разумной мысли развращающими идеями незаконной печати, единственно свободной в России»¹⁷.

В своем дневнике Бильбасов фиксирует и комментирует многие события общественной жизни. Особое внимание он сосредоточил на освещении перепетий сложной борьбы в высших сферах государственной власти в кульминационный момент кризиса конца 70 — начала 80-х годов. Наибольший интерес у Бильбасова вызывала борьба вокруг конституционных проектов 1880—1881 годов. В январе — феврале 1880 г. он делает запись в дневнике под названием «Заговор Мраморного дворца»¹⁸. В ней подробно освещает ход и решения состоявшихся в эти месяцы совещаний, проходивших под руководством председателя Государственного Совета, великого князя Константина Николаевича. В распоряжении Бильбасова находился протокол этих совещаний, и он сделал обширные выписки, снабжая их собственными комментариями. В приложении к этой части дневника дан текст и самого проекта. Если сам проект известен уже в исторической литературе¹⁹, то ход его обсуждения освещался еще недостаточно. Бильбасов отметил, что предложенный Константином Николаевичем проект имел свою историю. Первый его вариант был представлен царю еще в 1866 г.²⁰ В работе совещаний, кроме великого князя, участвовали также наследник престола Александр Александрович, председатель комитета министров П. А. Валуев, министр внутренних дел Л. С. Маков, главноуправляющий II отделением с. е. и. в. Канцелярии С. Н. Урусов, государственный секретарь Е. А. Перетц, шеф корпуса жандармов А. Р. Дрентельн, т. е. наиболее влиятельные в тот период члены высшей административной бюрократии. Собрания проходили дважды — 23 и 25 февраля. На них председатель Государственного Совета представил собравшимся несколько модернизированный проект 1866 г., центральное место в котором занимало предложение об образовании особого собрания депутатов, избираемых дворянством и земством. Надо отметить, что в этой части дневника Бильбасов обозначает своих информаторов криптонимами. Однако не трудно догадаться, что Е. А., предоста-

¹³ Там же. Л. 5.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ Там же. Л. 8.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 11.

¹⁸ Мраморный дворец — петербургская резиденция великого князя Константина Николаевича.

¹⁹ Проект был опубликован лишь в 1905 г. в статье К. Л. Бермапольского «Конституционные проекты царствования Александра II» (Вестн. права. № 9. С. 270—284). Автором этого проекта был государственный секретарь Е. А. Перетц (Дневник Государственного секретаря А. А. Половцева. М., 1966. Т. 1. С. 485). Историю созыва этих совещаний см.: Там же. С. 57.

²⁰ ОР ГЦБ. Ф. 73. Д. 10. Л. 1.

вивший ему протокол этих совещаний, не кто иной, как бывший тогда государственным секретарем Егор Абрамович Перетц.

Анализируя протокол совещаний, Бильбасов выделяет речь великого князя Константина Николаевича, который открыто признал «наличие недовольства части общества» и заявил: «Скрывать от себя такое недовольство было бы неблагоприятно. Напротив, необходимо обратить на него особое внимание, исследовать причины его и принять меры к удовлетворению тех желаний общества, которые окажутся разумными и оправданными»²¹. Великий князь призвал в своем выступлении: «Прислушиваться к большинству суждений мыслящих людей, которые, хоть и порицают многие из наших порядков, но состоят из людей, вообще умеренных и преданных правительству». По его мнению, этих «мыслящих людей» объединяет одна мысль: «До государя правда не доходит; нами завладели администрация и бюрократия; чиновничество образует стену между государем и Россией; государь окружен опричниками» и т. п.²²

И Константин Николаевич предлагает выход: расширить права Государственного Совета, создать при нем собрание экспертов или гласных, избранных земскими губернскими собраниями и городскими думами наиболее крупных городов²³. Здесь же оратор говорит о том, что с этим предложением он уже выступал в январе 1880 г. на Особом совещании, но тогда предложение было отклонено «из опасения создать из этого собрания гласных опасную оппозицию». Теперь же, в феврале, он выдвигает новый, уточненный проект, в котором учтены, по его словам, замечания, высказанные на Особом совещании. Он предлагает, чтобы эти собрания не были постоянными, а лишь временными, на сроки, указанные правительством, и им будет дано право обсуждать не все, а лишь предлагаемые правительством законопроекты²⁴. Опасаясь критики, великий князь неоднократно подчеркивал в своем выступлении, что его проект якобы лишь только «развивает и обобщает начала, уже действующие в нашем законодательстве, и не заимствуют свою основу с Запада, не вводят у нас народное представительство по иностранному образцу»²⁵.

Бильбасов подчеркивал, что эти призывы председателя Государственного Совета и сам проект были отвергнуты участниками совещания. Описывая реакцию собравшихся на этом совещании, он особо выделяет слова наследника престола Александра Александровича: «Не конституция, палка нужна русскому народу»²⁶.

Не менее интересна и оценка этого проекта самим Бильбасовым как влиятельным представителем либеральной оппозиции, т. е. представителем тех кругов, которых авторы проекта и именовали «мыслящим обществом». Подводя итоги своего анализа протокола этого совещания, он, полемизируя с охранительными кругами, прозвавшими эти предложения «Заговором Мраморного дворца», восклицает: «И это заговор? Чего же хочет реакция?». И констатирует: «Предложение великого князя Константина Николаевича, конечно, никого не удовлетворило бы, но значительно успокоило бы умы и произвело бы впечатление на крамолу. Правительством сделано бы несмелый, но все же шаг к привлечению общественных сил к разрешению государственных вопросов, была бы узда на бюрократию»²⁷. Здесь же Бильбасов отмечает, что еще более отрицательную оценку этому документу дал А. Д. Градовский, профессор государственного права, также активный участник либерального движения. Бильбасов пишет, что Градовский был привлечен великим князем к работе над проектом, но его предложения не были учтены²⁸.

²¹ Там же. Л. 3.

²² Там же. Л. 4.

²³ Там же. Л. 9.

²⁴ Там же. Л. 9.

²⁵ Там же. Л. 12.

²⁶ Там же. Л. 3.

²⁷ Там же. Л. 12.

²⁸ Там же. Л. 13.

Особенно внимательно в этот период следит Бильбасов за расстановкой сил в правительстве и в ближайшем к императору окружении. Он дает подробную и весьма нелестную характеристику членам Комитета министров: Н. К. Гирсу, Л. С. Макову, Д. Н. Набокову, К. Н. Посыету и С. А. Грейгу. Всех их, по его мнению, объединяет то, что они «получили образование в кадетских коридорах и как выскочки заботятся лишь о том, чтобы усидеть на новых местах». В свою очередь, о председателе Комитета министров П. А. Валуеве Бильбасов пишет, что он «человек несомненно умный, очень был рад и даже содействовал такому подбору министров, справедливо находя, что при них ему легче будет заниматься **единственным** его любимым занятием — интригой». «За исключением Милютин²⁹, подводит итог Бильбасов, ни один из названных министров не может быть признан государственным деятелем»³⁰. В специальной главе дневника от 20 марта 1880 г., названной им «Интриги высокопоставленных», он пишет, что в тот период борьба в правительстве шла прежде всего между наиболее, на его взгляд, сильными личностями — министром просвещения Д. А. Толстым и председателем комитета министров П. А. Валуевым, с одной стороны, и главой Верховной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликовым, с другой. Деятельность Лорис-Меликова, по мнению Бильбасова, «наносила удар по ним всем». Поэтому, как считает автор, против Лорис-Меликова стали плестись интриги и министры бойкотировали участие в работе Верховной распорядительной комиссии. Бильбасов приводит даже слухи о том, что якобы в петербургских тюрьмах делались попытки подкупить некоторых уголовных заключенных с тем, чтобы они, выпущенные на свободу, «учинили уличные беспорядки и тем самым компрометировали идею Лорис-Меликова ликвидировать III отделение»³¹.

Бильбасов стремился фиксировать все известные ему перипетии борьбы в правительстве. Так, 18 апреля 1880 г. он с нескрываемым удовлетворением записывает ставшие известными подробности отставки, пожалуй, наиболее одиозной фигуры тех лет, министра народного просвещения и обер-прокурора Синода Д. А. Толстого³². Бильбасов подробно описывает ход заседания Комитета министров 12 апреля 1880 г., заседания, на котором Д. А. Толстой оказался в одиночестве при обсуждении вопроса о репрессиях против раскольников. Столкновение Толстого в этом вопросе с министром внутренних дел Маковым было, по словам автора, использовано Лорис-Меликовым для свержения Толстого. Бильбасов отмечает, что именно Лорис-Меликов рекомендовал царю разделить бывший пост Толстого: министром просвещения был назначен А. А. Сабуров, а обер-прокурором Синода — К. П. Победоносцев³³.

Бильбасов отводит несколько страниц описанию непосредственного знакомства с Лорис-Меликовым. 19 июля 1880 г. Бильбасов был вызван к нему и между ними состоялся долгий и, по-видимому, сложный разговор. Первоначально Лорис-Меликов объявил ему о том, что решением Особого совещания при Комитете министров редактируемая им газета «Голос» закрывается на шесть месяцев, а сам Бильбасов высылается из Петербурга. Но далее Лорис-Меликов с, казалось бы, неожиданной откровенностью объяснил редактору, что все это — интриги Макова, Валуева, Богдановича и других, а он, напротив, защищал «Голос» и добился того, что Александр II передал ему это дело на окончательное заключение³⁴. Лорис-Меликов перечислил обвинения, которые были предъявлены газете: «Пропаганда республиканской формы правления, подрыв авторитета правительства, требование замены неограниченного самодержавия кон-

²⁹ Д. А. Милютин — военный министр.

³⁰ ОР ГИБ. Ф. 73. Д. 12. Л. 8.

³¹ Там же. Л. 11.

³² Там же. Л. 13.

³³ Там же. Л. 5.

³⁴ Там же. Д. 14. Л. 1—2.

ституционным строем»³⁵. После столь внушительного перечисления прегрешений «Голоса» Лорис-Меликов рассказал редактору, что ему в конечном итоге удалось отвести от «Голоса» угрозу закрытия. В эти же дни Бильбасов был вызван и для беседы с министром внутренних дел Маковым, который неожиданно тоже стал заигрывать с редактором влиятельной газеты. В этой истории отразились не только попытки всевильного диктатора завоевать популярность в среде столичной интеллигенции, но и общая атмосфера неуверенности высшей бюрократии, колеблющейся от крайних охранительных мер до заигрывания с либеральным движением³⁶.

Как отмечалось, Бильбасов вел свой дневник далеко не ежедневно. Однако именно на период 1880—1881 гг. падает наибольшее количество записей. Особенно насыщены его записи в первые месяцы 1881 г., в кульминационный момент борьбы вокруг реформ, предложенных Лорис-Меликовым. В главе «Проект преобразований»³⁷ Бильбасов излагает ставшее ему известным содержание доклада Лорис-Меликова царю 28 января 1881 г. о «Преобразованиях местного управления в губерниях, о пересмотре земского и городского положений, выяснении потребностей крестьянского населения...»³⁸. Он пишет, что, по имеющимся у него сведениям, Александр II дал согласие на привлечение «местных деятелей к совещательному участию в изготовлении центральных учреждениями законопроектов по тем вопросам, которые призваны будут высочайшею волею подлежащими ныне разрешению в виде развития и усовершенствования высочайше предначертанных преобразований»³⁹. Было принято решение создать в Петербурге временные подготовительные комиссии. В приложении к этой главе Бильбасов дает полный текст проекта, поданного царю на утверждение 1 марта 1881 г.⁴⁰

Следует отметить, что Бильбасов старался быть предельно точным. Он явно хотел сделать дневник как можно более информативным. Зачастую это достигалось в ущерб литературной стороне. Его записи в основном почти полностью лишены какой-либо эмоциональной окраски. Однако страницы, посвященные событиям 1881—1882 гг., являются исключением. Бильбасов не может скрыть своего разочарования, вызванного крахом либеральных иллюзий периода «диктатуры сердца» Лорис-Меликова. Даже ему, человеку весьма умеренного либерализма, был ясно виден ограниченный характер предполагаемых реформ; но падение Лорис-Меликова пугало его главным образом перспективой резкого усиления консервативно-охранительных тенденций.

Поэтому пессимизмом окрашен его рассказ о ставших ему известными подробностях заседания Совета Министров 8 марта 1881 г.⁴¹ Информацию о ходе заседания он сначала получил от начальника Главного управления по делам печати Н. С. Абазы, но уже 12 марта Бильбасов был вызван непосредственно Лорис-Меликовым. В начале беседы он напомнил Бильбасову их разговор, состоявшийся двумя неделями раньше.

³⁵ Там же. Л. 5.

³⁶ Надежды либералов на действенность мероприятий М. Т. Лорис-Меликова нашли отражение и на страницах газет, в том числе редактируемой Бильбасовым газеты «Голос». Активная поддержка «Голосом» «диктатуры сердца» вызвала критические замечания в среде политической эмиграции. М. П. Драгоманов выпустил даже серию специальных брошюр, посвященных полемике с «Голосом»: «Терроризм и свобода, муравьи и коровы. Ответ на ответ «Голоса». Женева, 1880; «Соловья баснями не кормят. Письмо к генералу Лорис-Меликову». Женева, 1880; «Было бы болото, а черти будут!» Женева, 1880.

³⁷ ОР ГИБ. Ф. 73. Д. 15. Л. 1—3.

³⁸ Документы, связанные с этим докладом, были опубликованы в журнале «Былое» (Пг., 1918. № 4. С. 125—186). Сам доклад увидел свет в 1905 г. в изданной Министерством внутренних дел брошюре «Предположения высшего правительства о привлечении избранных от населения лиц к законосовещательной деятельности» (СПб., 1905), а также в «Вестнике права» (1905. № 9).

³⁹ ОР ГИБ. Ф. 73. Д. 15. Л. 4.

⁴⁰ Там же. Л. 5.

⁴¹ Эти страницы из дневника Бильбасова были опубликованы Б. Э. Нольде в журнале «Былое» (Пг., 1918. № 4—5. С. 187—193).

Тогда Лорис-Меликов, делаясь своими планами либеральных преобразований, сказал: «Подумай только: какой-нибудь мальчишка с игрушечным револьвером может разрушить все мои планы!»⁴². Далее Лорис-Меликов подробно рассказал о ходе событий после 1 марта 1881 г. По его словам, Александр III первоначально всецело одобрил проект, но затем стал затягивать окончательное решение этого вопроса. 6 марта Лорис-Меликов вновь обратился к императору по этому вопросу и, видимо, ощущая растущее неприятие царем его предложений, заявил: «Если же Ваше Величество думает повести народ в другую сторону, опять к полицейско-административной опеке, Вы приготовите себе бурное царствование, полное случайностей»⁴³. В ответ на это Александр III назначил заседание Совета министров. Лорис-Меликов подробно изложил Бильбасову ход этого заседания, приводя мнения о предлагаемых реформах К. П. Победоносцева, Л. С. Макова, Д. А. Милютина, П. А. Валува и А. А. Абазы. Большинство собравшихся высказалось в пользу предложений Лорис-Меликова⁴⁴, и, следуя его версии, преподнесенной Бильбасову, Александр III якобы согласился с мнением большинства⁴⁵.

Однако сам Бильбасов, приведя рассказ Лорис-Меликова, все же отмечает, что слухи, циркулирующие в городе, говорят о диаметрально противоположном исходе этого заседания, о том, что «победила реакционная партия и Лорис-Меликов подал в отставку»⁴⁶. Основываясь на всем комплексе источников по этому вопросу, мы считаем, что Лорис-Меликов не имел намерения ввести в заблуждение Бильбасова, а был сам сознательно обманут царем, не желавшим в данном случае публично оглашать свое решение, или принял желаемое за действительное, что можно объяснить остротой момента⁴⁷. Рассказ об этом заседании в дневнике Бильбасова не только является своеобразным рубежом между двумя царствованиями, но и символизирует крушение либеральных иллюзий и знаменует победу реакционного курса.

Следующую запись Бильбасов делает только в конце июля 1881 г., когда основные черты перехода к новому направлению во внутренней политике царизма определились уже достаточно ясно. Одним из показателей этого и был приведенный им текст объяснения с новым министром внутренних дел Н. П. Игнатьевым⁴⁸.

25 июля 1881 г. Бильбасов получил распоряжение министра внутренних дел о закрытии редактируемой им газеты «Голос» на шесть месяцев. Объявляя ему, начальник Главного управления по делам печати П. П. Вяземский не скрывал, что это сделано после того, как царь принял у себя Игнатьева и прибывшего из Москвы Каткова. Узнав о том, что в деле приостановки «Голоса» не последнюю роль сыграл его старый недоброжелатель и оппонент, редактор «Московских новостей» М. Н. Катков, Бильбасов поехал прямо к Игнатьеву. Состоялась беседа, в ходе которой, судя по записи в дневнике, Игнатьев не скрывал, что дело идет к ликвидации практически всей либеральной

⁴² ОР ГПБ. Ф. 73. Д. 16. Л. 2.

⁴³ Там же. Л. 4.

⁴⁴ Там же. Л. 5.

⁴⁵ В монографии П. А. Зайончковского «Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 гг.» (М., 1964. С. 332) версия о позитивном исходе этого заседания подвергнута критике на основе сравнительного анализа идентичных рассказов в дневниках и документах других очевидцев и участников этого события (Перетц Е. А. Дневник Государственного секретаря 1880–1885. М.; Л., 1927. С. 30–47; Валуев П. А. Дневник 1877–1884 гг. Пг., 1919. С. 150–155; Милютин Д. А. Дневник. М., 1950. Т. 4. С. 35–38; Государственное заседание 8 марта 1881 г. // РА. 1906. № 7. С. 445–448; К истории лорис-меликовской «конституции». Заседание Совета министров 8 марта 1881 г. // КА. 1925. Т. 1 (8). С. 132–152; Строганов С. А. Из дневника графа С. А. Строганова (март 1881) // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 426–429.

⁴⁶ ОР ГПБ. Ф. 73. Д. 16. Л. 1.

⁴⁷ Та же версия исхода заседания содержится и в публикации его изложения, данного одним из участников (Государственное заседание 8 марта 1881 г. // РА. 1906. № 7. С. 445–448). Об этом заседании см. также: Дневник Е. А. Перетца, Государственного секретаря (1880–1883). М.; Л., 1927. С. 30–50.

⁴⁸ ОР ГПБ. Ф. 73. Д. 17.

прессы. «Голос», как наиболее одиозный в глазах реакции орган, должен был стать первой жертвой нового курса. При этом Игнатьев попытался создать у Бильбасова впечатление, что якобы он сам не во всем разделяет принятое направление, но как бы покоряется обстоятельствам. «Ведь, знаете ли, у Вас сколько врагов? — говорил он Бильбасову. — Один Победоносцев надоедает мне три раза в день. Да что Победоносцев, даже Набоков!»⁴⁹. В ответ редактор заявил, что меры против его газеты «загоняют его в лагерь врагов правительства»⁵⁰.

Видимо, окончательный разрыв с редактором газеты, имеющей 30 000 подписчиков и связи в самых высоких сферах русского общества, не входил в планы министра. Поэтому он предложил Бильбасову «дать слово, что он больше не выйдет из программы». Однако в ответ Бильбасов отказался и с возмущением заявил: «Где эта программа? Кто и когда говорил русской печати: вот предел, его же не перейдешь? Западня у нее есть, а программы нет. Определите точно, что можно, чего нельзя, и какая же газета пойдет на явную погибель? В том-то и беда, что в России программ, как вы знаете, граф, не любят. В свободное время позовите меня, скажите: этого и этого нельзя, а об этом и этом — только в таком смысле, и я, не сходя со стула, скажу Вам, можно ли при данных условиях быть публицистом в России»⁵¹. Здесь же он обосновывает главный критерий либеральной печати: «Дайте ей свободно говорить, сделайте ее ответственной только перед общественным мнением и судом — и из обузы печать станет первым слугою правительства»⁵².

Но даже такая постановка вопроса расходилась с точкой зрения новых руководителей страны на роль печати в русской общественной жизни. В 1883 г. «Голос» был закрыт за «вредные направления»⁵³. Однако Бильбасов, вновь вернувшись к научной работе, продолжал следить за политической обстановкой в стране. С особой заинтересованностью он фиксирует в дневнике все, что связано с развитием печати и книжного дела. Так, Бильбасов составляет и включает в дневник «Мартиролог русской периодической печати», в котором последовательно указывает распоряжения правительства в этой области с 1873 по 1895 г. Причем он не только обобщил материалы, публиковавшиеся в «Правительственном вестнике», но и использовал большую подборку секретных распоряжений министерства внутренних дел и Главного управления по делам печати⁵⁴.

В 1883 г. Бильбасов записывает в дневнике подробности высылки из Петербурга сотрудников столичных газет К. А. Бебутова и В. Л. Ранцова⁵⁵. В 1884 г. он присоединяет к дневнику проект реформы Главного управления по делам печати. Правда, он не скрывает, что в основу проекта лег старый, представленный еще в 1865 г. проект, предложенный управляющим II отделения с. е. и. в. Канцелярии⁵⁶.

⁴⁹ Эти слова Игнатьева подтверждаются нападками на Бильбасова в письмах Победоносцева к Игнатьеву (Письма К. П. Победоносцева к графу Н. П. Игнатьеву // Былое. 1924. № 27/28. С. 54, 57).

⁵⁰ Там же. Ф. 73. Д. 17. Л. 6, 7.

⁵¹ Там же. Л. 8—9.

⁵² Там же. Л. 10.

⁵³ Закрытие газеты было отмечено и русской нелегальной печатью как факт, иллюстрирующий наступление реакции. Так, «Общее дело» в 1883 г., называя «Голос» «корифеем умеренного либерализма», писало: «Газета существовала 21 год, если можно только назвать существованием то балансирование и перемену направлений, которые она представляла за этот почтенный для газеты возраст и до некоторой степени понятные в виду множества наказаний, которым она подвергалась. Справедливость все-таки требует признать, что за последние 3—4 года «Голос» держался довольно последовательно своей программы и стал самым видным представителем у нас умеренных взглядов: прекращение его лишает либеральную партию самого главного ее органа» (Общее дело. 1883. № 53. С. 5—6).

⁵⁴ ОР ГПБ. Ф. 73. Д. 1.

⁵⁵ Там же. Д. 20.

⁵⁶ Видимо, Бильбасов имел в виду М. А. Корфа, занимавшего эту должность до 1864 г.

В частности, он предлагал создать особое ведомство, подчиненное непосредственно Сенату, а не Министерству внутренних дел. Комментируя этот проект, Бильбасов не без сарказма замечает по поводу выделения цензуры в особое ведомство: «Наше законодательство находит же возможным признать самостоятельность управления государственным коннозаводством... Я не думаю, чтобы дела печати в чем-либо уступали по своей важности, интересам, например, государственного коннозаводства»⁵⁷. К этим вопросам он возвратился и в 1897 г. после принятия нового закона о повременных изданиях. Бильбасов включает в текст дневника свой доклад «Нужды русской печати», в котором дает развернутый анализ эволюции русского законодательства по этому вопросу с 1865 по 1897 г., и приходит к выводу о том, что «основная мысль реформы Александра II искажена, место закона заняли административные распоряжения; судебные приговоры заменены административными взысканиями»⁵⁸. Сюда же он включает и доклад на ту же тему известного юриста В. Д. Спасовича «О неудобствах нового порядка переделки повременных изданий по закону 28 марта 1897 г.»⁵⁹.

Интересный фактический материал по истории книжного дела содержится в главах дневника, посвященных изданию первых двух томов монографии Бильбасова «История Екатерины II»⁶⁰.

За развитием русской периодической печати и книжного дела Бильбасов следил не только как профессиональный публицист, но и как ученый-историк. Еще в 1880 г. он внес в дневник рецензию на «Обзор социально-революционного движения в России». Созданная П. П. Цитовичем по заказу III отделения, эта работа была одной из первых документальных историй революционного движения. Бильбасов подверг ее уничижительной критике. Высмеивая и опровергая содержащиеся в ней выводы, он отмечал, что «самое издание „Обзора“ представляет явление, понятное только на русской почве — изданный по распоряжению III отделения „Обзор“ увеличит собою число подпольных изданий: он издан всего в числе 220 экз. и зачислен в разряд запрещенных изданий, так что наряду с „Землею и Волею“, „Вперед“ и т. п. оно подвергает обладателя неприятностям быть обвиненным за владение запрещенных и противогосударственных изданий»⁶¹.

Торжество реакции, крах либеральных иллюзий начала 80-х годов, закрытие «Голоса» окончательно толкнули Бильбасова в лагерь оппозиционно настроенной интеллигенции. Свою точку зрения на политику Александра III Бильбасов высказал в декабре 1887 г. на страницах дневника. Эту главу он начинает словами: «Семь лет идет реакция. Только и думают об укреплении трона, которому ничто не угрожает, и об охране Государя, на которого никто не нападает»⁶². Бильбасов дает развернутый анализ внутренней политике царизма 1881—1887 гг. Он приводит подробные характеристики большинству министров и создает яркие портреты идеологов реакции М. Н. Каткова и К. П. Победоносцева. Рассматривая ход развития революционного движения, Бильбасов пишет: «съезд нигилистов в Воронеже в 1879 г. показал их разрозненность; процесс 1887 г. — их сплоченную организацию; к тому же и лица явились теперь иные: Новорусский профессорский кандидат в духовную академию, покровительствуемый Победоносцевым; Ульянов своею речью изумивший сенаторов, кандидат Петербургского университета!»⁶³. По мнению Бильбасова, первые годы царствования Алек-

⁵⁷ Там же. Д. 22. Л. 10.

⁵⁸ ОР ГПБ. Ф. 73. Д. 35. Л. 4.

⁵⁹ Там же. Д. 34.

⁶⁰ Там же. Д. 31—32.

⁶¹ Там же. Д. 11. Л. 4.

⁶² Там же. Д. 28. Л. 1.

⁶³ Бильбасов имеет в виду только что прошедший в Петербурге процесс над группой Александра Ульянова (ОР ГПБ. Ф. 73. Л. 12—13).

сандра III ознаменовались «возрождением полицейского государства, каким оно было до Александра II»⁶⁴.

Ко многим частям дневника Бильбасов делал специальные документальные приложения. Как и сам дневник, приложения тоже были помещены Бильбасовым в отдельные конверты и снабжены соответственной датировкой. Большую часть приложения составили нелегальные сатирические произведения, имевшие в ту пору широкое хождение в оппозиционно настроенных кругах интеллигенции. Это «Приложение к дневнику 1883 г.» — «Программа гатчинских скачек»⁶⁵, где под видом лошадей, участвовавших в соревновании, изображены министры, представители высшей знати, приближенные Александра III, правые журналисты. Среди них мы видим Д. Н. Набокова, М. Н. Островского, Д. А. Толстого, К. П. Победоносцева, М. Н. Каткова, В. П. Мещерского, А. С. Суворина и других реакционных деятелей первых лет царствования Александра III. Острая сатира на министра просвещения, президента Академии наук Д. А. Толстого дана в стихотворении «К портрету графа Д. А. Толстого в Академии Наук»⁶⁶. Оппозиционными настроениями проникнуты и стихотворения «Сон», «Осень 1890 г.»⁶⁷, «Земские участковые каналы»⁶⁸ и «Лес рубят, молодой зеленый лес»⁶⁹. Из других документов и материалов, сведенных Бильбасовым в качестве приложения в дневник, привлекает нелегально изданная группой А. И. Ульянова листовка «17 ноября в Петербурге». Присоединив ее к дневнику 1886 г., В. А. Бильбасов сделал на ней надпись: «Получено по городской почте». Это издание хорошо известно в исторической литературе⁷⁰. Поэтому для нас в данном случае важен сам факт, что автор — известный либерал — ввел этот документ в свой дневник.

Первые дневниковые записи Бильбасова датированы 1874 г., последнее — 1904 г., годом его смерти. Они охватывают самые разнообразные стороны общественной жизни России. Этот дневник ценен не только как источник подчас уникальных сведений. Во многом его значимость определяется и тем, что он принадлежит перу видного представителя либеральной оппозиции и отражает точку зрения этого направления русского общественного движения последней четверти XIX в.

⁶⁴ Там же. Д. 28. Л. 12.

⁶⁵ Там же. Д. 21.

⁶⁶ Там же. Д. 23 (Приложение к дневнику 1884 г.).

⁶⁷ Там же. Д. 24 (Приложение к дневнику 1885 и 1890 гг.).

⁶⁸ Там же. Д. 29 (Приложение к дневнику 1887 г.).

⁶⁹ Там же. Д. 43 (Приложение к дневнику 1888 г.).

⁷⁰ 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.; Л., 1927. С. 241; Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.; Л., 1927. С. 106—107; Новые документы о Н. А. Добролюбов // КА. 1936. Т. 2 (75). С. 163—168.

А. А. Федюлин

ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ СТАТИСТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ О НАСЕЛЕНИИ г. МОСКВЫ В 1917—1923 гг.

В последнее время советские ученые усилили внимание к разработке вопросов истории народонаселения СССР¹. Новая редакция Программы КПСС, сформулировавшая основные черты демографической политики партии, еще раз подчеркнула актуальность комплексного изучения

¹ См. об этом: Шелестов Д. К. История и демография // Вопросы истории, 1982, № 6; Он же. Демография: история и современность. М., 1983; Поляков Ю. А., Дробинцев В. З., Шелестов Д. К. Историческая демография: проблемы изучения // Проблемы исторической демографии (период социализма). Кишинев, 1985.

демографических проблем как в современном, так и в ретроспективном аспектах².

Характеризуя развитие советской исторической демографии, современные исследователи отмечают первые послереволюционные годы как наиболее сложные и малоизученные³. Нельзя сказать, что изучению демографических проблем этих лет советские историки не уделяли должного внимания. Имеются обобщающие работы по этой проблематике, ряд статей, посвященных региональному исследованию истории пародонаселения в первые послереволюционные годы⁴.

Однако для создания полной и ясной картины истории пародонаселения в целом по стране, на наш взгляд, необходима более подробная разработка историко-демографических проблем именно в региональном (в частности, в городском) аспекте, в том числе и по Москве. Особенно актуальна эта задача сейчас, когда демографическая ситуация столицы, сложившаяся в результате сложных процессов, стала предметом острого обсуждения на самых различных уровнях вплоть до трибуны XXVII съезда партии.

В работах историков, демографов, экономистов в той или иной степени делалась попытка дать социально-демографическое описание столицы, проанализировать состояние различных категорий населения столицы в 1917–1923 гг.⁵ Но обобщающего историко-демографического исследования о Москве в первые годы после революции нет. В литературе часто встречаются разночтения, нет общей точки зрения по ряду вопросов. Например, приводятся различные сведения о территории города в 1917 г. Так, А. Я. Грунт определяет территорию Москвы к 23 мая 1917 г. (к моменту установления новой городской черты) в одном случае в 176,9 кв. км., в другом — в 233 кв. км.; Б. Б. Веселовский — в 228 кв. км. без ссылки на источник⁶.

Такое положение объясняется тем, что многие первичные статистические материалы о Москве первых лет Советской власти были слабо разработаны, многие переданы на хранение в другие учреждения и в значительной части утеряны, на что есть указания в статистической литературе⁷, а хранящиеся в архивах разрознены и нуждаются в до-

² Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 150–157.

³ Поляков Ю. А., Дробижев В. З., Шелестов Д. К. Историческая демография... С. 17.

⁴ Гозулов А. И., Григорьянц М. Г. Пародонаселение СССР (Статистическое изучение численности, состава и размещения). М., 1969; Поляков Ю. А. Изменение социальной структуры в СССР. М., 1973; Он же. Страна Советов во время образования СССР: национальный состав населения // История СССР. 1985. № 1; Поляков Ю. А., Киселев И. Н. Численность и национальный состав населения России в 1917 г. // ВИ. 1980. № 6; Дробижев В. З. Движение населения в СССР и социальный прогресс. М., 1974; Дробижев В. З. Организация учета естественного прироста населения СССР в 1917–1926 гг. // Вестн. МГУ. Сер. история. 1978. № 3; Сифман Р. И. Рождаемость в селах Закавказья с начала XX века до Великой Отечественной войны // Учен. зап. по статистике. М., 1966. Т. 10; Кваша А. Я. Динамика численности населения РСФСР за 50 лет // Здравоохранение Российской Федерации. 1967. № 12; и др.

⁵ Красная Москва 1917–1920 гг. М., 1920; Матюгин А. Москва в период восстановления пародного хозяйства (1921–1925). М., 1947; Разгон И. Москва в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1947; Он же. Москва в годы гражданской войны // Вестн. МГУ. 1947. № 9; Некоторые вопросы истории Москвы и Московской губернии в XIX–XX вв.: Сб. статей // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1960. Т. 200; Козлова Л. Л. Закономерности естественного движения населения Москвы за 50 лет Советской власти // К 50-летию советской статистики. М., 1969; История Москвы. М., 1960. Т. VI. Кн. 1; Грунт А. Я. Москва 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976; Выдро М. Я. Население Москвы (по материалам переписей населения 1871–1970 гг.). М., 1976; История Москвы: Краткий очерк. М., 1978; О населении Москвы: Сб. статей. М., 1980; и др.

⁶ Грунт А. Я. Московский пролетариат в 1917 г. (К вопросу о численности, составе и территориальном размещении) // ИЗ. 1970. Т. 85. С. 72–73; Он же. Москва. 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976. С. 15; Вопросы географии: Сб. двенадцатый. М., 1950. С. 82, 87.

⁷ Статистика труда. 1918. № 1. С. 24; Там же. 1919, № 11–12. С. 16; Итоги переписи населения 1920 г. М., 1928. С. 3–4.

полнительной обработке. Между тем работа по их введению в научный оборот ведется довольно слабо. Помимо публикаций ЦСУ СССР в 20-е годы, можно назвать всего две специальные публикации архивных источников⁸. Вне поля зрения ученых по разным причинам оказались первичные материалы переписей 1917, 1918, 1920, 1923 гг., текущей статистики, единовременных учетов, различных обследований, исчислений, проводившихся в этот период. В этих условиях особое значение имеют изданные статистические источники о населении Москвы с февраля 1917 г. до проведения Всероссийской городской переписи 1923 г. включительно. Несмотря на тяжелые условия работы статистиков, неоднократные сокращения программ публикаций, в ряде случаев эти публикации приобретают значение первоисточников. Тем более, что исследователи за редким исключением для подсчетов, исчислений, выводов используют, как правило, ограниченный круг опубликованных источников.

В данном обзоре сделана попытка обобщить весь комплекс изданных статистических источников о населении Москвы, определить круг вопросов, отраженных в них, что поможет расширить круг источников для историко-демографических исследований о городе и даст возможность определить направление поиска первичных статистических материалов. В обзоре охарактеризованы материалы исчислений и переписей 1917 г., Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 г., Всероссийской демографической и промышленной переписи 1920 г., Всероссийской городской переписи 1923 г. Почти весь комплекс этих источников опубликован на страницах изданий ЦСУ РСФСР и СССР с 1918 по 1928 г.

Вопрос о территории, величине и характеристике населения Москвы в 1917 г. остается одним из самых сложных в истории города в XX в. В 1917 г. было произведено несколько регистраций жителей столицы, в том числе и в рамках Сельскохозяйственной и Городской переписей 1917 г. России. Оперативных публикаций по результатам переписи не производилось. В 1920 г. отдел демографии ЦСУ РСФСР отмечал, что «разработать полностью по всем губерниям (в том числе и по Московской.— А. Ф.) Сельскохозяйственную и Городскую перепись 1917 г. в части, касающейся населения, отделу демографии не удалось благодаря отсутствию самого материала»⁹. Все же мы располагаем некоторыми сведениями о населении города в 1917 г. по различным статистическим изданиям.

Известно, что новая граница городской черты Москвы была установлена 23 мая 1917 г. и утверждена Московским Советом 12 апреля 1918 г. в пределах Окружной железной дороги. Наиболее подробно территория города описана в «Статистическом справочнике Московского коммунального хозяйства» (М., 1928), где площадь в этот период определена в 23 385 га¹⁰. Для нас важно то, что переписи 1918, 1920, 1923 гг. производились в тех же границах¹¹. Таким образом, мы имеем возможность сравнивать их результаты без поправок на территорию.

Одна из первых публикаций, содержащая сведения о населении столицы в 1917 г., дает показатели численности населения по исчислениям на 1 февраля, 23 мая и переписи от 17 сентября 1917 г. (соответственно — 2 017 137, 2 043 534 и 1 849 916 человек)¹². Здесь же при-

⁸ О численности и концентрации рабочего класса России накануне Великой Октябрьской социалистической революции/Подг. Л. С. Гапоненко // ИА. 1960. № 1. С. 76—116; О численности и составе населения России накануне Великой Октябрьской социалистической революции/Подг. Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузан, Т. Ф. Кузьмина // ИА. 1962. № 5. С. 57—82.

⁹ Миловидов М. Краткий обзор деятельности отдела демографии за 1920 г. // Вестн. статистики. 1920. № 9—12. С. 155.

¹⁰ Статистический справочник Московского коммунального хозяйства. М., 1928. С. 13.

¹¹ Статистический справочник г. Москвы и Московской губернии 1927 г. М., 1928. С. 1.

¹² Михайловский В. Г. Предварительный подсчет данных профессиональной переписи г. Москвы 21 апреля 1918 г. // Статистика труда. 1918. № 1. С. 23—24.

водятся данные об абсолютном и относительном приросте населения города, среднегодовом проценте прироста. В комментариях к таблице дан абсолютный показатель количества детей моложе 15 лет на 1 февраля 1917 г.¹³

В 1922 г. В. Г. Михайловским была разработана таблица «Естественное движение населения в столицах России за 1909—1920 гг.»¹⁴ Таблица по г. Москве состоит из двух частей: «А — Рождаемость и брачность», «Б — Смертность населения». Таблица содержит следующие показатели: число браков; коэффициент браков на 10 000 населения; число родившихся (с распределением по полу), в том числе родившихся вне брака; коэффициент родившихся на 10 000 населения; общее число умерших обоего пола; коэффициент смертности на 10 000 жителей, в том числе умерших: из постоянного населения в возрасте до одного года без воспитательного дома, в воспитательном доме; число смертей из постоянного населения в возрасте менее одного года без воспитательного дома на 1000 родившихся.

В 1925 г. статистические данные о населении столицы на 1917 г. опубликовал отдел военной статистики ЦСУ, который по материалам бывшей Ставки и Генерального штаба подсчитал сведения о численности людей в пехотных запасных полках во внутренних округах России к 15 сентября 1917 г. и численность иностранных военнопленных в военных округах внутреннего района, в том числе и по Московскому округу¹⁵. Кроме того, здесь содержатся сведения о числе предприятий и рабочих в них к началу 1917 г. по данным анкеты заводских совещаний¹⁶.

В 1927 г. врачи бюро санитарной статистики Московского статистического отдела П. И. Куркин и А. А. Чертов составили статистический обзор естественного движения населения Москвы и Московской губернии. В нем помещен ряд сведений о среднем населении, смертности, рождаемости, брачности, естественном приросте, детской смертности города в 1917 г. Среднее население города определено в 1 852 400 человек¹⁷. К сожалению, авторы почти не указывают источников своих расчетов, отмечая, однако, что период с сентября 1917 г. по октябрь 1918 г. характеризуется крайней неполнотой сведений о естественном движении населения¹⁸.

В том же году статистический отдел НКВД предпринял издание справочника о городах Союза ССР. Составители отмечали отсутствие элементарных сведений о городах даже на местах, в силу чего были вынуждены в некоторых случаях дать ориентировочные данные¹⁹. Численность жителей города Москвы в 1917 г. в этом справочнике определена в 1 701 264 человек²⁰.

В 1928 г. Московский статистический отдел впервые предпринял попытку издания статистического справочника по городу и губернии. В нем содержатся сведения по 1917 г. о территории города, естественном движении населения, в основном повторяющие данные таблицы В. Г. Михайловского; однако имеются и новые показатели (в частности, абсолютное число браков, разводов, а также родившихся, умерших, естественного прироста населения)²¹. Кроме того, на с. 24 помещена таблица «Главные результаты переписи 30 сентября 1917 г.» со сле-

¹³ Предварительный подсчет данных профессиональной переписи г. Москвы 21 апреля 1918 г. С. 25.

¹⁴ Бюл. ЦСУ. 1922. № 64. С. 24.

¹⁵ Россия в мировой войне. 1914—1918 гг. (В цифрах). М., 1925. С. 29, 40.

¹⁶ Там же. С. 71.

¹⁷ Куркин П. И., Чертов А. А. Естественное движение населения г. Москвы и Московской губернии. М., 1927. С. 24.

¹⁸ Там же. С. 19.

¹⁹ Города СССР. М., 1927. С. 6.

²⁰ Там же. С. 45.

²¹ Статистический справочник г. Москвы и Московской губернии 1927 г. М., 1928. С. 1, 12—13.

дующими показателями: общее число жителей с распределением по полу, число детей моложе 10 лет; количество женщин на 1000 мужчин, количество детей на 1000 населения. На с. 30–31 дана сводная таблица: «Население г. Москвы по возрастным группам за 1912, 1917, 1918, 1920, 1923 и 1926 гг.» с разбивкой по 11 возрастным группам, содержащая как абсолютные, так и относительные (на 10 000 населения) показатели. В ней численность населения города в 1917 г. определена в 1 854 426 человек. В 1934 г. Московская городская плановая комиссия совместно с Московским городским управлением народнохозяйственного учета выпустила в свет справочник «Москва в цифрах». Здесь в таблице «Динамика численности населения г. Москвы» приводятся данные исчисления населения города на начало 1917 г. — 1 896 300 человек — и среднегодовое — 1 852 400 человек²².

В 1962 г. в журнале «Исторический архив» появилась публикация материалов переписи 1917 г., явившаяся результатом архивных изысканий Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузана и Т. Ф. Кузьминой²³. Публикация дает нам сведения о численности гражданского населения города по данным анкеты переписи 1917 г. — 1 820 000 человек²⁴.

Заключая обзор материалов переписи 1917 г., отметим, что, несмотря на несовершенство переписи, которая проводилась во время войны, когда миллионы населения были оторваны от своего постоянного места жительства и занятий, розыск материалов переписи в архивах, их реконструкция и публикация являются актуальнейшей задачей историков-демографов.

Великая Октябрьская социалистическая революция поставила перед органами ЦСУ РСФСР (система единой государственной статистики была создана по инициативе В. И. Ленина в первые же месяцы существования Советской власти) грандиозные задачи. Главнейшая из них заключалась в учете людских, материальных ресурсов молодого пролетарского государства, выявлении социально-экономических изменений, происшедших в стране в результате Великого Октября. С этой целью ЦСУ республике проводило ряд мероприятий по обследованию населения, а также различных областей народного хозяйства. Наиболее масштабным из них было проведение сплошных переписей.

Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 21 апреля 1918 г. явилась первым крупным обследованием народного хозяйства страны, предпринятым ЦСУ. Одновременно она была и демографической²⁵. В отмеченном отчете заведующего переписью В. Г. Михайловского численность жителей столицы на 8 апреля 1918 г. определена в 1 715 728 человек²⁶. Здесь же содержатся сведения о половом составе населения, о количестве женщин на 1000 мужчин, о самодеятельном населении, числе безработных. Отмечены сокращения численности самодеятельного населения столицы и быстрый рост безработицы по сравнению с результатами переписи 1912 г. Кроме того, приводятся данные о количестве пустующих квартир, о числе жителей на одну занятую квартиру. При характеристике качества, достоверности материалов переписи обращено внимание на приблизительность сведений по гарнизону²⁷.

В 1918–1919 гг. журнал «Статистика труда» продолжил публикацию результатов переписи. Здесь были помещены «Данные переписи 21 апре-

²² Москва в цифрах. М., 1934. С. 13.

²³ См. сноску 8.

²⁴ ИА. 1962. № 5. С. 73.

²⁵ Подробнее о значении материалов, характеристике программ, инструментария переписей 1918, 1920, 1923 гг. см.: Черноморский М. Н. Промышленные переписи 1920 и 1923 гг. как исторический источник // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. V; Он же. Первая промышленная и профессиональная перепись как исторический источник // ТМГИАН. 1959. Т. 13; Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М., 1979.

²⁶ См. сноску 13.

²⁷ Там же.

ля 1918 г.», которые в основном повторяют сведения из отчета В. Г. Михайловского, сведения о численности московских профсоюзов²⁸. Наибольший интерес для нас представляют таблицы «Некоторые предварительные данные о переписи г. Москвы» С. Колокольцева и «Распределение московских рабочих по возрастным группам» А. Лившица²⁹. В первой содержатся сведения о числе предприятий, действующих и закрытых, и о количестве рабочих в них, о половом составе рабочих. Во второй — привлекает внимание таблица «Возрастное распределение мужского и женского населения г. Москвы» по переписи 1918 г. с разбивкой населения по 11 возрастным группам (данные приводятся в абсолютных и относительных числах) и таблица «Распределение Московских рабочих и служащих по возрастным группам по данным переписи 21 апреля 1918 г.». Сведения даны с разграничением по половому признаку; в отдельные группы выделены чернорабочие, фабрично-заводская прислуга, лица, находящиеся в домашнем услужении и на службе в других предприятиях. В комментариях к таблицам авторы указывают на «очевидную неполноту регистрации»³⁰.

По разным причинам (трудности военного времени, недостаток кадров, опыта, финансов и др.) разработка материалов переписи 1918 г. затянулась. Наиболее полная публикация предварительной сводки данных переписи была осуществлена в № 1–8 «Вестника статистики» в 1920 г. В сводке приводятся уточненные данные о количестве предприятий, численности рабочих и служащих с распределением их по полу.

Очевидно, что молодая советская статистика не справилась с задачей разработки материалов переписи 1918 г.; поэтому большое значение имеют более поздние публикации, которые являются результатом тщательного анализа материалов. В разных статистических изданиях приводятся данные о естественном движении населения Москвы, о численности жителей с разбивкой по полу³¹, опубликованы подробные комбинационные таблицы о распределении промышленных заведений и рабочих города по группам производств на момент переписи 1918 г.³²

22 апреля 1920 г. СНК РСФСР опубликовал декрет «О производстве профессиональной и сельскохозяйственной переписи с учетом промышленных предприятий». Пункт 3 определил задачи переписи: «Перепись населения регистрирует в отношении каждого лица семейное положение, пол, возраст, грамотность, отношение к воинской повинности, трудоспособность, главное и подсобное занятие, профессиональные навыки и социальное положение»³³. Перепись была проведена 28 августа 1920 г.

Несмотря на тяжелейшие условия работы, программа переписи в целом была выполнена успешно. Управляющий ЦСУ П. И. Попов, выступая на III Всероссийской статистической конференции, так охарактеризовал условия работы: «...многие наши товарищи погибли. Я имею по неполным данным сообщения, что свыше 30 чел. убито, многие десятки зверски избиты. Многие умерли от болезни и умирают»³⁴. Уже в ноябре 1920 г. были опубликованы предварительные итоги переписи по г. Москве в трех таблицах: «Число жителей с распределением по полу по 53 комиссариатским участкам», «Временно-отсутствующее население г. Москвы по переписи 28 августа 1920 г.» (с распределением по полу по 53 комиссариатским участкам), «Число владений, квартир и промышленных заведений». Население столицы на момент переписи было

²⁸ Статистика труда. 1918. № 2–3. С. 22; № 8–9. С. 19.

²⁹ Там же. 1919. № 11–12 (20–21). С. 16–22, 22–24.

³⁰ Там же. С. 16.

³¹ Куркин П. И., Чертов А. А. Указ. соч. С. 24; Статистический справочник г. Москвы и Московской губернии 1927 г. С. 12–23; и др.

³² См., например: Статистический справочник 1918–1920 гг. Вып. 1 // Труды ЦСУ. М., 1921. Т. VIII. Вып. 1. С. 76–103.

³³ СУ. 1920. № 32. Ст. 194.

³⁴ Бюл. ЦСУ. 1921. № 41. С. 1.

определено в 1 028 218 человек (502 140 мужчин, 526 078 женщин). Таблицы прокомментированы В. Г. Михайловским³⁵. Все цифровые показатели даны в сравнении с результатами переписи 1918 г.

Публикация итогов переписи была продолжена в 1921 г. изданием предварительных данных о численности трудоспособного населения г. Москвы в возрасте от 16 до 50 лет с распределением по полу. Данные приведены в абсолютных и относительных числах (в том числе определено процентное соотношение трудоспособного населения ко всему населению города). Расчеты строятся из расчета численности жителей г. Москвы без гарнизона³⁶.

В том же 1921 г. часть материалов переписи была опубликована в «Трудах ЦСУ». Наибольший интерес для нас представляют данные о естественном движении населения Москвы в 1920 г.³⁷ и распределении трудоспособного населения в возрасте от 16 до 50 лет по 15 главнейшим профессиям (с распределением по полу)³⁸. Не могут не привлечь внимания и комментарии Г. Полляка³⁹.

В 1928 г. ЦСУ СССР закончило публикацию итогов переписи населения 1920 г. Результаты разработки группы вопросов личного листка переписи были сгруппированы в следующие таблицы: «Распределение населения по однолетним возрастам», «Распределение населения по возрастным группам», «Население с физическими недостатками по роду последних и психически больные», «Участники в войнах империалистической и гражданской», «Участники в войнах 1914/17 и 1918/20 гг., имеющие физические недостатки или психически больные», «Участники в войнах 1914/17 и 1918/20 гг., имеющие физические недостатки по роду последних». Во всех таблицах содержатся сведения по Москве⁴⁰.

Ряд важных сведений о численности, грамотности, естественном движении, смертности (с указанием причин смерти) населения города по результатам переписи 1920 г., опубликованных в «Статистических ежегодниках» ЦСУ, также представляют собой результаты разработки личного листка переписи⁴¹.

Особое внимание хочется обратить на следующие публикации «Ежегодников»: «Возрастной состав и грамотность городского населения по переписи 1920 г.» с распределением по полу, «Национальный состав населения по переписи 1920 г.» (данные по 54 национальностям), «Население от 10 лет и старше по 34 губерниям РСФСР по занятиям и социальному положению по переписи 1920 г.» (рабочие, служащие, хозяева без наемных рабочих, хозяева с наемными рабочими, помогающие члены семьи, рентьеры, духовенство, деклассированные элементы, иждивенцы государственных и общественных учреждений, несамодельные)⁴².

Говоря об итогах переписи 1920 г., нельзя не отметить, что в разных публикациях неодинаково определяется численность жителей города к моменту переписи. Если в «Итогах переписи 1920 г.» гражданское население окончательно определено в 952 255 человек⁴³, то численность

³⁵ Там же. 1920. № 33. С. 2–4.

³⁶ Там же. 1921. № 53. С. 1–3.

³⁷ Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 58 губерний Европейской и Азиатской России // Труды ЦСУ. М., 1921. Т. 1. Вып. 3. С. 4–5.

³⁸ Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Трудоспособное население 37 губерний Европейской России по главным профессиям // Труды ЦСУ. М., 1921. Т. IV. Вып. 1. С. 14–17.

³⁹ Там же. С. 1–6.

⁴⁰ Итоги переписи населения 1920 г. М., 1928.

⁴¹ Статистический ежегодник 1918–1920 гг. Вып. 1 // Труды ЦСУ. М., 1921. Т. VIII. Вып. 1. С. 156–157, 332–333, 340; Статистический ежегодник за 1921 г. Вып. 2 // Труды ЦСУ. М., 1923. Т. VIII. Вып. 4. С. 52–56, 196; Статистический ежегодник за 1924 г. Вып. 1 // Труды ЦСУ. М., 1925. Т. VIII. Вып. 7. С. 3, 40–41.

⁴² Труды ЦСУ. М., 1924. Т. VIII. Вып. 5. С. 36–47, 48–53, 28–29.

⁴³ Итоги переписи населения 1920 г. С. 71.

населения с гарнизоном, переписанным обычным порядком, определяется то в 1 027 336 человек⁴⁴, то в 1 028 218 человек⁴⁵. Мы остановимся на последней цифре как наиболее распространенной и встречающейся в более поздних изданиях. Кроме того, некоторые категории населения, расквартированные в государственных общежитиях, были переписаны особым порядком. Число их внушительно: 41 713 человек (40 610 мужчин и 1103 женщин)⁴⁶. Таким образом, общая численность жителей г. Москвы (с гарнизоном и переписанными особым порядком) составила на момент переписи 1 069 931 человек.

15 марта 1923 г. в Москве, согласно постановлению правительства от 19 декабря 1922 г. «О производстве личной переписи профессиональных и промысловых занятий и переписи промышленных и торговых заведений», была произведена одновременная перепись населения, квартир, владений, торговых предприятий⁴⁷. Предварительные итоги переписи населения по Москве сведены в таблицы: «Подсчет владений, строений, помещений и заведений», «Подсчет числа жителей, числа семей и голов скота», «Сведения о числе лиц, имеющих нижеобозначенные занятия, хотя бы в качестве побочных»⁴⁸. Все сведения в таблицах приводятся по шести районам города. Данные последней таблицы приводятся по 39 наименованиям занятий, по районам.

Статья заведующего Московского статистического отдела ЦСУ СССР Михайловского, сопровождающая публикацию, содержит информацию об организации проведения переписи, а также сравнительный анализ основных итогов переписи (общая численность населения, распределение его по полу, группам занятий и т. д.) 1923 и 1920 гг. Автор пытается проследить основные тенденции увеличения численности населения, изменения половой структуры. Общая численность гражданского населения столицы была определена в 1 490 048 человек, а вместе с лицами, переписанными особым порядком (52 826 человек), она составила 1 542 874 человек⁴⁹.

Разработка и публикация отдельных результатов Всероссийской городской переписи 1923 г. по Москве была продолжена в 1923–1924 гг. Из этих материалов наше внимание прежде всего привлекает таблица «Самодетельное население г. Москвы по полу и главным занятиям по переписям 1920 и 1923 гг. (без армии и флота) с распределением по 44 группам и 313 классам занятий с аналитической статьей В. Г. Михайловского „Население Москвы по главным занятиям“»⁵⁰. В «Бюллетенях ЦСУ» помещен ряд материалов, характеризующих торговое лицо города: число торговых заведений (государственных, частных, кооперативных); число лиц, занятых в торговле (по формам собственности торговых заведений, число наемных рабочих и служащих, в частности в торговых заведениях); сведения о населении Москвы по самодеятельности и трудоспособности с распределением по полу (абсолютные числа); относительные числа самодеятельного населения по девяти социальным группам (рабочие, прислуга, служащие, лица свободных профессий, хозяева, помогающие членам семьи, иждивенцы государственных и общественных учреждений, прочие занятия, безработные); абсолютные числа высококвалифицированных специалистов, проживающих и работающих в столице⁵¹.

В 1924 г. отдел демографии ЦСУ СССР приступил к публикации «Итогов Всесоюзной городской переписи 1923 г.». Первая часть «Ито-

⁴⁴ Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 5. С. 21.

⁴⁵ Там же. Т. VIII. Вып. 7. С. 3.

⁴⁶ Там же. С. 8.

⁴⁷ СУ. 1922. № 81. Ст. 1444.

⁴⁸ Михайловский В. Г. Предварительные данные переписи населения г. Москвы 15 марта 1923 г. М., 1923. С. 9–11.

⁴⁹ Михайловский В. Г. Указ. соч. С. 1–2.

⁵⁰ Всероссийская городская перепись 1923 г. // Бюл. ЦСУ. 1923. № 77. С. 29–40.

⁵¹ Всероссийская городская перепись 1923 г. Бюл. ЦСУ. 1924. Вып. III. № 83. С. 1–2, 26–35, 46–50, 72–85, 87; Вып. IV. № 86. С. 18–19.

гов...», состоящая из двух выпусков, содержит общие сведения о населении г. Москвы. Составленные на основании предварительных итогов переписи, они не отличаются новизной сведений⁵². Вторая часть представляет данные переписи о классовом составе и занятиях населения в таблицах: «Население по полу, возрастным группам и самодеятельности», «Занятия городского населения», «Население по группам занятий и по отдельным поселениям»⁵³.

Данные о занятиях населения разработаны в общем по той же классификации, которая применялась ЦСУ при разработке демографической переписи 1920 г.

Таким образом, данные переписей сопоставимы (в таблицах в скобках указаны номера классификации 1920 г.). Во всех таблицах г. Москва выделена в качестве самостоятельной административной единицы⁵⁴. По сравнению с предварительными подсчетами данные уточнены. Таблицы снабжены комментариями.

Четвертый выпуск второй части «Итогов...» содержит сведения о самодеятельном населении столицы по главным отраслям труда: сельском и лесном хозяйстве, горном деле, фабрично-заводской промышленности, кустарной и ремесленной промышленности, железнодорожном транспорте, прочих отраслях транспорта, торговле и трактирном промысле, государственных и общественных учреждениях, других отраслях труда⁵⁵.

В 3-й части «Итогов...» опубликованы результаты переписи населения Москвы с распределением по полу и возрасту, возрасту и семейному положению, с распределением по полу, социальному положению и семейному состоянию (также с распределением по полу)⁵⁶.

В завершающей публикации итогов переписи наибольший интерес представляют переписи семей. Данные по Москве помещены в следующих комбинационных таблицах: «Численный состав семей по занятиям главы семьи», «Семьи по численному составу в связи с занятием их глав», «Возрастной состав членов семей в связи с занятием их глав»⁵⁷. Из более поздних публикаций, содержащих итоги разработки переписи, отметим сведения о естественном движении населения города в 1923 г.⁵⁸

В статистической литературе для определения общей численности жителей города делались попытки уточнить число лиц, переписанных особым порядком. Если первоначально все исчисления производили, исходя из числа гражданского населения, указанного В. Г. Михайловским — 1 490 048 человек, то с 1924 г. после уточнения О. Квиткиным числа лиц, переписанных особым порядком, исчисления производились из расчета 1 511 025 человек жителей⁵⁹. И все же впоследствии в статистических публикациях утвердились итоги «Предварительных данных переписи населения г. Москвы 15 марта 1923 г.» — 1 542 874 жителя⁶⁰.

⁵² Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Ч. 1. Общие предварительные сведения о городах и их населении. Вып. 1. Европейская Россия и Юго-Восток; Вып. 2. Азиатская Россия. Белоруссия, Украина и Закавказье // Труды ЦСУ. М., 1924. Т. XX. Вып. 1.

⁵³ Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Ч. 2. Население городов Союза ССР по занятию. Вып. 1. Европейская Россия // Труды ЦСУ. Т. XX. Ч. II. Вып. 1.

⁵⁴ Там же. С. 20, 222–230, 492.

⁵⁵ Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Ч. 2. Население городов Союза ССР по занятиям. Вып. 4. Распределение городского населения по главным отраслям труда // Труды ЦСУ. М., 1925. Т. XX. Ч. II. Вып. 4. С. 15.

⁵⁶ Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Часть 3. Вып. 1. Население городов Союза ССР по возрасту, занятиям и семейному состоянию // Труды ЦСУ. М., 1926. Т. XX. Ч. III. С. 4–5, 8–9, 414–417, 430–433, 438–441.

⁵⁷ Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Часть 4. Побочные занятия городского населения. Несамостоятельное население по занятиям самодеятельных (кормильцев). Национальный состав населения. Итоги переписей семей // Труды ЦСУ. М., 1927. Т. XX. Ч. IV. С. 61, 129–133, 178.

⁵⁸ Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925 гг. М., 1928. Т. I. Вып. 1.

⁵⁹ Вестн. статистики. 1923. Кн. XIII. № 1–3. С. 199–204.

⁶⁰ Михайловский В. Г. Предварительные данные переписи населения г. Москвы 15 марта 1923 г. М., 1923.

Несмотря на кажущуюся полноту публикаций итогов переписи 15 марта 1923 г., и здесь дела обстоят далеко не благополучно. Имеются сведения о том, что программа публикаций итогов переписи неоднократно корректировалась, сокращалась⁶¹.

Помимо таких крупных мероприятий, как проведение переписей населения различными структурными частями ЦСУ, статистическими органами учреждений и ведомств в период 1918—1923 гг., проводились текущие обследования различных отраслей народного хозяйства, переписи служащих учреждений г. Москвы, регистрации различных социальных групп; в 1922 г. была проведена Всероссийская перепись членов РКП(б). Результаты этих работ также публиковались как в периодических изданиях ЦСУ, так и в виде итогов⁶².

Мы не имеем возможности дать анализ этих публикаций, однако отметим их исключительную важность для составления подробной и полной характеристики населения Москвы в первые послереволюционные годы.

В заключение обзора хочется обратить внимание на то, что советскими исследователями материалы опубликованных статистических источников используются не в полном объеме. Как правило, обращаются к данным статистических «Ежегодников», различного рода справочников⁶³, тогда как использование всего комплекса публикаций источников позволит более полно воспроизвести исторически объективную картину демографической ситуации столицы в 1917—1923 гг., расширить источниковедческую базу исследований, определить новые направления работы. Значительная часть рассмотренных в обзоре статистических публикаций приобретает значение первоисточников вследствие утраты большого количества первичных материалов переписей, статистических обследований первых лет Советской власти. Поэтому, несмотря на недостатки изданных статистических источников (неполнота регистрации, сокращение программы публикаций, недостаточная разработка статистических материалов, противоречивость информации ряда источников), они имеют важное значение для разработки истории народонаселения Москвы в первые послереволюционные годы. Анализ опубликованных источников открывает новые возможности поиска и введения в научный оборот первичных статистических материалов, возможно сохранившихся в архивах.

⁶¹ Вестн. статистики. 1923. Кн. XV. № 7—12. С. 210—225.

⁶² См., например: Перепись служащих учреждений г. Москвы. 1922 г. М., 1922; Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. В пяти выпусках. М., 1922—1924; Народное образование в СССР по данным текущих обследований на 1 января 1922, 1923 и 1924 гг. и краткий свод данных за пятилетие 1921—1925 гг. // Труды ЦСУ. М., 1926. Т. XXVIII. Вып. 1; и многие другие.

⁶³ См., например: Грунт А. Я. Московский пролетариат в 1917 г. (к вопросу о численности, составе и территориальном размещении) // ИЗ. 1970. Т. 85; Он же. Москва. 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976; Выдро М. Я. Население Москвы (по материалам переписи населения 1871—1970 гг.). М., 1976; О населении Москвы: Сб. статей. М., 1980; и др.

С. Б. Филимонов

МАТЕРИАЛЫ ПЕРИОДИКИ ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ 1920-х ГОДОВ О СОБИРАНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИСТОЧНИКОВ

С победой Великого Октября многочисленные общества, кружки, музеи и другие объединения краеведов, руководимых с 1922 г. Центральным бюро краеведения (ЦБК), приступили к собиранию и широкому использованию источников по истории революционного движения, местных партийных организаций, борьбы за победу пролетарской революции, исто-

рии Советской власти. Важная роль в организации этой работы принадлежала периодическим изданиям ЦБК: журналам «Краеведение» (Л., 1923—1929), «Известия Центрального бюро краеведения» (М.; Л., 1925—1929), а также «Наука и ее работники» (Пг., 1920—1922) — печатному органу Комиссии по улучшению быта ученых, выполнявшему по просьбе 1-й краеведческой конференции РСФСР функции журнала «Краеведение» до начала его издания¹. Выявленные в перечисленных журналах материалы, отразившие как размах и характер деятельности краеведческих учреждений и организаций по собиранию и использованию разнообразных (в том числе документальных) памятников, так и попытки ЦБК вооружить краеведов методикой этой работы представляют несомненный интерес. Предлагаем читателям обзор информационных и методических материалов, дополненный сведениями об отдельно изданной ЦБК в 1929 г. программе собирания историко-революционных источников.

Чрезвычайно характерно, что в отделе «Из научной жизни провинции», созданном в журнале «Наука и ее работники» в 1921 г. с целью изучения и распространения наиболее ценного опыта работы провинциальных научных организаций², первой была опубликована заметка И. Л. Маяковского. Он писал: «В настоящую пору, когда регулярное научное общение между удаленными друг от друга областями Российской республики стало невозможным, а в то же время пульс науки забил сильнее в самых отдаленных углах нашей страны, особенно дороги долетающие оттуда до нас изредка вести о жизни науки в той или иной ее отрасли. Передо мною — одна из таких вестей. Это брошюра, выпущенная в свет в самом конце 1920 г. Ростовским н/Д отделением Государственного издательства под заглавием: «Донское областное архивное управление. „Архивное дело“». Скромная по размерам [...] она ценна для нас как показатель деятельности местных культурных сил в той области, которая на наших глазах уже стала одной из крупнейших отраслей государственного строительства, именно, в архивном деле. Из этой брошюры мы узнаем, что профессора и преподаватели местного университета и Археологического института [...] взяли на себя трудное дело спасения местных архивных богатств и в первую очередь — историко-революционных материалов»³. В результате «большое количество архивов удалось спасти и образовать из них частью Центральный исторический архив, частью Донской музей Революции». Маяковский подчеркивал, что «особенное внимание уделяют местные работники науки собиранию историко-революционных материалов», и скрупулезно перечислял эти источники: «протоколы и стенограммы съездов и заседаний Советов р[абочих], с[олдатских] и к[азачьих] д[епутатов], их исполнительных органов, организаций, политических партий и их комитетов, профессиональных союзов и т. д.; художественные материалы, фотографические снимки, бумажные деньги всех возникавших за время революции образцов, почтовые марки и гербовые знаки; всякого рода материалы для биографий погибших деятелей революционного движения, воспоминания о них, некрологи, снимки, их письма, дневники, мемуары и проч.; предметы, отмечающие важные моменты в истории революции и войны — карты, планы, приказы и т. п.; наконец, полные по возможности комплекты, начиная с марта 1917 г., всех изданий Советов, политических партий, профсоюзов, комитетов, общественных организаций, комитетов Временного правительства, городских и земских самоуправлений, войсковых и красноармейских организаций; коллекции декретов, прокламаций, воз-

¹ См.: Постановление Первой всероссийской конференции по изучению местного края от 20 декабря 1921 г. // Наука и ее работники. 1921. № 6. С. 2; От Центрального бюро краеведения // Там же. 1922. № 1. С. 54—55.

² См.: Сум Н. Работа провинциальных научных организаций в настоящее время // Там же. 1921. № 3. С. 5—10.

³ Маяковский И. Архивное дело и его работники в Донской области // Там же. С. 23—24. Имеется в виду брошюра: Архивное дело: Сб. статей и материалов. Ростов н/Д., 1920. 56 с.

званий, листовок, плакатов и т. п.». Маяковский обращал внимание и на формы и методы собирания и использования источников: «Кроме собирания, учета и концентрации всех архивных и музейных материалов, местные ученые силы поставили себе широкие задачи, во-первых, всестороннего изучения и описания этих материалов, а также снятия копий с документов, относящихся к истории Донобласти, но находящихся в архивах, библиотеках, музеях вне ее пределов; во-вторых, организацию съездов, архивных разведок, экспедиций, курсов; наконец, что особенно важно, популяризацию в широких массах сведений по архивному делу, по истории Донобласти, по истории революции и проч.»⁴. Заметка заканчивалась указаниями на большую научную, культурную и общественную значимость такой деятельности: «Три черты придают всем охарактеризованным работам общечеловеческую ценность: это, во-первых, широкий подход к делу, захватывающий не одни только специально-архивные материалы, но и вообще культурные остатки прошлого; во-вторых, вера в действенную помощь самого народа, к которому архивные работники обращаются не через одни декреты и приказы, но и путем „горячего призыва помочь им в разыскании, охране и собирании“ материалов; и, в-третьих, искреннее убеждение в том, что все эти материалы понадобятся самому народу и что с распространением знаний об архивах и хранящихся в них материалах среди пролетариата явится любовь и интерес к старине и истории края, которые дадут возможность избежать повторения ошибок прошлого и скорее и вернее идти по пути созидания новой культуры»⁵.

Многочисленные и зачастую уникальные информационные материалы, сосредоточенные в таких отделах периодики ЦБК, как «Съезды и конференции», «На местах», «Деятельность краеведческих организаций», «Критика и библиография» и «Библиография», отражают (хотя и не полно) основные направления деятельности краеведческих учреждений и организаций РСФСР и позволяют уяснить, какое важное в ней место занимало собирание и использование историко-революционных источников. Эти вопросы ставились на многих региональных краеведческих съездах, которым принадлежала ведущая роль в организации краеведческой работы на местах. Так, музейно-архивно-археологическая секция первого Кубанско-Черноморского областного краеведческого съезда (г. Краснодар, 15–22 октября 1922 г.) «высказалась [...] о желательности не только охранять старое, но и устремиться на усердное собирание таких документов современности, которым грозит гибель, а также принять самое горячее участие в работах истпарта, в целях спасения архивов времен пролетарской революции»⁶. Первый краеведческий съезд Костромской губернии (г. Галич, 15–17 июня 1924 г.), заслушав доклад солигаличского краеведа Л. М. Белоусова «Опыт изучения революционной истории на основании уездного материала», постановил «вести указное изучение в программу работ краеведных учреждений», «теперь же фиксировать факты и собирать материалы о революционном периоде, переживаемом нами». Съезд подчеркнул необходимость «восстановления событий первых революционных месяцев 1917–18 гг. (путем отыскания соответствующих документов, записи воспоминаний и пр.)», так как «по имеющимся сведениям [...] материал, могущий характеризовать революционные события, протекавшие в названное время, не сохранился в соответствующих архивах»⁷. На первой краеведческой конференции Череповецкой губернии (г. Череповец, 5–8 мая 1925 г.) отмечалось: «Самое серьезное внимание необходимо обратить на изучение революционного движения в губернии. Немедленно должно быть приступлено

⁴ Маяковский И. Указ. ст. С. 24.

⁵ Там же.

⁶ Святский Д. Областные краеведческие съезды // Наука и ее работники. 1922. № 5. С. 13.

⁷ Дорогушин Н. Первый Костромской губернский съезд краеведения в г. Галиче // Краеведение. 1924. № 4. С. 427.

к разборке архивов, затем революционного фольклора, собиранию дневников, записок, всякого рода других документов, опросу свидетелей и т. п.»⁸. Четвертая краеведческая конференция Иваново-Вознесенской губернии (г. Иваново-Вознесенск, 7–9 мая 1926 г.), заслушав доклад П. М. Экземплярского «Изучение истории местной крупной промышленности, рабочего и революционного движения», приняла план «ближайших исследовательских работ», который включал: «в области исторической — монографическое изучение истории крупных фабрик, история промышленного развития края в период развития капитализма, история революционного движения в период 1905–1907 и 1917 года»⁹. Как явствует из периодики ЦБК, важность изучения революционной истории и ее источниковой базы подчеркивалась и на других съездах и конференциях¹⁰.

Информационные материалы изобилуют сведениями и о непосредственной деятельности музеев и обществ (многие из них имели в своем составе историко-революционные отделы и секции¹¹) по собиранию и использованию источников. Особый интерес представляют данные о попытках собрать необходимые материалы с помощью анкет, вопросников, программ и инструкций. В 1918 г. Костромское научное общество по изучению местного края издало анкету «О влиянии революции на жизнь деревни». В начале 20-х годов Вятский областной музей вел обработку собранных «анкетных материалов» об изменении «форм быта под влиянием войны и революции». Тогда же историческая секция Якутского краевого географического общества разработала инструкцию «по сбору материалов по истории политической ссылки». В 1925 г. был напечатан «Опросник историко-революционной секции Подольского краеведческого общества». В изданном в 1925 г. Нолинским (Вятской губ.) музеем краеведения сборнике программ и анкет по собиранию материалов для изучения края содержалась и программа «для собирания особенностей языка, проникших в деревню в революционное время». Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, исследуя роль политических ссыльных в изучении края в 1890–1917 гг., в 1926 г. через «Известия ЦБК» обратилось к краоведам с перечнем интересующих его материалов. Этому примеру последовала Государственная академия художественных наук, в 1926 г. также обратившаяся через «Известия ЦБК» к краоведам с анкетой о развитии искусства народов СССР за годы Советской власти. В 1927 г. Государственный институт истории искусств напечатал «Инструкцию по учету массовых празднеств X годовщины Октябрьской революции». В 1928 г. секция обычного права и революционного правосознания Нижневолжского областного научного общества краеведения опубликовала составленную В. М. Черновым «Программу собирания в Саратовском крае материалов по юридическому быту революционной эпохи». В 1929 г. Общество изучения края при Музее Тобольского Севера издало «Программу по изучению революционного движения в Тобольском округе»¹².

⁸ Коровкин А. Первая губернская конференция по краеведению и музейному делу в г. Череповце // Краеведение. 1925. № 3/4. С. 300.

⁹ Известия Центрального бюро краеведения. (Далее: Изв. ЦБК). 1926. № 5. С. 153.

¹⁰ См.: Заборовский Е. Первый Сибирский краевой научно-исследовательский съезд // Изв. ЦБК. 1927. № 1. С. 27–29; Иеропольский К. Псковский краеведческий губсъезд // Там же. № 3. С. 102–103; Восьмой Рыбинский краеведческий съезд // Там же. № 7. С. 252–253; Шумский И. Третья уездная конференция по краеведению в Солигаличе // Там же. № 9. С. 333–334.

¹¹ Например, в Барнауле, Вологде, Ейске, Камышловe, Кашине, Кашире, Кузнецке, Нижнем Новгороде, Омске, Пензе, Сызрани и др. (Изв. ЦБК. 1925. № 1. С. 10; № 2. С. 45, 51; № 3. С. 85; № 5. С. 138, 146, 148; 1926. № 3. С. 77; 1927. № 5. С. 154–155; № 9. С. 323; 1929. № 5. С. 31).

¹² Краеведение. 1923. № 1. С. 53; Наука и ее работники. 1922. № 2. С. 29; Краеведение. 1926. № 3. С. 365; Изв. ЦБК. 1925. № 6. С. 191; Краеведение. 1927. № 2. С. 294–295; Изв. ЦБК. 1926. № 7. С. 263; № 9. С. 301–303; Краеведение. 1928. № 3. С. 188; Изв. ЦБК. 1928. № 10. С. 26; 1929. № 3. С. 19. О последней программе подробнее см.: Филимонов С. Б. Деятельность краеведческих учреждений и организаций Урала 1920-х годов по собиранию исторических источников // Вопр. соби-

Информационные материалы показывают, что, используя собранные историко-революционные источники, краеведы строили музейные экспозиции, составляли «летописи» и хроники событий Февральской, Великой Октябрьской революций и первых лет Советской власти, словари революционных деятелей края¹³, готовили и издавали сборники статей, документов и материалов¹⁴, библиографические указатели и описания собранных коллекций¹⁵, устраивали научные заседания и вечера воспоминаний¹⁶ с участием не только местной интеллигенции, но и учащейся молодежи, рабочих и крестьян¹⁷.

На заседании ЦБК 22 сентября 1926 г. было намечено «участие ЦБК в праздновании 10-летия Октябрьской революции путем выпуска специальных номеров своих периодических изданий[...]»¹⁸. Опыт, накопленный отдельными обществами и музеями, позволил опубликовать в 1927 г. статьи методического характера по вопросам организации историко-революционных отделов и выставок. Согласно рекомендациям И. Г. Клабуновского¹⁹, материалы историко-революционных отделов краеведческих музеев должны были отражать четыре основные темы: 1) классовый состав населения по периодам, 2) историю революционного движения в крае до 1917 г. (с выделением в рамках этой темы событий первой русской революции), 3) историю Февральской, Октябрьской революций и гражданской войны, 4) современную общественно-политическую жизнь края. В последней теме выделялись рубрики: а) жизнь партийной организации; б) деятельность советских органов; в) профессиональные и общественные организации; г) комсомол и пионеры; д) партийная и общественная работа среди женщин; е) печать; ж) народное образование и политическое просвещение. Справедливо полагая, что при организации отдела одним из первых встанет вопрос «об источниках накопления материала» и отводя особое место в экспозиции документальным памятникам, Клабуновский ограничивался замечанием: «Очевидно, что важнейшим резервуаром, откуда придется черпать материал [...] явятся местные, а в отдельных случаях и центральные архивы, а также местный истпарт»²⁰.

Эти рекомендации существенно дополняет одновременно опубликованная статья С. А. Безбаха о принципах организации в каждом краеведческом музее выставки, посвященной 10-летию Октябрьской револю-

рания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. М., 1982. Ч. 1: Памятники нового времени и советской эпохи. С. 174–175.

¹³ См.: Краеведение. 1923. № 2. С. 164; Изв. ЦБК. 1926. № 3. С. 70, 77; 1927. № 9. С. 322; 1929. № 1. С. 26.

¹⁴ См.: Наука и ее работники. 1922. № 1. С. 27; № 3/4. С. 41; Краеведение. 1923. № 2. С. 164; 1924. № 3. С. 331–333; 1927. № 2. С. 289; Изв. ЦБК. 1925. № 1. С. 10; № 6. С. 190; 1926. № 2. С. 61; № 5. С. 159; № 8. С. 292; 1927. № 5. С. 169; № 8. С. 294; № 9. С. 29; 1929. № 2. С. 19; № 5. С. 26. В этом плане особенно характерна заметка: М. А[задовский]. Сибирь и предстоящий юбилей восстания 1825 г. // Изв. ЦБК. 1925. № 5. С. 159–161.

¹⁵ См.: Изв. ЦБК. 1928. № 7. С. 25; № 10. С. 32; Краеведение. 1929. № 9. С. 559–560.

¹⁶ См.: Изв. ЦБК. 1925. № 1. С. 19; № 2. С. 51; 1926. № 3. С. 72; № 4. С. 110, 111; 1928. № 3. С. 11; № 7. С. 20; 1929. № 1. С. 10; № 2. С. 21.

¹⁷ В частности, в заметке об опыте краеведческой работы в подмосковной Ульяновской волости сообщалось: «При изучении революционного движения в волости в 1905 г. крестьяне доставляли в музей свои записки-воспоминания, газеты, журналы, участвовали в обсуждении доклада члена краеведческого кружка „1905 год в волости“» (Изв. ЦБК. 1929. № 1. С. 10).

¹⁸ Изв. ЦБК. 1926. № 9. С. 303.

¹⁹ Клабуновский И. Об отделах революционного движения в краевых музеях // Краеведение. 1927. № 3. С. 325–334. Доклад Клабуновского на эту чрезвычайно актуальную для советского исторического краеведения 20-х годов тему, составивший основу статьи, был прочитан на музейной конференции Центрально-промышленной области (Закс А. Б. Областные музейные конференции в РСФСР 1926–1927 годов. (По материалам ОПИ ГИМ) // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 205–206, 209) и намечался к заслушанию на 3-й краеведческой конференции РСФСР (Краеведение. 1927. № 3. С. 325).

²⁰ Клабуновский И. Указ. ст. С. 331.

ции²¹. Выставка, мыслившаяся как зародыш будущего постоянного отдела музея, должна была «охватить жизнь данной местности, данного города или поселения за период с Октября 1917 г. по наши дни»²² и состоять из следующих разделов: 1. Вводный; 2. Революционное движение в крае. (Образование Советов. Организация Красной гвардии. Октябрьские дни. Гражданская война. Партийные организации за 10 лет. ВКП(б). ВЛКСМ. Пионерское движение); 3. Быт населения за десять лет; 4. Благоустройство; 5. Промышленность; 6. Торговля и кооперация; 7. Народное просвещение; 8. Здравоохранение; 9. Рабочая общественность (Советы, профсоюзы, добровольные общества); 10. Выдающиеся деятели края²³; 11. Заключительный.

Подчеркивая, что Октябрьская революция, гражданская война и период военного коммунизма «должны быть особенно полно освещены на выставке», Безбах отмечал: «Это не так трудно сделать, так как за последние годы внимание многих исследователей и целых организаций (истпарты, истпрофы, истмолы и т. д.) приковано к нему, ведется усиленная собирательская работа, имеется довольно много материалов и обширная литература. Нужно только привлечь к участию в выставке все имеющиеся из указанных выше организаций данного края, взять на учет все ранее собранное, дополнить возможными сведениями и после соответствующей проработки экспонировать на выставке»²⁴.

Гораздо большие трудности, по словам Безбаха, представляет сбор материалов за период с начала нэпа: «Несмотря на то, что он ближе к нам по времени, материалы по нему, почти никем не собираемые, беспрерывно гибнут, и найти их, собрать и обработать для выставки несравненно сложнее. По общему большинству людей свойству — не хранить то, что близко к сегодняшнему дню, и беречь все, что случайно уцелело от более глубокого периода, мы, современники, совершенно не обращаем своих забот на фиксирование и предохранение от гибели материалов недавнего прошлого. Следствием такого отношения является невозможность найти уже многие группы материалов не только начала нэпа, но хотя бы 1925 и даже 1926 г. Кто, например, хранит полные комплекты стенных газет разных предприятий, клубов, учреждений? А ведь они содержат в себе ценнейшие бытовые данные. Но, кроме стенгазет, есть множество категорий предметов, сохранение которых весьма важно. Происходят бесчисленные конференции, отчетные выставки, собрания. Демонстрируемые на них материалы, имеющие законченную форму диаграмм, фотографий, экспонатов производственных и т. п., вскоре же неизвестно куда исчезают». Поэтому, приступая к сбору материалов для выставки по периоду нэпа, «необходимо, первым делом, разыскать все сохранившееся, отражающее в сводках жизнь прошлых лет. Они послужат ценным дополнением к данным, собранным и разработанным самими учреждениями для выставки, т. к. в них будет много таких сведений, которые не отра-

²¹ Безбах С. А. Организация выставок, посвященных десятилетию Октябрьской революции // Краеведение. 1927. № 3. С. 309–324; отд. оттиск. Рекомендованный им план выставки «явился результатом длительной работы» отделения Ленинградского общества изучения местного края на финско-ладожском перешейке; в выработке плана принимали участие. Истпарткомиссия Выборгского района Ленинграда и Комиссия по изучению и охране кладбищ Ленинграда (Там же. С. 310).

²² Безбах С. А. Указ. ст. С. 310. Автор не приводит названия отдела, но ясно, что имелся в виду отдел социалистического строительства.

²³ В этот раздел «должны быть включены не только лица, родившиеся в крае, много лет жившие в нем, вышедшие на ответственные посты, но и те, важнейшие события жизни которых связаны с краем. Например, В. И. Ленин прибыл из эмиграции в Ленинград через Выборгский район, произнес здесь свою первую по приезду в Россию речь (у Финляндского вокзала), скрывался в июльские дни в районе и часто бывал здесь в связи с событиями Октябрьской революции. Ясно, что в этом отделе выставки личность Владимира Ильича по праву получит место. По каждому деятелю желательно дать: портреты его (последний и в разные периоды жизни), краткие биографические сведения, фотографии предприятия или учреждения, где он работал, моменты его работы с сослуживцами, печатные или рукописные труды его» (Там же. С. 321).

²⁴ Там же. С. 310–311.

зились в отчетах»²⁵. Рекомендовалось проведение научных собраний, на которых организаторы выставки и исследователи выступили бы с докладами, а участники событий — с воспоминаниями. Такие собрания, по мнению Безбаха, «обогащают фонд сведений о крае» и могут быть использованы для печати, что «даст еще одно ценное следствие — печатные сборники, посвященные жизни края за истекшее десятилетие»²⁶.

В заметке «Летопись современника», принадлежавшей видному историку и литературоведу Н. П. Анциферову, перед краоведами ставилась задача регистрировать путем собирания вырезок из газет и ведения летописей наиболее значительные события местной общественной жизни²⁷.

Как видим, опубликованные в канун 10-летия Великого Октября статьи содержали ценные указания, главным образом по вопросам использования историко-революционных источников; по вопросам методики собирательской работы пока еще давались отдельные рекомендации.

Развернутая программа собирания разнообразных историко-революционных и «современных» материалов была выдвинута в 1929 г. М. Б. Капланом в статье и — в расширенной редакции — в изданной ЦБК брошюре²⁸. Эта программа, разработанная одним из организаторов и руководителей первого в нашей стране музея историко-революционного типа — Ленинградского музея Революции²⁹ — является ныне малоизвестной. Поскольку в статье программа изложена более сжато и четко, а в брошюре — более подробно, мы ознакомим читателей с программой по статье, используя материалы брошюры главным образом в качестве дополнений.

Отмечая наличие в СССР ряда организаций, призванных собирать, хранить и изучать историко-революционные материалы — истпарта, истпрофов, архивов, музеев революции и других, автор статьи указывал: «Задача этих организаций велика, и она может быть решена только с помощью всей советской общественности. Поэтому правильно связывать изучение революции с краеведением [...]. Центрами и аппаратами работы на местах должны стать отделы революции краеведных музеев»³⁰. В музейной работе Каплан выделял три основных направления — собирание материалов, их «охрану» (учет), «выявление» (экспозицию) — и посвящал каждому из них особый раздел статьи³¹. С тем, чтобы об-

²⁵ Там же. С. 311.

²⁶ Там же. С. 323.

²⁷ А[нциферов] Н. Летопись современника // Изв. ЦБК. 1926. № 7. С. 227–228. Атрибутировать заметку позволяет выписка из журналов заседаний ЦБК от 21 августа 1926 г.: «По докладу научного сотрудника ЦБК Н. П. Анциферова о поездке по краеведческим организациям Смоленской и Калужской губ. были приняты следующие постановления: [...] О желательности ведения газетной (вырезки) энциклопедии и летописи местных событий краеведческими организациями» (Там же. С. 229).

²⁸ Каплан М. Б. Основные вопросы построения историко-революционных отделов в краеведных музеях // Краеведение. 1929. № 2. С. 65–83; *Он же*. Программа по собиранию материалов для изучения революционного прошлого своего края: Программа — инструкция для краеведов. Л., 1929. 16 с. (Далее: Программа). Статью Каплана дополнял одновременно опубликованный обзор литературы, посвященной задачам, принципам организации и деятельности историко-революционных музеев и отделов музеев (Филиппов А. И. Из новой литературы по музейному делу // Краеведение. 1929. № 2. С. 130).

²⁹ Каплан М. Музей Революции // Наука и ее работники. 1921. № 5. С. 27–28; *Лейкина-Сивирская В. Р.* Из истории Ленинградского музея Революции // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1961. Вып. 3. С. 56, 58, 68, 69.

³⁰ Краеведение. 1929. № 2. С. 65–66. В брошюре также подчеркивалось, что «собирание и охрана историко-революционных материалов будет вестись правильно только тогда, когда эта работа будет тесно связана с краеведным движением» (здесь и далее выделено в брошюре. — С. Ф.) и отмечалась необходимость тесных контактов историко-революционных отделов музеев как с указанными выше организациями, так и с участниками революционной борьбы (Программа. С. 4).

³¹ Кроме того, статья содержала разделы «Техника выявления» и «Значение музеев революции в музейном строительстве». Иную структуру имела брошюра, состоявшая из пяти глав: «I. Подпольный период. Революционное движение „на воле“»; «II. История тюрьмы, ссылки и каторги»; «III. Период современной революции»; «IV. Как собирать материалы»; «V. Куда должны передаваться материалы».

легчить изложение программы собирания историко-революционных материалов (определявшихся как «материалы, характеризующие борьбу классов»³²), историю революционного движения в России автор условно делил на два периода — «подпольный» и «период» Февральской и Октябрьской революций³³, а в рамках первого из них выделял две темы: революционное движение «на воле» и историю ссылки и каторги, которая «есть не что иное, как та же революционная борьба в других условиях»³⁴. В соответствии с этим делением программа состояла из трех частей³⁵.

При собирании материалов по истории революционного движения «на воле» до 1917 г. автор считал необходимым следующее: 1) разыскание архивов губернаторов, полицейских управлений, жандармских и охранных отделений, судебных, тюремных, дворянских, частных³⁶ (по справедливому замечанию Каплана, «пусть охраной архивов ведают специальные учреждения — Центрархив и его отделения на местах; нужно помнить, что мы делаем общее дело»³⁷); 2) разыскание местной легальной и нелегальной «прессы» — книг, журналов, газет, листовок, прокламаций, брошюр³⁸; 3) собирание мемуаров, воспоминаний (поскольку «рядовые» деятели революции часто не владеют пером, «в этом деле могут помочь заранее выработанные для данной области или события анкеты»³⁹), дневников, эпистолярных источников⁴⁰;

³² Краеведение. 1929. № 2. С. 67. Такое слишком общее определение историко-революционных материалов, бытовавшее среди музееведов 20-х годов, в 1931 г. подверглось критике со стороны Н. М. Дружинина. См.: *Ведерникова Г. И.* Музейное дело в исторической и архивоведческой литературе 1920–1930-х годов // *Историография и источниковедение архивного дела в СССР: Межвузовский сборник.* М., 1984. С. 109.

³³ В брошюре была дана иная периодизация, ориентировавшая краеведов на собирание и изучение материалов по истории классовой борьбы за очень широкий хронологический период. «В целях практических мы делим революционное движение на два периода. Первый период назовем „подпольным периодом“. Это период прошлого революционного. Мы в него включаем крестьянские бунты, восстание декабристов, революционные кружки, народничество и „Народную волю“, рабочее движение — кружки 70–80–90-х гг.; историю Коммунистической партии, историю других партийных группировок, как правых, так и левых; 1905 г. — первую нашу революцию; эпоху реакции. Второй период — период нам современный: империалистическая война, Февральская революция, Великая Октябрьская, гражданская война и советское строительство» (Программа. С. 5).

³⁴ Краеведение. 1929. № 2. С. 67. В брошюре добавлено: «в условиях царского плена, в условиях скованных рук (подчас в буквальном смысле — кандалами)» (Программа. С. 6).

³⁵ В статусе программа изложена в разделе «Собирание материалов» (Краеведение. 1929. № 2. С. 66–73; первая часть программы — с. 67–69; вторая — с. 69–71; третья — с. 71–73), в брошюре — в первых трех главах (Программа. С. 6–12).

³⁶ В брошюре указывалось и на архивы губернских и земских правлений и фабрично-заводские, но особое внимание обращалось на собирание частных архивов: «Если первые, т. е. официальные архивы, более или менее учтены, то этого нельзя сказать про частные, являющиеся зачастую хранилищем чрезвычайно важных и интересных материалов. Разыскание этих архивов ведется путем опроса, уговоров, убеждений владельцев. В этом состоит долг краеведа, так как часто владельцы, прямые участники революции, а иногда наследники их, не придают значения этим архивам, не понимая их общественной ценности, и таят их под спудом» (Программа. С. 7).

³⁷ Краеведение. 1929. № 2. С. 67–68.

³⁸ В брошюре рекомендовалось «собирание местной прессы [...] издававшейся в данном крае, или имевшей в нем распространение», и, помимо вышеперечисленных произведений печати, указывалось на «целые библиотеки, каталоги [...] программы кружков на заводах, фабриках и в учебных заведениях, как партийных, так и действовавших под флагом кружков самообразования» (Программа. С. 8).

³⁹ Краеведение. 1929. № 2. С. 68. В брошюре вопрос о собирании воспоминаний изложен более полно: «Собирание путем опросов материала, нигде не получившего своего отражения, а хранящегося только в памяти участников или очевидцев. Этому делу могут помочь беседы и вечера воспоминаний участников революционных движений прошлого. Воспоминания участников событий, в особенности рядовых деятелей, должны быть записаны краеведом. Для этого надлежит заранее выработать опросник, охватывающий по возможности полно те события, участником которых был опрашиваемый» (Программа. С. 8).

⁴⁰ В брошюре: «Особенно ценные дневники революционных деятелей. Могут быть

4) собрание сатиры, поговорок, пословиц, песен⁴¹; 5) собрание ре-
 ликвий, картин, рисунков, лубков, фотографий лиц, событий и мест, свя-
 занных с революционным движением⁴²; 6) «выяснение» конспиратив-
 ных квартир, подпольных типографий, лабораторий, где были кружки,
 собрания и т. п.⁴³; 7) «выяснение» происходивших в крае забастовок,
 аграрных волнений, митингов, маевов, демонстраций, террористических
 актов, экспроприаций, студенческих волнений, движения молодежи, дей-
 ствовавших партий, их съездов и конференций и «как обратной стороны»
 движения черной сотни, погромов и т. д.⁴⁴; 8) «выяснение» карательной
 политики правительства — аресты, тюрьмы, цензура, карательные экс-
 педиции, казни⁴⁵; 9) «выяснение» участников революционной борьбы⁴⁶,
 лиц, подвергавшихся репрессиям, а также усмирителей, тюремщиков,
 провокаторов. Первая часть программы завершалась указанием на необ-
 ходимость собирания материалов, характеризующих влияние русско-
 японской войны на рост и развитие революционного движения⁴⁷.

По теме «революционная борьба в ссылке и каторге» (вторая часть
 программы), адресованной преимущественно краеведам северных окраин,
 Каплан считал важным «выяснение общих условий жизни и быта поли-
 тической ссылки и каторги, а также и всех перипетий борьбы, которая
 тесно связана с революционной борьбой „на воле“»⁴⁸. Исходя из этого
 он рекомендовал собирать материалы по следующим пунктам программы:
 1) политические организации ссыльных и связи их с волей⁴⁹; 2) бунты,

интересны дневники современников»; «Это очень интересный источник, напр.,
 письма с фронта русско-японской войны» (Там же. С. 7).

⁴¹ В брошюре: «Собрание сатиры, напр., выходявшей в 1905 г., имевшей большое
 распространение». Отмечалась не только важность, но и спешность собирания
 «революционных песен, современных и прошлых»: «Примером тому, насколько
 важно собрать вовремя, может служить факт, имевший место в одном из
 центральных музеев. По поводу юбилея события 1 марта 1881 г. была надоб-
 ность восстановить песни, бывшие в ходу у народовольцев. Созванные по этому
 поводу ветераны припомнили и помогли записать только две песни, в то время,
 как все они указывали на то, что было много других, припомнить же их они
 не смогли» (Там же. С. 8).

⁴² В брошюре указывалось и на плакаты: «Само собою разумеется, что более
 наглядными и ценными из перечисленных материалов будут материалы, со-
 временные событиям. В тех случаях, когда подлинников разыскать не
 удастся, краеведу надлежит сделать все возможное, чтобы заснять места и лица
 так, как они есть в настоящее время, также по возможности снять планы или
 сделать зарисовки» (Там же).

⁴³ В брошюре: «Выяснение условий, обстоятельств и мест, где происходили все
 вышеуказанные события и факты: подпольные типографии, их обору-
 дование, время действия, способы печатания, количество и имена работавших,
 судьба этих типографий; лаборатории взрывчатых веществ; кон-
 спиративные квартиры, квартиры, где скрывались нелегальные; места
 митингов, массовок, маевов, конференций, съездов и т. д. Все должно быть
 описано возможно подробнее, с указанием точных адресов, с зарисовкой планов,
 заснятием мест и указанием источника, т. е. кто рассказал или указал, или
 где об этом напечатано» (Там же. С. 7).

⁴⁴ В брошюре уточнялось, что необходимо «собрание сведений» о причинах, по-
 водах и результатах происходивших в крае массовых выступлений (в том числе
 и о стачках, манифестациях, «бунтах» в армии и флоте, школьных «беспоряд-
 ках»), а также о действовавших в крае политических партиях и организациях,
 как революционных, так и контрреволюционных — «их программы, численность,
 социальный состав, выступления, внутренняя работа, комитеты, конференции,
 съезды, подпольная печать» (Там же. С. 6).

⁴⁵ В брошюре упоминались также обыски и телесные наказания; круг вопросов
 о карательных экспедициях включал район их действия, состав, приказы, число
 пострадавших, а о цензуре — штрафы, аресты редакторов, конфискации газет
 и книг, запрещение изданий (Там же. С. 7).

⁴⁶ В брошюре рекомендовалось «собрание биографий, а еще лучше автобиографий
 участников революции» (Там же. С. 6).

⁴⁷ В брошюре: «Все вышеуказанные факты и события отражаются в следующих
 материалах: документах, печати, изображениях, вещественных
 памятниках, воспоминаниях» (Там же).

⁴⁸ Краеведение. 1929. № 2. С. 69.

⁴⁹ В брошюре: «Материалы по политическим организациям, „коммунам“ в тюрьме
 и ссылке (их состав, занятия). Связь и сношения с волей» (Программа. С. 9).

протесты, голодовки и самоубийства; 3) побег и подкопы⁵⁰; 4) революционная пропаганда среди местного населения⁵¹; 5) революционные шифры и другие способы сношения заключенных между собой и с товарищами «на воле»; 6) тюремные библиотеки (состав их, каталоги)⁵²; 7) отношение политических каторжан к «тюремному населению»⁵³; 8) собрание работ политкаторжан⁵⁴; 9) собрание орудий наказания, «применявшихся правительством» (кандалы, наручники, плети, резины и др.), материалов, характеризующих систему правительственных репрессий; 10) материалы по местам заключения (снимки тюрем, камер общих и одиночных, карцеров, юрт, жилищ ссыльнопоселенцев, рудников и др.)⁵⁵; 11) материалы по амнистии политических ссыльных и каторжан⁵⁶. Не выделено в особый пункт программы важное замечание: «Должно уделить особое внимание собиранию материалов, характеризующих культурную роль политической ссылки»⁵⁷.

Приступая к изложению третьей части программы, Каплан писал: «Во втором периоде, особенно для нас важном,— периоде Февральской и Октябрьской революций, нужно отметить как факт первостепенной значимости, необходимость самого тщательного собирания материалов». По его словам, «на первый взгляд, это кажется парадоксом, так как материалы нашей революции — это материалы, нам современные, продукт нашей работы и деятельности. На самом же деле с этими материалами дело обстоит совсем не благополучно»⁵⁸. Поясняя, автор делился наблюдениями над состоянием источниковой базы истории революционного движения в России:

«Гражданская война, интервенция и связанные с ними частые смены властей губительно отражались на судьбе этих архивов и материалов, составляли иногда революционные власти в силу необходимости уничто-

⁵⁰ В брошюре: «Материалы, относящиеся к активной борьбе политических заключенных (бунты, протесты, голодовки и самоубийства, как средство воздействия на врага). Многие из этой борьбы уже отмечено в воспоминаниях освобожденных революцией, многое хорошо изучено, как, напр., Якутский протест, Карийская трагедия и др.; но организованно материалы эти не собираются. В этом деле краевед должен связаться с местным отделом Общества [бывших] политкаторжан и ссыльнопоселенцев»; «Материалы по побегам из тюрьмы и ссылки, организация их (планы, чертежи подкопов, путей и пр.)» (Там же).

⁵¹ В брошюре уточнялось: «Это относится главным образом к ссыльным» (Там же).

⁵² В брошюре «Тюремные библиотеки, их история, каталоги; тетради, записи заключенных; тюремные журналы и газеты» (Там же).

⁵³ В брошюре этот пункт отсутствует. И напротив, в ней содержится пункт, отсутствующий в статье «Материалы по политическому Красному Кресту и др. подобным организациям: их отчеты, количество обслуживаемых, род помощи и проч.» (Там же).

⁵⁴ В брошюре: «Изделия заключенных и ссыльных. (Замечательным примером в этом роде могут служить работы шлиссельбуржцев)» (Там же).

⁵⁵ В брошюре упоминались также снимки прогулочных дворов, этапов, каменоломен (Там же).

⁵⁶ В брошюре: «Наконец, материалы по амнистии и освобождению ссыльных и каторжан. Условия, в которых протекала амнистия; составление списков: происходили ли освобождения стихийно или по предписанию Временного правительства; сколько лиц было освобождено; комитеты содействия и пр.; сожжение мест заключения» (Там же).

⁵⁷ Краеведение. 1929. № 2. С. 69. В брошюре об этом значительно более подробно: «Политическая ссылка сыграла громадную роль в истории культуры края. Нет такой стороны жизни, на которой не отразилось бы ее влияние. Несмотря на многочисленные распоряжения, циркуляры, разъяснения, запрещавшие ссыльным и литературный, и педагогический, и вообще всякий труд, составляющий „публичную деятельность“, ссыльные оставили большое культурное наследие. Имена многих из них стоят на первом месте среди научных исследователей края. В заслуживающей быть отмеченной статье „Ссылка и краеведение“ В. Николаев (в сб. „Сибирская ссылка“, изд. Общества политкаторжан. М., 1927) приводит целый ряд имен таких исследователей, оговариваясь, что этот перечень далеко не полон. Это — в научно-исследовательской работе только по Якутскому краю. То же можно сказать и о всех других. Повсюду ссыльные создавали очаги культуры: школы, библиотеки, мастерские, кооперацию, показательные хозяйства, участвовали в газетной и журнальной работе, и это все, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия жизни» (Программа. С. 9—10).

⁵⁸ Краеведение. 1929. № 2. С. 71.

жать драгоценные документы. Если в период „подпольной революции“ материалы часто подвергались такой же участи как со стороны революционеров в целях сохранения организации, так и в целях уничтожения „зловредности“ этих материалов со стороны властей „предержащих“, то все же в архивах жандармских, охранных и др. „отделений“ они сберегались „для пользы дела“, как сберегались отдельными революционерами и революционными организациями. Разительный пример такого сохранения представляет собою архив „Земли и воли“ — одна из ценнейших коллекций Государственного музея Революции. В этом архиве сохранились различные письма, шифры, устав и программа общества, черновые протоколы воронежского съезда, „небесная канцелярия“ и мн. др.⁵⁹ Во время же нашей революции было не до коллекционерства, не до сбережений; все силы уходило на борьбу, и в огне этой борьбы сгорало то, что так нужно теперь для науки и революции. Опыт показывает, что разыскать документы XVIII и XIX в. сейчас легче и возможнее, чем разыскать документы, или хотя бы восстановить их содержание, времен первых дней, недель, месяцев Февральской и Октябрьской революций»⁶⁰.

Придерживаясь распространенной среди музейных работников тех лет точки зрения, что «особенно важно собирать материалы, характеризующие изменения, которые внесли в быт Февральская и Октябрьская революции», Каплан рекомендовал: собирать материалы «как по революции, по составу и деятельности революционных организаций, — ревкомов, ревтроек и пр., так и по контрреволюции, интервенции, повстанчеству и бандитизму»⁶¹; собирать знамена, плакаты, лозунги, денежные знаки, боны различных правительств, обществ, коопераций; собирать материалы по субботникам, трудовым дням, революционным праздникам; фиксировать переименования губерний, уездов, городов, площадей, улиц, фабрик, заводов; составлять словарь новых слов и сокращений; собирать материалы по революционным инсценировкам, фильмам, стенгазетам. Поскольку историко-революционный отдел «должен включать также и материалы по советскому строительству»⁶², необходимо собирать материалы о роли Коммунистической партии, деятельности Советов, комсомола, общественных организаций, кооперации, профдвижению, культпросветработе, культшефству и т. п.

В брошюре третья, заключительная часть программы, изложенная в главе «Период современной революции», несопоставимо отличается от рассмотренной по статье. Приводим ее полностью: «Собирание материалов и фактов по этому отделу»⁶³ — дело огромной важности, как потому, что события нашего времени — события величайшие в мировой истории, так и потому, что знание их имеет жизненное, действительное для сегодняшнего дня значение. Нужно со всей решимостью бороться с тем „холодком“ к „неинтересным“, всем „известным“, „не столь редким“ материалам, который неизбежен у „современника“. Краевед должен знать и заставить других понять, что сегодняшняя „нередкая“ газета или журнал через 5—6 лет может стать величайшей редкостью. В этом легко убедиться, собирая комплекты местных газет, выходивших в 1917-м, 1918-м и след[ующих] годах.

Материалы для этого периода будут те же, что мы указывали для 1-го периода, т. е. различные вещевые⁶⁴ памятники (знамена и пр.), фотографии и др. изображения, разнообразная литература (книги, журналы, газеты, листовки, плакаты и пр.); архивы и воспоминания очевид-

⁵⁹ Об использовании архива «Земли и воли» Ленинградским музеем Революции см.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Указ. ст. С. 60, 72.

⁶⁰ Краеведение. 1929. № 2. С. 71.

⁶¹ Там же. С. 72. В статье выделено курсивом. О критике отмеченной точки зрения Н. М. Дружининым в 1931 г. см.: *Веверникова Г. И.* Указ. ст. С. 109—110.

⁶² Краеведение. 1929. № 2. С. 73.

⁶³ «Отделами» именуется то, что мы во избежание путаницы в обозначениях называли частями программы.

⁶⁴ Т. е. вещественные.

цев и участников. Мы не будем вновь подробно останавливаться на этом, а будем только делать указания по вопросам, на которых надо заострить внимание.

В этом периоде особенно трудно дать исчерпывающий перечень материалов и фактов, которые должно собрать. Наши указания могут служить только вехами, очень грубой схемой, и задачей краеведа будет приспособить эту схему для своего района.

Прежде всего надлежит составить хронику событий, взяв из них важнейшие. Составление такой хроники и само по себе является нужным делом и вместе с тем может послужить канвой для сбора и группировки материала. Полезным пособием может служить инструкция Истпарта ЦК ВКП(б) по составлению хроники Октябрьской революции и гражданской войны (напечат[ана] в «Прол[етарской] рев[олюции]», 1928, [№] 2). Схематически этот отдел можно разбить на разделы: I — империалистическая война, II — Февральская революция, III — Октябрьская революция, IV — гражданская война, V — советское строительство.

I. Им п е р и а л и с т и ч е с к а я в о й н а. Поскольку мы ставим себе задачей собирание историко-революционных материалов, военные события будут интересовать нас лишь как социальное явление, уясняющее влияние войны на рост революционного движения. Материалы собираются по вопросам: а) Правительственная и буржуазная агитация за войну; б) Отношение к войне различных слоев населения; в) Отношение к войне политических партий. Подпольная работа, протесты против войны, забастовки, братание; г) Империалистическая пропаганда союзников; д) Рост цен, обнищание населения, разрушение народного хозяйства; е) Деформация промышленности, изменение состава рабочей силы на фабриках и заводах; ж) Жертвы войны и разрушения, ею причиненные.

II. Ф е в р а л ь с к а я р е в о л ю ц и я. а) Первые известия о революции и первые дни. Митинги, демонстрации, пресса; б) Организация новой власти, общественные комитеты, их состав, социальный и партийный. Комиссары Временного правительства; в) Советы — их возникновение, деятельность, состав; г) Профсоюзы; д) Политические партии — комитеты, конференции, съезды; ж)⁶⁵ Крестьянские организации — их съезды, земельные комитеты, захват земель; з) Солдатские комитеты — их деятельность; и) Отражение событий центра на местах в июльские дни, в дни корниловского мятежа. Рост большевистского движения; к) Создание Красной гвардии.

III. О к т я б р ь. а) Когда совершился переворот, в какой форме: мирный переход или борьба? Этапы этой борьбы и ее участники. Съезды Советов. Организация власти Советов — выборы, партийный состав нового созыва; б) Революционные власти — ревкомы и пр., их состав и деятельность; в) Создание Красной Армии; г) РКП(б), комсомол (численный состав, рост, работа, структура); конференции и съезды; д) Профсоюзное движение; е) Передача земли крестьянам, количество земель (помещичьи, церковные и удельные); ж) Национализация фабрик, заводов и других предприятий.

IV. Г р а ж д а н с к а я в о й н а. а) Фронты и боевая работа Красной Армии; б) Внутренние заговоры; в) Интервенция; г) Белогвардейские правительства — их состав, деятельность, законодательство, белый террор; д) Национальное движение; е) Крестьянские движения, партизанщина; ж) Революционная подпольная работа; з) Бандитизм. (Все, что сказано о событиях и материалах по первому периоду, названному нами „подпольным“, целиком может быть применено и здесь, так как режим Юденича, Деникина, Колчака, Врангеля и других, если и отличался от царского режима, то разве только еще большей жестокостью. Поэтому все, что перечислено в первом периоде, краевед может отнести и к данному разделу); и) Разрушение хозяйственной жизни района.

⁶⁵ Параграф «е» отсутствует.

Голод, суррогаты питания. (Последний параграф следует непременно согласовать с общим планом краеведной работы по экономическому разделу).

V. Советское строительство. Этот отдел охватывает все стороны жизни края после Октябрьской революции. Он включает также всю советскую общественность: напр., деятельность МОПРа, Авиахима, культшфскую работу и т. д.»⁶⁶.

Содержавшиеся в программе разрозненные рекомендации по методике собирательской работы автор брошюры попытался суммировать, обобщить и дополнить в специальной главе «Как собирать материалы». В ней говорилось: «Указать все исчерпывающие способы изыскания материалов нельзя. Они не поддаются точному учету. Часто материал находится в совершенно неожиданных, случайных местах. Но, конечно, в первую очередь, как уже было сказано, их надо искать у участников революционных событий, лиц, с ними связанных, или у современников. Мы выше уже указывали, что хорошим средством могут служить устраиваемые специально для этого собеседования, вечера воспоминаний. Мы указывали также, что это имеет и другую полезную для краеведения сторону, потому что может привлечь к нашему делу большее число сторонников. Другим способом может служить опрос отдельных лиц. Для такого опроса нужно подготовиться заранее, т. е. составить себе заметки, опросник, анкеты и проч. Нужные для работы вещи и документы могут находиться повсюду, в макулатуре, на чердаках, складах и проч. Собираание материалов дело очень трудное [...]. Общие указания, данные нами в первой главе, краевед должен уточнить. Он должен составить возможно подробный план. Например: краевед хочет выяснить стачечное движение в данном районе; здесь возникает целый ряд вопросов: а) Какие предприятия (заводы, фабрики, мастерские) бастовали? б) Какие были причины забастовки? в) Сколько рабочих бастовало в целом и в каждом предприятии отдельно? Кто руководил забастовкой (стаечный комитет — его состав)? Было ли партийное руководство? г) Как протекала забастовка (митинги, случаи поломки машин, штрейкбрехерство и т. д.)?»

Но когда материал найден, краеведу предстоит проделать еще одну, совершенно необходимую работу, без которой все собранное не будет иметь никакой цены. Все, что собрано краеведом, будь то вещь, рисунок, листовка, должно быть зарегистрировано и описано, должно иметь свой паспорт. Только тогда, когда эта работа будет проделана, материал получит научную ценность. Вместе с тем краевед и сам приобретет больше знаний»⁶⁷. В качестве примера учета разнообразных историко-революционных материалов (иконографических, рукописных, печатных, вещественных и фактографических) в брошюре приведены образцы карточек, применявшихся в Ленинградском музее Революции (их заполнение требовало источниковедческого анализа этих материалов).

В последней главе брошюры — «Куда должны передаваться материалы» — указывалось, что все, собранное отдельным краеведом или их группой, должно поступать в историко-революционный отдел краеведческого музея. Давались и рекомендации по использованию собранных материалов: «Отдел революции краеведного музея не будет держать материал под спудом, а может устроить из него временную выставку. В самом деле, представим себе, что собрано хотя бы немного материалов (газет, листовок, фотографий и проч.) относительно какого-нибудь важного события в данной местности, напр., о первых днях Октября. Можно, и даже вернее сказать, должно, чтобы эти материалы были показаны. Тогда будет видно, чего не хватает и что нужно еще подыскать. Это первое. Второе — это то, что не только собирающие, но и пришедшие на выставку увидят, насколько ценен, интересен и полезен

⁶⁶ Программа. С. 10—12.

⁶⁷ Там же. С. 12—13.

тот материал, который, будучи сопоставлен с другим, дает живое, наглядное представление о событии. Эти временные выставки могут послужить хорошим и действительным⁶⁸ средством для завоевания все большего и большего числа сторонников нашего дела. Самое же важное то, что когда эти выставки сделаются постоянными отделами, эти отделы музеев станут на единственно правильный путь отображения местной жизни, а не будут питаться копиями материалов из центральных музеев. Только при такой постановке вопроса можно будет не на словах, а на деле осуществить коллективную работу центра и мест, что является залогом разрешения огромной задачи научного изучения революционного движения»⁶⁹.

Рассмотренные материалы показывают, что поставленная Великим Октябрем перед советским историческим краеведением задача собирания и использования историко-революционных источников вызвала поиски форм и методов этой работы. Оригинальные анкеты, вопросники, инструкции и программы создавали прочную и разнообразную источниковую базу многих актуальнейших для советской исторической науки проблем. В изданной ЦБК в 1929 г. программе собирания историко-революционных и «современных» материалов, несомненно, нашел отражение опыт работы не только специальных историко-революционных учреждений и организаций (истпартов, музеев революции и др.), но и краеведческих; эта программа, в свою очередь, не могла не повлиять на последующую деятельность и краеведческих, и специальных историко-революционных учреждений и организаций⁷⁰. Важнейшей формой использования собранных документов признавалась музейная экспозиция. Приведенные материалы имеют не только историографическое, но и практическое значение: они могут быть использованы при изучении процесса формирования Музейного фонда СССР, составлении методических рекомендаций по поисковой и музейной работе, подготовке анкетных обследований, в поисках документов для историко-революционных хрестоматий и музейных экспозиций.

⁶⁸ Т. е. действенным.

⁶⁹ Программа. С. 16.

⁷⁰ По наблюдениям А. Б. Закс, такой авторитетный научный и методический историко-революционный центр страны, как Государственный (ныне Центральный) музей Революции СССР в Москве, к концу 20-х годов еще не владел методикой «полевой работы» и собирания «современных» материалов; инструкции по собиранию материала и о методах опроса участников революционной борьбы были изданы музеем лишь в 1930 г. (Закс А. Б. Из истории Государственного музея Революции СССР (1924–1934 гг.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1963. Вып. 5. С. 11, 14, 43, 49, 50).

А. П. Пшеничный

РУКОВОДИТЕЛЬ СОВЕТСКОЙ АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ Я. А. БЕРЗИН

Ян Антонович Берзин (1881–1938) — выходец из семьи латышского крестьянина. В 1902 г. он становится членом партии, а с 1904 г. Берзин — большевик, твердый сторонник В. И. Ленина. До революции он — профессиональный революционер, после революции — партийный и советский государственный деятель, дипломат.

Биография Берзина написана И. Толстовым¹. Имеются биографические справки в БСЭ (1-е и 3-е изд.), СИЭ, в энциклопедиях «Великая Октябрьская социалистическая революция», «Гражданская война и военная интервенция в СССР» и Дипломатическом словаре (3-е и 4-е изд.).

¹ Толстов И. Я. А. Берзин-Зиемелис // Герои Октября. Л., 1967. Т. 1. С. 162–164.

Однако последний этап деятельности Берзина почти не освещен. К 100-летию со дня его рождения Б. И. Каптеловым опубликована небольшая подборка документов², в предисловии к ней дана биография Берзина до 1932 г. Частично вопросы деятельности Берзина с 1932 г. освещены автором этих строк³.

Архивная деятельность Я. А. Берзина началась в 1929 г. Президиум ЦИК СССР своим постановлением признал необходимым приступить к фундаментальному изданию документов по истории внешней политики эпохи империализма, особенно за период первой мировой войны. Эта публикация была тем более необходима, что в западных капиталистических государствах (Англия, Франция, Германия) издавались так называемые «цветные книги» и другие сборники. Их составители ставили перед собой основную задачу оправдать действия своих правительств и возложить ответственность за мировую войну на другие страны. Перед советской публикацией документов по истории внешней политики стояла задача убедительно доказать, что ответственность за первую мировую войну несут все империалистические государства. Для руководства этой работой была образована комиссия под председательством выдающегося советского историка академика М. Н. Покровского⁴. Его заместителем, непосредственно возглавившим эту работу, несколько позднее был назначен Берзин. Наиболее актуальная часть этой серии (1914–1917 гг.) была издана в 1931–1938 гг.⁵ Вопросы ее подготовки освещены в ряде статей⁶. Перед комиссией стояла задача показать в документах внешнюю политику России в первую мировую войну во всей полноте и многогранности, выяснить международные обстоятельства, в которых она протекала, а также выявить основные линии политики других империалистических государств. Осуществление этих целей требовало от составителей не только ограничиваться документами Министерства иностранных дел, но и проводить выявление документов по другим архивным фондам — Совета Министров, министерств военного, морского, финансов, торговли и промышленности.

Подготовители серии придавали большое значение научно-критической оценке содержания документов. Дискуссия между западными специалистами Линднером, отрицавшим за археографом право оценки содержания документа, и Квидде, признававшим это право, советскими публикаторами была решена в пользу последнего. М. Н. Покровский в предисловии к первому тому убедительно доказал, что даже, казалось бы, формальный момент ограничения отбора документов хронологическими рамками может быть связан с политической тенденцией издания⁷.

Работа над серией активно продолжалась. Как уже отмечалось, к 1938 г. было издано десять томов (в 12 книгах) серии⁸.

По соглашению с германским архивным ведомством, германская сторона издавала серию «Международные отношения в эпоху империализма» в Германии на немецком языке, сопровождая документы своими комментариями⁹. С приходом к власти фашистов в Германии действие этого соглашения было прекращено. Поэтому серия была издана в Германии неполностью.

Серия «Международные отношения в эпоху империализма» вызвала на Западе громадный интерес. Десятки историков публиковали на нее

² Я. А. Берзин (к 100-летию со дня рождения)/Публ. подгот. Б. И. Каптелов // СА. 1981. № 5. С. 29–33.

³ Пшеничный А. П. К истории создания и деятельности Центрального архивного управления СССР // СА. 1979. № 4. С. 5.

⁴ Сборник руководящих материалов по архивному делу. М., 1961. С. 84; АД. 1929. Вып. 2(19). С. 113.

⁵ Международные отношения в эпоху империализма. М.; Л., 1931–1938. Т. 1–10.

⁶ Попов А. О плане и приемах издания дипломатических документов мировой войны // АД. 1929. Вып. II(18). С. 34–48; Сергеев А. Методология и техника публикации документов // АД. 1932. Вып. I–II(30–31). С. 43–99; и др.

⁷ Сергеев А. Указ. соч. С. 65–67.

⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2606. Л. 15; Д. 4350. Л. 210.

⁹ АД. 1932. Вып. I–II(30–31). С. 69–70.

свои рецензии. Многие из них, познакоившись с ранее неизвестными документами, были вынуждены пересмотреть свои взгляды и книги. Даже германский фашиствующий историк А. Вегерер в своей книге, вышедшей в 1931 г., возлагавший вину за войну на Россию, был вынужден значительно изменить свою точку зрения. Регулярно печатали рецензии на сборники серии многие германские, французские, английские и даже латиноамериканские газеты и журналы¹⁰.

23 июня 1932 г. вместо умершего М. Н. Покровского заведующим ЦАУ СССР и РСФСР назначается Я. А. Берзин¹¹. С этого времени его деятельность разветвляется по широкому спектру вопросов архивного строительства.

Берзин начал с детального изучения всех сторон состояния архивного дела. Свои выводы он изложил в докладной записке в ЦК ВКП(б)¹². Копия этого важнейшего документа (недатированная) была по ошибке подшита в дело 1934 г., что стало причиной неправильной его датировки Б. И. Каптеловым, опубликовавшим отрывок из него¹³. По содержанию документ бесспорно относится к 1932 г.: Историко-архивный институт в нем еще назван Институтом архивоведения (переименован в 1932 г.), а о 1933 г. говорится как о предстоящем.

Указав на положительные моменты, в первую очередь в области использования и публикации документов, Берзин подробно остановился на недостатках. Он писал, что далеко не все документы центральных архивов описаны, что систематизация и описание документов велось без серьезной методической базы, часто кустарно. Слабо разработаны методологические основы советского архивного дела. В этой связи Берзин подверг серьезной критике журнал ЦАУ «Архивное дело». Были им отмечены некоторые недостатки в публикационной работе архивных учреждений, в частности в работе журнала «Красный архив». Особое значение Берзин придавал недоработкам в состоянии кадров архивных учреждений. Для устранения недостатков он наметил целый ряд конкретных задач, определивших программу его дальнейшей деятельности.

В начале своей руководящей работы Я. А. Берзин столкнулся с крупными ошибками в деятельности ЦАУ. Увлечшись развитием работы по использованию документов, руководители ЦАУ не придавали серьезного внимания приведению в порядок и описанию документов архивов. В результате в начале 30-х годов стала развиваться диспропорция между общим количеством документов архивов и количеством упорядоченных и описанных дел. В 1929 г. приведенные в порядок документы центральных архивов составили 58%¹⁴. К 1932 г. положение не изменилось — по нашим подсчетам, было приведено в порядок и описано менее 57% общего количества дел¹⁵. В то же время заместитель заведующего ЦАУ В. В. Максаков в своем докладе на расширенном заседании коллегии ЦАУ 27 декабря 1932 г. уверял, что три четверти документов доступны для использования¹⁶.

Прежнее руководство ЦАУ основные силы архивных учреждений направляло на использование документов. Если в первой пятилетке на эту работу было затрачено 40% рабочего времени, то во второй пятилетке Максаков предлагал выделить 60%¹⁷.

Оценив создавшуюся ситуацию, Берзин пришел к выводу о необходимости временно сократить работу по использованию и публикации документов. Он считал, что необходим тщательно сбалансированный подход к этим направлениям в работе архивных учреждений. Свою позицию он изложил на заседании коллегии ЦАУ 27 декабря 1932 г.:

¹⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2606. Л. 60.

¹¹ АД. 1932. Вып. III—IV (32—33). С. 78.

¹² ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 3017. Л. 16—18.

¹³ СА. 1981. № 5. С. 32—33.

¹⁴ Максаков В. 10 лет архивного строительства // АД. 1929. Вып. 2(19). С. 27.

¹⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2461. Л. 101 об.

¹⁶ Там же. Д. 2448. Л. 28.

¹⁷ Там же. Д. 2448. Л. 32.

«Два слова о спорах, которые до сих пор имели место среди архивных работников, по вопросу о соотношении между архивно-технической работой и использованием архивных материалов. Нельзя противопоставлять задачи выявления и задачи использования, это неправильно. Использование архивных ценностей немислимо без развития работы по выявлению, по предварительной разработке архивных материалов. С другой стороны, вся архивно-техническая разработка архивного материала не имела бы никакого смысла, если бы мы не ставили своей целью использование этого материала для конкретных целей... Эти задачи нужно увязывать диалектически»¹⁸.

Были проведены необходимые изменения в руководстве ЦАУ. Постановлением Секретариата ЦИК СССР от 23 апреля 1934 г. В. В. Макасов и А. А. Копятевич были освобождены от обязанностей заместителей управляющего ЦАУ¹⁹. Заместителями управляющего ЦАУ были назначены Н. В. Мальцев и С. А. Папуканис.

3 апреля 1935 г. в ЦИК СССР была подана докладная записка ЦАУ с копиями в ЦК ВКП(б), КПК при ЦК ВКП(б) и ВЦИК²⁰. В ней самокритично отмечалось, что состояние центральных, республиканских, краевых и областных архивов было запущено. Нарастало количество необработанных и неучтенных дел. В результате сложились крупные недостатки в обеспечении сохранности документов, что подтвердила проведенная во второй половине 1934 г. (впервые с 1918 г.) выборочная проверка наличия документов центральных архивов. В числе причин были указаны отсутствие должного руководства этим делом, нехватка и слабая квалификация кадров архивных работников. Отмечались и другие недостатки. К докладной записке был приложен проект постановления ЦИК СССР.

27 июня 1935 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление, взяв за основу проект ЦАУ²¹. В постановлении было записано, что «Президиум ЦИК Союза ССР констатирует неудовлетворительное состояние архивного дела в Союзе ССР и считает, что основной причиной этого является недостаток квалифицированных, политически проверенных и любящих это дело кадров». Кроме того, отмечался низкий уровень научно-технической обработки документов архивов, недостатки в их хранении и обеспечении сохранности.

Для исправления отмеченных недостатков Президиум ЦИК СССР признал необходимым обеспечить руководящий состав архивных управлений и архивов проверенными и квалифицированными кадрами и повысить ставки их заработной платы. Был предусмотрен также ряд мер по расширению и улучшению подготовки кадров архивных работников. Пункт 9 гласил: «Впредь до полного упорядочения архивного дела считать необходимым пересмотреть план издательской работы ЦАУ в целях сокращения». Этот пункт послужил основанием для серьезной корректировки второго пятилетнего плана, принятого по предложению В. В. Макасова, в сторону резкого сокращения работы по использованию и публикации документов и расширения научно-технической обработки, в первую очередь, описания документов.

Эта корректировка была проведена директивой ЦАУ по планированию от 29 ноября 1935 г.²² На 1936 г. всем союзным, республиканским и местным архивным учреждениям было предписано при составлении планов учесть требования постановления Президиума ЦИК СССР от 27 июня 1935 г. Основной задачей было поставлено приведение в порядок документов ГАФ в союзных республиках. Все внимание архивных учреждений должно было быть обращено на разборку, описание и про-

¹⁸ Там же. Л. 3.

¹⁹ Там же. Д. 3040. Л. 18.

²⁰ Там же. Д. 3342. Л. 1–5 об.

²¹ Полностью опубликовано: АД. 1935. Вып. 2(35). С. I–III; в извлечениях: Сборник руководящих материалов... С. 84–86.

²² ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 3419. Л. 2–3.

верку наличия документов архивов. Было подчеркнуто, что эти задачи могут быть выполнены только при условии постоянного повышения квалификации архивных работников через учебно-курсовые мероприятия. Издание ряда публикаций («Петроградский ВРК», «Московский ВРК», «С. Г. Лазо», «Дневник Ламсдорфа», «Дневник Половцова» и некоторые др.) было отложено. В целом объем издательской деятельности архивных учреждений был временно свернут до уровня 1926–1927 гг.²³

Постановление Президиума ЦИК СССР от 27 июня 1935 г. дало мощный импульс для ускоренной работы по приведению в порядок документов архива. Только по центральным архивам в 1935–1937 гг. было упорядочено около 5,5 млн. дел²⁴. Значительные успехи в упорядочении документов сделали возможным досрочно (в 1936 г.) поставить вопрос на ближайшую перспективу о новой активизации публикационной деятельности архивных учреждений, а также о расширении использования документов архивов в научных и народнохозяйственных целях²⁵.

По указанию Берзина с 1935 г. резко активизировалась научно-методическая работа архивных учреждений. К ней были привлечены ведущие специалисты ЦАУ и центральных архивов — Б. И. Анфилов, О. Е. Карноухова, Ф. А. Сидоров, Н. Я. Фомин и др. К 1936 г. были подготовлены и утверждены восемь правил и инструкций по разным сторонам работы архивных учреждений. В 1937 г. составлено еще три методических пособия²⁶. К 1938 г. все основные направления архивного дела были обеспечены вполне современными научно-методическими пособиями.

С 1935 г. постоянное внимание уделялось улучшению качественного состава кадров архивных учреждений. Была расширена деятельность Историко-архивного института. Президиум ЦИК СССР постановлением от 27 июня 1935 г. увеличил контингент приема в институт до 100 человек. Одновременно были увеличены ассигнования на развитие кафедр истории СССР и архивоведения. В 1933 г. институт выпустил 12 специалистов, в 1934 г. — 16, в 1935 — 30, в 1936 — 51. Количество аспирантов возросло с 5 человек в 1932 г. до 40 в 1936 г.²⁷ Квалификация основной массы архивных работников повышалась учебно-курсовыми мероприятиями, которые организовывались центральными архивами, республиками и местными архивными учреждениями. Неотъемлемой частью мероприятий была ежегодная сдача архивными работниками техминимума по теории и практике архивного дела.

В связи с серьезной критикой Берзиным работы журнала «Архивное дело» издание его в 1933 г. было приостановлено и возобновлено в 1935 г. Вновь сформированную редакционную коллегию возглавил Берзин. Журнал стал ближе к практике работы архивистов, более насыщенным актуальными материалами. Если за 1929–1932 гг. в нем было опубликовано 59 статей и сообщений, то в 1935–1938 гг. — 90 статей и сообщений. В ряде статей содержались серьезные теоретические положения и новаторские предложения (статьи Б. И. Анфилова, Н. Я. Фомина, И. С. Назина, А. А. Сергеева и др.).

Берзин серьезно занимался и проблемой ведомственного хранения документов, в 1932 г. — наиболее отстающего участка архивного строительства. Вину за это положение он принимал исключительно на себя. 27 декабря 1932 г. на заседании коллегии ЦАУ он говорил: «Верно, что во многих ведомствах и учреждениях еще недооценивают и не понимают всего значения архивного дела, но сделали ли мы сами все для того, чтобы доказать советской общественности значение архивов?»²⁸

²³ Там же. Д. 3312. Л. 46.

²⁴ Там же. Д. 3480, 3488, 3497, 3771, 3772, 4062, 4075, 4083, 4087, 4088, 4089, 4092, 4097, 4103, 4104.

²⁵ Поднять работу по изданию исторических документов на высшую ступень // АД. 1936. № 1(38). С. 11–15; Переломный год // АД. № 2(39). С. 1–6.

²⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 3636. Л. 1, 15.

²⁷ Соколов Н. К пятилетней годовщине Историко-архивного института им. М. Н. Покровского // АД. 1936. № 1(38). С. 30.

²⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2448. Л. 8.

ЦАУ под руководством Я. А. Берзина приняло ряд мер по улучшению организации этой работы. 5 апреля 1935 г. был утвержден список учреждений, организаций и предприятий, непосредственно подконтрольных ЦАУ. Кроме органов государственной власти и государственного управления СССР и РСФСР, наркоматов, объединений, трестов, контор и бюро союзного и республиканского подчинения, ТАСС, акционерных обществ, кооперативных, профсоюзных и общественных организаций союзного и республиканского значения, в него вошел ряд московских заводов и фабрик, железных дорог, научно-исследовательских организаций, издательств и редакций, университетов, театров и музеев ²⁹.

В первой половине 1935 г., располагая только двумя инспекторами, с помощью работников ведомственных архивов и студентов Историко-архивного института и с участием Комиссии советского контроля при СНК СССР, ЦАУ организовало обследование состояния архивов около 200 центральных учреждений, наркоматов и ведомств. Неутешительные результаты этих обследований были изложены в докладной записке ЦАУ в СНК СССР от 29 июня 1935 г. К записке был приложен проект постановления ЦИК и СНК СССР ³⁰.

5 февраля 1936 г. постановление ЦИК и СНК СССР «Об упорядочении архивного дела в народных комиссариатах и центральных учреждениях СССР» было подписано ³¹. Постановление наметило состав документов, подлежащих обязательному отбору для архивного хранения. В нем было определено место архива в наркомате: «Выделить архивы в народных комиссариатах (центральных учреждениях) на правах отдела народного комиссариата». Наркоматы и ведомства обязывались пересмотреть состав своих архивов, разработать перечни документов со сроками их хранения, оснастить архивы необходимыми техническими средствами и приспособленными помещениями, а также пересмотреть состав работников, связанных с архивами. На ЦАУ был возложен контроль и инструктаж ведомственных архивов, организация трехмесячных курсов переподготовки их работников. Совнаркомам союзных и автономных республик и крайоблисполкомам было поручено проверить и обеспечить нормальные условия работы ведомственных архивов на местах.

Значение постановления ЦИК и СНК СССР от 5 февраля 1936 г. трудно переоценить. Оно подняло ведомственные архивы до уровня современного архивного дела. Поэтому 5 февраля 1936 г. может считаться днем рождения системы советских ведомственных архивов.

В 1935 г. было выпущено в свет четвертое издание Правил постановки архивной части делопроизводства (руководства для ведомственных архивов), а с принятием постановления ЦИК и СНК СССР от 5 февраля 1936 г. — переработанное и дополненное пятое издание ³².

В декабре 1935 г. ЦАУ организовало социалистическое соревнование ведомственных архивов. С принятием вышеупомянутого постановления ему было придано новое содержание ³³. 28 февраля 1936 г. ЦАУ на основании указанного постановления утвердило типовое положение об архиве наркомата ³⁴.

Все эти мероприятия дали свои результаты. К 1937 г. документы ведомственных архивов большинства союзных наркоматов были приведены в порядок, а в 1937 г. были также в основном упорядочены и документы наркоматов РСФСР ³⁵.

Хотя по инициативе Берзина работа по использованию и публикации документов была временно приостановлена, он оставался горячим энту-

²⁹ Там же. Д. 3366. Л. 5–7.

³⁰ Там же. Д. 3940. Л. 11–13.

³¹ СЗ СССР. 1936. № 7. Ст. 57; Сборник руководящих материалов... С. 86–88.

³² ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 3945.

³³ Там же. Д. 3740. Л. 72–78; Степанова Е. О ходе социалистического соревнования архивов наркоматов // АД. 1936. № 1(38). С. 117–119; Она же. Работа архивов наркоматов и центральных учреждений // АД. 1936. № 4(41). С. 64.

³⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 3739. Л. 18–19.

³⁵ Там же. Д. 4349. Л. 6.

зиастом этой работы. Еще на заседании коллегии ЦАУ 27 декабря 1932 г. он определил следующие четыре линии использования документов архивов: 1) обслуживание задач исторической науки, 2) обслуживание наркоматов, ведомств и учреждений справками для текущей работы, 3) агитационно-пропагандистская работа архивных учреждений, 4) обеспечение учреждений документами народнохозяйственного значения. «Если мы этого не сделаем,—добавил Берзин,—то наши архивные материалы потеряют свою ценность»³⁶.

В 1933 г. была закончена работа по выявлению документов для «Истории гражданской войны» и по составлению исторических обзоров для «Истории фабрик и заводов» (согласно постановлением ЦК ВКП(б) от 30 июня и 10 октября 1931 г.)³⁷. К 1933 г. всеми архивными учреждениями было выявлено до 60 тыс. документов по истории гражданской войны. В это же время выявлено 30 тыс. документов и составлено 132 обзора по истории фабрик и заводов³⁸. Таким образом, договора ЦАУ с главными редакциями этих изданий были выполнены.

Постоянно росло количество советских ученых, занимавшихся в читальных залах над документами архивов. В 1935—1937 гг., согласно имеющимся в делах ЦАУ спискам, в центральных архивах занимались видные советские ученые: С. В. Бахрушин, Н. Ф. Бельчиков, Д. Д. Благой, Э. Н. Бурджалов, С. Н. Валк, Э. Б. Генкина, М. Н. Гернет, Е. Н. Городенцкий, Ю. В. Готье, Б. Б. Кафенгауз, Л. Б. Модзалевский, А. Н. Насонов, М. В. Нечкина, Н. В. Никольский, А. А. Новосельский, С. И. Петрушевский, С. А. Пионтковский, С. Г. Струмилин, Н. В. Устюгов, В. М. Хвостов, М. А. Цявловский, В. И. Шупков, А. И. Яковлев и др.³⁹

Архивные учреждения продолжали использование документов в агитационно-пропагандистских целях. В 1933—1935 гг. советскими архивами было проведено 30 выставок документов. Некоторые выставки тиражировались для одновременного показа во многих местах. Так, в 1933 г. были изданы выставки «Октябрь в Москве» (70 экз.) и «Ленинские дни» (50 экз.)⁴⁰. Организация выставок получила распространение во многих городах РСФСР. Документы архивов использовались в передачах по радио. Такие передачи также получили распространение в ряде городов РСФСР. Наиболее удачным примером был опыт ЦЧО (Воронеж)⁴¹.

Берзин явился инициатором научно-популярных публикаций документов, небольших по объему (не более 3—5 п. л.), издававшихся широким тиражом и рассчитанных на массового читателя. В 1932 г. вышел первый сборник этого типа («События на Лене в документах». М., 1932), затем — «Интервенция на Севере в документах» (М., 1933), «„Путиловец“ в трех революциях» (М., 1933), «Японская интервенция в Сибири» (1918—1922 гг.) (М., 1934)⁴².

В 1935 г. ЦАУ приступило к совершенно новому типу издания исторических документов — альбомно-хрестоматийному. Был издан тиражом 5 тыс. экз. популярный фотоальбом «Чапаев». Он состоял из 58 отдельных монтажных листов, в которых были использованы 168 фотокопий документов и фотографий⁴³. Альбом положительно оценен советской прессой.

От советских публикаторов Берзин требовал политической заостренности, не ограничиваться только археографической подачей документов⁴⁴. Эти требования были положены в основу перестройки журнала «Красный архив», реорганизованную редакционную коллегию которого он

³⁶ Там же. Д. 2448. Л. 4—5.

³⁷ Правда. 1931. 1 июля и 11 окт.

³⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2776. Л. 15 об.

³⁹ Там же. Д. 3488. Л. 24—37; Д. 4075; Д. 4062. Л. 20—30.

⁴⁰ Там же. Д. 2720. Л. 20.

⁴¹ Жуков И. Агитмассовую работу архивных органов на высшую ступень // АД. 1935. № 1(34). С. 53.

⁴² ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 3724. Л. 8—11.

⁴³ Альбом «Чапаев» // АД. 1935. № 1(34). С. 90—91.

⁴⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 3017. Л. 17.

возглавил. Под его руководством тематика журнала была повернута к освещению истории рабочего и крестьянского движения предоктябрьских лет, событий первой мировой войны, к истории Октябрьской революции и гражданской войны. В 1935—1937 гг. было обращено также внимание на вопросы экономического развития России и истории народов СССР⁴⁵. К 1937 г. количество публикаций по истории Октябрьской революции и гражданской войны в журнале «Красный архив» возросло в десять раз по сравнению с 1929—1934 гг. Была значительно усилена работа с авторами публикаций. К редактированию стали шире привлекаться старые большевики и крупные ученые, в том числе Н. К. Крупская, З. Г. Орджоникидзе, Н. И. Подвойский, Б. М. Волин, О. Ю. Шмидт, В. Ю. Визе, Е. Л. Штернберг и др.

В соответствии с общим курсом партии на укрепление единоначалия, согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1933 г., коллегия ЦАУ была упразднена, должность заведующего ЦАУ была преобразована в пост управляющего ЦАУ с более широкими полномочиями⁴⁶. Для усиления конкретного руководства местными архивными учреждениями РСФСР Берзин в 1932 г. предложил выделить эти функции из ЦАУ СССР в самостоятельное ЦАУ РСФСР⁴⁷. Но это было осуществлено лишь в 1954 г.

Большое значение придавал Берзин организации и деятельности аппарата ЦАУ. Он требовал «устранить параллелизм, уничтожить лишние звенья и построить более целесообразно наш аппарат»⁴⁸. Под его руководством и на основании резолюции XVII съезда ВКП(б) в 1934 г. была проведена полная реорганизация аппарата ЦАУ. Требования к аппарату по руководству местными архивными учреждениями Берзин изложил на коллегии ЦАУ 27 декабря 1932 г.: «...работу наших инструкторов необходимо развернуть как можно шире; причем работа не должна иметь только характер обследования или ревизии, а должна сводиться к инструктажу местной работы»⁴⁹. Этим положениям он оставался верен всегда. Берзин неуклонно внедрял партийный стиль работы. Когда 19 ноября 1932 г. на заседании коллегии ЦАУ один из сотрудников выступил с немотивированной разгромной критикой в адрес работников использования, Берзин сделал ему строгое внушение⁵⁰.

Здоровье Берзина было подорвано. Он попросил освободить его от работы. 7 сентября 1937 г. Президиум ЦИК СССР решил: «Удовлетворить просьбу т. Берзина Я. А. об освобождении его по болезни от поста управляющего Центральным архивным управлением СССР и РСФСР»⁵¹. Жизнь Берзина трагически оборвалась 29 августа 1938 г. Его доброе имя было восстановлено в 50-х годах. Советские люди помнят Я. А. Берзина как старого большевика, активного участника Октябрьской революции, видного дипломата, а историка и архивиста, кроме того, — как умного, принципиального руководителя, благодаря которому в 30-е годы были достигнуты большие успехи в архивном строительстве.

⁴⁵ Там же. Д. 4350. Л. 219, 221, 222.

⁴⁶ СЗ СССР. 1933. № 42. Ст. 245.

⁴⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 3017. Л. 17 об.

⁴⁸ Там же. Д. 2448. Л. 7.

⁴⁹ Там же. Д. 2448. Л. 8. См. также: Д. 3010. Л. 19—20, 47; Д. 3141. Л. 45, 83, 133—134 об., 138, 149—150 об., 165, 167.

⁵⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2447. Л. 2.

⁵¹ Там же. Ф. 3316. Оп. 12. Д. 835. Л. 5.

ОБЗОР ЛИЧНОГО ФОНДА ПИСАТЕЛЯ С. С. СМЕРНОВА В ЦГАЛИ СССР

Настоящий обзор представляет собой попытку сориентировать исследователя в документах по преимуществу не обработанного фонда № 2528 С. С. Смирнова, подробнее раскрыв состав и содержание менее известных материалов, касающихся работы писателя над книгой о Лиепае и ее героях. Эти документы отражены в первой и пока единственной описи фонда и составляют примерно $\frac{1}{6}$ его часть. Предполагаем, что эта часть фонда имеет лакуны, и надеемся, что публикация обзора поможет их восполнить. Остальным группам материалов будут даны общие характеристики.

В каждом настоящем писателе литературное мастерство и гражданская позиция взаимосвязаны. Это было характерно и для Сергея Сергеевича Смирнова (1915—1976)¹. Его имя получило широкую известность в нашей стране и за рубежом. Смирнова знают как талантливого писателя-публициста, общественного деятеля, человека, посвятившего многие годы поиску неизвестных героев Великой Отечественной войны. Жизнь этого писателя с полным правом можно назвать гражданским подвигом.

С. С. Смирнов родился в Петрограде в семье инженера-электрика. В 1932—1937 гг. учился в Московском энергетическом институте. С 1934 г. стал печататься в газетах. В 1936 г. поступил на заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького; через год стал сотрудником редакции газеты «Гудок». «Работу в газете всегда вспоминаю с благодарностью,— писал он в 1957 г. в автобиографии,— она давала возможность широкого знакомства с жизнью, сталкивала с сотнями интересных, ярких людей, вырабатывала энергию и упорство в сборе материала, приучала к четкости и лаконичности в изложении фактов и мыслей. Эта работа привела меня на литературный путь — в 1939 и 1940 годах вышли в свет мои первые книжки-очерки, посвященные жизни и труду советских железнодорожников»².

Летом 1941 г. студент-выпускник Литературного института Сергей Смирнов добровольцем вступает в истребительный батальон Советского района Москвы. После окончания в январе 1943 г. училища зенитной артиллерии в Уфе был направлен в звании лейтенанта на Северо-Западный фронт в 23-ю зенитно-артиллерийскую дивизию в качестве командира взвода крупнокалиберных пулеметов. В том же году Смирнов стал корреспондентом газеты «Мужество» 27-й армии, в составе которой участвовал в Корсунь-Шевченковской и Ясско-Кишиневской операциях, в сражении за Будапешт. Конец войны застал кавалера двух боевых орденов капитана Смирнова в австрийском городе Граце. В 1946 г. он вступил в ряды КПСС. В том же году был направлен на работу в Воениздат. В 1950 г. демобилизовался. До 1954 г. являлся заместителем главного редактора журнала «Новый мир», в 1959—1960 гг. — главным редактором «Литературной газеты», в 1975—1976 гг. — секретарем Союза писателей СССР. Избирался делегатом XXV съезда КПСС, членом МГК КПСС, депутатом Верховного Совета РСФСР.

«Война, заставившая многое повидать и пережить, была для меня периодом жизненной зрелости,— писал Смирнов в автобиографии.— Она и определила пути моей дальнейшей литературной работы — я стал военным писателем»³. Еще в период войны Смирнов начал работать в архивах, когда ему — солдату и газетчику — поручили писать боевую исто-

¹ Русские советские писатели-прозаики: Библиограф. указатель. М., 1966, Т. 4. С. 425; Лапшин М. А. Дело жизни: С. С. Смирнов // Лапшин М. А. Твои, Россия, сыновья. М., 1975. С. 51—63.

² ЦГАЛИ СССР. Ф. 2504. Оп. 1. Д. 124. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

рию своей части⁴. В создании первых книг о войне — «В боях за Будапешт» (М., 1947), «На полях Венгрии» (М., 1954) и «Сталинград на Днепре» (М., 1958) — он в значительной степени опирался на свои воспоминания, наблюдения, встречи.

Однако воспоминания не всегда могли ему помочь в восстановлении истории обороны Брестской крепости, изучением которой писатель занялся в 1954 г. Чтобы отделить легенду от действительности, нужны были очевидцы событий июньских дней 1941 г. С их поиска и начал свою работу писатель. Он получал тысячи писем, собирал по крупицам факты, сопоставляя и выверяя их, чтобы потом рассказать о подвиге непокоренного гарнизона. Ширились поиски, становились известными новые подробности героической обороны Бреста, воскрешались имена живых и погибших героев. Итогом этой кропотливой, трудной, но благородной работы стала книга «Брестская крепость» (М., 1964, 2-е изд.), за которую писатель в 1965 г. был удостоен Ленинской премии. Вот отзыв К. А. Федина в письме автору от 19 июня 1964 г.: «Как писатель, Вы совершили труд — не боюсь сказать — беспримерный. Непрерывно на протяжении целого десятилетия работая дено и ночно, Вы проявили настойчивость археолога. Вглядываясь в каждую пылинку фактов, с первого шага своего открытия Вы рассмотрели сокрытый под руинами разрушенной крепости бессмертный человеческий дух. Эпизод отгремевшей обороны нашей от вражеского вторжения поднят Вашей книгой до эпопеи, которая становится теперь школой мужества и благородства для новых поколений. Ни один историк Великой Отечественной войны не обойдет этой Вашей книги»⁵.

Книга имела огромный общественный резонанс. Смирнов получал сотни писем-откликов читателей, среди них — и участников обороны Бреста. В 1965 г. писатель дал интервью, которое стало предисловием к его книге «Первая шеренга»: «Собственно, в этих письмах и есть главный итог и главный стимул того, что я делаю... Ты оказался нужен, полезен десятку людей, написанное тобой помогло им увидеть себя и свою жизнь, сотни других, таких же, как они, укрепились в ощущении правды и справедливости, в сознании того, что доброе дело не пропадет, не забывается, — и все эти десятки и сотни людей теперь уже нужны и полезны тебе не меньше, чем ты им. Не знаю большей награды, большей радости в одиноком писательском деле...»⁶

Успех в колоссальной работе, проделанной С. С. Смирновым, в большой степени был обусловлен его личными качествами и чертами характера: человеческая доброта, отзывчивость, равнодушие к чужой беде, душевная глубина, стремление помочь людям в соединении с надежностью, твердостью, прямоотой, настойчивостью притягивали к нему людей. Его гражданская позиция была активной. Наиболее характерный пример в этом смысле — вопрос об отношении к бывшим военнопленным. Смирнов подал свой голос в их защиту, чтобы изменить ошибочную позицию безоговорочного осуждения этих людей. Его проза была невероятно действенной по своему значению, ведь она не только воскрешала героев — на основании его разысканий производилась реабилитация людей, был поколеблен принцип огульного осуждения за нахождение в плену, на оккупированной территории. Крылатые слова «Никто не забыт, ничто не забыто», популярные ныне, Смирнов понимал как руководство к действию.

Пафосом творчества Сергея Смирнова, постоянной темой его произведений стало наиболее яркое проявление героических черт характера советского человека. Каждая его работа — это результат поисков и открытий. По словам К. М. Симонова, произведения Смирнова — это «художественная публицистика высокого класса» (Оп. 1. Д. 43. Л. 4). Есте-

⁴ Соколов В. Встреча с автором // Смирнов С. С. Первая шеренга. М., 1965. С. 13.

⁵ ЦГАЛИ СССР. Ф. 2528. Сдаточная оп. 5. Д. 2. Далее сноски на ф. 2528 даны в тексте с указанием номера описи, дел и листов.

⁶ Соколов В. Указ. соч. С. 19.

ственным продолжением литературного творчества Смирнова стали радио- и телепередачи, названные автором «Рассказы о героизме».

В последние годы в жанре документальной прозы появились выдающиеся произведения А. М. Адамовича, Д. А. Гранина, С. А. Алексиевич и других и многочисленные телепередачи, среди которых пользуются большой популярностью «Солдатские мемуары» К. М. Симонова. Смирнов одним из первых начал разрабатывать и утверждать этот жанр в рамках темы Великой Отечественной войны, что привело его к необходимости поиска документов, прежде всего личного характера. Он стоял у истоков массового патриотического движения по розыску неизвестных героев.

Основная часть его богатого документального наследия хранится в ЦГАЛИ СССР, куда документы из личного архива Смирнова стали поступать с 1967 г., в 1979–1985 гг. их передавала вдова писателя — В. Г. Смирнова. Преимущественно это документы послевоенного времени: рукописи Смирнова, переписка, биографические документы, материалы, собранные писателем для работы над книгами, к теле- и радиопередачам, фотографии. Поскольку еще не описано около 20 тыс. документов, обзор носит предварительный характер. В фонде Смирнова мало творческих рукописей, а наибольший удельный вес составляют документы, собранные писателем и созданные с его участием. Поэтому наиболее целесообразно рассмотреть документы фонда по возможности в пределах тем, объединяющих их.

Одну из обширных и довольно компактных тематических групп составляют материалы 40–60-х годов о римском подполье, которые были изучены с помощью сотрудников ЦГАЛИ СССР Е. Б. Коркиной и Т. Ю. Ожгибесовой. Это — рукописи очерков Смирнова: «Русские в Риме»⁷ (автограф и машинопись с правкой автора) и «Красное знамя над виллой Тай»⁸ (машинопись с правкой автора); тезисы телепередачи «Рассказы о героизме» (от 10.IV 1964), посвященной советско-итальянскому подполью в Риме; записная книжка Смирнова с воспоминаниями участников итальянского движения Сопротивления, биография одного из них — А. Н. Флейшера (Ф. № 2598 в ЦГАЛИ); машинописные копии писем Смирнова в ЦК КП Узбекистана о назначении персональной пенсии А. Н. Флейшеру (24.VI 1963 — 23.IV 1964); переписка Флейшера со Смирновым, с товарищами по оружию — бывшими итальянскими партизанами и подпольщиками (60-е годы), в которой к письмам на итальянском языке (некоторые — рукописные копии) приложен их перевод на русский язык Флейшера; письмо бывшего командира партизанского отряда и участника итальянского Сопротивления А. В. Коляскина Смирнову (8.X 1960); письма от родственников советских граждан, участвовавших в итальянском Сопротивлении; машинописный проект плана работы правления Общества «СССР — Италия» на 1963 г., присланный Смирнову для сведения (имя Смирнова упомянуто в связи с созданием комиссии из состава членов правления и активистов общества «СССР — Италия» для оказания постоянной помощи журналу «Реальта советика»); воспоминания бывшего командира одного из партизанских отрядов итальянского Сопротивления П. Конопелько (машинопись; 15.XII 1963); рассказ Джузеппе де Сантиса⁹ «Велосипед Микеле Пеппе»¹⁰ на итальянском языке и в переводе на русский Г. Брейтбурда (машинопись); публикация дневника партизана «Партизанская война в окрестностях Рима»¹¹ (3.X 1943 — 4.III 1944); вырезки из советских и итальянских газет и журналов со статьями об участниках итальянского Сопротивле-

⁷ Правда. 1964. 4 июля.

⁸ Под таким названием не публиковался, является сокращенным вариантом очерка «Русские в Риме».

⁹ Итальянский кинорежиссер, вместе с которым Смирнов работал над первым советско-итальянским фильмом «Они шли на Восток» (1965).

¹⁰ Giuseppe De Santis «La bicicletta di Michele Peppe» // Wic Nuowe. 1950. 27 авг. — 17 сент.

¹¹ Guerriglia nei castelli Romani. Roma, 1945.

ния (60-е годы); документы на итальянском языке за 1944 -- 60-е годы (среди них — письма с виллы «Тай», первое из которых датировано 27.VII 1944); ксерокопия схемы окрестностей Рима (1943—1944 гг.); фотографии участников итальянского коммунистического подполья и партизан Монтеротондо ¹² (8.IX 1943 — 25.IV 1945).

Еще одна компактная группа материалов фонда за 1940—1968 гг. отложилась в процессе работы писателя над повестью «Семья» ¹³ о борьбе подпольной организации г. Малина Житомирской обл. в декабре 1941 г.—августе 1943 г. (в числе участников была вся семья Сосниных): верстка повести «Семья»; расшифрованная стенограмма беседы Сергея Смирнова с В. И. Сосниным — братом Н. И. Сосниной — руководителя подпольной комсомольской организации г. Малина; биография И. И. Соснина, написанная В. И. Сосниным; переписка Смирнова: с семьей Сосниных (2.II 1965 — 10.IV 1968), с редакцией журнала «Радуга» по поводу напечатания повести «Семья» (31.VII 1967 — 24.VIII 1967); вырезки из украинских газет со статьями об участниках малинского подполья; фотокопии писем Н. И. Сосниной к Я. Антала (1942—1943 гг.), документов, подтверждающих участие семьи Сосниных в борьбе против оккупантов; документов о присвоении Н. И. Сосниной звания Героя Советского Союза (1944—1965 гг.); фотографии С. С. Смирнова и В. И. Соснина во время их пребывания в г. Малина в 1967 г., малинских подпольщиков (1940—1966 гг.) (Сдаточная оп. 1. Д. 1).

Небольшая часть документов за 1965—1970 гг. касается работы Смирнова над очерком о женщине-танкисте М. И. Лагуновой: машинопись очерка «Дважды герой» ¹⁴ с правкой автора, вырезка из «Литературной газеты» от 29 апреля 1970 г. со статьей Смирнова «Герой — всегда герой»; переписка Смирнова с героиней очерка (3.XI 1965 — 25.IV 1967); письма-отклики читателей, среди них — письмо от В. М. Борисовой — врача, оперировавшего М. И. Лагунову в 1944 г. (22.III 1969); фотография М. И. Лагуновой (1965) (Сдаточная оп. 1. Д. 2).

Самая большая часть фонда — переписка. Среди корреспондентов С. С. Смирнова — А. А. Антоновская, В. Н. Билль-Белоцерковский, А. Я. Бруштейн, С. С. Гейченко, В. В. Овечкин, Е. А. Пермяк, Б. Н. Полевой, И. А. Сац, А. Т. Твардовский, М. Турсун-заде, К. А. Федин, К. И. Чуковский и другие деятели литературы и искусства.

В фонде хранятся также письма-отклики на книги и выступления Смирнова по радио и телевидению, письма с разного рода просьбами, в том числе от людей с трагическими судьбами. Почти к каждому из писем приложены копии ответов Смирнова с обещанием помочь, а в ряде случаев и копии писем Смирнова в различные инстанции, ставших продолжением этой переписки.

Поиск неизвестных героев Великой Отечественной войны стал делом жизни писателя, ведущим направлением его литературного творчества, но не единственной темой выступлений. Сохранилось большое количество документов, связанных с телеальманахом «Поиск», который вел Смирнов (материалы для передач, сценарии и т. д.). В записке (1970) «О целях, задачах и методах телепередачи „Поиск“» он отмечал: «Исходя из новаторского характера нашего общества и государства, телеальманах «Поиск» должен пропагандировать идеи новаторства, творческого подхода, неутомимого поиска во всех областях нашей жизни и деятельности: в производстве, сельском хозяйстве, науке, культуре, искусстве.

Альманах должен практически способствовать претворению в жизнь новых удачных идей, предложений, методов» (Сдаточная оп. 4. Д. 22).

Биографические документы в фонде Смирнова немногочисленны и относятся к 50—70-м годам: договоры с киностудиями и издательствами;

¹² Монтеротондо — городок в 25 км от Рима, один из пунктов связи партизан с Итальянской компартией.

¹³ Смирнов С. С. Семья: Повесть. М., 1968.

¹⁴ Во все издания очерк вошел с некоторыми изменениями под названием «Рассказ о настоящем человеке».

машинописные копии постановлений секретариата правления МО СП РСФСР за 1975 г., относящихся к Смирнову; делегатский мандат участника III Всесоюзной конференции общества «СССР — Греция» (19.II 1976); пригласительные билеты; переписка с различными учреждениями и организациями.

Подробнее охарактеризуем комплекс документов по истории обороны в 1941 г. советского порта на Балтике — Лиепай (Оп. 1, 720 ед. хр. (дел) за 1927—1974 гг.; далее опись не указывается).

О мужестве и героизме защитников Лиепай писали в газетах уже в первые месяцы войны. Указывая на крайнюю ожесточенность боев в Лиепае, гитлеровская пропаганда фантастически преувеличивала силы защитников города. Об обороне Лиепай имеется многочисленная литература¹⁵. Однако подробности обороны города до сих пор не выяснены, нет единой точки зрения по многим вопросам¹⁶.

В источниковой базе по этой теме — значительные пробелы. Большинство документов, отражающих события начала войны в Лиепае, по всей видимости, погибло в 1941 г. Как свидетельствуют исследователи, отсутствуют журналы боевых действий лиепайской военно-морской базы, 67-й стрелковой дивизии и ее частей, документация партийных и советских органов города, документы военно-морского госпиталя. В исторических работах указывается на тенденциозность большинства зарубежных публикаций. Поэтому исследования по истории обороны Лиепай носят полемический характер.

Над выяснением обстоятельств обороны города Смирнов работал с 1965 г. до конца жизни. Колоссальная работа, проделанная писателем по увековечению подвига защитников Лиепай, дала результаты: «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1977 г. город Лиепай за успехи в хозяйственном и культурном строительстве и... заслуги в революционном движении, мужество и стойкость трудящихся города в годы Великой Отечественной войны награжден орденом Октябрьской революции»¹⁷.

К рукописям Смирнова, составившим первый раздел описи, относятся: тексты шести выступлений по радио, названных «Подвиг на Балтике», к циклу радиопередач «Рассказы о героизме» (Д. 1, машинопись. 1965—1966 гг.); очерк «Подвиг на Балтике»¹⁸ (Д. 2, машинопись. Янв. 1966 г.), варианты статьи Смирнова «Десять героических дней»¹⁹ (машинопись и вырезка из газеты «Правда» от 7 февр. 1966 г.); расшифрованные стенограммы: выступлений Смирнова на съездах и конференциях в Лиепае в 1966 г., посвященных 25-й годовщине обороны города (Д. 4—5); бесед писателя с участниками обороны Лиепай, проведенных в Ленинграде в 1965—1966 гг. (Д. 9—13). Сохранились блокноты писателя с записями со слов участников событий по темам: «Артиллерия», «Пехота», «Стрелбаты», «Пограничники», «Госпиталь», «Моряки», «Авиация», «Женщины», «Город», «Послевоенное»; тетрадь с надписью «Лиепай», в которой содержатся названия глав будущей книги; составленные Смирновым краткая справка «Оборона Лиепай», «Хроника боев за Лиепай». Организация и боевые действия частей» (машинопись с пометами автора).

¹⁵ Революционная Лиепай: Указ. лит. Лиепай, 1979. С. 58—79.

¹⁶ См. об этом: *Савченко В. И., Леви С. Л.* Больше внимания изучению героической обороны Лиепай // Изв. АН ЛатвССР. 1966. № 2. С. 3—17; *Савченко В. И.* Семь огненных дней Лиепай: 23—29 июня 1941 г. Рига, 1985.

¹⁷ Освобождение городов: Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941—1945. М., 1985. С. 139.

¹⁸ Смена. 1966. № 4. С. 2—3.

¹⁹ Оба варианта статьи названы «Героический город», в газету был отдан второй вариант (Д. 3. Л. 17—31), напечатанный с некоторыми сокращениями и изменениями. На л. 16 и 17 рукой секретаря С. С. Смирнова, А. И. Маурина, сделаны надписи, содержащие даты рукописей, упоминание об авторской правке несохранившихся текстов, а также число и время, когда второй вариант статьи был «сдан в „Правду“ тов. Попову» (Л. 17). Подобные пояснительные надписи характерны для большинства упоминавшихся в данном обзоре рукописей Смирнова.

В процессе сбора материалов об обороне Лиепай Смирнов вел обширную переписку с партийными работниками, деятелями литературы и искусства, участниками обороны Лиепай, очевидцами событий далекого 1941 г., родственниками погибших защитников города, читателями, телезрителями, радиослушателями, школьниками-следопытами — со всеми, кто мог помочь узнать подробности героической обороны советского порта на Балтике.

39 писем и телеграмм самого писателя, вошедших во второй раздел описи, охватывают период с сентября 1965 г. по декабрь 1972 г. (машинописные копии, д. 14—35; некоторые из них написаны по поручению Смирнова его секретарем Мауриным). Среди адресатов Смирнова — первый секретарь ЦК КП Латвии А. Я. Пельше, первый секретарь Лиепайского ГК КП Латвии М. В. Рудзит, участники обороны Лиепай и их родственники, читатели, школьники-следопыты. Большинство писем адресовано участникам обороны Лиепай. Многие письма Смирнова нам еще неизвестны. Приблизительно об их количестве мы можем судить по упоминаниям в ответных письмах его адресатов. Но и сохранившиеся письма Смирнова раскрывают творческие замыслы писателя, увлеченную работу над темой, стремление узнать как можно больше о судьбах героев своей будущей книги и помочь им.

15 декабря 1965 г. Смирнов писал А. Я. Пельше: «Очень рад, что вы одобряете мое намерение написать книгу о героической обороне Лиепай. Я очень увлечен материалом этой обороны и все глубже с удовольствием погружаюсь в историю защиты Лиепай. Мечтаю, чтобы моя будущая книга была хоть немного достойна замечательного подвига лиепайцев.

Бесконечно благодарен Вам за обещание оказать содействие мне в моей работе. Стараюсь не беспокоить Вас излишними просьбами, но, кто знает, иногда Ваша помощь может понадобиться. Пока что у меня есть только одна просьба: если я мог бы получить какой-нибудь учебник латвийского языка, я был бы очень благодарен за такую книгу. Поскольку в ближайшие два-три года моя работа будет тесно связана с вашей республикой, мне бы хотелось немного познакомиться с латвийским языком. Это может пригодиться мне в моей работе.

Благодарю Вас за приглашение приехать в Ригу и Лиепая. Я воспользуюсь этим приглашением в первый раз в феврале или марте будущего года. Пока что я занимаюсь разборкой обширной почты, уже полученной мною в ответ на мое обращение по телевидению к бывшим защитникам Лиепай. В ближайший месяц я ... изучу те материалы, которые были присланы мне из Лиепайского горкома КПСС (несколько книг и брошюр, которые мне помогают в работе по изучению Лиепайской обороны). И когда я приеду к вам в республику, я уже буду прилично вооружен знаниями обстоятельств обороны; мне легче будет работать на месте» (Д. 24. Л. 1—2).

Письма Смирнова свидетельствуют о его активной гражданской позиции. Так, в письме к А. Я. Пельше от 22 февраля 1966 г. Смирнов впервые говорит о возможности награждения Лиепай: «Недавно у меня побывали секретарь горкома и председатель горисполкома Лиепай. Мы обсуждали с ними возможные мероприятия по увековечению подвига защитников города, и в связи с этим у меня возникла необходимость побеспокоить Вас этим письмом.

Сейчас у меня собралось уже около шести сот писем и воспоминаний очевидцев и участников обороны Лиепай. Из этого большого материала возникает картина поистине выдающегося героического подвига наших людей, и я все больше проникаюсь твердой уверенностью, что Лиепая за подвиг, совершенный у ее стен войсками и рабочими лиепайских заводов, достойна носить звание города-героя» (Д. 24. Л. 3).

Переписка (Д. 36—48) свидетельствует о том, что, сознавая важность деятельности Смирнова по увековечению подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны, в сборе материала по истории обороны Лиепай писателю оказывали помощь партийные работники, деятели

литературы и искусства. 4 декабря 1965 г. А. Я. Пельше писал: «С большим вниманием просмотрели Ваши выступления по телевидению об обороне нашего города Лиепая».

Нас очень заинтересовало Ваше намерение написать книгу о героической обороне города. С большой радостью поддерживаем начатую Вами работу и считаем своим долгом оказать Вам всяческое содействие в этом благородном деле.

Приглашаем Вас в ближайшее время приехать в Ригу, чтобы на месте ознакомиться с жизнью трудящихся нашей республики, города Лиепая и встретиться с участниками его обороны» (Д. 42. Л. 1. Машинопись с подписью автора).

Ко многим письмам советских и зарубежных деятелей литературы и искусства были приложены документы, касающиеся истории обороны Лиепая, ее героических защитников. Так, например, 10 января 1967 г. К. М. Симонов писал С. С. Смирнову: «...очевидно, судя по содержанию письма, которое пересылаю Вам, оно адресовано не столько мне, сколько Вам. Может быть, оно представит для Вас интерес».

Автору я ответил и написал, что переслал письмо Вам...

Посылаю Вам также второе письмо — Моисеевой, с приложенной к нему фотографией. В нем речь идет о людях, участвовавших в боях под Либавой» (Д. 46. Л. 1. Машинопись с подписью автора).

Из письма московского корреспондента газеты «Neues Deutschland» В. Гольдштейна (Д. 38. Л. 1. Машинопись на русском языке с подписью автора) видно, что сотрудники газеты сделали перевод отрывка из книги западногерманского писателя П. Карела «Операция Барбаросса», книги, которая, как отмечал Смирнов, «послужила непосредственно толчком для изучения истории героической обороны Лиепая» (Д. 598. Л. 9).

После выступлений Смирнова к теме героической обороны советского порта на Балтике обращались и другие писатели и поэты. Так, например, в письме от 3 января 1971 г. поэт И. Н. Стрбганов советовался со Смирновым по поводу своего стихотворения «Лиепая»:

Помнишь...
Фашиста и здесь, словно в Бресте.
Били последней гранатой...
Лиепая!
Бресту достойной невестой
В том окруженье была ты!

Дорогой Сергей Сергеевич! По твоему совету я добавил эту строфу. Каково твое мнение теперь?» (Д. 47. Л. 1).

Письма режиссера А. Д. Грибермана рассказывают о встречах со зрителями творческой группы фильма «Огненный город», который был снят по сценарию Смирнова (Д. 39).

Особенное внимание при работе над книгой о героях Лиепая Смирнов уделял воспоминаниям участников обороны города. Отношение к этому виду исторических источников писатель выразил в выступлении на конференции, посвященной 25-й годовщине обороны Лиепая: «...у воспоминаний есть такое свойство: когда они собираются в достаточно большом количестве, то их кропотливое изучение, сличение и анализ их в конце концов могут привести внимательного историка к истине» (Д. 4. Л. 67). Сохранилось более 600 писем участников обороны Лиепая (Д. 49—568), в тексте которых содержатся воспоминания об отдельных эпизодах обороны, прорыве из окруженного города, годах, проведенных в фашистских концлагерях. Лишь немногим защитникам Лиепая удалось пробиться к частям Красной Армии. В фонде имеются письма моряков, зенитчиков, пограничников, пехотинцев, летчиков, а также рабочих лиепайских заводов, прервавших путь врагу с оружием в руках в составе рабочих дружин, и обслуживающего персонала военно-морского госпиталя, на плечи которого легла основная нагрузка по лечению и транспортировке раненых.

Смирнову писали также лица, бывшие очевидцами событий в Лиепае перед нападением гитлеровской Германии и во время обороны города, но не принимавшие в них непосредственного участия (д. 569). Сведения, имеющиеся в этих письмах, относятся в большинстве случаев ко всему периоду обороны Лиепай и характеризуют настроения людей, их поведение в этих условиях, дают общее представление о положении в городе, об уличных боях. Отдельную группу корреспондентов Смирнова составляют родственники участников обороны города (Д. 570—577). Часть писем — от лиц, переживших фашистскую оккупацию в Латвии. Многие откликнувшиеся были эвакуированы из Лиепай в первые дни войны. Большинство из написавших родственников участников обороны Лиепай не были в городе в начале войны, но к письмам некоторых из них приложены фотографии и письма от родных, присланные из Лиепай накануне войны.

В письмах читателей, телезрителей, радиослушателей в основном содержатся сообщения адресов оставшихся в живых участников обороны Лиепай и их биографические данные. Есть также письма от лиц, служивших до войны в Лиепае вместе с ее будущими героями, но потом демобилизованных или переведенных по службе в другие воинские части; от людей, знавших участников обороны этого города еще в детские и юношеские годы или по боевым действиям на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн. Среди писавших Смирнову школьников можно отметить учащихсЯ лиепайских школ, которые вели розыск героев родного города, очевидцев событий 1941 г. и присылали писателю записи их воспоминаний.

На выступления Смирнова откликнулось также много участников освобождения Лиепай в 1945 г., их родственников.

Среди документов о деятельности Смирнова, которые составили четвертый раздел описи, — переписка с библиотеками, военными училищами, музеями, редакциями газет по поводу присылки сведений о защитниках Лиепай (ноябрь 1965 г. — ноябрь 1973 г.). Сохранились также копии его писем в исколкомы, Комиссию по персональным пенсиям при Совете Министров СССР, ЦК КПСС с ходатайствами об улучшении жилищных условий и увеличении пенсий участникам обороны Лиепай, увековечении их подвига (май 1966 г. — 24 марта 1967 г.); афиша пьесы Смирнова «Люди, которых я видел», шедшей на сцене Драматического театра дважды Краснознаменного Балтийского флота в дни торжества, посвященных 25-летию обороны города; пригласительные билеты (1966 г.); предварительный план работы, составленный писателем перед поездкой в Лиепаю в 1966 г.; перечень документов, переданных Смирновым в Музей обороны Лиепай (1966 г.); вырезки из газет со статьями и заметками о писателе (16 февраля 1966 г. — 1971 г.).

В пятый раздел описи «Документы, собранные С. С. Смирновым для работы над книгой о Лиепае» вошли: значительные по объему воспоминания участников обороны, написанные в 1946—1966 гг. (автографы и машинопись) (некоторые авторы иллюстрировали их схемами расположения своих подразделений, занимаемых оборонительных рубежей в июне 1941 г., контратак, прорыва из окружения, д. 599—613; следует отметить: краткие воспоминания приложены к письмам, которые находятся в подразделе «Письма участников обороны Лиепай» третьего раздела описи, что оговаривалось при научном описании в заголовках дел); записи воспоминаний участников обороны Лиепай, а также очевидцев событий в Лиепае перед нападением гитлеровской Германии и во время обороны города, сделанные членами научной экспедиции Института истории АН Латвийской ССР и учениками Лиепайской средней школы № 3 и переданные Смирнову (Д. 614—615. 1965—1966 гг.); печатные и рисованные карты и схемы Лиепай (1935—1966 гг.); документы об участниках обороны Лиепай (извещения, справки, удостоверения, пропуска за 1939—1966 гг.); подписи и копии писем участников обороны города родным и знакомым (8 ноября 1940 г. — 20 июля 1941 г.); документы о

репатриации детей Лиепай (заявления, письма, фотографии, вырезки газетных статей за период 13 августа 1946 г. — 11 марта 1964 г.). В разделе имеются подготовленные к печати материалы: сборник воспоминаний «Героическая оборона города Лиепай в первые дни Великой Отечественной войны» на латышском и русском языках (машинопись; с рядом приложений, в том числе «Именной указатель участников обороны Лиепай, 22—29 июня 1941 г.»); сборник «Ими гордится Лиепая: Биографические очерки»; перевод на русский язык отрывка из книги П. Карела «План Барбаросса» о Лиепае (1966 г.); вырезки из латвийских газет за 50—70-е годы со статьями и заметками о защитниках Лиепай, по истории города, о праздновании юбилеев обороны города в 1966 и 1971 гг. Имеется группа справочных материалов, подготовленных разными лицами: списки коммунистов Лиепай 1940—1941 гг., кораблей, находившихся в Лиепае 22 июня 1941 г., составленные в 1966 г. краоведами-энтузиастами Э. А. Жагаром и В. Копельманом; списки авторов писем об обороне Лиепай (два экз., машинопись, д. 639, л. 41—105; в экземпляр, предназначенный Смирнову, рукой секретаря внесены дополнения) и составленный также А. И. Мауриным на их основании «Список участников обороны Лиепай по областям СССР (нынешнее местожительство)» для Лиепайского горкома Коммунистической партии Латвии (машинопись и рукописные дополнения разных лиц; л. 3—36); выписки по определенным темам из полученных Смирновым писем (1966 г. — 70-е годы) и другие источники об обороне Лиепай.

Фотографии 1927—1972 гг., присланные Смирнову, составили шестой раздел описи. Они донесли до нас изображения тех, кто погиб в 1941 г., а также тех защитников Лиепай, которые, сражаясь с врагом до последней возможности, прошли через ужасы фашистского плена. Имеются и фотографии довоенной Лиепай: парад 67-й стрелковой дивизии, демонстрация и празднование 1 Мая 1940 г. в Лиепае; фотографии парада и праздника в Лиепае, посвященного 19-й годовщине организации 67-й стрелковой дивизии (июль 1940 г.); аэродром у озера Дурбе (июнь 1941 г.) и др.

Часть этих документов была использована Смирновым при подготовке теле- и радиопередач, создании сценариев фильмов «Огненный город» (1966) и «Город под липами» (1968), но огромная масса этих свидетельств о событиях прошедших лет еще не изучена.

До того как была описана часть фонда, ЦГАЛИ СССР получил большое количество заявок исследователей на изучение документов об обороне Лиепай в 1941 г., в том числе от сотрудников Института истории АН Латвийской ССР, а также краеведов-энтузиастов. Дирекция архива разрешила представителям этих учреждений и отдельным лицам ознакомиться с интересовавшими их письмами и воспоминаниями защитников Лиепай. Часть документов использована в упоминавшейся книге В. И. Савченко и очерке О. Д. Иванова и В. А. Чететкина²⁰.

Для того чтобы как можно скорее ввести в научный оборот документы фонда Смирнова о его работе над книгой о Лиепае и обеспечить наибольшую эффективность их использования, было произведено полное научное описание этих документов.

Некоторые материалы данного фонда представляют большую сложность с точки зрения методики описания, а именно: в установлении авторства и датировки документов, особенно писем. Вот наиболее яркие примеры. Из текста одного письма было видно, что написано оно участником обороны Лиепай, являвшимся не только корреспондентом Смирнова, но и его адресатом. Попытка установить автора была предпринята, исходя из слов в тексте письма: «...с сентября месяца 1950 г. живу и работаю в г. Ростове-на-Дону» (Д. 509. Л. 14). Сначала были выявлены все лица, проживающие в Ростовской области, по приложению на л. 37—

²⁰ Иванов О. Д., Чететкин В. А. Комендант укрепрайона // В июне сорок первого...: Страницы героической обороны Лиепай. Рига, 1986.

40 к названному «Списку участников обороны Лиенаи по областям СССР (нынешнее местожительство)». Приложение содержит только названия союзных республик, входящих в их состав автономных республик, краев, областей, и цифры, каждая из которых соответствует порядковому номеру участника в списке. В нем указаны: звание или должность, которую занимал человек к моменту участия в обороне Лиенаи, и его точный адрес проживания на 1966 г. Когда из списка были выбраны все проживающие в Ростове-на-Дону, круг поиска сузился до нескольких человек. Точный адрес в данном случае не мог помочь, так как в письме он указан не был и конверта тоже не сохранилось. Поэтому были прочитаны все имеющиеся в описи письма участников обороны Лиенаи, проживающих в Ростове-на-Дону, с целью установить автора письма по почерку и тексту документа. Поиск увенчался успехом: письмо было присоединено к другим письмам В. Г. Федорченко (Д. 509). Исходя из их содержания, была установлена и дата документа — июнь 1966 г.

Другой пример. Из текста выступления Смирнова по радио с рядом передач под названием «Подвиг на Балтике» было установлено, что в эфире прозвучали шесть передач (Д. 1). Но в каком году это было? Помогли письма-отклики участников обороны Лиенаи. В некоторых из них названы точные даты отдельных передач Смирнова. Таким образом было точно установлено, что передачи о подвиге героев Лиенаи проходили в 1965—1966 гг.

Как уже отмечалось, этот фонд не ординарен по своему составу и содержанию. Здесь хранятся ценнейшие документы по истории Великой Отечественной войны, творческие рукописи и материалы, собранные писателем. Это свидетельствует о том, как важен был для Смирнова каждый документ огненных военных лет, как он ценил каждое письмо, присланное ему, независимо от положения в обществе его адресата, как бережно хранил трогательные свидетельства человеческой веры в справедливость, благодарности за добро, памяти о погибших, считая эти документы более важными для себя и истории, чем рукописи своих произведений.

Собиранием документов по истории Великой Отечественной войны также занимался К. М. Симонов; поэтому по составу и содержанию материалов фонды этих писателей в ЦГАЛИ СССР во многом схожи, но в фонде С. С. Смирнова мало творческих рукописей, наибольший удельный вес составляют системы коллекций, собранных им по определенным темам.

Существование таких комплексов документов ставит проблему выделения особой категории личных фондов деятелей литературы и искусства, фондов, которые сочетают в себе черты личного фонда, традиционно фиксирующие жизнь и деятельность фондообразователя, и активно создаваемую им коллекцию, тематика которой предопределена делом жизни писателя, органически связана и подчинена интересам его творчества. В свою очередь, такая постановка вопроса наталкивает на мысль о выделении новой группы личных архивов, где материалы организованы по системе коллекций, определяемых конкретным замыслом их собирателя.

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Ныне существует значительный фонд зарубежных публикаций источников по истории Октябрьской революции. Эти публикации лишь в малой мере были объектом специального библиографирования¹. Данная работа имеет цель в библиографическом плане представить публикационную деятельность по теме в странах социализма зарубежной Европы. Задача источниковедческого анализа названных материалов не ставится. Перечень публикаций предваряется обзором некоторых аспектов публикаторской работы по теме, сопровождаемым отсылками к перечню.

До 1945 г. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы источников об Октябрьской революции было издано сравнительно немного. Публикации этих источников часто трудно выделить среди тогдашней актуально-политической литературы².

В первое десятилетие после второй мировой войны материалы, показывающие влияние Октябрьской революции на другие страны, помещались в журналах (см. перечень: [9, 25, 37]; далее — только номера по перечню), включались в публикации по истории рабочего движения и коммунистических партий³ и по истории революционных связей между народами России и других стран [53].

Для развития темы Октября за рубежом большое значение имело празднование сорокалетия революции. К юбилею было введено в оборот много новых источников. Публикации 50-х годов сыграли известную роль в развертывании работ не только по теме, но и по новой и новейшей истории в целом, прежде всего в связи с проблематикой рабочего и коммунистического движения⁴. Существовало, что их подготовка способствовала общему развитию методики издания источников нового и новейшего времени. Так, подготовка серии сборников «Источники об откликах на Великую Октябрьскую социалистическую революцию и об образовании Чехословацкой республики» — одной из первых крупных в Чехословакии публикаций по истории XX в. — побудила к написанию статей и рецензий с разбором важных методических вопросов (отбор документов для печати, плана публикации и др.)⁵, ускорила наряду с другими трудами

¹ По странам социализма см.: *Орлик И. И.* Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на революционный подъем в Венгрии в 1917–1919 годах (обзор документальных публикаций) // ННИ. 1957. № 2; *Groß R.* Publikationen der Staatsarchive der DDR zum 50. Jahrestag der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution // Archivmitteilungen. В., 1968. Н. 2; а также: *Стецкевич С. М.* Влияние Великой Октябрьской революции на Польшу (Обзор литературы и новейших документальных публикаций, изданных в народно-демократической Польше в 1950–1957 гг.) // ННИ. 1958. № 3; *Джорджевич Б.* Источники и публикации за влиянието на Октомврийската революция в Югославия // ИП. 1965. Кн. 6. Публикации упоминаются в обзорах исследований по теме: *Мацек Й.* Чехословацкие истории к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции // ВИ. 1957. № 5; *Надь Л. Ж.* Венгерские истории о влиянии Великого Октября на Венгрию // ВИ. 1967. № 9; *Basiński E.* Historycy polscy wobec 50-lecia Rewolucji Październikowej // ZDSPR. 1969. Т. 4; и др.

² Некоторые данные о литературе и публикациях источников до 1945 г. приведены в кн.: Зарубежная литература об Октябрьской революции / Под ред. И. И. Минца. М., 1961.

³ Например: Българската работническа партия (комунисти) в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК. С., 1947. Т. 1: 1891–1918; Историски архив Комунистичке партије Југославије. Бг., 1950. Т. 3: Социјалистички покрет у Србији 1900–1919; и др. В некоторых публикациях были созданы разделы для документов по теме, как в кн.: Dokumentumok a magyar párttörténet tanulmányozásához. Вр., 1954. 2. köt.: 1917 nov.–1919 aug.

⁴ См. пояснения на этот счет: *Ig. Naši arhivi i proslava Oktobarske revoluciji* // Arhivist. Бг. 1957. Br. 1–2.

⁵ *Otáhalová L.* Několik poznámek k vydávání novodobých pramenů // CSCH. 1957.

появление первых в стране правил издания источников по повой истории⁶. В 50-е годы сформировалась основная проблематика публикаций об Октябрьской революции, а документальные сборники стали регулярно практикующей, главной формой издания источников по теме в европейских странах социализма. В дальнейшем выход многих публикаций также был приурочен к годовщинам революции.

Изданием источников по теме занимаются институты истории и специальные институты по изучению социалистических стран (Чехословацко-советский институт Чехословацкой Академии наук, Институт социалистических стран Польской Академии наук и др.), партийные научные центры (Институты марксизма-ленинизма в ГДР и Чехословакии, Институт истории партии в Венгрии и др.), архивы и некоторые другие учреждения. Большое значение имеет сотрудничество научных учреждений СССР и других социалистических стран в деле издания источников. Советские историки совместно с историками Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии и Югославии уже опубликовали несколько сборников документов об участии интернационалистов в Октябрьской революции [14, 22, 84] и об отношениях между СССР и другими странами в первые годы Советской власти [3, 32, 44, 64]⁷. Сотрудничество служит рационализации выявления материалов по теме и помогает обмену опытом в области теории и методики издания источников. Архивными ведомствами Болгарии, Венгрии, Монголии, Польши, СССР и Чехословакии проделана интересная работа по установлению основных принципов совместных изданий, отчасти опирающаяся на опыт публикаций по теме⁸.

Материалы по теме разыскиваются в центральных и местных государственных и партийных архивах соответствующих стран, а также в советских и в небольшой мере австрийских собраниях. Эвристические и каталогизационные работы помогают росту общего знания о содержимом архивов⁹.

Для издания используются многие виды и разновидности источников: документы общегосударственных и местных административных, полицейских и военных учреждений (разного рода информации, распоряжения и т. п.), документы рабочих партий и организаций (решения руководящих органов, воззвания и др.), письма и дневники участников, очевидцев и современников событий. Много извлекается из периодики, материал которой издается в сочетании с другими источниками, а также отдельными публикациями [12, 19, 33, 34 и др.]. Большую группу источников составляют воспоминания участников революции и гражданской войны в России, издаваемые, в частности, отдельными сборниками. Интересными источниками являются литературные и художественно-изобразительные произведения эпохи революции [18, 19, 38 и др.], публикуемые, впрочем, преимущественно для популяризации истории. Активно

Č. 3; Kodedová O., Charous J. Několik zkušeností z přípravy edice novodobých dokumentů // AC. 1959. Č. 3; Macek J. [Rec.] // AC. 1966. Č. 1.

⁶ Oláhová L. Edice pramenů ke 40.výročí VRSR a vzniku CSR // ČSCH. 1957. Č. 2. S. 387.

⁷ Сведения о ряде совместных работ по теме имеются в кн.: Хевролина В. М. Издание источников по истории дружественных связей народов России и СССР с народами зарубежных стран: Учеб. пособие по спецкурсу для студентов заочного фак. М., 1977.

⁸ Подготовка совместных научных документальных изданий: Организация и методика работы: Методические рекомендации. М., 1986.

⁹ Краткие сведения о задачах работы по выявлению архивных материалов по теме имеются в некоторых информациях: Ig. Op. cit.; Kartous P. Z porady riaditeľov a vedúcich pracovníkov štátnych a ústredných a štátnych oblastných archívov v SSR // Slovenská archivistika. Br., 1967. Č. 1. Опубликованы обзоры архивных материалов, вроде: Илчев П. Ценни документи за влиянието на Великата октомврийска социалистическа революция в България до 1922 г. // ИП. 1957. Кн. 5; Knežević D. Pregled grade u vezi sa Oktobarskom revolucijom u jugoslovenskim arhivima // Arhivist. Bg., 1957. Br. 3–4; Rewolucja Październikowa i jej wpływ na sprawy polskie w latach 1917–1921: Informator o materiałach w archiwach Polski. W-wa, 1967.

используемые фотоматериалы служат главным образом иллюстрациями, составляющими иногда весьма значительную часть публикаций [79].

Еще не издававшиеся советские архивные материалы можно найти в основном в совместных публикациях. Уже изданные в СССР материалы используются активно (первые декреты Советской власти и др.). Включаются работы В. И. Левина, публикуемые и отдельными сборниками¹⁰.

Хронологические рамки публикаций соответствуют поставленным задачам: рассказать о событиях первых после революции месяцев, осветить историю рабочего движения с учетом влияния на него Октябрьской революции в период до образования коммунистических партий и т. п. Поэтому одни публикации начинаются с событий Февральской революции, другие — с событий Октябрьской. Поздние материалы относятся то к концу 1917 г., то к последующим годам вплоть до 1924 г. Источники об откликах на события в России в период между Февральской и Октябрьской революциями служат для показа условий, приведших к победе социалистической революции, но отдельно издаются редко¹¹. В известной мере в различных хронологических рамках публикаций отражается вопрос о хронологических рамках революции¹².

Публикации затрагивают широкий круг вопросов. Многие работы стремятся показать влияние революции на ход событий в той или иной стране, что отражено и в их названиях [4, 31, 58, 69 и др.]. Об этом говорят и публикации по другим проблемам в пределах темы. Публикации об Октябрьской революции можно рассматривать и в плане проблемы революционных связей между Россией и другими странами. Так, более 30 документов марта 1917 — февраля 1918 гг. включены в публикацию «Союз польских и русских революционных сил: К 60-летию Октябрьской революции» [50] с целью представить «важнейшие политические декларации обеих сторон». Таким образом, документы эпохи революции составляют часть крупного комплекса источников XIX—XX вв. Подобные документы имеются и в совместных сборниках о двусторонних отношениях.

Большой интерес представляют публикации материалов с первыми откликами на революцию. Иногда это переписка и дневники, но чаще всего — газетные сообщения. Газетные известия нужны для изучения характера, объема и путей поступления информации к населению других стран о революции (журналистский аспект истории революции) и для анализа откликов общественного мнения на события. Из других каналов информирования населения более всего, пожалуй, сообщается об агитации и просто рассказах военнопленных, вернувшихся из России (полицейские и другие документы), и о пропаганде революционных организаций (листовки с упоминаниями о России, полицейские и другие документы). Практически все публикации показывают отношение к революции в целом и к отдельным мерам Советской власти, особенно по вопросам установления мира. Источниками об отношении к революции служат как непосредственные сообщения носителей соответствующих идей (декларации, письма и др.), так и опосредованные изложения (например, полицейские донесения). Материалы о всеобщих стачках в Австро-Венгрии и Германии в январе 1918 г. содержат данные о солидарности с русской революцией, об откликах на мирные предложения Советского правительства. Более поздние документы сообщают о демонстрациях и других действиях в защиту революционной России от иностранных интервентов. Материалы буржуазной печати и учрежденческие документы раскрывают

¹⁰ *Lenin W. I. Das Jahr 1917: Eine Sammlung ausgewählter Aufsätze und Reden. B., 1957; Lenin V. I. Od Februara do Oktobra: Zb. Z., 1973; Lenin W. I. O Rewolucji Październikowej. W-wa, 1977; Lenin V. I. K výročiam Októbrovej revolúcie 1918–1922: Projevy, referaty, články. Br., 1977; и др.*

¹¹ Например: *Košćak V. Prilog za historiju 1917. godine // HZ. 1957. Br. 1–4; Katonabarátkozások a keleti arcvonalon (1917 március – május) // HTK. 1967. 3. sz.*

¹² Из новейших зарубежных трактовок см.: *Кальбе Э. Вопросы сравнительного изучения Великой Октябрьской социалистической революции и революций 40-х годов // Сов. славяноведение. 1985. № 4. С. 27–28.*

отношение к революции и к тем, кто ей сочувствовал. В целом публикации разносторонне показывают отношение к событиям в России, хотя и не дают материала для изучения позиций некоторых политических партий и отдельных социальных и профессиональных групп¹³.

За рубежом публикуются источники и о ходе революции в России. Многие из таких материалов являются лишь переводами документов из советских публикаций. Среди оригинальных источников наиболее многочисленны воспоминания иностранцев — участников революции. Документы иностранных организаций, существовавших в России, в первоиздании более всего содержатся в совместных публикациях, но имеются и их отдельные издания [45, 47]. Такие источники дают сведения о влиянии революционных событий на настроение и политическую позицию иностранцев и их организаций в России. В большой мере используется периодика интернационалистов, реже — другая периодика иностранцев, выходившая в России. Источники об интернационалистах как часть материалов по теме «Ход революции» представлены наибольшим числом отдельных публикаций.

Опубликованные материалы чаще всего, естественно, освещают политические события. Изданы, однако, и некоторые источники (статьи, письма, поэтические произведения и др.) о влиянии Октябрьской революции на литературу и искусство в России [24, 38 и др.] и других странах [18, 19], об откликах деятелей культуры на революцию.

Принадлежность публикуемых материалов к теме не обязательно определяется упоминаниями в них о событиях революции, выражении отношения к ней. Некоторые публикации содержат мало или совсем не содержат материалов с упоминаниями такого рода [напр., 56, 57, 80]. Источники в таком случае изображают среду, события в которой происходили под влиянием революции. Отношение таких публикаций к теме устанавливается их составителями с помощью соответствующих названий и комментариев, т. е. на основе общеисторических интерпретаций событий. С этой точки зрения показательно название серии «Источники об откликах на Великую Октябрьскую социалистическую революцию и об образовании Чехословацкой республики»¹⁴. Цель этого издания — показать роль возросшего под влиянием Октябрьской революции движения широких масс в борьбе за создание национального государства. Связь Октябрьской революции как объекта исследования с другими объектами с помощью вводных объяснений устанавливается и в ряде других публикаций, не упоминающих революцию в своих названиях. В неспециальных по теме публикациях имеется множество прямых свидетельств о революции, которые подлежали бы учету, если бы составлялась полная библиография опубликованных источников о Великом Октябре. Для примера можно упомянуть о записи в дневнике австро-венгерского политика, сделанной в ноябре 1917 г. о том, что «Ленин победил абсолютно»¹⁵; о некоторых письмах социал-демократов с оценками событий в публикациях источников по истории рабочего движения в Германии или сербской социал-демократической партии в годы первой мировой войны¹⁶.

Объектами публикации являются поздние материалы — источники для изучения понимания всемирно-исторической роли революции и использования ее примера в политической борьбе революционных органи-

¹³ Опыт специального издания отзывов буржуазных деятелей об Октябрьской революции (несколько текстов 1917–1920 гг. в сборнике более широких хронологических рамок — [42]).

¹⁴ *Práhene k ohlasu Velké říjnové socialistické revoluce a vzniku ČSR*. Pr., 1957–1969. 6 sv. См.: Королев Г. И. Археографическая деятельность в Польше, Чехословакии, Румынии и Югославии (1945–1975 гг.): Учеб. пособие. М., 1980. С. 52.

¹⁵ *Daković L. Bileške uz «Dnevnik iz svetskog rata» Istvana Buriána 1. januara 1917–1. januara 1919 // GADABiH, 1976–1977. Br. 16–17. S. 238.*

¹⁶ *Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Reihe II: 1914–1945. B., 1957. Bd. 2: November 1917 – Dezember 1918; Српски социјалистички покрет за време првог светског рата/Материјале прикупил М. Тодоровић. Бг., 1958; Преписка српских социјалиста у току првог светског рата/Приред. В. Лапчевић, Т. Миленковић. Бг., 1977.*

защит: высказывания деятелей рабочего и коммунистического движения (например, в сборнике речей и сочинений В. Пика¹⁷); документы разного происхождения о праздновании годовщин революции [6, 68, 74, 82]¹⁸; изобразительные материалы по разработке темы Октября в искусстве других стран [72].

Специального рассмотрения заслуживает вопрос о новизне сведений, содержащихся в опубликованном материале, и о роли публикаций в исследованиях по теме. Ограничимся замечанием о том, что введение в оборот массы данных открыло возможность изучения в деталях и тех фактов, которые в основном уже были известны. Так, некоторые источники о восстании моряков австро-венгерского флота в феврале 1918 г. публиковались еще в 20-е годы. Новые материалы современных публикаций¹⁹ послужили для более правильного объяснения характера этого восстания, происшедшего под влиянием революции в России. Многочисленные распоряжения австро-венгерских властей по вопросу о возвращенцах, напечатанные в Венгрии, Чехословакии и Югославии, весьма детально показывают образ действий по борьбе с революционной агитацией. Любопытен, например, документ, в котором говорится о мерах по затруднению сообщений между Боснией—Герцеговиной и Хорватией, чтобы помешать распространению революционных идей²⁰. Установление факта такого рода, может быть, и не меняет общих выводов относительно действий властей, но детализирует картину событий, что весьма существенно для реконструкции исторических ситуаций.

Публикации по истории Октябрьской революции различны в типологическом отношении. Наряду с крупными сборниками научного типа [14, 31, 82 и др.] издаются научно-популярные публикации, предназначенные для распространения исторических знаний и для агитационно-пропагандистской деятельности. Материалы в научных журналах появляются подчас в виде больших комплексов документов (напр., около 200 документов содержится в [80]). Общеполитические и культурные газеты и журналы отмечают юбилей революции публикациями отдельных документов, чаще уже изданных, а иногда и неизданных. Различны территориальные масштабы освещения проблемы — от общенационального до локального²¹. Наибольшее количество вновь вводимых в научный оборот источников дают публикации научного типа. Однако и популярные издания включают не изданные прежде документы, а иногда и целиком из них состоят и вводят в научный оборот, например, местный материал, в том числе местную периодику [20, 28, 80 и др.].

В методическом отношении по основным принципам издания публикации по теме не отличаются существенно от публикаций источников по другим проблемам новейшей истории в той или иной стране. Имеются и черты, делающие похожими публикации, подготовленные в разных странах.

Все публикации носят выборочный характер. Однако, как отмечалось²², публикаторы слишком кратко объясняют критерии отбора материала, что очень важно при использовании массовой документации. Проблема репрезентативности обычно сводится к тезису об издании «типичных», «основных» и тому подобных документов²³. Вообще, научные

¹⁷ Wilhelm Pieck — ein unermüdlicher Streiter für die deutsch-sowjetische Freundschaft: Ausgewählte Reden und Schriften Wilhelm Piecks über die Große Sozialistische Oktoberrevolution/Eingel. und zugest. von H. Voßke. B., 1977.

¹⁸ См. также документальное приложение в кн.: Живковић Н. Ужичка република прославља Октобарску револуцију: Репортажа о свечаности. Титово Ужице, 1967.

¹⁹ Stulli B. Prilozi građi o ustanku mornara u Boki Kotorskoj 1—3. februara 1918 // AV. 1958. Br. 1. Имеется еще несколько журнальных публикаций по этой теме.

²⁰ Kapidžić H. Bosna i Hercegovina za vrijeme prvog svetskog rata // GADABiH. 1966. Knj. 6.

²¹ Интересные данные, в том числе по типологии местных изданий, приведены в обзоре: Groß R. Op. cit.

²² Kodová O. [Rec.] // АС. 1975. С. 3. S. 166.

²³ В методическом отношении ценно замечание рецензента о том, что по отдель-

издания по теме подчас упрощены. В нескольких случаях отсутствуют, например, ссылки на использованные источники в комментариях [3, 14]. К изданиям по теме, как и ко многим другим публикациям по новейшей истории, иногда составляются глухие указатели, недостаточность коих особенно заметна, когда не все имена прокомментированы. Впрочем, имеются публикации с подробными, в виде биографических справок, рубриками именных указателей. В популярных публикациях тоже иногда нет необходимых сведений (вроде указания формата произведений живописи).

Вопрос о языке текстов чаще всего решается переводом иноязычного материала²⁴.

В современной практике все большее распространение получают факсимильные публикации. Такие публикации, составленные из изданных и неизданных документов и материалов печати, имеются и по теме [16, 34, 36, 48, 74]. Эти издания, представляющие собой комплекты несброшюрованных листов, преследуют прежде всего учебные и популяризаторские цели, по содержат и новый материал для историков-специалистов. В литературе упоминают о выпуске диапозитивов по теме²⁵.

В публикациях можно найти различные интересные приемы. Так, в сборнике «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Германию» акты Советского правительства напечатаны по информации газет, радиосообщениям и тому подобным источникам, чтобы показать, «в каком виде документы молодой Советской власти достигли Германии»²⁶ и стали там известны. В подстрочнике же искажения и пропуски исправлены. В изданиях для широкого круга читателей иногда применяется такой прием: тексты документов связываются редакционным текстом, играющим роль введений и комментариев к источникам и облегчающим их восприятие [65, 79].

При совместных изданиях стали рельефнее некоторые грани проблем методики, например проблема выбора объектов комментирования с учетом круга читателей и степени известности освещаемых вопросов в той или иной стране. Публикаторы поступают по-разному: иногда комментарии и предисловия одинаковы в параллельных выпусках, выходящих в сотрудничающих странах, иногда различаются. Отличия объясняются желанием полнее раскрыть факты, в данной стране менее известные²⁷.

В результате публикационной работы по теме историческая наука и широкие круги читателей получили много новых документов для изучения всемирной и национальной истории. Привлечено внимание к тем источникам, которые прежде мало изучались. Издание большого количества материалов помогло расширить круг интересов историков, правильное и полнее понять многие факты, исправить ошибочные мнения, что способствовало решению ряда проблем истории рабочего движения за рубежом²⁸. Публикации содержат материал для изучения революционных процессов в условиях конкретных стран и одновременно — общих линий развития всемирного революционного процесса.

Публикации источников составляют часть обширной работы, включающей исторические, библиографические²⁹ и другие исследования, ар-

ному документу не всегда можно судить о степени его типичности. См.: Prečan V. Edice k ohlasu Říjnové revoluce v Československu // ČSCH. 1958. С. 2. S. 357.

²⁴ О зависимости передачи текста от типа издания см.: Cieślak T. Problemy wydawnictwa źródeł do historii stosunków polsko-radzieckich // Studia Źródłoznawcze. W-wa, 1974. T. 15.

²⁵ Groß R. Op. cit.

²⁶ [31]. Bd. 4/I. S. IX; Bd. 4/II. S. 365.

²⁷ См. об этом в кн.: Хевролина В. М. Указ. соч.

²⁸ См. изображения в статье: Милей Д. Октябрь и распространение идей ленинизма в Венгрии в 1917–1919 гг. // История Великого Октября и последующих социалистических революций: Информ. бюл. Пробл. комис. многостороннего сотрудничества акад. наук соц. стран. М., 1979. № 13. С. 70.

²⁹ Имеются справочники о литературе периода революции, являющейся ныне источником. Один из них благодаря множеству факсимиле обложек и титульных

живую, археографическую, выставочную деятельность и другие аспекты.

Помещаемый ниже перечень включает названия публикаций научного и научно-популярного типов, специально посвященных Октябрю, а также проблеме связей СССР с другими странами. Из совместных изданий приводятся лишь их иностранные варианты. Не включены издания источников, возникших за пределами периода революции и гражданской войны (т. е. прежде всего мемуаров), и произведений отдельных авторов³⁰. Не указываются приложения к исследованиям и публикации в популярной периодике. В перечне названия публикаций расположены по странам, а внутри — по алфавиту. Перечень составлен по данным отечественных и зарубежных справочников, по библиотечным каталогам. Публикации просмотрены *de visu*. Факсимильные издания обозначены [fs].

ПЕРЕЧЕНЬ ПУБЛИКАЦИЙ ИСТОЧНИКОВ

НРА

1. Mbi influencën e revolucionit të Madh Socialist të Tetorit në Shqiperi (1917–1924): Përmbledhje dokumentash e materialesh kushtuar 40 vjetorit të revolucionit të Madh Socialist të Tetorit. Tiranë, 1957. 123 f.
2. Mbi miqësinë shqiptaro-sovjetike (Përmbledhje dokumentash e materialesh kushtuar 40 vjetorit të revolucionit të Madh Socialist të Tetorit). Tiranë, 1957. 551 f.
10. Неизвестно възвание на ЦК на БКП в защита на Октомврийската революция // ИИИБКП. 1962. Кн. 9. С. 386–389.
11. Октомври 1917: Знаме и съдба. С., 1977. 279 с.
12. Отгласи от Великата октомврийска социалистическа революция във в. «Учителска искра» (1917–1922). С., 1957. 79 с.
13. Панайотов П. Документи за дейността на българи-комунисти в Съветска Русия (1918–1920 г.) // Изв. на държавните архиви. С., 1968. Кн. 14. С. 176–195.

НРБ

3. Българо-съветски отношения и връзки: Документи и материали. С., 1977. Т. 1: Ноември 1917 – септември 1944. 736 с.
4. Великата октомврийска социалистическа революция и революционните борбе в България през 1917–1919: Сб. от документи и материали. С., 1957. VII. 866 с.
5. Документи за влиянието на Октомврийската социалистическа революция в нашата страна // ВИС. 1957. Кн. 3. С. 126–138.
6. Документи за чествуване годишнините на Октомврийската социалистическа революция в България преди 9.IX.1944 г. // ИИИБКП. 1967. Кн. 17. С. 275–333.
7. Дружба през вековете: Историко-литературна летопис/Съст. Ст. Великов и др. Под ред. на З. Сребров, А. Тодоров, В. Хаджиниколов. Подбор на илюстрациите Ас. Василев. С., 1967. 505 с.
8. Лотов Й. Документи за влиянието на Великата октомврийска социалистическа революция върху българската армия на фронта // ВИС. 1957. Кн. 4. С. 127–137.
9. Материали за влиянието на Великата октомврийска социалистическа революция в България // Изв. на Българското историческо дружество. С., 1948. Кн. 22–24. С. 449–460.
14. Под знамето на Октомври: Документи и материали: В 2 т.: 25 октомври (7 ноември) 1917 – 7 ноември 1923 година. С., 1981. Т. 1: Участието на българските интернационалисти във Великата октомврийска социалистическа революция и в защита на нейните завоевания. 727 с.; т. 2: Великата октомврийска социалистическа революция и революционното движение в България. 687 с.
15. Dokumentumok a Nagy Októberi Szocialista Forradalom hatásáról Magyarországon // TSZ. 1953. 10–11. sz. 1050–1062. l.
16. 1917. Bp., 1977. 50 l. [fs.].
17. Így látták a kortársak: Az 1917–1918-as magyarországi sajtó az orosz proletárforradalomról. Bp., 1957. 248 l. 12 tab.
18. Így látták a kortársak: Magyar írók, költők, publicisták a Nagy Októbertől 1917–1919. 2., atdolg. és bővít. kiad. Bp., 1977. 543 l.
19. Irodalom forradalom 1917–1919: Az orosz magyar forradalmak egykorú irodalmi dokumentumok tükrében. Bp., 1956. 453 l.
20. «...két nép szíve dobbant itt össze...» cikk gyűjtemény: Győr, Sopron, Mosonmagyaróvár sajtójának reagálása az 1917-es oroszországi eseményekre/

ВНР

листов можно отнести и к публикациям (Říjnová revoluce a československo-sovětské vztahy v československých tiscích 1918–1–24: Bibliograficko-dokumentární sb. k 50. výročí Velké říjnové socialistické revoluce připr. Státní knihovna ČSSR/Zprac. J. Vávra, K. Kozelek, B. Pelikán. Pr., 1967).

³⁰ Вроде издания работы Р. Люксембург с прибавлением отзывов о ней современников и историков. См.: Rosa Luxemburg és az Orosz Forradalom. Bp., 1982.

- /Szerk. Pernes Gy. Győr, n. é. 135 l.
21. Magyar internacionalisták a Nagy Októberi Szocialista Forradalomban. Bp., 1957. 243 l.
 22. Magyar internacionalisták a Nagy Októberi Szocialista Forradalomban és polgárháborúban (1917–1922): Dokumentumgyűjtemény. Bp., 1967–1968, 1. köt.: Az oroszországi magyar hadifogolyok forradalmi mozgalma (1917–1922). 586 l.; 2. köt.: A magyar internacionalisták részvétele a szovjethatalom védelmében a polgárháború frontjain. 820 l.
 23. Nagy (A) forradalom krónikája: 1917 emlékezésekben és hiteles okmányokban/Válog., szerk. és jegyzetekkel ellátta Dolmányos I. Bp., 1967. 439 l.
 24. Nagy (A) forradalom plakátjai. Bp., 1977. 20, 24 l. [fs.].
 25. Nagy (A) Októberi Szocialista Forradalom hatása Magyarországon // TSZ. 1952. 11. sz. 1155–1167. l.
 26. Nagy (A) Októberi Szocialista Forradalom sajtóviszhangja egy miskolci napilapban/Összeáll. Deák G. és Kazacsay F. Bp., 1967. 39 l.
 27. Okmányok a Nagy Októberi Szocialista Forradalom és a polgárháború idejéből // HTK. 1957. 3–4. sz. 297–321 l.
 28. Októberi (Az) Forradalom hatása Békés megyében: Dokumentumgyűjtemény/Összeáll. G. Vass I. Békéscsaba, 1967. 30 l.
 29. Olvasókönyv a Szovjetunió története tanulmányozásához // Bp., 1961. III/1. köt.: Szovjetunió a Nagy Októberi Szocialista Forradalom, a polgárháború és az újjáépítés időszakában 1917–1926 (Válogatott dokumentumok). 671 l.
 30. Orosz internacionalisták a Magyar Tanácsköztársaságért (Dokumentumgyűjtemény). Bp., 1973. 398 l., 24 l. ill., 6 l. térk.

ГДР

31. Auswirkungen (Die) der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution auf Deutschland/Hrsg. von L. Stern. Quellenmaterial bearb. von G. Schrader und H. Weber. B., 1959. 4 Bde (Archivalische Forschungen zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 4/I–IV).
32. Deutsch-sowjetische Beziehungen von den Verhandlungen in Brest-Litowsk bis zum Abschluß des Rapallovertrages. B. 1967–1971. 1. Bd.: 1917–1918. XXV. 884 S.; 2. Bd.: 1919–1922. 715 S.
33. Große (Die) Sozialistische Oktoberrevolution: Ihre Widerspiegelung in der deutschen Presse. Dokumentation der Zeit: Informations-Archiv. B., 1957. H. 152. 109 Sp.
34. Große (Die) Sozialistische Oktoberrevolution im Spiegel deutscher Zeitungen 1917–1967. B., o. J. 8 S. 29 Bl. fs. [fs.].
35. Große (Die) Sozialistische Oktoberrevolution und ihre Auswirkungen auf Deutschland (Dokumente). ZfG. 1957. H. 5. S. 1070–1087.
36. Große (Die) Sozialistische Oktoberrevolution und ihre Auswirkungen auf Deutschland: Eine Dokumentation in

Faksimile-Drucken. B., 1977. 50 Bl. [fs.].

37. Kamnitzer H., Mammach K. Aus Dokumenten zur Vorgeschichte der Novemberrevolution // ZfG. 1953. H. 5. S. 789–810.
38. Links! Links! Links! Eine Chronik in Vers und Plakat 1917–1921/Hrsg. und komment. von F. Mierau. B., 1970. 455, 24 S.
39. Oktober-Land 1917–1924: Russische Lyrik der Revolution/Hrsg. von E. Mirowa-Florin und L. Kossuth. Mit einem Vorwort von S. Paperny. Ausschnitten aus Zeitdokumenten und Erinnerungen sowie 41 Abb. B., 1967. 263 S.
40. Rußland wird rot: Satirische Plakate 1918–1922 schwarzweiß und farbig/Hrsg. und eine Einführung von G. Piltz. B., 1977. 128 S.
41. Schreiner A. Ein Dokument zur Vorgeschichte des Januarstreiks 1918 in Deutschland. ZfG, 1957. H. 5. S. 1087–1091.
42. Treffpunkt Zukunft: Bürgerliche Stimmen zur Sowjetunion/Hrsg. von W. Tenzler. Mit einem Geleitwort von J. Dieckmann. B., 1967. 294 S.
43. Zur Geschichte der UdSSR. B., 1960. Teil 1 (1917–1925) (Dokumente und Materialien)/Zusammengest. und bearb. von A. Anderle und G. Voigt. 151 S.

ПНР

44. Dokumenty i materialy do historii stosunków polsko-radzieckich. W-wa. 1962. T. 1: Marzec 1917 – listopad 1918/Oprac. W. Gostyński i. i. XXII. 613 s.
45. Ludowcy polscy w Rosji w latach 1917–1918: Dokumenty źródłowe // Roczniki Dziejów Ruchu Ludowego. W-wa, 1967. N 9. S. 335–360.
46. Materiały archiwalne do historii stosunków polsko-radzieckich/Pod red. N. Gąsiorowskiej. W-wa, 1957, t. 1: Marzec 1917 – listopad 1918/Oprac. A. Zatorski przy współudziale F. Kalickiej i. i. IX. 725 s.
47. Polacy w Rosji wobec Rewolucji Październikowej (Marzec 1917 – listopad 1918)/Materiały i dokumenty wybrał i oprac. W. Pomykało. W-wa, 1957. 88 s.
48. Rewolucja Październikowa, Polska, Polacy/Wybór dokumentów, ilustracji, wstęp, komentarze oraz kalendarium wydarzeń A. Kochański, F. Tych. W-wa, 1977. 64 l. [fs.].
49. Rewolucja Październikowa w opinii prasy polskiej (7 listopada 1917–7 lutego 1918) // Z Pola Walki. W-wa, 1967. Z. 3. S. 151–212.
50. Sojusz polskich i rosyjskich sił rewolucyjnych: W 60 rocznicę Rewolucji Październikowej. W-wa, 1977. 378 s. (Archiwum Ruchu Robotniczego. T. 5).
51. Społeczeństwo polskie wobec Rewolucji Październikowej (marzec 1917 – listopad 1918)/Wybór, wstęp i przypisy L. Smosarski. W-wa, 1957. 95 s.
52. Stosunki polsko-radzieckie w latach 1917–1945: Dokumenty i materiały/Pod red. T. Cieślaka. Oprac. E. Basiński. W-wa, 1967. 569 s.

53. W XXXV rocznicy Wielkiej Październikowej Rewolucji Socjalistycznej: Materiały i dokumenty. W-wa, 1952. 860 s.
54. *Werfel R.* Śladami leninowskiego dekretu (niektóre materiały do Dziejów Komisariatu do Spraw Polskich 1917–1918) // ZDSPR. 1970. T. 7. S. 349–403.
55. Wpływ Wielkiej Rewolucji Październikowej na ruch robotniczy w Łodzi i okregu/Oprac. S. Mierzejewski, T. Czapliński, A. Wilkanowski. Łódź, 1967. 78 s.

CPP

56. *Boeraş F.* Documente privitoare la influenţa Marii Revoluţii Socialiste din Octombrie asupra mişcării muncitoreşti din ţara noastră (1917–1921) // RA. 1961. Nr. 2. P. 74–114.
57. Documente privitoare la influenţa Marii Revoluţii Socialiste din Octombrie asupra mişcării muncitoreşti din ţara noastră // RA. 1959. Nr. 2. P. 3–45.
58. Marea Revoluţie Socialistă din Octombrie şi mişcarea revoluţionară şi democratică din România: Documente şi amintiri // Buc., 1967. X, 453 p.

ЧССР

59. ČSR – SSSR 1917–1945: Výběr dokumentů okresních archivů. Holešov, 1977. 2 s. 54 L. (Dokumenty okresních archivů Jihomoravského kraje. Sv. 4). [fs.].
60. Dějiny Sovětského Svazu a československo-sovětských vztahů v dokumentech. Pr., 1966. Díl. 3. 645 s.
61. Dokumenty a materiály k dějinám československo-sovětských vztahů. Pr., 1975. Díl 1: Listopad 1917–srpen 1922/K vydání přípr. C. Amort. aj. 605 s.
62. Dokumenty o protilidové a protinárodní politice T. G. Masaryka. Pr., 1953. 270 s., 54 s. il. (Knihovna dokumentů o předmnichovské kapitalistické republice. Sv. 1).
63. Dokumenty o protisovětských piklech československé reakce: Z archivního materiálu o kontrarevoluční činnosti Masaryka a Beneše v letech 1917–1924. Pr., 1954. 136 s., 8 l. il.
64. Družba národov ČSR a SSSR vo svetle dokumentov slovenských archivov/Dokumenty sprac. a poznámkami opatr. kolektiv pracovníkov Státného slovenského ústredného archívu v Bratislave. Br., 1956. 256 s., il.
65. *Hysko M.* Ruská revolúcia v zrkadle slovenskej tlače 1917–1918. Br., 1957. 145 s.
66. *Kalašnikovová S., Šťovíček I.* Desáté výročí VRSR a Československo (Dokumenty) // Československo-sovětské vztahy. Pr., 1977. Díl 6. S. 95–107.
67. *Kanis P., Koyš P.* Cestou Októbra. Br., 1977. 14 s. 111 l. il.
68. Kolektiv pracovníků archivu ÚDKSC. Dokumenty k akcím KSC na oslavu výročí Velké říjnové socialistické revoluce v letech 1925–1936 // SAP. 1957. Č. 1. S. 3–84.
69. Ohlas Velké říjnové socialistické revoluce v Československu: Sb. dokumentů z let 1917–1921. Pr., 1957. 502 s.
70. Ohlas Velké říjnové socialistické revo-

- luce v českých zemích v archivních dokumentech (listopad 1917–14. říjen 1918)/Dokumenty přípr. R. Cermáková a F. Štěpán. Úvodní poznámku napsal F. Štěpán // SAP. 1958. Č. 1. S. 3–26.
71. Ohlasy českého a slovenského tisku na Velikou říjnovou socialistickou revoluce (z let 1917 až 1924). Pr., 1967. 368 s. (CTK. Dokumentační přehled).
72. Október 1917–1977. Br., 1977. 104 s.
73. Prvé kroky Sovietskej moci/Predslov napísal S. Cambel. Br., 1977. 48 s.
74. 7. listopad v Československu 1918–1948: Dokumenty/Přípr. V. Helešicová, R. Machatková. Pr., 1977. XX. 165 s. [fs.].
75. Velká víra a naděje: Dokumenty o vztazích československého lidu k národům SSSR v letech 1917 až 1945/Sest. a úvodní studiu napsal C. Amort. Pr., 1970. 287 s.
76. Výstřel z Aurory. Pr., 1977. 16 l.

СФРЮ

77. Југословенски добровољци у Русији 1914–1918: 36. докумената/Приред. Н. Поповић. Бг., 1977. VIII. 423 с. 8 л. ил.
78. *Кеуић Д.* Неколико регеста докумената из архива Војводине о одјецима Октобарске револуције и револуционарном покрету код нас од 1918 до 1921 // Архивски преглед 1966. Бг., 1967. Бр. 1–2. С. 93–105.
79. *Босиљчић С.* Октобарска револуција 1917 и прве године совјетске власти. Бг., 1966. 303 с. 4 л.
80. *Исвић К.* Одјеси и утицај Октобарске револуције на прилике у радничком покрету Босне и Херцеговине (1917–1921) // GADABIH. 1967. Knj. 7. S. 283–570.
81. *Кошћак В.* Прилог за историју 1917 године // HZ. 1957. Br. 1–4. S. 131–136.
82. Октобар у Југославији 1918–1945: Избор докумената о годишњicama Октобра. Бг., 1967. 815 с.
83. *Петричевић Б.* 50 година Октобра: Кроника развоја радничког покрета, пролетарске револуције и изградње СССР. Бг., 1967. 557 с.
84. Учесће југословенских радних људи у Октобарској револуцији и грађанском рату у СССР-[...]: Зб. докумената и материјала/Зб. прир. П. Дамјановић и др. Бр., 1979. 535 с.
85. *Видмар Ј. И.* Прилози грађи за повјест 1917–1948 с особитим обзиром на развој радничког покрета и одјеси Октобарске револуције код нас // AV. 1958. Br. 1. S. 11–173.

Список сокращений

- Бг.– Београд; ВИС – Военно-исторически сборник (С.); ИИИБКП – Известия на Института по история на БКП (С.); ИП – Исторически преглед (С.). С.– Софиа.
АС – Archivní časopis (Pr.); AV – Arhivski vjesnik (Z.); Б.– Берлин; Бг.– Београд; Бр.– Будапест; Бр.– Братислава; Буц.– Бучеşti; ЧСЧ – Československý

časopis historický (Pr.); GADABiH – Glasnik arhivâ i Društva arhivskih radnika Bosne i Hercegovine (Sarajevo); HTK – Hadtörténelmi Közlemények (Bp.); HZ – Historijski zbornik (Z.); Pr. – Praha; RA – Revista arhivelor

(Buc.); SAP – Sborník archivních prací (Pr.); TSZ – Társadalmi Szemle (Bp.); W-wa – Warszawa; Z. – Zagreb; ZDSPR – Z Dziejów Stosunków Polsko-Radzieckich (W-wa); ZfG – Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (B.)

Н. С. Зелов

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ЦГАОР СССР В 1975—1986 гг. ДОКУМЕНТАМИ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И БОРЬБЫ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ *

«Детищем революционного времени» назвал Архив Октябрьской революции (АОР, ныне ЦГАОР СССР) один из его организаторов и первый руководитель, видный советский историк-архивист В. В. Максаков¹. «Много материалов в начальный период организации АОР поступило от участников октябрьских боев в Москве и вообще от частных лиц, — отмечал он. — Наиболее ценная часть архива Московского военно-революционного комитета попала в АОР из частных рук»². Так, документы, отражающие деятельность штаба вооруженного восстания в Петрограде — Военно-революционного комитета — передал бывший член ВРК В. А. Аванесов. Рукописи, биографические документы из своих личных архивов передали АОР в 20-е годы профессиональные революционеры, стоявшие у истоков советского архивного дела, В. В. Адоратский, М. Н. Покровский (см. список фондов, прилагаемый к статье). Документы по истории социалистической революции поступили в архив при содействии Ф. Э. Дзержинского, Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, Н. А. Семашко и других видных деятелей КПСС и Советского государства.

Личные архивы участников социалистической революции в 30—40-е годы АОР получал, как правило, по инициативе их родственников или учреждений, в которых работали эти деятели³. На хранение были приняты архивы ветеранов революционного движения, советских государственных и общественных деятелей С. Я. Багдатьяна, М. П. Павловича (Вельтмана), П. Г. Смидовича, участника трех революций А. И. Свидерского и др.

Собирательскую деятельность документов личного происхождения архив активизировал в конце 50-х — начале 60-х годов. Благодаря усилиям И. Г. Новопашина, Д. Т. Субботина, Л. М. Шалагиновой и других сотрудников отдела центральных органов общественных организаций ЦГАОР принял, например, личные архивы И. И. Лепсе — участника трех революций, А. С. Гундорова, Б. И. Магидова и других видных профсоюзных и общественных деятелей, активно участвовавших в революционных событиях 1917 г. Всего к середине 70-х годов в ЦГАОР СССР хранилось 36 личных фондов участников Октябрьской революции, так как часть фондов в 20—30-е годы была передана в ЦПА ИМЭЛ. Два фонда из этого архива поступили в ЦГАОР СССР.

С 1975 г. работу по розыску и приему документов личного происхождения проводит отдел (ныне — архивохранилище) личных фондов.

* В основе статьи доклад на Научном совете ЦГАОР СССР 30 октября 1984 г.
¹ Максаков В. В. Пять лет Архива Октябрьской революции // АД. 1926. Вып. 5/6. С. 3.

² Максаков В. В. История и организация архивного дела в СССР (1917—1945). М., 1969. С. 80.

³ Зелов Н. С. Из истории комплектования ЦГАОР СССР документами личного происхождения // СА. 1981. № 3.

За 1975–1986 гг. было принято 34 личных архива ветеранов революционного движения в России, участников Великой Октябрьской социалистической революции. Кроме того, значительно пополнены ранее поступившие фонды (П. Н. Авдеева, А. И. Балагурова, А. Е. Медведкова и др.).

По своему составу и хронологическим рамкам личные фонды чрезвычайно разнообразны. Наиболее ранние (биографические) документы относятся к 80-м годам XIX в., наиболее поздние — к 80-м годам XX в. (приветственные адреса, телеграммы, вырезки статей ветеранов из газет и журналов и т. п.). Документов по истории подготовки и проведения социалистической революции, к сожалению, немного. Только десять фондов содержат документы за октябрь 1917 г. — январь 1918 г. Значительное количество оперативной документации за указанный период имеется в фонде В. А. Антонова-Овсепко. В остальных девяти фондах (В. В. Адоратского, А. А. Андреева, Б. И. Иванова, Н. И. Ионова, П. Н. Мостовенко, А. Ф. Платоновой, М. Н. Покровского, И. В. Решеткова, Я. С. Шейнкмана) — всего 18 документов. Один из них — копия с машинописной копии, заверенной членом Московского Военно-революционного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов А. С. Ведерниковым, договора от 2 ноября 1917 г. между Московским ВРК и Комитетом общественной безопасности о роспуске комитета, расформировании белой гвардии, прекращении военных действий в Москве — хранится в фонде Адоратского. Остальные документы — подлинные мандаты, удостоверения, пропуска, справки, выданные накануне или в период вооруженных боев 1917 г. в Петрограде, Москве, на Украине. Например, в фонде Покровского — пропуск в штаб Московского ВРК; в фонде Шейнкмана — удостоверение Петроградского ВРК за подписями Я. М. Свердлова, М. С. Урицкого, К. А. Мехоношина.

Ценные сведения по периоду триумфального шествия Советской власти в нашей стране (как и по более поздним периодам) дают многочисленные воспоминания (они будут отмечены далее по фондам), написанные ветеранами в 50-е и 60-е годы к юбилеям Октября. Некоторые из них опубликованы⁴.

Кроме документов, отражающих революционные события 1917–1918 гг., в фондах имеются материалы по истории гражданской войны, индустриализации, коллективизации, культурной революции, других социально-экономических преобразований в нашей стране. 25 фондов участников социалистической революции содержат фотоснимки, удостоверения, грамоты ударников и стахановцев (например, в фонде Н. И. Ионова — книжка ударника и билет делегата I Всесоюзного съезда ударных бригад в декабре 1929 г.).

Автобиографии, служебные удостоверения, мандаты, грамоты и другие документы личных фондов ЦГАОР СССР рассказывают о работе ветеранов социалистической революции в годы Великой Отечественной войны и в последующие мирные десятилетия. Фронтовые письма, как свидетельствует состав личных фондов, сохранились мало.

Наиболее полно в личных фондах участников социалистической революции сохранились документы 60–70-х годов. Так, среди документов личного фонда члена КПСС с 1910 г. советского государственного и партийного деятеля А. В. Артюхиной — удостоверения о награждении ее орденами, медалями, грамотами; рукописи статей, докладов, отражающих трудовую и общественную деятельность активного участника социалистической революции. В 1938–1957 гг. Артюхина — председатель ЦК Союза текстильщиков, директор текстильных фабрик в Москве. В 1942 г. ее назначили на имевшую особо важное значение для снабжения фронта

⁴ Балагуров А. И. В одном строю с рабочим классом; Добровольский В. В. Революции — все наши силы; Платонова А. Ф. Октябрь живет в сердце // Октябрь и профсоюзы. М., 1967; Бабицын А. А. Подпольная работа партийной организации завода «Новый Парвайянен» в 1915 г.; Володин Г. Я. Незабываемое; Бобков М. А. Рабочие завода «Лоренц» идут за большевиками; Гундоров А. С. За Невской заставой // В огне революционных боев. М., 1967.

обмундированием фабрику «Освобожденный труд». Коллективу фабрики, как победителю в социалистическом соревновании, неоднократно вручались знамена Государственного комитета обороны, ВЦСПС, Московского и районного комитетов партии. «В 1950 г. была переведена директором фабрики имени 1 Мая и работала здесь до своей болезни. На этой фабрике так же успешно выполнялись планы по выпуску продукции и по качеству», — отмечала Александра Васильевна в автобиографическом очерке, написанном в год 50-летия Октября⁵. Сохранились ее снимки с делегатами Первого съезда стахановцев, фотография вышневолоцкой текстильщицы, Героя Социалистического Труда В. И. Гагановой с дарственной надписью А. В. Артюхиной, начинавшей революционную деятельность и свой трудовой путь текстильщицей в Вышнем Волочке; фотографии дважды Героя Социалистического Труда П. А. Малининой, других передовиков промышленности и сельского хозяйства.

Некоторые фонды участников социалистической революции содержат письма видных деятелей науки и культуры. Так, в фонде А. И. Сви-дерского, члена КПСС с 1899 г., советского государственного деятеля, работавшего в Наркомземе, Наркомпросе РСФСР, имеются письма писателя П. И. Бляхина, скульптора И. Н. Жукова, видных деятелей театральной культуры В. Э. Мейерхольда, И. М. Москвина, Н. А. Обуховой, В. Н. Петровой-Званцевой, историка П. Е. Щеголева и др. Групповые снимки Ф. В. Гладкова, В. М. Инбер, А. Е. Корнейчука, К. М. Симонова, Н. С. Тихонова, других видных писателей имеются в личных фондах А. С. Гундорова и М. Я. Аплетина (последний работал в ЦК профсоюза работников просвещения, ВОКСе, Союзе писателей СССР).

В работе по розыску и приему указанного профиля источников архив руководствуется следующими положениями и документами. Принимаются личные архивы, а также единичные документы ветеранов революционного движения, активных участников Октябрьской революции, биографические справки о которых помещены в СИЭ и БСЭ (3-е изд.). Каждый из них вел активную революционную деятельность на территории двух, трех и более губерний России, а после победы революции находился на партийной, советской, профсоюзной работе в ряде городов страны. Составлен ориентировочный список таких революционных деятелей. Он был рассмотрен на заседаниях Методической комиссии и Научного совета ЦГАОР СССР в декабре 1979 г. Вопросы комплектования архива документами личного происхождения, в том числе и материалами участников Октябрьской революции, обсуждались и на заседании Научного совета ЦГАОР СССР в октябре 1984 г. В соответствии с указанным списком в 70–80-е годы были приняты личные архивы А. В. Артюхиной, Н. А. Алексева, Л. Х. Попова, К. К. Стриевского, Я. С. Шейнкмана, других революционных деятелей.

ЦГАОР СССР проводит поиск и прием на хранение документов участников социалистической революции, работавших в СНК, ВЦИК, ЦИК СССР, ВЦСПС, других учреждениях, фонды которых хранятся в архиве. Например, активный участник событий 1917 г. в Петрограде, член КПСС с 1915 г., советский военный деятель А. С. Гундоров с момента организации в 1942 г. Славянского комитета и до последних дней жизни являлся его председателем. Значительный по объему архив отца его дочь, доктор медицинских наук, проф. Р. А. Гундорова, передала ЦГАОР СССР. В нем наряду с документами общественной деятельности фондообразователя, письмами видных деятелей науки и культуры имеются рукописи воспоминаний о революционной деятельности рабочих Обуховского завода в 1912–1917 гг., об активных участниках социалистической революции. На хранение приняты автобиография, фотоснимки вожака московских текстильщиков в 1917 г. И. И. Кутузова, возглавлявшего после победы Октября ЦК союза текстильщиков, работавшего в 30-е годы секретарем ВЦИК. Среди документов личного архива

⁵ ЦГАОР СССР. Ф. Р-9601. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

П. Н. Авдеева, участника Октябрьской революции в Петрограде, ответственного работника Малого СНК в первые годы Советской власти, имеются рукописи воспоминаний о вожаке петроградских металлистов И. И. Лепсе, участии металлистов в революционных событиях 1917 г.

Приняты и ряд личных архивов участников социалистической революции, не работавших впоследствии в учреждениях, фонды которых хранятся в ЦГАОР СССР. Их фамилий нет в упоминаемом выше ориентировочном списке революционных деятелей. Вопрос о приеме таких документов после изучения их состава и содержания особенно внимательно рассматривается ЭПК ЦГАОР СССР. Фондообразователи этой группы, в основном москвичи, — активные участники революционного движения, Октябрьской революции и социалистического строительства, авторы воспоминаний, статей, очерков о героях Октября. Так, отметим, что в фонде участника трех революций А. И. Балагурова, после Октябрьской революции работавшего в учреждениях Наркомпрола РСФСР, имеются рукописи воспоминаний и статей о А. Е. Бадаеве, К. С. Еремееве, В. И. Зофе, К. К. Стрелевском, других революционерах; фотоснимки, письма видных общественных деятелей, историков большевистской печати, журналистов. Кроме перечисленных источников в личных архивах этой группы находятся документы об избрании этих деятелей делегатами Всероссийских и Всесоюзных съездов Советов, конференций, съездов профсоюзов, стенографические отчеты и протоколы заседаний которых также хранятся в ЦГАОР СССР.

Если в таких личных архивах отложилось много документов, отражающих служебную деятельность фондообразователей, мы оказываем помощь владельцам в передаче материалов по профилю в соответствующее государственное хранилище. Например, документы делегата Первого Всесоюзного съезда Советов П. Г. Пашковского, проживавшего с 30-х годов в Москве и собиравшего многие годы рукописи воспоминаний, автобиографии и фотоснимки участников гражданской войны на Украине, при содействии ЦГАОР СССР и Г. В. Антоновой-Овсенко поступили в Государственный архив Черниговской области УССР.

В республиканские, областные государственные архивы направляются также дублетные экземпляры источников, имеющих, по мнению экспертов архива, историческое и научное значение, — неопубликованных воспоминаний, дневников и т. д. Так, ЦГАОР СССР передал в ГАКО машинописную копию дневника за 1912—1960 гг. члена КПСС с 1917 г., проф. А. Г. Соловьева, работавшего в первые годы Советской власти в Торжке и Твери. Дублетные экземпляры автобиографического очерка и фотографий члена КПСС с 1905 г. В. П. Голионко направлены в Государственный архив Могилевской области на его родине; творческих рукописей и фотоснимков члена КПСС с 1902 г., председателя ревкома Саратова, В. П. Антонова-Саратовского — в Государственный архив Саратовской области. Его воспоминания содержат сведения о революционных событиях в Поволжье, деятельности Саратовского ревкома в 1917 г.

Единичные поступления источников, относящихся к профилю архива, включаются в Коллекцию документов участников Октябрьской революции и социалистического строительства (Р-9577). Коллекция создана в 1975 г. и пополняется редко. На 1 января 1987 г. в ней — 353 дела с биографическими документами, фотоснимками, письмами видных и малоизвестных участников революционного движения, Октябрьской революции и социалистического строительства. В коллекцию включены рукописи воспоминаний 36 авторов о революционных событиях 1905—1917 гг. в Петрограде, Москве, Минске, Рыбинске, Весегонске, других городах. Привлекают внимание, например, воспоминания матроса Балтийского флота Григория Федоровича Базурина (1896 г. рождения). После победы революции он работал в культпросветучреждениях водного транспорта, вел борьбу с контрреволюцией на Верхней Волге, затем учился во Всесоюзных художественных мастерских, оформляя всесоюзные олимпиады художественной самодеятельности, театрализованные

праздники, карнавалы в ЦПКиО им. М. Горького. Автобиографию Г. Ф. Базурина с интересными сведениями о февральских и октябрьских днях 1917 г. в Петрограде и ряд его фотографий также включили в упомянутую коллекцию. Информацию о наличии у Григория Федоровича документов, отражающих его работу в Рыбинске (1918—1922), направили в Государственный архив Ярославской области, сообщив и о желании владельца передать этому архиву или его филиалу в Рыбинске (ныне Андропове) подлинные фронтовые снимки (периода Великой Отечественной войны) с народными художниками СССР А. Д. Гончаровым, В. Н. Горяевым, афиши персональных выставок Базурина в Москве, Подольске, Рыбинске; вырезки из газет статей и корреспонденций о трудовой, творческой и общественной деятельности. Ярославские архивисты рекомендовали передать указанные материалы в Рыбинский историко-художественный музей. Владелец передал их в ОР ГТГ.

При единичных поступлениях документы, не относящиеся к профилю ЦГАОР СССР, возвращаем владельцу.

Сотрудники архивохранилища личных фондов ЦГАОР СССР при проведении экспертизы ценности документов, отборе их на государственное хранение используют «Перечень документов, не подлежащих хранению в личных фондах ЦГАОР СССР». Пособие, подготовленное в архиве в 1983—1985 гг., охватывает биографические документы, рукописи, материалы служебной, общественной работы. Тщательно рассматриваются при экспертизе ценности документы прошлого века. При просмотре материалов первой половины XX в. особое внимание сотрудники обращают на документы периода Октябрьской революции, гражданской войны, на документы 1941—1945 гг. Большую группу в личных фондах составляют почетные грамоты, которыми были награждены ветераны по случаю годовщин Великого Октября, других памятных дат. Если родственники фондообразователей не изъявляют желания передать их на государственное хранение, они остаются в семье. При этом родственники или сотрудники архивохранилища составляют подробный перечень таких документов и подсоединяют его к материалам фонда.

Как показала практика работы с личными архивами участников социалистической революции, уникальные документы фондообразователи и их родственники нередко передают краеведам, журналистам и даже школьникам для организации комнат и уголков революционной славы. Судьба подлинников многих реликвий часто неизвестна. Так, в упомянутом фонде А. И. Балагурова хранится фотокопия письма к нему рабкора газет «Звезда» и «Правда» И. А. Воинова с просьбой прислать большевистские издания. Оригинал этого письма не найден. В таких случаях ЦГАОР СССР считает целесообразным в составе личных архивов участников социалистической революции принимать и фотокопии, заверенные копии уникальных биографических документов, писем видных государственных и общественных деятелей, работников науки и культуры.

Многие фонды участников Октябрьской революции содержат списки, записи домашних адресов товарищей по революционной борьбе; акты о передаче в музеи, библиотеки, другие хранилища и общественные музеи фотоснимков, личных вещей, книг. Указанные документы включаются в состав фонда, принимаемого на хранение. Они могут помочь ЦГАОР СССР и республиканским, областным государственным хранилищам в дальнейшей работе по собиранию документов участников Великого Октября в установлении контактов с их родственниками.

Большую помощь в собирании документов личного происхождения оказал Совет ветеранов революционного движения при ЦГАОР СССР, в их числе член КПСС с 1908 г. А. И. Балагуров, член КПСС с 1917 г. А. Ф. Платонова. В 70—80-е годы помогали отдельные оставшиеся в живых ветераны — член КПСС с 1915 г. А. А. Бабицын, член КПСС с 1914 г. Н. П. Богданов, член КПСС с 1910 г. Н. И. Налетов.

Комплектование ЦГАОР СССР личными архивами тесно связано с вопросом координации этой деятельности с другими государственными

хранилищами, которые занимаются разысканием, сборением документов участников Великой Октябрьской социалистической революции. Нецелесообразно поднимать вопрос о правах того или иного учреждения проводить такую работу. Сотрудники многих государственных хранилищ общими усилиями могут более эффективно обеспечить сохранность документальных реликвий, осуществить прием их в значительном количестве, ввести в научный оборот. Необходимо лишь в более тесном контакте проводить эту работу.

Следует отметить увлечение работников многих республиканских, областных, районных государственных хранилищ приемом документов общесоюзного значения. Значительный по объему фонд М. Ф. Владимирского, участника революции 1905—1907 гг. и Октябрьской революции в Москве, советского государственного деятеля, хранится в Арзамасском краеведческом музее. 223 дела с документами участницы трех революций О. А. Варенцовой находится в Ивановском ОКМ. 577 дел с рукописями, перепиской члена КПСС с 1904 г., видного ученого-марксиста, одного из первых руководителей Главархива СССР В. В. Адоратского приняты на хранение Государственным музеем Татарской АССР. Документы члена Петроградского ВРК, комиссара Петропавловской крепости в октябре 1917 г., члена Реввоенсовета Восточного фронта Г. И. Благонравова хранятся в Егорьевском краеведческом музее. Имеются многочисленные примеры, когда государственные хранилища областного и республиканского значения собирают документы участников социалистической революции, деятельность которых в 20—50-е годы проходила во многих городах Советского Союза. Гагаринский краеведческий музей, например, хранит 103 дела с документами за 1918—1971 гг. одного из организаторов Советской власти в Гжатске И. Е. Синицына, после окончания гражданской войны работавшего в городах РСФСР, Киргизской, Таджикской, Узбекской, Литовской ССР. Значительный по объему личный архив наркома здравоохранения М. Ф. Болдырева, работавшего в Воронеже, Ростове-на-Дону, Ярославле и других городах РСФСР, поступил на хранение в Волгоградский ОКМ. Целесообразно было бы такие личные архивы передавать в центральные государственные хранилища.

Несколько личных фондов ЦГАОР СССР за последние годы принял при содействии ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ЦГАЛИ СССР, ЦМР, ОР ГБЛ. Среди последних поступлений при содействии ОР ГБЛ — творческие рукописи, биографические документы, переписка с ветеранами революционного движения члена КПСС с 1897 г., делегата III съезда РСДРП, участника борьбы за Советскую власть в Сибири, Героя Социалистического Труда Н. А. Алексева.

Ряд фондов поступил при помощи работников ведомственных архивов. Например, заведующий Центральным архивом ВЦСПС О. Б. Колотов помог нам в приеме документов члена КПСС с марта 1917 г., председателя Центральной ревизионной комиссии ВЦСПС Я. В. Кувшинова. Несколько личных архивов, в том числе члена КПСС с 1904 г., одного из руководителей РОКК, Л. Х. Попова, поступило при непосредственном содействии заведующей архивом Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Э. С. Козловской. Их работа была отмечена состоявшимся в 1983 г. совещании работников ведомственных архивов по вопросу собирания ЦГАОР СССР документов личного происхождения. Участники совещания познакомились с опытом архива по собиранию документальных реликвий, получили список лиц, архивы которых ЦГАОР СССР заинтересован принять на хранение. Вопросы координации деятельности по собиранию документов участников революции, недробности их состава, как свидетельствует практика работы архивохранилища личных фондов ЦГАОР СССР, по-прежнему остаются актуальными.

ЦГАОР СССР уделяет большое внимание моральному поощрению владельцев документов за их передачу документов на государственное хранение. Постоянно проводит в архиве, в творческих домах Москвы

выставки новых поступлений реликвий Великого Октября, тематические вечера, посвященные памятным датам жизни фондообразователей. Вечера, посвященные первому председателю Малого Совнаркома РСФСР М. Ю. Козловскому⁶, а также Л. Х. Попову, А. В. Артюхиной и другим активным участникам Октябрьской революции и социалистического строительства, проведены архивом с участием родственников этих деятелей в Московском Доме ученых АН СССР, клубе комбината «Красная Роза». Вместе с ветеранами партии сотрудники архива участвовали в проведении торжественных заседаний, посвященных 100-летию со дня рождения активного участника революционного движения рабочих-текстильщиков, профсоюзного деятеля И. И. Кутузова, 80-летию со дня рождения члена КПСС с 1912 г. В. И. Полонского, биографические документы которых и рукописи воспоминаний о них поступили в ЦГАОР СССР. Для участников заседаний, проходивших в методическом кабинете ИМЛ при ЦК КПСС сотрудники архива подготовили выставки документов из личных фондов революционеров. Студенты МГИАИ написали дипломные работы по личным фондам А. А. Бабицына, В. П. Антонова-Саратовского, А. И. Балагурова, Н. П. Богданова, Б. И. Иванова, И. И. Лепсе, К. Т. Новгородцевой-Свердловой, Б. И. Магидова, Л. Х. Попова, В. В. Шмидта, других ветеранов.

Статьи, информации о поступлениях документов личного происхождения сотрудники ЦГАОР СССР публикуют в журналах «Вопросы истории», «Советские архивы», центральных и местных газетах. Владельцы личных архивов, как показала практика, на информации, выступлении по радио с просьбой передать документы на государственное хранение откликаются редко. Например, на корреспонденцию «Реликвии пламенных лет»⁷ получили отклик от трех лиц. Пять документов подсоединили к Коллекции документов участников Октябрьской революции и социалистического строительства, несколько направили в областные государственные архивы, остальные возвратили владельцам. Более эффективны личные контакты с участниками революции, их родственниками, выступления сотрудников архива на собраниях ветеранов партии, конференциях исследователей документов ЦГАОР СССР, встречах с научной общественностью⁸. Одна из таких встреч с родственниками участников социалистической революции руководства и сотрудников архива, общественных организаций состоялась в декабре 1984 г. На ней присутствовали родственники Я. М. Свердлова, В. А. Антонова-Овсенко, Н. А. Алексеева, А. В. Галкина, С. М. Диманштейна, Б. Г. Козелева, В. И. Полонского, других видных революционеров, советских государственных и общественных деятелей. Свыше 200 документов передал в день встречи журналист А. Л. Попов. Они дополнили фонд его отца Л. Х. Попова. Новые документы передали вскоре А. Н. Алексеев, К. Б. Козелева, В. В. Полонский, З. А. Трояновская, М. С. Шалашников, другие участники встречи.

Имеются случаи передачи семейных реликвий не по профилю. Так, архив И. С. Кувшинова, участника социалистической революции, гражданской войны, доктора экономических наук, комиссара отряда народного ополчения Москворецкого района Москвы в годы Великой Отечественной войны, несмотря на рекомендации ЦГАОР СССР передать его в ЦГАНХ СССР и согласие руководства этого архива, передан в ЦМР. В этом личном архиве имеются уникальные документы, в том числе фронтовой дневник 1941–1942 гг. Но значительную часть архива составляют творческие рукописи по экономике сельского хозяйства, документы

⁶ Фонда М. Ю. Козловского в ЦГАОР СССР нет. Документы по увековечению памяти революционера (газетные вырезки статей о нем, фотография Мечислава Юльевича, снимки открытия памятника ему в г. Вильяусе, библиография литературы) хранятся в фонде его сына, журналиста Ю. М. Козловского (Ф. Р-9582).

⁷ Зелов Н., Плешаков С. Реликвии пламенных лет // Правда. 1977. 20 окт.

⁸ Зелов Н. С. Ветераны Октябрьской революции – ЦГАОРу СССР // СА. 1988. № 2.

научно-педагогической деятельности в ВАСХНИЛ, т. е. материалы, не представляющие большого и практического интереса для ЦМР.

Владельцам документов за передачу безвозмездно ЦГАОР СССР семейных реликвий, кроме соответствующей расписки, направляется благодарственное письмо. Уведомляет архив владельцев и о предстоящей научно-технической обработке личных фондов, обращается с просьбой по возможности пополнить фонд. Такая простая и в то же время важная форма работы, как показала практика, помогает дополнительно принять на хранение ценные источники.

Живых участников Октябрьской революции с каждым днем становится все меньше. И перед работниками ЦГАОР СССР стоит почетная задача собрать и сохранить для потомков документальные реликвии героев Октября. «...Жизнь каждого из них,— писал в 1921 г. руководитель Истнарта М. С. Ольминский,— частичка истории партии, камень в построение великого коммунистического будущего. Нельзя жить без прошлого, без знания своей истории, и нельзя знать истории, не зная ее деятелей»⁹.

*Список фондов участников
Октябрьской революции и борьбы за Советскую власть
в Архивохранилище личных фондов ЦГАОР СССР¹*

- Авдеев Петр Николаевич (1895—?). Ф. Р-7910. 36 д. 1918—1975.
Адоратский Владимир Викторович (1878—1945). Ф. Р-332. 22 д. 1917—1928; ГМ ТатАССР. 537 ед. хр. 1907—1960.
Алексеев Николай Александрович (1873—1972). Ф. Р-8305. 758 док. Поступл. 1986 г.
Андреев Андрей Андреевич (1875—1918). Ф. Р-7908. 36 д. 1886—1970.
Антонов-Овсенко Владимир Александрович (1884—1939). Ф. Р-8415. 184 д. 1917—1980.
Антонов-Саратовский Владимир Павлович (1884—1965). Ф. Р-7474. 189 д. 1906—1964; ЦМР. Ф. 40. 454 ед. хр. 1900—1966.
Аплетин Михаил Яковлевич (1885—1981). Ф. 9508. 77 д. 1917—1980.
Артюхин Михаил Иванович (1892—1962); Кузнецов Дмитрий Алексеевич (1887—1975). Ф. Р-9597. Оп. 1. 14 д. 1904—1962; Оп. 2. 33 д. 1918—1975; Бедняков Константин Николаевич (1883—1942). Оп. 5. 15 д. 1912—1970.
Артюхина Александра Васильевна (1889—1969). Ф. Р-9601. 138 д. 1914—1979; Калининский ОКМ. № 643. 47 ед. хр. 1924—1966.
Бабицын Алексей Александрович (1891—1982). Ф. Р-9603. 104 д. 1914—1979.
Бабушкина Мария Моисеевна (1896—1972). Ф. Р-9556. 39 д. 1918—1972.
Багдатьян Сергей Яковлевич (Багдатьян Саркис Гойкович) (1887—1949). Ф. Р-8005. 88 д. 1905—1949.
Балагуров Алексей Иванович (1888—1977). Ф. Р-9551. 261 д. 1906—1976.
Бирюков Сергей Михайлович (1892—1981). Ф. Р-9525. 50 д. 1920—1977.
Бобков Михаил Александрович (1891—1973). Ф. Р-7902. 86 д. 1904—1973.
Богданов Николай Петрович (1896—1981). Ф. Р-7865. 153 д. 1950—1974.
Борисов Сергей Васильевич (1887—1968); Глевицкая Евдокия Яковлевна (1884—1969). Ф. Р-8320. 79 док. Поступл. 1985 г.
Вейнберг Гавриил Давидович (1891—1946). Ф. Р-4038. 77 д. 1915—1942.
Владимирова Вера Федоровна (наст. фамилия Софьянникова Е. Ф., урожд. Хрущева) (1888—1933). Ф. Р-5279. 17 д. 1888—1933.
Володин Георгий Яковлевич (1898—1978). Ф. Р-9607. 176 д. 1901—1977.
Галкин Александр Владимирович (1876—1936). Ф. Р-9161. 14 д. 1910—1981.
Гастев Алексей Капитонович (1882—1938). Ф. Р-7927. 2 д. 1966—1973.
Герасимов Алексей Григорьевич (1883—1962). Ф. Р-3665. 37 д. 1919—1962.
Глевицкая Евдокия Яковлевна — см. Борисов С. В.
Голонко Василий Петрович (1880—1982). Ф. Р-9147. 446 д. 1900—1982; ГА Хабаровского края. Ф. Р-1504. 40 д. 1900—1963.
Гундоров Александр Семенович (1895—1973). Ф. Р-9564. 814 д. 1941—1974.
Джаншгетин Семен Маркович (1886—1938). Ф. Р-9443. 40 д. 1918—1982.
Дорофеев Яков Васильевич (1886—1979). Ф. Р-8659. 43 д. 1911—1982.
Ефремов Михаил Петрович (1896—1975). Ф. Р-8638. 1642 док. Поступл. 1986—1986 гг.
Иванов Борис Иванович (1887—1965). Ф. Р-5449. 438 д. 1911—1965; ГА Новгородской обл. Ф. 4228. 11 д. 1910—1965.
Иванова-Терентьева Валентина Ивановна (1896—1973) — см. Терентьев Ф. В.
Ионов Николай Иванович (1895—1965). Ф. Р-3987. 92 д. 1903—1980.

⁹ Печать и революция. 1921. Кн. 2. С. 246.

¹ Включены сведения на 1 января 1987 г. Некоторые фонды объединяют документы двух лиц. В необработанных фондах указано число документов, в остальных — число дел и крайние даты документов.

- Козелев Борис Григорьевич (1891–1936). Ф. Р-7918. 41 д. 1918–1968. Нарымский М. М. 6 ед. хр. 1913–1964.
- Клешицкий Абрам Моисеевич (1890–?) Ф. Р-4263. 31 д. 1918–1936.
- Кувшинов Иван Степанович (1894–1967). Ф. Р-9354. 36 д. 1917–1979.
- Кувшинов Яков Степанович (1894–1967). Ф. Р-8653. 38 д. 1920–1967.
- Кузнецов Дмитрий Алексеевич – см. Артюгин М. И.
- Кутузов Иван Иванович (1885–1943). Ф. Р-9599. 19 д. 1906–1979.
- Лепсе Иван Иванович (1889–1929). Ф. Р-7922. 88 д. 1899–1969.
- Магидов Борис Иосифович (1884–1972). Ф. Р-7953. 113 д. 1913–1970.
- Маклаков Петр Николаевич (1892–1977). Ф. Р-7926. 29 д. 1917–1977.
- Марковский Франц Петрович (1896–1966). Ф. Р-9516. 15 д. 1918–1966; ЦГАЛИ СССР. Ф. Р-2697. 21 д. 1915–1966.
- Медведков Александр Ефремович (1892–1973). Ф. Р-7900. 131 д. 1910–1973.
- Милонов Юрий Константинович (1895–1980). Ф. Р-9473. 160 д. 1914–1980.
- Мостовенко Павел Николаевич (1881–1938). Ф. Р-3992. 92 д. 1917–1920.
- Налетов Николай Иванович (1888–1981). Ф. Р-9561. 46 д. 1908–1976.
- Непрядкин Михаил Георгиевич (1887–1980). Ф. Р-9426. 34 д. 1905–1978.
- Новгородцева-Свердлова Клавдия Тимофеевна (1876–1960). Ф. Р-9596. 154 д. 1885–1977. ГММ. Я. М. Свердлова. 81 ед. хр. 1894–1959.
- Носков Андрей Григорьевич (1893–1979). Ф. Р-9608. 185 д. 1907–1979.
- Озол Фриц Иванович (1876–1939). Ф. Р-7911. 22 д. 1906–1967.
- Павлович (Вельтман) Михаил Павлович (1871–1927). Ф. Р-5402. 604 д. 1903–1928.
- Платонова Анна Федоровна (1896–1980). Ф. Р-3986. 49 д. 1896–1973.
- Покровский Михаил Николаевич (1868–1932). Ф. Р-333. 24 д. 1887–1931; ОР ГБЛ. Ф. 218, в составе собрания единичных поступлений. N 1282. 13 ед. хр. 1902–1930; ЦМР. Ф. 48. 1640 ед. хр. 1896–1932; ААН. Ф. 1759. 1039 д. 1844–1980.
- Полонский Владимир Иванович (1893–1937). Ф. Р-7909. 29 д. 1916–1978.
- Попов Леон Христофорович (1881–1919). Ф. Р-9572. 248 д. 1881–1984; фил. ГА Тюменской обл. в г. Ишиме. Ф. 908. 14 д. 1916–1919.
- Рейман Анна Вильгельмовна (1895–1978). Ф. Р-7920. 54 д. 1907–1977.
- Решетков Илья Васильевич (1892–1967). Ф. Р-7898. 76 д. 1917–1967.
- Рошаль Михаил Григорьевич (1897–1985). Ф. Р-7633. 820 док. Поступл. 1986–87 гг.
- Рудаков Никифор Михайлович (1896–1976). Ф. Р-3913. 13 д. 1917–1969.
- Сахаров Василий Васильевич (1888–1932), Сахарова Прасковья Федоровна (1890–1965). Ф. Р-7915. 21 д. 1913–1966.
- Свидерский Алексей Иванович (1878–1933). Ф. Р-4359. 278 д. 1918–1929.
- Сидоров Алексей Яковлевич (1887–1969). Ф. Р-4039. 33 д. 1917–1967.
- Смидович Петр Гермогенович (1874–1935). Ф. Р-5408. 56 д. 1922–1933; Тульский ОКМ. № 246. 1 ед. хр. 1924.
- Соловьев Александр Григорьевич (1893–1982). Ф. Р-9602. 299 д. 1907–1977.
- Стриевский Константин Константинович (1885–1939)², Стриевская София Иосифовна (1893–1982). Ф. Р-9579. 122 д. 1909–1977.
- Терентьев Федор Варфоломеевич (1894–1948), Иванова-Терентьева Валентина Ивановна (1896–1973). Ф. Р-7912. Оп. 1. 18 д. 1909–1970; Оп. 2. 37 д. 1919–1971.
- Чугунов Федор Иванович (1892–1969). Ф. Р-8008. 68 д. 1919–1968.
- Шварц (Семен) Исаак Израилевич (1879–1952). Ф. Р-3984. 13 д. 1902–1938, 1960.
- Шейнкман Яков Семенович (1890–1918); Шейнкман София Альфредовна (1890–1981). Ф. Р-9600. 28 д. 1917–1977.
- Шмидт Василий Владимирович (1886–1940). Ф. Р-9589. 48 д. 1917–1928.
- Штеренберг Ефим Петрович (1887–1967). Ф. Р-8032. 233 док. Поступл. 1986.

Дополнение

- Базурин Григорий Федорович (1896). Колл. Р-9577. 26 д.
- Воронова Пелагея Яковлевна (1892). Ф. Р-8808. 211 док.
- Графов Арсений Ильич (1895–1969). Ф. Р-7930. 58 д.
- Липинская Ксения Антоновна (1900). Ф. Р-9597. 194 док.
- Мирошниченко Роман Андреевич (1895–1981). Ф. Р-9597. 183 док.
- Мошинский Иван Маркович (1883–1962). Колл. Р-9577. 17 док.
- Погорельский Моисей Семенович (1892–1973). Ф. Р-3971. 131 д.
- Данилов Степан Степанович (1877–1938). Ф. Р-7453. 481 док.
- Скиданов Константин Алексеевич (1887–1983). Колл. Р-9577. 7 док.³

² Дата установлена по документам личного фонда Стриевских.

³ Биографические справки фондообразователей см.: БСЭ (3-е изд.), СИЭ, в энциклопедиях «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1968; М., 1987. 2-е изд.), «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (М., 1983), «Москва» (М., 1980), сборниках «Герои Октября» (М., 1967), «Соратники» (М., 1985) и др.

Краткие сведения о личных фондах, поступивших в ЦГАОР СССР в 20–60-е годы, имеются в справочниках: «Личные архивные фонды в хранилищах СССР» (М., 1963–1980. Т. 1–3), «Краткий справочник о фондах ЦГАОР СССР» (М., 1979. Ротопр.), «Краткий путеводитель по фондам ЦГАОР СССР» (М., 1948). Сокращения, применяемые в списке фондов и в статье: ГМ – Государственный музей, ГММ – Государственный мемориальный музей, ОКМ – Областной краеведческий музей.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ М. К. ЛЮБАВСКОГО

Изучение послеоктябрьского этапа творчества видного русского историка М. К. Любавского дает основание утверждать, что в центре его научных интересов в 20-е годы были проблемы исторической географии России. В это время появились новые историко-географические работы ученого, большая часть которых до сих пор не опубликована. При создании монографических трудов историк опирался на материалы предшествующих работ (курс 1909 г.¹ и доклады 20-х годов по истории колонизации отдельных районов страны: Северо-Восточной Руси в XIII—XIV вв.², великорусского центра XIV—XV вв.³, Украины, великого княжества Владимирского⁴, Великого княжества Литовского⁵ и др.). Последние он включал в текст монографий, порой даже без существенных изменений. Стержнем, пронизывающим все историко-географические «этюды» ученого с 1917 г. и до начала 30-х годов, была история колонизации России. Новые наблюдения и выводы, появлявшиеся в указанных трудах, включались в курс лекций по исторической географии, который читался слушателям архивных курсов при Центрархиве⁶ и студентам МГУ⁷ вплоть до 1930 г.

В 1918 г. в письме к Любавскому известный книгоиздатель М. В. Сабашников предложил ему подготовить к печати книгу по истории колонизации русского народа⁸. К 1922 г. был создан первый вариант книги, подготовленный к печати под названием «Историческая география России в связи с историей расселения русского племени». Она значится в списке книг, подготовленных издательством Сабашниковых к опубликованию⁹. В архиве редакции издательства Сабашниковых сохранилось восемь первых глав сверстанного текста этого исследования¹⁰. Дошла до нас и часть подготовительных материалов (выписки, оглавления, проспекты), которые позволяют судить о планах намечавшейся работы и о характере их изменений¹¹.

Неудача с публикацией задуманной книги и новые задачи, вставшие перед Любавским в связи с началом работы в Институте истории РАНИОН, привели к определенной корректировке первоначальных планов создания обобщающего очерка истории русской колонизации. С конца 1923 г. по заданию Института истории он готовил историко-географический труд по истории формирования территории и заселения великорусского центра (бассейны Верхней Волги, Оки и верховьев Днепра, озер: Ильмея, Чудского, Ладожского, Онежского и других до Белого моря включительно). По замыслу автора труд должен был состоять из двух частей. В первой предполагалось рассмотреть вопросы образования территории Российского государства к 30-м годам XVI в. В центре внимания второй части стояли вопросы формирования территории Новгород-

¹ Карев Д. В. Вопросы колонизации в курсе лекций М. К. Любавского по исторической географии России // Проблемы общественно-политического развития и классовой борьбы в России XVII—XVIII вв. М., 1983. С. 141—162.

² ОР ГБЛ. Ф. 364. К. 4. Д. 9, 10.

³ Там же. С. 4.

⁴ Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского государственного университета за 1925—1926 гг. М., 1927. С. 343; ОР ГБЛ. Ф. 203. К. 48. Л. 226—229, 281—282.

⁵ Труды Института истории. М., 1926, 1928, 1929. Т. 1, 3, 7.

⁶ Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. М., 1924. Вып. 2. С. 6; ОР ГБЛ. Ф. 364. К. 11. Д. 9. Л. 1—6.

⁷ Архив МГУ. Ф. 16. Д. 114; Д. 121. Л. 2; Ф. 18. Оп. 1. Д. 97. Л. 1 об.

⁸ ОР ГБЛ. Ф. 261. К. 1. Д. 29. Л. 2.

⁹ Там же. Д. 22. Л. об.

¹⁰ Там же. К. 16. Д. 8. С. 1—96.

¹¹ Там же. Ф. 364. К. 2. Ф. 1, 2а—6а, 7а, 8—10.

ской и Псковской земель. К 1927 г. была подготовлена первая часть работы, а к 1928-му — вторая¹². Опубликовать удалось только первую¹³.

Вторая, неопубликованная часть работы («Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение с центром территории Новгорода и Пскова. Историко-географический этюд»)¹⁴ была попыткой исследования формирования территорий Новгородской и Псковской республик в связи с их заселением. До появления труда Любавского в исторической литературе имелась лишь одна капитальная работа А. И. Никитского по экономической истории Новгородской земли, в которой уделялось некоторое внимание и историко-географическим аспектам темы¹⁵.

Главными источниками для исследования были летописи и писцовые книги Новгородской и Псковской земель. Особенно высоко оценивал Любавский писцовые книги, так как они давали возможность приподнять завесу над тем, как происходило заселение Новгородской и Псковской земель славянскими колонистами, к чему в конце концов оно привело, какая судьба постигла прежних «населенников». Широко привлекался актовый материал из почти всех крупных серийных дореволюционных публикаций. Литература использовалась в меньших масштабах. Кроме монографии Никитского чаще всего в подстрочнике работы встречаются ссылки на исследование по истории церкви в России: Амвросия, Досифея, В. В. Зверинского, специальные историко-географические исследования П. И. Кеппена, К. А. Неволлина, Е. К. Огородникова, А. А. Спицина, А. С. Уварова, Н. П. Тихомирова. Использовались и работы общеоисторического характера: А. В. Экземплярского, А. М. Гневушева, А. А. Шахматова, М. М. Богословского, А. А. Савича. Сравнение актовых источников с повествовательными и данными литературы позволило историку в широких масштабах применять один из своих излюбленных приемов — историческую ретроспективу. В этих целях привлекался даже такой несколько неожиданный здесь источник, как перепись 1920 г. (по Карелии). Сведения письменных источников часто дополнялись и проверялись данными топонимики.

Автор считал вторую часть своей работы естественным и необходимым продолжением первого очерка, поскольку в освоении территории Новгородской и Псковской земель принимали участие главным образом те же восточнославянские племена кривичей и словен, которые составили основу великорусской народности. Любавский поставил перед собой и другую важную задачу: пересмотреть все данные источников об отношениях Новгорода и Пскова к Москве с целью выяснения тех причин, которые привели к «поглощению» этих республик могучим соседом. Этот вопрос поднимался в работах его предшественников, но трактовался в слишком общей форме, без достаточного учета всех слагаемых этого процесса.

Работа состоит из пяти глав (текст I—III глав машинописный с авторской правкой, текст IV—V — рукопись). Истории колонизации Новгородской земли до XIII в. посвящена первая глава исследования («Борьба новгородских славян с финскими племенами и занятие их земель»). Историк показывает, что начальное ядро Новгородской земли создали словене; местными старожилками здесь была чуждь. В процессе «освоения» земли имела место борьба словен с туземными финскими и пришлыми германскими племенами. Причем в этом процессе, судя по данным топонимики и археологии известную роль сыграли скандинавы.

¹² Архив МГУ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 96. Л. 47; Учен. зап. Ин-та истории. М., 1928. Т. 7. С. 162.

¹³ Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929. Ч. 1.

¹⁴ ОР ГБЛ. Ф. 364. К. 4. Д. 1. Л. 1—153.

¹⁵ Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1883. С. 2, 3, 13.

По мнению Любавского, легенда о призвании князей, как ни относиться к ее деталям, отразила в себе историческую действительность — утверждение в Новгороде варяжских князей. «Весьма вероятно, — писал он, — что этот факт был результатом давнего общения словен со скандинавами, давнего их международного сотрудничества, в том числе и продвижения их на северо-восток и восток».

Что же заставляло словенские племена вести борьбу с туземцами и пробираться в лесные и болотистые дебри Севера? Историк главным двигателем славянской колонизации считает особенности «экономического быта» новгородских словен (соединение экстенсивного земледелия и скотоводства с охотой, рыбной ловлей и бортничеством).

Вторая, центральная и самая большая глава работы («Ход новгородской колонизации и ее результаты к концу XV века») решает задачу реконструкции истории ранней колонизации по более поздним фактам (конца XV—XVI вв.) и данным топонимики. Были поставлены и в значительной мере решены три основных вопроса истории колонизации Новгородской земли в XIII—XV вв.: 1) о форме и типе поселений; 2) об участии различных социальных слоев и групп населения в ее освоении; 3) о роли Заволочья в Новгородской земле.

Детально исследуя процесс складывания административно-территориальной системы Новгорода, историк объясняет причины «скопления» сел и «пустот» в различных областях этой земли. Особого внимания заслуживает обращение Любавского к социальному контексту колонизации Новгородчины. Под влиянием работ А. И. Никитского и А. М. Гневушева автор показывает, что огромную роль в процессе освоения территории Новгородчины играла деятельность «ленших», «вятших» людей, «капиталистов разных званий и сословий». Эти подлинные хозяева Новгородской земли не «только закабалили в рабство измученных голодом людей, но несомненно, скупали земли и уголья разорившихся земледельцев и промышленников, захватывали покинутые земли и уголья и вновь заселяли их земледельцами и промышленниками, но уже на правах арендаторов, давая ссуду (серебро) на хозяйственное обзаведение». К моменту падения Новгорода большая часть его земель была уже в их руках и эксплуатировалась даже «без предварительного формального пожалования господина Государя Великого Новгорода».

Определяя (по типу поселения) социальный облик колонистов (частные лица — «капиталисты», крестьяне, государство, церковь, князь) и устанавливая зависимость типа поселения от географического фактора (например, села чаще всего встречались в местностях с наиболее плодородными почвами), историк связывает с этими моментами и распространение «боярщины» именно в определенных районах внутри Новгородской земли (в Заволочье). Бежецкий край стал центром боярского землевладения, поскольку всегда высокие цены на хлеб в Новгороде обуславливали такую экономическую конъюнктуру, что даже при неблагоприятных условиях «земледелие при всем риске в общем было выгодным промыслом, и в этот промысел все новгородские состоятельные люди охотно вкладывали свой капитал».

Уже в XIV—XV вв. земли Заволочья благодаря развитому земледелию и богатым промыслам (солеварение, салотопенный промысел) становятся, по мнению историка, тем «базисом государственного благосостояния, каким они выступают позднее, в XVI и XVII вв.». Роль этих районов в экономической жизни Новгорода была настолько велика, что вопрос о них в споре Новгорода и Москвы стал «жизненным вопросом, решившим судьбу новгородской государственности». Интересные наблюдения Любавского о роли Заволочья в московско-новгородских отношениях XIV—XV вв. были новым и ценным вкладом в современную ему историческую литературу. В предшествующей историографии факты этой борьбы рассматривались как второстепенные эпизоды новгородской истории, вскользь и поверхностно. Не были установлены ни главные стадии этой борьбы, ни ее территориальные результаты.

В свете борьбы за экономические интересы рассматривается ученым вся история взаимоотношений Новгорода и Москвы в XIII—XV вв., политика Московского княжества («мирная» и «военная») по отношению к своему северо-западному соседу, взаимоотношения Новгорода с Великим княжеством Литовским в XV в. (глава третья — «Соединение новгородской государственной территории с московской»). Справедливо указываются две причины внутренней слабости Новгородской республики: 1) различная экономическая ориентация в стане новгородского боярства и купечества («московская» и «литовская» партии) и 2) вражда в республике между «меньшими людьми» и боярами.

Рассматривая в IV и V главах работы историю складывания и колонизации Псковской земли, ее взаимоотношения с Московским княжеством, историк приходит к выводам о преобладании там славянского населения в гораздо более ранние времена, чем на территории Новгорода; о сравнительно безболезненном характере присоединения Пскова к Московскому государству. Причины этих явлений Любавский видел в особенностях географического положения (пограничная территория) и внешнеполитической обстановки, в которых городу приходилось бороться за свою независимость. Враждебные отношения с западными соседями (немцами и Великим княжеством Литовским) и ненадежный союз с Новгородом ориентировали Псков на Москву. Поэтому, по его мнению, «псковское взятие было естественным завершением отношений между Псковом и Москвой... Царь, взяв на себя дело защиты Пскова, естественно, хотел получать от него настоящие финансовые и военные средства». Давая это верное но далеко не полное объяснение причин присоединения Пскова, ученый в «псковских» своих главах, написанных гораздо менее оригинально, чем «новгородские», не видел социальных противоречий внутри псковского посада.

Историко-географический аспект рассмотрения вопроса, богатство и точность конкретно-исторических наблюдений делают работу Любавского значительным явлением отечественной историографии 20-х годов. Большой интерес представляют для современного исследователя многочисленные списки городов, монастырей, данные о границах земель, «словесные» карты территорий, мастерски установленные на основе тщательной обработки огромного источникового комплекса. Аналогичные работы по данному вопросу советских историков появляются с 50-х годов¹⁶.

Последним, заключительным трудом историко-географического цикла Любавского явился «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века»¹⁷. Завершенная к концу 1928 г. (в описи — 1933 г.), эта капитальная монография историка (750 л. машинописного текста) содержит важнейшие и интереснейшие наблюдения по истории заселения и освоения русским, украинским и белорусским народами огромных пространств нашей родины. Ядром «Обзора» стало содержание литографированного в 1909 г. курса лекций по исторической географии России, претерпевшее значительные изменения и дополненное новыми богатыми данными. Объем «Обзора» в два раза больше курса лекций. Но основная схема, идеи, положенные в основу работы 1909 г., остались без изменения («русская история есть, в сущности, история непрерывно колонизирующейся страны»). Историк убежден в том, что колонизация русского народа, которая продолжалась вплоть до конца XIX в., оказывала «самое решительное влияние на народнохозяйственную жизнь, политическое устройство и культурное развитие страны». Правда, одного существенного сдвига в исходных позициях ученого нельзя не заметить. Если курс 1909 г. освещал колонизационное движение только великорус-

¹⁶ *Бернадский В. Н.* Новгород и новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1964; *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л., 1955; *Кафенгауз Б. Б.* Древний Псков: Очерки по истории феодальной республики. М., 1960; и др.

¹⁷ ОР ГБЛ. Ф. 364. К. 3. Д. 3; К. 4. Д. 2.

ской народности, то «Обзор» включает проблемы расселения украинской и белорусской народностей. Этот новый аспект рассмотрения старой проблемы потребовал написания новых глав и существенного дополнения фактическим материалом. Вариант книги, подготовленный к печати в 1922 г., явился своего рода первым подходом к теме. Ее разработка в начале 20-х годов велась преимущественно в виде тщательного и фундаментального исследования отдельных вопросов (в частности — «этюдов» об образовании основной государственной территории великорусской народности). Второй вариант (окончательный) работы, задуманный еще в 1918 г., включил в себя содержание лекционных курсов 1909 и 1922 г., «этюдов», посвященных образованию основной государственной территории великорусской народности, и докладов 20-х годов.

Какие же соображения заставили автора «Обзора» предпринять новую попытку общего, но более детального по сравнению с курсом 1909 г. изложения истории русской колонизации? Прежде всего — отсутствие в русской исторической литературе работы, в которой сводились бы все равно все частные исследования по рассматриваемой проблеме. Первый опыт в этом направлении, предпринятый в конце XIX в. П. Н. Милюковым¹⁸, давал лишь схему хода русской колонизации, но не живую ее картину. В частности, он не разъяснял такой важный, по мнению Любавского, вопрос: «Какие причины заставили русский народ, обладавший просторной сравнительно со своей численностью территорией, занимать все новые и новые места, расширяя эту территорию, раскидываясь на ней редкими и большей частью малолюдными поселками?» Для выяснения этого вопроса, для того чтобы русский колонизационный процесс предстал живым, рельефным явлением, а не схемой, и необходимы были конкретно-исторические детали: о природных свойствах и ресурсах «как заселенных, так и населявшихся русским народом земель, о хозяйственном быте колонизаторов, о прежнем населении колонизируемых земель, его быте и отношениях с соседями». Уже в этом определении круга задач работы чувствуется гораздо более значительный крен интересов ученого в сторону исторической географии народного хозяйства. По-видимому, в конце 20-х годов ученый начинает осознавать и определенную ограниченность своего прежнего подхода к проблеме колонизации, слабо у него увязанной с социальными отношениями в государстве. Отсюда осторожная оговорка о том, что его работа будет «обзором» главным образом «внешней колонизации».

Появление этих новых акцентов и то, что значительная часть созданной работы была уже апробирована в печати, повлияли на ее архитектуру. Разные периоды истории русской колонизации освещены в «Обзоре» неравномерно. Отчасти на этом сказалось состояние источниковой основы исследования. С наибольшей полнотой автор останавливался на тех моментах, которые лучше всего были изучены в исторической литературе или были наиболее характерными и типичными для русского колонизационного процесса.

Окончательный вариант этого фундаментального труда историка состоит из 22 глав и резюме. Использование самого разнообразного и широкого круга исследований по истории колонизации отдельных земель, антропологии, этнографии, археологии, географии и геологии России, привлечение огромного массива источников из серийных русских публикаций XVIII — начала XX в., мастерская интерпретация данных топонимики — все это позволило историку охватить в работе огромные территории нашей страны (европейский Центр, Белоруссию, Украину, Прибалтику, Северный Кавказ, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Среднюю Азию).

Особый интерес представляют новые главы работы М. К. Любавского, не встречавшиеся ни в курсах 1909 и 1922 гг., ни в первой и второй части его «Образования и заселения основной государственной террито-

¹⁸ Милюков П. Н. Очерки истории русской культуры. 4-е изд. СПб., 1905.

рии» (Главы I, IX, XIV, XVIII, XX–XXII — около 220 машинописных страниц исследования).

В I главе («Древнейшие обитатели Восточной Европы»), посвященной истории Северного Причерноморья, начиная с эпохи скифов до времени господства готов в южнорусских степях, сообщаются известия о населении лесных пространств Восточной Европы — славянах, литовцах и финнах, местах их расселения. Дается критика теорий И. Е. Забелина и Д. Я. Самоковсого о скифах-праславянах. Из рассмотренного материала делается вывод о том, что «до конца IV века славян не было в южных степных областях Восточной Европы», а ко времени Геродота Скифия была уже чисто географическим термином, ее территория была населена, в сущности, разными народами.

Глава IX («Объединение Литвы, Белой Руси и Малой (Украины) в Великом княжестве Литовском, пределы размещения в нем населения к половине XVI века») выросла из докладов, которые М. К. Любавский делал в 20-е годы в ОИДР и в Институте истории РАН ИОН. Рассматривался ряд основных вопросов истории Западной Руси: географическое и политическое разобщение восточного славянства в XIII в., литовские племена и область их расселения в XIII в., объединение Верхней и Нижней Литвы с Черной Русью в Великое княжество Литовское, территориальные приобретения великого княжества в XIII–XVI вв., состав и границы расселения населения княжества к XVI в. и др.

XIV глава («Борьба Московского государства с крымскими татарами и заселение польской степной окраины Московского государства») освещает вопросы возникновения станичной и береговой службы на окраинах Русского государства, строительства засечных черт в XVI–XVII вв., образования и состава населения Слободской Украины. Рассматривая процесс колонизации Слободской Украины, ученый обращает внимание на соотношение форм колонизации (казацкая, государственная, вольнонародная) и справедливо утверждает, что в зависимости от обстоятельств в различные периоды времени господствовали разные формы.

Главы XVI–XVII («Заселение Приднепровской Украины во II половине XVI и в XVIII веке», «Русская колонизация Новороссии и Крыма») рассматривают проблемы колонизации и размещения населения по Правобережной Украине XVI в., панского землевладения на Украине в XVI–XVIII вв., истории украинского казачества, его борьбы с Речью Посполитой в XVII в. Пристальное внимание историка обращено здесь к истории Войска Запорожского (XV–XVIII вв.), образованию и заселению Новороссийской губернии после русско-турецких войн XVIII в. Ученый показывает раздачу казацких земель в конце XVIII — начале XIX в. дворянам и переселенцам, обращает внимание на историю градостроительства в крае (в частности, на появление Николаева, Одессы), говорит о роли иностранных колонистов в освоении богатств Новороссии. Как почти во всех предыдущих главах, Любавский сообщает ценные и очень деталированные сведения о количестве и форме поселений.

В очень интересно и живо написанной XVIII главе («Русская колонизация в Предкавказье») большое внимание уделяется истории Терского и Кубанского казачьих войск (первая половина XVI — вторая половина XVIII в.). Ярко обрисован их быт, отношения с местным населением. Рассматриваются вопросы комплектования, состава, службы казачьих войск, а также политика правительства по отношению к Северному Кавказу на протяжении XVI–XIX вв. В итоге, по оценке историка, казачья и крестьянская колонизация Северного Кавказа совместно с правительственными мероприятиями привела к тому, что к середине XIX в. и в Предкавказье в конце концов протянулась такая же самая «засечная» черта, как на степной окраине России и в Поволжье в XVI в., в Приуралье и Западной Сибири в XVII–XVIII вв. В результате того, что правительство вело постоянные войны с горцами, казачьи войска находились в особом привилегированном положении. Власти смотрели на казачьи войска «как на стратегический пункт по борьбе с горцами». Под-

робно освещаются проблемы социальных отношений внутри казачества, их отношений с беглыми, тип казацких поселений.

В XX главе («Занятие и заселение русскими людьми Башкирии») изложена история башкир, начиная с первых веков н. э. вплоть до конца XIX в. Дается краткая характеристика природы страны. Затрагиваются вопросы строительства укрепленных линий в Приуралье, истории Оренбургского казачьего войска. Анализируются особенности аграрных отношений в Башкирии XVIII—XIX вв.

В предпоследней, XXI, главе («Занятие киргизских степей и Туркестана и русская колонизация в этих краях») делается попытка обзора отношений между кочевыми сообществами Казахстана и государств Средней Азии с Россией в XVIII—XIX вв., изучаются формы и пути расселения русского населения в этих районах. Ученый дал периодизацию этапов колонизации, особенно останавливаясь на переселенческой политике правительства в конце XIX в. Любавский считает, что «распространение русского владычества» в этих районах, в первую очередь, «вызывалось потребностями обороны западносибирского населения от беспокойства соседей с юга». В последней главе работы («Русская колонизация в Прибалтийском крае в XVIII и XIX веках») историк, рассматривая правительственную политику по отношению к прибалтийским губерниям в XVIII—XIX вв., приходит к выводу, что к концу XIX в. «русский элемент в этом крае составлял ничтожное меньшинство» и край как был, так и оставался «инородческим». В пространном резюме суммированы «поглавные» выводы о формах, путях, типах и особенностях русского колонизационного процесса на различных этапах истории государства.

Такая работа по широте поставленных задач и по охвату материала не имела прецедента в предшествовавшей отечественной историографии и дополняет наши представления об особенностях исторических взглядов М. К. Любавского в эти годы.

В. С. Соболев

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ РАБОТА А. И. АНДРЕЕВА 1957 г. О РАЗВИТИИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В СССР

Диапазон научных интересов крупного советского историка Александра Игнатьевича Андреева (1887—1959) был велик. Одно из основных направлений его деятельности связано с изучением специальных (вспомогательных) исторических дисциплин и источниковедения. А. И. Андреев придавал большое значение подготовке кадров архивистов, источниковедов, археографов и поэтому много внимания и сил уделял изданию пособий по вспомогательным историческим дисциплинам, по теории и практике архивного дела. В послевоенные годы он руководил кафедрой вспомогательных исторических дисциплин в Московском историко-архивном институте, которая обеспечивала подготовку специалистов в этой области, и выпустил ряд ценных исследований и пособий.

В Ленинградском отделении Архива АН СССР хранится личный фонд историка (1440 дел за 1897—1967 гг.¹). Среди неопубликованных работ привлекает внимание статья «Вспомогательные исторические дисциплины в СССР». История создания статьи следующая: в 1956 г. Академией наук СССР готовился специальный выпуск бюллетеня ЮНЕСКО «Общественные науки в СССР». Далеко не случайным, на наш взгляд, явился тот

¹ Лысенко Т. И. Фонд А. И. Андреева в Ленинградском отделении Архива АН СССР // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 292—300.

факт, что именно А. И. Андрееву Отделение исторических наук АН СССР поручило написать статью для этого бюллетеня о развитии отечественного источниковедения. Об этом говорится в письме от 31 октября 1956 г., с которым обратился к А. И. Андрееву академик-секретарь Отделения М. Н. Тихомиров². По-видимому, впоследствии, когда тема статьи была уточнена и конкретизирована, исследование оказалось посвящено развитию вспомогательных исторических дисциплин в СССР. Весьма показательно и то, что к конгрессу историков 1960 г. Андреев готовил доклад также о состоянии этих дисциплин в СССР.

В одном из дел личного фонда ученого имеется несколько вариантов данной статьи, размер ее невелик: в пределах 0,6 печ. л. Известно, что все, чем занимался Андреев и что нашло свое отражение в его работах, выполнено с большой научной основательностью и добросовестностью, знанием дела и глубиной. Об этом со всей убедительностью свидетельствует подготовительный материал к статье общим объемом 113 л.³ Он позволяет проследить весь процесс работы историка над статьей. Ученого интересовало состояние дел у зарубежных коллег — в подготовительных материалах имеются выписки из статей по этой тематике иностранных исследователей; список литературы на иностранных языках по специальным историческим дисциплинам, полученной Фундаментальной библиотекой общественных наук за 1945—1956 гг.; библиографические карточки зарубежных изданий; проспект архивоведческих изданий из Голландии и др. С особой тщательностью автор собирал материал о развитии и состоянии вспомогательных исторических дисциплин в нашей стране. Материал, по нашему мнению, ценен тем, что существенно дополняет информацию, содержащуюся в небольшой по объему статье. Здесь находим список диссертаций, защищенных по этой проблематике за послевоенное десятилетие; план преподавания этих дисциплин в МГИАИ; списки статей, опубликованных в журналах «Исторические записки» и «Советская археология»; справку о деятельности кафедры архивоведения и вспомогательных исторических дисциплин Киевского государственного университета, созданной на его историческом факультете в 1944 г., и мн. др.

Как упоминалось, в архивном фонде имеется несколько вариантов статьи — рукопись, машинопись с авторской правкой от руки, окончательный текст и, наконец, текст статьи после редактирования ее акад. М. Н. Тихомировым. Мы попытаемся дать краткий анализ текстов двух последних вариантов: окончательного авторского и текста после редактирования; необходимо отметить, что между ними есть существенные различия.

В статье Андреев дает глубокий анализ развития и состояния вспомогательных исторических дисциплин в СССР, подводит основные итоги и результаты, достигнутые в этом направлении отечественной исторической наукой за первое послевоенное десятилетие. В авторском окончательном варианте, который представляет для нас наибольший интерес, обобщается разнообразный фактический материал о развитии вспомогательных дисциплин в послевоенный период; одновременно с этим в тексте имеется ряд моментов полемики характера; подчас автор критически оценивает состояние дел. С глубоким знанием предмета даны анализ деятельности ряда кафедр МГИАИ в практическом решении этих вопросов, характеристика опубликованных статей в «Трудах МГИАИ», учебных пособий, авторами которых являлись преподаватели института, в их числе высокая оценка дается вышедшему в 1956 г. учебнику Л. В. Черепнина «Русская палеография» (Л. 36).

Далее говорится о деятельности академических учреждений, в частности Археографической комиссии, за время ее работы с 1944 по 1953 г. и после ее создания вновь в 1956 г. под председательством М. Н. Тихо-

² ЛО ААН. Ф. 934. Оп. 1. Д. 410. Л. 1.

³ Там же. Д. 411. Л. 61—174. Далее ссылки на листы данного дела в тексте.

мирова; Комиссии по истории исторической науки, результатом деятельности которой стали «Очерки истории исторической науки в СССР» (М., 1955) под ред. М. Н. Тихомирова, М. А. Алпатов, А. Л. Сидорова (Л. 37). Андреев отмечает, что в эти годы в Институте истории материальной культуры и его Ленинградском отделении успешно разрабатывались четыре вспомогательных исторических дисциплины — нумизматика, сфрагистика, эпиграфика и палеография. Любопытно замечание автора о том, что «палеография» неожиданно оказалась предметом занятий археолога А. В. Арциховского, открывшего в 1951 г. в Новгороде берестяные грамоты (Л. 38).

Изучение текста неопубликованной статьи позволяет убедиться, что Андреев всесторонне и глубоко знал всю совокупность данной проблематики. Им приводится краткая, но конкретная оценка деятельности рукописных отделов ГБЛ, ГПБ, ИРЛИ по описанию и изданию рукописных памятников, характеристика изданий, осуществленных центральными архивами: ЦГАДА, ЦГАОР, ЦГИА, ААН; из поля зрения автора не ускользают результаты работы крупнейших музеев: Эрмитажа и ГИМа (Л. 39–40).

Андреев освещает различие существовавших тогда точек зрения на содержание самого понятия «вспомогательные исторические дисциплины».

Он указывает, что в последних изданиях в число этих дисциплин нередко включаются только некоторые из них. Так, в главе XI «Очерков по истории исторической науки в СССР» (М., 1955. Т. 1; авторы главы М. Н. Тихомиров, К. В. Сивков и В. К. Яцунский), имеющей название «Источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины», говорится прежде всего о «публикации исторических источников». Однако не дано наименование той исторической дисциплины, которая занимается выработкой методов и приемов публикации источников, — археографии (Л. 25). Андреев далее выразит свое несогласие с авторами главы в том, что, говоря о развитии палеографии, метрологии, сфрагистики и других ВИД, они историческую географию рассматривают отдельно от них (Л. 25–26).

Андреевым приведен и другой подобный пример. Речь идет о статье А. Т. Николаевой «Некоторые вопросы вспомогательных исторических дисциплин в Большой Советской Энциклопедии» («Исторический архив». 1956. № 2). О ней говорится следующее: «...в статье А. Т. Николаевой упомянуты еще две вспомогательные исторические дисциплины — архивоведение и историческая география, но относит ли их сама А. Т. Николаева к вспомогательным историческим дисциплинам, сказать трудно» (Л. 26).

Полемику по этому же вопросу А. И. Андреев продолжает с редакцией тогда только что созданного журнала «История СССР» (главный редактор — М. П. Ким, заместитель главного редактора — С. О. Шмидт). Он упрекает редакцию в том, что в своей вводной статье, помещенной в первом номере журнала, говоря о задачах нового издания, она выразила неправильное понимание в определении вспомогательных исторических дисциплин, не отнеся к ним источниковедение, архивоведение и историографию (Л. 28–29). При этом отмечается, что в состав редколлегии журнала входят крупнейшие специалисты по ВИД: М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, В. К. Яцунский, которые «сумеют разъяснить редакции, что источниковедение, архивоведение и историография — тоже вспомогательные исторические дисциплины» (Там же). Историк упоминает о дискуссии, прошедшей в МГИАИ в мае 1957 г. на научном совещании по вопросам критики исторических источников (Л. 28). В частности, он выразил несогласие с позицией проф. И. К. Додонова, который указывал, что «целый ряд вспомогательных исторических дисциплин не важен для изучения источников советской эпохи», и с высказыванием проф. А. А. Абрамова о том, что «понятие критики исторических источников нельзя одинаково применять ко всем документам, в том числе к документам Советского правительства и Коммунистической партии, которые сами явля-

ются основой для критического изучения многих других источников». В этой дискуссии Андреев выразил полную солидарность с точкой зрения Е. А. Луцкого, Н. В. Устюгова, С. О. Шмидта и резонно заметил, что «все виды источниковедческой критики должны распространяться и на источники советского периода». Автор статьи критически оценил состояние преподавания вспомогательных дисциплин в системе высших учебных заведений СССР, сложившееся к середине 50-х годов; он пишет: «Единственное высшее учебное заведение, где в последние 10 лет более или менее полно было поставлено преподавание вспомогательных исторических дисциплин, был Московский историко-архивный институт» (Л. 33) — и далее дополняет эту мысль: «...кандидатские диссертации по вспомогательным историческим дисциплинам, авторефераты которых были напечатаны в 1948—1955 гг., почти все вышли из МГИАИ» (Л. 34).

В статье звучала и тревога о том, что некоторые из вспомогательных исторических дисциплин в нашей исторической науке разрабатывались явно недостаточно. Для примера приведем одно из высказываний автора: «За последние 40 лет у нас не появилось ни одной специальной работы по генеалогии, хотя генеалогическими исследованиями занимались многие советские историки, так сказать, попутно, при исследовании других вопросов» (Л. 31).

Как уже отмечалось, последний вариант статьи, после ее редактирования предназначенный для печати, имеет характерные особенности и существенные отличия. Прежде всего это было связано с необходимостью сокращения объема статьи (окончательный авторский текст составлял более 17 машинописных листов, а требовалось уложиться в объем до 0,5 печ. л.). Сокращение было произведено за счет уменьшения материала полемического и критического характера. Поэтому общий тон статьи получился весьма оптимистическим, преобладала констатация положительных фактов. Так, мысль об исключительном положении дел с преподаванием в МГИАИ подана уже иначе: «Вспомогательные исторические дисциплины преподаются и в некоторых высших учебных заведениях СССР: в Московском государственном историко-архивном институте и некоторых университетах» (Л. 45). По-другому говорится и о генеалогических исследованиях в СССР: «Они производились многими советскими историками (С. Б. Веселовским, Л. В. Черепниним, А. А. Зиминым и др.) при издании источников истории феодального периода СССР и изучения отдельных вопросов истории феодального общества в СССР» (Л. 49). В этом варианте статьи опущено описание полемики вокруг термина «вспомогательные исторические дисциплины». Фактический материал позитивного характера, несмотря на его сокращение по сравнению с авторским текстом, в основе своей идентичен первоначальному замыслу. В конечном результате авторский текст был сокращен вдвое (до 8 машинописных листов).

Материалы личного фонда А. И. Андреева, хранящиеся в Ленинградском отделении Архива АН СССР, содержат богатую информацию, но до настоящего времени используются и вводятся в научный оборот недостаточно. Думается, что наше сообщение в какой-то мере поможет привлечь внимание историков к архивному наследию крупного советского ученого, столетие со дня рождения которого исполняется в 1987 г.

ФРАНЦУЗСКАЯ МИНИАТЮРА В КНИЖНЫХ СОБРАНИЯХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА¹

Книга И. П. Мокрецовоу и В. Л. Романовой состоит из двух томов: первый посвящен 14 рукописям 1200–1270 гг., второй — 15 рукописям 1270–1300 гг. из пяти хранилищ страны: ГПБ (21), БАН (5), ГБЛ (1), ЦБЛ (1), НБ МГУ (1).

Оба тома настолько насыщены содержанием, что прежде всего следует достаточно полно это содержание раскрыть. Кроме сведений о рукописях имеются воспроизведения листов из описанных кодексов, образцы письма и декора, причем многие из них представлены в красках, в натуральную величину. Описания кодексов включают следующие элементы²: порядковый номер в каталоге, место хранения и шифр, название рукописи на русском языке и на языке оригинала, дата, место изготовления рукописи, язык (французский или латинский), внешнее описание, т. е. материал (характеристика пергамена), размер листов и их число, переплет и тому подобные сведения, содержание рукописи, письмо и другие палеографические данные миниатюры, все виды декора: историзованные инициалы, орнамент, краски, техника красок и колорит их, последующие добавления, история рукописи; сохранность, библиография (с примеч.), содержание миниатюр. Далее следуют воспроизведения всех имеющихся сюжетных миниатюр в красках, образцы письма и орнамента в черно-белом и цветном изображении.

Собственно каталогу предшествуют резюме на французском языке и статья, посвященная истории собраний, а также кодикологический очерк. Сверх статей, посвященных каждому отдельному кодексу, имеются вводные статьи, касающиеся производства рукописной книги и ее художественного оформления во Франции XIII в., а именно: Т. 1-й. Введение. Производство рукописной книги во Франции в XIII в. Материалы и техника. Художественно-стилистические особенности французской книжной миниатюры XIII в. Сюжетно-иконографические особенности французских рукописных книг XIII в. Дополнительные статьи 2-го тома: Введение: изготовление рукописных книг во второй половине XIII в. Художественно-стилистические особенности рукописей. Иконография миниатюр. Резюме.

В конце обоих томов помещены перечень сокращений, словарь терминов, перечень начальных слов книг Библии и начальных слов псалмов.

Авторы избрали предметом исследования и публикации миниатюру и орнамент рукописной книги именно XIII в. потому, что в это время в Западной Европе, и прежде всего во Франции, произошла перестройка производства средневековой книги; уже с начала века изготовление книг перебазиrowалось из монастырей в светские мастерские письма. В городах изготовление книг постепенно приобретало характер цехового производства с разделением труда. Несомненно, ведущими мастерами эпохи были парижские писцы и художники, что отмечено неоднократно в науке. Три рукописи были написаны не на территории Франции, а в Акре, главном опорном пункте крестоносцев на Востоке, где ими были созданы скриптории. Тут работали писцы-французы и сохранялись традиции преимущественно парижской школы. Рукописи эти военно-исторического содержания и представляют собой один из первых образцов иллюминирован-

¹ Мокрецова И. П., Романова В. Л. Французская книжная миниатюра XIII века в советских собраниях. 1200–1300. (Les manuscrits enluminés français du XIII-e siècle dans les collections soviétiques)/Оформление и макет худож. А. М. Юликова. М.: Искусство, 1983–1984. Т. 1–2. Тип. Фортшритт. Эрфурт, ГДР. Фото-съемка специально для наст. изд. выполнена фотографом Д. В. Белоусом.

² Приводим этот перечень в несколько сокращенной форме.

ных кодексов светского характера. До второй половины XIII в. известны самостоятельные миниатюры лишь литургических текстов.

Каталог этот вполне соответствует предпринятым Археографической комиссией Академии наук СССР³ работам по учету рукописей, хранящихся в собраниях Советского Союза, и по составлению сводных каталогов на эти рукописи. Каталоги составляются по разным принципам, так как рукописи подбираются по языковому или хронологическому признаку, по месту их хранения или какому-либо иному признаку в зависимости от задач, поставленных перед собою автором. В качестве образца каталога иллюминированных памятников можно назвать изданный В. Д. Лихачевой альбом византийских рукописей⁴. Как один из примеров описания рукописей по месту хранения укажем каталог латинских рукописей V—VII вв., хранящихся в ГПБ, составленный коллективом авторов⁵.

Подробное описание рукописей с включением данных об истории и судьбе каждой из них не только дает достаточное представление о книгах, исследованных авторами рассматриваемого издания, но и содержит сведения о всем процессе книгопроизводства того времени. В. Л. Романова дала следующее определение понятию «книга» вообще: «Одних внешних признаков (кодекс или свиток) для определения книги недостаточно. Под книгой мы понимаем продукт профессионального труда писца, созданный на продажу или на заказ для многократного использования»⁶. В соответствии с этим определением и строится описание отдельных памятников книжного искусства И. П. Мокрецовой и В. Л. Романовой, ведется показ этих памятников с помощью фотоснимков миниатюр, письма, орнамента — словом, всего убранства книги и техники ее производства.

В течение последних десятилетий история книги, как рукописной, так и печатной, привлекает все больше внимание специалистов разных профилей (историков, филологов, искусствоведов). Это неудивительно — ведь история книги, подобно истории развития письма, является «одной из самых деликатных частей истории культуры», «историей победоносного человеческого усилия руки и мысли», как справедливо писала когда-то замечательный ученый и наш незабываемый учитель О. А. Добиаш-Рождественская в предисловии к первому изданию своего руководства по латинской палеографии⁷.

Ввиду специфических условий хранения рукописной книги, как правильно отмечают авторы (т. 1, с. 8), ознакомление с книжной миниатюрой доступно меньшему числу исследователей, нежели многие другие произведения искусства. Поэтому выход в свет альбома французской миниатюры вызовет оживленный интерес читателей, предоставляя для многих возможность видеть (хотя бы в воспроизведениях) сравнительно мало известные произведения средневековой живописи и сопоставить эти произведения с еще менее известными фактами по истории производства книги в средневековой Франции.

При всем том, что издание несет огромную информационную нагрузку, тщательно выверенную, желательно было бы немного расширить рам-

³ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. Во вступительных статьях председателя Археографической комиссии С. О. Шмидта и «От редакции» изложен ход дела и указана необходимая библиография.

⁴ Лихачева В. Д. Византийская миниатюра: памятники византийской миниатюры IX—XV веков в собраниях Советского Союза. М., 1977; Она же. Задачи каталога иллюминированных византийских рукописей собраний Советского Союза // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 23—25.

⁵ Латинские рукописи V—XIII веков Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: Краткое описание для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Л., 1983. Ч. 1.

⁶ Романова В. Л. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв. М., 1975. С. 6.

⁷ Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века. 2-е изд. М.; Л., 1936. С. 8.

ки отдельных положений или прибавить конкретные примеры. Так, к совершенно точно изложенным замечаниям по истории инициалов (т. 1, с. 18—19) желательно добавить краткую справку из истории раннего книгопечатания: рукописные инициалы встречаются в инкунабулах, при том чаще двцветные, как «филигранные» (см., напр., 42-строчную Библию Гутенберга). Для облегчения и уточнения труда художника позднее в оставленное для инициала место впечатывалась мелкая буква — «репрезентанта», иногда называемая также «репрезентантом». Аналогично наше предложение о золотых пластинках в декоре рукописи (т. 1, с. 14; т. 2, с. 17). Среди инкунабул находятся примеры, продлевающие эту традицию и в XV в., — таков экземпляр издания Marcilio Ficino. *Retriplici vitae* (Firenze; Miskomini, 1489) ⁸.

Другое замечание относится к крайней сжатости текста. Желательно было бы расширить (хотя бы ненамного) характеристику книжного убора по сравнению с потоком развития других видов искусства, а также прибавить для наглядности несколько примеров. Так, полезно проследить характер драпировки фигур — на византийских эмалях, изделиях из кости, металлов и других предметах мелкой пластики; затем позднее на образцах крупной скульптуры, в основном романских соборов (особенно выразительны одежды фигур тимпана нартекса собора в Везле, Бургундия); можно напомнить и характерную угловатость резных готических складок.

Следует отметить высокую четкость и обстоятельную полноту всего издания. Авторы не оставляют недосказанным состояние самых существенных проблем, связанных с их темой. Этому отвечают тщательно установленные элементы описания и их отличные формулировки в каталоге, специальные статьи, насыщенные информацией примечания, базирующиеся на критически освоенной библиографии, повторенные в обоих томах указатели терминов и начальных слов книг Библии и псалмов, а также отличные цветные репродукции, искусно размещенные черно-белые (худож. А. М. Юликов). Читателям остается мечтать о продолжении работы на том же превосходном уровне.

Л. И. Киселева

«ГАЗЕТА СРЕДНЕВЕКОВОЙ КНИГИ»

(о новом периодическом издании западноевропейских медиевистов)

С 1982 г. в Париже два раза в год (весной и осенью) выходит бюллетень «Газета средневековой книги» (*Gazette du livre medieval*). Это небольшая тетрадка (in — 8°) на 25—40 с. На обложке изображена средневековая книга с цепью, к которой прикована сорока, держащая в клюве бриллиант, — символ весьма примечателен! Редакционный коллектив объединяет инициаторов-медиевистов — представителей разных европейских стран — Франции, Италии, Бельгии, Швейцарии. Издание появилось благодаря швейцарскому фонду «Pro Helvetia». До настоящего времени вышло восемь номеров (последний уже за счет подписчиков).

Главная задача этого периодического бюллетеня, как указано в первом номере, поставить на обсуждение проблемы, касающиеся истории средневековой книги, представить состояние и уровень знаний в этой области, как в момент публикации каждого номера, так и в перспективе, а также познакомить читателей с новыми методами исследования. Важно отметить, что издатели уже в названии «средневековая книга» (в противоположность названию «средневековой рукописи») стремятся преодолеть барьеры, разделяющие рукописную и печатную книги.

Каждый номер бюллетеня состоит из двух разделов — основного и хроники. В основном разделе помещают четыре-пять очень коротких статей (на одну-три страницы). Их особенность заключается в том, что они

⁸ Фичино Марсилио. О тройственности жизни. Флоренция; Мискомини, 1489.

либо ставят важные дискуссионные проблемы, касающиеся вспомогательных исторических дисциплин, либо сообщают новые сведения о коллекциях, о новых методах исследования.

Раздел «Хроника» богат и разнообразен (читателям предлагается еще больше его распырить). Он открывается дискуссиями, в которых помещаются мнения читателей «*Gazette du livre medieval*» (иногда в виде замечания на несколько строк) по поводу поставленных проблем, высказанных мнений или методов исследования, опубликованных в предыдущих номерах. В «Хронике» помещаются заметки по техническим вопросам: о применении специальных линз в практике работы палеографа, об использовании микроскопического анализа при исследовании пергамента или чернил, о создании простого приспособления для воспроизведения рисунка филигранны, попавшей в корешок при переплете, о чтении стертых текстов, об использовании бетаграфии при работе с филигранями, ультрафиолетовых лучей для чтения палимпсестов. В заметках для чтения дается краткая аннотация двум-трем наиболее значительным, только что опубликованным исследованиям, посвященным средневековой книге. Тут же приводятся списки книг, находящихся в продаже и готовящихся к изданию (каталоги, монографические исследования, публикации) с полным библиографическим описанием и указанием цены. Сообщается также о появлении новых журналов, в которых отражены сведения о средневековой книге. Интересны и очень важны в разделе «Хроника» сообщения об организации предстоящих коллоквиумов, семинаров и выставок.

Ценнейшим материалом являются также сообщения об утвержденных проектах работ в университетах, институтах, библиотеках Европы, о начале экспериментов, о планах по созданию каталогов, словарей, энциклопедий, посвященных средневековой книге. Дается информация об организации или реорганизации институтов, ассоциаций, лабораторий по исследованию книги средних веков.

Сообщения в восьми вышедших номерах свидетельствуют о возрастании активности ученых в области изучения богатейшего книжного наследия средневековья. Мы узнаем, что в Гронингене (Нидерланды) готовится исследование о книгах, написанных, иллюминированных и переплетенных до 1600 г. в этой «северной сокровищнице».

Международный центр кодикологии при Королевской библиотеке Альберта I в Брюсселе начал огромную работу по составлению единых образных описаний иконографии в средневековых рукописях, хранящихся в этой библиотеке. Параллельно создается картотека с черно-белыми репродукциями миниатюр и украшений в рукописях.

Королевская библиотека в Гааге приступила к выпуску с 1985 г. подготовленных каталогов всех рукописей и сводных опубликованных каталогов всех иллюминированных рукописей и печатных иллюстрированных книг.

В Бодлеанской библиотеке (Оксфорд) создан каталог с описанием 2900 иллюминированных рукописей (93 тыс. карточек). В описание включена детальная характеристика всех миниатюр, сюжетов, перечислены имена изображенных, описаны их костюмы, названы здания. Кроме того, дана кодикологическая характеристика, указаны даты, место происхождения рукописей, составлен указатель слов-ключей и т. п.

Центр по исследованию средневековых рукописей в Геттингене (ФРГ) в сотрудничестве с университетом и его библиотекой создал проект исследования иллюминированных рукописей с широким применением микроскопического, спектроскопического, хроматографического анализов.

Университет Северной Каролины в США готовит большую работу, включающую описания всех рукописей, содержащих тирронские знаки.

В 1985 г. в Нидерландах Международный комитет по созданию словаря средневековых институтов наметил огромную программу подготовки словарей-энциклопедий: понятий и терминов, касающихся систем и методов обучения в школах IX–XIV вв.; понятий и терминов, раскрывающих деятельность университетов XIII–XIV вв.; терминологии, свя-

запной с письмом и книгами, их изготовлением, изданием и распространением; понятий, раскрывающих методы работы (составление аннотаций, комментариев и т. п.); названий дисциплин, изучавшихся в учебных заведениях.

В 1984 г. сообщалось о намерении итальянского Национального совета исследования создать самостоятельный Институт истории и критики текста с тремя секторами: античность, средние века, современность. В задачу института должно входить: исследование рукописной и печатной книги; критические издания текстов; изучение проблем, связанных с критикой текстов. Институт будет иметь свою библиотеку и выпускать журнал или бюллетень с опубликованием результатов работ сотрудников института.

Институт исследования и истории текстов в Париже расширил свою программу, пачатую в 1970 г. по средневековой книге и информатике. Создаются базы данных по средневековым манускриптам, формализованные списки рукописей с произведениями античных авторов, французской литературы средних веков, списки средневековых библиотек, изданий книг XV, XVI вв. и т. п.

В Калифорнийском институте Девиса подготовлена огромная программа по применению радиоактивной технологии в области истории, археологии, искусства (Crocker Historical and Archaeological Projects). Этот проект объединяет разных специалистов — историков, архивистов, историков искусств, физиков, химиков, математиков 23 университетов, с которыми связано огромное число исследователей США и Европы. Программа предлагает применять циклотрон типа PIXE с использованием протонов для исследований разного рода: состава мрамора, пигментов, чернил, анализа пергамента, бумаги и т. п. Уже исследован состав краски, использованный И. Гутенбергом при печатании 42-строчной Библии.

Один из номеров бюллетеня сообщает о преобразовании с сентября 1985 г. Международного комитета палеографии (CIP) в Международный комитет латинской палеографии (CIPL). Принят новый его устав. Во главе комитета — бюро из девяти человек: четыре, избираемые персонально (президент, вице-президент, генеральный секретарь и казначей), и пятеро, избираемые списком. В составе бюро не может быть более трех человек от одной страны. На последней сессии президентом избран представитель Ватикана Леонард Бойль (Leonard Boyle), вице-президентом — Мануэль Диас и Диас (Manuel Diaz y Diaz, Испания), генеральным секретарем проф. Эмманюэль Пуль (Emmanuel Poulle, Франция), казначеем — проф. Ричард Роуз (Richard Rouse, США); советниками: проф. Бернард Бишоф (Bernhard Bischoff, ФРГ), Юлиан Браун (Julian Brown, Великобритания), Армандо Петруччи (Armando Petrucci, Италия), Ян Олоф Чедер (Jan Olof Tjäder, Швеция) и Жан Везен (Jan Vézin, Франция). Членами комитета избраны: V. Brown (Канада), G. Costamagna (Италия), A. De la Mare (Великобритания), P. Gasnault (Франция), M. B. Parkes (Великобритания), H. Spilling (ФРГ), P. Supino Martini (Италия), D. Muzerelle (Франция), M. Hedlund (Швеция).

В разделе «Хроника» сообщается о жизни европейских библиотек: реорганизации или создании отделов рукописных и редких книг, изменении адресов, времени работы, организации выставок и т. д. Такая широкая информация очень полезна ученым-медиевистам, изучающим средневековую книгу.

Статьи основного раздела нового периодического издания, как было отмечено выше, посвящены самым важным современным проблемам и оценке уровня развития в настоящее время исследований в области средневековой книги. Остановим внимание на некоторых из них.

В первом номере помещена статья французских исследователей Карлы Боццолли и Эцио Орнато, которые в 1980 г. выпустили большой труд, посвященный количественному анализу рукописной книжной про-

дукции севера Франции. Они изучают книгу как результат труда человека, как «материально-ремесленный объект в определенном социальном контексте». Этот подход позволил выявить не только изменение уровня продукции, но и причины изменения, зависящие от **переменчивости факторов** экономического и культурного значения. В статье эти исследователи коротко излагают сущность своего метода исследования и отмечают, что обычно исследование рукописей опиралось либо на внутренние критерии (чаще всего интуитивного характера), либо на документальные источники. При этом открывалась возможность выявить группу рукописей и объяснить, «как» происходили те или иные изменения, но этот метод не выявлял причин изменений. При изучении законов, по которым устанавливаются тенденции и факторы, ими управляющие, Боццолли и Орнато концентрируют внимание на норме, а не на исключениях. По их мнению, для определения действительных закономерностей в развитии книги нужны большие статистические данные. Плодотворные результаты их исследования привели к идее создания специальной программы, названной «Quanticod» — количественное изучение средневековой книги. Эта программа разработана Национальным центром научного исследования (Франция) при участии Римского и Лейденского университетов. Она учитывает изучение уровня не только роста производства книг, но также изменений, происходящих в системе факторов экономического, культурного и функционального порядка. Такой подход обеспечивает разноаспектность исследования книги: ее замысел, изготовление, распространение, использование, хранение, гибель одних и сохранность других. Программа определяет следующие рамки исследования:

1. *Книга как объект исследования:* а) материал, чернила, краски, материал переплета; б) инструменты — перо, калам, линейка, литеры, прессы; в) техника — расположение текста на странице, паколы, разливовка, письмо, украшение, соединение листов, переплет; г) процесс работы — распределение задач, разделение операций, продуктивность.

2. *Книга как продукт социальный, экономический, культурный:* а) изготовление — исполнители: писцы, художники, печатники, переплетчики, скрипторий, городская мастерская письма; б) продажа книг — торговцы, покупатели, спрос, предложение, цены, экспорт, импорт, перепродажа; в) книга и культура — судьба, владельцы, распространение, собирание, реставрация, гибель, сохранность.

3. *Книга — проводник культуры:* распространение типов книг, сохранность. Выполнение этой программы требует больших усилий и соблюдения точности. С этой целью ставится задача точно формализовать и классифицировать все данные о книге, что весьма сложно, поскольку книга — объект комплексный.

В программе работы над средневековой книгой — три основных направления: 1) исследовать соотношение текста, письма и материала; 2) изучить производство и торговлю средневековой книгой; 3) разрешить проблему атрибуции.

Первое направление основывается на постулате, что структура расположения текста на странице, так же как и «геометрия» письма, связаны не случайно и не определяются индивидуальным вкусом, но повинуются законам, диктуемым необходимостью примирить четкость и экономию пространства. Отмечу тут же, что еще в 1954 г. Т. В. Луизова, изучая готическое письмо, усмотрела ту же закономерность¹.

Второе направление должно базироваться на изучении экономики, технических и культурных аспектов; причем ставится задача рассматривать отдельно торговлю рукописями и торговлю книгами.

Третье направление должно подтвердить эффективность количественного метода и внести новые элементы в историю письма и производства книги.

¹ Луизова Т. В. Об исторических условиях возникновения так называемого готического письма // СВ. 1954. Вып. 5. С. 269–280.

Для конкретного анализа избраны итальянские рукописи XI в. и нидерландская книжная продукция XIV—XV вв. Программа рассчитана на три года, но ее выполнение явится лишь первым этапом для дальнейшей работы.

Развитию идей о плодотворности количественного метода исследования и проблемам кодикологии посвящен ряд статей в № 1, 4, 6, 8.

Кроме этого нового направления исследования любопытны статьи: Гумберта (J. P. Gumbert, Leiden) «Каллиграф обвиняет палеографию» (№ 1), в которой ставится вопрос о возможности возрождения красивого письма; Г. Нордзия (Нидерланды) «Каллиграфия и палеография» (№ 4) и Б. М. Скарпатетти об отношении к палеографии и каллиграфии в Швейцарии (№ 8).

Карла Боццоло (Париж) поставила очень важный и серьезный вопрос о подготовке специалистов по кодикологии (№ 6). В самом деле, парадоксально, что во Франции и Бельгии — ведущих странах по этой дисциплине — отсутствует подготовка таких специалистов. В прославленной Школе Хартий, где готовят историков, библиотекарей, архивистов, нет курса, посвященного кодикологии. Автор рассказала о положительном опыте в этой области, проведенном в Перудже (Италия).

Очень актуальной и остроумной представляется статья Жильбера Уи «Защитительная речь в пользу „пожирателей“ рукописей» (№ 3). Он пишет, что с развитием кодикологии и расширением интереса к средневековой книге библиотечные работники не должны ограничивать живой интерес читателя максимум двумя-тремя рукописями, выдаваемыми одновременно. Исследователю необходимо просматривать сотни рукописей, с тем чтобы найти неизвестные тексты знаменитых авторов, восстановить личные библиотеки или коллекции, определить автографы.

В № 6 помещена статья Роланда Марти и Уильяма Федера (Нидерланды), в которой дан краткий исторический обзор истории палеографии стран, где пользовались глаголической и кириллической азбукой (Россия, Болгария, Сербия, Румыния). Авторы произвольно выделяют периоды развития славянской палеографии, ничем их не обосновывая. Отмечают большую работу, проведенную М. Н. Тихомировым и В. И. Малышевым, особенно с начала выхода в 1957 г. «Археографического ежегодника». По мнению авторов, Ренессанс в изучении славянских рукописей наступил с 70-х годов нашего столетия, особенно после Международного конгресса славистов (Варшава, 1973). В большинстве стран имеются специальные комиссии, занимающиеся делами вспомогательных дисциплин. С 1979 г. существует Международный центр информации об источниках по истории Балкан (CIBAL). Однако, несмотря на активизацию работы в области вспомогательных дисциплин, сделано еще далеко не достаточно. По мнению авторов, плохо исследовано взаимовлияние печатной и рукописной книг.

Что касается истории письма, то его этапы и развитие, как отмечают авторы, установлены; однако не изучены ни способы, ни система расположения текста при переписке рукописей, ни чернила, ни переплет и очень мало известно о переписчиках. Невозможно идентифицировать рукописи по мастерским письма. Первые мастерские письма датируются XV веком. Авторы отмечают, что эти проблемы иногда затрагиваются в работах, анализирующих социальную географию книги. Справедливо отмечается отсутствие каталога датированных рукописей. Авторы считают, что для исследования бумаги созданы справочники и альбомы филиграней; однако в этих справочниках не отмечено, как долго хранилась западная бумага до того, как была использована на Востоке.

После 70-х годов число изданий текстов и палеографических исследований значительно увеличилось, но авторы сожалеют, что в последние годы «поток факсимильных изданий» захлестнул все другие.

Далее указывается, что из учтенных 500 тыс. славянских рукописей в пределах СССР имеется 450 тыс., из которых 25 тыс. описаны. По мне-

нию авторов, описания рукописей, выполненные в XIX в., большей частью высокого качества с точки зрения филологии, но не кодикологии и палеографии. Описание собраний рукописей остается главной задачей, и авторы выражают надежду, что будущее поколение исследователей справится с ней.

Краткий обзор первых вышедших номеров нового периодического издания дает представление о нем как об оперативном, обсуждающем актуальные проблемы и стремящемся сделать дискуссию главной формой общения с читателями. Редакционный коллектив состоит из опытных и молодых инициативных и прогрессивных ученых, многие из которых вводят новые методы исследования, участвуют в экспериментах и осуществлении новых программ.

Положительным элементом этого бюллетеня следует считать также краткость, но вместе с тем емкость всех публикуемых статей и насыщенность их информацией. Несмотря на то что это издание выходит два раза в год, для вспомогательных дисциплин его можно считать весьма оперативным. Можно лишь пожелать, чтобы инициативная группа советских исследователей организовала подобного рода бюллетень для ученых — специалистов по вспомогательным дисциплинам.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ В. Э. БОГРАДА (1917—1986)¹

Видный историк русской передовой общественной мысли и литературы, архивист, библиограф Владимир Эммануилович Боград² на протяжении сорока лет (1946—1986) трудился в ГПБ. Начал он с библиографической работы с дореволюционным рукописным каталогом русских книг XIX — первой четверти XX в. В результате им было раскрыто авторство множества анонимных и подписанных псевдонимами произведений. Долгие годы Боград посвятил литературно-библиографической истории передовых русских журналов 30—80-х годов XIX в., литературному наследию В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ему принадлежит уникальное исследование — трилогия «Русская революционно-демократическая журналистика 30—80-х годов XIX в.»: указатели содержания журналов «Отечественные записки» (два тома) и «Современник». В них раскрыто авторство около 2000 анонимных и псевдонимных произведений, выявлены работы, ранее ошибочно приписанные тому или иному сотруднику журнала, введена в научный оборот масса новых документов. Большое значение для общей теории и методики атрибуции имеют вступительные статьи к каждой из трех этих книг, ставших настольными для историков общественной мысли XIX в., историков журналистики, литературоведов.

Работы Богграда открыли новый жанр научно аргументированной росписи периодического издания, возникший на стыке библиографии, литературоведения, истории, текстологии. По этой методике в ГПБ подготовлен указатель журнала «Дело. 1866—1888». Статьи и публикации Богграда в «Литературном наследстве» и других изданиях внесли много нового в литературоведение, а обнаруженные и комментированные им произведения Н. А. Некрасова, Н. Г. Чернышевского, Г. И. Успенского, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, М. Е. Салтыкова-Щедрина вошли в состав полных собраний их сочинений.

Л. А. Мандрыкина

¹ Составитель М. А. Бенина.

² См. о нем: КЛЭ. М., 1978. Т. 9. Стб. 135; Хроника // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в.: Сб. науч. трудов. Л., 1986. Вып. 2. С. 175—178; Найдич Э. Э. Трилогия завершена // Рус. лит. 1986. № 3. С. 208—212.

1950

В. Г. Белинский: Рек. указ. литературы. Л. 128 с.

1951

Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848): К 140-летию со дня рождения. Л. 1 с. (Календарь памятных дат).

1952

[Подгот. текста писем Н. А. Некрасова к А. Д. Галахову, К. К. Случевскому, Ф. Ф. Цветаеву] // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М. Т. 11. С. 419–422.

1953

Подгот. текста: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М. Т. 16. 958 с. Совм. с Н. А. Алексеевым, Н. М. Чернышевской.

[Подгот. текста, коммент.: «Обращения в цензуру», рсц. «Морские войны времен Французской Республики и империи. Соч. Жюльен-де-ла-Гравьера»] // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М. Т. 12. С. 374–387 (совм. с А. М. Гаркави, Н. А. Драгомирецкой). С. 454–456.

[Подгот. текста писем Н. П. Огарева к Н. А. Милютину] // Лит. наследство. Т. 61: Герцен и Огарев. С. 880.

1954

[Подгот. текста писем Г. И. Успенского к С. Н. Кривенко, Л. Н. Кривенко, Н. К. Михайловскому] // Успенский Г. И. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л. Т. 14. С. 218–219, 244–245, 326, 476–478, 510, 513–514, 521, 528, 544–545.

1955

Библиографические разыскания по установлению авторов русских анонимных книг // Опыт работы Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л. Вып. 10. С. 77–90.

1956

«Кабинет восковых фигур»: (Неизвестные стихи молодого Некрасова) // Некрасовский сборник. М.; Л. Вып. 2. С. 397–411.

Белинский, Некрасов и Панаев в борьбе с Краевским: (Неизвестный документ периода организации «Современника») // Там же. С. 412–423.

[Подгот. текста, коммент.: «Необходимые объяснения»] // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Л. Т. 10. С. 421–423.

1957

Н. А. Добролюбов и Публичная библиотека // ТГПБ. Т. 3(6). С. 195–205.

1958

Запрещенная цензурой статья А. И. Рыжова об Огареве и Некрасове // Вопросы изучения русской литературы XIX вв. М.; Л. С. 317–320.

1959

Журнал «Современник». 1847–1866: Указ. содерж. М.; Л. 827 с.

Чернышевский в «С.-Петербургских ведомостях» // Лит. наследство. Т. 67: Ре-

волюционные демократы: Новые материалы. С. 79–84.

Воспоминания Н. Д. Новикова о Чернышевском и Добролюбове // Там же. С. 85–120.

Первое выступление Добролюбова в печати: Статья из газеты «С.-Петербургские ведомости» (1856 г.) // Там же. С. 259–263. Совм. с С. А. Рейсером.

Две заметки Добролюбова в «Современнике» // Там же. С. 264–269.

Мнимая рецензия Добролюбова в «Современнике» // Там же. С. 268–269.

Добролюбов о Герцене: Из воспоминаний К. В. Лаврского // Там же. С. 277–278.

«Литературный манифест» Салтыкова: Запрещенная цензурой статья о Кольцове (1856 г.) // Там же. С. 281–314.

Неизвестная редакция очерка «Каплуны» // Там же. С. 315–326.

В борьбе с реакцией: Новые страницы из «Нашей общественной жизни» Щедрина (1864 г.) // Там же. С. 339–350.

Против «Литературы благонамеренных усилий...»: Запрещенная цензурой рецензия Щедрина (1864 г.) // Там же. С. 359–362.

Полемика с Достоевским: Запрещенные цензурой статьи и рецензия Щедрина (1864 г.) // Там же. С. 363–402.

О мемуарах А. А. Слепцова // Там же. С. 669–684.

«Торжество добродетели» («Министр плодородия»); Неизданная комедия Козьмы Пруткова // Там же. С. 764–773.

1962

Доцензурная редакция статьи Чернышевского «Откупная система» // Н. Г. Чернышевский: Статьи, исследования и материалы. Саратов. Вып. 3. С. 233–248.

Подгот. текста, примеч.: Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л. Т. 4. 495 с. Совм. с Н. И. Тотубалиным.

1963

Запрещенная цензурой статья об Островском // Лит. наследство. Т. 71: Василий Слепцов: Неизвестные страницы. С. 121–132.

Подгот. текста, примеч.: Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л. Т. 6. 574 с. Совм. с В. А. Алексеевым и Ю. С. Сорокиным.

То же // Там же. Т. 7. 634 с. Совм. с В. А. Алексеевым, Б. Я. Бухштабом, С. А. Рейсером, Г. Е. Тамарченко.

1964

Н. А. Островский // Русские советские писатели. Прозаики. Л. Т. 3. С. 368–422.

1965

Эпизод из студенческой жизни Добролюбова // Учен. зап. Горьк. ун-та. Вып. 71: Н. А. Добролюбов: Статьи и материалы. С. 268–274.

1966

А. А. Фадеев о XIV съезде партии: (Неизвестная брошюра писателя) // Вопр. лит. № 3. С. 250–251.

Мнимый Чернышевский // Вопр. лит. № 11. С. 190–193.

[Подгот. текста очерка «Каплуны»] // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М. Т. 4. С. 245–259.

1967

«Песни о павших» Вас. И. Немировича-Данченко: (Эпизод из редакторской практики Некрасова) // Некрасовский сборник. Л. Вып. 4. С. 207–213. Совм. с В. Вильчинским.

Подгот. текста, примеч.: Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотв.: В 3 т. Л. Т. 1. 682 с. Совм. с В. Э. Вапура, А. М. Гаркави, А. Л. Гришуниным (Б-ка поэта Большая сер.).

1968

А. А. Фадеев // Русские советские писатели. Прозаики. М. Т. 5. С. 245–321.

Д. А. Фурманов // Там же. С. 491–568.

Рец.: Плодотворный подход. (Теплинский М. В. «Отечественные записки» 1868–1884: История журнала. Лит. критика. Южно-Сахалинск, 1966. 398 с.) // Вопр. лит. № 2. С. 209–214.

Подгот. текста: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М. Т. 6. 740 с.

1969

Неизвестные тексты Некрасова, Боткина и других авторов в «Современнике» 1849 и 1850 гг. // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л. С. 353–356.

1971

Журнал «Отечественные записки» 1868–1884: Указ. содерж. М. 733 с.

В. П. Астафьев // Русские советские писатели. Прозаики. М. Т. 7. Ч. 1. С. 98–110.

П. Журба // Там же. С. 272–279.

Е. И. Катерли // Там же. С. 345–359.

1972

Подгот. текста, примеч.: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М. Т. 13. 814 с. Совм. с Б. Н. Баскаковым, Д. М. Климовой.

[Подгот. текста «Писем к тетеньке»] // Там же. Т. 14. С. 245–524. Совм. с М. И. Маловой, Б. Н. Баскаковым.

1973

Подгот. текста: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М. Т. 15. Кн. 2. 400 с.

1974

Подгот. текста: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М. Т. 16, кн. 1. 527 с. Совм. с В. Н. Баскаковым.

То же // Там же. Кн. 2. 390 с.

1975

Неизвестное предисловие Н. Г. Чернышевского к «Материалам для биогра-

фия Н. А. Добролюбова»: (К истории создания книги) // Рус. лит. № 2. С. 168–179.

Подгот. текста, примеч.: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М. Т. 18, кн. 1. 350 с. Совм. с Д. М. Климовой, М. Я. Блинчевской, С. А. Макашиным.

1976

Подгот. текста: Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М. Т. 1. 736 с.

Подгот. текста, примеч.: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М. Т. 18, кн. 2. 366 с. Совм. с С. А. Макашиным.

То же // Там же. М. Т. 19, кн. 1. 240 с. Совм. с С. А. Макашиным.

1977

Журнал «Современник» 1847–1866: Указ. содерж. Wiesbaden. 826 с.

Подгот. текста: Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М. Т. 2. 631 с.

Подгот. текста, примеч.: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М. Т. 19, кн. 2. 352 с. Совм. с С. А. Макашиным.

1978

Подгот. текста: Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М. Т. 3. 614 с.

1979

Подгот. текста: Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М. Т. 4. 654 с.

То же // Там же. М. Т. 5. 631 с.

1981

Подгот. текста: Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М. Т. 6. 678 с.

То же // Там же. М. Т. 7. 799 с.

1982

Подгот. текста: Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М. Т. 8. 783 с.

То же // Там же. М. Т. 9. 863 с.

1983

Русский китаевед Дэ-мин, его «Поездка в Китай» и перевод из «Спа в красном тереме» // Народы Азии и Африки. № 6. С. 78–87. Совм. с Б. Л. Рифтиным.

1985

Журнал «Отечественные записки» 1839–1848: Указ. содерж. М. 688 с.

1986

Г. И. Успенский – сотрудник журнала «Устои» // Рус. лит. № 1. С. 170–174.

Мнимые тексты Н. Г. Чернышевского // Вопр. лит. № 6. С. 202–204.

Подгот. текста, примеч. (участие): Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников/Сост., подгот. текста и коммент. С. А. Рейсера. М. 422 с. (Сер. лит. мемуаров).

III. ПУБЛИКАЦИИ

ГРАМОТЫ XIV—XVI вв. ИЗ КОПИЙНОЙ КНИГИ РЯЗАНСКОГО АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА

Находка копийной книги Рязанского архиерейского дома XVIII в.¹ дает возможность ввести в научный оборот полные тексты ряда ранних рязанских грамот, до сих пор известных лишь в кратких пересказах и выписях, а также упоминания о не дошедших до нас древних актах. Эти пересказы и выписи (иногда только наименование документа), содержащиеся в труда архим. Иеронима (опубликован И. Добролюбовым под названием «Рязанские достопамятности». Рязань, 1889) и Т. Воздвиженского «Историческое обозрение Рязанской иерархии» (М., 1820), были перепечатаны в т. III «Актів социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» (М., 1964), поскольку местонахождение подлинников или списков многих древних рязанских актов, использованных в указанных трудах конца XVIII — начала XIX в., было неизвестно последующим исследователям². Теперь можно с уверенностью сказать, что Иероним и Воздвиженский использовали в своих трудах найденную копийную книгу. Свидетельством тому служат в одном случае прямая ссылка на листы данной рукописи в «Рязанских достопамятностях» (на что специально обратил внимание И. А. Голубцов, но не мог, естественно, определить, о какой копийной книге идет речь³), а также пометы и примечания почерками конца XVIII — начала XIX в. на листах самой книги и на вложенных в нее закладках.

Древнейший из публикуемых документов — жалованная грамота 1303 г. (?) рязанского великого князя Михаила Ярославича рязанскому еп. Василию (№ 1) — является древнейшим из сохранившихся рязанских актов⁴ и одним из самых ранних актов Северо-Восточной Руси⁵. Полный текст грамоты, сохранившийся в составе правой грамоты 1535 г. (№ 2. Документ публикуется полностью в связи с важно-

¹ Книга, происходящая из собрания егорьевского купца М. Н. Бардыгина, основателя местного музея, в настоящее время хранится в Центральном гос. архиве Московской области (Ф. 739. Оп. 1. Д. 55). Рукопись в лист, написана скорописью середины XVIII в. несколькими писцами, на 361 л. (согласно нумерации XVIII в., утрачено 18 л. в начале и ряд листов в середине рукописи). Подробнее об описании рукописи и о составе копийной книги см.: *Морозов Б. Н., Рыбин В. А.* Копийная книга Рязанского архиерейского дома с новыми текстами актов XIV—XVI вв. (См. об этом: АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 337.)

² Копийная книга не была использована ни А. Н. Пискаревым в издании «Древние грамоты и акты Рязанского края» (СПб., 1854), ни Д. И. Иловайским в «Истории Рязанского княжества» (М., 1858).

³ АСЭИ. Т. III. С. 369.

⁴ Ср.: *Кузьмин А. Г.* Древнейшая рязанская грамота XIV столетия // Сов. архивы. 1967. № 1 (опубликована грамота второй четверти XIV в.). О значении грамоты Михаила Ярославича для истории Рязанского княжества см. заметки И. А. Голубцова (АСЭИ. Т. III. С. 507). Об особенностях рязанских актов XIV — начала XVI в., в частности о большой архаичности их формуляра, см.: *Веселовский С. Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 52–68; *Он же.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. С. 118–121; *Романов Б. А.* Элементы легенды в жалованной грамоте вел. кн. Олега Ивановича Рязанского Ольгову монастырю // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Сб. III. С. 205–224; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. М., 1951. Ч. 2. С. 125–130; *Зимин А. А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 274–276.

⁵ См.: *Каштанов С. М.* Русские княжеские акты X–XIV вв. (до 1380 г.) // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 110–111.

стью включенного акта), дает по сравнению с воспроизведенным в АСЭИ ее пересказом большую номенклатуру географических названий, а также называет представителей рязанской феодальной администрации конца XIII — начала XIV в., неизвестных по другим источникам. Вместе с тем остается не до конца решенным вопрос о датировке грамоты. В тексте копийной книги указана явно ошибочная дата — 6911 (1403 г.) (обоснование датировки см. в примечаниях при тексте грамоты). Возможно, что заключительная часть грамоты подверглась изменению при включении ее в состав правой грамоты 1535 г.

Грамоты первых московских митрополитов, московских и рязанских князей XIV в. о принадлежности земель по Дону к Рязанской епархии (как известные, так и неизвестные) упоминаются в указной грамоте царя Ивана IV 1569 г. (№ 6). Документ также важен как ранний источник об основании г. Данкова.

Из публикуемых актов XV в. непосредственно с владениями рязанской кафедры связана разъезжая 1498 г. (№ 4) (была известна по краткой выписке, в которой опущены описания межей, а также имена епископских бояр и других лиц, присутствовавших на разъезде). Только по упоминанию известна правая грамота 1483—1500 гг. из архива Богоявленского монастыря (№ 2), приписанного в конце XVII в. к Рязанскому архиерейскому дому.

Особый интерес представляет указная грамота 1485 г. рязанского великого князя Ивана Васильевича (Третьего Большого) церкви Иоанна Златоуста в Переяславле-Рязанском (№ 3). Публикуя пространную выписку из этого акта, текст которой в трудах Иеронима и Воздвиженского различается, И. А. Голубцов охарактеризовал его как «необычный сложно-составной памятник, в основе которого, может быть, лежало какое-то докончание князя с епископом»⁶. Обращение к тексту грамоты, включенному в копийную книгу, подтверждает это предположение. В перечисление пожалований и льгот новопостроенному храму входит описание «степенных мест» для священников ряда древнейших городских церквей и формулируется освобождение их от даней и повинностей, в том числе и от власти епископа. Все построение текста грамоты носит своеобразный характер; она включает в себя чисто повествовательные элементы, в том числе описания «святых» целебных озер и стоящих на них храмов. Эти элементы еще в большей степени присутствуют среди записей на обороте грамоты, скопированных вместе с ее подтверждениями XVI—XVII вв. Хотя их содержание также касается в основном церковно-правовых вопросов, в комплексе с записями о чудесах местной иконы Иоанна Златоуста они составляют своеобразную церковную летопись⁷.

Публикация текстов осуществляется по принципам, принятым в АСЭИ для списков XVIII в. Лица и местности, упомянутые в текстах, помещенных в т. III АСЭИ, не комментируются⁸.

Б. Н. Морозов

№ 1

[1303 г.]. Жалованная данная тарханно-несудимая грамота рязанского великого князя Михаила Ярославича рязанскому епископу Стефану на земли («уезд») к селу Столпцам у реки Прони [в Каменском стане Рязанского уезда].

Се яз, князь великий Михаило Ерославич, пожаловал дал есми уез-

Л. 233

⁶ АСЭИ. Т. III. С. 369.

⁷ Эти записи вероятно связаны с записями в Псалтыри XV в. и в так называемой консисторской записке XVII в., содержащими известие об основании Переславля Рязанского в 1095 г. (см.: Кузьмин А. Г. Рязанское летописание) М., 1965. С. 68—71.

⁸ О рязанских князьях и их боярах см.: Зимин А. А. Феодальная знать Тверского и Рязанского великого княжества и московское боярство конца XV — первой трети XVI века // История СССР. 1973. № 3. С. 137—138.

дом к селу ко владычню к Столпцем и к Лучинскому по Курину¹ по Толпинскую дорогу по Муняковской передел старых Столбцкев, а за Пронею за рекою по Столпченский исток по поле Жернавское² по березовую веретею по верх Тыя и по Шивесь по входы, с резанкою шездесят, с виною и с поличным, и бобры бити в купли своей и в уезде, по Проне по реке, в речках и в озере и в болотех, занеже купля первых владык; а уезд дали деды и прадеды наши. А яз такоже даю святым мучеником и отцу своему владыце Степану, как то было доселе: волостель не въезжал рязанской//, ни толпинской, ни каменской³, а ныпеча такоже волостели наши не въезжают же, а то ведает волостель владычен.

А ходотай Фауст Юрьевич, наместник Юрьи Дьякович, а уездник Матфей Мамантович⁴.

В лето 6911 написана грамота.

А князь Михайло стоял на Тые, а владыка Степан князя потчивал.

Включенный акт в составе правой грамоты 1535 г. (док. № 6); особенности передачи текста см. в ее публикации.

Публ.: Иероним. Указ. соч. С. 31. § 79 (пересказ); *Воздвиженский* Т. Указ. соч. С. 51. § 6 (пересказ, разночтения с текстом Иеронима); *Иловайский Д. И.* Указ. соч. С. 284 (пересказ по тексту Воздвиженского с сокр.); АСЭИ. Т. III. С. 339. № 309 (перепечатан текст Иеронима с испр.).

¹ Д. Курино на реке Тысье упоминается (в сходном контексте) в правой грамоте 1462—1471 гг. См.: АСЭИ. Т. III. № 319.

² С. Жерновица на р. Проне упоминается в жалованной грамоте 1356—1360-х годов. См.: АСЭИ. Т. III. № 314.

³ С XVI в. известен Каменский стан Рязанского уезда.

⁴ Можно предположить, что здесь указаны представители не княжеской, а епископской администрации. «Ходотай» в значении «временно управляющий епархией» упоминается в Ефремовской кормчей XIV в. (*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. М., 1958. Стб. 1378), наместник рязанского владыки упоминается в правой грамоте 1464—1471 гг. (АСЭИ. Т. III. № 319), уездник упоминается в жалованной грамоте 1340 г. (?) пронского князя Александра Михайловича как лицо, поставленное от имени князя для управления епископскою вотчиною. См.: *Кузьмин А. Г.* Древнейшая рязанская грамота XIV столетия. С. 112; Памятники русской письменности. XV—XVI вв. Рязанский край. М., 1978. С. 102.

Дата грамоты, переданная в тексте копийной книги с явным искажением 6911—1403 г. (в трудах Иеронима и Воздвиженского указан только 1403 год), была исправлена уже Д. И. Иловайским (а не И. Добролюбовым, как отмечал И. А. Голубцов) на 1303 г., когда действительно жили кн. Михаил Ярославич и еп. Стефан (*Иловайский Д. И.* Указ. соч. С. 284—285). И. А. Голубцов, имея перед собой только пересказ акта с неверной датой по современному летосчислению, счел возможным датировать его периодом от смерти отца князя Михаила Ярославича — 1299 г. — до года смерти самого Михаила — 1303 г. Имеющийся текст, хотя и вызывает сомнения в точности передачи заключительной части грамоты (следует принять во внимание тот факт, что даты в сохранившихся русских актах до конца XIV в. вообще не встречаются), позволяет, на наш взгляд, принять более точную датировку грамоты — 1303 г. Искажение даты с 6811 на 6911 может быть объяснено неправильным прочтением писца (правой грамоты 1535 г. или копийной книги XVIII в.) цифры 800, обозначенной ѿ, которая в написании как уставом начала XIV в., так и скорописью середины XVI в. сходна с цифрою 900 — Ц.

№ 2

[1483—1500 гг.]. Правая грамота суда боярина рязанского великого князя Ивана Васильевича [Третнего Большого] Федора Григорьевича [Вердеревского] богоявленскому игумену Ионе по тяжбе между Богоявленским Борковским монастырем и Дмитрием Федоровым сыном Юрьевичем о земле селища Отабеева на речке Тюшевке [в Перевитском стане Рязанского уезда].

л. 217 По великого князя^{1*} слову Ивана Васильевича сии суд судил боя-

^{1*} Над строкой другим почерком (?) и более темными чернилами подписано: рез[анского].

рии Федор Григорьевич. Тягался богоявленский игумен Иона с Дмитрием с Феодоровым сыном Юрьевичем¹ о церковную землю, что придал Богдан Курунбеев^{2*} на речки на Тюшевки Великому Богоявленью. И Феодор Юрьевич ту землю похал, а довал с тою земли в дом Богоявленски[й] на год по десяти алтын. И отходя сего света Феодор Юрьевич ту землю богоявленскую отдал Великому Богоявлению, и Дмитрией Феодоров сын ту землю не всю отъехал богоявленскую, как приказал ему отец его Феодор.

И Феодор Григорьевич спросил Дмитрия: Отвечай.

И Дмитрией так рек: Что, господине, было земли церковной богоявленской, ту есмь землю всю отъехал, а то, господине, селишко Отабево отца моего купля и к тому, господине, селишку земли поверх, что вверх к Шахману вражок.

И Феодор Григорьевич спросил игумена: Чем его доходишь, что та земля богоявленская, а не отца его купля?

И игумен так рек: Есть ли, господине, у него грамота купчая отца его на ту землю?

И Дмитрией так рек: Нет, господине, грамоты.

И игумен так рек: Верю, господине, Дмитрию, вели ему крест поцеловать, что та земля купля отца его, а не богоявленская от Тюшевки дебрье по Колеминскую дорогу.

И Дмитрией так рек: Велю, господине, своему человеку крест поцеловать.

И как на сроце к целованью, и Дмитрией человеку своему целовать не велел. И потому Феодор Григорьевич богоявленского игумена Иону оправил, а Дмитрия Феодорова обвинил.

А на суде были у Феодора Шахман Уваров сын, а пристав был великого князя Шемяка Нестеров сын.

Писал грамоту великого князя дьяк Семен Захарьин.

У подлинной грамоты восковая печать.

По полю запись почерком писца: Подлинная под № 215 судная грамота на Залотухинскую землю. *Подчеркнуто имя князя.*

Уп.: Иероним. Указ. соч. С. 43. § 120; *Воздвиженский Т.* Указ. соч. С. 331; АСЭИ. Т. III. С. 368—369. № 342 (перепечатано упоминание Воздвиженского, упоминание Иеронима не отмечено).

¹ Федор Юрьевич, чашник и боярин рязанских вел. кн. Ивана Федоровича и Василия Ивановича, упоминается в актах между 1427—1482 гг. (АСЭИ. Т. III. № 328, 352, 354, 364). В заемной закладной кабале 1509/1510 г. упоминается вдова его сына Дмитрия Федоровича Агрофена с сыном Василием. См.: АСЭИ. Т. III. № 370.

Датировано, как и в АСЭИ, по времени княжения рязанского вел. кн. Ивана Васильевича.

№ 3

[1485 г.] марта 7. Указная грамота рязанского великого князя Ивана Васильевича Третнего Большого о построении церкви Иоанна Златоуста в Переяславле-Рязанском с назначением причту жалования и освобождением его от даней и повинностей.

^{3*} [Яз^{4*}, великий князь Иван Васильевич резанский болшия области Третней повелением божиим приказал боярину своему Иякову Бур-

Л. 132

^{2*} Буквы в середине слова написаны по подчищенному.

^{3*} Начало грамоты в копийной книге отсутствует. Возможно, оно находилось на утраченном л. 179. Восстановлено по тексту грамоты, включенному (неполностью и с сокращениями, до слов «...Буяковской», ср. текст в АСЭИ) в жалованную грамоту царя Михаила Федоровича 1628 г. августа 26 (Л. 181 об.—138 об.). Краткое изложение содержания грамоты (текст, относящийся к церковному лугу) имеется в списках с двух выписей из межевых книг рязанского воеводы стольника Д. Г. Баранчеева: 1) 1691 г. октября (л. 187 об.—190); 2) 1691/1692 г. (Л. 184—187). Текст грамоты (без указания даты) отразился также в выписи из рязанских писцовых книг на церковную землю 1559 г. сентября 14 (Л. 183 об.—184) и 1626 г. января 2 (с датой) (л. 184).

^{4*} Дано по тексту межевой выписи октября 1691 г., в которой написано в виде лигатуры Аз. В грамоте 1628 г.—ка; в межевой выписи 1691/1692 г.—Я.

мину и велел воздвигнути храм во граде своем в Переславле ангела своего Ивана Златоустаго и велел устроити образы местные, и деисусы, и ризы, и книги, и колокола и всякое церковное строение; да около храма с трех сторон на кладбище по пяти сажень, а от улицы ^{5*} ко храму три сажени, а по левую сторону того храма озеро Коросево, а по другую сторону проезжая улица, да на той же улицы ко концу **Л. 180** ряду] стоит богоделня, а ширина сей улицы три сажени. И во дворы сей улицы не примать ^{6*} никому, и аще которыя станут принимать во дворы себе, то воздадут ответ в день судный. А прочих улиц ширины тож. И к сему храму дано под двор земли по городовую стену в поперечину, а в длину с тремя сажени дватцать по Косую улицу и по двор священника Архидиаконского ¹, а по другую сторону живет великого князя столник Иван Бошмаков. А у сей церкви священник Тимофей и диакон Наум. И нашего жалованья дано священнику тридцать рублей денег, а диакону пятнадцать рублей денег, а хлеба священнику ржи и овса по тридцати четвертей, а диакону ржи и овса по пятнадцати четвертей. А по воскресным днем на молебнах у Бориса, Глеба ^{7*} степенная места: под соборными направо златоустской священник стапет, а под ним Николы Старого священник, а под ними прочих священников места городских. А те храмы первые: Иван Златоуст и Никола Старой, и Борис, Глеб ^{8*}. И нашему богомолцу епископу никаких даней на них не имать, и во прочих местах священников места по них. И кто по нас ни будет иных епископов, им нашей жалованной грамоты никакими мерами не рудить никогда же, ни нашей братьи, великим господам великим князьям, наша грамоты не рудить, ни их бояром, ни дьяком, ни епископовым приказным людям дела нет. Ни педельщиков по них не посылать и сходы сему ж священнику города не делать, ни мостов не мостить никаких, крепостей не делать. А приходу к Златоусту серебреники все, да пищальники. Да к тому ж храму дано место дворовое, где лавка поставить, на улице Волковой подле богоделни, а длина той лавки две сажени с локтем, а поперек двенадцать пядей болших с локтем. И на том месте лавку поставил торговый человек Иван Смолев, в оброка ^{9*} па темьян и на свечи и на вино служебное к церкви Ивану Златоусту. Да к тому ж храму за Окою рекою луг у Жидня ^{10*}, идучи к пустыни ², налево четыре десятины, Буяковской, а конец пришел к пожни к Ивнегом ^{11*}, да концом пришел к пожни Бобышкиной, а стороною пришел к дороги Пустынской, а концом к Жидню, да и к пожни Бохмуровской пришел стороною. А на том лугу стоит моча, понему же и колчевник. Или будут писцы и мерщики, им сей лавки и лугу не отписывать прочь от Златоуста и никому не вступатся, ни князем, ни бояром, никаким человеком. // И кто в суюлавку вступитца надушьем или за луг, да будут прокляты. А Никола Старой стоит на Быстром озере на берегу, то есть озеро святое ко прощению очей; и озеро Коросево свято ко прощению очей, да другой храм стоял Варвара Христова мученица. Да к тем храмам дано на кладбище с трех сторон по семи сажень, а позади тех храмов проезжая улица. И сей земли не примать никому ж во дворы, не будут се благословены. И ся моя грамота дана ко храму к Ивану Златоусту в граде сем на утверждение навек.

К сей грамоте великий князь Иван Васильевич рязанской велел печатъ свою приложить.

Писана в Переславле Рязанском лета 6603 марта 7.

^{5*} В рукописи: от лица.

^{6*} В грамоте 1628 г.: принимать.

^{7*} В грамоте 1628 г.: и Глеба.

^{8*} В грамоте 1628 г.: и Глеб.

^{9*} В грамоте 1628 г.: из оброку.

^{10*} Так во всех текстах и пересказах грамоты. Ср.: АСЭИ. Т. III. № 343. Примеч. 7 (по поводу исправления «на житня»). В выписи 1626 г. указана старинная пожня церкви Иоанна Златоуста «у реки у Жидня».

^{11*} В межевых выписях октября 1691 г. и 1691/1692 г.: Ывнегом.

К, подлинной грамоте приложена восковая черная печать.
Под тою грамотою подписано тако: Приписал Яков Бурмин.

На подлинной грамоте на обороте подписано тако:

Лета 7056 марта в 22 день, государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси сия жалованная грамоты слушав великого князя рязанского и златоуского попа Елифана пожаловал, сея грамоты рудити не велел у него ни в чем и велел ходить по всем потому ж, как в сей жалованной грамоте писано. А подписал государев царев и великого князь Ивана Васильевича диак Степан Лихачев.

Лета 6957 взят бысть к Москве в митрополиты рязанской владыка Иона. И во граде нашем Переславле с посаду переведен владыко Иона во храм служить в соборе Успения богородицы ^{12*} степенным местом ^{13*} Бориса и Глеба, на праве место Иоанна Златоустаго под соборными, а Никола Старой под Златоустом место степенное, а протчих храмов // городских под ними места стоять. А Казма и Демьян храм поставлен от священника Ворлама у Николы Старого и служити ему в нем годовую службу. А се храмы первыя — Иван Златоуст да Никола Старой, даней с тех храмов не имать нашей братьи епископом и никаких податей. Благовесту утреннему первая в монастыре у Спаса, да у Духа в монастыре, да у Ивана Златоуста.

Л. 181

Под тем подписано тако: Приписал казначей Нифонт ³.

Лета 6000 сентября в 5 день первая проща ^{14*} от Ивана Златоуста, о чем прощение девицы, невисна ^{15*} была пятнадцать лет. Другую простил боярыню Язвицеву на вечерни, три лета лежала. Сентября в 14 день на обедни простил очима двоих. Месяца октября в 11 день простил очима две девицы да мушину, а имена сим людям написаны в книгах иных многих. Лежал мушина в богаделни семь лет разслаблен и тот прощен от недуга своего месяца ^{16*} декабря в 25 день ⁴.

Был господин наш преосвященный епископ Михаило на Москве, и после его священники вышли за город и поставили храмы без благословенья за городом: троецкой поставил Иерусалим, Зачатия Ивана поставил Возпесенья, от Акима и Анны поставил храм Воскресенья згонное. И писал епископ с Москвы: сем священником благословенья пет. Преставись на Москве лета 7090 ^{17*} году ^{18*} месяца ноября 18 день ⁵.

Лета 7136 августа в 26 день. Мы, великий государь царь и великий князь Михаило Федорович всеа Руси и отец наш государев великий государь святейший патриарх Филарет Никитич московский и всеа Руси сее грамоты слушали, а выслушав сее грамоты златоустовского попа Ивана пожаловали велели ему сю грамоту переписать на наше государское имя, по нашему государскому по новому Уложению, а сю грамоту указали есмя, подписав на наше государское имя ^{19*}, // отдать попу Ивану впредь для спору, а о всем указали ходити потому, как в нашей новой жалованной грамоте нынешняго ^{20*} 136 года за приписью дьяка нашего Семена Бредихина написано.

Л. 181 об.

Под тем подписано тако: Диак Семен Бредихин.

Лета 7199-го июля в 26 день, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев и по грамоте из Поместного приказу за приписью дьяка Гаврила Перекусихина и по указным статьям Писцового наказу сю великого князя Ивана Васильевича рязанского болшия области Третнего грамоту столнику и воеводе Давыду

^{12*}—^{13*} Далее в рукописи оставлены чистые места, примерно для одного слова каждое.

^{14*} Так в рукописи.

^{15*} Так в рукописи.

^{16*} Так в рукописи.

^{17*}—^{18*} Написано более светлыми чернилами.

^{19*} Далее в рукописи — повтор, заключенный в квадратные скобки: по нашему // государскому по новому Уложению.

^{20*} В рукописи нынешняго под титулом.

Григорьевичу Баранчеву преосвященного Аврамия митрополита рязанского и муромского стряпчей Петр Клементьев на межевании церкви Иоанна Златоустого луга Бояковского явил. И по сей великого князя грамоте тот луг Буяковской отмежеван в дом Пресвятыя богородицы честнаго и славнаго ея Успения преосвященному Аврамию митрополиту рязанскому и муромскому по церковному владению.

Под тем подписано тако: Давыд Баранчев. Справил Ивашко Протопопов.

На левом поле л. 180 помета почерком конца XVIII — начала XIX в.: Начало сей грамоты [...] писано на листу 182 (ср. ссылку на «книгу списков» л. 180, 182: Иероним. Указ. соч. С. 33). Следовательно, возможная утрата листа с началом грамоты произошла до начала XIX в. На левом поле л. 182 у записи под 6957 г. скорописью начала XIX в.: Казн. Нифонт упоминается 7159 года (см. примеч. 3). В тексте отмечен раздел о степенных местах.

Публ.: Иероним. Указ. соч. С. 33—34. § 87 (выпись в пересказе); Воздвиженский Т. Указ. соч. С. 39—40, 43—45, 46 (примеч.) (выпись в пересказе, в том числе из летописных записей на обороте грамоты); Иловыйский Д. И. Указ. соч. С. 286 (краткий пересказ); АСЭИ. Т. III. С. 369—370. № 343 (перепечатан текст Воздвиженского, кроме отдельных известий о епископе Ионе и епископе Михаиле, помещенных у него без ссылок на грамоту).

¹ В рукописи написано с прописной буквы. В АСЭИ напечатано с прописной, но в именной указатель не внесено. В выписи 1559 г. указан соседний двор архидиакона Стефана (Л. 183 об.).

² Имеется в виду Покровская Аграфенина пустынь. В выписи 1626 г. написано: «у реки у Жидия идучи к Ографениной пустыни» (Л. 184).

³ В изложении этой записи у Воздвиженского (С. 43—45) отсутствует первая фраза о рязанском епископе Ионе, ставшем в 1448 г. первым московским митрополитом, выбранным без утверждения Константинополя. Следующая фраза у Воздвиженского имеет в начале дату — 1564 г., что никак не может относиться, как он считает, к Ионе II, поскольку тот занимал рязанскую кафедру с 1522 по 1546 г. (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 413). Вся эта запись на обороте грамоты носит сложный летописно-юридический характер. Помету о том, что подписавший ее казначей (рязанского архиепископа?) Нифонт действовал в 1650/1651 г., нам не удалось проверить по другим источникам.

⁴ Эти чисто церковно-летописные записи имеют явно искаженную дату. Вряд ли они могли быть сделаны раньше XVI в. Родоначальником Язвицевых был дьяк рязанского великого князя Михайло Мелентьев сын Язвец, упоминающийся в актах 1501—1519 гг. (АСЭИ. Т. III. № 361, 362, 368, 378, 379, 387), а в 1530-е годы рязанский судья (Памятники русской письменности. № 61). В середине XVI в. в Рязани жил Иван Федорович Язвцов. См.: Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974. С. 380.

⁵ В данной записи дата также не верна (она вписана отдельно от остального текста). Епископ Михаил действительно скончался в Москве, но в 1551 г. в период работы Стоглавого собора. См.: Строев П. М. Указ. соч. Стб. 414.

Обоснование датировки см. в АСЭИ. Ошибочная дата 6603 г. повторяется во всех списках документов церкви Иоанна Златоуста XVII в., помещенных в копийной книге.

№ 4

1498 г. апреля 9. Разъезжая грамота боярина рязанского князя Федора Васильевича [Третного] Матвея Денисьевича [Булгака] земле рязанского епископа Протасия Городецкой с княжеской землей Доргушинской в районе села Дединова и Любичского рубежа, близ реки Оки [в Перевицком стане Рязанского уезда].

Л. 337 Список с роз[ъ]ежей слова от слова.

По княжеву Федорову слову Васильевича, се аз, боярин княже Федоров Васильевича, Матфей Денисьевич отъехал есми землю и луги и болота святых мученик Бориса и Глеба Городецкую владыце Протасью от княжой земли от Дорогушинской и противу Дединова. И рубежа земле: от Оки реки по перевертам, первое переверта на черемесе, другая на

вязу, а третье на пни илимовом, а четвертае переверта на дубце; и от тех переверт к Волхову болоту по перевертам и по болоту, переверта по олешнику и по березнику прямо к Любочкому^{21*} рубежу по Белое Раменья и от Оки реки по перевертам, направо вверх по Оце луг Григорьев Зыкова¹, и Григорей Зыков свой луг ведает по старине, от Зыкова^{22*} луга, от переверт направа луги чистые и луги зеленые, почести хмельники и дуб вотчиннай^{23*} и позем владычен городецких бортников, а палева от переверт по Оце реце на низ луги^{24*} чистые и зеленые и почисти и хмельники и позем княжих бортников дорогушинских.

А на розезде были у Мотфея Денисьевича владычни бояре Степан Дмитреяв да Иван Дмитреяв, да земских людей, Иван Максимав сын да Василь заказник озеричкий, да Останей Филипов сын, да Харя Яковлев сын Хлыстов.

А писал грамоту княже Федоров дьяк Семен Иванов сын Бораков² в лета 7000 шестое апреля в 9 день.

Архиепископлъ приказной человек Русин Сиянов³.

На левом поле помета почерком писца: Подлинная под № 218-м. Здесь же стоит звездочка. Подчеркнута дата.

Публ.: Иероним. Указ. соч. С. 35. § 91 (краткая выпись); *Воздвиженский Т.* Указ. соч. С. 291 (краткая выпись, взято у Иеронима?); *Иловайский Д. И.* Указ. соч. С. 246—247. Примеч. 236. С. 285 (по тексту Иеронима с испр).

¹ Григорий Иванович Зыков, ключник рязанского князя Федора Васильевича, упоминается в разъезжей грамоте 1483—1503 гг. См.: АСЭИ. Т. III. № 323а.

² Очевидно, это дьяк Семен Иванов сын Бораков, он писал в 1501/1502 г. оброчную запись рязанского князя Федора Васильевича (АСЭИ. Т. III. № 337). Фамилия Бораков, Буранов и Бораков у одного лица пишется в рязанском судном списке 1530-х годов (Памятники русской письменности XV—XVI вв. Рязанский край. С. 88—95. № 61).

³ Вероятно, это припись на списке грамоты, сделанном в XVII в.

В выписях Иеронима и Воздвиженского и в АСЭИ указана дата — «апреля 6».

№ 5

1535 г. апреля 17. Правая грамота суда рязанских писцов Ивана Дмитриевича Боброва и Ярца Андреева сына Нармацкого епископскому слуге Никите Семенову сыну Чоглокову по тяжбе рязанского епископа Ионы с крестьянами Жерновского Никитского монастыря о земле (деревне) и лесе по речке Тые у села Жерновиц [в Каменском стане Рязанского уезда], включающая грамоту [1303 г.] рязанского великого князя Михаила Ярославича.

^{25*} ... Макав Надеин и его товарищи тако рекли: Мы, господине, Никитки Чоглокова ржи и овса сильно не жинали и маку не толачивали, а жали^{26*}; а деревню есмя, господине, поставили на Тые речки на никитском лесу тому третьей год, а тот, господине, лес ни борисоглебской, ни владычны вотчина.

И писцы спросили Никитки Семенова: Почему ты тот лес называешь борисоглебским и владычным и кому то ведомо?

И Микитка подал грамоту и в грамоте пишет:

Се яз, князь великий Михайло Ерославич, пожаловал дал есми уездом к селу ко владычню к Столпцем и к Лучинскому по Курицу по

Л. 233

^{21*} Так в рукописи.

^{22*} В рукописи: Языкова.

^{23*} В рукописи: ввотчиннай.

^{24*} В рукописи: руги.

^{25*} Начало грамоты в книге отсутствует, вверху л. 233 оставлен заметный пробел.

^{26*} Далее в строке оставлено чистое место.

Толпинскую дорогу по Муняковский передел^{27*} Старых^{28*} Столбцев^{29*}, а за Пронею за рекою по Столпеченский исток по поле^{30*} Жернавское по березовую веретею по верх Тыя^{31*} и^{32*} по Шивесь по входы, с резанкою шездесят, с виною и с поличным, и^{33*} бобры бити в купле своей и в уезде, по Проне по реке^{34*}, в речках и в озере и в болотех, занеже купля первых^{35*} владык; а уезд^{36*} дали деды^{37*} и прадеды^{38*} наши. А яз такоже даю святым мучеником и отцу своему владыце Степану, как то было доселе: волостель не везжал рязанской Л. 233 о б. // ни толпинской, ни каменной, а^{39*} нынеча^{40*} такоже волостели наши не вьезжают же, а то ведает волостель владычен.

А ходатай Фауст Юрьевич, наместник Юрьи Дьякович^{41*}, а уездник Матфей Мамантович.

В лето 6911 написана грамота.

А князь Михаило стоял на Тые, а владыка Степан князя потчивал.

И выслушав грамоту писцы спросили Макава и Истомку и их товарищев: Почему вы на том лесу сядились и чье приданье тот лес к Никите святому¹ и есто^{42*} ли у вас грамота и отвод той земле?

И Макав и Истомка и их товарищи тако рекли: На том, господине, лесу садил нас толмач великого князя Борис Федоров сын², а живет на Москве, а толмоча, господине, Бориса^{43*} благословил брат его игумен никитской Инокентей, да и грамоту, господине, дал — быть нам на том лесе Борис толмач, да изотлела и разпалася. А во^{44*} се, господине, никицкой игумен Инокентей перед вами.

И писцы спросили игумена Инокентея: Скажи по священству, чей тот лес, на котором сядился Макав да Истомка с товарищи, и есть ли у тебя грамота на тот лес, чье приданье к Никите святому и сколь далече ту деревню посадили от Никиты святого?

И игумен Инокентей тако рек: Скажу по священству: тот, господине, лес никицкой к Жернавищам, а чье приданье, того, господине, не ведаю и грамоты, господине, у нас нет, а верст, господине, с шесть // от сей деревни до Никиты святого. А коли, господине, яз был в игумелех у Никиты святого и яз благословил брата своего, Бориса толмача, на том лесе садится; и те, господине, хресьяне сядились за Борисом за толмачем тому три годы. А тот, господине, владычен слуга Микита Чоглоков толды ж сел с ними на том лесу на никицком, а отводу тому лесу не ведаю.

И писцы спросили Микитки Чоглокова: Чья борто и ухжей на том лесу и с кем^{45*} судереви?

И Микитка тако рек: На том, господине, лесу борто и ухжей бори-соглебская владыки Иона и судереви, господине, нет ничьей.

И писцы спросили Мавки и Истомки с товарищи: Чья на том лесу борто и ухжей и с кем судереви?

И Макав и Истомка с товарищи сказали: Борто, господине, и ухже на том лесу владычня, а судереви нет ничьей.

27* Исправлено из слова «переезд». Это и следующие исправления сделаны рукой подканцеляриста Ивана Андросова, сверявшего копии с текстами подлинных грамот и скрепившего своей подписью всю книгу.

28* Вписано на оставленное место.

29* Буква «е» написана поверх буквы «о».

30* Оставлено первоначальное чтение «по поле», в рукописи исправленное на: «поколе».

31*—32* Вписано над строкой.

33*—34* Вписано на оставленное место и частично над строкой и на поле.

35*—36* Вписано на оставленное место и частично над строкой.

37* Исправлено из деди.

38* Исправлено из прадеди.

39*—40* Вписано над строкой.

41* Исправлено из Дяткович.

42* Так в рукописи.

43* Вписано над строкой почерком пометы заголовка на л. 233.

44* Так в рукописи.

45* В рукописи: к сем.

И по великого князя [слову]^{46*} Ивана Васильевича всея Руси писцы Иван Дмитриевич Бобров да Ярец Ондреев сын Норматково ищю Микитку Семенова сына Чоглокова владычня слугу оправили, а ответчиков: Макава Надеина, да Тереха Дорофеева сына, да Истомку да Пахома Курелбиных, да Демку да Аврейку Филистовых детей Шипилова, да Никитку Дарофеева сына обвинили, // потому, что сказывали Л. 231 об. Макав с товарищи: сели на том лесу по Борисове грамоте толмачеве, да и грамоты не положили, а сказали, что ся у них утеряла[сь], а благословил де его брат, пикичкой игумен Инокентей; а игумен Инокентей сказал, што у него на тот лес грамоты некоторые крепости нет, почему ведати к Никите святому, а брата своего, Бориса, благословил сести на том лесу безграмотно; да и потому, што и сами сказали: на том лесу ухожей и борт борисоглебская владычня, а судереви со владыкою пет ничей; да и потому, што Микитка Семенов положил грамоту на тот лес приданье в дом святым мучеником Борису и Глебу великого князя рязансково Михаила Ерославича при владыце при Стефане к селу Столпцом да к Лучинскому с отводом, и они в том отводе садилися, а от Никиты святого за шесть верст. И землю присудили в дом святым мучеником Борису и Глебу владыце Ионе, а на Макаве и на Истомке и на их товарищех велели ищю Микитке Чоглокову его иску шездесят четвертей ржи и три четверти, да девяносто и три четверти овса, да три четверти маку доправить.

А на суде были подьячие Будна Антишин да Нечай Евсеев // сын Болшакова.

И к сей грамоте писцы Иван Дмитриевич Бобров да Ярец Ондреев сын Нармоцкой и печати свои приложили лета 7043 апрель в 17 день.

У подлинной правой грамоты приложены черныя восковыя две печати.

Обычного в копийной книге указания на номер подлинника нет. На левом поле л. 233 внизу почерком XVIII в. помета, относящаяся к группе актов, скопированных на л. 233–280 об.: Сел Лучинска, Букрина, Полного, Борисовского з деревнями. Между л. 234 и 235 лежит закладка из голубовой бумаги, на ней почерком начала XIX в.: На селы Борисовское и Марковское с пустошами, что ныне селы Борисовское, Ильинское. На об. первой закладки и на лежащей здесь же другой закладке из бумаги начала XX в. карандашом подсчеты дат: 6911–5508/1303, 6043–5508/527, 6911–5508/403. В тексте грамоты подчеркнуты во включенном акте 1303 г. имена князя, епископа и дата и отмечены на полях соответственно буквой «Н», чертой и звездочкой.

^{46*} В строке оставлено чистое место.

№ 6

1569 г. ноября 22. Указная грамота царя Ивана Васильевича в Рязань епископу Сергию о подчинении ему в церковном отношении «нового города» Данкова в связи со спором с коломенским епископом Иоасафом; с упоминанием грамот великих князей и митрополитов XIV в.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси на Рязань Богомольцу нашему рязанскому и муромскому епископу Сергею¹. Писал еси к нам, что велели есмя в своей вотчине на Дону поставити новый город Данков². И как в том городе в Донкове поставили соборную церковь Рождества пресвятыя богородицы да в пределе Усекновения честныя главы Ивана Предтечи, а другой предел Петр и Павел; и бывшей ряз-

¹ Время основания Жерновского Никитского монастыря неизвестно. С 1680 г. до упразднения в 1764 г. он состоял приписанным к Новоиерусалимскому монастырю. (См.: *Зверинский В. В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. II. С. 133. № 797).

² Вероятно, это толмач великого князя Ивана III Борис Марков (см.: *Савва В. И.* Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке. М., 1983. С. 332–333).

занский епископ Филофей ту соборную церковь и с предели велел освящати и антимины послал. И как владыка Филофей епископию оставил, и в то время, меж владык, послал к той соборной церкви и к пределам бывшей коломенской владыка Иосиф пети попа в своей Коломенской епископии. Да и после того коломенской же епископ Иосаф в твою епископию в те церкви вступался и храмы велел ставити, и священников в своей Коломенской епископии в Данков посылал. И мы по твоей отписке велели того сыскати и посылали есмь о том на Коломну к коломенскому епископу Иасафу грамоту, а велели есмь ему сыскати у себя в казне грамот жалованных великого князя Дмитрия Ивановича Донского³, да и тех грамот, почему тем городом Данковым владел бывшей коломенской // епископ Иосиф и почему ныне владеет коломенской владыка Иасаф. И он к нам писал, что у него на тот город Данков в казне грамот жалованных никаких нет. А бывшему коломенскому епископу Иосифу государю о том бити челом не случилось, а бывшей на Коломне в епископах новой о том государю бити челом вскоре не смел. И мы ныне списком з грамот жалованных великого князя Олга Ивановича⁴ и великого князя Володимера Дмитриевича⁵, каковы даны бывшему рязанскому епископу Василью, да прежних митрополитов — Максима митрополита, Феогнаста митрополита, Алексея митрополита всеа Руси⁶ списков же з грамот смотрели, которые списки з грамот присланы за своими печатми. И велели есмь в том городе в Данкове церковным сооруженьем владети и ведати попов и дьяконов и весь причет церковный тебе, богомольцу своему, Сергею епископу или по тебе хто иной епископы на Резани будут по прежним великого князя и по сей нашей грамоте о всем потому, как и в прежних грамотах писано. И как к тебе ся папа грамота придет, и ты б, богомолец наш, епископ Сергей в новом городе Данкове церковное сооруженье и попов и диаконов и весь причет церковный ведал по Соборному уложению и по правилом и по прежним и по сей нашей грамоте.

Писан на Москве лета 7078 ноября в 22 день.

Указаний на номер подлинника нет. Скрепь И. Андросова на л. 212 об.— 213 нет. На левом поле почерком начала XIX в. (схожим с почерком на ряде закладок) помета: Граммата о Данкове. В тексте грамоты подчеркнуто первое упоминание о г. Данкове, а в конце текста на левом поле рядом с упоминанием города стоит звездочка.

Публ: Иероним. Указ. соч. С. 43—44. § 121 (пересказ, датировано 1570 г.); Воздвиженский Т. Указ. соч. С. 292—293 (пересказ, датировано 1570 г.).

¹ Сергей был рязанским епископом в 1569—1572 гг. после смещенного в 1568 г. или в начале 1569 г. епископа Филофея, занимавшего кафедру с 1562 г. (Строев П. М. Указ. соч. Стб. 414). В то же время произошла и смена коломенских владык.

² В литературе бытуют две даты основания (построения нового города) Данкова. Последнее издание БСЭ (Т. 7. С. 546) называет 1571 г. Эта дата, помещенная в ряде советских и дореволюционных энциклопедий, вероятно, восходит к указанию «Географическо-статистического словаря Российской империи» П. П. Семенова-Тяншанского (СПб., 1865. Т. 2. С. 9). Другая дата — 1563 г., принятая местными краеведами (см.: Прасолов И. А., Соседов В. П. Данков. Липецк, 1963. С. 3; Путешествие по Липецкой области. Воронеж, 1971. С. 74), основана на замечании А. Л. Монгайта, сделанном в связи с изучением домонгольского Данкова (Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 232). Источники этих дат нам неизвестны. О строительстве Данкова в 1576 г. (очевидно, летом 1568 г.) указано в разрядной книге пространной редакции: «Того же году ходили воеводы в Данков города ставить» (Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, ч. 2. С. 233). На это же время указывает и публикуемая грамота, почему-то не замеченная исследователями истории города, несмотря на ее подробный пересказ в трудах Иеронима и Воздвиженского.

³ Вопрос о существовании грамот Дмитрия Донского коломенским епископам остается открытым. Издатели АСЭИ не привлекли грамоту 1569 г. для изучения упоминающихся в ней этих и других грамот XIV в.

⁴ Этот акт, как и другие грамоты рязанского великого князя Олега Ивановича:

епископу Василию II, можно датировать временем нахождения последнего на рязанской кафедре — 1356—1370-е годы (ср.: АСЭИ. Т. III. № 314, 315).

⁵ Более подробное упоминание об этой грамоте пронского князя Владимира Ярославича (Дмитриевича) содержится у Воздвиженского (С. 50). Сопекаясь в источнике, И. А. Голубцов не решился датировать акт годами великого княжения Владимира Ярославича на Рязани — 1371—1372 гг. (АСЭИ. Т. III. № 316), а дал ему более широкую дату — 1356—1372 гг. Из текста грамоты ясно, что титул «великий князь» фигурировал в грамоте, список которой рассматривался Иваном Грозным.

⁶ Тексты грамот Феогноста и Алексея сохранились; в них упоминается и грамота митрополита Максима. См.: АСЭИ. Т. III. № 312, 313.

ДОКУМЕНТЫ О ПОПЫТКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В ОКТЯБРЕ 1913 г.

3 июня 1907 г. с изменением избирательного закона в Думу произошел государственный переворот, знаменовавший собой конец первой российской революции. Новый революционный подъем (1910—1914 гг.) вызвал рост оппозиционных настроений и в «русском парламенте». Поэтому даже с IV Думой, избранной в 1912 г. по урезанному избирательному закону, самодержавие не могло сосуществовать, что подтверждает стремление царизма превратить последнюю из законодательной в законосовещательную. Предварительным условием этого должен был стать роспуск Думы. Данный факт известен в литературе. Е. Д. Черменский упоминал о нем, ссылаясь на опубликованную переписку министра внутренних дел Н. А. Маклакова с Николаем II¹. «Настроение среди фабрично-заводского люда неспокойное, — писал Маклаков царю 14 октября 1913 г. — ... Собираются в Таврическом дворце думские фракции. Впечатление от того, что там происходит, неотрадное». Предвидя «взрыв негодования Думы» после своего «решительного предупреждения» (т. е. заранее спровоцированного скандала в Думе), министр продолжал: «Если поднимется буря и боевое настроение перекинется далеко за стены Таврического дворца, администрация сумеет подавить волнения, но для этого необходимы будут две меры: роспуск Думы и немедленное объявление столицы на положении чрезвычайной охраны»².

Царь одобрил представление Маклакова, предложив обсудить в Совете министров свою давнюю идею о превращении законодательной Думы в законосовещательную, что, по сути дела, стало бы очередным после 3 июня 1907 г. государственным переворотом. «Представление на выбор и утверждение государя, — отвечал он Маклакову, — мнения большинства и меньшинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности и притом в русском духе»³.

Дальнейший ход событий описан ленинградскими историками в фундаментальном труде «Кризис самодержавия в России. 1895—1913» (Л., 1984). Здесь мы впервые встречаем указание на то, что дело не ограничилось только перепиской между царем и министром. Оказывается, Совет министров рассматривал этот вопрос на своем заседании 17 октября 1913 г. и принял, как водилось в его практике, специальный документ, которым оформлялись все решения правительства — «Особый журнал Совета министров»⁴. Автор главы, в которой идет об этом речь, Б. В. Дубенцов, впервые в исторической литературе указал на решение правительства распустить Думу и ввести в столице чрезвычайную охрану. Дал он и отсылку на «Особый журнал Совета министров» от 17 ок-

¹ Черменский Е. Д. История СССР: Период империализма. М., 1974. С. 291—292.

² Монархия перед крушением. 1914—1917: Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л., 1927. С. 93—94.

³ Там же. С. 92.

⁴ Коллекция «Особых журналов Совета министров» хранится в ЦГИА СССР (Ф. 1276. Оп. 20).

тября 1913 г., и на хранящийся вместе с ним подписанный царем «Указ Сенату». По нашему мнению, эти документы, о которых в книге сказано всего несколько строк, настолько важны и интересны, что заслуживают быть опубликованными, ибо очень ярко характеризуют как уровень революционного движения, так и глубину внутривластного кризиса, который переживало самодержавие накануне вступления в мировую войну.

Оба публикуемых источника — «Особый журнал Совета министров» и «Указ правительствующему Сенату» — представляют собой типографски отпечатанные документы с подлинными резолюцией и подписью царя. В «Указе» дата отсутствует. Она должна была быть проставлена председателем Совета министров после согласования ее с царем по телефону. Однако Дума разогнана не была, а в Петербурге не ввели чрезвычайной охраны. Вскрывая подоплеку неудавшейся попытки самодержавия изменить характер Думы, авторы названного труда⁵ справедливо считают, что причинами ее провала были боязнь большей части высшей бюрократии пойти на прямой конфликт с буржуазно-помещичьим общественным мнением и опасность потери престижа в глазах западноевропейских буржуазных кругов, с которыми председатель Совета министров В. Н. Коковцев именно в это время вел переговоры о заключении очередного займа⁶. Эти обстоятельства и сорвали попытку планировавшегося царем и некоторыми из его министров государственного переворота, характеризующего как методы борьбы самодержавия с революционным движением, так и неспособность царизма ужиться даже с такой ограниченной уступкой буржуазному парламентаризму, как Государственная дума.

Публикуемые документы хранятся в ЦГИА СССР (Ф. 1276. Оп. 20. Д. 68. Л. 48—51).

М. К. Шаццлло

ОСОБЫЙ ЖУРНАЛ СОВЕТА МИНИСТРОВ 17 ОКТЯБРЯ 1913 г.

(О некоторых мерах на случай нарушения правильного хода
государственной и внутренней жизни)

Министр внутренних дел вошел в Совете министров с представлением об объявлении С.-Петербурга взамен усиленной в положении чрезвычайной охраны. В этом представлении гофмейстер Маклаков объяснил, что за последнее время в стране наблюдается значительное усиление революционного брожения, а также ярко выраженный подъем оппозиционного настроения левых групп населения. При изъясненном положении, могущем в крупных административных промышленных центрах привести к нарушению государственного порядка и вызвать массовые противоправительственные выступления, необходимо, по мнению министра внутренних дел, принять заблаговременно надлежащие меры, дабы возникшие беспорядки, если они наступят, не застигли правительство врасплох и могли быть прекращены в самом их зародыше. Согласно высочайшему указу 29 ноября 1905 года (свод зак[онов], т. XIV, уст[ав о] пред[упреждении и пресечении] прест[уплений], по прод[олжению] 1912 г., ст[атья] 1 (прим[ечание] 2), прилож[ение] 1: ст[атья] 12¹), в случаях нарушения железнодорожных, почтовых и телеграфных сообщений или замешательства в правильности сих сообщений, генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам предоставляется право, если для восстановления порядка они признают это нужным, объявлять собственною властью вверенные им местности в состоянии усиленной или чрезвычайной охраны и даже на военном положении, но на С.-Петербург полномочия эти, как видно из пункта 4 той же статьи закона, не распространяются. Между тем в С.-Петербурге, как центре государст-

⁵ Кризис самодержавия в России. 1895—1913. С. 526.

⁶ Черменский Е. Д. Указ. соч. С. 292.

венной и общественной жизни России, всякое противоправительственное движение может иметь особо серьезное значение, и потому весьма важно было бы заранее обеспечить возможность объявления столицы на положении чрезвычайной охраны тотчас же по наступлении беспорядков. Вследствие сего гофмейстер Маклаков признавал бы необходимым ныне же представить к подписанию Вашего императорского величества указ об объявлении С.-Петербурга в состоянии чрезвычайной охраны с тем, чтобы самое распубликование этого указа и приведение его в действие последовало лишь тогда, когда Совет министров сочтет по местным обстоятельствам своевременным принять означенную исключительную меру.

Обсудив изложенное и припав в соображение, что по ближайшей осведомленности министра внутренних дел в общественном настроении, а равно в деятельности противоправительственных партий, кружков и лиц, заключению его в настоящем деле надлежит придать особо веское значение, Совет министров и с своей стороны не мог не присоединиться к намеченной гофмейстером Маклаковым мере, весьма серьезно усиливающей полномочия администрации на случай борьбы с нарушениями государственного порядка и общественного спокойствия. Вместе с тем Совет остановил свое внимание на том, что объявление С.-Петербурга в положении чрезвычайной охраны может подать повод к столь резким выступлениям против правительства в среде Государственной думы, что дальнейшее продолжение ее занятий станет совершенно нетерпимым. При этом возможность подобных выступлений нужно предвидеть по нынешним обстоятельствам и независимо от принятия вышеупомянутой меры, ибо значительная часть думских кружков, даже из сравнительно умеренных партий, настроена крайне оппозиционно. В виду сказанного Совет находит необходимым заблаговременно представить к подписанию Вашего императорского величества не только указ об объявлении С.-Петербурга на положении чрезвычайной охраны, но также и указ о роспуске Государственной думы, с тем: 1) чтобы время опубликования первого из этих указов предоставлено было определению Совета министров и 2) чтобы предварительно опубликования указа о роспуске Государственной думы председателем Совета министров согласно с постановлением по сему предмету названного Совета по телеграфу испрошено было высочайшее соизволение на исполнение сей меры с назначением срока созыва Думы в новом составе.

В соответствии с сим, Совет министров полагает¹:

Поднести к собственноручному подписанию Вашего императорского величества указы об объявлении города С.-Петербурга в положении чрезвычайной охраны² и о роспуске Государственной думы с тем: 1) чтобы Совету министров предоставлено было сообразно с ходом обстоятельств определить время опубликования первого из этих указов, буде сие потребуется, и 2) чтобы предварительно объявления указа о роспуске Государственной думы председателем Совета министров согласно с постановлением о том Совета испрошено было высочайшее соизволение на принятие означенной меры с проставлением в указе срока созыва Думы в новом составе.

Такое заключение свое Совет всеподданнейше повергает на благовозрение Вашего императорского величества.

Н. Харитонов
И. Щегловитов
Н. Маклаков³

Управляющий делами Совета министров Н. Плеве

¹ Подчеркнуто в тексте.

² В д. 68 такого документа нет.

³ Н. Харитонов — государственный контролер, И. Щегловитов — министр юстиции, Н. Маклаков — министр внутренних дел.

Резолюция царя на первой странице журнала:

Согласен ⁴. Срок созыва новой Г[осударственной] Думы должен быть значительно отдален.

Заверительная подпись:

«Собственною его императорского величества рукою начертано: „Согласен. Срок созыва новой Г. Думы должен быть значительно отдален“ ⁴. В Ливадии 23 октября 1913 г.

Председательствующий в Совете министров Статс-секретарь
Н. Харитонов».

⁴ Подчеркнуто в тексте.

УКАЗ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ

На основании статьи 105 Основных государственных законов, издания 1906 г., повелеваем: Государственную думу распустить, с назначением времени созыва вновь избранной Думы на ¹

О времени производства новых выборов в Государственную думу последуют от нас особые указания.

Правительствующий Сенат не оставит учинить к исполнению сего надлежащие распоряжения.

Николай

¹ Далее в указе оставлено место для даты созыва вновь избранной законосовещательной Думы.

АВТОБИОГРАФИЯ А. И. МАРКЕВИЧА (1934)

В архиве ЛОИИ хранится фонд Комитета учета и изучения научных сил СССР (КУИНС) ¹. Комитет был образован в 1922 г. и занимался собиранием сведений путем анкетирования обо всех учреждениях и научных работниках СССР. В 20-е годы — первой половине 30-х годов было проведено не менее шести анкетирований, по результатам которых были изданы справочники ². В анкеты включались вопросы о времени и месте рождения, образовании, стаже работы, основных научных трудах и т. п. Иногда научные работники прилагали к посылаемой в Ленинград анкете свою автобиографию.

Значительный интерес представляет хранящийся в фонде машинописный экземпляр автобиографии видного ученого-краеведа и общественного деятеля Крыма, члена-корреспондента АН СССР Арсения Ивановича Маркевича (1855—1942) ³. Получив филологическое образование в Варшавском университете и проработав несколько лет в Белоруссии и Литве, с 1883 г. А. И. Маркевич связал свою жизнь с Крымом. Молодого учителя гимназии привлекала археология, история, этнография Таврической губернии. Он быстро становится самым деятельным членом Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК), фактически руководил ею четверть века. «Роль архивных комиссий, — писал акад. И. Ю. Крачковский в своем отзыве о научно-общественной деятельности Маркевича, — в истории нашей культуры в прошлом была довольно велика, но можно смело сказать, что ни одна из них не поднялась до той высоты, как Таврическая, благодаря самоотверженной и в большинстве случаев единоличной деятельности А. И. Маркевича» ⁴. Энергии и настойчивости

¹ АЛОИИ. Ф. 155. Первоначально КУИНС назывался Комиссией «Научные учреждения и научные работники СССР».

² Справочники были изданы в 1923—1934 гг. отдельно по научным учреждениям или научным работникам Москвы, Ленинграда, СССР (без Москвы и Ленинграда). В эти издания вошла лишь незначительная часть сведений, собранных КУИНС.

³ АЛОИИ. Ф. 155. Оп. 2. Д. 457.

⁴ [Кошлякова Е. А.] К 100-летию со дня рождения А. И. Маркевича // ВДИ. 1955. № 4. С. 173.

Маркевича обязано существованием преобразованное в 1923 г. из ТУАК Таврическое общество истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ), председателем которой он был до последнего года деятельности этой краеведческой организации. Кипучая общественная деятельность ученого в сочетании с глубоким знанием истории Крыма принесли огромную пользу делу всестороннего изучения полуострова. Во многом благодаря Маркевичу труды ТУАК⁵ приобрели известность среди научных организаций страны и «представляют, — как указывал И. Ю. Крачковский, — своеобразную энциклопедию по истории и культуре Крыма, которая еще долго будет служить путеводной нитью для всех исследователей края»⁶. За свою долгую жизнь Маркевич опубликовал около 100 работ⁷, подавляющее большинство которых написано на основе архивных документов. Очень широка тематика его трудов: историко-литературоведческие работы, книги и статьи по археологии, топонимике, истории городов и селений Крыма. Научным подвигом можно назвать создание ученым обширного библиографического указателя литературы о Крыме⁸, который, по выражению акад. Б. Д. Грекова, должен быть настольной книгой каждого исследователя Крыма⁹. Почти через все свои работы Маркевич проводил мысль о необходимости сохранения исторических памятников и архивных материалов. В начале 1927 г. Арсений Иванович был избран членом-корреспондентом АН СССР — случай беспрецедентный по отношению к провинциальному ученому-краеведу, тем более не имевшему ученой степени.

Публикуемая ниже автобиография ученого, написанная им в возрасте 79 лет, интересна не только богатым фактическим материалом — она позволяет узнать в какой среде воспитывался Маркевич, кто были его учителя, вскрыть причины его увлечения Крымом, взглянуть, как он оценивал свою деятельность и т. д. Опубликованные ранее статьи о Маркевиче биографического характера невелики по объему и почти не содержат информации о жизни и деятельности до переселения в Крым¹⁰.

Автобиография печатается в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1969).

В. Ф. Козлов

⁵ В 1887–1920 гг. вышло 57 томов Известий ТУАК. Четыре тома Известий ТОИАЭ было опубликовано в 1927–1930 гг.

⁶ [Кошлякова Е. А.] К 100-летию со дня рождения А. И. Маркевича: С. 173.

⁷ АЛОИИ. Ф. 155. Оп. 2. Д. 456. (Из анкеты ученого 1934 г.). В имеющемся списке научных трудов А. И. Маркевича, опубликованном в Известиях ТОИАЭ в 1927 г. (т. 1(58)), включено 64 печатных работ и 9 готовых к печати рукописей.

⁸ Таблица: Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще // ИТУАК. 1894. № 20; 1898. № 28; 1902. № 32/33.

⁹ [Кошлякова Е. А.] К 100-летию со дня рождения А. И. Маркевича. С. 174.

¹⁰ Кошлякова Е. А. Памяти А. И. Маркевича // Изв. Крымского Отдела Географического общества СССР. 1961. Вып. 7. С. 233–238; Платонов С., Крачковский И. Записка об ученых трудах проф. А. И. Маркевича. Л., 1927; Некоторые материалы о Маркевиче находятся в АЛОИИ (Ф. 32) и в архиве Крымского краеведческого музея в Симферополе (Ф. ТУАК).

Маркевич Арсений Иванович родился в городе-Брест-Литовске 30 марта 1855 года, сын священника. Очень скромный и трудовой быт моей семьи был полон умственных и интеллектуальных запросов, которые были присущи моим родным и по отцу и по матери, урожденной Серно-Соловьевич¹. Дед мой по отцу был магистром богословия, два родственника были профессорами университетов, три были видными деятелями народного образования². В отроческие и юношеские годы я хорошо ознакомился с бытом населения Бреста и его округа и его языком. Привлекала меня и седая старина моей родины, ее исторические памятники и судьбы. Не менее сильное впечатление производили на меня участники Крымской войны и Оборона Севастополя, посещавшие родителей моих офицеры, врачи, сестры милосердия, служившие по окончании ее в Брестской крепости, а равно и герои-солдаты, один из которых был сторожем кладбища, хотя и ходил на костыле. Отец мой, большой народолюбец, за отсутствием тогда у нас народных школ, сам покупал и развозил по деревням своего прихода азбуки и другие начальные пособия, по которым обучали деревенских детей грамоте отставные солдаты, жившие в этих деревнях. С особенным волнением переживал я события, связанные с польским восстанием 1863 г., очень сильно отражавшиеся в Бресте и причинявшие нашей семье много тревог и опасений. Из переживаний детства не могу не упомянуть об особенно радостном пребывании у нас брата отца, студента Петербургского университета, и горько поразившей нас ссылке его в г. Глазов за участие в студенческом движении 1860—1861 гг.

Обучался я сначала в уездном училище и прогимназии в Бресте, а старшие классы прошел в ближайшей к нему Бельской гимназии, учащиеся которой состояли главным образом из детей крестьян Подляшья и Холмщины и из уроженцев Гродненской губернии.

Высшее образование я получил в молодом тогда русском Варшавском университете, на историко-филологическом факультете, по славяно-русскому отделению³. Из профессоров своих назову Яковлева, Первольфа, Троицкого, Струве, Повинского⁴, — все это были видные ученые. Бывший в то время профессором Варшавского университета Самоквасов⁵ устроил в нем археологический музей из своих раскопок, обратил мое внимание на древности родного мне Побужья и укрепил во мне интерес к памятникам древности и старины, усиленный организованным при университете доцентом Иезберой⁶ славянским этнографическим музеем. Меня особенно увлекало славяноведение, русская литература и история. По окончании курса в 1876 г. я имел основание мечтать об ученой карьере. Кандидатское сочинение мое «Юрий Крижанич и его литературная деятельность» было напечатано в Университетских известиях⁷ и удостоено отзывов В. В. Макушева, О. Ф. Миллера, А. Н. Пыпина⁸ и др. Но мои планы об ученом поприще не осуществились, мне пришлось поступить из-за житейских обстоятельств на учительскую службу, с которой я был связан почти половину своей жизни.

Сейчас же после окончания курса в университете я получил место преподавателя русского языка, словесности и истории в г. Холме, в тамошнем Мариинском женском училище, в котором прослужил три года вскоре после неудачного обращения холмских униатов в православие при усиленном участии галичан⁹.

Научной работы я не оставлял и строил планы магистерского экзамена и соответственной диссертации. Но совместить все это со службой оказалось невозможным. Перейти на службу в Варшаву не удалось, и вместо этого я перешел на службу в Шавельскую гимназию¹⁰ и прослужил в ней четыре года. Работа здесь была тяжелая, т. е. учащиеся состояли главным образом из жмудинов, плохо владевших русским языком, но труды мои оказались успешными, и я находил время и для научной работы.

Но здоровье мое на Жмуди стало сильно плошать, и я с радостью ухватился за предложение попечителя Одесского учебного округа

П. А. Лавровского¹¹, знавшего меня еще по Варшавскому университету, где он был ректором, перейти на службу к нему, именно преподавателем Симферопольской мужской гимназии. В 1883 г. я переехал в Симферополь.

Крым пленил меня не только природой и возродившим меня климатом, но и своей историей и древностями, которые я стал усердно изучать. Важным обстоятельством в этом отношении было мое путешествие летом 1884 г. в Грецию, Египет, Палестину и на Афон, выяснившее многое в историческом прошлом Тавриды. Результаты моей служебной работы были хороши; с Крымом связывали меня и семейные обстоятельства, и я решил навсегда остаться в Крыму, отказываясь от разных повышений. Каждые два года я бывал и на родине, которой никогда не забывал и которая стала для меня теперь чужбиной.

Все свободное время от служебных занятий я посвящал науке и кримоведению. С учреждением в Симферополе в 1887 г. Таврической ученой архивной комиссии я стал в ней ревностным работником в качестве члена ее, а потом правителя дел, наконец председателя как по разработке и охране от уничтожения архивных материалов Крыма и памятников его древности, так и по участию своими трудами в ее «Известиях», которых был редактором¹². В этом издании я поместил большую часть своих научно-литературных трудов.

Важными моментами в моей жизни в это время было научное общение с Археологической комиссией, Московским археологическим обществом и Одесским обществом истории и древностей и участие в нескольких археологических съездах¹³.

Прослужив тридцать три года по учебному ведомству в звании преподавателя, я в 1907 г. вышел в отставку, но продолжал служебную деятельность с этого времени в звании члена Таврического попечительства детских приютов и директора Симферопольского детского приюта имени А. М. Адлерберга до реформы призрения детей при Советской власти в 1918 г.

Я продолжал в это время работу в Таврической ученой архивной комиссии, преобразованной в 1923 г. в Таврическое общество истории, археологии и этнографии до закрытия его в 1930 году.

Из других фактов моей общественной деятельности укажу на участие в учреждении Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы¹⁴, организацию в Симферополе публичной библиотеки и бесплатной при ней читальни и живое участие в учреждении в Симферополе городских школ и высшего учебного заведения — университета. При учреждении Таврического университета (в октябре 1918 г.) я был избран в его доценты и состоял в этом звании, а потом в звании сверхштатного профессора в Крымском педагогическом институте имени Фрунзе и читал в них курсы по истории, археологии, этнографии и экономике Крыма до 1930 г.¹⁵

С открытием в Симферополе Крым-Центр-Архива с начала декабря 1921 г. по 1 ноября 1926 г. я состоял сотрудником его в звании архивиста и разобрал и внес в описи несколько десятков тысяч дел разных учреждений.

Скромная научная моя работа встречала сочувствие в научных сферах, и я был избираем в члены разных ученых учреждений и обществ, а в 1926 г. удостоен избрания в члены-корреспонденты Академии наук СССР¹⁶. Насколько хватает сил, продолжаю научную работу и в настоящее время на закате своих дней¹⁷.

Арсений Маркевич

Симферополь, 14 июня 1934 г.

¹ Мать Маркевича, Екатерина Васильевна Серно-Соловьевич, двоюродная сестра русского революционера Николая Александровича Серно-Соловьевича (1834—1866).

² Историк, профессор Новороссийского университета Алексей Иванович Маркевич, исследуя род Марковичей (Маркевичей) писал: «Наконец, XIX в. знаем Маркевичей (православных) из правобережья, принадлежащих к духовному сословию,

например Григория Маркевича, статьи которого помещались в трудах Киевской Духовной академии, Арсения Ивановича Маркевича, автора исследования о Крижаниче, и др.» (*Маркевич А. И.* Марковичи. Киев, 1890. С. 52).

³ Маркевич поступил в университет в 1872 г.

⁴ Аристов Николай Яковлевич (1834—1882) — историк; Колосов Митрофан Алексеевич (1839—1881) — филолог, профессор русского языка и словесности; Никитинский Александр Иванович (1842—1886) — историк; Цветаев Иван Владимирович (1847—1913) — историк, профессор русской словесности; Макушев Викентий Васильевич (1837—1883) — славист; Яковлев Владимир Алексеевич (1840—1896) — филолог, профессор; Первольф Осип Осипович (1841—1911) — славист; Струве Генрих Егорович (1840—?) — философ, профессор.

⁵ Самоквасов Дмитрий Яковлевич (1834—1911) — археолог и архивист, профессор истории русского права.

⁶ Иезубера Федор Иванович (1829—1901) — славист, профессор.

⁷ Известия Варшавского университета, 1876. Кн. 1, 3 и отд. изд.

⁸ Миллер Орест Федорович (1883—1889) — филолог, профессор истории русской литературы Петербургского университета; Пыпин Александр Николаевич (1883—1904) — литературовед, этнограф, член Академии наук.

⁹ По инициативе Синьда в 1873 г. был издан указ о замене католических церковных обрядов православными. При введении православных обрядов среди местного униатского населения произошли волнения.

¹⁰ Г. Шавли — уездный город Ковенской губернии, ныне Шауляй Литовской ССР.

¹¹ Лавровский Петр Алексеевич (1827—1886) — славист, профессор.

¹² С 1891 г. Маркевич становится правителем дел ТУАК и редактором ее «Известий», а с 1909 г. — бессменным председателем.

¹³ Ученый участвовал в археологических съездах: XII (Харьков, 1902), XIII (Екатеринославль, 1905), XIV (Чернигов, 1908), областном во Владимире (1907). В трудах XIII съезда (т. II) опубликована статья Маркевича «К истории крымских архивов».

¹⁴ Общество (1910—1930) было организовано в Симферополе и ставило перед собой задачу всестороннего изучения естественно-исторических вопросов Крыма. С 1911 по 1930 г. общество напечатало 12 томов своих «Записок».

¹⁵ Маркевичем в Симферополе в 1919 г. опубликован «Краткий исторический очерк возникновения Таврического университета».

¹⁶ Маркевич был избран членом-корреспондентом в начале 1927 г. В «Записке об ученых трудах проф. А. И. Маркевича» академиком С. Ф. Платонова и И. Ю. Крачковского он был назван «выдающимся ученым-краеведом».

¹⁷ Летом 1941 г. А. И. Маркевич приехал в Ленинград к дочери Е. А. Кошляковой с намерением вскоре вернуться в Крым. 18 января 1942 г. он умер в блокадном Ленинграде.

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

в 1987 г.

18 декабря 1986 г. на заседании Археографической комиссии выступил *К. Н. Тарновский* (Ин-т истории СССР АН СССР) с докладом «Ленинские „Тетради по империализму“». К истории их создания и публикации¹. После доклада состоялось обсуждение. Ю. В. Андрушайте (АК) дала высокую оценку методу изучения автором ленинских «Тетрадей», отметила филигранность исследования, а также редкий по совершенству стиль изложения, превративший доклад в увлекательный рассказ о научном поиске. Работа К. Н. Тарновского свидетельствует о том, что источниковедение, текстология, археография ленинских работ успешно развиваются. Его доклад со всей убедительностью показал важность обращения исследователя непосредственно к оригиналу источника и еще раз подтвердил необходимость всемерного расширения факсимильных изданий.

В. В. Шелохаев (Ин-т истории СССР АН СССР) отметил, что доклад К. Н. Тарновского представляет собой синтез целого комплекса кардинальных проблем. Их постановка и осмысление важны для изучения ленинской творческой лаборатории и для понимания новой исторической эпохи как единого целого и исследования современных процессов революционного движения в мире. По существу К. Н. Тарновский по-новому подошел к прочтению данной ленинской книги. Творческий характер доклада, естественно, вызывает ряд размышлений. Во-первых, соглашаясь с К. Н. Тарновским в том, что развитие ленинской мысли с логической неизбежностью привело в 1916 г. к необходимости системного анализа всей империалистической эпохи, следовало бы, по мнению В. В. Шелохаева, особо выделить период 1912—1914 гг., который имел принципиально важное значение для выработки В. И. Лениным целостной теории империализма. Во-вторых, если одной из характерных черт книги Гильфердинга «Финансовый капитал» был так называемый «европоцентризм», то в ленинском труде дан анализ империализма как системы, рассмотрена борьба за демократию и социализм в их неразрывном органическом единстве. Этот ленинский методологический подход был чрезвычайно важен для понимания места и роли России в мировой капиталистической системе, сово-

купности тех исторических задач, которые стояли перед ней в начале XX в. Именно из целостного подхода В. И. Ленина к анализу империализма вытекал принципиально важный вывод о том, что пролетарская революция не является одновременным актом, а представляет собой целую историческую эпоху. В-третьих, при анализе ленинской теории революции следует также иметь в виду, что применительно к России речь шла не только о победе пролетарской революции, но и о вполне реальной возможности построения в ней социализма.

На этико-психологическом аспекте исследования остановился *А. А. Курносое* (АК). Внявши логике, на первый взгляд, незначительных пометок и значков, сказал он, К. Н. Тарновский увидел за ними громадную сложность и глубину мысли Ленина. В его работе отчетливо присутствует личностное отношение автора, его сопереживание движению ленинской мысли. Доклад показывает, что источниковедение не только дает «полупродукты», из которых конструируется здание науки, но и в качестве законченного элемента входит в историческое построение. Исторические и методологические выводы, к которым пришел К. Н. Тарновский, находятся на генеральном направлении развития советской исторической науки и открывают программу работ на будущее.

Р. М. Савицкая (ИМЛ) присоединилась к высокой оценке исследования К. Н. Тарновского. Его наблюдения, считает она, должны быть учтены при новом издании трудов В. И. Ленина. В обсуждении также приняли участие *О. М. Медушевская* (МГИАИ) и *А. А. Севастьянова* (ЯГУ). В заключительном слове К. Н. Тарновский рассказал, что начал изучение ленинских «Тетрадей» как специалист по конкретно-исторической проблематике, а археографическое исследование явилось логическим завершением работы. Он поделился замыслом книги «Жизнь великой идеи» о развитии ленинской теории империализма.

27 января состоялось совместное заседание Археографической комиссии и Сектора источниковедения истории СССР дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР, на котором был заслушан доклад *Б. Н. Морозова* (АК) «Первое послание Курбского Ивану Гроз-

¹ См. наст. изд.

ному в сборнике конца XVI — начала XVII в.»². После доклада Б. Н. Морозов ответил на многочисленные вопросы об истории изучения, возможных источниках, составе и кодикологических особенностях сборника ГПБ, Q.XVII.67, содержащего наиболее ранний список Первого послания Курбского.

В выступлении В. А. Кучкина (Ин-т истории СССР) отмечалась ценность находки нового списка памятника, являющегося в последние годы предметом научной полемики, тем более что сама рукопись давно известна в литературе. Было высказано пожелание о проведении более подробного филологического исследования всего сборника, а также об осторожности в выводах при текстологическом анализе.

Ю. Д. Рыков (ГБЛ) подчеркнул, что найденный список «Послания» лишний раз подтверждает подлинность переписки, выбивает фундамент текстологической аргументации американского проф. Э. Кинапа, объявившего Переписку Ивана Грозного с Курбским апокрифом XVII в. Факт находки нового текста в составе рукописи, давно введенной в научный оборот, еще раз доказывает справедливость современного научного требования полного постатейного описания рукописных книг. Предстоит большая работа по изучению происхождения списка «Послания» и всей рукописи, заслуживающей монографического исследования. Обращает на себя внимание незаурядность составителя сборника. Изучение его личности, связей со многими северными монастырями позволит расширить представления о рукописной традиции данного памятника. Не исключено, что начало распространения списков Послания связано с Псково-Печерским монастырем, в составе братии которого Курбский видел своих политических единомышленников.

А. И. Плигузов (Ин-т истории СССР) сказал, что новонайденный список «Первого послания Курбского» не просто вливается в число 24 известных к настоящему времени списков этого сочинения, а является важным показателем его текстовой истории. Сравнение публикаций «Послания» с рукописями, частично проведенное автором доклада, показывает, что и последнее академическое издание «Переписки» в серии «Литературные памятники» не решило всех задач классификации списков. Предложенная Морозовым датировка сборника Q.XVII.67 требует дополнительной аргументации. Необходимо установить границы разновременных пластов внутри нумерованных тетрадей сборника. Следует обратить внимание и на странную, возможно мистифицированную биографию составителя сборника — соловецкого монаха. Перед нами — либо полемическое утверждение нового для русского монашества типа **страника**, либо литературная маска.

² Основное содержание доклада отражено в предисловии к публикации текста послания в «АЕ за 1986 год». 24 июня 1987 г., выступая на заседании Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, Б. Н. Морозов сообщил об обнаружении им в расхожденной книге Тихвинского монастыря 1590–1592 гг. (ЛЮИИ) имени писца сборника — головщик Иона Соловецкий.

А. П. Богданов (Ин-т истории СССР) поддержал точку зрения автора доклада о возможном отнесении нового списка «Послания» к концу XVI в. Бумага с отмеченными в докладе знаками бытовала в России в начале 1590-х годов и, в частности, использовалась в работе Посольского приказа. Особенности использования бумаги в данной рукописи еще предстоит выяснить; однако уже сейчас можно сказать, что «залежность» этой бумаги не превышает нескольких лет от времени его завоза в Россию.

О. А. Князевская (АК), отметив важность находки, остановилась на двух направлениях в дальнейшей работе над рукописью. Необходим палеографический анализ всей системы письма сборника, что даст возможность установить датирующие приметы почерка. Также следует учитывать классификационный момент различий (их природу): синтаксический или синонимический.

С. О. Шмидт, подводя итоги заседания, сказал, что открытие, очевидно, самого раннего списка «Первого послания Курбского Ивану Грозному» имеет большое значение не только в полемике о подлинности знаменитой «Переписки». Обнаружение нового текста в рукописи, изучавшейся уже 170 лет, ясно показывает необходимость тщательного описания сборников. Сейчас вполне возможна предварительная публикация найденного текста, но специальное исследование сборника, безусловно, надо продолжить. Открыт новый автор — выдающийся книжник, хотя пока анонимный. Рукопись можно характеризовать как микроэнциклопедию или библиотеку в миниатюре.

17 февраля был заслушан отчет А. А. Турилова (АК) о результатах научной командировки в Нидерланды в ноябре 1986 — январе 1987 г. А. А. Турилов стажировался на кафедре славистики Католического университета г. Неймеген под руководством проф. У. Р. Федерера. Целью стажировки было изучение опыта зарубежных славистов в области изучения и издания средневековых славянских текстов с помощью электронно-вычислительной техники. За время командировки Турилов провел текстологическое исследование найденного им в 1981 г. памятника литературы Киевской Руси XI в. «Слов Григория Философа» и выявил три редакции этого цикла. С помощью компьютера был подготовлен к изданию текст памятника по шести спискам XV—XVI вв. Помимо этого, А. А. Турилов составил научное описание русской рукописи конца XVI в. (Устав церковный), хранящейся в библиотеке Института византийских и восточнохристианских исследований Неймегенского университета и не учтенной в инвентаре славянских рукописей в хранилищах Нидерландов.

В тот же день Б. Н. Морозов (АК) рассказал о проходившей 12 февраля в Сыктывкаре научной конференции «Устная

и письменная традиция в духовной культуре Севера», посвященной 15-летию Сыктывкарского гос. университета, и о начале работы в рамках программы составления свода письменных памятников на территории Коми АССР.

7 апреля состоялось заседание Археографической комиссии, посвященное обсуждению проекта новой редакции «Правил издания исторических документов в СССР», подготовленного ВНИИДАД.

Ю. В. Андрияшайтите отметила, что составители правил справились с основной задачей: ими создана новая редакция, но сохранены структура, основные положения и принципы содержания в разделах. Однако многие определения страдают неточностью, в целом правила следует сократить и доработать. Б. Г. Литвак предложил создать отдельно кодекс правил, которые будут действовать в любых условиях, и отдельно — сборники конкретных правил, отражающих специфику издания разных видов исторических документов. Его поддержал С. В. Чирков, отметив, что в настоящем виде правила являются экстенсивным обобщением всех накопленных издателями обычаев. По мнению О. А. Князевской, правила должны быть более дифференцированными, должны учитывать зависимость конкретных требований от адреса публикации. Неупорядоченная терминология вносит в правила путаницу. За создание, помимо общих правил, сборника частных рекомендаций высказался А. А. Курносов. В. Ю. Афиани внес предложение не усовершенствовать эту редакцию, а сосредоточить силы на создании Основных правил и кодекса правил. А. А. Турлюков обратил внимание на то, что правила не учитывают развития полиграфической базы в будущем. Недостаточный источниковедческий уровень и отсутствие индивидуального подхода к источникам отметил В. А. Черныш. При подведении итогов обсуждения С. О. Шмидт обратил внимание на важность написания такого введения к правилам, которое отражало бы уровень археографической культуры и общеметодологические требования, предъявляемые к публикации исторических документов.

13—14 мая проходило совещание по проблемам флигранологии, созванное АК, БАН и ГИМ³.

16 июня состоялись традиционные Тихомировские чтения, посвященные 70-летию Великого Октября⁴.

На заседании 8 декабря 1987 г. С. М. Каштанов (Ин-т истории СССР) выступил с сообщением о состоявшемся в Мюнхене 16—19 сентября 1986 г. Международном конгрессе по теме «Фальсификация в средние века», который был организован институтом Monumenta Germaniae Historica (MGH). В конгрессе приняли участие более 600 ученых из 19 капиталистических и 7 социалистических

стран, включая СССР. Конгресс проходил без деления на секции. На его вступительном и заключительном заседаниях выступил президент MGH Х. Фурман (ФРГ). В главном теоретическом докладе У. Эко (Италия) ставился вопрос о типологии подделок, о различии их целей в средние века и в наше время. Остальные 26 докладов были распределены по следующим основным подтемам: литература и фальсификация; фальсифицированные правовые тексты; дипломатические подделки; фиктивные письма; благочестие и фальсификация; наказание фальсификаторов. В дискуссии по 3-й подтеме выступил С. М. Каштанов, уделивший внимание фальсификациям русских актов в средние века. В обсуждении сообщения о конгрессе⁵ участвовали сотрудники Археографической комиссии: Ю. В. Андрияшайтите, В. Ю. Афиани, А. А. Курносов, Б. Н. Морозов, В. В. Морозов, Н. Б. Шеламанова, С. О. Шмидт и В. А. Ведюшкин (ИВИ). Была подчеркнута актуальность изучения фальшивок, созданных не только в средние века, но и в более близкие к нам эпохи (Афиани, Курносов). Поднимался вопрос о необходимости углубить изучение психологического аспекта фальсификаций (Курносов, Шмидт), связи фальсификаций с особенностями средневекового мышления (Ведюшкин) и всем комплексом факторов, вызывавших «приливы» и «отливы» фальсификационной деятельности (Афиани, Морозов). С. О. Шмидт говорил о желательности, во-первых, уточнить значение и характер современного этапа изучения фальсификаций в западной историографии и, во-вторых, проанализировать вклад отечественной историографии в изучение фальсификаций источников по истории русского и других народов СССР.

В связи со 100-летием со дня рождения Сигизмунда Натановича Валка (1887—1975) в декабре было проведено два заседания⁶. 15 декабря — заседание Ученого совета ЛОИИ совместно с АК и ее Ленинградским отделением. Его открыл зам. директора ЛОИИ В. А. Шипкин, доклад «С. Н. Валк — выдающийся источниковед и археограф» сделал М. П. Ирошников, с сообщениями выступили А. Л. Шапиро, А. И. Копанев, Р. Ш. Ганелин, И. П. Шаскольский, Л. Е. Шепелев, М. Б. Свердлов, В. Г. Чернуха, Т. П. Бондаревская, М. В. Кукушкина, Е. Р. Ольховский, М. М. Сафонов, Д. И. Раскин. 25 декабря — совместное пленарное заседание АК и ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, на котором были заслушаны вступительное слово С. О. Шмидта и зам. директора ИМЛ В. В. Журавлева, доклад М. П. Ирошникова, выступления И. В. Загоскиной, С. М. Каштанова, Б. В. Левшина, Е. Н. Добрушкина, С. В. Чиркова, Е. Н. Кушевой, И. П. Шаскольского.

Н. А. Охотина

³ См. наст. изд.

⁴ См. наст. изд.; см. также: СА. 1987. № 5. С. 39.

⁵ Текст этого сообщения будет опубликован в «Археографическом ежегоднике».

⁶ Информация об этих заседаниях будет опубликована в АЕ за 1988 год; см. также: ВИ. 1988. № 3; СА. 1988. № 4.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Как сохранить Ваш семейный архив. Как написать (записать) воспоминания. (Методические пособия для участников поисковой работы). М., 1987. 42 с. Рота-принт (Археографическая комиссия АН

СССР, ВООПИК, Центральная детская туристско-экскурсионная станция Минпроса СССР) / Сост.: И. А. Альтман, С. В. Житомирская, А. А. Курносов. Отв. ред. С. О. Шмидт.

В ОТДЕЛЕНИЯХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Ленинградское

Вышел в свет ежегодник «Вспомогательные исторические дисциплины», т. 18 (отв. ред. В. А. Шишкин). Л., 1987.

5 ноября состоялось годичное заседание отделения, посвященное итогам археографических экспедиций 1987 г. *Н. В. Шугина* (ИРЛИ) сделала сообщение об экспедиции на Пинегу, экспедиции, в ходе которой приобретены и получены в дар рукописные книги XVII—XX вв. и документы из крестьянских архивов. *Г. В. Маркелов* (ИРЛИ) подробно рассказал о семейном архиве крестьян д. Кеврола Чеусовых-Белюсовых, который содержит 67 ед. за 1640—1854 гг. *В. П. Бударягин* (ИРЛИ) сообщил об отдельных поступлениях в Древлехранилище ИРЛИ, в числе которых 36 древнерусских рукописей XVI—XX вв. из собрания М. С. Лесмана, старообрядческая рукопись конца XIX—начала XX в., писанная чернилами на бересте, крюковой октоих 1830-х годов. *Л. А. Петрова* (БАН) сообщила об археографических поисках на Вятке, проводившихся совместно с Уральским отделением Археографической комиссии. *А. А. Савельев* (ЛГУ) рассказал о совместной экспедиции ИРЛИ и ЛГУ на Северную Двину. *П. А. Медведев* (ГПБ) сообщил об итогах археографической экспедиции в Псковскую обл. *Е. М. Шеварц* (ГПБ) информировала собравшихся о состоявшемся в Москве совещании по проблемам флигранологии (см. наст. изд.). *А. А. Амосов* (БАН) сделал доклад об актуальных задачах камеральной археографии, подробно аргументировал необходимость единообразного описания рукописей и усовершенствования связанной с этим терминологии. Председатель Ленинградского отделения Археографической комиссии АН СССР *А. И. Копанев* поблагодарил всех выступавших и поддержал предложение *А. А. Амосова* о необходимости унификации описания рукописных книг.

Северное

Вышел в свет очередной выпуск каталога-путеводителя «Памятники письменности в музеях Вологодской области» (ч. 1, вып. 2), содержащий описание рукописных книг XIV—XVIII вв. Вологодского областного краеведческого музея (Отв. сост. А. А. Амосов. Сост. Н. Н. Малинина, В. В. Морозов, Л. А. Петрова. Вологда, 1987. 432 с. (БАН, ВОКМ, Северное отделение Археографической комиссии АН СССР, ВГПИ, Управление культуры Вологодского облисполкома, Секция документальных памятников

ВООПИК)). В приложениях опубликованы тексты Сказания о Спасо-Каменном монастыре, жития Логгина Коряжемского и записки «О последних увещаниях Аввакума» по рукописям ВОКМ.

Проблемы археографии и письменной культуры северного крестьянства заняли видное место в тематике докладов и сообщений на конференции «Октябрь и северное крестьянство», состоявшейся в Вологде 16—17 октября 1987 г. На пленарном заседании с докладом «О комплексном изучении Европейского Севера СССР как праматрицы отечественной и мировой культуры» выступил председатель Северного отделения Археографической комиссии проф. *П. А. Колесников*. Участники конференции тепло поздравили *П. А. Колесникова* с 80-летием и награждением орденом Трудового Красного Знамени¹.

Сибирское

Вышел в свет сборник статей «Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России» (археография и источниковедение Сибири, вып. XI) (Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 1987. 256 с.).

Вышел в свет т. 34 (ч. 1) Полного собрания русских летописей, содержащий Сибирские летописи группы Есиновской летописи (М., 1987), подготовленный в основном членами Сибирского отделения Археографической комиссии.

Археографические проблемы обсуждались на конференции молодых ученых (ИИФФ СО АН), на Ломоносовских чтениях и студенческой конференции (НГУ).

В секторе истории периода феодализма, источниковедения и археографии ИИФФ продолжается подготовка справочных археографических изданий, в том числе фундаментального справочника по архивным фондам и коллекциям Г. Ф. Миллера (около 80 а. л., совместно с ЦГАДА); продолжается также научное описание коллекции рукописных и старопечатных книг ИИФФ.

В ГПНТБ СО АН ведется работа по подготовке Сводного каталога старопечатных книг, хранящихся в библиотеках Сибири.

Уральское

Лаборатория археографических исследований УГУ продолжает систематическую работу по описанию собраний старинных документальных памятников в местных архивах, музеях и библиотеках Урала.

¹ См. наст. изд.

II. Полевые исследования кириллической книжной традиции

Древлехранилище ИРЛИ совместно с ЛГУ провело экспедицию в Архангельской обл. (руководитель Н. В. Шухтина); археографы БАН продолжили работы в Кировской обл. (А. А. Амосов и Л. А. Петрова), ГПБ — в Псковской обл. (А. Г. Бобров и П. А. Медведев).

Археографическая группа МГУ продолжала комплексные исследования в Пермской обл. и Удмуртской АССР (совместно с ПГУ и ПОКМ; руководители И. В. Поздеева, Е. Б. Смилянская, О. Л. Кутев), а также организовала экспедиции в Московской, Владимирской, Саратовской обл., Краснодарском и Ставропольском краях, Татарской АССР, Одесской обл. УССР, Молдавской и Грузинской ССР (руководители: Е. А. Агеева, Л. А. Игошев, С. Е. Никитина, А. Д. Паскаль, И. В. Поздеева, Е. Б. Смилянская).

Сибирское отделение Археографической комиссии провело экспедиции в Алтайском, Приморском и Хабаровском краях, Тувинской АССР, Кемеровской и Новосибирской обл., Восточно-Казахстанской обл. Каз. ССР (руководители: В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп, А. И. Мальцев, Л. А. Ситников, Е. Ф. Смирнова, Л. В. Титова, М. К. Чирейкин).

В экспедициях Уральского отделения Археографической комиссии, организуемых лабораторией археографических исследований УГУ, приняла участие сотрудники Отдела истории Института экономики Уральского отделения АН СССР, Свердловского пединститута, Пермской областной публичной библиотеки, Уральской и Ленинградской государственных консерваторий. Их работа проходила на территории Свердловской, Челябинской, Курганской, Тюменской, Кировской, Куйбышевской обл., Башкирской и Удмуртской АССР (руководитель экспедиции В. И. Байдин, руководители отрядов: Н. Н. Барминская, С. А. Галишев, М. Г. Казанцева, А. Т. Шашков).

Археографические экспедиции СГУ (руководители А. Н. Власов и Т. Ф. Волкова), ГГУ (Т. В. Черторяцкая, ЯГУ (А. А. Севастьянова), ПИХМ (Н. П. Осипова) работали соответственно в пределах Коми АССР, Горьковской, Ярославской и Псковской обл.

В ходе всех названных экспедиций получено 562 рукописи и 288 старопечатных книг кириллической традиции.

В Древлехранилище ИРЛИ с Северной Двины привезено 14 рукописей (XVII в. — 2), в том числе Златоуст с дополнениями XVII в., полемический сборник, переписанный в конце XIX в. борцом книжником М. М. Останиным, сборник заговоров начала XIX в. и др. С Пинеги привезено 29 рукописных книг и 68 документов (XVII в. — 22). В их числе — 17 рукописей XVII—XX вв. из библиотеки крестьянина Н. И. Мельникова и архив веркольских крестьян Чеусовых и Белоусовых, содержащий разнообразные

материалы по истории севернорусского крестьянства XVII—XIX вв.

Вятское территориальное собрание БАН пополнилось 50 рукописями (XVII в. — 1) и 11 старопечатными книгами (XVII в. — 1). Среди рукописей — сборник смешанного содержания (конволют XVII—XVIII вв.), Ирмологий на крюковых нотах XVIII в., Триодь постная и цветная XVIII в., две певческие азбуки XIX и XX вв. Среди печатных книг — Учительное евангелие Кирилла Транквилиона (1619 г.?).

Научная библиотека МГУ пополнилась 88 рукописями (XVI в. — 1, XVII в. — 6) и 54 старопечатными книгами (XVI в. — 4, XVII в. — 20). Наиболее ценными находками, полученными в Верхокамье (Пермская обл. и Удмуртская АССР), являются Торжественник триодный второй редакции с дополнениями из Иоанна Златоуста (1660-е годы), сборники церковно-учительного и богослужебного состава XVII—XX вв., новый список Жития протопопа Аввакума (XIX в.). Среди печатных изданий — Трефологион, ч. III (М., 1638) с вкладной записью кн. Д. М. Пожарского; Псалтирь следованная (М., 1627) с вкладной записью «государыни инокини Марфы» в Богоявленский монастырь, что в Кремле; Евангелие (М., 1760) со всеми учтенными гравюрами.

Молдавско-Украинская коллекция НБ МГУ пополнилась 49 рукописями (XVI в. — 1, XVII в. — 2) и 30 кириллическими изданиями (XVII в. — 8). Среди рукописей — Триодь постная конца XVI в., сборная рукопись, содержащая обе части Октоиха начала XVII в., 12 певческих рукописей XVIII в. Приобретена также часть коллекции священника Вилковской старообрядческой церкви М. М. Сипаткина; в составе коллекции 11 певческих крюковых рукописей XVIII—XX вв. и редкие издания: Пролог (М., 1643), Апостол (М., 1638), Канонник (М., 1641), Иеремия Дрексель. Илиотропион (Чернигов, 1714), Служебник (Чернигов, 1754).

Кубанско-Кавказским отрядом получены 18 рукописей (XVII в. — 2) и 10 печатных изданий (XVI в. — 2, XVII в. — 5). В числе рукописей — Служба и житие Филиппа митрополита (середина XVII в.), Певческий октай XVIII в., оригинальные старообрядческие сочинения XIX—XX вв.; в числе книг — Новый завет с Псалтирью (Острог, Иван Федоров, 1580), Евангелие учительное (Вильно, 1595) с вкладной записью архимандрита Иосифа (XVII в.), Евангелие (М., 1636), Минея общая (Киев, 1628).

Из Поволжья поступили 6 рукописей XVIII—XIX вв. и 7 старопечатных книг (XVII в. — 2). Среди рукописей — Служба епископу Павлу Коломенскому в списке XIX в., Октоих с азбукой крюкового пения (XIX в.), богато орнаментированные Праздники на крюковых нотах помор-

ского письма XVIII в.; среди книг — Минея общая (М., 1628) с вкладной записью царя Михаила Федоровича и Трефологичон, ч. 1 (М., 1637) с вкладной записью государей Петра, Иоанна и Софьи. Два издания XVI в. — Октоих, ч. 1 (М., Андроник Невежа, 1594) и Псалтирь с воследованием (Острог, 1598) — передаются в Научную библиотеку КГУ.

В Подмосковье получены Праздники на крюковых нотах с гуслицким орнаментом начала XX в., а также архив иконописцев С. и Е. Баязетовых конца XIX — начала XX в. (свыше 400 л.).

Находки, полученные в результате комплексных историко-культурных, археографических, лингвистических, этнографических и фольклорных исследований, проводимых в Пермской обл. МГУ совместно с ПОКМ и Соликамским музеем-заповедником, поступили в соответствующие музеи (в ПОКМ — 20 рукописей и 7 книг XVIII–XX вв., в Соликамский музей — 1 рукопись XIX в. и 6 книг, из них два издания Московского печатного двора: Часовник, М., 1636 и Сочинения Ефрема Сирина, М., 1667).

Экспедициями Сибирского отделения Археографической комиссии получены 21 рукопись XVIII–XX вв. и 27 старопечатных книг (XVI в. — 2, XVII в. — 8). В ИИФФ поступили, в частности, литературный сборник со старообрядческими сочинениями XVII–XVIII вв. («История об отцах и страдальцах соловецких» А. Денисова, «Прение дьякона Федора с митрополитом Афанасием Иконийским» и др.), «Книга Спиридона Потемкина» (начало XIX в.), старообрядческий синодик поморского согласия середины XVIII в.; среди полученных печатных изданий — Учительное евангелие (Вильно, 1595), Общая минея (М., Андроник Невежа, 1600), Псалтирь с воследованием (М., 1642). Среди книг, поступивших в ГПНТБ, — Беседы Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла (Киев, 1623), Пролог (М., 1642), Жития святых митрополита Дмитрия Ростовского (Киев, 1689).

Уральской объединенной археографи-

ческой экспедицией получены 272 рукописи (XVII в. — 2) и 77 старопечатных книг (XVI в. — 5, XVII в. — 20). Среди рукописей наиболее интересны Александрия (начало XVIII в.); сборник смешанного состава 2-й половины XVIII в., содержащий выписки из Пролога, Кормчей, Великого зеркала; сборник духовных стихов конца XIX в.; среди книг — Библия (Острог, 1581), Триодь постная (М., Иван Невежа, 1607), Минея служебная, июль (М., 1629) с вкладной записью Д. И. Строганова.

Научная библиотека ГГУ пополнилась 18 рукописями (XVII в. — 1) и 9 старопечатными книгами (XVII в. — 3). Среди рукописей — четыре сборники XVII–XVIII вв., крюковые певческие рукописи XIX–XX вв.; среди книг — издания Московского печатного двора: Требник (1623), Часовник (1631), Евангелие (1640).

В научную библиотеку ЯГУ поступило 20 рукописей (XVII в. — 1) и 25 (XVII в. — 8) старопечатных книг. Среди рукописей наиболее интересны выписки из Номоканона (2-я четверть XIX в.); Устав о христианском житии (1860-е гг.); среди книг — Октоих (М., 1631) с обширной вкладной записью крестьянина Матвея Шаровникова с сыном; Триодь цветная (М., 1635).

Научная библиотека СГУ пополнилась 46 рукописями (XVI в. — 2, XVII в. — 2) и 42 старопечатными книгами (XVII в. — 1). Среди рукописей — богослужебный сборник XVI в., фрагмент канона на Воздвижение креста господня (XVI в.), страннический сборник историко-полемиического характера (2-я половина XIX в.).

В ПИХМ поступили 4 рукописи XIX–XX вв. и 43 старопечатные книги (XVI в. — 1, XVII в. — 6). Среди рукописей — молитвенник и 3 старообрядческих сборника; среди книг — Новый завет с Псалтирью (Вильно, 1596), Триодь цветная (М., 1680), Евангелие (М., 1694), Минея служебная за сентябрь, октябрь и декабрь (М., 1692).

II. Полевые исследования книжной традиции на восточных языках

ИЯЛИ КФАН организовал четыре археографические экспедиции в Татарской АССР, Астраханской обл. и Уральской обл. Каз. ССР (руководители М. И. Ахметзянов, Ф. З. Яхин, Н. Ф. Исмагилов, З. Р. Шайхисламов). Всего в хранилище Лаборатории рукописей и текстологии поступило 427 рукописных и старопечатных книг на восточных языках и 222 списка родословий. Среди рукописей особый интерес представляют списки произведений Умми Камала, Кул Гали, Язычы Оглы, Г. Булгари, Г. Кандали, Т. Ялчыгулова, М. Акмуллы, записи татарского фольклора, оригинальные и переводные рукописи по народной медицине, философии, праву, логике, филологии и др.

Археографическая экспедиция КГУ работала двумя отрядами в Горьковской и

Ульяновской обл. (руководители М. А. Усманов, И. А. Гилязов, Р. А. Шайхиев). Научная библиотека КГУ пополнилась 120 рукописями и их фрагментами XVII–XX вв., а также документами (метрическими записями и др.) XIX — начала XX в. Получены, в частности, автографы ранее утерянного произведения просветителя Х. Фанзханова «Реформа медресе» (1861–1862) с заметками на полях Ш. Марджани; часть архива татарского историка Курбангали Халидова, списки произведений Кул Шарифа, Кул Гали, Г. Кандали и др.

ИЯЛИ БНЦ Уральского отделения АН СССР проводил археографические исследования на территории Башкирской АССР. Рукописный фонд института пополнился 42 рукописями XIX–XX вв. и 321 старопечатными книгами конца

XIX — начала XX в. Из рукописей наиболее интересны трактаты на языке тюрки по арабской грамматике, список «Джами ар-рамуз та ал-Кухустани» (1804 г.), списки стихотворений Г. С.

Уметбаевой, Н. Юлаева и др., фольклорные записи, родословия (шежере), материалы по истории деревень, письма с фронтов Великой Отечественной войны.

В. А. Черныш

ПЕРВОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ФИЛИГРАНОЛОГИИ

13–14 мая 1987 г. в Москве проходило первое совещание по проблемам филолигранологии, созванное Археографической комиссией, БАН и ГИМ. В нем участвовало около 80 специалистов из научно-исследовательских учреждений, архивов, библиотек, музеев, вузов РСФСР, Украины, Грузии и Эстонии. Было заслушано и обсуждено 13 заглазированных докладов и 4 сверх программы; в прениях приняли участие 26 человек. Открывая совещание, председатель Археографической комиссии С. О. Шмидт отметил, что по своему масштабу и характеру представительства его можно считать всесоюзным. У истоков филолиграноведения стояли русские ученые К. Я. Тромонин, Н. П. Лихачев и др.; в Ленинграде в 20-е годы существовал Музей палеографии. Возрождение филолигранологии связано с именем С. А. Клепикова. Ныне в стране на базе хранилищ с богатыми коллекциями филолиграней созданы крупные центры по изучению рукописей (на русском и других языках). Документальные памятники наиболее трудно хранимые; наша задача — воспитать культуру отношения к письменным памятникам. Итоги и перспективы развития филолиграноведения рассматривались в 1979 г. на Первой Всесоюзной конференции по описанию и изданию памятников письменности, созванной Археографической комиссией и БАН. Шмидт сообщил о выполнении ряда ее решений, отметил необходимость более широкой публикации работ по филолигранологии. Он зачитал письмо Г. А. Енша и предложил послать ему приветствие от участников совещания.

Ю. В. Андрюшаите (АК) в докладе «Основные итоги развития советского филолиграноведения в 50-х — начале 80-х гг.» показала, что после долгого застоя началось интенсивное возрождение данной области знаний в рассматриваемый период. Было продолжено формирование источниковой базы филолиграноведения — коллекций водяных знаков, расширились хронологические (XVII–XX вв.) и территориальные рамки изучения и их публикация. Разрабатываются вопросы теории и методики филолиграноведения: табличный метод описания и публикации водяных знаков в алфавите их литерных сопровождений; метод датировки филолиграней; определение сроков использования бумаги по векам, принципов идентификации и публикации филолиграней, степеней сравнения и уровней классификации водяных знаков; изучение сетки средневековой бумаги с применением математического аппарата. Исследуется история производства бумаги и публикуются документы, заложены основы

библиографии филолиграноведения. Отечественное филолиграноведение превращается в специальную историческую дисциплину. В докладе А. А. Амосова (БАН) «Актуальные вопросы филолигранологии» большое внимание уделялось «большим» моментам в состоянии этой дисциплины: разнотой в терминологии; нехватка специалистов; отсутствие специального преподавания филолигранологии в вузах; недостаток фундаментальных справочников и учебно-методической литературы, сложности с их изданием; необходимость разработки и использования новейшей методики; важность создания Сводного каталога филолиграноведческой литературы. С. М. Каштанов (Ин-т истории СССР АН СССР) в докладе «Из истории бумаги XV–XVI вв.» обратил внимание на то, что бумага русских рукописей этого времени может служить источником по политической истории стран, где она производилась. В качестве примера было продемонстрировано, как борьба между Францией и Габсбургами после падения Бургундского герцогства (1477 г.) отразилась в эволюции символики водяного знака «рука с розеткой». Т. В. Дуанова (ГИМ) в докладе «Использование водяных знаков при описании рукописей» дала анализ достоинств и недостатков используемых отечественными и зарубежными исследователями терминологии, схем классификации и степеней сравнения. Она привела варианты описания филолиграней в хранилищах страны, указала на необходимость единой методики (а пока следует отмечать, по какой методике дано описание), ратовала за преемственность в филолигранологии. Е. М. Шварц (ГПБ) сделала доклад «Н. П. Лихачев о связи филолиграней с геральдическими изображениями». Привлечение специальных знаний по геральдике к исследованию филолиграней открывает возможность составления научной классификации сюжетов водяных знаков и их научной публикации. Была отмечена важность работы Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» для доказательства тождества бумаги славянских и русских рукописей бумаге европейских рукописей. Л. Е. Морозова (Ин-т истории СССР АН СССР) в докладе «К вопросу об идентификации филолиграней Рукописи Филарета» говорила о том, что изучение филолиграней рукописи патриарха Филарета (герб с перевязью, состоящий из трех полос на щите; два столба с виноградной гроздью и литерами; кувшин с двумя ручками, с сердцем и крестом) позволило прийти к выводу, что она создавалась в Посольском приказе около 1626 г. Следовательно, рукопись — самостоятельное

произведение, а не список с Повести Ка-тырева, как считалось ранее. *Е. И. Камеичева* (МГИАИ) в докладе «Бумажные водяные знаки в курсе палеографии в МГИАИ» рассказала, какие аспекты филиграноведения преподаются в курсе палеографии в МГИАИ. В условиях перестройки учебного процесса требуется больше исследований по актуальным проблемам филигранологии для использования в спецкурсах и спецсеминарах. *В. Н. Глазков* (Смоленская областная станция юных туристов) сделал сообщение о бумагоделательных фабриках, существовавших на территории Смоленской губернии в XIX в. Исследования автора позволили к известным ранее четырем мануфактурам (Лесли, Квашнина-Самарина, Олонкиной, Барышникова) добавить еще пять производств. Прослеживались не только место и время возникновения водяного знака, но и причины, побудившие того или иного предпринимателя обратиться к данной филиграну.

При обсуждении Шмидт отметил ценность доклада Каштанова, сделавшего анализ русских рукописей и истории иностранных филиграней.

В связи с докладом Диановой Шмидт подчеркнул, что менять систему обозначений рукописей можно только так, чтобы была возможность пользоваться старыми каталогами, и предложил собирать данные для создания терминологического словаря филиграней. *В. Н. Алексеев* (ГПНТБ СО АН) выразил сожаление по поводу нехватки публикаций по филиграноведению и предложил создать кооперативное издательство. Вопрос о сроках залежности бумаги поднял *А. П. Богданов* (Ин-т истории СССР АН СССР), по мнению которого филигранология не обладает методикой точной датировки рукописей и не может считаться самостоятельной дисциплиной, а является частью палеографии. С ним не согласилась *Л. М. Костюгина* (ГИМ), подчеркнув, что система датировки по Ш. Брике и В. Н. Шепкину рассчитана на ряд знаков; массовый материал можно датировать лишь с допуском в ± 5 лет. *Е. М. Шварц* считает невозможной точную датировку рукописи только по филиграмм — следует учитывать задачи исследования. При каталогизации можно датировать с точностью до четверти века. *Андрюшайтите* указала на то, что филиграноведение обладает собственным предметом, объектом и методикой изучения; следовательно, является самостоятельной дисциплиной. Отметила тенденцию комплексного изучения признаков бумаги.

Л. Р. Уттер (Ин-т физики АН ЭССР, Тарту) обратил внимание на важность изучения филиграней для задач искусствоведения. *Т. В. Дианова* для определения срока залежности предложила изучать бумагу датированных рукописей, учитывая в методике специфику бумаги разных периодов. *Л. И. Ивина* (ЛОИИ) поделилась наблюдением, что разные категории грамот (по материалам актов XVI в. Симонова монастыря) писались на разной бумаге. *В. М. Загребин* (ГПБ)

рассказал об опыте югославских ученых. Филигранологи должны больше заниматься практической работой по сбору знаков и созданию банка филиграней. Тогда и мы, как и югославские археографы, объединяющие филиграноведов, искусствоведов, филологов, сможем датировать рукописи более точно. Поставил вопрос о совершенствовании техники воспроизведения знака. *Амосов* затронул вопрос о филигранологии как научной дисциплине и о создании пособий; указал на перспективность составления эталонных рядов для комплексов документов. Он предложил использовать термин «время использования бумаги» вместо термина «залежность», поддержал мнение о необходимости создания банка филиграней в рамках комплексной программы машинной обработки рукописей, для чего нужен союз с техническими специалистами.

Совещание было продолжено 14 мая. Зачитано письмо *О. Я. Мацюка* (ЦГИА УССР, Львов) с предложениями совещанию и информацией о готовящемся новом альбоме водяных знаков. В докладе *Ы. П. и Л. Р. Уттеров* «Выражение процесса черпального производства бумаги с помощью математических формул» изложен материал, позволяющий в математических формулах выразить метод идентификации бумажных листов с учетом способов изготовления одинарных и двойных листов, длительности рабочего цикла, метода изготовления книг и длительности черпания бумажной массы. Рассмотрен рациональный способ измерения расстояний между понтюзо. Предложена программа для определения идентичности листов с помощью ЭВМ с использованием для введения измерительных данных стола координат. *А. П. Богданов* в докладе «Интенсификация исследования истории бумаги» выразил мнение, что традиционные экстенсивные методы накопления и использования информации о бумаге исчерпали себя. Им были предложены следующие пути развития филиграноведения: 1) создание автоматизированного комплекса исследования и идентификации бумаги одного вида (с одной сетки) на линии с ЭВМ, формирование банка данных по крупным документальным собраниям; 2) создание иерархической классификации филиграней, позволяющей соотнести с более высокой таксономической группой знак, не нашедший аналогии на более дробном уровне; 3) подготовка Сводного каталога бумажных водяных знаков, включающего все опубликованные сведения и периодические пополняющегося новыми. *Е. Л. Немировский* (Веселозная книжная палата) сделал доклад на тему «Некоторые проблемы филигранологического исследования старопечатных изданий». Большие возможности такого исследования автор показал на примере изучения филиграней «Каталикона» с помощью электронно-рентгенографического метода. Оказалось, «Каталикон» печатался в 1468–1472 гг., т. е. позже, чем считалось ранее, и не мог быть издан И. Гутенбергом. Были приведены сведения

о новых методах исследования в США, в основу которых положен анализ химического состава бумаги. Изучая филиграни в нескольких экземплярах одного издания, автор смог уточнить последовательность печатания четырех изданий Ш. Фиоля (1491–1493 гг.). Докладчик поставил вопрос о переводе зарубежных пособий по водяным знакам. *Б. М. Клосс* (Ин-т истории СССР АН СССР) в докладе «Бумага книгописных мастерских» предложил способ датирования рукописей на основе анализа деятельности книгописных мастерских на определенном хронологическом диапазоне. Исследуя распределение бумажных комплексов, устанавливая текстологическую зависимость между рукописями и выявляя датированные рукописи, строим «сеть», служащую основой для хронологической привязки изучаемой рукописи (если она написана в том же скриптории и на употреблявшейся в нем бумаге). Приведены примеры успешного использования методики на материале рукописей XVI–XVII вв. *Е. П. Мамагова* (МГИАИ) в докладе «О путях развития филигранографии», ссылаясь на нехватку справочников, отметила необходимость создания общими усилиями единого альбома филиграней по всем справочникам, имеющимся в нашей стране, а затем и за рубежом. Следует продолжать и составление альбомов филиграней по векам, типам или сюжетам знаков как на основании первоисточников, так и по публикациям. Доклад *Д. П. Эрастова* (ЛКРД) был посвящен теме «Технические возможности контактной бетарадиографии в репродуцировании и исследовании водяных знаков». Эти возможности таковы: объективное фотовоспроизведение рисунка знака и всей макроструктуры бумажного листа; устранение мешающих рассмотрению текстов, загрязнений и т. п.; определение подлинности водяного знака; сличение филиграней путем наложения их фотоизображений; составление банка изображений и их вариаций; удобство размножения и публикация. В докладе *А. А. Турилова* (АК) «Об опасности абсолютизации филигранологического метода датировки рукописей» показано, как в условиях коллекционерского бума второй половины XIX – нач. XX в. был создан промысел по производству филиграней, копирующих образцы XVI – начала XIX в., в котором переплетались элементы сохранения традиции, художественной стилизации и фальсификации (мастерские И. Г. Блинова, Каликиных и др.). Следовательно, при датировке рукописи необходимо учитывать весь комплекс датировочных признаков, не полагаясь только на филигрань. Доклад *Л. М. Костюхиной* был посвящен теме «Роль филиграней в палеографическом исследовании Макарьевских миней-четьих». Анализ филиграней трех списков Макарьевских миней в сочетании с другими данными позволил датировать Успенский список временем между 1541 и 1552 г., Царский список – 1547–1554 гг. Были сделаны следующие наблюдения: часть бумаги Успенских миней бралась

из запасов для Софийского списка, а для Царского – из Успенского; каждый писец писал на бумаге с определенным водяным знаком или постоянным набором знаков. Это позволяет рассматривать филигрань как средство контроля в определении границ почерков. В докладе *А. О. Дзебана* (НБ АН УССР, Львов) «О необходимости изданий по филигранологии» указывалось на нехватку справочников. Первоочередная задача советских филиграноведов – издание альбомов по отдельным районам и республикам, на основании которых можно было бы в дальнейшем создать альбом филиграней СССР. В этой работе как плановой смог бы участвовать сотрудники архивов, библиотек, музеев. Предлагалось созывать совещания филигранологов каждые два – три года. Был изложен текст сообщения *Л. П. Жуковской* (ИРЯ), в котором обращалось внимание на важность установления времени использования бумаги. Филиграноведение должно помочь разрешить спор о так называемом «втором южнославянском влиянии» на Русь.

В ходе обсуждения докладов *Н. Б. Шеламановой* было отмечено, что совещание подняло много вопросов, в частности о принципах составления пособий по филиграням, о подготовке кадров, о необходимости включать работы по сбору знаков в планы исследователей. Для их делового решения нужен организационно-методический центр. По мнению *И. А. Тихонюка* (ЦГАДА), сотрудникам хранилищ должны отводиться специальные часы для занятий филигранями и составления банка данных. *Л. Р. Уттер* предложил издавать каталоги филиграней на прозрачной бумаге, использовать умеющие рисовать ЭВМ. *Амосов* приветствовал эстонский опыт и высказался за его распространение. Считает своевременным предостережение *Турилова* относительно абсолютизации филиграней при датировке рукописей. *Андрюшайтите* назвала зарубежные пособия и высказалась за перевод новейших, но считает необходимым создать отечественное учебное пособие по филигранологии, а также издать неопубликованные работы (например, *С. А. Клепикова* о бумаге фабрики Гончаровых и др.). *В. В. Морозов* (АК) предостерег от нацеленности на определенный результат при обращении к водяным знакам Лицевого летописного свода, приводящей к искаженному представлению о реальном процессе создания этого памятника. *Богданов* предложил начать работу над Сводным каталогом филиграней, который являлся бы, в первую очередь, классификатором. Много полезных материалов можно издать уже в процессе его подготовки. Он обрисовал возможность применения автоматизированного комплекса.

Закрывая заседание, *С. О. Шмидт* отметил плодотворность его работы, подчеркнув важность обмена мнениями между исследователями-филиграноведами, в ходе которых были высказаны критические замечания, пожелания, предложения. Шмидт выразил пожелание, что-

бы второе совещание филиграноведов состоялось на базе какого-либо хранилища. Предполагается издать сборник до-

кладов, сделанных на совещании, который по традиции будет подготовлен совместно БАН и АН.

Рекомендации совещания

Совещание отметило, что в последние десятилетия в филигранологии имеет место заметное оживление интереса как к теоретико-методическим проблемам, так и к подготовке материалов обзорного и справочного характера. Советские специалисты внесли заметный вклад в развитие мировой филигранологии и тем самым продолжили традиции отечественной науки, заложенные трудами К. Я. Тромбина, Н. П. Лихачева, А. А. Герасимова и др. За последние годы в нашей стране были опубликованы как справочники по водяным знакам, подготовленные С. А. Клепиковым, О. Я. Мациком, Э. Т. Лауцвичюсом, Т. В. Диановой и Л. М. Костюхиной и др., так и статьи научно-методического характера. В ряде хранилищ, как например в БАН, ГИМ, ГПБ, а также отдельными исследователями формируются крупные коллекции оригинальных образцов и прорисей водяных знаков, которые уже используются советскими и зарубежными исследователями и могут стать основой для подготовки капитальных справочных пособий. Наряду с традиционными методами в последние годы в филигранологии начинают разрабатывать методы математической статистики, приемы обработки материала с использованием технических средств.

В то же время существует ряд труднопреодолимых сложностей, препятствующих дальнейшему прогрессу отечественной филигранологии. К их числу, в первую очередь, относятся сложности редакционно-издательского порядка. Почти невозможно включить в план издания альбомы водяных знаков. Информация о филигранных бумагах, помещаемая в исследовательских работах и описаниях рукописей, зачастую подвергается необоснованному сокращению, уничтожающему, по сути, всю полезную сторону данных сведений. Хранилища рукописей, особенно архивы, плохо обеспечены справочниками филигранных, а ввиду слабой технической базы скерокопирование их затруднено. Явно недостаточна и запоздывает информация о достижениях филигранологии за рубежом. Из-за отсутствия координации деятельности специалистов разных хранилищ недостаточно используются имеющиеся возможности по обмену справочниками, опытом работы, совместных изданий. В среде филигранологов остаются непреодоленными неоднозначные понимания и трактовки используемых понятий; существуют расхождения в методике и практике использования водяных знаков для датировки памятников письменности.

Учитывая все это, совещание признало необходимым: 1. Продолжить практику созыва совещаний по проблемам филигранологии с периодичностью в два-три года на базе ведущих хранилищ памят-

ников письменности. 2. Сформировать межведомственное объединение (рабочую группу) по унификации терминологии и разработке единых методических рекомендаций по выявлению, опознанию, описанию и идентификации водяных знаков. 3. Поручить межведомственной рабочей группе разработку универсальных правил издания филигранологических пособий. 4. Просить Библиотеку Академии наук СССР подготовить рабочее обоснование проекта Сводного каталога водяных знаков на бумаге памятников письменности, хранящихся в СССР и за его пределами. 5. Просить Археографическую комиссию АН СССР довести до сведения Госкомиздата СССР основные принципы и требования к полиграфической и качественной стороне изданий филигранологических альбомов и фундаментальных справочников иного типа. 6. Просить ГПНТБ СО АН обсудить вопрос о возможности и целесообразности организации кооперативного издательства с паевым участием заинтересованных организаций для публикации филигранологической литературы. 7. Просить Археографическую комиссию АН СССР всесторонне рассмотреть вопрос о реальных путях обеспечения периферийных хранилищ справочниками и литературой по филигранологии; изучить возможности использования существующих средств и аппаратов множительной техники для размножения изданных альбомов и пособий. 8. Начать работы по созданию автоматизированных комплексов по выявлению и идентификации водяных знаков, используя существующие опытные образцы; просить Л. Р. и Б. П. Уттеров принять на себя руководство этим направлением работы; развивать методику количественного анализа водяных знаков бумаги, используя существующие разработки. 9. Подготовить учебное пособие по филигранологии как специальной исторической дисциплине; просить кафедру вспомогательных исторических дисциплин МГИИ взять на себя функции координатора в подготовке к изданию Сводного каталога литературы по филигранологии; просить Библиотеку АН СССР и Археографическую Комиссию АН СССР принять на себя функции головных организаций в этом направлении работы. 11. Продолжать исследования и разработки по внедрению метода бета-радиографии в выявлении и исследовании филигранных; просить ЛКРД АН СССР взять на себя руководство данным направлением. 12. Привлекать к работе по выявлению и изучению водяных знаков бумаги студентов гуманитарных вузов, проходящих архивную, библиотечную и музейную практику; просить кафедру вспомогательных

исторических дисциплин МГИАИ и Отдел рукописей ГИМ разработать основы программы такой практики. 13. Обратиться в комиссию Отделения истории АН СССР по связям с высшей школой для рассмотрения вопроса о введении основ флигранологии в программы гуманитарных вузов. 14. Обратиться к руководству Главархива, Министерства культуры и Академии наук СССР с просьбой включения работ флигранологической тематики в текущие и перспективные планы научной работы хранилищ и исследовательских центров. 15. Продолжить работу по выявлению в

хранилищах и личных фондах неопубликованных материалов отечественных ученых-флигранологов и осуществлять их публикацию. 16. Считать целесообразным переводы отдельных зарубежных флиграноведческих работ на русский язык. 17. Поставить вопрос перед Национальным комитетом историков СССР о целесообразности вхождения советских ученых в международные общества и объединения историков бумаги.

Совещание приняло решение послать приветствие старейшему флигранологу Г. А. Еяпу.

Н. А. Охотина

ПЕРВАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ ВЫСТАВКА РУКОПИСНЫХ И СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ, СОБРАННЫХ АРХЕОГРАФИЧЕСКИМИ ЭКСПЕДИЦИЯМИ

В мае-июне 1987 г. в Москве состоялась Всероссийская выставка рукописных и старопечатных книг, собранных археографическими экспедициями в 1976–1986 гг. Выставка, организованная Археографической комиссией АН СССР и Главархивом РСФСР, размещалась в здании центральных государственных архивов г. Москвы и была приурочена к десятилетию Законов СССР и РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». На выставке были представлены около 500 наиболее ценных в научном и художественном отношении книг и рукописей XIV–XX вв. на славянских и восточных языках из почти 9 тыс. памятников, собранных у населения за эти годы экспедициями ИРЛИ, БАН, ГПБ, ЛГУ, МГУ, Уральского и Сибирского отделений Археографической комиссии, ГГУ, СГУ, ЯГУ, КГУ, ИЯЛИ КФАН, ИИЯЛ БФАН, ИИЯЛ ДФАН, Бурятским ИОН, ВОКМ, ПОКМ.

Наряду с новыми, нередко более полными списками известных литературных памятников на выставке были представлены неизвестные произведения народной литературы, редкие печатные издания.

Выступавшие на открытии выставки

В. А. Тюнеев (Главархив РСФСР), С. О. Шмидт (АН), И. В. Поздеева (МГУ), А. А. Амосов (БАН), И. Г. Галаятудинов (ИИЯЛ БФАН) единодушно отмечали, что она явилась важным событием в культурной жизни, дала возможность увидеть достижения археографии за последние годы, ознакомиться с уникальными находками. Выражалась надежда, что выставка не только подведет итоги, но и станет стимулом для дальнейшего развертывания деятельности археографических экспедиций, новых поисков и находок, будет способствовать привлечению в ряды собирателей новых энтузиастов и истинных ценителей истории и культуры.

Выставка вызвала большой интерес широкой общественности, заслужила многочисленные положительные отклики в печати¹, пропагандировалась по Центральному телевидению и радио.

Среди посетителей выставки, оставивших одобрительные записи в книге отзывов, — сотрудники московских архивов, музеев и библиотек, преподаватели и студенты вузов, журналисты, экскурсанты из других городов, а также гости из Болгарии, ГДР, США.

В. А. Черныш

¹ Макушенко А. Спасенные сокровища // Сов. культура. 1987. 12 мая. С. 6; Рукописи, найденные в экспедициях // Веч. Москва. 1987. 12 мая. С. 3; Свидетели веков минувших // Моск. комсомолец. 1987. 13 мая. С. 1; Читали при свечах // Моск. правда. 1987. 13 мая. С. 3; Зиновенко Э. Парад древностей // Сов. Россия. 1987. 17 мая. С. 6; Армеев Р. Из книжных сокровищ // Известия. 1987. 23 мая. С. 6; Зиновенко Э. Сокровища старинной книжности // Учительская газ. 1987. 2 июня. С. 4; Памятники письменности // Моск. правда. 1987. 9 июня. С. 3. Изв. 1987. 3 окт.

2 октября 1987 г. исполнилось 80 лет председателю Северного отделения Археологической комиссии АН СССР, заслуженному деятелю науки, доктору исторических наук, профессору Вологодского государственного педагогического института Петру Андреевичу Колесникову. Широко известны труды П. А. Колесникова по истории северного русского крестьянства XV–XIX вв., издаваемая под его редакцией серия каталогов-путе-

водителей «Памятники письменности в музеях Вологодской области».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1987 г. П. А. Колесников за многолетнюю плодотворную научно-педагогическую деятельность, активную общественную работу и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения награжден орденом Трудового Красного Знамени¹.

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ А. Д. ЛЮБЛИНСКОЙ

3 июня 1987 г. Археологическая комиссия и Ленинградская группа по изучению истории Франции провели в ЛОИИ заседание, посвященное памяти доктора исторических наук, профессора Александры Дмитриевны Люблинской (1902–1980). Круг творческих интересов и исследовательских разработок А. Д. Люблинской, широкое воздействие ее деятельности на направление и ход научных работ в ряде областей исторического знания, ее личное участие в научной судьбе коллег и учеников определили тематику заседания и состав его участников. Многообразие и широкий размах научной и преподавательской деятельности Люблинской стали предметом выступления В. И. Рутенбурга (ЛОИИ), открывшего заседание. Рутенбург особо отметил, что в собственных научных трудах и в университетском преподавании Люблинская продолжила линию своего учителя, выдающегося отечественного медиевиста-палеографа О. А. Добиаш-Рождественской. Он высказал желание, чтобы творческий путь Люблинской, палеографа, археографа, источниковеда широкого плана, историка Франции, учителя, воспитателя начинающих преподавателей высшей школы, был освещен в специальной монографии.

С. О. Шмидт (АК), под председательством которого проходило заседание, в своем выступлении сосредоточил внимание на деятельности Люблинской как источниковеда, археографа и издателя текстов; полно и выразительно обрисовал образ деятеля науки, соединившего в себе такие важные для ученого качества, как потребность в обобщениях и точность в деталях, лаконизм научной манеры, юную любознательность и рациональный подход к явлениям, точность и сдержанность в оценке работы коллег. Шмидт охарактеризовал Александру Дмитриевну как блестящего лектора, педагога, организатора науки, создателя научной школы, ученого «абсолютно высокого класса»,

деятельность которого нашла признание и у крупнейших зарубежных историков, в немалой мере определяла авторитет советской науки за рубежом. Особо подчеркнуты были заслуги Люблинской в области источниковедения. Она выступила инициатором публикации сборника научных трудов «Проблемы палеографии и кодикологии в СССР» (М., 1974). Значительна была ее роль в работе бюро Археологической комиссии, особую ценность имели ее рекомендации в деле подготовки Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР; Люблинская, по словам Шмидта, прививала археологическую культуру. Четкий структурный подход к предмету, примененный Люблинской в книге «Источниковедение истории средних веков» (Л., 1955), служит методологической моделью для разработки общих проблем отечественного источниковедения (в трудах А. А. Курносова и др.). Настойчиво и увлекательно пропагандировала Люблинская использование данных естественных наук в исторических исследованиях. Большое признание получили подготовленные ею публикации документов по истории Франции.

На заседании были прочитаны пять докладов на специальные научные темы: «Парижский договор 1259 г. и его место в истории англо-французских отношений» (Н. И. Басовская, МГИАИ), «Была ли Мария из Авиньона предшественницей Жанны д'Арк?» (В. И. Райцес), «Экономические и этические стороны собирательства вырезанных миниатюр из средневековых рукописей» (И. П. Мокрецов), «Об особенностях французского варианта развития абсолютизма» (В. Н. Малов, ИВИ), «Политическое завещание Ришелье» (Л. Л. Альбина)². Собственно археологические темы были затронуты в докладах В. И. Райцеса, И. П. Мокрецовой и Л. Л. Альбиной. В. И. Райцес (ЛГПИ) представил идейный и психологический анализ «Видений и откровений, бывших Марии Робин» на

¹ Изв. 1987. 3 окт.

² Предполагается публикация отчета о заседании с более подробным изложением содержания докладов в сб. «Французский ежегодник».

основе изучения по фототипическому воспроизведению единственной рукописи, содержащей этот памятник (XV в.), которая хранится в муниципальной библиотеке г. Тура *И. П. Мокрецова* (ВНИИР) посвятила свой доклад своеобразным памятникам средневековой книжной миниатюры, которые одновременно являются памятниками истории собирательства предметов средневекового искусства в конце XVIII–XIX столетиях, а именно: коллекциям миниатюр, вырезанных из средневековых рукописей, в виде коллажей, альбомов или подборок в папках. Мокрецова представила результаты исследования двух коллажей и одного альбома, хранящихся в ГБЛ, обратив особое внимание на миниатюру в джоттовской манере, образцы английской книжной миниатюры XIII в. Кроме того, она познакомила собравшихся с коллекцией итальянских миниатюр конца XII–XIV вв., хранящейся в архиве ЛОИИ. *Л. Л. Альбина* (ГПБ) сообщила о подготовке во Франции критического издания «Политического завещания» Рипшеле и показала, как изучение списков памятника, его

редакций, отдельных этапов работы автора помогают раскрытию подлинных политических установок Рипшеле.

В прениях приняли участие *Е. В. Бернадская* (ГПБ), *Н. Е. Копосов* (ЛГУ), *П. А. Конаков* (ГЭ), *И. И. Фролова* (ГПБ). *Е. В. Бернадская* указала на необходимость скорейшего издания в связи с приближающейся двухсотлетней годовщиной Великой французской революции подготовленного Люблинской каталога документов из архива Бастилии, хранящихся в ГПБ, и высказала пожелание, чтобы в издание было включено описание 30 рукописных книг из того же архива, принадлежавших арестованным лицам, которое не вошло в каталог, ранее отпечатанный на роталпринте.

Завершая заседание, *С. О. Шмидт* сказал, что оно явилось как бы продолжением деятельности *А. Д. Люблинской*, и выразил поддержку идее написания монографии о творческом пути *А. Д. Люблинской* как виднейшего представителя советской исторической науки.

В. И. Мажуга

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. А. КНЯЗЕВА

100-летие со дня рождения выдающегося советского архивиста и историка, доктора исторических наук *Георгия Алексеевича Князева* (1887–1969) Архив Академии наук СССР, который он возглавлял около 40 лет, отметил торжественным заседанием Ученого совета и собранием сотрудников в Ленинградском отделении Архива.

В выступлении директора Архива АН СССР *Б. В. Левшина* на Ученом совете был очерчен путь неустанной трудовой деятельности *Г. А. Князева* в архивах страны, главным образом в Архиве АН СССР, а также показан его крупный теоретический и практический вклад в советское архивоведение, развитие архивного дела в Академии наук СССР, в подготовку кадров архивистов в Ленинградском государственном университете.

В Ленинградском отделении Архива АН

СССР с рассказом об архивном фонде *Г. А. Князева* выступила *А. Н. Анфертьева*; воспоминаниями о *Г. А. Князеве* поделился с присутствовавшими *Ю. А. Виноградов*. Затем была прослушана фонозапись голоса *Г. А. Князева* из фонотеки Архива.

На юбилейной выставке были показаны более 100 документов из личного фонда *Г. А. Князева* – дневники периода блокады Ленинграда (использованные в «Блокадной книге» *Д. Гранина* и *А. Адамовича*), фотографии, книги и статьи. Часть этого архивного наследия ученого была подарена его женой и верной помощницей *М. Ф. Князевой*, которой в этом году исполнилось 97 лет. В телеграмме участникам торжественного собрания она пожелала успехов в работе сотрудникам Архива АН СССР.

Ю. А. Виноградов

К 100-ЛЕТИЮ И. А. ГОЛУБЦОВА

22 сентября 1987 г. в Институте истории СССР АН СССР состоялось заседание сектора истории СССР периода феодализма, посвященное 100-летию со дня рождения видного представителя первого поколения советских историков, доктора исторических наук *Ивана Александровича Голубцова*¹.

Во вступительном слове заведующий сектором *А. А. Преображенский* коснулся

истории плодотворного и нелегкого творческого пути *И. А. Голубцова*, а также дал высокую оценку его научному наследию. Деятельность ученого развивалась по нескольким направлениям. Интересы ученого лежали в области архивоведения и археографии, исторической географии и источниковедения. Длительная работа в различных архивах страны позволила ему стать одним из

¹ См.: [Шапов Я. Н.] Иван Александрович Голубцов (1887–1966) // АЕ за 1966 год. М., 1967. С. 439–444; Черепнин Л. В. И. А. Голубцов – ученый и человек // АЕ за 1969 год. М., 1970. С. 184–191.

лучших знатоков архивных фондов. Что касается источниковедения, то в этом плане показательна работа И. А. Голубцова над публикацией Актов Северо-Восточной Руси, которая стала образцом для последующих изданий подобных документов.

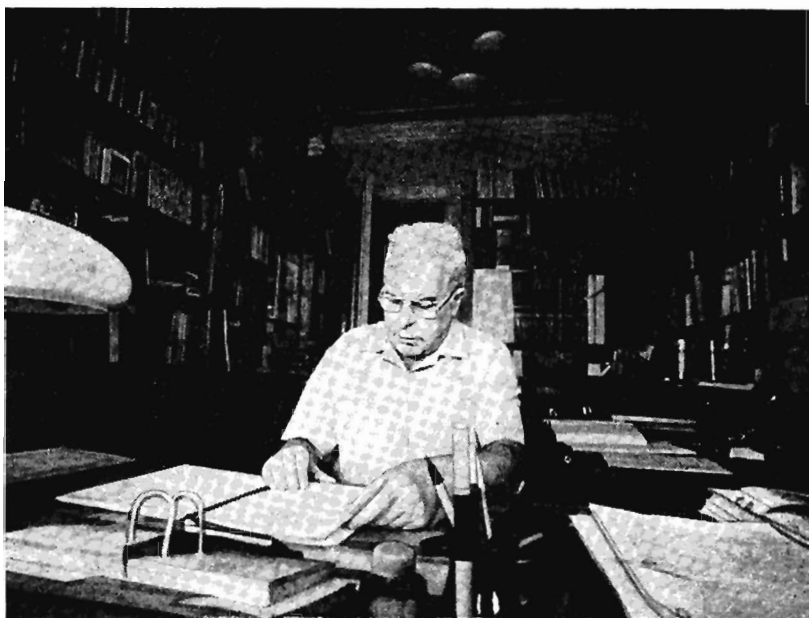
Трудно переоценить вклад И. А. Голубцова в развитие исторической картографии, начинателем которой он являлся. На основе исследовательского подхода, подчас с использованием архивного материала, им были созданы сотни историко-географических карт, которые широко использовались для преподавания в школах, печатались в учебных пособиях, атласах, вошли в коллективные труды («Очерки истории СССР», «История Москвы» и др.). И. А. Голубцовым было также написано несколько конкретно-исторических работ по истории Смутного времени, которые несмотря на небольшой объем, не потеряли своего научного зна-

чения и сегодня. А. А. Преображенский охарактеризовал замечательные человеческие черты И. А. Голубцова — честное служение науке, поразительное трудолюбие и скромность.

На заседании выступила дочь ученого *Е. И. Самгина* с обзором фонда И. А. Голубцова, переданного в ГИМ. Она также рассказала о своей работе по изучению и описанию фонда¹. Было заслушано несколько выступлений сотрудников сектора, хорошо знавших Ивана Александровича по совместной работе. С обстоятельными воспоминаниями выступила *Е. Н. Кушева*; тепло говорили об И. А. Голубцове *Г. А. Некрасов*, *И. А. Булыгин*, *А. Л. Хорошкевич*. В ходе заседания было высказано предложение о подготовке научной биографии И. А. Голубцова, издании оставшихся неопубликованными трудов ученого.

Е. Ю. Люткина

¹ См.: *Самгина Е. И.* Фонд И. А. Голубцова в Отделе письменных источников в Государственном историческом музее // АЕ за 1986 год. М., 1987.

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ТАРНОВСКИЙ (1921—1987)

8 июля 1987 г. перестало биться сердце видного советского историка, ведущего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР, члена Археографической комиссии АН СССР, профессора Московского историко-архивного института, доктора исторических наук Константина Николаевича Тарновского. К. Н. Тарновский родился 7 октября 1921 г. в семье сельского учителя на Смоленщине. В 1939 г. с первого курса Института истории, философии и литературы он был призван в Красную Армию. Восемь лет жизни в лучшую ее пору было отдано военной службе. Из них четыре года — война, действующая армия, передовая. Военная биография Константина Николаевича складывалась неспроста. Были не только горечь отступления, тяготы фронтовых дней и ночей. Были и фашистский плен, через несколько суток дерзкий побег, возвращение к своим... Закончил войну офицером-артиллеристом, кавалером боевых орденов.

В 1947 г. Константин Николаевич возобновил учебу, теперь на историческом факультете Московского государственного университета. Среди его преподавателей было немало известных ученых, оставивших заметный след в науке. Этим, возможно, во многом объясняются приписанные Константину Николаевичу как ученому широта научного кругозора, основательность и глубина исследовательского подхода, постоянный интерес

к занятиям археографией и источниковедением. К какому бы периоду отечественной истории ему ни приходилось обращаться, его неизменно привлекали острые, дискуссионные проблемы. Время, в которое Константину Николаевичу довелось вступить на научное поприще — середина 50-х годов — открывало, как казалось, пути для изучения и обсуждения именно таких «горячих» вопросов науки. Особенно настоятельно влекли к себе исследователей те кардинальные проблемы отечественной истории, которые не подлежали творческому обсуждению с середины 30-х годов и были признаны раз навсегда решенными. К их числу относилась проблема социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции — важнейшая проблема истории российского империализма. Ей суждено было стать центральной в творчестве К. Н. Тарновского. Ее разработка посвящена его кандидатская диссертация, позднее опубликованная в виде монографии («Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны (на примере металлургической промышленности)». М., 1958). Эта первая книга Константина Николаевича была основана на широком круге источников, разысканных им не только в государственных архивах, но и у родственников одного из финансово-промышленных деятелей дореволюционной России.

Свои занятия историей российского

империализма он начинал под руководством А. Л. Сидорова. Как и его учитель, Константин Николаевич с первых шагов на научном поприще успешно сочетал конкретно-исторические исследования с работой археографа — поиском и публикацией исторических источников. Заметной вехой в начале его творческого пути стало участие в комментировании и издании мемуаров С. Ю. Витте (*Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2*).

Константин Николаевич не ограничивался конкретно-историческим изучением избранной темы. На рубеже 50–60-х годов советская историческая наука под благотворным влиянием XX съезда партии остро нуждалась в осмыслении уже сделанного, без чего невозможно было верно определить насущные задачи ее развития. Ученые Института истории АН СССР откликнулись публикацией фундаментального сборника статей «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС» (М., 1962). Одним из главных инициаторов и редакторов этого издания стал К. Н. Тарновский. Он принадлежал к числу тех, кто наиболее отчетливо ощутил потребность обратиться к исследованию истории советской исторической науки. В нем очень рано открылся редкий талант — показывать поступательный ход исторической мысли, анализировать мнения сторон в дискуссиях. Это заметно уже в статье «Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян» (ВИ. 1954. № 4), посвященной генезису феодализма. Но в полной мере дарование Константина Николаевича как историка исторической науки проявилось в его исследованиях по историографии российского империализма. Сегодня с полным правом можно назвать классической его монографию «Советская историография российского империализма» (М., 1964). В ней аналитически тонко прослежено изменение понимания особенностей высшей стадии капитализма в России в ходе освоения историками ленинского творческого наследия, накопления новых фактов. Особенность этой работы состоит и в том, что она раскрывает связь развития исторической мысли с общественно-политической жизнью в стране, связь, которая была так сильна в 20-х — начале 30-х годов и оказалась столь ослабленной впоследствии.

В короткое время ученый подготовил ряд крупных разделов для «Очерков истории исторической науки в СССР» (М., 1966. Т. IV; М., 1985. Т. V) и статей¹, в которых исследованы не только изучение советскими историками высшей стадии капитализма в России, но и историография аграрной истории периода империализма.

Собственные конкретно-исторические работы и осмысление огромной литературы привели Константина Николаевича

к убеждению, что советские историки, работающие над раскрытием закономерности социалистической революции в нашей стране, встали перед необходимостью исследовать взаимодействие укладов в российской экономике XX столетия. Одним из первых взялся за решение этой задачи наряду с И. Ф. Гиндиным и другими историками К. Н. Тарновский. В статье, помещенной в сборнике «Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности» (Свердловск, 1972), а особенно в автореферате докторской диссертации «Проблемы социально-экономической истории империалистической России на современном этапе советской исторической науки» (М., 1970) ему удалось дать стройное и логичное обобщение многообразного материала своих исследований и работ других ученых, а также творческих дискуссий конца 50-х — 60-х годов, подвести итоги важного этапа изучения империализма в России. В результате была дана ясная, основанная на анализе трудов В. И. Ленина и полученных наукой выводов концепция причин, обусловивших неизбежность перерастания буржуазно-демократической революции в России в социалистическую.

Научное и политическое значение выводов исследований К. Н. Тарновского несомненно. Постановка проблемы многоукладности социально-экономической структуры дореволюционной России и типологии ее капиталистической эволюции знаменовали собой определенный рубеж в развитии одного из важнейших направлений советской исторической науки и в то же время были призваны способствовать постановке очередных исследовательских задач для дальнейших научных разработок. Но уже намечавшийся, казалось, новый подъем в изучении социально-экономических предпосылок Великого Октября сменился спадом и застоєм. Выводы, содержащиеся в работах ряда ученых, в том числе и Константина Николаевича, были подвергнуты недобросовестной критике, на которую не давали возможность ответить. Книга, уже стоявшая в плане выпуска, не увидела света. Докторская диссертация не была утверждена. Навалилась тяжелая болезнь. Вряд ли заслуживал бы упрека человек, попавший в схожие обстоятельства, за то, что вообще оставил науку. Константин Николаевич не оставил. Не предал свои научные идеи. Он выступал и победил. Потому что пришел в науку не ради приобретения званий и высоких должностей, а ради служения поиску научной истины. Потому что жил наукой, работой. Работать для него было так же естественно и необходимо, как дышать.

Лишенный возможности продолжать разработку общих проблем социально-экономической истории и историографии

¹ Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (1917 — начало 1930-х годов) // ИЗ. М., 1965. Т. 78. Проблемы аграрной истории России периода империализма (конец 1930 — первая половина 1950-х годов) // ИЗ. 1969. Т. 89; Проблемы аграрной капиталистической эволюции России // История СССР. 1970. № 3; и др.

России периода империализма, К. Н. Тарновский с середины 70-х годов сосредоточился на изучении социально-политической истории страны, истории большевизма, опубликовав две монографии по истории ленинской «Искры» («24 декабря 1900 г.» (М., 1977); «Революционная мысль, революционное дело: Ленинская «Искра» в борьбе за создание марксистской партии в России» (М. 1983), являвшаяся его новой докторской диссертацией, блестяще защищенной в 1982 г. в ЛОИИ), научно-популярную книгу, изданную в нашей стране и ГДР (Ленинская «Искра». История создания и распространения. М.; Лейпциг, 1981. 2-е изд. 1984. Совм. с В. Н. Степановым и К. Вигелем), целую серию других работ, посвященных анализу ленинского теоретического наследия, источниковедческому и археографическому изучению трудов В. И. Ленина. При участии К. Н. Тарновского были опубликованы новые архивные документы по истории русской организации «Искры» (Прометей. М., 1967. № 3), статья (совместно с З. Н. Тихоновой) об археографических приемах подготовки издания переписки В. И. Ленина и редакции «Искры» с социал-демократическими организациями в России в 1900—1903 гг. (АЕ за 1980 год. М., 1981).

При разработке истории «Искры» комплексный, обобщающий подход автора позволил показать, что «Искра» явилась идеологическим и организационным центром революционно-освободительного движения нового типа, во главе которого стоял пролетариат и которое представляет собой прообраз современного революционного процесса. Этот вывод базировался на исследовании всех сторон деятельности В. И. Ленина по созданию партии нового типа и функционирования искровской организации. Многолетние занятия социально-экономической проблематикой истории России периода империализма определили особый методологический подход Тарновского к изучению истории пролетарского этапа освободительного движения в России. Автор, развивая ленинские идеи, идет от показа особенностей (типа) социально-экономической структуры и эволюции капиталистической России к выявлению основных социальных противоречий в стране, специфики расстановки классовых сил, условий классовой борьбы и т. п., предопределивших формирование нового типа революционного движения в стране, особенностей буржуазно-демократической и социалистической революций в стране, образование в России марксистской партии нового типа.

Разработка К. Н. Тарновским проблемы типологии исторического развития России проявилась не только в изучении истории освободительного движения в России, но была продолжена на совершенно новом, не исследованном до сих пор материале — в 1983 г. он завершил фундаментальную монографию о мелкой промышленности России в конце XIX — начале XX в., которая ждет публикации.

Константин Николаевич, блестяще сочетая в себе талант оригинального исследователя с незаурядными способностями к теоретическим обобщениям, находился в постоянном научном поиске. Он всегда был готов поделиться результатами своей работы. Все это привлекало к нему людей, сделало его, по существу, неформальным лидером научного направления по изучению социально-экономической истории российского империализма. Не случайно он возглавлял иногда формально, а часто фактически научные коллективы по написанию таких серьезных обобщающих трудов, как VI т. академической «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» (М., 1968 г.; зам. ответственного редактора и фактический редактор тома после смерти в 1966 г. проф. А. Л. Сидорова), V т. «Очерков истории исторической науки в СССР» (М., 1985; член редколлегии по периоду империализма и автор § 1 гл. 5-й).

Важнейшей особенностью и важнейшим достоинством научного творчества К. Н. Тарновского является концептуальность его мышления. Редкий дар точно показать значение частного, иногда даже мелкого результата научного исследования для решения кардинальной проблемы, умение ясно видеть предпосылки и следствия исторических событий — все это отличает труды Константина Николаевича и обещает им долгую жизнь. По той же причине ему так удавались преподавательская работа, выступления по телевидению, создание популярных очерков, которые содержат изложение истории СССР с древнейших времен до наших дней и издавались не только в стране, но и за рубежом.

Значителен вклад К. Н. Тарновского в советскую археографию и разработку проблем источниковедения отечественной истории. Константин Николаевич никогда не прекращал работы в архивах Москвы и Ленинграда и, считая изучение и публикацию исторических источников важнейшим делом каждого историка и архивиста, прививал студентам любовь и уважение к документу.

В 1978—82 гг. при его активном участии была издана фундаментальная публикация «Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915—1918 гг.» (Вып. I—VI; к вып. IV—VI им были написаны обстоятельные исследовательские статьи).

Последняя научная работа, подготовленная Константином Николаевичем к печати, — публикуемая в настоящем томе статья о ленинских «Тетрадах по империализму» как источнике для познания ленинской лаборатории исследования.

Имя Константина Николаевича Тарновского останется в науке. В памяти и в сердцах наших останется образ яркого, талантливого ученого, человека высочайшей интеллигентности, разносторонней одаренности, большого мужества, доброты и благородства.

Б. Б. Дубенцов

**ЗИНАИДА ВЛАДИМИРОВНА
УДАЛЬЦОВА
(1918—1987)**

29 сентября 1987 г. скоропостижно скончалась член-корреспондент АН СССР, один из основоположников советского византиноведения, директор Института Всеобщей истории АН СССР Зинаида Владимировна Удальцова. Автор более 300 научных исследований, З. В. Удальцова внесла большой вклад в изучение истории Византии, Италии, стран Юго-Восточной Европы, в разработку типологии генезиса и развития феодализма, историографии и источниковедения истории средних веков. Многие годы со времени основания Археографической комиссии З. В. Удальцова активно участвовала в ее работе, была членом бюро Комиссии.

З. В. Удальцова родилась в Кисловодске 5 марта 1918 г. В 17 лет она поступила на Исторический факультет МГУ, а после его окончания в 1940 г. была принята в аспирантуру, где работала под руководством крупнейшего советского медиевиста академика Е. А. Косминского. Война прервала ее научные занятия. В 1941–1943 гг. в эвакуации в Бугуруслане З. В. Удальцова преподавала всеобщую историю в Учительском институте. Вернувшись в Москву в 1943 г., она продолжила исследования по только возрождавшейся в те годы специальности – истории Византии – и в 1945 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию «Борьба партий в Византии в XV в. и деятельность Виссариона Никейского». В этой работе были показаны внутренние причины упадка Византии, вызвав-

шие раскол в византийском обществе накануне османского завоевания.

С 1948 г. З. В. Удальцова работала в Институте славяноведения и балканистики, Институте истории, затем – Институте всеобщей истории АН СССР, пройдя путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором истории Византии, директора института (1980–1987). Одновременно она успешно занималась педагогической деятельностью: в 1945–1947 гг. – в Заочной партийной школе при ЦК КПСС, в 1948–1987 гг. – на кафедре истории средних веков МГУ, которую возглавляла в 1982–1986 гг. Оставаясь профессором университета до последних дней жизни, З. В. Удальцова подготовила более двух десятков учеников, докторов и кандидатов наук. Она явилась основателем школы византинистов в МГУ. Как учителю ей была чужда мелочная опека, она всегда стремилась к максимальному раскрытию творческих возможностей своих учеников, направляя их поиск в русло наименее изученных и актуальных проблем. Она всегда была поборником сотрудничества ученых университета и академических институтов, выступала против косности и ведомственной разобщенности.

В 50–60-е годы З. В. Удальцова много и настойчиво трудилась над проблемой перехода от рабовладения к феодализму в Византии, странах Западной и Юго-Восточной Европы. Помимо многочисленных статей на эту тему, ею была написа-

на фундаментальная монография «Италия и Византия в VI в.» (М., 1959), годом позже защищенная как докторская диссертация. В книге затронут очень широкий круг вопросов: социально-экономическое развитие Остготского королевства, классовая борьба в нем, история византийского завоевания Италии и политики империи на Апеннингах, административное устройство византийской Италии. Но все эти сюжеты как бы сфокусированы на ключевом моменте — генезисе феодальных отношений. В работе в полной мере проявились лучшие качества З. В. Удальцовой как исследователя-источниковеда. Ею, в частности, впервые были использованы для раскрытия этой темы данные равеннских папирусов наряду с широким кругом как византийских, так и западноевропейских нарративных, законодательных, риторических и эпистолярных источников.

Историографические исследования также занимали большое место в творчестве З. В. Удальцовой: она регулярно, с завидным постоянством, помещала историографические статьи и обзоры на страницах «Византийского временника», «Вопросов истории», «Коммуниста», «Вестника АН СССР» и многих других советских и зарубежных изданий. Итоги развития византиноведения в нашей стране были подведены ею в соответствующих главах «Очерков истории исторической науки в СССР» и особенно в монографии «Советское византиноведение за 50 лет» (М., 1969). Давая критическую оценку развитию науки, З. В. Удальцова выявляла не только важнейшие достижения, но и существеннейшие лакуны, многие из которых впоследствии были заполнены трудами как самой Зинаиды Владимировны, так и других византинистов, ее учеников и коллег.

В последние годы жизни З. В. Удальцова плодотворно работала над изучением культуры и идеологии Византии. Ее перу принадлежат монографии «Идейно-политическая борьба в ранней Византии» (М., 1974), «Византийская культура» (М., 1988). Интересным аспектом этих и многих других специальных исследований З. В. Удальцовой является анализ мировоззрения византийских историков и хронистов, отражения в нем острого противоборства различных политических сил и группировок. И вновь в этих сочинениях источниковед неотделим от историка, на этот раз — историка культуры. З. В. Удальцова участвовала в подготовке изданий многих исторических источников, являясь заместителем председа-

теля редколлегии серии «Памятники исторической мысли» и членом редколлегии серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы». Она была инициатором издания и автором вступительной статьи к «Войне с готами» Прокопия Кесарийского (М., 1950).

Не часто дар исследователя и педагога счастливо сочетается с даром организатора науки, как было у З. В. Удальцовой. Директор ведущего института, заведующий кафедрой, редактор «Византийского временника» и «Вестника древней истории», Председатель Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Закономерности исторического развития и смены общественно-экономических формаций», член бюро Научного совета по исследованию проблем мира и разоружения — таков далеко не полный список тех высоких постов в науке, которые с честью и достоинством, защищая науку от некомпетентности и передко бюрократического произвола, занимала Зинаида Владимировна. В немалой степени мы обязаны именно ей такими фундаментальными изданиями, как «История Византии» в трех томах (М., 1966), «История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма» (Т. 1–3. М., 1985–1986), «Культура Византии» в трех томах (Т. 1. М., 1984. Т. 2–3 — в печати). Под руководством З. В. Удальцовой готовился к печати новый вузовский учебник по истории средних веков. Много труда вложила она в издание «Всемирной истории» и «Истории Европы».

Велик был международный авторитет З. В. Удальцовой. Она участвовала во всех Международных конгрессах византинистов, начиная с X (1955 г.), многочисленных научных конференциях в СССР и за рубежом, избиралась членом бюро и вице-президентом Международной ассоциации византинистов, членом ряда иностранных научных обществ и академий.

Зинаида Владимировна была обаятельным человеком. Она любила жизнь во всех ее сложностях и противоречиях, она щедро делилась знаниями, стремилась помочь всем, кто к ней обращался. Но доброжелательность сочеталась в ней с твердостью и принципиальностью в отстаивании идейных позиций, высоких духовных ценностей. Кончина З. В. Удальцовой — невосполнимая утрата для советских историков, для всех, кто ее знал, кто у нее учился и кто с ней работал.

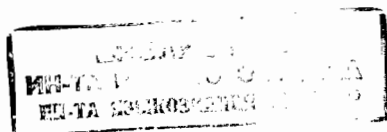
С. П. Карпов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН — Архив Академии наук СССР
- ААЭ — «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи, Археографической экспедицией Академии наук»
- АВПР — Архив внешней политики России Историко-дипломатического управления МИД СССР
- АД — «Архивное дело»
- АЕ — «Археографический ежегодник»
- АИ — «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией»
- АК — Археографическая комиссия АН СССР
- АЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР
- АММС — «Акты Московских монастырей и соборов 1509–1609 гг. из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря»
- АРГ — «Акты Русского государства 1505–1526 гг.»
- АСЭИ — «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.»
- АФЗХ — «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков»
- АЮБ — «Акты, относящиеся до юридического быта древней России»
- БАН — Библиотека АН СССР
- БИОН — Бурятский институт общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР
- БСЭ — «Большая советская энциклопедия»
- ВА — «Вопросы архивоведения»
- ВАН — «Вестник АН СССР»
- ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина
- ВГПИ — Вологодский государственный педагогический институт
- ВДИ — «Вестник древней истории»
- ВИ — «Вопросы истории»
- ВИД — «Вспомогательные исторические дисциплины»
- ВИЖ — «Военно-исторический журнал»
- ВИ КПСС — «Вопросы истории КПСС»
- ВНИИДАД — Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
- ВНИИР — Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации
- ВОКМ — Вологодский краеведческий музей
- ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
- ВФ — «Вопросы философии»
- ГА — Государственный архив
- ГАКО — Государственный архив Калининской области
- ГАУ СССР — См.: Главархив СССР
- ГАФ — Государственный архивный фонд СССР
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
- ГВНП — «Грамоты Великого Новгорода и Пскова»
- ГИМ — Государственный Исторический музей
- ГК РСФСР — «Гражданский кодекс РСФСР»
- Главархив СССР — Главное архивное управление при Совете Министров СССР
- ГММ — Государственный мемориальный музей
- ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
- ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека РСФСР
- ГПНТБ СО АН — Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения АН СССР
- ГЭ — Государственный Эрмитаж
- ДАИ — «Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией»
- ДДГ — «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.»
- ЕГАФ — Единый государственный архивный фонд РСФСР
- ИА — «Исторический архив»
- ИВАН — Институт востоковедения АН СССР
- ИВИ — Институт всеобщей истории АН СССР
- ИЖ — «Исторический журнал»
- ИЗ — «Исторические записки»
- ИИФФ СО АН — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР

ИИЯЛ ДФАН — Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
 ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
 ИРЯ — Институт русского языка АН СССР
 ИЯЛИ БНЦ — Институт языка, литературы и истории Башкирского научного центра
 ИЯЛИ КФАН — Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР
 КА — «Красный архив»
 КГУ — Казанский государственный университет
 КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет
 ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт
 ЛКРД — Лаборатория консервации и реставрации документов АН СССР
 ЛО ААН — Ленинградское отделение Архива АН СССР
 ЛО ИВАН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
 МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции
 МГА МИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел
 МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
 МГПИ — Московский государственный педагогический институт
 МГУ — Московский государственный университет
 МОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете
 НБ АН УССР — Научная библиотека АН УССР во Львове
 НБ МГУ — Научная библиотека Московского государственного университета
 НГУ — Новосибирский государственный университет
 ННИ — «Новая и новейшая история»
 ОИДР — Общество истории и древностей российских
 ОКМ — Областной краеведческий музей
 ОЛДП — Общество любителей древней письменности
 ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
 ОР БАН — Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР
 ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
 ОР ГПБ — Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ОР ГТГ — Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи
 ОР ЦНБ АН УССР — Отдел рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР
 ПА ИИП при ЦК КПБ — Партийный архив Института истории партии при ЦК КПБ
 ПГУ — Пермский государственный университет
 ПИХМ — Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
 ПОКМ — Пермский областной краеведческий музей
 ПР — «Пролетарская революция»
 ПСЗ — «Полное собрание законов Российской империи»
 ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей»
 ПСЭИ — «Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVIII вв.»
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 РЛ — «Русская литература»
 РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР
 СА — «Советские архивы»
 Сб. ОРЯС — «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук»
 СВ — «Средние века»
 СГПИ — Свердловский государственный педагогический институт
 СГУ — Сыктывкарский государственный университет
 СЗ СССР — «Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР»
 СИЭ — «Советская историческая энциклопедия»
 СП СССР — «Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР»
 СУ — «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства»
 ТГПБ — «Труды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина»
 ТВНИИДАД — «Труды Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела»
 ТМГИАИ — «Труды Московского государственного историко-архивного института»
 УГУ — Уральский государственный университет
 ЦАУ — Центральное архивное управление при ВЦИК СССР

ЦГА — Центральный государственный архив
 ЦГА ВМФ — Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
 ЦГАЗ СССР — Центральный государственный архив звукозаписей СССР
 ЦГАЛИ СССР — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
 ЦГА НТД СССР — Центральный государственный архив научно-технической документации СССР
 ЦГАНХ СССР — Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
 ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и г. Москвы — социалистического строительства г. Москвы
 ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
 ЦГА РСФСР — Центральный государственный архив РСФСР
 ЦГАСА — Центральный государственный архив Советской Армии
 ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР
 ЦГИА — Центральный государственный исторический архив г. Москвы
 ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР
 ЦГИА УССР — Центральный государственный архив УССР во Львове
 ЦМР — Центральный музей Революции СССР
 ЦНБ АН УССР — Центральная научная библиотека АН УССР
 ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
 ЦПА ИМЭЛ — Центральный партийный архив Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КПСС
 ЧГУ — Челябинский государственный университет
 ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете»
 ЯГУ — Ярославский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

К. Н. Тарновский. «Тетради по империализму» как часть личного научного архива В. И. Ленина: время создания, структура, принципы организации	3
В. В. Цаплин. Вклад ЦГАНХ СССР в развитие советского архивного дела	16
В. Ю. Афиани. Начало журнальной археографии в России в XVIII в.	26
С. М. Каштанов. Современные принципы издания латинских грамот (часть пятая)	35

* * *

Г. В. Семенченко. О хронологии троичских актов второй половины XV в.	45
В. П. Козлов. Направления и формы собирания письменных источников в России в конце XVIII — первой четверти XIX в.	54
Н. И. Миронец (Киев). Публикация сборников революционных песен в 1917—1922 гг.	65
М. Ф. Шумейко (Минск). Деятельность Истнарта ЦК КП(б) Белоруссии по созданию источниковой базы историко-партийной науки в 1920-е годы	73
В. А. Кондратьев. О выявлении и публикации писем борцов за социалистическую революцию и победу Советской власти (на примере сборника «Письма славы и бессмертия»)	82
Е. М. Добрушкин. О некоторых вопросах изучения терминологии и истории археографии	92
Э. И. Ханпира. Архивоведческое терминоведение: из опыта словарной работы	103
Т. М. Горяева, Е. Л. Луначарский. Документальный фонд советской радиожурналистики	119
Л. П. Шохин, Н. В. Калачов во главе Московского архива министерства юстиции (по неопубликованным документам)	132
Н. П. Приймак (Ленинград). Разработка С. Н. Валком источниковедения ленинского наследия в 20—30-е годы	144
В. П. Булдаков, А. И. Разгон, А. Я. Грунт — историк Великого Октября	153
Н. Н. Болховитинов. Академик А. Л. Нарочницкий как исследователь и публикатор архивных источников (К 80-летию со дня рождения)	158
А. С. Покровский, Е. Н. Городецкий как археограф и источниковед истории Великого Октября (К 80-летию со дня рождения)	164
Л. А. Молчанов. Деятельность Е. А. Лудского в области источниковедения и археографии истории Великой Октябрьской социалистической революции (К 80-летию со дня рождения)	177

Тихомировские чтения 1987 года

Н. А. Охотина. Хроника заседания	183

II. Обзоры, описания, библиография

С. О. Вялова (Ленинград). Глаголические рукописи XI—XVI вв. в хранилищах СССР	186
П. Гофман (ГДР). Деятельность А. Н. Радищева в Коммерц-коллегии (обзор материалов)	189
В. Г. Бухерт. Распространение подложных указов среди старообрядцев в первой половине XIX в.	200
Я. А. Ярославцев (Ленинград). Документы Литературного фонда о жизни и быте русских писателей второй половины XIX — начала XX в.	204
В. Е. Кельнер (Ленинград). Дневник В. А. Бильбасова (Из архива издателя и редактора)	210
А. А. Федунин. Обзор публикаций статистических источников о населении г. Москвы в 1917—1923 гг.	220
С. Б. Филимонов (Симферополь). Материалы периодики Центрального бюро краеведения 1920-х годов о собирании и использовании историко-революционных источников	229
А. П. Пшеничный. Руководитель советской архивной службы Я. А. Берзин	242

<i>И. Е. Земскова</i> . Обзор личного фонда писателя С. С. Смирнова в ЦГАЛИ СССР	250
<i>Г. И. Королев</i> . Публикации источников в зарубежных социалистических странах Европы по истории Великого Октября	260
<i>Н. С. Зелов</i> . Комплектование ЦГАОР СССР в 1975—1986 гг. документами участников Великой Октябрьской социалистической революции и борьбы за Советскую власть	269
<i>Д. В. Карев</i> (Гродно). Неопубликованные историко-географические труды М. К. Любавского	278
<i>В. С. Соболев</i> (Ленинград). Неопубликованная работа А. И. Андреева 1957 г. о развитии вспомогательных исторических дисциплин в СССР	284
<i>О. Б. Враская</i> (Ленинград), <i>Е. Э. Гранстрем</i> (Ленинград). Французская миниатюра в книжных собраниях Советского Союза	288
<i>Л. И. Киселева</i> (Ленинград). «Газета средневековой книги» (О новом периодическом издании западноевропейских медиевистов)	290
Список печатных трудов В. Э. Богграда (1917—1986) (сост. М. А. Бенина, предисл. <u>Л. А. Мандрыкиной</u>)	295

III. Публикации

Грамоты XIV—XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома (подг. Б. Н. Морозов)	298
Документы о попытке государственного переворота в октябре 1913 г. (подг. М. К. Шацилло)	309
Автобиография А. И. Маркевича (1934) (подг. В. Ф. Козлов)	312

IV. Хроника

<i>Н. А. Охотина</i> . Деятельность Археографической комиссии в 1987 г.	317
Новые издания Археографической комиссии	320
В Отделениях Археографической комиссии	320
<i>В. А. Черных</i> . Археографические экспедиции 1987 г.	321
<i>Н. А. Охотина</i> . Первое совещание по филигранологии	323
<i>В. А. Черных</i> . Первая Всероссийская выставка рукописных и старопечатных книг, собранных археографическими экспедициями	327
80-летие П. А. Колесникова	328
<i>В. И. Мажуга</i> (Ленинград). Заседание, посвященное памяти А. Д. Люблинской	328
<i>Ю. А. Виноградов</i> (Ленинград). Заседание, посвященное 100-летию со дня рождения Г. А. Князева	329
<i>Е. Ю. Люткина</i> . К 100-летию И. А. Голубцова	329
<i>Б. Б. Дубенцов</i> (Ленинград). Константин Николаевич Тарновский (1921—1987)	331
<i>С. П. Карпов</i> . Зинаида Владимировна Удальцова (1918—1987)	334
Список сокращений	336

Научное издание

**Археографический ежегодник
за 1987 год**

Утверждено к печати

Отделением истории Академии наук СССР

Редактор издательства Ю. Г. Гордина
Художественный редактор В. В. Алексеев
Технический редактор Л. И. Куприянова
Корректор Т. И. Чернышова

ИБ № 38362

Сдано в набор 27.01.88. Подписано к печати 10.06.88.
А-04913. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 30,1. Усл. кр. отт. 30,1. Уч.-изд. л. 34,5
Тираж 1500 экз. Тип. зак. 1358
Цена 6 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«НАУКА»
ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:**

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ, 1989 г.

20 л.

Сборник включает статьи о месте устной традиции и устных воспоминаний среди источников познания, о возрастании роли этого источника в современной науке, об опыте его выявления и изучения, накопленном в историографии, о теоретико-методических взглядах А. С. Лаппо-Данилевского, явившихся последним этапом развития буржуазного источниковедения, о научном использовании Троицкой летописи до ее гибели в московском пожаре 1812 г., об истории всех военно-конских переписей в России конца XIX – начала XX в. и др.

Литвак Б. Г.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

В 1775—1904 гг.

**Очерки истории
и методики изучения источников**

20 л.

Автор излагает историю публикации источников и характеризует документальные сборники, изданные в 20–80-х годах XX в. в РСФСР, закавказских республиках, Белоруссии и Прибалтике, на Украине и в Молдавии. В книге дан анализ формирования и развития методики изучения источников по истории крестьянского движения в переломный период разложения и кризиса феодальной системы и утверждения капитализма в России.

**МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ И ЭВМ
В ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

20 л.

Сборник содержит статьи исследователей, применяющих математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях, и продолжает серию книг, выпускаемых Комиссией по применению математических методов в исторических исследованиях с 1972 г.

**АКТЫ ПИСЦОВОГО ДЕЛА
60—80-х ГОДОВ XVII в.**

35 л.

Сборник является завершением издания выявленных академиком С. Б. Веселовским «Актów писцового дела», послуживших источниковедческой базой для его научного труда «Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посощного обложения Московского государства». (Т. I, II. М., 1915—1916). Частично «Акты писцового дела» были опубликованы при жизни ученого — т. I. М., 1913; т. II, вып. 1. М., 1917, а также посмертно — «Акты писцового дела (1644—1661 гг.)» (М.: Наука, 1977). Настоящее издание включает документы об организации и проведении земельных описаний (отдельное и валовое) и системы налогообложения в уездах европейской части России в 1669—1687 гг.

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СССР:

Материалы и исследования, 1987.

20 л.

Сборник посвящен памяти известного советского историка В. Т. Пашуто. В нем освещаются проблемы генезиса государственности, формирование удельных княжеств, укрепление феодальных отношений, внутренняя и внешняя политика феодальной Руси. Представлены статьи об исторических судьбах народов, населявших в прошлом территорию СССР. Кроме того уделяется внимание изучению русской общественно-политической мысли, преемственности исторических идей.

Заозерский А. И.

ФЕЛЬДМАРШАЛ Б. П. ШЕРЕМЕТЕВ;

(Научное наследие)

20 л.

Монография написана на основе большого количества архивных и печатных источников актового и эпистолярного характера. В ней раскрыты роль и значение Б. П. Шереметева, одного из сподвижников Петра I, в общественно-политической, военной и культурной жизни России в конце XVII — первой четверти XVIII в.

Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:

Адреса магазинов «Академкнига»:

480091 **Алма-Ата**, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370001 **Баку**, ул. Коммунистическая, 51 («Книга — почтой»);
232600 **Вильнюс**, ул. Университето, 4;
690088 **Владивосток**, Океанский проспект, 140 («Книга — почтой»);
320093 **Днепропетровск**, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 **Ереван**, ул. Туманяна, 31;
664033 **Иркутск**, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 **Казань**, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»);
252030 **Киев**, ул. Ленина, 42;
252142 **Киев**, проспект Вернадского, 79;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 2;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 **Кишинев**, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 **Краматорск**, Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049 **Красноярск**, проспект Мира, 84;
443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 **Ленинград**, Литейный проспект, 57;
199164 **Ленинград**, Таможенный пер., 2;
196034 **Ленинград**, В/О, 9 линия, 16;
197345 **Ленинград**, Петрозаводская ул., 7 («Книга — почтой»);
194064 **Ленинград**, Тихорецкий проспект, 4;
220012 **Минск**, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
103009 **Москва**, ул. Горького, 19а;
117312 **Москва**, ул. Вавилова, 55/7;
117192 **Москва**, Мичуринский проспект, 12 («Книга — почтой»);
630076 **Новосибирск**, Красный проспект, 51;
630090 **Новосибирск**, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
142284 **Противно** Московской обл., ул. Победы, 8;
142292 **Пушино** Московской обл., МР, «В», 1 («Книга — почтой»);
620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700000 **Ташкент**, ул. Ю. Фучика, 1;
700029 **Ташкент**, ул. Ленина, 73;
700070 **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43;
700185 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 **Томск**, наб. реки Ушайки, 18;
634050 **Томск**, Академический проспект, 5;
450059 **Уфа**, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 **Уфа**, ул. Коммунистическая, 49;
720000 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

6.30m

(C)

MONTELEONE «ITALIA»

1987